П. А. КАТЕНИН

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

П. А. КАТЕНИН

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вступительная статья, подготовка текста и примечания
Г. В. Ермаковой-Битнер

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД · 1965

П. А. Катенин (1792—1853) — даровитый поэт, интересный драматург и видный критик своего времени, друг Грибоедова и Пушкина. Активный деятель ранних декабристских организаций, Катенин создавал произведения, которые привлекали внимание современников не только оригинальностью художественных устремлений, мужественной энергией стиха, смелостью творческих экспериментов, но и пронизывавшим все его творчество пафосом свободолюбия. В свое время важным литературным событием были переводы Катениным пьес французских классиков — Корнеля и Расина. Пушкин писал в «Евгении Онегине»:

Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый.

Настоящий сборник объединяет все ценное из обширного литературного наследия поэта и является наиболее полным из всех изданий его сочинений.

П. А. КАТЕНИН

Павел Катенин — видный деятель ранних декабристских организаций, талантливый поэт и драматург — был истинным сыном своего времени, бурной эпохи 1812 года, когда в огне боев против угрозы иноплеменного порабощения окрепло чувство национальной гордости, сознание достоинства — человеческого и гражданского.

«Свободный образ мыслей я заимствовал, — писал член Северного общества Е. П. Оболенский, республиканец по своим воззрениям, — . . .сообществом с людьми образованными, делавшими кампанию 1812-го года. . .»[1] Одним из этих людей, пропагандистов «свободного образа мыслей» был и Павел Александрович Катенин.

Воспоминания современников воссоздают примечательный облик Катенина — вдохновенного оратора, личности, наделенной «необыкновенными природными дарованиями», необычайной памятью, блестящим остроумием.[2] «Славный человек, ум превосходный, высокое дарованье, пламенная душа. . .» — отозвался о нем Грибоедов.[3]

Катенин имел многих сторонников и единомышленников в среде передовых литераторов, хотя его творческие поиски зачастую и вызывали полемику. Он был писателем с резко выраженной индивидуальностью, который «шел всегда своим путем».[4] Среди поэтов

---

[1] «Восстание декабристов», т. 1. М.—Л., 1925, стр. 226.

[2] См.: Н. Макаров. Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя полная предсмертная исповедь, ч. 1. СПб., 1881, стр. 26—28; П. А. Каратыгин. Записки, т. 1. Л., 1929, стр. 104—107.

[3] А. С. Грибоедов. Письмо к С. Н. Бегичеву (июнь 1824). — Соч., М.—Л., 1959, стр. 546.

[4] А. С. Пушкин. Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. — Полн. собр. соч., т. 11. М.—Л., 1949, стр. 220. Далее ссылки на это издание (тт. 1—16. М.—Л., 1937—1950) даются сокращенно — с указанием тома и страницы.

пушкинской поры Катенин занимает особое место, отличаясь своеобразием творческого почерка.[1]

Основные принципы декабристской литературы кристаллизуются в послевоенный период, когда литературная деятельность декабристов тесно связывается с их общественно-политической борьбой. К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев, В. К. Кюхельбекер рассматривают литературу как важное средство патриотического и революционного воспитания. Подобно им Катенин признавал громадную силу «живого слова», считая перо публициста или сатирика действенным орудием протеста против обветшалых порядков русской самодержавной действительности.

Связав свою творческую судьбу с романтизмом, писатели-декабристы утверждали высокую общественную роль поэта, выдвигали требование гражданского содержания искусства. Эту точку зрения разделяет и Катенин. «Один из первых апостолов романтизма...», — сказал о нем Пушкин.[2]

Борьба за национальную самобытность и народность русской литературы, восходящая к XVIII веку, но получившая особенно широкое развитие после Отечественной войны, когда окрепло чувство национальной гордости, нашла яркого приверженца в лице Катенина, заслуги которого в этой области впоследствии отметил В. Г. Белинский, назвав его «поборником народности».[3] С бо́льшей глубиной, чем другие писатели-декабристы, Катенин выдвигал в своем творчестве не только проблемы народности, но и историзма.

Признания Грибоедова и Пушкина в том, какую важную роль в их литературной биографии сыграл Катенин, свидетельствуют о значительности его как творческой личности. Грибоедов писал, что Катенину он был обязан «зрелостию, объемом и даже оригинальностию» своего дарования.[4]

---

[1] Вопрос о роли Катенина в истории русской литературы получил глубокую разработку в трудах Ю. Н. Тынянова и В. Н. Орлова. См. статью Тынянова «Архаисты и Пушкин» (в его кн.: «Архаисты и новаторы». Л., 1929); статью Орлова «Катенин» (в сб.: П. Катенин. Стихотворения. «Библиотека поэта», Малая серия, Л., 1937) и в кн.: «Пути и судьбы» (М.—Л., 1963).

[2] Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. — Пушкин, т. 11, стр. 220.

[3] В. Г. Белинский. Речь о критике. — Полн. собр. соч., т. 6. М., 1955, стр. 321.

[4] А. С. Грибоедов. Письмо к П. А. Катенину от января 1825 г. — Соч., М.—Л., 1959, стр. 558.

Именно ему в 1818 году Пушкин протянул свою трость со словами: «Я пришел к вам, как Диоген к Антисфену: побей, но выучи».[1] Значительно позже, в 1826 году, Пушкин скажет, что Катенин отучил его от «односторонности в литературных мнениях» и высоко оценит его как критика.[2]

1

Катенин родился 11 декабря 1792 года в старинной дворянской семье в имении Шаёво Костромской губернии. Четырнадцатилетним юношей, в июле 1806 года, он приехал в Петербург и поступил на службу в министерство народного просвещения. В марте 1810 года Катенин переходит на военную службу и вскоре поступает в «первый полк российский» — лейб-гвардии Преображенский.

Став военным, молодой Катенин, автор ряда стихотворных произведений, уже посещавший тогда литературные салоны, в частности дом А. Н. Оленина — тонкого знатока античности, не оказался оторванным от литературной среды. Многие офицеры-преображенцы были литераторами: С. Н. Марин, А. В. Аргамаков, С. П. Потемкин, П. Ф. Шапошников и другие.

Имя С. Н. Марина, талантливого поэта-сатирика и автора лирических задушевных песен в народном духе, пользовалось известностью в петербургских литературных кругах; с успехом шла на сцене трагедия Расина «Гофолия» (1810) в переводе С. П. Потемкина и П. Ф. Шапошникова,[3] с которым Катенина связывала дружба. Литераторы-преображенцы были частыми посетителями литературных вечеров, происходивших в доме Державина. Дружественные связи Катенина с писателями-преображенцами имели для его творческого становления несомненное значение.

3 февраля 1811 года в Петербурге состоялась премьера трагедии Тома́ Корнеля (брата Пьера Корнеля) «Ариадна» в переводе Катенина. Пьеса имела успех у зрителей, на ее переводчика стали смотреть как на подающего надежды поэта-драматурга, а роль

---

[1] П. А. Катенин. Воспоминания о Пушкине. — «Литературное наследство», № 16—18. М., 1934, стр. 635.

[2] Письмо к Катенину от февраля 1826 г. — Пушкин, т. 13, стр. 262.

[3] Большая часть перевода (3-й, 4-й и 5-й акты) принадлежала П. Ф. Шапошникову. После Шапошникова, погибшего в 1812 году, «осталось много мелких замечательных стихотворений» (П. Арапов. Любовь к русской словесности и благородные спектакли в лейб-гвардии Преображенском полку. — «Северная пчела», 1857, 22 марта).

Ариадны стала одной из любимых ролей прославленной трагической актрисы Екатерины Семеновой.

В боях против наполеоновской армии Павел Катенин отважно сражается при Бородине, Люцене, Бауцене, Кульме, участвует в «битве народов» под Лейпцигом. При Бородине преображенцы все время находились под страшным перекрестным огнем неприятельской артиллерии, но ни пули, ни ядра не могли нарушить мужественной стойкости воинов.

17 августа 1813 года при Кульме Преображенский полк в течение десяти часов сражался с превосходящим по силам противником, беспрерывный бой переходил несколько раз в ожесточенную рукопашную схватку.[1] Катенин гордился своим участием в этом славном и кровопролитном сражении. Он пронес через всю свою жизнь как святыню воспоминания об Отечественной войне.

В 1814 году, вместе со своим полком, Катенин вступает в Париж и проводит там два месяца. В это время он имел возможность видеть знаменитых артистов французской сцены: Тальма, Марс, Дюшенуа, Потье, Брюне, Молле, с некоторыми из них он даже познакомился. Это имело большое значение для формирования его собственных взглядов на природу сценического мастерства. По свидетельству современников, сам Катенин был одаренным актером, а его заслуг как режиссера, воспитавшего через несколько лет В. А. Каратыгина, не могли отрицать даже его недоброжелатели.[2]

Отечественная война 1812 года обратила «умы к наблюдению законов внутреннего устройства государств»,[3] именно в послевоенные годы будущие декабристы осознали необходимость вступления на путь борьбы против крепостного права, деспотизма самодержавия. Катенин вошел в первую тайную организацию дворянских революционеров «Союз спасения», или «Общество истинных и верных сынов отечества».[4] Об активном его участии в нем говорят показания И. Д. Якушкина, А. Н. Муравьева, И. Г. Бурцова. П. И. Пестель указывал на «первенствующую» роль Катенина в промежуточной организации, стоявшей между «Союзом спасения» и «Союзом

---

[1] «История лейб-гвардии Преображенского полка» (1683—1883), т. 3. СПб., 1888, стр. 108.

[2] О том, как Катенин в течение двух лет каждый день занимался с В. А. Каратыгиным, см.: П. А. Каратыгин. Записки, т. 1, стр. 104—107.

[3] С. И. Муравьев-Апостол. Показания. — «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. 2. М., 1951, стр. 198.

[4] О роли Катенина в «Союзе спасения» см.: М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. 1. М., 1955, стр. 169—170.

благоденствия», — Военном обществе, которое образовалось к концу 1817 года в Москве, где в то время находились члены «Союза спасения» вместе с гвардией.[1]

Свидетельством республиканских взглядов Катенина, его ненависти к тирании может служить дошедшая до нас, к сожалению лишь в отрывке, революционная песня «Отечество наше страдает. . .». Скрытый политический смысл имеет и катенинский перевод отрывка из трагедии Пьера Корнеля «Цинна» (1817), утверждающий право на убийство императора-тирана.[2]

Как видно из показаний Артамона Муравьева, в Москве в 1817 году горячо обсуждался вопрос о покушении на жизнь Александра I, и Никита Муравьев вместе с Артамоном Муравьевым вызвался убить царя. Никита Муравьев был близким другом и политическим единомышленником Катенина, и вполне вероятно, что в вопросе о цареубийстве их взгляды были тождественны.

Мог быть приноровлен к современным событиям и имеет значение для характеристики взглядов Катенина и опубликованный им в том же 1817 году перевод фрагмента из дантовского «Ада» — «Уголин», обличающий предателя.[3] В 1817 году, когда членами тайных обществ обсуждался столь острый вопрос, как цареубийство, тема возможного предательства приобретала насущное политическое значение.

Документальных данных о причастности Катенина к «Союзу благоденствия» нет. По мнению некоторых исследователей, Катенину не могла импонировать тактика медленного «действия на мнения», принятая в «Союзе благоденствия».[4] Возможно, что между Катениным и его товарищами и возникли разногласия по вопросу тактики при ликвидации Военного общества. Но существует свидетельство Е. П. Оболенского и Я. Н. Толстого о том, что Катенин вошел в «политическое общество» «Союз добра и правды» (1819).[5] Членам его, согласно уложению, составленному А. А. Токаревым,

---

[1] «Восстание декабристов», т. 4. М.—Л., 1927, стр. 100—101.

[2] См.: Вл. Орлов. Пути и судьбы, стр. 16.

[3] Прозрачен смысл обширного примечания, имеющего маскировочный характер, которым Катенин сопроводил «Уголина». В нем поэт настаивает на чисто литературном значении предпринятого перевода, но если бы это соответствовало действительности, то специальное примечание было бы излишне.

[4] См.: Ю. Оксман. Воспоминания П. А. Катенина о Пушкине. — «Литературное наследство», № 16—18. М., 1934, стр. 625.

[5] Письмо Я. Н. Толстого к Николаю I от 26 июля 1826 г. — П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., 1931, стр. 62.

«поставлялось в обязанность стараться искоренять зло в государстве, заниматься изобретением новых постановлений, сочинением проектов для удобнейшего средства к освобождению крестьян...» и созданием «полных конституций...»[1]

Как справедливо заметил М. К. Азадовский, уложение «Союза добра и правды» являлось «перифразой общего Устава Союза благоденствия», а требование принимать участие в выработке конституций конкретизировало одиннадцатый параграф второй книги законоположения «Союза благоденствия».[2] Таким образом, «Союз добра и правды» был задуман как одно из «вольных обществ», которые способствовали дальнейшему распространению влияния «Союза благоденствия», являясь фактическими проводниками идей его устава — «Зеленой книги».[3]

«Союз добра и правды» существовал очень недолго, но участие в нем Катенина служит показателем того, что он и после 1817 года не отошел от политической деятельности. Преследования со стороны правительственных кругов, которым Катенин стал подвергаться с 1820 года, очевидно, помешали ему принять более активное участие в деятельности тайных обществ. Во всяком случае, все его поведение полностью соответствовало законам и нормам тайного общества декабристов, весь его нравственный облик был «декабристским».

В послевоенный период Катенин возглавил группу передовых литераторов, которые боролись за национальную самобытность и идейность литературы. Вспоминая их в 1833 году, Ксенофонт Полевой охарактеризует А. С. Грибоедова, В. К. Кюхельбекера, Катенина и А. А. Жандра как людей, глубоко понимающих романтизм и готовых «на все прекрасное — только под славянским знаменем».[4] Критик упомянул еще, не называя их имен, и «других», как принадлежащих к этому же направлению.

---

[1] Письмо Я. Н. Толстого к Николаю I от 26 июля 1826 г. — П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, стр. 62.

[2] М. К. Азадовский. Затерянные и утраченные произведения декабристов. — «Литературное наследство», т. 59. М., 1954, стр. 627.

[3] М. В. Нечкина опровергает концепцию А. Н. Пыпина, согласно которой «Союз благоденствия» был полулегальной организацией. «Союз благоденствия» сохранял основную программную цель «Союза спасения»: бороться с самодержавием и крепостничеством (М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. 1. М., 1955, стр. 186, 211). Следовательно, Катенин мог найти точки соприкосновения с членами «Союза благоденствия».

[4] Рецензия на «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина...». — «Московский телеграф», 1833, № 8, стр. 566—567.

К ним надо отнести издателя сочинений Катенина Н. И. Бахтина; автора статьи о «Руслане и Людмиле» — Д. П. Зыкова; переводчика Софокла, критика С. Ф. Яковлева. Единство этого литературного объединения было скреплено еще и близостью к декабризму. П. П. Каратыгин, племянник П. А. Каратыгина, писал в своей неопубликованной статье: «Роковая буря 14 декабря безвредно пронеслась над головою Катенина: он, Жандр и Грибоедов лично знали участников в страшной катастрофе; знали их как писателей, как людей... но не погубили себя соучастием с ними и не опозорили себя доносами на них. К этой группе людей истинно честных, свободно мыслящих, но и благоразумных должно причислить и Николая Ивановича Бахтина, друга Катенина...»[1] П. П. Каратыгин готовил эту статью к печати и потому выражался осторожно, но и в данной редакции его высказывание достаточно выразительно. Катенин был членом тайного общества; возможно, имел отношение к Северному обществу Грибоедов; на подозрении у правительства был Жандр, и к этой же «группе людей» П. П. Каратыгин причисляет Н. И. Бахтина, сыгравшего значительную роль в жизни Катенина.

Бахтин был коротко знаком с многими членами тайных обществ. В период следствия над декабристами С. Ф. Яковлев постоянно обращается к нему с тревожными вопросами по поводу их участи, в частности очень беспокоясь о судьбе Г. С. Батенькова. Архивные документы, письма разных лиц раскрывают «вольнодумство» Бахтина в вопросах религии, рисуют его как человека энциклопедической образованности, разносторонних интересов, несомненно человека передовых взглядов. Именно Бахтину писал Катенин 14 декабря 1827 года, с печалью вспоминая об участи восставших декабристов: «Сегодня черный день, любезнейший Николай Иванович...»[2]

2

В сентябре 1820 года успешная военная карьера Катенина (с 1818 года он был уже полковником) была прервана — он был неожиданно уволен в отставку.[3] Основная причина, почему Катенин

[1] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, ф. 265 («Русской старины»), далее ссылки на него даются сокращенно: ПД.

[2] «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину». СПб., 1911, стр. 101.

[3] В Центральном государственном историческом архиве (в Ленинграде), ф. 651, сохранилась краткая официальная записка об отставке Катенина.

должен был покинуть военную службу, ясна, — его «вольномыслие». В неопубликованной статье П. П. Каратыгина содержится любопытный рассказ о внешнем поводе, к которому было удобно придраться для того, чтобы заставить Катенина подать в отставку: «Как командир Катенин, по человеческому обхождению с нижними чинами, был одним из отрадных исключений тогдашней аракчеевщины, как товарищ — был искренно любим всеми сослуживцами — и, при всем том, как подчиненный не умел ладить со своим высшим начальством, особенно в тех случаях, когда замечания по службе были несправедливы или неосновательны. ...Великий князь Михаил Павлович произвел внезапный смотр батальону, в котором находился Катенин. Со свойственным ему вниманием осматривая мундиры на солдатах, его высочество был неприятно поражен небольшою заплатою на рукаве у одного из рядовых или унтерофицеров. Подозвав Катенина, великий князь показал ему на этот изъян на мундире солдата и сурово произнес:

— Это что? Дыра?

— Никак нет, ваше высочество, — почтительно ответил Катенин, — это заплатка; и именно затем, чтобы не было дыры, которую ваше высочество заметить изволили.

— А я вам говорю, что это дыра! — повторил его высочество, возвышая голос.

— А я имею честь докладывать вашему высочеству, — повторил Катенин, — что именно затем и заплата на рукаве, чтобы не было дыры, которую ваше высочество заметить изволили.

За этот ответ Катенину было предложено подать в отставку».[1]

Важно замечание о гуманном отношении Катенина к солдатам, что было типично для декабристов. Возражая великому князю, Катенин защищал не только себя, но и несчастного солдата, «нижнего чина», который мог быть подвергнут суровому наказанию за небольшую неисправность в обмундировании. Этот инцидент не покажется незначительным, если рассматривать его еще и в связи с семеновской историей. Ведь одной из причин нараставшего против командира Шварца возмущения солдат-семеновцев были его строгие придирки к обмундированию.[2]

Спор Катенина с представителем царской фамилии был смелым поступком, так как все подчиненные великого князя Михаила трепетали перед ним. Одной из задач, которую преследовали своей деятельностью декабристы, было создание «общественного мнения».

---

[1] ПД, ф. 265 («Русской старины»).

[2] См.: М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. 1, стр. 308.

Члены тайного общества, в частности, считали очень важным «иметь возможность действовать на мнение молодежи», как говорил И. Д. Якушкин.[1] И полковник Катенин, который был, как писал доносчик III Отделения, «оракулом Преображенского полка, регулятором полкового мнения и действий молодых офицеров»,[2] должен был поступить только так.

4 декабря 1822 года на сцене петербургского Большого театра состоялась премьера трагедии Корнеля «Сид» в переводе Катенина, но кресло переводчика пустовало — он был в ссылке.

После выхода Катенина в отставку у него еще оставалась трибуна, при помощи которой он мог по-прежнему оказывать влияние на общественное мнение, — петербургский театр, где он был видным представителем «левого» фланга.

«Катенинский кружок, — писал П. П. Каратыгин, — придал истинную цену рукоплесканиям публики... большинство молодежи, весьма часто, увлекаясь красотою актрис, осыпало рукоплесканиями миловидную бездарность; ни сам Катенин и никто из его близких знакомых (преимущественно офицеров гвардии) не допускали себя до подобной несправедливости. Приговор этих судей имел значение, и истинные артисты высоко его ценили».[3]

Катенин имел право на роль «судьи» в театре, на сцене которого шли его пьесы и играл его ученик — Василий Каратыгин. Он отстаивал свой высокий взгляд на искусство актера, призванного правдиво воплощать на сцене сильные, действенные, героические характеры. А «миловидность» была как раз основным критерием при оценке достоинств актрис у влиятельного вельможи графа Милорадовича, протежировавшего бездарным красавицам.

17 сентября 1822 года шел спектакль «Поликсена». Роль Пирра играл Василий Каратыгин, который незадолго до этого был посажен в Петропавловскую крепость за то, что проявил независимость поведения по отношению к директору театра А. А. Майкову. Характерно, что Милорадович заявил тогда матери Каратыгина, что «этот урок <т. е. арест> был нужен молодому либералу, который набрался вольного духу от своего учителя Катенина».[4]

В ту эпоху вызовы артистов считались очень высокой награ-

---

[1] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, стр. 12.

[2] См.: Ю. Г. Оксман. Воспоминания П. А. Катенина о Пушкине. — «Литературное наследство», № 16—18. М., 1934, стр. 628.

[3] ПД, ф. 265 («Русской старины»).

[4] П. А. Каратыгин. Записки, т. 1, стр. 156, см. также стр. 149—151.

дой, так что когда была сделана попытка вывести вперед протеже М. А. Милорадовича молодую актрису М. А. Азаревичеву, как якобы главную виновницу успеха спектакля, то это было явной несправедливостью по отношению к В. Каратыгину. По признанию современников, Азаревичева очень плохо сыграла Поликсену, а Каратыгин был превосходен в роли Пирра. Катенин, сказавший из зала Азаревичевой «не надо» и вызывавший Каратыгина, таким образом боролся за честь талантливого артиста, оскорбленного еще раньше несправедливым арестом. Впоследствии Катенин поставил себе в заслугу, что «поднял в мнении... актера Каратыгина».[1]

Случай на спектакле «Поликсена» имел политический оттенок. За «шиканье» в театре Катенин был выслан из столицы. Современники считали, что правительство охотно воспользовалось театральным инцидентом, чтобы применить к Катенину репрессивные меры. Н. И. Бахтин[2] и А. А. Жандр засвидетельствовали, что принадлежность Катенина к тайному обществу была причиной его высылки: «Знали, что он принадлежит к тайному обществу, — указывал Жандр, — и рады были к чему-нибудь придраться, чтобы выбросить человека вон из столицы или из службы».[3]

Согласно царскому приказу, Катенин подлежал высылке из Петербурга с запрещением въезда в обе столицы, поскольку, говорилось в этом документе, он и «напредь сего замечен был неоднократно с невыгодной стороны и потому и удален из л.-гв. Преображенского полка».[4]

3

Приказ о высылке Катенин получил 7 ноября утром. В полдень его уже не было в Петербурге: ему не дали даже законных 24-х часов на сборы. В начале декабря Катенин прибыл в свое имение Шаево.

---

[1] Письмо от 28 ноября 1827 г. — «Письма Катенина к Бахтину», стр. 99.

[2] Это передает П. А. Каратыгин. См. его «Записки», т. 1, стр. 167.

[3] Д. А. Смирнов. Рассказы об А. С. Грибоедове, записанные со слов его друзей. — «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». М., 1929, стр. 257—258. Действительно, в это время Александру I уже было известно о существовании тайного общества из доноса М. К. Грибовского, поданного царю в мае 1821 года. Донос Грибовского «имел самые существенные последствия — исключение со службы, репрессии, усиленную слежку» (М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. 1, стр. 352).

[4] П. А. Каратыгин. Записки, т. 2, стр. 8.

Приехав на долгое жительство в костромские края под гласный надзор полиции, Катенин соприкоснулся со многими страшными сторонами крепостнической действительности. С горечью говорил он Бахтину: «о чем писать из Кологрива?.. о надворном советнике Матюшкине, который от скуки убил своего старосту железной плиткой из утюга?» [1]

Узнав жизнь «бедных и работою изнуренных крестьян», Катенин действовал как декабрист — были случаи, когда он давал своим крестьянам вольные, помогал им в страшные дни голода. «Крестьяне здешние с голоду мрут, кормлю их чем и как могу», — однажды писал он А. М. Колосовой. [2] Вероятно, именно поэтому Катенин очень часто попадал в трудное материальное положение, был постоянно преследуем кредиторами, о чем говорят многие архивные дела, хранящиеся в Государственном архиве Костромской области. [3]

Находясь в ссылке, в «медвежьем углу», Катенин сохраняет мужество и свойственную ему гордую независимость. Он негодует на ограничение свободы творчества в России: «Можно ли сделать что-нибудь сносное в такой несносной неволе?» [4] Узнав, что в октябре 1824 года Александр I посетит костромские края, Катенин намеренно постарался избежать встречи с ним, уехав из дома: «И я царя не видал, а он еще изволил обо мне спрашивать», — писал он Бахтину. [5] Лишь сдавшись на уговоры Василия Каратыгина и Грибоедова, он в конце концов обращается в марте 1825 года с просьбой к царю о позволении приехать в Петербург. В августе 1825 года он возвращается в столицу.

Катенин избежал осуждения по делу декабристов, очевидно, потому, что ранние тайные общества мало интересовали правительство. Его трехгодичное пребывание в ссылке как бы давало гаран-

---

[1] Письмо от 28 января 1823 г. — «Письма Катенина к Бахтину», стр. 30.

[2] Письмо от 15 апреля 1825 г. — «Русская старина», 1893, № 4, стр. 199.

[3] А. Ф. Писемский, близко сошедшийся с Катениным, вывел его в романе «Люди сороковых годов» (1869) под именем Александра Ивановича Коптина. Он пишет о нем в романе: «Предобрый!.. Три теперь усадьбы у него прехлебороднейшие, а ни в одной из них зерна хлеба нет, только на семена велит оставить, а остальное все бедным раздает!»

[4] Письмо от 10 апреля 1823 г. — «Письма Катенина к Бахтину», стр. 41.

[5] Письмо от 14 ноября 1824 г. — «Письма Катенина к Бахтину», стр. 72. См. также письмо к А. М. Колосовой от 28 августа 1824 г. — «Русская старина», 1893, № 4, стр. 191.

тию непричастности к делам Северного общества. Катенин был допрошен в следственной комиссии; попал в «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ», но с пометой: «Высочайше повелено оставить без внимания».[1]

Болезненно воспринял Катенин празднества по поводу коронации Николая I, происходившие во время следствия над декабристами. С гневным сарказмом описывает он в письме к Бахтину подготовку к «великому дню»: «Театр откроется... наверно, трагедиею «Пожарский»[2] с пришитыми в конце на живую нитку стихами; в них же говорится о печальных событиях, всем известных. ...После трагедии дан будет... дивертисмент... В оном Пожарский — Каратыгин... выедет верхом на белом коне с пышностью отменной, ибо два дурака поведут коня за удила. Вы отгадываете, что крестьяне доброго князя будут плясать на разные манеры и петь куплеты приличные...»[3]

3 февраля 1827 года на сцене петербургского Большого театра состоялась премьера оригинальной пьесы Катенина «Андромаха». Трагедия не имела успеха, Катенин вскоре покидает Петербург и со второй половины 1827 года снова поселяется в своих костромских краях, где живет до 1832 года.

Когда появляется новое театральное законодательство, он сравнивает его с новым реакционным цензурным уставом и клянется «непримиримой враждой враждовать с врагами всего изящного, варварами, придворными полотерами».[4]

18 июля 1832 года Катенин приезжает в Петербург, вынужденный своими материальными затруднениями вновь поступить на военную службу. 8 августа 1833 года он был зачислен в Эриванский карабинерный полк, а 13 марта 1834 года выехал на Кавказ. Служба на Кавказе была связана для Катенина с большими трудностями и тяготами. Там он столкнулся с «неограниченным самовластием высоких»[5] и страшными злоупотреблениями. Проявив решительность и принципиальность, он довел до конца порученное

---

[1] В одном из неопубликованных писем к Н. И. Бахтину (хранится в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), говоря о своем знакомстве с бывшим членом тайного общества Муравьевым, которого знал Катенин, С. Ф. Яковлев все же ставит вопрос о возможной причастности Катенина к заговору. Характерна сама постановка этого вопроса.

[2] Трагедия М. В. Крюковского «Пожарский» (1807).

[3] Письмо от 20 августа 1826 г. — «Письма Катенина к Бахтину», стр. 90—91.

[4] Письмо от 27 февраля 1828 г. — Там же, стр. 111—112.

[5] Письмо от 8 июля 1835 г. — Там же, стр. 227.

ему уголовное следственное дело, невзирая на сопротивление «больших» людей, замешанных в этом преступлении. С горькой иронией пишет он о своем участии в бесславных кавказских войнах, отрицательно высказывается о полковом командире князе Дадиани.[1] Катенин со своей честностью, гуманностью по отношению к солдатам не мог быть любимцем начальства. 24 июля 1836 года боевой офицер Катенин был назначен комендантом Кизлярской крепости. 20 ноября 1838 года «высочайшим приказом» Катенин, помимо его воли, без вины и предлога, был совсем уволен от службы в звании генерал-майора.

4

Имя Катенина появилось в печати в 1810 году, когда он поместил в журнале «Цветник» несколько стихотворений.

После войны 1812 года первостепенное значение для литераторов декабристского направления приобретает борьба против карамзинизма с его общественным индифферентизмом, гипертрофированной чувствительностью и беспочвенной мечтательностью. Вскоре борьба с карамзинизмом перерастает в борьбу с Жуковским, самым видным поэтом-романтиком, вышедшим из карамзинской школы.

В ранних опытах Катенин заявляет себя сразу как «антикарамзинист».[2] Быть может, чувство протеста против слащавости, манерности, вялости поэтического языка, присущего эпигонам Карамзина П. Шаликову, Вл. Измайлову, П. Макарову, диктует суровость поэтической манеры Катенина, его почти аскетическую строгость при отборе выразительных средств, его боязнь «украшательства», стремление к лаконизму, которые проявляются уже в раннем периоде его творчества. Характерным примером может служить ранняя «Идиллия» Катенина 1809 года.

Стихотворения Катенина «Грусть на корабле», «Певец Услад» имеют тематические соответствия с произведениями карамзинистов.

---

[1] В «Истории лейб-гренадерского Эриванского полка» говорится о том, что в 1837 году была разоблачена постыдная деятельность князя Дадиани — истязателя солдат, вора. Инспекторский смотр производил двоюродный брат П. А. Катенина флигель-адъютант А. А. Катенин. См.: П. О. Бобровский. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка, ч. 4. СПб., 1895, стр. 225.

[2] Характерно, что и друзья Катенина — Марин и Шапошников — были убежденными «антикарамзинистами», опираясь в своей борьбе против «слащавости» и «чувствительности» сентиментализма на гражданские традиции литературы XVIII века. О литературной позиции С. Марина см. в моей статье в кн.: «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.», «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1959, стр. 35—39.

Но лексика их противостоит штампам «чувствительной» поэзии. В стихах Катенина нет ни «томных» вздохов, ни «кроткого» сна, ни «унылых» взоров. Как элегия «Грусть на корабле», по характеру сближающаяся с народным романсом, подкупающая простотой своей поэтической интонации, так и романс «Певец Услад» интересны тем, что в них совершенно органически вошли народные обороты, просторечные выражения: «ветр нам противен», «пала на сердце кручина», «лихая гроза». Даже к своему сердцу Катенин обращается: «чур, ретивóе».

В концовке «Певца Услада» говорится о невозможности земного счастья и уповании на загробную жизнь, то есть используется мотив, характерный для Карамзина, Жуковского и их эпигонов. Но Катенин этот мотив облекает в афористическую форму, чуждую какой-либо чувствительности, и даже вводит сюда просторечное слово «авось».

Эти стихи Катенина далеки от общественного индифферентизма карамзинистов. Автор их не погружается лишь в свои личные переживания, в них присутствует образ родины — «святой Руси», которую лирический герой защищает от врагов и о которой тоскует на чужбине.

Таким образом, Катенин полемизировал с карамзинистами, используя характерные для них «малые» формы — элегию, романс, которые под его пером принимают иную направленность и тональность.

В плане сознательной борьбы с поэтикой сентиментализма показательны те переработки, которым подвергает Катенин впоследствии, очевидно в 1820-х годах, свое раннее произведение «Песни в Сельме» (1809) — дань увлечению популярным во времена преромантизма Оссианом.

«Песни в Сельме» в трактовке Катенина — повествование о трагических судьбах мужественных людей. Это соответствовало тому представлению об Оссиане, которое было и у Е. Кострова, чей прозаический перевод послужил Катенину основным источником в работе.

Настоящий бой карамзинизму Катенин дает, однако, в жанре баллад, занявших главное место в творчестве Жуковского.

5

В пору господства в литературе классицизма признавался лишь один идеал красоты — античный, и сама античность понималась как условный общечеловеческий идеал, а отнюдь не как своеобразная

культура, порожденная определенными историческими, социальными и географическими условиями. Эпоха романтизма принесла понимание множественности национальных культур и представление о поэзии как воплощении культуры данной страны.[1]

Катенину присуще свойственное романтикам понимание своеобразия каждой национальной культуры: русской, античной, испанской, итальянской, английской. Он уделяет большое внимание этой проблеме в своих статьях «Размышления и разборы», в которых он использовал, полемически переработав их, теоретические труды критиков Августа Шлегеля, Женгене, Сисмонди, основоположников романтической теории искусства.[2] В своем творчестве он ставит перед собой задачу, изображая ту или иную культуру, быть предельно точным, рисуя детали быта, пейзажа, стараясь передать нравы людей. «Чем ближе поэт новый наш, — писал он в «Размышлениях и разборах», — обработывая предмет древний или чуждый, подойдет к свойству, быту и краске избранного им места, времени, народа и лица, тем превосходнее будет его произведение».[3]

«Простонародные» баллады Катенина явились одной из его удачных попыток передать своеобразие русской национальной культуры. Их можно назвать произведениями декабристского плана не только потому, что они воспринимались как образцы «самобытной» литературы, за которую боролись члены тайного общества. Большая четкость в моральных и нравственных оценках, высказанных афористично, «народным» складом, вопросы долга, чести, верности клятве — вся эта проблематика баллад Катенина дает возможность сблизить их с такими произведениями, как сага «Святополк» Кюхельбекера или народные рассказы Федора Глинки.

Предельно прост и даже несколько наивен сюжет первой баллады Катенина «Наташа» (1814), примечательной и своей патриотической идеей и тем, что в ней Катенин попытался показать некоторые существенные стороны русского народного характера. Определяющей чертой героини, по мысли Катенина, является готовность на подвиг ради спасения родины.

Наташа всею своей душой ощущает, что она «русская», и

---

[1] См. об этом: Г. А. Гуковский. Очерки по истории русского реализма, ч. 1. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 193—197.

[2] См.: Г. Битнер. Драматургия Катенина. — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия филологических наук, 1939, № 33, вып. 2, стр. 90.

[3] «Литературная газета», 1830, 16 января, стр. 30.

именно поэтому она решается на подвиг самоотвержения. Слабая девушка, которая жила только своей любовью к жениху, она сама направляет его в бой, так как

Не сражаться за отчизну,
Одному отстать от всех —
В русских людях стыд и грех.

Катенинская Наташа не произносит тирад о любви к родине, ее речи и поведение просты и обыденны, и вместе с тем она по духу совсем не чужда героям «дум» Рылеева, которые живут, «любовью к родине дыша» («Волынский»). Катенин раскрывает патриотизм русского человека иными средствами, чем Рылеев. Принцип рылеевских «дум», где герои прошлого разговаривают как политические деятели начала XIX века, был для него неприемлем.

Внешний облик Наташи, ее портрет, создаваемый поэтом при помощи фольклорных сравнений, условен. Но переживания героини Катенин пытается показать в соответствии с жизненной правдой. Она и говорит-то своему другу о его долге перед родиной «сквозь слез» и горько рыдает, провожая его, почти теряя сознание. Узнав о смерти жениха, она не смеет роптать — ведь он пал за святое дело, но и не пережить ей его — так велика сила ее любви и тоски. Баллада «Наташа» является одной из ранних попыток Катенина показать «истину и правду чувств», что стало главной его творческой задачей.

В балладе «Леший» Катенин поставил перед собой цель показать фантастический мир, порожденный народной фантазией, существующий *вне* авторского сознания. Сюжет баллады преподнесен как творение народной мысли. Содержание «Лешего» основано на старинном поверье, и это необходимо для того, чтобы «чудесное» в балладе не казалось нам «нелепою выдумкою», пояснял Бахтин.[1]

Несмотря на сказочное содержание, «Леший» насыщен конкретными деталями крестьянского быта. Характерно, что, отвечая на критику А. А. Бестужева,[2] который выражал недоумение по поводу строк «Ляг в сенях против окошка» и т. д., Бахтин дает совер-

---

[1] Н. И. Бахтин. О стихотворениях г. Катенина. — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки, ф. 682. Статья Бахтина всюду цитируется по рукописи, так как она была опубликована в «Вестнике Европы» (1823, №№ 3 и 4) не полностью. Ниже ссылки на нее даются сокращенно: Бахтин (ГПБ).

[2] «Сын отечества», 1822, № 20, стр. 267—268.

шенно точное обоснование этого стиха, исходя из условий крестьянского быта: «Известно всем, что мошки летают в избе только тогда, когда в них видят огонь, в сенях же, где обыкновенно бывает темно, можно безопасно спать даже с открытым окном».[1]

Хотя Катенин уже в первой строфе подготавливает читателя к восприятию чего-то жуткого, но чрезвычайно характерно для творческого метода поэта, что собственно фантастического в балладе ничего нет. Катенин приводит конкретные, точные детали, вроде «шорох из рощи», «мокрый с деревьев сыплется лист», да и сам леший — это обыкновенный старичок, «нагбенный дров вязанкой», единственное, что вызывает в его облике чувство настороженности, это его «вид насмешливый и злой».

В статье «О вольном переводе Бюргеровой баллады „Ленора"» Н. И. Гнедич, выступая против «Ольги» Катенина, мимоходом задел и «Лешего»: «Там — гриб мухомор, превращенный в нечто ужасное...»[2] Противник жанра баллад Н. И. Гнедич критиковал Катенина, изобразив его, в полемических целях, якобы «подражателем» Жуковского. И к оценке творчества Катенина Гнедич подошел с теми критериями, которые были бы уместны, если бы шла речь о Жуковском, который придавал «ужасному» в своих балладах мистический колорит. Но как раз такой подход был чужд Катенину. Показывая в «Лешем» суеверия, присущие народному сознанию, он вместе с тем стремится и к реальному обоснованию «ужасного», к конкретному описанию лесной природы и тех невыдуманных опасностей, которые могут подстеречь мальчика в лесу: нападение волков, ядовитые грибы и т. п. Поэтому Бахтин, прекрасно понимавший творческие намерения Катенина, отвечал Гнедичу: «Мухомор не превращается у г. Катенина ни во что ужасное, но остается так, как и в природе, ядовитым мухомором».[3]

Лирическому субъективизму Жуковского, пронизывавшему его баллады, Катенин противопоставляет объективное изображение действительности, на которую он смотрит глазами своих героев. Характерны в этом отношении слова, полные истинного драматизма, которые нашел Катенин, чтобы выразить горе крестьянки-матери:

Сохнет с горести по сыне,
Будто скошенна трава.

---

[1] Бахтин (ГПБ).
[2] «Сын отечества», 1816, № 27, стр. 5. Впоследствии Катенин изменил этот стих; см. примечания, стр. 667.
[3] Бахтин (ГПБ).

Подобное сравнение могло родиться только в народе.

В том же ключе, что и «Леший», решена и лучшая, по мнению Пушкина, баллада Катенина «Убийца». В основу ее положено истинное происшествие, что имеет существенное значение для понимания творческих принципов Катенина.

Утверждая, что нельзя предписывать писателю выбор «предметов», Катенин все же говорит, что «извинительно и даже похвально предпочтение поэзии своей отечественной, народной», так как «свое ближе чужого», вследствие чего поэт сможет лучше узнать то, о чем будет писать, короче познакомится со всеми обстоятельствами и напишет об этом «вернее и сильнее».[1] Фактически Катенин обосновывает необходимость для писателя глубокого и конкретного знания жизни.

Оппоненты Катенина с ожесточением и пристрастием критиковали обращение убийцы к месяцу: «Да полно, что! гляди, плешивый!»,[2] как бы забывая, что «низкие» слова произносит не автор, а его герой — крестьянин.

Обыденная действительность изображена в стихотворении посредством конкретных деталей крестьянского быта. «Убийца» не менее интересен и мастерством психологического рисунка. Поэт не пишет о мучениях виновной совести, терзающих героя баллады, он изображает, как убийца лишился сна. Но покаявшись в преступлении своей жене, преступник вслед за этим, «не говоря ни слова, улегся и заснул». При помощи краткого выразительного штриха Катенин показал то крайне напряженное внутреннее состояние, в котором до этого находился убийца, «облегчивший» теперь свою душу исповедью.

Говоря об этой балладе, Пушкин зорко подметил одну важную особенность творческого почерка поэта. Оценив обращение убийцы к месяцу как «стих, исполненный истинно трагической силы», Пушкин высказывает глубокую мысль, что он «показался только смешон людям легкомысленным, не рассуждающим, что иногда ужас <умножается, когда> выражается смехом. Сцена тени в «Гамлете» вся писана шутливым слогом, даже низким, но волос становится дыбом от Гамлетовых шуток».[3]

Сочетание трагического с комическим, которое было присуще Шекспиру и против чего Катенин выступал в теории, существовало

---

[1] «Размышления и разборы». — «Литературная газета», 1830, 16 января, стр. 30.

[2] Впоследствии Катенин изменил этот текст; см. примечания, стр. 666.

[3] О поэтическом слоге. — Пушкин, т. 11, стр. 73.

в его собственной творческой практике. В подобном ключе решен и «Пир Иоанна Безземельного» — пролог к драме «Иваной» А. А. Шаховского (1820); примеры катенинского «шекспиризма» дает и второй период его творчества, когда в нем усиливается сатирическая, трагикомическая струя (элементы этого есть в «Идиллии» 1831 г., в сонетах, в «Гнезде голубки»).

«Ольга» — перевод бюргеровской баллады «Ленора» — был прямым вызовом Жуковскому, который еще в 1808 году опубликовал свое подражание «Леноре» — «Людмилу». Катенин заново перевел «Ленору», чтобы доказать, что «Людмила» не народная баллада, а сентиментальная обработка бюргеровской баллады.

Катенин в большей мере, чем Жуковский, следует тексту Бюргера, стараясь передать дух, характер оригинала, своеобразие которого определяется близостью к народным песням, преданиям, «простонародной» грубостью. Катенин верен внутреннему ритму баллады немецкого поэта — его Ольга вся в бурном движении, она охвачена отчаянием и неистовством, как и у Бюргера, она бросается на землю, рвет свои черные волосы и богохульствует, в противоположность Людмиле Жуковского, которая столь мягко и «уныло» жалуется на обидевшего ее бога, что оправдывает остроумное замечание Грибоедова, сказавшего: «За что ж бы, кажется, ее так жестоко наказывать?»[1] Вместо «тихих теней» Жуковского, сопровождающих скачущего всадника, у Катенина появляется «адской сволочи скаканье», в противовес мерному ритму стихов «Людмилы», мелодически льющихся, — резкие, энергичные ритмы. Лексика, образная система у Катенина подчинены задаче создания произведения, близкого к народным истокам. Если у Жуковского Людмила обращается к матери — «милый друг», то у Катенина Ольга говорит «просторечно»: «Ах! родима, всё пропало...» Н. И. Гнедич написал по поводу этого стиха с возмущением: «Это простота, но не поэтическая».[2]

Грибоедов, выступив после Гнедича, с блеском и остроумием опроверг его доводы, доказав, что перевод Катенина имеет более, чем у Жуковского, народный, национальный характер, что многие его места дышат «пиитической простотой». В 1833 году, вспоминая полемику по поводу «Ольги», Пушкин признал правоту Грибоедова, обличившего «несправедливость» статьи Гнедича.[3]

---

[1] А. С. Грибоедов. О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора». — Соч., М.—Л., 1959, стр. 371.

[2] «Сын отечества», 1816, № 27, стр. 3.

[3] Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. — Пушкин, т. 11, стр. 221.

Но и в 1816 году далеко не все литераторы были на стороне Гнедича. Если карамзинисты И. И. Дмитриев, В. Л. Пушкин и даже К. Н. Батюшков и П. А. Вяземский горячо поддержали Гнедича, то раздавались и другие голоса. Драматург Петр Корсаков писал, например, М. Н. Загоскину 16 июля 1816 года: «Жаль мне бедного Катенина, если ему крепку досталось за бедную его «Ольгу»: я люблю правду; а в этой бедняжке — многие места похвалы достойны и в конце есть, по совести, такие стихи, каких нет и у Жуковского...»[1] Сам Катенин считал, что «слово» Грибоедова и «дело» Жуковского доказали его правоту.[2] Действительно, Жуковский в 1831 году предпринял новый перевод «Леноры», и на этот раз стремился точно передать оригинал. Тем самым он признал правоту Катенина.

В литературе уже отмечалась преемственная связь между пушкинскими балладами и катенинскими. Б. В. Томашевский справедливо писал о том, что, когда Пушкин приступал к созданию «Жениха», он «уже тогда в разрешении вопроса... решительно склонялся к Катенину, а не к Жуковскому».[3]

6

Признавая фольклор, подобно всем поэтам-декабристам, одним из важнейших источников отечественной литературы,[4] Катенин в своем стихотворении «Мстислав Мстиславич» цитирует «Слово о полку Игореве», использует мотивы и обороты народного творчества, стремясь воспроизвести особенности народного стиля. Русскою окраской стиля и зримой конкретностью образов «Мстислав Мстиславич» продолжает линию баллад Катенина.

Это произведение может служить и одним из примеров новаторских исканий Катенина в области метрических форм. Если карамзинисты развивали в поэзии преимущественно четырехстопный ямб, то Катенин создает образцы русской октавы, гекзаметра, в его

---

[1] ГПБ, фонд М. Н. Загоскина.

[2] Письмо от 23 сентября 1833 г. — «Письма Катенина к Бахтину», стр. 205.

[3] Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. 2. М.—Л., 1961, стр. 98.

[4] Катенин писал Н. И. Бахтину по поводу его обзорной статьи о русской литературе: «Начало с Кантемира бедно, а лучше бы в нескольких строках упомянуть о народных песнях и о „Слове о полку Игоря“...» (Письмо от 26 января 1825 г. — «Письма Катенина к Бахтину», стр. 73).

стихах мы встречаемся с хореями, четырехстопными амфибрахиями, дактилями, с обработками стиха народной песни.[1] Стремясь к ритмической и смысловой выразительности, Катенин пишет «Мстислава Мстиславича» тринадцатью различными стихотворными метрами. Заканчивается «Мстислав Мстиславич» величавым гекзаметром, соответствующим трагической патетике темы — русские разбиты врагом, но не утеряли веры в грядущую победу. Катенин считал, что «формы стихотворений» «важны не собственно по себе, а по связи своей с содержанием, с изменением его должен измениться и наружный вид».[2] Одним из примеров удачной подчиненности формы содержанию может служить, например, описание раненого Мстислава («И три раза вспыхнув...» и т. д.). В контексте этого эпизода смена ритмов как бы передает всю силу порыва героя, его желание вновь ринуться в бой за свободу родины, но короткие стопы («вставал», «упал»), образуя своеобразный «слом» в движении, словно задерживая его, выражают трагическое положение и бессилие тяжелораненого князя. Кюхельбекер писал по поводу этого описания: «Оно сильно, живописно, ужасно! Самый размер заслуживает внимания по удивительному искусству, с которым он приноровлен к мыслям».[3]

Подобно балладам Катенина, «Мстислав Мстиславич» направлен против норм и требований как карамзинистской эстетики, так и классицизма. Катенин не считается с законами «изящного вкуса», благозвучия, для него как будто не существует ограничений, когда он изображает во всей суровой реальности страшное поле битвы, где «крови пар встает с земли» и у раненого Мстислава «пот, с кровью смешанный, каплет с главы».

Кюхельбекер назвал эти катенинские картины «жутковатыми», сравнив их с дантовскими образами. Действительно, именно Данте, любимый поэт Катенина, позволял себе такую суровую, жестокую откровенность в изображении человеческих страданий.

Историческая «сага» Кюхельбекера «Святополк» (1824) отмечена несомненным влиянием катенинских стилистических приемов.

Как «просторечие», бытующее в среде народа, так и церковнославянизмы использовались Катениным для обогащения русской

---

[1] Ю. Н. Тынянов отметил в работе «Архаисты и новаторы», что стихотворные размеры Катенина предсказывают стих Лермонтова, Кольцова, Некрасова.

[2] «Размышления и разборы». — «Литературная газета», 1830, 16 января, стр. 31.

[3] «Взгляд на текущую словесность». — «Невский зритель», 1820, № 2, стр. 110—111.

поэтической речи. Эта его практика вызывала зачастую жестокие нападки со стороны некоторых критиков, несправедливо причислявших Катенина к единомышленникам А. С. Шишкова, автора «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1803), руководителя известного литературного объединения «Беседа любителей русского слова», в ведущей своей тенденции реакционного.

Катенин не разделял взгляда Шишкова на происхождение русского языка из церковнославянского и в 1833 году, отвечая Кс. Полевому, решительно отмежевался от неправильной теории вождя «беседчиков», говоря, что «они <то есть Катенин, Грибоедов, Кюхельбекер и др.> не почитают „язык церковнославянский древним русским“; знают не хуже других, что Библия переведена людьми не русскими, но уверены, что с тех пор как приняла ее Россия, ею дополнился и обогатился язык русский». [1]

Церковнославянизмы применялись Катениным главным образом как стилистическое средство. Они помогали ему, как и Грибоедову, Кюхельбекеру, в создании гражданственных стихов торжественного, патетического звучания. Кроме того, они нужны были Катенину для создания исторического колорита, краски «времени» и «места». Об этом, как и о стилистической функции славянизмов, Катенин говорил в своем ответе Кс. Полевому: «*Возвративый,* вместо *возвративший,* может встретиться только в чем-нибудь библейском, и там прилично; *рамо* же и *ланита* употребляются сплошь стихотворцами всех школ, иными не у места... но в слоге высоком сии старинные, коли угодно славянские, придают речи красоту незаменимую». [2]

Обильно насыщен церковнославянизмами катенинский перевод трагедии Расина «Эсфирь» (1816), и это оправдано тем, что время действия трагедии относится к библейским временам.

Подходя к этому вопросу исторически, мы должны признать, что в свое время борьба Катенина, Кюхельбекера, Гнедича не только за «просторечие», но и за обогащение языка церковнославянизмами была плодотворной. Пушкин, присматриваясь к опыту своих современников и предшественников, отобрал из накопленных ими запасов «просторечия» и церковнославянизмов лишь то, что было ему нужно для создания его гармонического, богатого, разнообразного языка.

---

[1] Ответ г-ну Полевому на критику, помещенную в «Московском телеграфе» 1833-го года. — «Московский телеграф», 1833, № 11, стр. 458.

[2] Там же, стр. 457.

7

Унаследовав просветительское отношение к театру как могучему средству общественного воспитания, декабристы придавали ему большое значение, рассматривая театральные жанры как одно из важнейших средств политической агитации. «Есть истины... которые весьма бы желательно представить в разительном виде не только уму, но, так сказать, самым очам людей мыслящих; а сего достигнуть иначе нельзя, как посредством формы драматической», — писал Кюхельбекер в предисловии к «Ижорскому».[1] Драматические произведения должны были отвечать требованиям, предъявлявшимся декабристами к литературе вообще, — «самобытности», народности, высокой идейности.

Глубокие процессы общественного развития определили постепенное оформление уже в драматургии 1800-х годов драматической коллизии, типичной для романтического искусства, — столкновения свободолюбивой личности с несправедливым общественным строем. Иногда этот драматургический конфликт разрешался еще в формах классицистической трагедии, но, как справедливо пишет Т. Родина, «эстетическое мировоззрение начала XIX века уже не могло вернуться к этой системе, хотя рационалистические просветительские тенденции удерживали в арсенале выразительных средств искусства некоторые приемы и навыки классицизма».[2]

В ряде театральных произведений этого времени начинают звучать освободительные и оппозиционные мотивы, характерные впоследствии для декабристской драматургии. Элементы преддекабристской гражданственности уже есть в трагедиях В. А. Озерова, характерным произведением раннего декабристского романтизма является трагедия Ф. Н. Глинки «Вельзен, или Освобожденная Голландия» (1808) с ее открытым тираноборческим пафосом.

Преддекабристской можно назвать и трагедию П. А. Корсакова «Маккавеи» (1813), из истории древней Иудеи. Библейская тематика в сознании современников приобретала определенный политический подтекст. Характерно, что русские цензоры зачастую усматривали в, казалось бы, невинных по своему содержанию произведениях на библейскую тему этот второй план. Один из современников вспоминает о серьезных неприятностях, которые возникли у Катенина в связи с его переводом «Гофолии» (1815), и его «дерзких воз-

---

[1] В. К. Кюхельбекер. Драматические произведения, т. 2. «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1939, стр. 475.

[2] Т. Родина. Русское театральное искусство в начале XIX века. М., 1961, стр. 28.

ражениях против цензурного комитета».[1] Катенин был точен в своем переводе Расина, но сама тема разоблачения жестокой царицы Гофолии и борьбы за иную, более справедливую власть могла вызвать определенные ассоциации у современников.

Эпоха, в которую жил Катенин, эпоха социальных потрясений, революционных вспышек, борьбы за национальное освобождение, порождала интерес к истории народов, заставляла по-иному взглянуть на человека, рассматривать его не как некую абстрагированную от условий времени сущность. Это диктовалось «духом времени». И когда декабристы читали историю древней Руси или Греции, подлинные документы истории народов, эти документы приобретали для них огромное значение только в связи с проблемами современности.

Большинство пьес, близких принципам декабристской драматургии, это трагедии на исторические темы. Но следует сказать, что хотя их авторы и заявляли о своем желании соблюдать правду истории,[2] но историзм данных пьес весьма относителен. Чаще всего историческая достоверность приносилась в жертву желанию найти в прошлом ситуацию, созвучную современности (например, трагедия «Вельзен» Ф. Н. Глинки).

Субъективизм мышления писателей-декабристов сказывался в их ориентации на драматургию Ф. Шиллера, герои которого были «рупорами идей» автора.

Позиция Катенина, по сравнению с Ф. Глинкой, К. Рылеевым, своеобразна. Отрицая антиисторический, индивидуалистически-субъективный метод изображения действительности в художественных произведениях, Катенин критически оценивает как творчество Шиллера, так и Байрона, хотя их произведения ему близки своим вольнолюбивым пафосом. Его эстетические взгляды в этом вопросе совпадают с точкой зрения Кюхельбекера, причислявшего Шиллера и Байрона к писателям, чьи произведения отражают лишь их личный образ мыслей.[3]

Катенин требует от драматического писателя прежде всего обязательного соблюдения исторического колорита времени и места.[4]

---

[1] См.: Д. А. Смирнов. Рассказы, записанные со слов друзей Грибоедова. — «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников», стр. 258.

[2] Об этом говорит, например, Петр Корсаков в обширном «предуведомлении» к трагедии «Маккавеи».

[3] См. его «Разговор с Ф. В. Булгариным». — «Мнемозина», ч. 3. М., 1825, стр. 165.

[4] Проблема романтического историзма, то есть передачи национального колорита, примет времени и места, в творчестве Катенина

Он критикует даже своего любимого писателя — прогрессивного французского поэта и драматурга Казимира Делавиня за лирический субъективизм, подражание Байрону.[1] Из отрицательного отношения Катенина к антиисторизму драматургии, определяемого субъективизмом мышления авторов, вытекает его критическое отношение к принципу политических применений, «аллюзий». Так, Катенин резко оценивал современные французские трагедии, в которых, по его мнению, «изображены мнимые исторические события, на самом же деле служащие только личиною для удобнейшей декламации о законной власти, о Бурбонах, о Бонапарте, об обеих камерах и о половинном жалованьи».[2] Открытая тенденциозность, по мнению Катенина, противостоит подлинному искусству, подлинно историческому изображению прошлого. Катенин чрезвычайно высоко ставил трагедии Расина «Британик», «Баязет», «Эсфирь» за точный «местный» колорит.

Доказательством того, что сам Катенин как драматург ставил перед собой задачу не только соблюдения «местного» колорита, но и создания исторически верных характеров, может служить «Пир Иоанна Безземельного» — пролог к пьесе А. А. Шаховского[3] «Иваной, или Возвращение Ричарда Львиное Сердце».

Романы Вальтера Скотта оказали значительное влияние на развитие европейской романтической драмы. Под знаменами Шекспира и Вальтера Скотта велась ожесточенная борьба против классицистического театра. В своей пьесе, созданной по мотивам романа

была обоснована мной в статье «Драматургия Катенина». — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия филологических наук, 1939, № 33, вып. 2, стр. 71—94.

[1] См. письмо к Бахтину от 29 мая 1828 г. — «Письма Катенина к Бахтину», стр. 122.

[2] См. письмо к А. М. Колосовой от 3 февраля 1823 г. — «Русская старина», 1893, № 3, стр. 643. Следует отметить совпадение этих мыслей Катенина с точкой зрения А. С. Пушкина (см.: Пушкин, т. 11, стр. 68).

[3] По политическим взглядам между Катениным и консерватором Шаховским едва ли могли быть точки соприкосновения, и тем не менее позиция Шаховского как литератора создавала возможность контактов между ним, Катениным и Грибоедовым. Катенин ценил почти фанатическую преданность Шаховского театральному делу, уважал его за трудолюбие, энергию и считал одаренным комедиографом. Катенин, как и Грибоедов, посещал знаменитый «чердак» Шаховского, куда в 1818 г. он привел и Пушкина (см.: П. А. Катенин. Воспоминания о Пушкине. — «Литературное наследство», № 16—18. М., 1934, стр. 636). Свое отношение к Шаховскому Катенин впоследствии подытожил в письме к Пушкину от 16 мая 1835 г. (см.: Пушкин, т. 16, стр. 26).

«Айвенго», Шаховской не преследовал далеко идущих целей, стремясь, в данном случае, к созданию занимательного представления.

Шаховской разработал в своей пьесе авантюрную фабулу. Раскрытием же характеров основных героев пьесы, показом смысла борьбы угнетенных саксонцев против завоевателей-норманн — всем этим занялся Катенин. Тема борьбы за национальную свободу против иноземного порабощения находила живой отклик в творчестве писателей-декабристов, в соответствии с исторической действительностью начала века, временем, которое было ознаменовано бурными национальными революциями.

«Пир Иоанна Безземельного», где поэт явился одним из предшественников Пушкина в применении «романтического» размера — безрифменного пятистопного ямба — в драматическом произведении, представляет интерес как первый опыт исторической драмы в русской литературе, созданной по принципам вальтер-скоттовского романа. Неоспоримы и художественные достоинства пролога. В сжатой, компактной форме, в пределах фактически одного акта, Катенин, отобрав из романа все самые существенные мотивы, а в иных случаях и создавая свои оригинальные эпизоды (например, в беседе Ровены с принцем), сумел превосходно экспозировать и действие, и характеры героев, с четкостью показать расстановку основных социальных сил эпохи.

Бахтин в предисловии к сочинениям Катенина писал: «Характер принца Иоанна развернут более в Прологе, чем в романе, и изображен с историческою верностию». Действительно, у Вальтера Скотта принц Иоанн — лишь бесхарактерное орудие в руках феодалов, что не соответствует полностью исторической правде.

У Катенина принц — коварен, лицемерен, дерзок и жесток, сластолюбив, но внешне — изысканно вежлив, галантен с Ровеной и, наряду с этим, труслив, нагл. Характер его основан не на одной доминирующей черте. Из требования быть верным исторической правде вытекала необходимость расширения пределов романтического мировосприятия, и именно здесь открывался путь к реализму.

Писатели-декабристы важнейшим признаком романтического искусства считали его национальное своеобразие, и потому для них были истинно «народными» писателями Данте, Шекспир, Мольер и греческие драматурги, в отличие от «подражателей» — римлян. Орест Сомов, критик, близкий к декабристскому лагерю, которого Катенин присоединял к числу своих единомышленников, обращался к драматургам с призывом учиться у греков их «простоте» и бли-

зости к «природе», он писал о греках, что они «романтичны»,[1] так как сущность романтизма определялась для него национальным своеобразием. Такое понимание романтизма давало основание причислить к нему и творчество некоторых «классиков», например Расина и Корнеля. Катенин видел в них великих художников, которые умели с необыкновенным искусством живописать человеческую душу, страсти и чувства, не прибегая к «блестящим украшениям», которые появляются потом в драматургии позднего французского классицизма — у Вольтера и его последователей.

Пушкин не расходился с Катениным и в этом отношении. Он видел в Расине «великую народность»,[2] ставя его рядом с Шекспиром. В то же время к вольтеровской драматургии Пушкин, как и Катенин, относится отрицательно, характеризуя классицизм Вольтера как отступление от жизненной правды.[3]

Таким образом, Катенин ориентировался не просто на традиции французского классицизма, а на творчество ранних и самых талантливых его представителей. При этом в своем осмыслении их художественного наследия он проявил себя как литературный деятель романтической эпохи. Об этом убедительно свидетельствуют те отступления от оригинала, которые Катенин внес в свои переводы трагедий Расина и Корнеля. Особенно показателен в этом отношении перевод «Сида».

В изображении Катенина Сид более прямолинеен, чем у Корнеля. У катенинского Сида более развито чувство долга. В третьем действии, например, в сцене встречи с отцом Сид у Корнеля чуть ли не упрекает отца в том, что ему пришлось ради него принести в жертву свою любовь. Русский переводчик опустил весь длинный разговор о любви, очевидно считая, что здесь французский драматург отдал дань вкусам версальского двора, поддался «придворным заразам». Тем самым Катенин ослабил характерную для классицизма коллизию борьбы чувства с долгом. Эту картину очень высоко оценил Грибоедов, написав Катенину, что сцену встречи Диего с Родригом в доме Химены «без слез читать нельзя».[4] В своем переводе Катенин фактически свел на нет роль наперсницы Химены — Ельвиры, традиционного персонажа классицистической

---

[1] См.: О. Сомов. Об изучении древних. — «Сын отечества», 1820, № 25, стр. 251.

[2] <О народности в литературе>. — Пушкин, т. 11, стр. 40.

[3] См. письмо П. А. Вяземскому (?) от 5 июля 1824 г. — Пушкин, т. 13, стр. 102.

[4] А. С. Грибоедов. Письмо П. А. Катенину от 14 февраля 1825 г. — Соч., М.—Л., 1959, стр. 559.

драмы. В третьем акте трагедии Катенин привел дона Диего в поисках Сида сразу в дом Химены, что более соответствовало психологической правде, в то время как у Корнеля находящийся в некоем условном месте дон Диего сообщал зрителям, что он обегал весь город в поисках своего сына, и после этих слов Сид неожиданно появлялся. «Откуда и зачем? Никому не известно», — заметил по этому поводу Бахтин.[1] Трагедию Катенин начал сразу с конфликта между доном Диего и графом Гормасом, опустив первые картины. «Сжать и сблизить происшествия есть право и часто обязанность искусства», — писал он Бахтину.[2]

Будучи верным принципу романтического историзма, Катенин постарался придать героям трагедии еще бо́льшую мужественность и силу, свойственную им как «гишпанским» рыцарям. Он снял поэтому, например, всю линию инфанты, чьи любовные страдания противоречили сильным страстям и простым нравам героев.

Стремление Катенина усилить в трагедии средневековый колорит было замечено критикой. Например, у Корнеля дон Диего (действие 1, явл. 5) обращается к мечу с красиво и возвышенно звучащими словами: «Et toi, de mes exploits glorieux instrument! ..»[3]

Катенин до неузнаваемости изменил стих Корнеля: «А ты, дней юности товарищ дорогой...»

Некий критик И—св говорил по поводу этой фразы: «Слабый старец — некогда мужественный, — не могущий более владеть мечом, называет его «дорогим товарищем юности своей»: как сообразно это духу тогдашнего времени».[4]

Весьма показательны и следующие детали перевода. Если у Корнеля Сид, рассказывая Химене о сражении (действие 5, явл. 1), в полном соответствии с придворным этикетом говорит в первую очередь о короле, которого он должен был защищать, а не об отечестве, то Катенин производит перестановку в порядке слов, и король оказывается на последнем месте:

Уже бы в ночь сию я в поле мертв остался,
Когда бы за себя единого сражался;
Но защищая град, отчизну, короля,
Я изменил бы им, отчаянью внемля.

---

[1] Бахтин (ГПБ).
[2] Письмо от 18 марта 1825 г. — «Письма Катенина к Бахтину», стр. 81.
[3] О ты, славное орудие моих подвигов! (франц.). — *Ред.*
[4] «Благонамеренный», 1823, № 11, стр. 324.

Если учесть, что аналогичная перестановка встречается и раньше (в шестом явлении третьего действия), где Катенин, в противоположность Корнелю, акцентирует любовь к отечеству, то едва ли можно считать случайным это отступление от оригинала. Оно объясняется не только гражданским вольнолюбием Катенина, но, очевидно, и стремлением вернее передать исторический колорит эпохи, периода, когда власть короля в Испании не была абсолютной. Подобным же образом сознательно «снижен» Катениным образ короля и в его переводах гердеровских «Романсов о Сиде».

Монологи Сида, готового пожертвовать жизнью любимой отчизне, должны были встретить горячий отклик в сердцах передовой декабристской молодежи. И Сид — спаситель отечества, добывший свободу родине в жарком бою, и собравшиеся вокруг него верные друзья-воины в восприятии современников должны были быть очень похожими на «истинных сынов отечества» — декабристов. А король был жалок и ничтожен.

Вместе с тем Катенин сохранил в своем переводе те места французского оригинала, которые вызвали в свое время нападки на Корнеля за отступление от «приличий», от правил классицизма. Характерна в этом отношении сцена с пощечиной. Пушкин, сочувственно воспринявший известие о новой работе Катенина, писал ему: «Ты перевел «Сида»; поздравляю тебя и старого моего Корнеля. «Сид» кажется мне лучшею его трагедиею. Скажи: имел ли ты похвальную смелость оставить пощечину рыцарских веков на жеманной сцене 19-го столетия? Я слыхал, что она неприлична, смешна, ridicule. Ridicule! Пощечина, данная рукою гишпанского рыцаря воину, поседевшему под шлемом!»[1] Катенин, конечно, сохранил пощечину, которая была признана Вольтером «неприличной» в трагедии. Херасков, переводя в свое время «Сида», не решился на это — в его переводе этот эпизод отсутствует.

Катенин подошел к переводу «Сида» новаторски, как истинно творческий человек, хорошо владеющий техникой драматического искусства.

В критике Катенина упрекали за то, что он отступил от «высокого слога» в сочинении, «для которого предмет избирается высокий, чувства и мысли возвышенные. . .»[2] Действительно, слог трагедии противоречит мнению о присущей Катенину жанровости мышления.

Бахтин верно отметил, что Катенин старался все «высокопарные», «надутые»,[3] как он говорил, выражения Корнеля передать

---

[1] Письмо от 19 июля 1822 г. — Пушкин, т. 13, стр. 41.
[2] «Благонамеренный», 1823, № 11, стр. 319.
[3] Бахтин (ГПБ).

нарочито просто. Такая позиция, видимо, также вытекала из стремления Катенина правдиво отразить эпоху рыцарства, с простотой и грубостью ее нравов. Перечисляя «простые» слова и обороты, встречающиеся у Катенина, как-то: «зачем», «добыта», «за дело награждает», «узнают слуги», «Родриг влюблен» и т. п., рецензент, охваченный негодованием, писал: «Таким образом говорят только простые люди».[1]

8

К 1817 году относится комедия-памфлет «Студент» (в прозе), написанная Катениным совместно с Грибоедовым. Она интересна своим полемическим прицелом, пренебрежением правилами французского классицизма, «просторечием», но нет возможности точно определить степень авторского участия в ней Катенина, хотя, как можно предполагать, оно было немалым.[2]

Катенинское комедийное творчество имело значение в общем движении русской комедии в направлении к реализму. Декабристы требовали от комедии, как и от трагедии, самобытности, народности, идейности, отвергая попытки превратить ее в чисто развлекательный жанр. Этим требованиям противостояло творчество М. Н. Загоскина, водевилиста Н. И. Хмельницкого, а также, в известной мере, и А. А. Шаховского. В целом русская комедия 10-х — начала 20-х годов XIX века редко поднималась над уровнем колоритных зарисовок нравов общества и «портретных» характеристик.

Поэтому «Сплетни» (1820) Катенина, вольное подражание комедии французского драматурга Грессе «Le méchant» («Злой»), интересны как одна из попыток создания сатирико-обличительной комедии, восходящей по своей основной направленности к Фонвизину. Катенин подчеркивает свою связь с Фонвизиным даже прямым упоминанием героев «Недоросля». Крашнева говорит Зельскому, что среди старух «и нынче бы нашел Фонвизин Простакову» (действие 1, явл. 5). Комедия разоблачает ряд отрицательных сторон быта дворянского светского общества. В резких тирадах Зельского, направленных против «блестящего круга московских богачей», «запутанных в долгах, усталых от связей», звучат ноты, перекликающиеся с некоторыми репликами Чацкого. Но сходство между Чацким и Зельским не простирается далее того, что оба они умны и критикуют московское общество. Причем Зельский в своих обли-

---

[1] «Благонамеренный», 1823, № 11, стр. 320.
[2] См.: Вл. Орлов. Грибоедов. М., 1954, стр. 77—80.

чениях отнюдь не идет вглубь, не касаясь совершенно, например, коренного вопроса времени — крепостного права. Наделенный желчным, скептическим умом, Зельский зорко подмечает недостатки других, зло высмеивая их.

Истинную оценку героям пьесы дает служанка Аннушка, простая девушка, со здравым смыслом и лукавством. И она-то замечает, что Зельский интригует не только ради своей выгоды, «а впрочем, так, от скуки». Вот эта пресыщенность, душевная опустошенность Зельского, презрение к окружающим заставляют видеть в нем один из ранних прообразов в русской литературе разочарованных скептиков, умных и по-своему обаятельных «демонических» героев. В отношении к ним Катенин занял ту же отрицательную позицию, что и Кюхельбекер в своей мистерии «Ижорский», на другом материале и другими средствами показавший глубину нравственного падения человека без идеалов, с «состарившейся» душой. Стремление Катенина разоблачить этого героя становится особенно ясным, когда рядом с Зельским появляется Крашнева, пустая особа, которая тоже считает себя способной на «критику» общества.

В комедии, заслужившей похвалу Пушкина,[1] необходимо отметить тенденцию Катенина к индивидуализации и опрощению языка. Не случайно негодование критика В. И. Соца вызвали все разговорные обороты Катенина, «низкие» слова, как-то: «гуторить», «повадка вредить», «свыклися» и т. п. Впоследствии подобные же обвинения в «низости» языка будут предъявлены Грибоедову.

9

Оригинальная трагедия «Андромаха», произведение, которое сам Катенин «по величине и объему, по важности рода и содержания» считал в ряду своих сочинений первым, создавалась с 1809 по 1818 год. В 1827 году, в печатном посвящении «Андромахи» П. П. Скуратову, Катенин подчеркивает, что с тех пор она не подвергалась никаким изменениям. Этим он как бы подчеркивал связь пьесы с определенным историческим периодом — декабристской эпохой.

Хотя в трагедии нет прямых параллелей с современностью, открытых призывов к борьбе с тиранией, но по духу своему, по про-

---

[1] <Заметка о Катенине>. — Пушкин, т. 12, стр. 192.

низывающему ее текст пафосу гражданственности она должна быть названа декабристской. Весь строй мыслей и чувств героини пьесы — Андромахи, ее действия определяются органически присущим ей свободолюбием, невозможностью добровольно подчиниться насилию.

Как и в «Сиде» и в «Пире Иоанна Безземельного», Катенин решает в «Андромахе» проблемы народности и историзма. В трагедии строго выдержана историческая «местность», всем своим стилем «Андромаха» близка к античной трагедии, особенно это заметно в конце четвертого и пятого актов. Все поступки героев обусловлены нравами, обычаями и предрассудками того времени.

Катенин в «Андромахе» принципиально отказался от каких-либо внешних эффектов, занимательности интриги, сосредоточив все внимание на поведении и психологии людей. Предметом искусства для Катенина был «человек в действии», и задачу драматурга он видел в том, чтобы изобразить «пружины сего действия, нравы, чувства и страсти» «верно, сильно и горячо».[1] В пьесе предстает одинокая, страдающая личность, противопоставленная жестокому, несправедливому обществу. Конфликт развивается вне прямолинейной классицистической дилеммы. Герои произведения обуреваемы сильными страстями, способ построения характеров далеко отходит от классицистического, основанного на подчеркивании какой-либо одной, ведущей черты.

Но при всем этом Катенин выбрал для «Андромахи» строгие контуры классицистической трагедии Расина, которые, по его мнению, полностью соответствовали требованию психологического раскрытия характеров, глубинному показу борьбы страстей и чувств. Это не означало, что Катенин считал единственно возможной форму классицистической трагедии. Форма драматического произведения, по его мнению, должна была определяться содержанием: «Содержание простое, немногосложное, как выбирали греки и ученики их, почти всегда не с большим трудом входит в пределы временного и местного единства; но содержания пространные и запутанные требуют непременно протяжения времени, изменения места».[2] Кроме того, Катенин считал, что романтическая зыбкость и подвижность формы в известных случаях могли привести к субъективизму и нарушить «натуру», то есть естественность и простоту, а также ослабить идейное звучание вещи.

[1] «Размышления и разборы». — «Литературная газета», 1830, 17 декабря, стр. 284. В этом Катенин следовал за А. Шлегелем.

[2] Там же, 1830, 27 ноября, стр. 253.

Изображая одного из главных героев трагедии — Пирра, Катенин отказывается от «пошлой пружины французской трагедии», как говорил Пушкин — «противуположности характеров» — мрачного злодейства и добродетельной невинности. На русской сцене из пьесы в пьесу кочевали злодеи, таившие честолюбивые замыслы, и их добродетельные жертвы. Даже у Озерова Пирр в «Поликсене» выступает как воплощение открытого злодейства, он издевается над несчастной Поликсеной перед самой ее смертью.

Не таков Пирр у Катенина. Он убийца Приама, один из главных губителей Трои, но он так разносторонне обрисован драматургом, что временами даже привлекает к себе глубокое сочувствие. Пирр горд и смел, дерзок и буен, неистов в гневе, самозабвенен в любви к Андромахе. Катенин рисует не только многообразие чувств и страстей, которыми волнуем Пирр, но и раскрывает движение чувств своего героя. В динамике даны и чувства Андромахи.

Пирр появляется в пьесе как истинный сын Ахилла: подобно отцу пылая «гневом» и ненавистью к Агамемнону, он требует себе Андромаху «в отраду и любви и гнева». Здесь (действие 1, явл. 7) характер Пирра обрисован «гомеровскими» красками, он выступает как мститель за отца и наследник его прав и его «гнева». Но по мере развития пьесы характер Пирра приобретает истинную оригинальность, и чувства его раскрываются с большой психологической глубиной.

Воин, «воспитанный для войны», Пирр унаследовал от отца мужество, дерзкую отвагу и прямоту. С резкостью он бросает в лицо Агамемнона слова — «царь властолюбивый». Он весь охвачен ненавистью и презрением к коварному Агамемнону, который посмел лишить его прав на сына Гектора — Астианакса. Превосходна динамичностью и энергией стиха словесная дуэль, происходящая между двумя врагами — Пирром и Агамемноном — в конце четвертого действия, когда они перебрасываются короткими репликами, стремительными фразами. В этом словесном поединке раскрывается их взаимная ненависть, еле сдерживаемая дотоле ярость.

Не таков Пирр во встречах с Андромахой, его охватывают противоречивые чувства при виде ее. В первом свидании с Андромахой он полон благородства, обращая к ней слова: «Несчастных оскорблять не Пиррово есть свойство», он ждет от нее добровольного согласия на брак. В зависимости от ее ответа он готов:

И посвятить тебе, презренный иль любимый,
Иль страсть безмерную, иль гнев неукротимый.

В этих словах весь Пирр — сильный человек, у которого все чувства беспредельны.

Отвергнутый Андромахой, он полон ярости, грозит, что своею рукой убьет Астианакса. Когда Андромаха вынуждена прийти к нему за помощью, он издевается над ней, гневно иронизирует. Его монологи — «Тебя ли вижу я?..» и «Поди к своим друзьям...» (действие 4, явл. 4) — построены на повторах, реминисценциях гордой речи Андромахи, в которой она с презрением бросала ему в лицо смелые слова, говоря, что не может унизиться до брака с ним (см. действие 2, явл. 6).

Сейчас Пирр, еще недавно просивший ее согласия на брак с ним, уверяет, что ненавидит «хитрую» Андромаху и убьет ее сына. Но благородная Андромаха понимает душу доблестного Пирра — это две сильные души, равные друг другу. Она знает, что хоть «сердце буйное» и влекло этого юношу к мести, он в глубине души жалеет ее несчастного сына. Андромаха понимает, что Пирр, сын Ахилла, не рожден «на ненависть и зло», цельный, сильный характер Пирра не может унизиться до роли мелкого, злобного мстителя. И по существу, Пирр достоин Андромахи, она должна была бы полюбить такого Пирра, который ради любви к ней идет на смерть, ради нее превращается во врага своих друзей.

Но если бы Андромаха полюбила Пирра, то трагедия Катенина не была бы вольнолюбивым произведением. Андромаха не в силах отдать сердце поработителю своей родины.[1] Любовь к отечеству и любовь к сыну — вот те чувства, которые владеют героиней.

Интерес трагедии сосредоточен Катениным на материнской любви. До него в русской трагедии не было такого примера глубокого раскрытия переживаний матери. Борьба между материнским чувством Андромахи и ненавистью к Пирру движет драматическое действие.

В третьем акте на сцене появляется сын Андромахи Астианакс. Ознакомившийся с этим актом Пушкин в письме к Катенину назвал его «прелестным» «в величавой простоте своей».[2] Грибоедов, огорчавшийся по поводу того, что Катенин не выправил дурного слога ряда мест трагедии, отозвался все же с восторгом: «И как третий акт превосходен, несмотря на дурной слог!»[3]

---

[1] Характерно, что Катенин не следует за Еврипидом, у которого Андромаха боится за жизнь Молосса — ребенка, являющегося ее сыном от Пирра.

[2] Письмо от сентября 1825 г. — Пушкин, т. 13, стр. 225.

[3] А. С. Грибоедов. Письмо к С. Н. Бегичеву от июля 1824 г. — Соч., М.—Л., 1959, стр. 546.

Характер Астианакса раскрыт Катениным также как героический. В изображении Катенина мальчик весь живет воспоминаниями об отце, на которого он хочет быть похож. В разговоре с матерью Астианакс все время упоминает имя отца, просит ее рассказать ему об угнетающей ее тайне «ради Гектора», остерегает ее от брака с Пирром, чтобы не вызвать гнева «тени» Гектора, а узнав о грозящей ему смерти, Астианакс готов предпочесть смерть «боязни и стыду».

Герои Катенина — это истинно высокие духом люди, и потому Катенин в обрисовке их облика ближе к драматургии Софокла, чем к Еврипиду, у которого мы встречаемся со сниженно-бытовыми образами.

Андромаха выступает против царствующего в мире зла, она активна в своих поступках, она делает для спасения своего сына все, что в ее силах. Когда же она уже ничем не может помочь Астианаксу, то инициатива его спасения переходит к Пирру, который идет сражаться за него с Агамемноном. И вместе с тем с конца 4-го действия борьба за спасение мальчика по существу становится бесполезной и невозможной. Фактически пьеса кончается в 4-м акте. И в этом сказывается не случайный просчет драматурга, а результат сознательно проводимой им через всю пьесу мысли. Пирр обещает Андромахе: «Сколь много может муж противиться судьбе, столь много сделаю».

В действие вмешивается другая, неумолимая сила — власть богов, которые отныне распоряжаются жизнью и смертью Астианакса. Критика назвала это «замашкою древних», у которых судьба властвует над жизнью человека.

Неумолимая власть богов является для Катенина одним из существеннейших признаков античной «местности». Романтизм, выступив против рационалистического схематизма и отвлеченности классицизма в изображении человека, выдвинул «проблему обоснования своеобразия человеческой личности чем-то вне ее лежащим, для нее объективным, а именно типом данной национальной культуры. Здесь был заложен принцип преодоления субъективизма романтического мышления».[1] В этом понимании объективных закономерностей, лежащих вне человека, были заложены и некоторые основы для отхода Катенина от романтического метода.

При всех достоинствах «Андромахи», она все же не оказала большого влияния на развитие русской драматургии, так как в ней

---

[1] Г. А. Гуковский. Очерки по истории русского реализма, ч. 1. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 196.

говорилось лишь о судьбе героев, а не о судьбах народа. Эту задачу решил Пушкин в «Борисе Годунове». Однако именно Пушкин сказал об «Андромахе», что это «может быть, лучшее произведение нашей Мельпомены по силе истинных чувств, по духу истинно трагическому». [1]

10

Второй период творчества Катенина после 14 декабря 1825 года характеризуется дальнейшим углублением и развитием историзма его мышления.

Чрезвычайно показателен в этом отношении его теоретический труд — цикл статей «Размышления и разборы», который ошибочно оценивался иногда как манифест классициста. Основой для классицистической теории явилось представление о существовании вечных и неизменных критериев прекрасного, базирующихся на законах разума, неизменных жанровых образцах. Катенин же в своих остроумных, написанных с полемическим задором и подлинным блеском статьях исходит из положения об изменчивости как критериев в оценке произведений искусства, так и изменчивости форм, родов, видов, жанров художественных произведений. «В каждом веке и народе появлялись... новые формы стихотворений», — пишет он. [2] Катенин утверждает прежде всего необходимость исторического подхода к оценке произведений искусства и выдвигает момент национального своеобразия литературы, определяемого историческими условиями развития каждого народа, различными эпохами.

Исходя из изменчивости понятия о прекрасном, он отвергает разделение поэзии на классическую и романтическую. В этом отношении его взгляд совпадает с точкой зрения К. Ф. Рылеева. [3]

Важное значение для оценки эстетических взглядов Катенина имеет и его отношение к Шекспиру, чье творчество привлекало внимание Катенина в конце 20-х — начале 30-х годов. П. П. Каратыгин пишет: «В исходе двадцатых годов Катенин, по-видимому, намеревался французскому романтизму, который прививался к нашей театральной литературе, противупоставить репертуар Шекспира, знакомый нашей публике по чудовищно безобразным переделкам

---

[1] О народной драме и драме «Марфа Посадница». — Пушкин, т. 11, стр. 180.

[2] «Размышления и разборы». — «Литературная газета», 1830, 16 января, стр. 31.

[3] См.: К. Ф. Рылеев. Несколько мыслей о поэзии. — Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М., 1956, стр. 297.

француза Дюсиса. С этой целью Катенин начал переводить трагедии-хроники: «Генрих IV», «Генрих V» ... но в двадцатых годах главными помехами к знакомству русских с великим поэтом Англии были, во-первых, цензура, во-вторых, наши престарелые поклонники классицизма, возмущавшиеся при мысли о трагедиях Шекспира, в которых, вопреки завету старины, весьма часто торжествует ненаказанный порок и страждет угнетенная добродетель». Далее П. П. Каратыгин называет Ф. Ф. Кокошкина как особенно яростного противника «шекспировщины» и приводит его разговор с Катениным, свидетельствующий о том, что именно Катенин выступал в защиту Шекспира: «Однажды Катенин спросил его: „Да читали ли вы Шекспира?“ — „Я? — с негодованием отвечал Кокошкин. — Нет-с, и не читал, да и читать не намерен!“» [1]

«Тень Шекспира», переведенная Катениным из Шиллера в 1832 году, а также «Размышления и разборы», которые как раз создавались на исходе 20-х годов, являются косвенным подтверждением правильности утверждения Каратыгина.[2] В «Размышлениях и разборах» Катенин очень часто цитирует «Генриха V» и дает высокую оценку этой трагедии. Сам он начинает писать комедию «Вражда и любовь» в подражание шекспировской «Мера за меру».

Однако то единственное и, конечно, чрезвычайно существенное, чего Катенин не принял у Шекспира, это — сочетание комического с трагическим в его трагедиях. Катенин считает, что великий художник отдавал этим дань вкусам черни. Но, выступая в «Размышлениях и разборах» против современных ему русских псевдоромантиков, Катенин противопоставляет их творчеству не только создания Расина, но и Шекспира. Объединившись в начале 1830-х годов с Пушкиным против реакционных литераторов типа Булгарина, объявлявших себя «романтиками», Катенин направляет свои «Размышления и разборы» в первую очередь против них.

Катенин объявляет себя врагом как псевдоромантиков, так и «ультраклассиков». Называя деление поэзии «по родам и формам» произвольным, он считает главным и решающим, чтобы художник, «избрав, как ему угодно, покрой Шекспира или Расина, Альфиерия или Шиллера», сумел передать правду чувств и страстей.[3]

---

[1] «Павел Александрович Катенин». — ПД, ф. 265 («Русской старины»).

[2] В Ленинградской государственной театральной библиотеке хранится перевод «Генриха IV», запрещенный в 1840 г. цензурой. По нашему мнению, он не принадлежит Катенину.

[3] «Литературная газета», 1830, 17 декабря, стр. 285.

Принципиальное значение в политическом отношении имеют выступления Катенина в «Размышлениях и разборах» против «великолепных спектаклей», которые стали основой репертуара после 14 декабря 1825 года. Император Николай I не любил трагедий, но охотно посещал помпезные или развлекательные пьесы.

Выступая с негодованием против «великолепных» зрелищ, имевших к тому же реакционную направленность, Катенин противопоставляет разного рода бутафорским сражениям, взрывам крепостей и т. п. эффектам строгость и скромность художественных средств Шекспира, который в «Генрихе V» извиняется перед публикой, что должен будет представить им жалкими театральными средствами Азинкурское сражение.

«Размышления и разборы» были напечатаны по настоянию Пушкина. Именно к Катенину обращался Пушкин с предложением: «не затеять ли нам журнала вроде «Edinburgh Review»? Голос истинной критики необходим у нас; кому же, как не тебе, забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности новое, истинное направление? Покамест, кроме тебя, нет у нас критика». [1]

11

В борьбе с лирическим субъективизмом в поэзии окрепло мастерство Катенина в изображении объективного мира. Это завоеванное им качество осталось важнейшей чертой его творческого почерка в течение всей его жизни, на этой основе возникли значительные произведения второго периода его литературной деятельности: «Гнездо голубки» (1835), «Инвалид Горев» (1835), «Сафо» (1838).

Но это не значит, что Катенину осталось абсолютно чуждым раскрытие внутреннего мира человека, что в его творчестве отсутствовала стихия лиризма. Во втором периоде творчества Катенина отчетливо прочерчивается в его стихах стремление к раскрытию своего душевного облика. Но личность поэта, самого Катенина предстает в его творчестве в связях с внешним миром, приобретая социальную и политическую окраску.

После восстания декабристов в стихах Катенина появляется лирический образ поэта — изгнанника, одинокого в жестоком мире, человека с гордой душой, преследуемого судьбой. Впервые намечается этот образ в «Мире поэта», произведении, созданном в

---

[1] Письмо от февраля 1826 г. — Пушкин, т. 13, стр. 261—262.

период ссылки. В этом же стихотворении возникает и мотив «злой судьбы» как символа самодержавия, несправедливости строя царской России, характерный для декабристской поэзии.

После 14 декабря 1825 года лирический образ поэта у Катенина приобретает еще более зримые черты поэта-гражданина, носителя высоких идеалов, во имя которых погибли его друзья и товарищи. Мы встречаемся с этим образом в «Элегии», «Гении и поэте», сонетах, лирических отступлениях «Княжны Милуши». Наиболее развернут он в «Гении и поэте», стихотворении, в котором Катенин воспевает свободу Греции и французскую революцию 1830 года. Характерно, что оно написано как произведение открытого политического звучания, что было вообще не очень типично для творческой манеры Катенина. Оно заставляет нас вспомнить вольнолюбивую тематику и политическую лексику его песни «Отечество наше страдает...». Воскрешая идеалы декабризма, говоря о борьбе за свободу, Катенин использует и форму, присущую декабристской поэзии. Диалог гения и поэта дается Катениным в двух лексических планах. Поэт ведет задушевный разговор с гением о своих бедах, а гений обращается к нему с торжественно-приподнятой речью, аллегорические образы, напряженная величественная патетика его «монологов» близки к стилю од Ломоносова и Державина.

Наряду с этим стремлением к лирическому выражению образа автора Катенин во второй период своего творчества продолжает опыты в области исторически верного изображения различных типов культур. Примером этого могут служить «Гнездо голубки» и «Сафо». Если в «Мире поэта» описание библейских времен, древнего античного мира, средневековья было дано через восприятие поэта, являлось как бы содержанием мира его мечты, то в «Гнезде голубки» и «Сафо» Катенин углубляет принцип объективного изображения чужой культуры, идет дальше в своем стремлении воссоздать наиболее типические ее черты, взятые вне авторского отношения. В «Гнезде голубки» он повествует бесстрастным тоном о чудовищных преступлениях от лица «правоверного» магометанина, который огнем и мечом грозно учит «упорных гяуров». «Град... злочестный», «нечестивый», книги «богопротивные», «неверные», — так говорит не сам поэт, а его герой — жестокий фанатик и изувер. Но несмотря на то что автор не вмешивается в повествование, не дает своей оценки события, картина, нарисованная им, так конкретна, что художник достигает свой цели — его стихотворение воспринимается как гневный протест против религиозного фанатизма, варварства, лицемерного ханжества.

12

Изображение русской национальной культуры, занимавшее столь большое место в творчестве Катенина, после 14 декабря 1825 года приобретает у него новое осмысление, существенно иное, нежели то, какое мы встречали в его произведениях прежде.

В народной поэзии, русском былинном эпосе Катенин, подобно другим декабристам, находил идею народного патриотизма, и тематика русской старины в литературе рассматривалась Катениным как один из показателей верности принципу народности и самобытности.

В 1814 году Катенин русифицировал гетевскую балладу «Певец», и его вольный перевод хотя и был откровенной *стилизацией* под народность, но, по взглядам того времени, имел полное право на существование как один из образцов «самобытной» литературы, для создания которой писатель пользовался былинами, песнями, сказками. Князь Владимир фигурировал в «Певце» как «красное солнышко», благостный отец народа, в полном соответствии с его былинно-сказочным обликом. После 14 декабря 1825 года такой подход к изображению русского прошлого стал для Катенина невозможен: реакционные литераторы вроде Погодина, Булгарина, Загоскина, Масальского в своих «исторических» пьесах и романах демагогически использовали историю для восхваления самодержавной власти. Литературная реакция наступала широким фронтом. Выписывая журналы, альманахи, читатели получали очередные порции официозного «чтива». Показателен, например, откровенным использованием и декабристской аллюзионности, и «вольнолюбивой» фразеологии в целях прославления самодержавия «Отрывок из драматической поэмы „Рюрик“» некоего И. Ч. Автор переосмысляет тему Вадима Новгородского в реакционном плане, прославляет Рюрика, который дышит «общим благом», с умилением говорит о «пруссах», подразумевая немцев. окружавших Николая I, и с достаточной прозрачностью намекает на подавление Николаем I («Рюриком») восстания 14 декабря.[1]

Во второй период своего творчества, после 14 декабря 1825 года, Катенин, начиная со «Старой были», трактует тему русской истории в *сатирическом* аспекте.

«Старая быль» — острый политический памфлет, направленный против русского самодержавия, — свидетельствует о новом, более глубоком осмыслении Катениным проблем истории, знаменует иное отношение его к проблеме народности.

---

[1] «Невский альманах на 1830 год». СПб., 1830, стр. 427.

Ю. Н. Тынянов раскрыл полемический смысл «Старой были» по отношению к Пушкину, которого Катенин упрекал этим стихотворением за его «Стансы» («В надежде славы и добра...»).[1] Пушкин проводил в «Стансах» аналогию между Николаем I и Петром I, стараясь таким путем продиктовать царю либеральную программу, выдвигая исторический пример действий Петра I. В заключительном стихе «Стансов» Пушкин указывал царю на необходимость политической амнистии декабристов. Но само обращение поэта к Николаю, как казалось Катенину, заключало компромисс Пушкина с самодержавием. Именно к этому и отнесся в высшей степени критически Катенин.

Но «Старая быль» направлена не только против Пушкина и даже не столько против Пушкина, сколько разоблачает основы победившего принципа «государственности», все лицемерие и гнусность «патриархального» монархического строя. Катенин знал, что Пушкин сразу поймет намеки, направленные против него, и тем не менее он упорно добивался того, чтобы стихотворение дошло до Пушкина, и очень ждал его ответа. В этом сказалась и прямота Катенина, и его вера в Пушкина. В своем стихотворении он обратился к Пушкину с призывом выпить из кубка — символа верности вольнолюбивым идеалам.

Памфлетной направленности «Старой были» полностью соответствует ее стиль. Ему присуще то, что было *противоположно* всем творческим установкам Катенина, противоречило суровой сдержанности и строгости его стихов — медоточивая *сентиментальность*. Автор как бы захлебывается от восторга, рисуя счастливую жизнь царственных супругов и благоденствие народа: в дому новобрачных «веселые дни», «подобие светлого рая»; народ в неистовстве умиления кричит: «господь, осени их святыней», о самих представителях народа сказано — «добрые люди». Все это можно понять как пародию на лакейский «патриотизм». Так, у Ф. Булгарина народ распевает:

Стосковались сердца русские
По отце родном, по царе своем...
...И вот царь-отец возвращается,
Вот он детками утешается.[2]

В елейных тонах рисует Катенин «солнышко князя» Владимира, который, отдав «ласковый» поклон народу, садится на празднестве,

---

[1] См.: «Архаисты и новаторы». Л., 1929, стр. 162—173.

[2] «Стан Димитрия Самозванца под Москвою, 16 июня 1605 года». — «Невский альманах на 1829 год». СПб., 1828, стр. 209.

«словно пастырь у стада». Но вкрапленные кое-где отдельные слова, имеющие иную стилистическую окраску, разрушают этот слитный поток «сладостных» эпитетов, подчеркивая иронический характер всех восхвалений.

Например, сравнивая услужающих царице с пчелами, которые летают «по весеннему лугу», Катенин вдруг нарушает этот приторно-сентиментальный строй речи неожиданным и неоправданно грубым словом: «и евнухи кучей». Возможно, что некоторые строки несли в себе конкретные намеки на русскую действительность. Так, в словах «сегодня был праздник, а завтра другой» автор, может быть, имел в виду празднества по поводу коронации Николая I. Сатирическая направленность стихотворения Катенина с наибольшей отчетливостью раскрывалась в льстивой песне грека. Катенин рисовал царский престол как неколебимый и «страшный», к которому нельзя приблизиться (см. примечания) из-за разевающих пасти «львов», охраняющих неувядающее «древо» — символ царской власти.[1] В общем контексте «страшного» престола, грозных львов, охраняющих его, Владимир, сидящий среди народа, «словно пастырь у стада», становился похожим на реального «пастыря» — Николая I, который, жестоко расстреляв пушками на Сенатской площади восставших, лицемерно называл себя «отцом» народа. Похвалив «Старую быль» в своем отзыве о «Сочинениях» Катенина, Пушкин оценил именно «простодушие» произведения, то есть найденную Катениным маску «простодушного» былинника, с помощью которой он создал хлесткий сатирический памфлет.

Тема Владимира-князя, тема старой Руси возникает теперь в творчестве Катенина лишь как пародийно-сатирическая. В «Рондо» мы видим Владимира-князя как «нехрестя», добывшего при помощи ведьмы-жены Херсон. Вольное обращение Катенина со «святым» князем Владимиром не случайно вызвало возмущение Ф. Булгарина, почувствовавшего политический подтекст стихотворения: «Что может быть богатее предмета, как взятие Херсона, крещение Владимира и брак с греческою царевной? — писал Булгарин. — А что из этого вышло?» Маленькое «Рондо» Катенина заслужило него-

---

[1] Та же символика в «Любопытном разговоре» декабриста Никиты Муравьева, который, отрицая божественное происхождение царской власти, писал: «Всякое древо доброе добры плоды творит... всякое же древо, не приносящее плодов добрых, будет посечено и ввергнуто в огонь» (Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1. М., 1951, стр. 331). Интересные наблюдения о смысловой связи пушкинского «Анчара» со «Старой былью» см. в статье В. Виноградова «О стиле Пушкина» («Литературное наследство», № 16—18. М., 1934, стр. 143—148).

дующий отзыв Булгарина, который придирался буквально к каждому слову, восклицая, например, в ужасе по поводу «низости» выражения: «Не промах муж», примененного к князю Владимиру, и спрашивая: «Какая же цель этой пиесы?» [1]

13

В творчестве Катенина 30-х годов важное место занимает «Княжна Милуша» — стихотворная сказка, получившая высокую оценку Пушкина. [2] «Княжна Милуша» — одно из сложнейших произведений Катенина, поэма многоплановая, значение которой не было оценено в достаточной мере ни современниками, ни последующей критикой. [3]

Катенин писал «Княжну Милушу» в 1832—1833 годах, в период тесного сближения с Пушкиным. Тогда же он высказал ему свое мнение о «Евгении Онегине» как о «драгоценном алмазе в русской поэзии». [4] Характерно, что именно Катенину Пушкин доверительно сообщил о политически остром содержании «Путешествия» Онегина, о том, что Онегин увидел военные поселения — страшное порождение Аракчеева. Отошли в прошлое мелкие размолвки молодых лет, и друг с другом сейчас беседовали два зрелых человека, остро ощущавшие свое время, два поэта делились своими мыслями о трагических судьбах своего поколения, о будущем России. В этот период Пушкин осмысляет проблему народных движений, готовится к работе над «Историей Пугачева». И Катенин по-иному уже смотрит сейчас на историю. В «Гении и поэте» он рисует не героев-

---

[1] «Северная пчела», 1833, 4 мая, стр. 390—391.

[2] Мы знаем об этом из ответа П. А. Катенина Пушкину: «За „Милушу“ благодарю, хотя не вполне согласен с твоим мнением, якобы она мое лучшее творение» (письмо П. А. Катенина от 16 мая 1835 г. — Пушкин, т. 16, стр. 26).

[3] См.: И. П. Лупанова. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959. Здесь правильно отмечена ошибка исследователей, считавших сказку Катенина «богатырской» поэмой в «народном духе», безнадежно устаревшей к моменту ее появления. И. П. Лупанова, как и А. Н. Соколов (см. его «Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века». М., 1955, стр. 461), уловила наличие в поэме пародийного момента. В книге Соколова дан интересный анализ достижений Катенина в области поэмы, но исследователь все же не дает ответа на вопрос, во имя чего была написана «Княжна Милуша».

[4] П. А. Катенин. Воспоминания о Пушкине. — «Литературное наследство», № 16—18. М., 1934, стр. 639.

одиночек, а пытается сказать о революции 1830 года как всеобщем движении:

Стар и млад, богач и бедный —
Все с оружьем, все бойцы...

После 14 декабря 1825 года декабристы задумывались над ролью народа в истории и значении его участия в освободительных движениях. Общение с Пушкиным, глубокие раздумья о судьбах России — все это наложило свой отпечаток на «Княжну Милушу». Лирическое отступление, начинающее третью песню поэмы-сказки, можно понимать как диалог с Пушкиным.

Теснимый булгаринской шайкой торгашей от литературы, стремясь, но не имея возможности уйти с ненавистной царской службы, вырваться из камер-юнкерского мундира, Пушкин замыкается в горькое, скорбное одиночество поэта, который пишет «много про себя», а печатает «поневоле» [1] и не в угоду царю. Об этом он, конечно, тоже говорил с Катениным. И 9-я строфа лирического отступления в 3-й песне «Княжны Милуши» как бы является ответом Катенина Пушкину:

Что ж делать? Петь, пока еще поется,
Не умолкать, пока не онемел.
Пускай хвала счастливейшим дается;
Кто от души простой и чистой пел,
Тот не искал сих плесков всенародных;
В немногих он, ему по духу сродных,
В самом себе получит мзду свою.
Власть — слушать, власть — не слушать; я пою.

Эта строфа находит прямое соответствие со следующими строками письма Катенина к Пушкину: «Хотим более всех угодить себе, потом избранным, наконец уже и прочим; ...идем своей дорогой; доверяем своему по совести суждению более, нежели чужому, часто невежественному...» [2]

Во вступлении к 4-й песне Катенин перекликается с Пушкиным, который вспоминал погибших друзей-декабристов в «Онегине» («Иных уж нет, а те далече»):

Но где они? Большу́ю половину
Скосила смерть; другие ... берег пуст.

---

[1] Письмо к М. П. Погодину (начало апреля 1834 г.) — Пушкин, т. 15, стр. 124.
[2] Письмо от 16 мая 1835 г. — Пушкин, т. 16, стр. 26.

Едва двух-трех я глазом там окину,
И те молчат...

Но значение поэмы Катенина не в одних только лирических отступлениях и намеках на современность. Между ними и основным текстом поэмы есть тесная связь.

В «Княжне Милуше» Катенин иронизирует не только по поводу тематики и литературных особенностей современной ему поэзии, но и опровергает кое-что присущее и ему самому в прежние времена. Вряд ли случайно, например, что в тексте рассказа Проведы в точности повторяется ситуация трагедии «Ариадна» (1811). Подобно тому как Тезей, накануне бракосочетания с Ариадной, бросает невесту и бежит с ее сестрой Федрой, так и в «Княжне Милуше» Владимир-князь в назначенный день свадьбы с Проведой тайно скрывается с ее сестрой Лебедой. Катенин повествует об этом с иронией. Так, например, патетическое восклицание Проведы, обращенное к Владимиру, в контексте этого эпизода воспринимается в пародийном ключе:

Ты весел был, бесчестный похититель!
А между тем погубленных тобой
Двух дочерей отчаянный родитель
Блуждал как тень по гриднице пустой.

Катенин сознательно отказывается от романтической приподнятости в трактовке темы личной свободы чувства, свободы любви.

В рассказе Проведы, пародирующем длинные монологи героев романтических поэм, Катенин концентрирует все штампованные поэтизмы: «вежды», «ланиты», «пени», рифмующиеся с «колени», «младость» — «сладость» и т. п. Пародийность замысла выступает с отчетливостью в сопоставлении со слогом, каким написаны лирические отступления, в которых с жестокой и суровой интонацией Катенин говорит о самом себе. Совсем по-державински решен Катениным образ судьбы:

Я сам не раз, гоним судьбой враждебной,
Бичом ее пробитый до костей...

В образе главного персонажа — Всеслава Голицы — Катенин преследовал цель высмеять «романтический» культ героической личности «богатыря», который один свершает все подвиги. Снижение образа «героя» доведено до предела тем, что он в конце сказки превращен в вепря. Поэт иронизирует над «кровожадностью» Голицы.

Опровергая мнение об исключительной роли личности в бою, он говорит, что судьбы сражения решает простой народ, солдаты:

Водить полки — наука воевод.
Но в драке сам большой — простой народ.

Полемичен и образ князя Владимира. Он и не святой, и не «красное солнышко», а неумный, легкомысленный человек, прелюбодей, чревоугодник. «Княжной Милушей» Катенин продолжает линию «Старой были», показав неприглядный человеческий облик верховного правителя, высмеивая реакционность официозно-«народных» произведений, где выступает «царь-батюшка». Примечательно, что между образом «отца народа» — царем Дадоном из сказки Пушкина «Золотой петушок» и катенинским Владимиром существует прямая связь.

Следует поставить вопрос об источниках, на которые ориентировался Катенин, создавая «Княжну Милушу». В начале первой песни Катенин предлагает боярышням-девицам послушать «цевницы, не слыханной давно». Анализ поэмы приводит к догадке, что Катенин отталкивался от поэмы Радищева «Бова», которая имела такое большое значение и для Пушкина.

Как в свое время Радищев выступил в «Бове» против реакционного искажения героической русской старины, так и Катенин защищает близкую ему и поныне идею истинной народности русской литературы, выступая против реакционного осмысления ее как преданности вере, царю, самодержавию. Характерно, что в поэме нет ни слова о защите веры, и, конечно, не случайно, что Голица даже сражается за «неправое» дело — он не на стороне Зюльфиры, а защищает Моргуда.

Радищев дал в «Бове» свое понимание «рыцарских» обычаев: «где кулак тяжеловесный степень был ко громкой славе, а нередко — ко престолу». В этом же ключе решает и Катенин тематику «рыцарства». Проведа отчитывает Владимира — «хозяина буйной тризны» — за то, что он выбирает мужа Милуше исходя лишь из того, «кто удалой боец».

Пародийно, как и у Радищева, дано описание турнира. В результате «подвигов» Всеслава:

Кого во гроб несут, кого в больницу:
Работы клад священникам, врачам.

Близок Радищеву, хотя мы встречаем это у Катенина и в «Старой были», и принцип сочетания, в пародийных целях, различных речевых стихий, введение в текст нарочито «грубых» элементов.

При всем сказочном и пародийном характере поэмы Катенин подчас переключает повествование в другой план, когда рисует искреннюю, чистую любовь Милуши. Поэт знакомит нас с Милушей в момент решения ее судьбы — когда она должна ждать «с покорностью рабы», какого жениха даст ей «судьба». Совершая экскурсы из прошлого к современности, Катенин подчеркивает, что эта извечная тема — покорности родителям — существует и в его время, потому-то он и обращает речь к своим современницам, милым «боярышням-девицам». Милуша — любимая героиня Катенина, и он прослеживает бесхитростные думы и волнения, которыми охвачена эта обаятельная и скромная девушка. Ее радость после победы Всеслава, грусть от разлуки с ним Катенин передает очень просто, по-русски и с истинным лиризмом:

Как солнышко, так и Милуша встанет,
Как думушка, так жениха помянет.

Сказочная основа «Княжны Милуши» забывается, становится чем-то совершенно второстепенным, когда поэт приобщает нас к тихой, задумчивой беседе молодых людей, находя для нее интимные, задушевные краски, простоту интонаций бытового разговора.

И в конце поэмы, когда Голица, силою любви умницы Милуши, вновь обретает свободу и она становится его женой, сохраняя свою скромность, и нежность, и житейский ум, прощая мужу все, то не остается и следа от сказочной основы поэмы, а на первый план выступает сила простых «истинных» чувств.

«Княжна Милуша» была еще одним шагом Катенина на пути к его совершенствованию как художника. И подлинно реалистическое произведение Катенина «Инвалид Горев», предвещающее Некрасова, отнюдь не было случайностью в его творчестве, оно было подготовлено важными вехами на пути Катенина — «простонародными» балладами, методом психологической обрисовки человека в драмах, «Старой былью», «Княжной Милушей».

14

Два произведения, созданные Катениным в середине 30-х годов, раскрывают как бы две грани его дарования — «Сафо» и «Инвалид Горев».

Романтическая кантата «Сафо» повествует о неразделенной любви, о гордой, сильной личности, которая «вступает в спор с судь-

бою», предпочитая унижению смерть. Как и в «Андромахе», Катенин говорит в «Сафо» о беспредельных, неистовых страстях. Образность, лексика кантаты подчинены стремлению художника показать силу и бескрайность чувств. Любовная страсть приводит Сафо в исступление, сжигает ее как «пламя»; жар любви сравнивается с ядом.

При помощи поэтического образа «бурного» понта, «приморья бурного Левкада» Катенин показывает всю беспредельность любви Сафо. Лишь эта могучая, грозная, мрачная стихия достойна вступить с ней в единоборство:

Смогла ли бы река забвенья
Залить страстей моих кипенья
Струею тихой, как елей?
Ты, грозное, сберися с силой
И, став купелью иль могилой,
Их огнь пылающий залей.

Здесь Катенин уходит от величавой и несколько холодной торжественности некоторых своих более ранних произведений об античном мире. И это понятно: в «кантате» поэт поставил перед собой цель изнутри раскрыть строй мыслей и чувств древнего человека, воспроизвести дух античной жизни в ее интимном содержании. Характерно, что в свое произведение он включил подлинные стихи древнегреческой поэтессы. В то же время в соответствии с строгим историзмом художественного мышления Катенин показывает Сафо не как одинокого, замкнутого в своем личном горе человека, а как личность, душа которой открыта всему народу, для которой жизнь и поэзия составляют одно неделимое целое. Ту же художественно верную краску находит Катенин для изображения народной жизни. Гребцы, простые отзывчивые люди, поют бесхитростную песню, передавая в ней, как это присуще народным сказителям, все то, что они видят в данную минуту: и ветку мирта, которая проплывает перед ними в воде, и чайку, подхватившую в воде рыбку, и белеющий вдалеке берег, говорят они в песне о своем «труде тяжелом» и вспоминают знакомые им легенды.

«Кантата» могла быть создана Катениным лишь в 30-е годы как итог многих его раздумий. Сафо показана в окружении народа, который добр и горячо сочувствует ей. Это не легкомысленная толпа, которая бежит смотреть на интересное зрелище, как в «Софокле». Гребцы поют песню, чтобы «развлечь мрак Сафиных скорбей», и выделяют в этой песне все то, что может служить хорошим

предзнаменованием для Сафо. Толпы народа молят судьбу о спасении поэтессы, всю ночь они проводят на берегу, ожидая решения ее участи, и собирают челны, чтобы поспешить ей на помощь.[1] Герой в этой поэме Катенина не одинок — он борется вместе с народом. Так от романтической кантаты протягивается незримая нить к «были» «Инвалид Горев».

Все рассказанное писателем «сущая правда», и потому-то жанр произведения определен поэтом как «быль». И в этой «были» писатель повествует о самом демократическом герое своего времени и самом несчастном — о русском солдате, чья участь по тягости своей могла идти в сравнение лишь с судьбой русского крестьянина. Современники писали о трагической участи солдат, окончивших срок службы. Чудом дожив до конца своего 25-летнего срока, возвращались они в свою деревню, не находя уже там в живых своих близких, и ходили с сумою, нищенствуя, прося подаяния у таких же нищих, как они. Фактически этот же вопрос ставит и Катенин в своей «были». Не будь встречи Горева с князем, отставного солдата ждала бы в конечном итоге та же сума нищего. Мысль о полной безнадежности положения русского солдата высказана Катениным в краткой и очень емкой фразе, полной горькой иронии. Горев говорит князю: «а я бы вечно бога молил; и только надежды: он да вы». В реальность «помощи» бога сам Катенин не верил, да, вероятно, мало верил и его герой, а счастливой встречи с князем могло и не быть.

Гвардейский полковник в прошлом, князь — представитель того передового поколения, к которому принадлежал сам Катенин. Рассказывая об организованной князем школе «для пользы крестьянской», о его заботе об отставных военных, Катенин, очевидно, намечает определенную программу действий для передовых людей своего времени. Не случайно «Инвалида Горева» Катенин посвятил Н. И. Бахтину, занимавшемуся, в частности, вопросами улучшения положения отставных солдат. Но, повествуя о благородной деятельности князя, Катенин дает понять своим читателям, что он говорит им об исключительном человеке. С грустью отмечает он, что лишь предусмотрительно составленное князем завещание обеспечило и после его смерти безбедное существование трем инвалидам, так как

---

[1] Высказывалось предположение, что безысходный трагизм, которым проникнут финал кантаты, написанный в 1838 г., очевидно был навеян Катенину гибелью Пушкина (см.: Г. Битнер. Поздний Катенин. — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», 1939, № 33, вып. 2).

сын умершего князя был не согласен с ним «в образе мыслей». Таким образом, концовка произведения была лишь по видимости благополучной и «счастливой».

Художественные принципы, на которых основана «быль» Катенина, противостоят всем канонам романтической эстетики. Принципиальна «обыкновенность» героя. Горев — не исключительная личность, не герой-военачальник, а простой труженик войны, к тому же еще и незадачливый, в беспамятстве от ран попавший в плен.

В «были» Катенин углубляет и совершенствует свой метод изображения народной жизни. Если в «Убийце» он показывал конкретные детали крестьянского быта, причем события, взятые в моральном аспекте, могли происходить в любое время, были даны вне времени, то действие «Инвалида Горева» происходит в определенную эпоху — эпоху наполеоновских войн, и не так, как в «Наташе», где приметы времени не играли существенного значения. В «Инвалиде Гореве» точные, совершенно прозаические подробности — вроде того, что рекрут брали на Руси «двух с пятисот», — создают подлинную достоверность всему происходящему, они находятся в «были» рядом с широкими, эпического характера сравнениями, передающими дух эпохи «великих сеч». В отношении «Инвалида Горева» уже не приходится говорить об отдельных чертах колорита «местности», характерных для принципа романтического историзма. Сама история стала содержанием произведения, в начальных 17—18 стихотворных строках Катенин с эпическим размахом рисует громадный исторический период борьбы народов, борьбы свободы с деспотизмом. И для рассказа об этом найдена особая, строгая, широкая, вольная и вместе с тем емкая форма, близкая по типу к былине. Повествование об этом времени сначала ведет не Горев, а какой-то «бывалый» человек, человек из народа, былинник — суровый, умудренный опытом жизни. Именно он произносит звучащие как афоризмы, как вывод из опыта жизни народа полные глубокого смысла обобщения. Отсюда обилие местных и образных речений в словесной ткани произведения. Например, выразительно такое сравнение: Кутузов стал «вымораживать» французов, «словно хозяин из дому вон тараканов». Лев Толстой скажет впоследствии в своих военных рассказах, что русский солдат всегда говорит о неприятеле — «он». Точно так же выражается и Горев: «Палит он из пушек в наших».

Характер главного героя, истинно русского человека, является большим достижением поэта. Горев отважен, верен долгу, ему присуща чисто русская смекалка, он наделен глубоким чувством соб-

ственного достоинства. Вместе с тем он простодушен, добр и очень чист душой. Это взрослый ребенок, некоторыми своими чертами его облик предвосхищает образ Ивана Северьяновича из повести Н. С. Лескова «Очарованный странник». Гореву присуща такая простодушная вера в добро и вера в человека, что он и помыслить не может, например, о возможности измены со стороны своей жены.

А любовь к родине является как бы частью его души, она стала чертой его характера, и, пренебрегая всеми благами за границей, он спешит на «святую Русь». И тут Катенин подводит своего доброго, честного и простодушного героя к последним испытаниям, ожидающим его на «святой Руси», в собственной семье.

Тема власти денег, противопоставленная истинной человечности, которая отчетливо звучит в «Инвалиде Гореве», перекликается с темой, которой посвятил свою драматическую сказку — острую сатиру на тип приобретателя «Иван Купецкий сын» Кюхельбекер. Сам Кюхельбекер говорил о том, что именно после 14 декабря 1825 года «юмор и даже сарказм» стали одной из главных «пружин» его творчества.

Как Кюхельбекер, так и Катенин выступили против «практицизма» века, критикуя современные им нарождающиеся буржуазные отношения с позиции людей, преклоняющихся перед гуманностью, человечностью, «высокими» идеалами.

Конец «были» символичен и многозначителен — Федор и Вера, превыше всего ставившие деньги, получили их со смертью земского. Но деньги убивают все человеческое, и потому вслед за радостью к ним приходит горе — начинают умирать их дети. Концовка «Инвалида Горева» находится в соответствии с той глубоко гуманистической верой в победу добра и справедливости, в неизбежное возмездие за зло, которая была присуща Катенину еще в годы его пылкой и бурной молодости.

15

«Инвалид Горев», а также сонеты, басни, кантата «Сафо» свидетельствуют о том, что Катенин в 30-е годы находился в поре зрелости и расцвета своего таланта. Он говорил в письме к Пушкину в 1835 году, что послал В. Каратыгину целый «пакет» стихов и прозы, судьба которого неизвестна. К сожалению, мы еще не все знаем о творчестве Катенина 30-х годов.

После вынужденного увольнения в 1838 году Катенин уехал в свои костромские края. Он продолжал писать, мечтал в 1842 году

об издании третьей части своих стихотворений. Но после смерти Пушкина у Катенина не осталось столь близкого ему человека, который так бы понимал и ценил его творчество.

Существует ошибочное представление о том, будто бы Катенин до самой смерти безвыездно прожил в своем имении, не проявляя интереса к современной культурной жизни. Сохранилось любопытное письмо Катенина к М. Н. Загоскину от 1840 года, свидетельствующее о его интересе к передовому, реалистическому искусству. В этом письме находившийся в Москве Катенин просит Загоскина, как «старого знакомого и академического товарища», об удовлетворении его желания посмотреть «что-нибудь, в чем играет г. Щепкин, которого я доныне никогда не видал. Его уже просили стороною от моего имени, и он соглашается сыграть Хлопотуна...» [1]

Роль Хлопотуна в одноименном водевиле А. Писарева была одной из лучших ролей в репертуаре М. Щепкина. Примечательно как желание Катенина познакомиться с искусством Щепкина-реалиста, так и согласие великого актера сыграть специально для Катенина.

Воспоминания современников сохранили нам слова А. Ф. Писемского, соседа Катенина по имению, что «единственным» писателем, который благотворно повлиял на него, был Катенин. Рассказы современников говорят о «вольнодумствах» и чудачествах Катенина последних лет его жизни, и о том, что якобы от него отвернулись соседи. Конечно, крепостникам и самодурам Катенин был чуждым по духу человеком. Но крестьяне, по-видимому, любили его, и он сам охотно ездил по деревням, посещал деревенские праздники, внимательно присматривался к жизни крестьян.

9 мая 1853 года, в «Николин день», Катенин был разбит лошадьми. С печальной улыбкой сказал он поднимавшему его кучеру: «Подшутил над нами Никола». Смерть он встретил мужественно. Когда ему предложили исповедаться и причаститься, он ответил: «Не нужно!» [2] Умер он 23 мая 1853 года.

Тело Катенина было перевезено в Чухломский уезд и похоронено на кладбище села Бореева (в нескольких километрах от села Колотилово). На могиле была положена чугунная плита с надписью, сочиненной при жизни самим Катениным: «Павел сын Александров из роду Катениных. Честно отжил свой век, — служил

---

[1] Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, фонд Загоскина.

[2] В. Касторский. Писатели-костромичи (XVIII—XIX вв.). Кострома, 1958, стр. 40.

Отечеству верой и правдой, в Кульме бился насмерть, но судьба его пощадила; зла не творил никому и мене добра, чем хотелось». В 1955 году прах Катенина был перевезен в город Чухлому, и здесь на могиле в 1956 году ему был поставлен новый памятник.

* * *

Противник открытой тенденциозности литературы, лишь изредка писавший произведения, в которых непосредственно звучали политические мотивы, Катенин вместе с тем был одним из ярких представителей гражданственного направления в поэзии и драматургии русского прогрессивного романтизма. Он был заметной фигурой декабристского периода развития литературы, человеком, сохранившим до конца своих дней верность идеалам «вольнолюбивой» молодости.

Политические гонения, жизненные трудности, с которыми пришлось бороться Катенину, очевидно, не дали ему возможности в полной мере развернуть свой поэтический талант.

Человек ищущий, отнюдь не закостенелый догматик, Катенин последовательно углублял в своем творчестве принципы историзма, стремился к созданию произведений, которые могли бы стать образцами литературы «самобытной», отечественной. Именно на путях поиска историзма, «народности» литературы перед Катениным открывался выход за пределы романтического мироощущения.

В конце своего творческого пути, обогащенного раздумьями о роли народа в истории, о судьбах своего поколения, Катенин создает такое произведение, как «Инвалид Горев», которое, по существу, раскрывает новые грани его дарования и в общем развитии литературы предвещает творчество поэтов-демократов середины XIX века — таких, как Некрасов, Никитин и другие.

Г. Ермакова-Битнер

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕСНИ В СЕЛЬМЕ

Из Оссиана

Вечерняя звезда, подруга тихой нощи!
Чей лик, свечою вдруг блеснувший из-за рощи,
Сияньем радует лазурны небеса,
Безоблачных полей светило и краса!
Что взор склоняет твой в безмолвные долины?
Ветр шумный смолк; поток, прорывшийся в пучины,
Чуть льется; и к стопам прибрежныя скалы
Ласкаются, смирясь, сребристые валы.
Лишь гаснущей зари лучом еще златимый,
Жужжит крылатый рой, по воздуху носимый;
Лишь изредка пахнув от западной страны,
Промчится ветерок средь общей тишины.
О лучезарная! скажи: небес с вершины
Что взор склоняет твой в безмолвные долины?
Но ты, уже пройдя синеющийся свод,
С улыбкой клонишься на лоно резвых вод;
Они стекаются, вокруг тебя играют
И волосы твои златые омывают.
Прости, прекрасная! огонь твоих лучей
Потщусь я заменить огнем души моей.
Чьи тени восстают ко мне с холмов могильных?
Друзья почившие: Фингал, предтеча сильных,
И барды славные, певец скорбей Альпин,
Минона нежная, и Рино, и Уллин.
О сколь, друзья мои, вы много пременились

Со дней счастливых тех, как в Сельму мы сходились,
И пеньем спорили и стройных арф игрой,
Подобясь ветеркам, когда они весной
По зыблющим цветам пестреющего луга
Порхают и шумят, воюя друг на друга.
На торжестве таком пришла Минона к нам,
Небрежно волосы раскинув по плечам,
И слезы по лицу прекрасному струились.
Тогда, узрев ее, все жалостью смутились
Герои сильные; но арфу вдруг взяла,
И в песни Кольму нам на память привела.
Она Сальгара ждет; до ночи возвратиться
Сальгар ей обещал; но мрак уже густится,
И солнце скрылось; вкруг в пустыне тишина,
И стонет на холме несчастная одна.

Кольма

«Уже настала ночь; ветр хладный в поле свищет,
И бурей вдалеке колеблются валы,
И в поле диком взор убежища не сыщет.
Источник пенистый, свергаясь со скалы,
Дождями наводнен, крутится по долине.
Оставлена одна в безлюдной я пустыне.
Восстань, луна! пролей на землю луч златой;
Явите, звезды, мне ваш образ благотворный,
И укажите путь до той пещеры горной,
Где, ловлей утомлен, Сальгар почиет мой.
Он там лежит, и псов вокруг усердных стая
Стрежет и лук его и тул пернатых стрел;
А я под древом здесь зову его, рыдая,
И жду, чтобы его хоть голос долетел.
Ах! ветров страшный рев, потоков шум унылый
Претят, чтобы достиг ко мне сей голос милый.
Почто же медлишь ты, Сальгар, любезный мой?
Или забыл уже свое мне обещанье?
Вот камень, древо: здесь назначил ты свиданье,
И здесь я жду вотще, и нет тебя со мной.
Сальгар! возлюбленный! увы! чтоб быть с тобою,
Рассталась с братом я, оставила отца;
Мой род с твоим горят взаимною враждою,
Лишь наши сей вражды не ведают сердца.

Ветр буйный! укротись, твой шум меня терзает,
И ты, о водопад! умолкни хоть на час.
Сальгар! Сальгар! я здесь, здесь Кольма ожидает,
Здесь камень, древо здесь... теряется мой глас.
Светлеет ночь; трава сребрится на долине,
И по горам луны мелькает бледный свет,
Но никого не зрю на серой их вершине,
Не слышу лая псов, и там Сальгара нет.
Двух спящих воинов я в поле примечаю.
Посмотрим: боже мой! Сальгар и с ним мой брат!
Вы примирилися, коль вместе вас встречаю...
Несчастная! они убитые лежат.
Сальгар! почто убил ты брата мне любезна?
А ты, мой брат, почто Сальгара умертвил?
Потеря обоих равно для Кольмы слезна,
И в сердце Кольмином равно ваш образ жил.
Какой теперь я вас могу почтить хвалою?
О брат! ты некогда бывал противным страх;
А ты, прекраснейший в Морвеновых сынах,
Сальгар! друзья мои! беседуйте со мною.
Они безмолвны; жизнь слетела с их лица,
И под рукой моей не бьются их сердца.
О тени милые! хоть вы мне отвечайте:
Не устрашит меня умерших даже глас.
Куда сокрылись вы, отрадну весть подайте,
Скажите, где искать, везде найду я вас;
В которую идти пещеру мне велите?
Но что! стенаю я, а вы, друзья, молчите.
Воссяду здесь одна я с грустию моей
И утренней зари дождуся со слезами,
Тогда могилу им усердными руками
Изроют их друзья, и я возлягу в ней.
Несчастной Кольмы жизнь, как сон, уж исчезает;
И что ей жить, когда любезных боле нет?
Близ тока, что с горы здесь шумно упадает,
Глубоким сном она в средине их уснет.
Лишь ночь сойдет с небес в своих покровах черных
И томная луна проглянет в облаках,
Я буду здесь летать на крыльях ветров горных,
Рыдая и стеня на хладных сих гробах.
Услышит в хижине ловец мой глас унылый,
Он устрашит его и вместе усладит;

Придут сюда внимать плач Кольмы над могилой:
Сей плач героев смерть и славу возвестит».

Так песнь воспела нам прекрасная Минона,
И не могли мы ей внимать без слез и стона;
Всем Кольма грустная известна нам была,
И вновь, казалося, в Миноне ожила.
Тогда предстал Уллин, и арфою златою
Нам песнь Альпинову приятно повторил.
О Рино! о Альпин! сколь чувством и душою
Внимавших вам владеть ваш глас искусен был!
Но вы покоитесь теперь в могилах мрачных;
Песнь ваша не слышна, — ни на вершинах злачных,
Ни моря на брегу, ни Сельмы во стенах:
Молчанье царствует на наших торжествах.
Сколь жалобно воспеть умели вы Морара!
Меч юноши сего был остр, как меч Оскара,
И духом он велик, как сильный был Фингал;
Но смерти час пришел, и юноша сей пал,
И восскорбел отец от тяжкого урона,
И горько нежная восплакала Минона:
Морару храброму сестра она была;
Лишь песнь Уллинову печальную вняла,
Как ясная луна пред бурей, удалилась.
Под бардов пéрстами вдруг арфа оживилась,
С Уллином вкупе я свой глас соединил,
И песней наших звук гул звонко повторил.

Рино

«Замолкнул буйный ветр, и хладный дождь пресекся,
И неба весь обзор лучами вновь облекся,
И, солнцем озарен, холм влажный засверкал,
И быстрый водопад, стесненный между скал,
То, пенясь, роется в глубокие стремнины,
То, укротясь, журчит в излучинах долины.
Ручей! шум вод твоих прельщает барда слух;
Но более еще пленяется мой дух,
Когда певец Альпин, годами убеленный,
Возвысит в честь бойцам свой голос вдохновенный.
О старец! отвечай: чей горестный урон
В пустыне чествует твой сладкий сердцу стон?

Так стонет ветр в лесу дремучем и дебристом,
Так стонет вал седой при бреге каменистом».

Альпин

«О мертвых плачу я, о Рино, бард младой!
О юноша! ты днесь сияешь красотой,
И крепостию сил ты многих превышаешь,
И здравием цветешь; но смерть и ты познаешь,
И медленно в крови потухнет жизни жар,
И ты падешь, увы! как сильный пал Морар.
На гроб печальный твой, пустыней окруженный,
Воссядет изредка лишь путник утомленный;
Светило дня лучей на Рина не прольет,
И лука твоего никто не напряжет.
Морар! хвала тебе: как ломит вихря сила
Цвет польный, так врагов рука твоя ломила;
Ты легкостию ног бег лани мог пресечь;
Как молния сверкал, как гром разил твой меч;
Твой глас подобен был источнику шумящу
Иль грому дальнему, всем гибелью грозящу,
И счета нет мужам, поверженным тобой.
Но возвратясь с полей, дымящихся войной,
Ты ближних радовал, не страшен и не злобен;
С лица светилу дня ты был тогда подобен
Иль в молчаливу ночь задумчивой луне;
И вся душа твоя сияла в тишине,
Как светла озера струи во время нощи,
Когда почили сном и ветр, и степь, и рощи.
Морар! и твой навек уже закрылся взор;
Как глыба снежная, отломок вешних гор,
Ты пал: безвестный рок! сколь ты ко всем неверен!
Теперь лишь три шага, и ты, Морар, измерен.
Обросший камень мхом, без листьев древний дуб,
Одни явят векам, что здесь зарыт твой труп;
И не придет никто усердия слезами
Почтить его и гроб усеять твой цветами;
Уже и мать твою в могилу отнесли,
И дщерь Моргланова исчезла от земли.
Но кто же старец сей, покрытый сединою,
Согбенный над жезлом, трепещущей ногою
Печально к нам идет? — отец твой, о Морар!
Тобой он жил, в тебе небесный видел дар,

Тобой хвалился, знав, что на войне кровавой
Ты первый юноша и силою и славой;
А ныне слезную узнал он смерть твою.
Несчастный! орыдай потерю в нем свою;
Но ах! твой сын уже рыдания не внемлет;
В могиле, смертным сном окованный, он дремлет.
О, если б отчий глас усопшего воззвал!
Но нет, он в прахе скрыт, и сам уж прахом стал.
Когда же солнца луч во мрачный гроб прольется?
Когда твой крепкий сон, о юноша, прервется?
Прости навеки, муж крепчайший из мужей!
Не знавший ужаса средь битвенных полей.
Оружием твоим леса не озарятся,
Ни чада именем отца не возгордятся:
Нет сына у тебя, погиб с тобой твой род;
Но подвиги твои уведает народ,
Им в похвалу Альпин возвысит песни громки,
И будут им внимать позднейшие потомки».

Так воспевал Альпин, и песней мрачных глас
Помалу разливал уныние меж нас;
Но боле всех Армин печалию смутился:
Вид сына мертвого очам его явился,
Который яко крин, косой ссеченный, пал,
И в утешенье так Кармор ему вещал:
«Армин! почто вздыхать? иль бардов песнь уныла
Сердечных раны бед глубокие раскрыла?
Поверь, целебный глас искусного певца
Утешну сладость льет в растерзанны сердца;
Так свежая роса, с реки поднявшись летом,
Туманом стелется в долине пред рассветом
И влагой теплою питает жадный злак,
Доколе солнце, встав, разгонит пар и мрак.
Престань же сетовать, о Гормы вождь почтенный!»

Армин

«Кармор! когда, навек печалью сокрушенный,
Не осушаю слез средь ночи, ни средь дня,
Какой чудесный бард утешит уж меня?
Ни сына ты, Кармор, ни дщери не лишался
И сирым в старости, как я, не оставался.
О Давра! мрачен одр, на коем ты лежишь;

О дочь моя! глубок тот сон, которым спишь.
Когда проснешься ты и в песнях, мне приятных,
Напомнишь радость дней Армину невозвратных?
Когда среди ночной безмолвной тишины,
На сребряном луче задумчивой луны
В окно к родителю с улыбкою заглянешь?
О! в вечных по тебе слезах меня застанешь.
Дхни, ветер! лейся, дождь! бей с шумом в брег, волна!
Катись меж черных туч, кровавая луна!
Я вспомню страшну ночь, когда погибли чада:
Убит был Ариндаль, мой сын, моя отрада,
И смертью медленной дщерь Давра умерла.
О дочь несчастная! прекрасна ты была,
Звездою утренней блистал твой взор веселый,
Ты груди белизной снег помрачала белый,
И голос слаще был дыханья ветерка.
О сын мой! крепкая в сражениях рука!
Как туча знойная, висяща над горою,
Чело твое врагам казалося грозою,
Как молния, в боях оружьем ты сверкал.
Муж доблестный Армар пришел ко мне в то время;
Он дочери моей любовь к себе снискал,
И радовался я, что здесь Армина племя
Навек останется, и браком сочетал.
Но мщением пылал дух злобного Эрата;
Рукой Армаровой в бою лишася брата,
Он вслед за ним пришел и, злобою горя,
Прибегнул к хитрости: одежду рыбаря
Накинув и главу посыпав сединою,
Пред Даврою предстал вечернею порою:
«Армина дщерь, — он рек, — прекрасная из жен!
Армар прислал меня; он ловлей утомлен.
Ты видишь ли скалу, биемую волнами,
И дерево на ней с румяными плодами?
Там Давру милую он с нетерпеньем ждет.
Пойдем, мой челн тебя чрез море пренесет».
И легковерная словам его внимает,
Идет; к пустой скале он с нею приплывает;
На брег сошла она, Армара кличет там,
Но гул пещер один ответствует словам;

Бежит обратно в челн, и нет его: со смехом
Эрат уже отплыл, гордясь коварств успехом.
Тогда что силы есть несчастная зовет,
Да брат или отец на помощь к ней придет.
И громкий вопль ее до берега раздался.
В то время Ариндаль с ловитвы возвращался:
Лук вместо посоха разрывчатый в руках,
Стрелами полный тул звучит на раменах,
Пять черных с лаем псов вослед ему бежали.
Узрел его Эрат, и члены задрожали.
Напрасно скрыться мнит от глаз его злодей
И жалостью склонить и хитростью речей;
Он узами его ко древу прикрепляет
И, в челн скочив, к сестре бег быстрый направляет.
Но вдруг бежит Армар; обманут ночи тьмой,
Он в Ариндале зрит Эрата пред собой;
Отмщеньем на врага душа его пылает,
Пустил стрелу, она в цель прямо достигает:
Злодея жребий ты, о сын мой, претерпел,
На камень пал, вздрогну́л, и дух твой излетел.
Дочь! помню я тебя в печали беспредельной
Над телом братниным, над раною смертельной,
Из коей, как ручей, кровь быстрая текла.
Помчался легкий челн по волнам без весла,
Армар стремится вплавь, решившись иль погибнуть,
Иль к Давре на скалу с спасением достигнуть;
Вдруг вихрь порывистый от берега подул,
И бедственный пловец в пучине утонул.
На камени одна, окружена волнами,
Стенала дочь моя и с горькими слезами
Родителя звала ей помощь принести.
Несчастный! я ничем не мог ее спасти.
Всю ночь, всю долгу ночь, я на брегу скитался.
Свет бледныя луны сквозь тучи прорывался.
Страданья Давры слух терзали мой и взор;
Но буря выла, дождь бил с шумом в ребра гор,
И прежде чем восток денница озлатила,
Ее все силы скорбь и ну́жда истощила;
Помалу ослабев, замолк стенящий глас,
И жизни горестной луч медленно угас.

Она оставила несчастного Армина;
Лишился вдруг всего я: дочери и сына;
Он был защитою и крепостью моей,
Она отрадою моих преклонных дней.
С ужасной ночи той, всегда, как мрачны бури
Сберутся на верху погибельной скалы,
Как тучи частые несутся по лазури
И вихри воющи вьют шумные валы,
Сажусь я у́ моря и на утес взираю,
Стенаньям жалобным детей моих внимаю,
Их тени бледные летают предо мной:
Они беседуют печально меж собой.
Лишь мне, несчастному, они не отвечают,
И чуть послышится им голос их отца,
Безмолвны, прочь летят и взоры отвращают...
И горести моей нет меры ни конца».

Так Сельмы во стенах глас бардов раздавался.
Фингал согласьем арф и песней любовался;
В собрании вождей он сильных заседал
И повестям времен задумчиво внимал.
Там часто и меня венчали похвалами
И первым славили меня между певцами;
Но ныне охладел и Оссианов глас,
Огонь души его с закатом дней угас.
Услышу ль бардов песнь, и дух мой оживает,
И память прежних лет опять к себе зову;
Но старость хладные мне руки простирает
И силится во гроб склонить мою главу:
«Зачем, — мне говорит, — еще ты воспеваешь?
И снова ль жизнь свою начать располагаешь?
Могила хладная давно тебя зовет,
И ни единый бард тебя не воспоет».
Катись чредой своей, безжалостное время!
И радость коль навек рассталася со мной,
Сложи с меня скорей печальной жизни бремя
И в гробе мне пошли желаемый покой.
Уже лишился я и бодрости и силы;
Друзья-сотрудники лежат в земле сырой
И тихим дремлют сном в объятиях могилы.
Один остался я; и голос слабый мой
Есть шорох тростника, чуть слышимый в пустыне,

Когда улягутся ряды валов седых,
Замолкнет водопад, затихнет ветр в долине
И только древ верхи колеблются густых.

1809, начало 1820-х годов

ИДИЛЛИЯ

Из Биона

Блажен меж смертными, кто любит друга; вдвое
Блаженнее, когда взаимно он любим:
Тезей, в аду пленен, был счастлив, в Пиритое
Отраду находя, деля неволю с ним;
Орест у варваров, меч над главою видя,
На жребий не роптал, Пилада зря с собой;
И без Патрокла жизнь Ахилл возненавидя,
Отмстив за смерть его, утешился душой.

1809, конец 1820-х годов

НОЧЬ

Из Гесснера

Ночь тихая! меня приятно ты застала
На камне мшистом сем, где сладко я уснул.
Румяная заря всё небо устилала,
И солнца из-за гор последний луч блеснул.

Зарделись облака вечерние, златые,
Весь запад воспылал сияющим огнем;
Вдали же темный лес и рощицы густые
Казались розовым обложены венцом.

Вечерняя звезда долину осветила,
По гнездам парами пернатые легли,
Тень длинная с горы высокой нисходила,
И медленно глаза сомкнулися мои.

Ты ль, звучный соловей, ты ль песнию игривой
Сон усладительный согнал с моих очей
Иль быстрый в роще бег дриады боязливой
От фавна резвого, гонящегось за ней?

Приятство новое душа моя вкушает,
И новую красу мой взор прельщенный зрит:
Природа вкруг меня вся тихо засыпает,
Лишь роща ветвями зеленая шумит.

Здесь месяц на луга блеск рассыпает чистый,
Густые сучья там дробят его лучи,
Тут переливом их горит ручей сребристый,
А там светло как днем сияет холм в ночи.

Куренья сладкие вечернею порою
Возносятся с цветов, сокрытых меж травы.
Мой тщетно ищет взор под тенью вас густою,
Но запах нежный ваш укажет мне, где вы.

Вдали видна гора, обросшая кустами;
Там ивы древние сплелися над водой,
Распространяя тень кудрявыми верхами,
Клонящимись к земле под листьев тяготой.

Оттоле быстрый ток в равнину истекает;
Я слышу шум его: он катится, журчит,
О камни мшистые струй влагу разбивает
И пену белую с собою в дол крутит.

Вот облако нашло: завесою прозрачной
Задернут бледный зрак задумчивой луны.
Постой, блестящая! — рассей тень ночи мрачной
И освети мой путь с лазурной вышины.

Пойду на злачный холм, где виноградны лозы
И хмель виющийся сгибают темный свод,
Соплетшись, где растут с малиной дики розы
И льется с говором поток хрустальных вод.

С друзьями часто там, увенчанный цветами,
За чашей круговой я Вакха величал
И глас мой, съединив любезных с голосами,
Песнь радостную в честь бессмертному певал.

Всесильный бог вина сам холм сей посещает;
Чаш звонких сребряных здесь часто слышен стук,
И путник ужасом священным замирает,
Внимая громкий смех и плеск веселых рук.

Беседка тихая! под тень твою густую
Прими меня и сном прохладным успокой:
Пусть деву хоть во сне увижу дорогую,
И счастлив буду сей прелестною мечтой.

1809, конец 1820-х годов

СМЕРТЬ ПРИАМА

Подражание Вергилию

Уже стесненные ахейскими полками,
Чертога царского толпяся пред вратами,
Трояне, гнанные жестокостью богов,
С трудом спасалися от яростных врагов,
И бедственный Приам, прозрев свою кончину,
Готовился как царь на лютую судьбину:
Он, ветхий шлем прияв, и щит, и ржавый меч,
Явился воружен, чтоб мертв во брани лечь.
Тогда Гекуба, зря на смерть его идуща,
«Куда стремишься ты? — рекла, слез ток лиюща, —
Надежды боле нет, и Гектор ныне сам
Из ночи гробовой предстал бы тщетно нам;
Приближься к олтарю, он будет нам защитой».
Рекла, и Трои царь, сединами покрытый,
Призывным тем словам супруги вняв своей,
Сложил тяжелый шлем и стал среди детей.
«О боги! — рек Приам, несчастный, со слезами, —
Довольно ли гоним на старости я вами?
Но для себя от вас я милости не жду:
Спасите чад моих — и с миром в гроб сойду».
Вдруг младший сын его, от Пирра пораженный,

Полит, при сих словах бежит окровавленный
И, сил лишась, падет к подножью олтаря.
Гекуба, пред собой сей труп кровавый зря,
В объятья дочерей без чувствий упадает,
И с ними весь чертог отчаянно рыдает,
Один Приам без слез, но, к Пирру обратясь:
«Неистовый, — он рек, — богов не убоясь,
Ты сына кровию покрыл мою седи́ну.
Да боги отомстят Политову кончину!
Ты не Ахиллов сын: он жалобам внимал,
Он тело Гектора мне, скорбному, отдал;
Но ты, о лютый зверь, ты кровию несытый,
Убийство чтил одно за подвиг знаменитый.
О, сколь, узрев тебя, стыдился бы Ахилл!»
Скончал и копие во Пирра устремил;
Но старческой удар направлен был рукою,
Ослабло острие пред медною бронею,
Блестящий лишь доспех, сотрясшись, зазвенел.
Тогда у Пирра гнев жестокий воскипел:
«Иди, — он отвечал, — во мрачную могилу,
И там поведай ты великому Ахиллу,
Что сына гнусного сей породил герой;
Но прежде смерть прими...» и зверскою рукой
Взяв старцевы власы, другою меч взнесенный,
Сразил и из груди извлек окровавленный.
Приам же с твердостью, достойною царя,
Длань бледную с трудом подъяв до олтаря,
И тщась его обнять слабеющей рукою,
Со вздохом пал, воззрев на рдеющую Трою.

1810

ЭКЛОГА

Из Вергилия

Титир и Мелибей.

Мелибей

Титир! ты, на траве лежа́ под темным буком,
Дубровных тешишь муз цевницы сельской звуком;
Мы изгнаны навек из отческих полей,
Мы родины бежим, а ты — в тени ветвей
Лес учишь похвалам Амариллиды стройной.

Титир

Бог подарил меня сей жизнию спокойной,
О Мелибей! мой бог, всегда; олтарь его
Век жертвами почту от стада моего;
Он мне дозволил здесь тельцов пасти травою
И услаждать досуг свирелию простою.

Мелибей

Я не завидую блаженству твоему,
Но в смуте сих полей не надивлюсь ему.
Я изгнан и бегу, гоня чрез силу стадо;
Овца любимая... ее мне кинуть надо:
На голом камне вдруг двух мертвых родила
И чуть живая там сама меж них легла.
Худые зна́менья грозили нам недаром:
То с корнем свалится дуб громовым ударом,
То слева каркнет вран на дереве сухом.
Но кто ж сей бог, тебя ущедривший добром?

Титир

Я думал спро́ста: град, что называют Римом,
Как наши те, куда в труде необходимом
Относим мы на торг то агнцев, то тельцов;
Я дойным маткам коз подобил их птенцов,
Слепым щенятам пса, что бьется с волком диким,
И словом, малое я сравнивал с великим;
Но Рим среди градов возносится главой,
Как дуб иль кипарис над низкой муравой.

Мелибей

Так; что же в Рим идти, Титир, тебя склонило?

Титир

Свобода: волосы мне время убелило,
И юности давно лишился я огня,
Но в старости она утешила меня.
Тем самым временем, оставив Галатею,
С Амариллидою сошелся я моею;
Той теша прихоти, мне не было житья:
О стаде не радел, ни о свободе я;
И сколько агнцев я отнес новорожденных,

И тучных что сыров, под камнями сгущенных!
Всё втуне: плату всю поглотит хищный град,
И я приду всегда с пустой рукой назад.

Мелибей

О, сколько без тебя молилась Галатея!
Крушась и ни о чем в печали не радея,
В саду своем плодов дозревших не сняла:
Титир всему виной, Титира всё звала,
И вторили сей клик, участники кручины,
И рощи, и ручьи, и холмы, и долины.

Титир

Как быть! я мог лишь там избавиться оков
И вкупе с тем найти столь благостных богов.
Там видел юношу, чей с каждою луною
Цветами убранный чтим жертвенник мольбою.
Едва предстал ему: «Идите, чада, в дом, —
Сказал он, — и волов спрягайте под ярмом».

Мелибей

О старец сча́стливый! — итак, один меж нами
Ты сохранишь добро, нажитое трудами;
Ты им доволен: пусть и ка́менье кругом,
И зарастает луг болотным тростником;
Зато здесь страха нет, чтоб яд недуга злого
Ко стаду твоему привился от чужого.
Счастливый старец! здесь возляжешь часто ты,
Дыша прохладою вечерней темноты,
Знакомого ручья прислушиваясь к шуму;
Иль склонит в сонную тебя жужжаньем думу
Рой пчел прилежных, мед сбирающий с цветов;
То дровосека песнь послышится с холмов,
То голубей твоих на кровле воркованье,
То в роще горлицы любовное стенанье.

Титир

Зато скорей олень жить будет под водой,
И рыба на берег поселится крутой,
Иль приведет судьба, народами играя,
Из Тигра даков пить, парфян же из Дуная,

Чем я, о Мелибей, забуду, кто меня
От всех печалей спас, их в счастье пременя.

Мелибей

А мы, изгнанники из сей земли природной,
У скифов будем жить, иль в Африке бесплодной,
Или в горах, где Окс мчит быструю струю,
Или в Британии, вселенной на краю.
Ужели никогда меня судьбина злая
Не возвратит к тебе, о хижина драгая,
О царствие мое! смягчится ль гнев богов?
Взгляну ль хоть раз еще на мой дерновый кров?
Злодей господствует полей моих браздами!
Нив, мной засеянных, питается плодами!
Вот наших следствия междоусобий! вот
В чью пользу утомил я руки от работ!
Иди же, Мелибей, трудись теперь за садом,
Сплетай зеленый вяз с растущим виноградом!
О стадо милое, нет счастия для нас;
О козы! никогда я не увижу вас,
Лежа в пещере сей, усыпанной цветами,
По крутизне горы висящих меж скалами;
Престану петь; а вы забудьте навсегда
Места, где свежий дерн и чистая вода.

Титир

Ты можешь ночь сию покоиться со мною
На кожах, мягкою подостланных травою;
Душистых вкусим мы на вечери сотов,
Сгущенного млека и свежих с древ плодов.
Пойдем: уж трубы все на хижинах дымятся
И тени длинные с высоких гор ложатся.

1810

ГРУСТЬ НА КОРАБЛЕ

Ветр нам противен, и якорь тяжелый
Ко́ дну морскому корабль приковал.
Грустно мне, грустно, тоскую день целый;
Знать, невеселый денек мне настал.

Скоро минуло отрадное время;
Смерть всё пресéкла, наш нéзваный гость;
Пала на сердце кручина как бремя:
Может ли буре противиться трость?

С жизненной бурей борюсь я три года,
Три года милых не видел в глаза.
Рано с утра поднялась непогода:
Смолкни хоть к полдню, лихая гроза!

Что ж! может, счáстливей буду, чем прежде,
С матерью свидясь, обнявши друзей.
Полно же, сердце, вернися к надежде;
Чур, ретивóе, себя не убей.

1814

ПЕВЕЦ

Из Гете

В стольном Киеве великом
Князь Владимир пировал;
Окружен блестящим ликом,
В светлой гридне заседал.
Всех бояр своих премудрых,
Всех красавиц лепокудрых,
Сильных всех богатырей
Звал он к трапезе своей.

За дубовый стол сахáрных
Сорок яств принесены;
Меду сладкого янтарных
Сорок чаш опразднены —
Всех живит веселье ново;
Изронил златое слово
Князь к гостям: «Пошлем гонца, —
Грустен пир, где нет певца».

Молвил князь; гонец поспешный
Скоро в путь, скорей — назад,
И, певец на пир утешный,
Вдохновенный с ним Услад.

Вещий перст живые струны
Всколебал; гремят перуны:
Зверем рыщет он в леса,
Вьется птицей в небеса.

Бодры юноши внимали,
Быстрый взор в певца вперя;
Девы красные вздыхали,
Робким оком долу зря.
Князь, чудясь искусству дивну,
Повелел златую гривну
С цепью бисерной принесть —
Песней сладких в мзду и честь.

«Не дари меня ты златом,
Цепью редкой не дари.
Пусть в наряде сем богатом
В брань текут богатыри;
Им бояр укрась почтенных,
Власти бременем стягченных:
Воин — меч, а судия —
Щит державы твоея.

Я пою, как птица в поле,
Оживленная весной;
Я пою: чего мне боле?
Песнь от сердца — дар драгой.
Если ж хочешь, князь, награду
По желанью дать Усладу, —
Пусть почтит меня княжна
Кубком светлого вина».

Налит кубок: «Будьте здравы,
Гости честные, всегда;
Обо мне во дни забавы
Вспомяните иногда.
Дом ваш полон всем, и сами
Вы любимы небесами:
Благодарны ж будьте им,
Сколько гость ваш вам самим».

1814

НАТАША

Ах! жила-была Наташа,
Свет Наташа красота.
Что так рано, радость наша,
Ты исчезла как мечта?
Где уста, как мед душистый,
Бела грудь, как снег пушистый,
Рдяны щеки, маков цвет?
Всё не впрок: Наташи нет.

У нее один сердечный
Милый друг был на земли;
Скоро с ним в любви беспечной
Дни счастливые текли.
Длися, длися, дорогое
Время краткое, златое!
Счастье жизни человек
Вку́сит раз лишь в целый век.

Вдруг поднялся враг войною
Русь заграбить и зажечь;
Всюду льется кровь рекою,
Всюду блещет огнь и меч.
Нивы стоптанны пропали,
Грады, веси запылали,
И Наташа со дружком
Часто грустны вечерком.

Прежних радостей не стало,
Молча вкралась к ним печаль,
Что-то в мысль обоим впало,
И, кажись, друг друга жаль.
Наконец сквозь слез унылый
Взведши взгляд, собравшись с силой,
Исповедала тоску
Красна девица дружку.

«Не мое девичье дело,
Милый друг, тебя учить;
Не прогневайся, что смело,
Может, стану говорить;

Но прости мне укоризну:
Не сражаться за отчизну,
Одному отстать от всех —
В русских людях стыд и грех».

— «Ах! Наташа, ретивое
Уж давно кипит во мне:
Всё тебя жалел, но вдвое
Рад, что мысли в нас одне.
Ты согласна, слава богу!
Эй! ребята, в путь-дорогу
Дайте мне ружье, коня:
В бой их станет для меня.

Не рыдай, моя Наташа,
Как же быть? не ты одна;
Хоть горька разлуки чаша,
Выпивай ее до дна;
И о чем такое горе?
Бог помилует, и вскоре,
Голос сердца коль не лжив,
Ворочусь здоров и жив».

— «Дал бы бог! но если боле
Нам не видеться в живых,
Если там, на ратном поле,
Сопостат рукою злых
Ты умрешь! . .» — «Всё в божьей воле.
Не гневи ж его дотоле;
Верь, хоть мертвый, хоть живой,
Не расстанусь я с тобой».

— «На, мой друг, вот крест с мощами;
Положи его на грудь,
И как в бой пойдешь с врагами,
Помолиться не забудь;
Я. . .» — В ней замер дух и слово,
Но к отъезду всё готово,
Конь стоит среди двора,
Ехать милому пора.

На коня взлетел стрелою,
Поскакал в воинский стан;
Рано ль, поздно ль, там он... к бою
Всем приказ на завтра дан.
Ждет гостей незваных встреча,
Многих смертная ждет сеча:
Не сносить им головы,
Не видать святой Москвы.

Именинница Наташа!
В день твой, в день Бородина,
За здоровье друга чаша
Налита тобой вина.
И о нем пируют гости;
А его в тот час уж кости
На ближайшем там селе
Преданы сырой земле.

И дошло известье злое,
И не ропщет сирота:
Свято небо ей благое,
Воля божия свята.
Не пила три дни, не ела,
Как больная исхудела;
Нет покоя ей, ни сна,
И как мертвая бледна.

На колени пала с стоном
Пред иконою святой;
С зе́мным молится поклоном:
«Со святыми упокой».
Чуть живую подхватили,
Тут же к стенке посадили,
И усталым, слабым сном
Свет вздремала под окном.

Спит и видит: сердцу милый
Стал пред ней как бы живой,
С новой бодростью и силой,
С новой, чудной красотой;
Будит: «Встань, проснись, Наташа!

Ждет давно нас свадьба наша;
Под венец скорей пойдем,
Вместе век свой заживем.

Нашу при́зрел бог разлуку,
Веру райский ждет покой;
Жениху дай, радость, руку,
Помолись, и в путь за мной».
Тут Наташа помолилась,
Тут во сне перекрестилась:
Как сидела, как спала,
К жизни с милым умерла.

1814

УБИЙЦА

В селе Зажитном двор широкий,
Тесовая изба,
Светлица и терём высокий,
Беленая труба.

Ни в чем не скуден дом богатый:
Ни в хлебе, ни в вине,
Ни в мягкой рухляди камчатой,
Ни в золотой казне.

Хозяин, староста окру́га,
Родился сиротой,
Без рода, племени и друга,
С одною нищетой.

И с нею век бы жил детина,
Но сжалился мужик:
Взял в дом, и как родного сына
Взрастил его старик.

Большая чрез село дорога;
Он постоялый двор
Держал, и с помощию бога
Нажив его был скор.

Но как от злых людей спастися?
Убогим быть — беда;
Богатым — пуще берегися
И горшего вреда.

Купцы приехали к ночлегу
Однажды ввечеру,
И рано в путь впрягли телегу
Назавтра поутру.

Недолго спорили о плате,
И со двора долой;
А сам хозяин на полате
Удавлен той порой.

Тревога в доме; с понятыми
Настигли, и нашли:
Они с пожитками своими
Хозяйские свезли.

Нет слова молвить в оправданье,
И уголовный суд
В Сибирь сослал их в наказанье,
В работу медных руд.

А старика меж тем с моленьем
Предав навек земле,
Приемыш получил с именьем
Чин старосты в селе.

Но что чины, что деньги, слава,
Когда болит душа?
Тогда ни почесть, ни забава,
Ни жизнь не хороша.

Так из последней бьется силы
Почти он десять лет;
Ни дети, ни жена не милы,
Постыл весь белый свет.

Один в лесу день целый бродит,
От встречного бежит,
Глаз напролет всю ночь не сводит
И всё в окно глядит.

Особенно когда день жаркий
Потухнет в ясну ночь
И светит в небе месяц яркий, —
Он ни на миг не прочь.

Все спят; но он один садится
К косящету окну.
То засмеется, то смутится
И смотрит на луну.

Жена приметила повадки,
И страшен муж ей стал,
И не поймет она загадки,
И просит, чтоб сказал.

«Хозяин! что не спишь ты ночи?
Иль ночь тебе долга?
И что на месяц пялишь очи,
Как будто на врага?»

— «Молчи, жена, не бабье дело
Все мужни тайны знать:
Скажи тебе — считай уж смело,
Не стерпишь не сболтать».

— «Ах, нет! вот бог тебе свидетель,
Не молвлю ни словца;
Лишь всё скажи, мой благодетель,
С начала до конца».

— «Будь так — скажу во что б ни стало.
Ты помнишь старика;
Хоть на купцов сомненье пало,
Я с рук сбыл дурака».

— «Как ты!» — «Да так: то было летом,
Вот помню, как теперь.
Неза́долго перед рассветом;
Стояла настежь дверь.

Вошел я в и́збу, на полате
Спал старый крепким сном;
Надел уж пе́тлю, да некстати
Трону́л его узлом.

Проснулся, черт, и видит: худо!
Нет в доме ни души.
«Убить меня тебе не чудо,
Пожалуй задуши.

Но помни слово: не обидит
Без казни ввек злодей;
Есть там свидетель, он увидит,
Когда здесь нет людей».

Сказал — и указал в окошко.
Со всех я дернул сил,
Сам испугавшися немножко,
Что кем он мне грозил, —

Взглянул, а месяц тут проклятый
И смотрит на меня.
И не устанет, а десятый
Уж год с того ведь дня.

Да полно, что! ты нем ведь, лысый!
Так не боюсь тебя;
Гляди сычом, скаль зубы крысой,
Да знай лишь про себя».

Тут староста на месяц снова
С усмешкою взглянул;
Потом, не говоря ни слова,
Улегся и заснул.

Не спит жена: ей страх и совесть
Покоя не дают.
Судьям доносит страшну повесть,
И за убийцей шлют.

В речах он сбился от боязни,
Его попутал бог,
И, не стерпевши тяжкой казни,
Под нею он издох.

Казнь божья вслед злодею рыщет;
Обманет пусть людей,
Но виноватого бог сыщет —
Вот песни склад моей.

1815

ЛЕШИЙ

Красное солнце за́ лесом село.
Длинные тени стелются с гор.
Чистое поле стихло, стемнело;
Страшно чернеет издали бор.

«Отпусти, родная, в поле, —
Просит сын старушку мать, —
Нагулявшись там на воле,
В лес дремучий забежать.
Здесь от жару мне не спится,
Мух здесь рой жужжит в избе;
И во сне гульба всё снится,
Вся и дума о гульбе.

Пташечки свили по́ лесу гнезды;
Ягоды спеют, брать их пора.
На́ небе светят месяц и звезды:
Дай нагуляюсь вплоть до утра».

— «Что затеял ты, родимый!
Образумься, бог с тобой.
В лес идти непроходимый
Можно ль поздной так порой?

Ляг в сенях против окошка,
Если жарко спать в избе:
Ни комар, ни злая мошка
Не влетит туда к тебе.

По́ лесу волки бродят стадами;
Змеи украдкой жалят из нор;
Филины в дебрях воют с совами;
Злой по дорогам кра́дется вор».

— «Твой, родная, страх напрасен,
Страхов нет в лесу глухом.
Если б знала, как прекрасен
Там, в глуши, чудесный дом!
С золотыми теремами,
Скован весь из серебра:
Перед нашими домами,
Что пред кочкою гора.

Кверху ключами чистые воды
Бьют вкруг накрытых брашном столов;
Девушек красных там хороводы
Пляшут во время сладких пиров.

В доме том хозяин славный,
Добр и ласков для гостей,
Старичок такой забавный,
Друг и баловник детей».
— «Где рассказов ты набрался?»
— «Рассказал всё сам он мне».
— «Где же с ним ты повстречался?
Где с ним виделся?» — «Во сне».

— «В руку, знать, сон твой: леший коварный
Издавна, молвят, житель тех мест;
Манит детей он яствой саха́рной,
После ж самих их схватит и съест.

Не ходи к нему, мой милый;
Верь ты матери родной.
Без того уж над могилой
Я стою одной ногой;

Если ж ты, отважась в гости,
Сном прельстясь, да наяву
Попадешься в сети злости,
Я и дня не проживу.

Здесь пред иконой дай же присягу,
Или (что хочешь мне говори)
В страхе разлуки ночь всю не лягу;
Прядя, дождуся алой зари».

И ослушный сын божится,
Всуе господа зовет;
И беспечно мать ложится,
И боязнь ей в ум нейдет.
«Или малый я ребенок,
Чтоб ходить на помочах?
Я уж вышел из пеленок,
На своих давно ногах.

Мать запрещает: знать, ей обидно
То, что один я в гости иду;
Наше веселье старым завидно:
Всюду нарочно видят беду».

Так он ропщет, и желанье
В нем час о́т часу сильней;
И забыл он послушанье,
Клятвы долг забыл своей.
И с постели он легонько,
Взяв одежду в руки, слез;
В двери выбрался тихонько
И, давай бог ноги, в лес.

Быстро несутся серые тучи;
В мраке густом их скрылась луна;
Ветер колышет сосны скрыпучи;
Чуть меж деревьев тропка видна.

И по ней идет вначале
Он спокоен, бодр и смел,
В темный лес всё дале, дале,
И немножко оробел;

И чем далее, тем гуще
Темный лес в его глазах,
И чем далее, тем пуще
В нем раскаянье и страх.

Молния в небе ярко сверкает;
Издали глухо слышится гром;
В тучах отвсюду дождь набегает;
Бор весь от вихря воет кругом.

И вперед идти робеет,
И назад нет сил идти;
Свет в глазах его темнеет,
И не на́йдет он пути.
Ищет помощи глазами,
Криком помощи зовет;
Плачет горькими слезами,
И никто к нему нейдет.

Слышит, однако: шорох из рощи;
Мокрый с деревьев сыплется лист;
Месяц во мраке выглянул нощи;
Громкий раздался по́ лесу свист.

И, нагбенный дров вязанкой,
Старичок идет седой,
Ростом мал, угрюм осанкой,
Вид насмешливый и злой.
И хоть страшно, но подходит
Мальчик с просьбой к старику;
Речь с ним жалобно заводит
Про свою печаль-тоску:

«С вечера в лес я шел, заблудился;
С ветру, с ненастья вымок, продрог:
Дедушка! что́ б ты в горе вступился,
Мне б на дорогу выйти помог!»

— «Как, детинушка удалый,
Мог сюда ты забрести?
Ты ребенок уж не малый;
Что же бродишь без пути?

Вот, смотри, тебя дорога
Может вывести домой;
Но моли не сбиться бога,
А не то ты будешь мой».

Узкой дорожкой долго в надежде
Бродит кругом он, прямо и вбок.
Сбился, туда же вышел, где прежде;
Там терпеливый ждет старичок.

«Видно, бога, светик ясный,
Ты прогневал не шутя.
Плачешь, поздно, — труд напрасный:
В путь за мной, мое дитя!»
Он послушен поневоле;
К бою рук нет, к бегу ног.
Вдаль ушли, не видны боле;
А куда идут — весть бог.

В небе денница блещет златая;
Птицы воспели утра восход;
В горы и долы свет разливая,
Тихо выходит солнце из вод.

Вся природа вновь проснулась,
К новым все спешат трудам;
И по смутном сне очнулась
Мать, рожденная к слезам.
Ищет сына — не находит;
Кличет, плачет — сын исчез.
Всей деревне страх наводит,
Все бегут с ней в темный лес.

Смотрят повсюду, бегают, рыщут;
Отзыва нет им, нет им следа.
Тщетно старанье, ищут — не сыщут:
Мальчик исчезнул, знать, навсегда.

Мать несчастная поныне,
Может быть, еще жива;
Сохнет с горести по сыне,
Будто скошенна трава.

С каждым днем безумье то же:
Ищет сына по лесам.
Здесь не на́йдет; дай ей боже
С ним увидеться хоть *там.*

1815

ОЛЬГА

Из Бюргера

Ольгу сон встревожил слезный,
Смутный ряд мечтаний злых:
«Изменил ли, друг любезный?
Или нет тебя в живых?»
Войск деля Петровых славу,
С иим ушел он под Полтаву;
И не пишет ни двух слов:
Всё ли жив он и здоров.

На сраженьи пали шведы,
Турк без брани побежден,
И, желанный плод победы,
Мир России возвращен;
И на родину с венками,
С песньми, с бубнами, с труба́ми
Рать, под звон колоколов,
Шла почить от всех трудов.

И везде толпа народа;
Старый, малый — все бегут
Посмотреть, как из похода
Победители идут;
Все навстречу, на дорогу;
Кличут: «Здравствуй! слава богу!»
Ах! на Ольгин лишь привет
Ниотколь ответа нет.

Ищет, спрашивает; худо:
Слух пропал о нем давно;
Жив ли, нет — не знают; чудо!
Словно канул он на дно.

Тут, залившися слезами,
В перси бьет себя руками;
Рвет, припав к сырой земле,
Черны кудри на челе.

Мать к ней кинулась поспешно:
«Что ты? что с тобой, мой свет?
Разве горе неутешно?
С нами бога разве нет?»
— «Ах! родима, всё пропало;
Свету-радости не стало.
Бог меня обидел сам:
Горе, горе бедным нам!»

— «Воля божия! Создатель —
Нам помощник ко всему;
Он утех и благ податель:
Помолись, мой свет, ему».
— «Ах! родима, всё пустое;
Бог послал мне горе злое,
Бог без жалости к мольбам:
Горе, горе бедным нам!»

— «Слушай, дочь! в Украйне дальной,
Может быть, жених уж твой
Обошел налой венчальный
С красной де́вицей иной.
Что изменника утрата?
Рано ль, поздно ль — будет плата,
И от божьего суда
Не уйдет он никогда».

— «Ах! родима, всё пропало,
Нет надежды, нет как нет;
Свету-радости не стало;
Что одной мне белый свет?
Хуже гроба, хуже ада.
Смерть — одна, одна отрада;
Бог без жалости к слезам:
Горе, горе бедным нам!»

— «Господи! прости несчастной,
В суд с безумной не входи;
Разум, слову непричастный,
К покаянью приведи.
Не крушися, дочь, чрез меру;
Бойся муки, вспомни веру:
Сыщет чуждая греха
Неземного жениха».

— «Где ж, родима, злее мука?
Или где мученью край?
Ад мне — с суженым разлука,
Вместе с ним — мне всюду рай.
Не боюсь смертей, ни ада.
Смерть — одна, одна отрада:
С милым врозь несносен свет,
Здесь, ни там блаженства нет».

Так весь день она рыдала,
Божий промысел кляла,
Руки белые ломала,
Черны волосы рвала;
И стемнело небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Все к покою улеглись,
Звезды яркие зажглись.

И девица горько плачет,
Слезы градом по лицу;
И вдруг полем кто-то скачет,
Кто-то, всадник, слез к крыльцу;
Чу! за дверью зашумело,
Чу! кольцо в ней зазвенело;
И знакомый голос вдруг
Кличет Ольгу: «Встань, мой друг!

Отвори скорей без шуму.
Спишь ли, милая, во тьме?
Слезну думаешь ли думу?
Смех иль горе на уме?»
— «Милый! ты! так поздно к ночи!

Я все выплакала очи
По тебе от горьких слез.
Как тебя к нам бог принес?»

— «Мы лишь ночью скачем в поле.
Я с Украйны за тобой;
Поздно выехал оттоле,
Чтобы взять тебя с собой».
— «Ах! войди, мой ненаглядный!
В поле свищет ветер хладный;
Здесь в объятиях моих
Обогрейся, мой жених!»

— «Пусть он свищет, пусть колышет;
Ветру воля, нам пора.
Ворон конь мой к бегу пышет,
Мне нельзя здесь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Ворон конь домчит стрелою;
Нам сто верст еще: пора
В путь до брачного одра».

— «Ах! какая в ночь дорога!
И сто верст езды для нас!
Бьют часы... побойся бога:
До полно́чи только час».
— «Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро:
Довезу и до утра
Вплоть до брачного одра».

— «Как живешь? скажи нелестно;
Что́ твой дом? велик? высок?»
— «Дом — землянка». — «Как в ней?» — «Тесно».
— «А кровать нам?» — «Шесть досок».
— «В ней уляжется ль невеста?»
— «Нам двоим довольно места.
Встань, ступай, садись за мной:
Гости ждут меня с женой».

Ольга встала, вышла, села
На коня за женихом;

Обвила ему вкруг тела
Руки белые кольцом.
Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как пращ, как птица;
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Справа, слева, сторонами,
Мимо глаз их взад летят
Сушь и воды; под ногами
Конскими мосты гремят.
«Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.
Страшно ль, светик, с мертвым спать?»
— «Нет... что мертвых поминать?»

Что за звуки? что за пенье?
Что за вранов крик во мгле?
Звон печальный! погребенье!
«Тело предаем земле».
Ближе, видят: поп с собором,
Гроб неся, поют всем хором;
Поступь медленна, тяжка,
Песнь нескладна и дика.

«Что вы воете не к месту?
Хоронить придет чреда;
Я к венцу везу невесту,
Вслед за мною все туда!
У моей кровати спальной,
Клир! пропой мне стих венчальный;
Службу, поп! и ты яви,
Нас ко сну благослови».

Смолкли, гроба как не стало,
Всё послушно вдруг словам,
И поспешно побежало
Всё за ними по следам.
Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как пращ, как птица;
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Справа, слева, сторонами,
Горы, долы и поля —
Взад летит всё; под ногами
Конскими бежит земля.
«Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.
Страшно ль, светик, с мертвым спать?»
— «Полно мертвых поминать».

Казни столп; над ним за тучей
Брезжит трепетно луна;
Чьей-то сволочи летучей
Пляска вкруг его видна.
«Кто там! сволочь! вся за мною!
Вслед бегите все толпою,
Чтоб под пляску вашу мне
Веселей прилечь к жене».

Сволочь с песнью заунывной
Понеслась за седоком,
Словно вихорь бы порывный
Зашумел в бору сыром.
Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как пращ, как птица;
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Справа, слева, сторонами,
Взад летят луга, леса;
Всё мелькает пред глазами:
Звезды, тучи, небеса.
«Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.
Страшно ль, светик, с мертвым спать?»
— «Ах! что мертвых поминать!»

— «Конь мой! петухи пропели;
Чур! заря чтоб не взошла;
Гор вершины забелели:
Мчись как и́з лука стрела.
Кончен, кончен путь наш дальный,
Уготовлен одр венчальный;

Скоро съездил как мертвец,
И доехал наконец».

Наскакал в стремленьи яром
Конь на каменный забор;
С двери вдруг хлыста ударом
Спали петли и запор.
Конь в ограду; там — кладбище,
Мертвых вечное жилище;
Светят камни на гробах
В бледных месяца лучах.

Что же мигом пред собою
Видит Ольга? чудо! страх!
Латы всадника золою
Все рассыпались на прах;
Голова, взгляд, руки, тело —
Всё на милом помертвело,
И стоит уж он с косой,
Страшный остов костяной.

На дыбы конь ворон взвился,
Диким голосом заржал,
Стукнул в землю, провалился
И невесть куда пропал.
Вой на воздухе высоко;
Скрежет под землей глубоко;
Ольга в страхе без ума,
Неподвижна и нема.

Тут над мертвой заплясали
Адски духи при луне,
И протяжно припевали
Ей в воздушной вышине:
«С богом в суд нейди крамольно;
Скорбь терпи, хоть сердцу больно
Казнена ты во плоти;
Грешну душу бог прости!»

1816, 1831

ПЕВЕЦ УСЛАД

Певец Услад любил Всемилу,
И счастлив был;
И вдруг завистный рок в могилу
Ее сокрыл.

Певец Услад душе покою
Искал в войне,
А враг тогда грозил войною
Родной стране.

Певец Услад на поле битвы
Не изнемог;
Так, знать, друзей его молитвы
Услышал бог.

Певец Услад в землях далеких
И чуждых жил,
Красавиц видел чернооких,
И не любил.

Певец Услад и Русь святую
Увидел вновь;
Но тужит, помня дорогую
И с ней любовь.

«Певец Услад! — друзья пеняли, —
Или забыть
Не можешь ввек одной печали,
И счастлив быть?»

Певец Услад им со слезами
Сказал в ответ:
«Нет счастья мне под небесами,
Надежды нет.

Певец Услад лишь за могилой
Быть может рад:
Авось там свидится с Всемилой
Певец Услад».

1817

УГОЛИН

Из Данте

Подъял уста сей грешник исступленный
От страшных яств, утер их по власам
Главы, им в тыл зубами уязвленной,
И начал так: «Ты хочешь, чтоб я сам
Скорбь растравил, несноснейшее бремя
Душе моей, и сердцу, и уму;
Но коль слова мои должны быть семя,
И плод их — срам злодею моему,
И речь и плач услышишь в то же время.
Не знаю я, кто ты, ни почему
Достиг сюда; звук слов внимая стройный,
Флоренции, я мню, ты гражданин;
Так знай: мой враг епископ недостойный
Рогер, а я несчастный Уголин.
И вот за что сосед я здесь злодею:
Изменою пристав к моим врагам,
Он предал им меня с семьей моею,
И смертию казнен я после там;
Но смерть ничто, когда правдивой вести
Ты не слыхал о том, как умер я;
Узнав о всем, суди — я прав ли в мести.
Сквозь тесных окн темницы моея
(Ее по мне зовут темницей глада,
В ней многих был несчастных слышен стон)
Уж зрелся мне, затворников отрада,
Свет дня, как вдруг мне злой приснился сон:
Судьба моя в нем вся открылась взору.
Приснилось мне, что он расставил сеть
И волка гнал с волчатами на гору,
Претящую от Пизы Лукку зреть.
Псы тощие, сообщники злодея,
Служа ему, гналися за зверьми,
И вскоре, сил для бега не имея,
Им пойманы в сетях отец с детьми;
Набегли псы и, гладом свирепея,
Терзали их зубами и ногтьми.
Испуганный предвестьем страшным неба,
Я слышу, встав, детей моих сквозь сна:
Все плачут, все на пищу просят хлеба...

Жесток же ты, когда и мысль одна
Про скорбь мою тебя не вводит в слезы!
О чем же ввек заплакать можешь ты?
Меж тем приспел обычный час трапе́зы;
И все, боясь мной виденной мечты,
Мы ждали яств и слышим стук: железы
Звучат внизу, темничной башни дверь
Вдруг заперлась; я на детей невольно
Взглянул, без слов, недвижим, как теперь;
Не плакал я, но сердцу было больно.
Меньшой из них заплакал и вскричал:
«Что страшно так глядишь на нас, родитель?»
Ни слова я ему не отвечал,
Молчал весь день, всю ночь, доколь обитель
На утро нам луч солнца осветил.
При свете том, взглянув на дверь темницы
И на детей, моих не стало сил:
Глад исказил прекрасные их лицы,
И руки я, отчаян, укусил.
Сыны же, мня, что глад я свой руками
Хочу питать, все встали, подошли:
«Родитель наш! — сказали, — лучше нами
Насыться; ты сей плотью от земли
Одел нас, ты и снимешь: мы согласны».
Я смолк опять, и дети сироты
Два дни, как я, сидели все безгласны:
Сыра земля! не расступилась ты!
Четвертый день мы наконец встречаем;
Мой старший сын упал к моим ногам,
Вскричав: «Отец! дай помощь, умираем...»
И умер с тем. Как зришь меня, так сам
По одному, я зрел, и все другие
Попадали; ослепнув, я блуждал
Три дни по ним, будил тела драгие
И мертвых их три ночи призывал.
Потом и сам я слег между сынами».
Так кончил он, и в бешенстве коры́сть,
Главу врага, вновь ухватив зубами,
Как алчный пес, стал крепкий череп грызть.

1817

* * *

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.
Свобода! Свобода!
Ты царствуй над нами!
Ах! лучше смерть, чем жить рабами, —
Вот клятва каждого из нас...

Между 1816 и 1820 (?)

СОФОКЛ

Певец, возлюбленный богами,
Афинян вождь, краса и честь,
Тягчим преклонными годами,
Едва смогал их бремя несть.
Сто лет он жил для муз и славы,
Сто лет сограждан восхищал,
Когда в «Эдипе» им уставы
Судьбы таинственной вещал.

Но кто прозреть свою судьбину
Возмог, рожденный от жены?
Вотще был труд Лаия сыну
Бежать от роковой вины:
Тут оскудел на ум и силу,
Загадку Сфинкса разрешив;
И мог едва сыскать могилу
Далече от родимых Фив.

И ты, дщерями Мнемозины
С пелен взлелеянный певец,
Кому в восторге чувств Афины
Победный отдали венец!
Когда великого Эсхила
Превысил, юноша! в борьбе,
Тогда душа не возвестила,
Что́, старцу, суждено тебе.

Прекрасна жизнь в весеннем цвете,
В довольстве здравия и сил;
Но старцу горько жить на свете:
Друзья его во тьме могил;
Младым — родства с ним тяжки узы;
Оставлен всеми, он один.
Блажен, когда хоть вы, о музы!
Его не пре́зрите седин.

Молвы несчетными устами
Разносится в Афинах глас:
«Софокл ведется в суд сынами.
В нем огнь божественный угас,
В нем разум омрачили лета;
Он сам себе и детям враг;
И суд творить чины совета
Сбираются в Ареопаг».

И как весной разлиты волны
На берег низменный текут,
Так шумны, любопытства полны,
Толпы́ по стогнам в суд бегут.
На игры Вакховы во младость
Он прежде так их тьмами влек;
А ныне уж безумьем в радость
Для них великий человек.

Судьи́ Софокла вопросили.
Он им: «Какой я дам ответ,
Когда все чувства изменили
И слов в устах почти уж нет?
Но да спасусь от укоризны,
Дозвольте мой последний труд,
Ко прославленью лишь отчизны
Подъятый мной, отдать на суд.

Того ж «Эдипа», коим прежде
Здесь плющ наградный добывал,
На силу прежнюю в надежде
Еще представить вам желал:

Как, изгнанный из Фив сынами,
В Афинах он почил от бед
И, смертью примирен с богами,
Нам прах оставил для побед».

Сказал... и смолк; разумным словом
Старейшины удивлены,
И о труде не зная новом,
Склонили робко взор сыны.
Народ воздвигся и взывает:
«Читай, читай стихов своих!»
И старец свиток раскрывает,
И, вновь воссев, народ утих.

«Слепец Эдип и Антигона,
Граждáне! в лес святый взошли,
Где ублажают близ Колона
Богинь, чад Мрака и Земли.
Народ премудрыя Паллады
Просящим дáрует покров,
И старцев лик для их отрады
Так славит им страну богов:

О странник! хвалами почти Крониона
И славную землю познай:
Здесь область Афины, наследье Колона,
Под солнцем счастливейший край.

Здесь в рощах тенистых,
В долинах душистых,
Во мраке ветвей,
Плодами стягченных,
Богам посвященных,
Таясь от очей,
В безмолвьи ночей
И дня пред рассветом,
Под синим наметом
Без ýмолку свищет певец-соловей.

Здесь Кефи́с, струи прохладны
От обильных лья ключей,

Напояет влагой жадны
Скатистых бразды полей;
Здесь на хо́лмах виноградны
Гнутся лозы от кистей.

Здесь с росистых, нежных,
Дышущих цветов
Пчел рои прилежных
Мед пиют сотов.

Здесь, забывая Олимпа чертоги,
Часто гуляют бессмертные боги:
В сонме священных доилиц Фиад
Вакх вечно юный, источник отрад,
Девственны музы и легки хариты —
Лик и подруги златой Афродиты.

Но вящий дар от щедрых нам богов —
Священное, чудесное то древо,
Его же вдруг земли родило чрево,
А Зевс и дщерь его под свой прияли кров.
Ни остров Пелопса, ни Асии равнины
Не возростят от собственных полей
Обильные лишь в Аттике маслины;
Для нас течет ее елей,
Дар светлоокия Паллады,
В бой укрепляющий борцов,
Надежда славы и венцов
На играх радостных прекрасныя Эллады.

И не смеет коснуться секира врага
До маслины священной;
Пусть осмелится: вскоре узрит, дерзновенный,
Он подземные Стикса брега,
Но не у́зрит уже ни родимого дома,
Ни детей, ни жены своея;
Здесь искусит бо силу иль Зевсова грома,
Иль Афины копья.

Еще ты, отчизна, дары получила,
И вас ли забуду, честь нашей земли,
О всадники, в битвах надежная сила?

И вас ли, владыки морей — корабли?
Твои суть дары те, великий сын Крона!
Афинская слава есть дар Посидона.

Красу колесниц,
Веселье возниц,
Прекрасных и многих
Коней быстроногих,
Покорных браздам,
Он да́ровал нам.

Он весла, Афины!
Чрез сланы пучины
Летать в кораблях
Вручил вам навеки,
И при́знали греки
Ваш скиптр на морях.

Цвети же, держава!
Растите, дела!
Богам буди слава
И граду хвала!»

Престал; и как в пучине водной
Валов и бурь и грома звук,
Так раздался́ в толпе народной
И шум, и клик, и плеск от рук.
Сыны с притворным удивленьем:
«Почто ж, родитель, ты от нас
Таил, сколь силен песнопеньем
Еще прельщать твой древний глас?

Гражда́не! так: мы виноваты;
Отец наш да владеет всем.
Что нам? чрез меру мы богаты,
Зря дар ума толикий в нем».
И им народ безумный плещет.
Но в старце закипела кровь;
Взял свиток, огнь во взорах блещет,
Всё стихло, он читает вновь:

«О! если б я Афин не уважал совета,
Он ввек бы от меня не дождался ответа;

Но пусть же слышит: льщусь, от слова моего
Не много радости прибудет для него.
Злодей! какой же враг, пожрав мое стяжанье,
Слепому старцу, мне, рек вечное изгнанье
Из Фив, из родины? бесчеловечный! ты
Облек меня на срам в одежду нищеты.
Теперь, как и тебя постигла участь злая,
Сам плачешь ты, своих на дело рук взирая,
Но я не плачу, нет, я слезы удержу,
И на́ сердце твои злодействия сложу.
Тобой я доведен, терпя и стыд и муку,
Протягивать ко всем за милостыней руку,
Свой хлеб насущный есть от чуждого добра,
Страдать без крова днем и ночью без одра.
Что, если б дочери не сжалились над мною?
Я умер бы давно, зарезанный тобою.
Они меня поят, и кормят, и ведут;
Равняяся мужам, с отцом своим несут
Их женских свыше сил мой жребий многотрудный·
С Олимпа да воздаст всевидец правосудный
Им мерой добрых дел; вам — мерою вины,
О вы, сыны мои! .. нет, вы мне не сыны;
И мститель бог, уже гонящийся за вами,
Еще иными к вам тогда воззрит очами,
Когда свои полки сведете к стенам Фив.
Клянусь, из обои́х никто не будет жив;
Обо́их равная ждет гибель в ратном поле;
Ни утвердится твой брат-хищник на престоле,
Ни сам не льстись сломить отечественных стен.
Там слейте вашу кровь, брат братом умерщвлен.
Я прежде уже рек вам клятвы те жестоки;
Днесь повторяю их, да в них себе уроки
И впредь поче́рпнут вам подобные сердца,
Как детям презирать на старости отца.
Отстань! иди! мое проклятие с тобою.
О божества мои! взываю к вам с мольбою:
Подземный Аид! стран незримых солнцу царь!
И вы, имущие в сей роще свой олтарь,
К безвинным кроткие и ко преступным строги!
И ты, в них дышущий Арей кровавый! Боги!

Молю, сгубите их, их обрекаю вам.
Я всё сказал: Эдип ответствовал сынам».

Судьи́, с седалищ возвыше́нных
Восстав, кладут шары в сосуд,
И клик глашатаев священных
Их громко возвещает суд:
«Афин признательных награда,
Венец — отечества певцу.
Софокл оправдан; злые чада
Повинны жизнию отцу».

Но что! не к благу ли стремленье
Вложил в их душу некий бог?
Они, не вняв еще решенье,
Отца простерлися у ног.
Поверил он их скорби виду;
Обняв, воздвиг их от земли:
Когда же мстить врагам обиду
Душой великие могли?

Народ восхи́щенный толпами
Бежит к нему, и с торжеством
Все старца подняли руками
И так внесли его в свой дом.
И век его стал век блаженный;
Он, отцветая в сединах,
С закатом встретил жизни тленной
Зарю бессмертия в веках.

1818

МСТИСЛАВ МСТИСЛАВИЧ

Не белые лебеди,
Стрелами охотников
Рассыпанны в стороны,
Стремглав по подне́бесью
Испуганны мечутся.

Не по́ морю синему,
При громе и молниях,

Ладьи белокрылые
На камни подводные
Волна́ми наносятся.

Среди поля чистого
Бежит православная
Рать русская храбрая
От силы несчетныя
Татар-победителей.

Как ток реки,
Как хо́лмов цепь,
Врагов полки
Просе́кли степь.
От тучи стрел
Затмился свет;
Сквозь груды тел
Прохода нет.
Их пра́щи — дождь,
Мечи — огонь.
Здесь мертвый вождь,
Тут бранный конь,
Там воев ряд,
А там доспех:
Не может взгляд
Окинуть всех.
На тьмы татар
Бойцы легли,
И крови пар
Встает с земли.

В той равнине холм высокий,
На холме ракитов куст.
Отдыхает одинокий
Витязь там; стрелами пуст,
Тул отброшен бесполезный;
Конь лежит, в груди стрела;
Решето стал щит железный,
Меч — зубчатая пила.

Вздохи тяжелые грудь воздымают;
Пот, с кровью смешанный, каплет с главы;

Жаждой и прахом уста засыхают;
Нá ноги сил нет подняться с травы.
Издали внемлет он ратному шуму:
Лютой млатьбе, не колосьев, а глав.
Горькую витязь наш думает думу,
Галицкий храбрый Мстиславич Мстислав.

Ах! рвется нáдвое
В нем сердце храброе:
Не со крестом ли в бой
Хоть одному идти
На силы темные
Татар-наездников?
Не понаведаться ль,
Здоров ли верный меч?
Уж не устал ли он
Главы поганых сечь?
Не уморился ли
Так долго кровью течь?
Коли в нем проку нет,
Так не на что беречь:
Свались на прах за ним
И голова со плеч!
Нет срама мертвому,
Кто смог костями лечь.

И три раза, вспыхнув желанием славы,
С земли он, опершись на руки кровавы,
Вставал.
И, трижды истекши рудою обильной,
Тяжелые латы подвигнуть бессильный,
Упал.

Смертный омрак,
Сну подобный,
Силу князя
Оковал.

Бездыханный,
Неподвижный,
Беззащитный
Он лежит.

Что, о боже!
Боже правый,
Милосердый,
Будет с ним?

Неужели
Ты попустишь
Нечестивым
Умертвить?

Меч ли темный
Христианску
Душу с телом
Разлучит?

Не омыту
Покаяньем,
Не причастну
Тайн святых?

Или звери
Плотоядны
Кровь полижут
Честных ран?

Труп ли княжий,
Богатырский
Стадо галиц
Расклюет?

Кто из пепла
Жизнь угасшу
Новой искрой
В нем зажжет?

В поле звонком стук конских копыт.
Скачет всадник, весь пылью покрыт;
Он с преломленным в пахе копьем
Быстро мчится ретивым конем;
Молодец, веселясь на бою,
Позабыл, знать, и рану свою.

Кто сей юноша славы и сил?
Зять княжой, рати свет — Даниил.

Пусть бы встретился с ним лютый зверь,
Пусть привиделся б рогатый бес,
Не дрогнул бы князь, таков он смел;
Но чуть-чуть не застонал навзрыд,
Как увидел, что родимый тесть
На сыру землю лег замертво.

Как быть? Спасу в душе помолясь,
Подхватил его на руки князь,
Поперек перекинул седла
И помчался к реке как стрела.
Что ты, князь! ведь не поле река:
Ты удал, да вода глубока.
С небеси помоги тому бог,
Кто сам ближнему в ну́жде помог!

И вышло так: усердной часть дружины
У берега с ладьею ждет князей;
Они в живых, и убыло кручины.
Но Даниил прикрикнул на детей:
«Вы, отроки! сюда бегите спешно.
Вам вечный стыд, мне горе неутешно,
Коль наш отец от тяжких ран умрет;
Моя — ничто: и после заживет».
Мстиславу все бегут помочь толпою.
Оружье сняв, омыли кровь водою
И, белый плат на язвы расщипав,
Внесли в ладью; тут вспомнился Мстислав.

Но лучше бы очей не раскрывал вовеки,
Чем битвы зреть конец: и крови русских реки
И трупов их бугры, и малое число
Спасенных от меча на вящее лишь зло,
На бегство, глад, болезнь, ужасные мученья —
Всегдашний горький плод несчастного сраженья;
И победителей необозримый стан
Чрез всю широку степь бесправильно расстлан,
Где всюду тут и там огнь засвечался дымный,
Как звезды на́ небе в бесснежный вечер зимный.

При зрелище таком князь храбрый восстенал
И слабым голосом скорбь сердца провещал:

«О горе вечное Мстиславу!
На мне вина такого дня,
И внуки поздные по праву
В нем будут укорять меня.

Весь опыт браней долголетных
Одним я разом погубил;
Напал на рать врагов несчетных,
И тем разбитье заслужил.

Не остановятся отныне
Успехом гордые враги,
Доколь Россию всю пустыне
Не уподобят их шаги.

Их орд на нас польется море,
А сила русская мала.
О горе, вечное мне горе,
Что я виновник первый зла!

Но чем бы ни решались битвы,
Моя надежда всё крепка:
Услышит наши бог молитвы,
И нас спасет его рука.

Он русским даст терпенья силу,
Они дождутся красных дней;
У нас в земле найдут могилу
Враги, гордившиесь над ней».

Так Мстислав Мстиславич храбрый Галицкий молвил.
Нá руки склонши главу, Даниил его слушал безмолвно.
Отроки ж, веслами быстрые волны дружно взметая,
К берегу мчали ладью; сошли и князья и дружина,
Пали нáземь лицом, и в слезах благодарных молили
Бога и спаса Христа и пречистую деву Марию.

1819

МИР ПОЭТА

Златые времена
Свободы, простоты, невинности и силы!
Ужель навек вы скрылись в мрак могилы
И память нам об вас осталася одна?
Почто вы, молнией мгновенной
Блеснув, исчезли от земли?
Иль, невозвратные, почто вы дух смущенный
Волшебством маните в таинственной дали?
Ах! горько, насладясь под небом благодатным
Живыми прелестьми роскошныя весны
И грудь изнежив роз дыханьем ароматным,
Отплыть в суровые и льдистые страны́;
Иль, бросив юношей забавы,
О первенстве веселый бой,
Где все прекрасны, сильны, здравы,
Искусством спорят меж собой, —
Прейти в обитель мук, где старец дряхлый, хворый,
Докучный жалости предмет,
Изнемогающий под тяжестию лет,
И свой конец предвидя скорый,
В болезненной борьбе кидает божий свет.
Цвела весна, но роз не стало;
Играли юноши, но юность их прешла.
Где мира древнего волшебное начало?
Где первых чад земли чудесные дела?

Пока в реке плескали волны,
Неслись по ним крылаты чёлны;
Когда ж сковал их лютый мраз,
Исчезла прелесть их для глаз.
И тщетно станет вдохновений
Теперь певец искать кругом:
Бессмертный стихотворства гений
Почиет непробудным сном.
Одною памятью еще мы в свете живы,
Ее лишь призраки наш мертвый красят сон;
Всё счастие в мечтах; и подлинно счастливы,
Что не всего лишил нас злой судьбы закон.

И на крылах воображенья,
Как ластица, скиталица полей,

Летит душа, сбирая наслажденья
С обильных жатв давно минувших дней.
Ветр свежий веет от востока,
От тучных, сча́стливых земель,
Где мира и людей святая колыбель.
Стада, несчетные для ока,
Пасутся на степях от моря до реки,
Веселье пастырям: все овцы их косматы,
Млеком обилуют верблюды их горбаты,
Как вихри, кони их легки.

Кто сей над прочими мужами,
Блистая сребряной главой,
Возносится, как дуб над низкими древами
И как луна над звездною толпой?
Се пастырь пастырей, их царь и повелитель,
Народов будущих священный прародитель,
Назва́нный богом Авраам.
Всё видел он, всё знал, проживший многи годы;
Богатый гость царей, он ездил по страна́м,
Дарил владык, дарил народы,
Почтен и ближним и врагам.

Благословенного благословились чада.
Под мирной сению подвижных их шатров
В довольствии текла жизнь старцевых сынов —
За добродетели достойная награда.
Пасенье стад и лов зверей
Делили их все дни, свободные страстей.
Ни сребролюбие, ни зависть, ни гордыня
Ввек не прешли за праг дверей
В их кущи, белые, как стадо лебедей.
Наследный их удел — бескрайная пустыня;
Там, вечно странники, они росли трудом;
Там в благочестии, как крины, расцветали;
Там первыя любви желаньем и стыдом
Все чувства юноши вспылали,
Когда красавица, с потупленным челом,
Родительских овец и коз рунистых
Гоня пастушеским жезлом
Испить от кладезя вод чистых,
Ему, усталому по ловле и трудам,

К иссохшим, жаждущим устам
С улыбкой поднесла благою
Начерпанный ее рукою
Сосуд с прохладною водою.

Стыд вечный Яковлим сынам!
От них земле пример разврата.
Завистные, за горсть презренну злата
В неволю слезную продать дерзнули брата.
Не бойся, юноша! тебе заступник бог.
Преступною женой обманутый владетель
Вотще тебя казнит за добродетель,
К невинному несправедливо строг.
Расторгла цепь твою всевышнего десница,
Твоя отверзлася темница,
И в царский ты вселен чертог.
Теперь уже не сна обманутый мечтою,
Ниц падших видишь ты злых братий пред собою;
Нет, нужда зельная и нестерпимый глад
Их привели к тебе: к какой осудишь доле?
Мечом ли умереть, иль век пожить в неволе?
Не узнаёт тебя их устрашенный взгляд;
Но ты!.. ты их узнал, и сердце встрепетало,
И сил твоих не стало.
Слезами залился их грозный судия,
И молвил к ним: «Не бойтесь; я —
Иосиф, брат ваш, сын Израиля, Рахили.
Я тот, кого вы все на рабство осудили;
Но бог от зла меня упас,
Египет моему подвергнул он закону,
И как отца поставил фараону.
Придите, братия, вселитесь между нас,
Родителя с собою приведите
И старца жизнию моей возвеселите».

Вселясь в Гессеме, род Израилев блажен.
Размножились, цветут дванадесять колен;
Но годы счастия сменили скорби годы,
И взревновали к ним народы,
И притеснителей рука
Над ними стала высока;
Терзают волки их, рассеянное стадо,

И нет им пастыря. — Сердитая река!
Блюди волнам твоим поверенное чадо:
В нем кроется тот муж, тот избранный небес,
Кто рабства с них низложит бремя;
Дщерь фараонова! расти святое семя.
Свободы наступило время,
Израиль радостью воскрес,
Смутился фараон пред множеством чудес,
И с торжеством бежит избавленное племя:
Им облак освещает ход.
Им море путь дает средь вод,
И пред Синаем стал богоизбранный род.

Земля! почто ты вся трепещешь
И твердый твой дрожит испод?
Что, небо! твой затмило свод,
И всё ты молниями блещешь?
Синай приник челом;
Днем ночь покрыла землю.
И недр подземных гром
Горé глас трубный внемлю.
С полей и огнь и дым
Курится, как с горнила;
За облаком густым
Нет днéвного светила.
И вдруг сгущенных мрачность туч
Рассек господней славы луч;
Неся в руках заветные скрижали,
Свет, льющий от чела, явился Моисей,
И не стерпел взор трепетных людей,
И, ослепленные, к ногам пророка пали.

Законодатель мертв, но жив еще закон,
Пред ним распался Ерихон,
Им покорилася земля млекá и меда.
Восстал ли враг? исчез как сон:
Ищу полков — и нет их слéда.
Навин, Девора, Гедеон
И ты, сильнейший льва Самсон,
Где вы — там слава и победа.
Граждáне ли, забывши честь,
Гостеприимство, долг и веру,

Могли, греха исполнив меру,
Обиду страннику нанесть?
Секира мрачного левита
Всем разделила страшну весть;
Все как один — ему защита,
И злому делу — злая месть.

Утешно после брани
Склониться на поля,
Где щедрая земля
Обильны платит дани
Трудящимся жнецам.
По желтым полосам
Все и́дут дружным рядом;
Нельзя окинуть взглядом
Веселой их толпы;
Работают серпы,
И вместо нив волнистых
Пожатые снопы
В полях остались чистых;
Да класы кое-где,
Забытые в труде,
Оставленные в пищу
Убогому и нищу.
Чуть солнца виден свет,
Чуть пробудилась нива,
Жена цветущих лет,
Прекрасна и стыдлива,
Рожденна для утех,
Приходит ране всех
И целый день сбирает,
И отдыха не знает.
Сынов моавлих дочь
Пришла в страны́ ей чужды,
Деля свекрови нужды,
Желая ей помочь.
«Не разлучусь с тобою, —
Сказала ей она, —
Где ляжешь ты главою,
Там лечь и я должна.
В скитании убогом
Направлю я твой ход;

Твой бог мне будет богом,
Народом — твой народ».
В них Руфь и награжденье
Достойное нашла
За матери призренье
И добрые дела.
Вооз узнал богатый
Приход ее в страну,
Воздал за жертвы платой
И взял ее в жену.

Чета почтенная! за вашу добродетель
Господь весь род ваш возлюбил;
И каждый внук ваш — стран владетель,
И царский жезл Израиль им вручил.
Но паче всех один прославлен:
Мал был он в братии своей,
Отцом и матерью оставлен,
Но при́зрен от царя царей.
Едва вступая в путь, над грозным исполином
Торжествовал он, сча́стливый боец;
Царь, пастырь, воин и певец,
Весь жизни цвет собрал в себе едином;
И, го́спода поя за множество даров,
Наитием восторга окриленный,
Он пляскою встречал кивот священный
Под звонкий глас своих божественных псалмов.

Кто даст мне крылья голубины
Взлететь с Давидом к небесам?
Дерзну ли, дщери Мнемозины,
С моленьем сим прибегнуть к вам?
Нет, чада Греции прекрасной,
Вам жизнь лишь в родине одной;
Туда вы песнью сладкогласной
Зовете дух прельщенный мой:
«Оставь, о друг, верхи Кармила,
Сиона стены и поля,
Какая в небо мысль взманила?
У нас так хороша земля.
Смотри, как острова цветущи,
Любуясь, море обтекло;

Как всюду грады, веси, кущи
Глядятся в влажное стекло.
Здесь торг, весло приявши в руки,
Покрыл судами океан;
Сюда изгна́нные науки
Стеклись из отдаленных стран.
Там лозы, ма́слины и нивы,
Тут храм, феатр иль гипподром;
Здесь все свободны и счастливы,
Здесь славы, муз и счастья дом».

Чудесной силою влечет сей голос чистый;
И девять сестр, взяв за руки меня,
Ведут на верх горы высокой, двухолмистой,
Где с шумом льется ток сребристый,
Копытом выбитый крылатого коня.
Я в трепете святом склонился над водами.
Коснулся струй горящими устами,
И вдруг с очей ниспала пелена;
Пред взором сблизились места и времена,
И несказа́нное мне зрелище открылось.
С чего начну? где успокою взгляд?

У ног моих вот Дельфы град;
И множество там жертв курилось;
И на треножник золотой,
Измучена бесплодною борьбой,
С лицом неистовым, с растрепанной главой,
Садилась пифия; молельцы ей внимали
И таинства, сокрытые судьбой,
В ответах темных проникали.
Там варвары, послы неведомой страны,
Богатый дар в честь Фиву посвящали;
А там всей Греции избра́нные сыны,
Блюстители-амфиктионы,
Мир правый строили, гасили огнь войны,
И все их слушали законы.

А там, за морем Алкионы,
Пришельца Пе́лопса богатая земля:
В ней сто градо́в; вот первый пред очами
Коринф, двумя владеющий морями.

Народ бежит толпами
На встречу корабля,
Победными покрытого венцами.
Тиран несчастных Сиракуз,
Плененный их полками,
Везется в нем под гнетом уз,
Сложённых наконец отечества сынами.
Вот брег Ахаии, и в нем святый союз
Бесстрашных воинов, свободных от упреков,
Достойных слыть в веках последними из греков.

А там, о вид прелестный для очей!
Где тихой, сребряной струей
Влюбленный зыблется Алфей,
Великолепный град и храм чудесный миру:
В нем сам присутствует Зевес.
Каков являлся он Омиру,
Когда певец богов будил живую лиру,
Таков и к Фидию спустился он с небес;
Оделся костию и златом,
И в облачении прекрасном и богатом
Воссел на блещущий престол.
Оттоле, радостный, он зрит обширный дол,
Где, легкие как птицы,
Со стуком мчатся колесницы;
Где от Эллады всей стекаются бойцы;
Епира всадники и критские стрельцы
Где силятся оспорить лавр победный;
Соплетшиесь где ломятся борцы;
Где ки́стень бьет о ки́стень медный,
И где несчетных рук плеск раздает венцы.

Ты ль вслед мне предстаешь, несчастная
Мессена,
Наследие Иракловых детей?
Ты пала, но гордись еще судьбой своей:
Ты колыбель и гроб Аристомена.
А ты, о Спарта, град войны,
Народ, безжалостный к убогим!
Дивлюсь твоим законам строгим,
Но отвращаю взор от грубой их страны.

Его к тебе простру, о Мантинея,
Где, победив гражда́н-тиранов строй,
Со славой, с радостью мертв фивский пал герой.

Иль им пойду блуждать лесистого Ликея
И звонкого Менала по холмам,
В вертепы темные, где Пана по следам,
К таинственным и шумным торжествам
Сбираются Аркадии все боги,
Сатиры ярые и нимфы легконоги.
Но вот вблизи и брег, где жил Агамемнон,
Вот Аргос и Микены.
Чертога древнего еще остались стены.
Отсель он, греков вождь, отплыл под Илион;
Тут пал он жертвою измены,
А там Орестовой отмстил рукою он.

Но что, шумя, Эгейски волны
Мчат вдоль Аяксовых брегов?
Разбитые суда и чёлны
Несутся по́ верху валов,
И вкруг пролива оба полны
Снастей и трупов и голов.
Наряд их чуждый, образ дикий —
Твои всё жалкие рабы,
Мидян и персов царь великий!
Ты сих злосчастных жертв судьбы
Пригнал из Асии толпами;
Ты, моря оковав брега,
Как непокорного врага,
Безумец, сек его бичами;
Теперь где похвальба твоя?
Твоих бессмертных где дружины?
Ты рад, что быстрая ладья
Тебя спасает от кончины.
Бой незабвенный Саламины!
Блажен, блажен, кто был в тебе.
А вы, цвет Греции, Афины!
Вы, в славной первые борьбе,
Вы, чтя всех выше благ свободу,
Домов, ни храмов не ценя,

Их в жертву предали огня —
Честь вам! позднейшему народу
Да будет ваш пример священ.
С почтеньем ищет взор мой слезный
Сей пепл, отечеству полезный,
Разрушенных Паллады стен.

Но сон ли вижу я, или волшебным словом
Там камни движутся при Амфионе новом
И в стройной красоте восходят к облакам?
Ареев холм венчает девы храм;
Великолепные отверзты Пропилеи;
Подобный варваров шатрам
Вот пышный Одеон, и битвы в нем трофеи,
Коры́сть — Афинам честь и Ксерксу вечный срам;
А там
Ряд портиков, искусства диво,
Где Зевкса кисть и Фидиев резец,
Веселье взоров и сердец,
Друг с другом спорятся за первенства венец:
И мрамор дышит там, и древо краской живо.
Гражда́н несметное число
По стогнам всем волнуется, как море:
Кто к площади спешит, витий где в шумном споре
Правленья движется кормило и весло;
Кто в Академов сад, где, мудрости плодами
Питаясь, смертные равняются с богами.
Но гуще всех толпы́ и гра́ждан и гостей,
На празднество молвою привлеченных,
Бегут в прекрасный дом игр, Вакху посвященных,
Где роскошь хвальная достойнейших мужей
Все чары собрала для слуха и для ока;
Где гений оживил предания веков,
Событья смертных и богов,
Борьбу великих душ с слепою властью рока,
Совокупив в одно для чувств и для умов
И пользу важного урока,
И прелесть сладостных стихов.

Из мрака лет давно минувших
Он диких выставил людей,

Невежества и буйства сном уснувших,
Одетых кожами зверей,
Упитанных сырыми их телами,
Или травой пустынь, или дубов плодами;
Вдруг сын земли, отважный Промефей,
Дерзнул на небеса — и для богов возжженный
Похитил огнь священный;
Спустился долу с ним, и вид нагих степей,
Согретый теплотой лучей,
Расцвел в единый миг: всё жизнию взыграло.
Искусства родились; пила, секира, рало
Проникли в глубь лесов; возделались поля,
Златою нивою оделася земля,
Из блат возникли сёлы,
Ткань легкую дало руно блеющих стад,
И крав сосцы — млеко, и мед душистый — пчелы,
И радость жизни — виноград.
Но небожители возревновали счастью;
Шлют казнь его творцу за хвальные дела:
Его жилище впредь — пустынная скала;
Ифестом жалостным и непреклонной Властью
Прикован к ней бессмертный сей Титан
И с ним беседует лишь старец Океан.
Но что́ сильней души великой воли?
Против нее ничто Зевесов гром:
Один своей провидец доли,
С спокойным Промефей челом
Ждет внука-мстителя, кто цепь его развяжет;
Живой утробой он орла насытит глад,
Падет в бездонный ад,
Но тайны ввек мучителю не скажет.
Судьба исполнилась, и веки протекли,
И Промефея длань Иракла свободила:
Плен разума расторгла сила,
И вечный мир настал меж неба и земли.

Но между тем как все с безмолвным удивленьем
Вперили ум, и слух, и взор
И, плавно двигаясь под лирным строем, хор
Гремит таинственным, высоким песнопеньем, —
За ратью рать идет от Тибра берегов.
Пред ними смолкло всё; лишь рев трубы военной

И грустный стук оков
До края слышится вселенной.
Величье краткое! вновь воинов толпы́,
Как тучи снежные, от севера несутся.
Державы Римския огромные столпы,
Разимы вновь и вновь, трясутся
И с треском рушатся на прах.
Везде грабеж, убийство, страх,
Смесь странная племен и нравов и язы́ков;
И музы робкие на трепетных крылах,
Сих варваров страшася буйных криков,
Сокрылись от земли в спокойных небесах.
Один!.. что делать мне? кто мне подаст спасенье?
И кто бы укротить неистовых возмог?..
Но что! зрю новое, чудесное явленье:
Нисшел любви веселый бог.

Не тот слепой младенец Афродиты,
С которым в Пафосе резвилися Хариты;
Но рыцарь-юноша с смеющимся челом.
Как лебедь белый конь резво́ под ним кружится,
А тот на нем скача, стрельбою веселится.
С ним рядом кроткая сопутница его —
Взаимность имя ей; с кумира своего
Глаз не сведет она, как тень с ним неразлучна.
Его забава — всех язвить иглами стрел;
Но язвы их целить — благий ее удел,
И, благо в сем творя, сама благополучна.
При ней чета подруг:
Одна есть *Искренность* младая,
А *Верность* скромная другая.
У рыцаря ж усердных двое слуг:
Неутомимые повсюду скороходы,
Готовые за ним сквозь огнь и воды.
Один, склонив хребет, плечами дюжий *Труд*
Несет тяжелое припасов нужных бремя;
Другой — *Терпеж,* страдалец всех причуд;
Смиренный раб, обняв златое стремя,
Из милости ждет взгляда одного,
И счастья миг, когда сподобится его,
Ему наградою за долгой скорби бремя.

Я зрю: толпою к ним бегут со всех сторон
Вожди и воины, суровые дотоле,
Амур, как царь, дарит им свой закон,
И все покорствуют его волшебной воле.
И вот красавицы, кого ревнивый страх
Таил во мрачных теремах,
Как вешние цветы от плена свободились;
И храбрые упали к их ногам,
И с новым рвеньем устремились,
Чтоб их понравиться очам,
К опасностям, к трудам,
За подвигом, за славой
И в дальний путь и в бой кровавый.

В дни празднеств поприще им растворяет честь;
И витязи съезжаются толпою,
Горя желанием награду приобресть,
Даруемую им прекрасною рукою.
Свою тем Даму превознесть
И с ней себя хвалою.
Едва успеет око счесть
Отважных всех, готовых к бою.
Прекрасный вид: чуть рассвело,
Уже, как в улье рой шумящий,
Теснится зрителей несметное число.
Но вот и сонм бойцов блестящий:
Как бодро едут все они!
Как их доспехи, латы
И крепки и богаты!
Как статны их кони!
Как распущéнные знамена их пестреют!
Как пышно шлемов их пернаты гребни веют!
Какие надписи на вещих их щитах!

Но глас трубы раздался медный —
Привстали всадники на крепких стременах.
Кому из них венец победный?
Еще трубят — как вихрь иль гром
Пустились все; их глаз не видит боле;
Под ними застонало поле,
И стала пыль столпом.

Щиты дробятся, копья ломки
В куски летят, мечей булат
Частит удары громки
В стальные кольцы лат.
Не все и храбрые счастливы:
Тот ранен, тот упал; сильнейшая рука
Из седл их вышибла, и кони их ретивы
Ржут, в поле мчась без седока.
Редеет бой. Один воитель
Остался наконец,
Счастливый прочих победитель.
Ему награда и венец;
Ему сей шарф златой, царевны рукоделье.
Сей богатырский меч (в дни давней старины
Он был предмет войны,
И нет ему цены).
Торжественник! полно твое веселье:
Со всех сторон к тебе несется похвала;
И та красавица, которая была
Одна из всех тебе мила,
Уже с улыбкою небесной
Тебя надеждою дарит награды лестной,
Которую давно любовь твоя ждала.

Но более еще ты счастия достоин,
Коль, столько ж сладостный певец, как храбрый воин,
Со славой равною двойной окончишь труд:
Руками, грозные нанесшими удары,
Коснешься звонких струн гитары
И нежным пением прельстишь Любовный суд.
Так, рыцарь тот из всех зовется совершенным,
В ком к женщинам любовь и трубадуров дар —
Краса и цвет достоинствам военным.

Не мене оттого горит в них бранный жар;
Не век им праздновать веселью и покою.
Лишь зацветут поля весною
И труб раздастся рев,
Уже в них дух кипит войною,
И каждый агнец вышел лев.

От устья Тагова до дальней Палестины,
Летая молнией, разят они врагов,
И часто вспять от горсти сих бойцов
Ордами бегали срацины.

За ними на крылах дух устремился мой.
Какие подвиги, удары, смерти, раны!..
Какие страшные собрались предо мной,
Подобно грезам сна, живые великаны!..
Неужли сон мысль оковал мою?
Нет; нет, в лице их узнаю:
Вот Мавров Молот Карл, Европы всей спаситель;
Вот Кампеáдор Сид, отцовой чести мститель;
Вот веры щит — Годфред; вот сердцем лев —
Ричáрд;
Вот страха и упрек не знающий Баярд;
И наши, вот они: и Святослав великий,
Царьградских кесарей соперник полудикий;
И, половцев гроза и страх,
Краса владык, венчанный Мономах,
И два Мстислава, честь России,
Два храбрые, столпы святой Софии;
И Невский, и Донской!..
Я вижу, движется их строй,
Их очи смотрят, грудь их дышит...
Промолвите, герои древних лет!
Да глас ваш жадный слух услышит;
Хочу рукой моей коснуться вас... Ах! нет!
Нет их! нет никого! мечта воображенья
Мой обманула взор: зарытые землей,
Для них нет боле пробужденья.
Один, в тиши ночного бденья,
Я здесь с душой, смущенной от скорбей!
Вокруг меня зари свет слабый льется;
Лице горит, мрет голос, сердце бьется,
И слезы каплют из очей.

1822

СОНЕТ

Из Филикайя

Италия! Италия! Зачем
Тебя судьба ущедрила красою?
Сей вредный дар неразлучим с тобою,
И корень он твоим несчастьям всем.

Будь менее прекрасна ты собою
Иль более сильна владеть мечом,
Чтоб не пылал к тебе любви огнем,
Чтоб не губил пришлец тебя войною.

Не зрел бы я с Альпийских гор тогда
Сходящих войск и хищного соседа
В кровавом По пиющие стада;

Врагов твоих я не нашел бы слéда,
И налагать не смели бы всегда
Нам равных уз разбитье и победа.

1822

ОКТАВЫ ИЗ «БЕШЕНОГО РОЛАНДА»

Из Ариосто

La verginella è simile alla rosa. Canto I.

Красавица, как роза молодая, —
Доколь она, родимых честь садов,
В них кроется, беспечно почивая,
Сбережена от стад и пастухов;
Лелеет ветр, заря поит росою,
Любима всем, и небом и землею,
И спор у дев: кому ее сорвать,
Чьи волосы, чью грудь ей украшать.

Но чуть ее сорвут с куста родного
И сломят стебль, иная ей чреда:
Любви людей, благих небес покрова
И всех даров лишилась навсегда.

Так де́вице назначен труд прилежный:
Как свет очей, как жизнь беречь свой нежный
Цветок; не то при всей красе она
Влюбленным всем постыла и скучна.

Liete piante, verdi erbe, limpid'acque. Canto XXIII.

Цветущий лес, луга, ручей прохладный,
Пещера, где роскоствуя в тени
С прекрасною Анге́ликой, в отрадной
Златой любви так быстро мчались дни!
(По ней толпа влюбленных воздыхала;
Она в моих объятьях почивала.)
Чем бедный я Медор, какой ценой
Вас награжу, как не души хвалой?

Всех вас молю: и юных дев пригожих,
И рыцарей, кому любовь мила,
Живущих здесь, проезжих и прохожих,
Хоть воля вас, хоть ну́жда привела.
Лугам, древам, цветам, водам скажите:
«Счастливые, под солнцем век живите».
Вы ж, нимфы, их блюдите от вреда;
Гоните прочь и бури и стада.

1822

РОМАНСЫ О СИДЕ

Из Гердера

1

Дон Диег сидел печальный,
Ввек никто так не страдал.
Грустно думал днем и ночью,
Что его поруган дом;
Дом поруган старый, храбрый,
Лайнецов известный дом:
Он Инигосов во славе
И Абаркосов мрачил.
Слаб от лет, обижен страшно,
К гробу близится дон Дьег,

Между тем как враг дон Го́рмас
В безопасном торжестве.
Так без сна он и без пищи,
Потупи́в глаза, сидит,
За порог ногой не ступит
И ни с кем не говорит.
Друг его придет утешить —
Он не слышит слов его:
Обесчещенный, боится
Ближних духом заразить.
Наконец скидает бремя
Он безмолвныя тоски,
Сыновей своих сзывает,
Но и тем не говорит;
Только всем веревкой руки
Тут же сам перевязал.
Все они его с слезами
Просят, чтоб пришел в себя.
Он почти уж без надежды,
Как дон Ро́дриг, младший сын,
Вдруг и радость и надежду
Возвращает старику.
Он, как лев, сверкнул очами,
Отстранился от отца:
«Забываешь разве, — молвил, —
И кто я, и кто ты сам?
Если б ты своей рукою
Не́ дал прежде мне меча, —
И ножа бы мне достало,
Чтобы срам такой пресечь».
Слезы радости ручьями
Полились у старика:
«Ты, — сказал он, обнимая, —
Ты, мой Родриг, ты — мой сын:
Гневом ты меня утешил
И досадой исцелил;
Только не отцу, мой Родриг,
Дома нашего врагу
Смертью отомсти». — «А где же, —
Молвил Родриг, — кто посмел
Нас бесчестить?» — И дон Дьегу
Молвить слова не дает.

2

Родриг шел и думал думу:
О бесчестии отца,
О годах своих цветущих
И могуществе врага.
Тьму друзей имеет Гормас
Во Астурии горах;
Первый он и на сраженьи,
И в совете короля.
Но однако, если вспомнит
Он бесчестие отца,
Что при нем всё остальное?
Лишь бы правым бог помог!
Храбрость долг ему священный,
Юность тоже не порок;
А за честь в хорошем доме
Малым детям смерть легка.
Спешно меч с стены снимает,
Меч, который в старину
Ба́стард доблестный Мударда
При бедре своем носил:
Меч висел как бы печальный,
Что им некому владеть.
Перед тем как опоясать,
Родриг молвил так мечу:
«Слушай, меч на свете славный!
За тебя взялась рука
Не подлей руки Бастарда,
Хоть еще не так сильна.
Взад она уж не погнется,
Как махнет тобой в бою.
Меч! ты скован из булата,
И в груди моей булат;
Прежний был твой храбр хозяин,
И со мною нет стыда.
Если ж ты со мной бесчестье
Встретишь, отжил ты свой век.
Долго ты в ножнах как сонный
Пролежал: ступай на свет;
Час настал, чтоб нам с тобою
Мести правой добывать».
Тихо, чтоб никто не сведал,

Родриг из дому пошел,
И часа́ не проходило,
Как он встретился с врагом.

3

Графа Гормаса дон Родриг
Пред дворцом на площади́
Встретил, двое их и было;
Слово молвил он ему:
«Знал ли ты, скажи, граф Гормас,
Что есть сын дон Дьегов, — я,
Как рукой ты смел коснуться
До почтенного лица?
Знал ли ты, что род дон Дьега
Лаин Кальва древний род,
Что нет в свете благородней
Ихней крови и щита?
Знал ли ты, что я покуда
Жив, не только человек,
Вряд ли сам господь небесный
Даром сделать мог, что ты?»
— «Ты, — ответил гордый Гормас, —
Знаешь ли полвека что?
Юноша!» — «Да, — молвил Родриг, —
Знаю, и тебе скажу:
В том наш долг, один полвека:
Как достойных уважать,
А другой: как за обиду
Дерзновенным отомщать
И смывать последней кровью
Стыд». Сказав сии слова,
Поглядел в глаза он графу;
Граф же гордый отвечал:
— «Юноша, чего ж ты хочешь?»
— «Головы твоей хочу, —
Молвил Сид, — я так поклялся».
— «Биться хочешь ты, дитя, —
Молвил Гормас, — как ребенка
Надо наказать тебя».
Мати божья! все святые!
Как гнев Сида рассказать?

4

Слезы тихие катились
По ланитам старика.
Он сидел на стол опершись,
Всё забыл вокруг себя.
Думал он: мой дом поруган;
Думал он: мой сын так юн;
Думал он: ему опасно
С сильным меряться врагом.
Всё с бесчестьем отлетает:
Радость, смелость и покой;
Все они с одною честью
Возвращаются назад.
Углублен в печальной думе,
И не видит он, как сын
Входит, меч держа под мышцей,
Руки сложены на грудь.
Долго с жалостью он смотрит
На отца на старика;
Подошел к нему, взял руку:
«Ешь, старик», — ему сказал,
Указал на стол накрытый;
Пуще слезы потекли
У дон Дьега: «Ты ли, Родриг,
Ты ли это молвил мне?»
— «Я, родитель, подними же
Благородное лицо».
— «Разве нет уж нам бесчестья?»
— «Нет, родитель: он убит».
— «Сядь же рядом, сын мой Родриг,
Я готов с тобой поесть;
Кто его убил в сраженьи,
Первый в роде тот своем».
На коленях плакал Родриг,
Руку старца лобызал;
А дон Дьег, лобзая сына,
Плакал вдвое от души.

5

Конский топот, говор шумный,
Клик, и беганье, и стон,
И оружья звук — в Бургóсе,
У палаты короля.
Вышел спешно из покоев
Дон Фернандо, сам король;
Все придворные бояре
Вслед ему пошли к дверям.
У дверей стоит Химена,
Разметавши волоса,
Обливается слезами,
Пала в ноги королю.
А дон Дьег — с другого края;
Триста храбрых с ним мужей,
И меж ними сам дон Рóдриг,
Из кастильцев молодец.
Все сидят на мсках верхами,
Только Родриг на коне;
Все тут в замшёных перчатках,
А в железных он один;
Все они в шелку и в злате,
Он же в латах боевых.
И народ, как их завидел,
И весь двор, как вышел к ним,
Все вскричали: «Посмотрите,
Отрок Гóрмаса убил!»
Тут дон Рóдриг оглянулся,
Громко молвил: «Кто из вас
Графа смертию обижен,
Друг, иль ближний, иль родной?
Пусть хоть конный он, хоть пеший
Выйдет». Все ему в ответ:
«Разве черт с тобою драться
Выйдет на свою беду».
Триста всадников поспешно
Все слезали с мсков своих,
Королю к руке ходили;
Лишь остался на коне
Рóдриг. «Слезь с коня,
сын Рóдриг, —

Тут сказал ему отец, —
Поцелуй Фернанду руку».
— «Если ты велишь, пожалуй:
Я с охотою сойду».

6

Рвется в горести Химена,
Слово молвит королю;
Слезы так из глаз и льются,
Так и блещет в них она:
От печали вдвое краше,
Словно роза под дождем;
От печали неутешной
Щеки, как огонь горят;
Речь сложить и можно в песню,
Взглядов и красы нельзя.
«Государь, — она сказала, —
Правосудья я прошу.
Им зарезан мой родитель,
Он его ужалил, змей!
Гормаса, который часто
Трон твой и тебя спасал;
Гормаса, потомка храбрых,
Чьи с Пелагом знамена,
Королем христолюбивым
Первым, родину спасли;
Гормаса, который веру
Сам святую охранял,
Слыл и страхом Альманзоров,
И красой своей земли,
И твоей короны царской
Первым камнем дорогим.
Суд, король, а не пощада!
Долг твой слабым помогать.
Царь пристрастный недостоин
Службы рыцарей своих,
Ни любви своей царицы,
Ни лобзанья от нее.
Ты же, Родриг, ты, зверь лютый,
Проколи и грудь мою;

Я тебе ее открою:
Будь убийцей и моим.
И зачем щадить ты станешь
Дочь, отняв у ней отца?
И зачем щадить врагиню
Впредь отныне навсегда?
Мщенья я прошу от неба,
Мщенья ото всей земли,
Мщенья над тобой». Дон Родриг
Смолк, поворотил коня,
Сам спиною повернулся
Всем тут рыцарям, вождям;
Ждал, не будет ли погони,
Но никто не погнался.
Лишь увидела Химена,
Пуще закричала всем:
«Мщенья, други, мщенья, крови!
Я — отмстителю цена».

7

У стола сидел Фернандо
В Бургосе в своем дворце,
Как Химена в черном платье
Вся в слезах к нему пришла.
С видом скромным, благородным
Молвит грустные слова:
«Государь, подай защиту
Мне, несчастной сироте;
Мать моя в тоске скончалась,
И наследство мне от ней
Стыд несглаженный: убийца
Дома нашего живет.
Каждый день надменный Лайнец
Мне является в глаза;
Каждый день верхом у окон
Ездит с ловчим соколо́м:
Голубей моих он травит;
Сам взгляни, о государь:
Кровь любимыя голубки
На груди моей видна.

Я ему и запрещала,
Но какой он дал ответ!
Государь, прочти, что пишет
Он в насмешку надо мной».

Доне Химене

Почтенная дона, Химена драгая,
Ты сетуешь в том на меня,
Что много за ловлей я птиц разъезжая
Извел голубей, соколо́м их гоня.
Мы каждое утро гуляем с ним вместе.
Позволь мне явиться к тебе, как к невесте.
Тогда мы поправим, что сделали зол
Враги нашей страсти: судьба и сокол.

Как прочел король записку,
Подошел он ко столу,
Написал письмо к дон Дьегу
И тайком ему послал.
Как письмо увидел Родриг,
«Нет, — сказал он, — бог свидетель
И святая божья мать,
Одного тебя, родитель,
Не пущу я во дворец».

8

На Кастилию напали
Пять срацинов королей:
Меч, огонь, опустошенье,
Смерть пред ними потекла.
Уж за Бургосом далеко
Монтедока, Бельсорад,
Сан-Доминго и Нахара,
Вся земля разорена.
Мавры гонят в ней толпами
Христиан, мужчин и женщин
И детей и скот и всё;
Старый плачет, малый воет:
«Ах! куда нас всех ведут?»
Мавры со́брали добычу,

С ней уйти уже хотят,
Ибо не было им встречи,
Сам король не встретил их.
Но в своем Биварском замке
Сведал Родриг ту беду;
Двадцать лет ему не вступно,
Но душой он зрелый муж.
Конь его слыл Бабиеца;
Как воссел он на него,
Словно бог на колесницу,
И пустился разъезжать;
Своего отца вассалов
Всех он сóзвал и повел
Вплоть до самой Монтедоки;
Там дождалися врагов.
Царь небесный! тут из мавров
Не ушло ни одного;
Тех же, что вели толпами,
Христиан, мужчин и женщин,
Всех он обернул домой.
А в подарок дон Фернанду
Добрый Родриг отослал
Полоненных на сраженьи
Пять срацинов королей.

9

Дон Фернандо на престоле
Судит подданных своих;
Тех за дело награждает,
Тех казнит он за вину:
Ведь нигде нельзя народу
Жить без казни и наград.
В длинном черном покрывале,
С нею триста верных слуг,
Шла почтительно Химена,
Чтоб судиться, к королю;
Стала на одно колено
У престола на ступень.
Дочь великого Гормáса,
Жалуясь, сказала так:

«Полгода мину́ло ныне,
Полгода, о государь,
С дня того, как юный воин
Моего отца убил.
В пятый раз меня ты слышишь,
А четыре обещал
Помощь словом королевским,
Правосудие и месть:
Я досель их жду напрасно;
Юн, и дерзок, и надмен,
Над законами смеется
Сид дон Родриг де Бивар.
Государь! и ты всё терпишь,
Ты; и если б кто другой
Смел вредить ему, я знаю,
Злом воздал бы ты ему.
Добрые цари на свете
Образ божий, злой же царь
Службы верных слуг не помнит,
В подданных родит вражду,
Гнев и ненависть, от коих
Плод — отчаянье и плач.
Государь, о всем подумай
И прости мне, сироте,
Коей жалобы невольно
Восстают тебе в укор».
— «Что ты молвила, прощаю, —
Отвечал король, — Химена,
Только далее не смей:
Родрига тебе я прочу.
Ныне смерти ты ему, —
Скоро счастия и жизни
Будешь от меня просить».

10

Не бывало громче славы,
Славы Родрига, когда
Пять он королей срацинов,
Мавров из Морерии,
В трудной битве полонил.

И как взял со всех он клятву
Впредь служить и дань платить,
Их на родину обратно
Всех он вместе отпустил.
Долгих семь годов уплыло.
Тверд в намереньи своем,
Дон Фернанд взял город крепкий,
Покорил Коимбру город
С башнями и со стеной;
Посвятил в нем мати божьей
Богатейшую мечеть;
В сем священном Родриг храме
Бденье рыцарства свершил.
Королевскими руками
Опоясан он мечом,
И сама же королева
Подвела ему коня,
А инфанта дон-Уррака
Вздела шпоры на него:
«Матушка, ах что за рыцарь!
Не видала я таких.
Я завидую крестьянке,
Что, упрека не боясь,
В низком звании, свободно
Может на него смотреть,
Смеет им налюбоваться;
Но счастливее жена,
Мать которую красавцу
Ненаглядному вручит».
Так царевна говорила;
Только не из алых уст,
А в груди ее безмолвной
Сердце молвило слова.

11

«Родриг, благородный рыцарь!
Молод, храбр ты и умен.
Накажи тебя создатель:
Сердце ты мое сгубил,
Смелый юноша, не вспомнив
Ни кто я, ни кто ты сам.

Город ты пленил осадой,
Пять срацинов королей
Победил и вверг в оковы,
В ранней юности своей
Гордого убил Гормáса, —
Чем же так гордиться тут?
Рыцарь, все гишпанцы тоже,
Больше сделать могут все.
Ты родился благороден,
Долг твой хвальные дела;
Кто лишь долг свой исполняет,
В чем ему быть благодарным?
А хоть было б в чем, то знай:
Этот долг не мой, а разве,
Разве моего отца.
Если бедностью с тобою
Я кажуся и равна,
Царским я своим рожденьем
Много от тебя ушла.
Оттого бывают бедны
Дщери царские всегда,
Что их крови благородство
Выше всех богатств земных:
Не порок во мне и бедность,
Боле чести мне от ней.
За богатство ты Химену
Любишь, это знаю я;
Нет, неправда, не хочу я,
Родриг, на тебя солгать;
Ею ты любим: бог с вами!
Право, мне и нужды мало,
Любит ли Химену Сид.
Дочери богатой графа,
Мелкий рыцарь, ты и рад;
Я бедна: на что алмазу
Быть в окладе золотом?
Ты хорош: Нарцисс был краше;
Мудр: мудрее Соломон;
Благороден: их и много;
Храбр: в Гишпаньи никогда
Трусы, Родриг, не родятся;
Ты богат: есть тьма глупцов,

Тож богатых; вышел в славу:
Сколько славилось людей,
Отжили свой век, и всеми
Позабыты навсегда.
Зеркало твое солгало,
Будто в свете краше нет,
Посмотрись в мое, увидишь,
Что напрасно был так горд.
Прочь! иди к себе подобным,
Рыцарь, прочь! и на царевну
Лишь с почтением взирай».
Так ревнивая царевна
Дон-Урракa речь вела;
Слушал Сид, но ей ни слова:
Знал любовь ее к себе.
И как кончила инфанта,
За иголку принялась:
Вышить шарф ему прекрасный,
Хоть он даже не просил.

12

Во цветущий месяц Пасхи,
Как седая вновь земля
Старой феи вид меняет
В образ нимфы молодой,
В красной Бургоса долине
С знатью и со всем двором
Выезжал король Кастильский,
Дон Фернандо, на гульбу.
Изо всех своих придворных
Взял он Родрига с собой
И повел к ручью, чрез поле
Льющемусь как серебро;
У ручья с ним слово молвил.
Все их видели очьми,
Но никто не слышал ухом,
В чем беседа их была:
«Рыцарь, — молвил он, — любезный,
Молод ты и сердцем храбр;
Только мало жил на свете,

А об женщинах понятья
Не имеешь ты совсем.
Страсть их в том, чтоб править нами,
Часто и успех притом:
Часто женщин мы орудье;
Лучшим предприятьям мужа
Может повредить жена.
Грех, а часто в мысль приходит,
Будто на свой белый свет
Бог затем и создал женщин,
Чтобы ими и за них
Мы всё делали, они же
Оставались в стороне.
Молодцу, как ты, знать женщин
Очень нужно, всех других
Мудренее их наука;
Только не пускайся в даль,
Чтоб с тобою не случилось
Так, как с древним мудрецом:
Он хотел изведать море,
Да и бросился во глубь.
Тайна в том, чтоб знать их силу
Над душою их мужей;
В них засела эта тайна
Так глубоко, что сам бог
Не всегда ее проникнет;
И как при́дет судный день
И всё скрытое откроет,
Чаю, женщин всех найдет
Бог с пороками одними,
Правых всех и виноватых, —
Так душа у них темна.
Разница, мой друг, большая
Между мужем и женой,
Вся в ее, однако ж, пользу:
Знаешь ли ты отчего?
Муж идет своей дорогой,
А жена сидит и ждет;
Он задумал так, а выйдет:
Надо сделать по ее.
Видишь ли, летает птичка
По деревьям, по сучкам

И стрелка как будто манит,
А схватить себя не даст?
Словно бы ему в насмешку
Щиплет лучшие плоды;
Видит, что стрелок оплошный
Взять забыл с собой ружье.
А когда же против женщин
Мы умеем воружиться?
Так и манят нас оне.
Тут ничем не охранишься,
Участь всякому одна;
Юноша, совет разумный:
Не жениться никогда».
Так король вел с Сидом слово,
Он хотел его разведать;
Слушайте, что Сид сказал.

13

Как замолк король Фернандо,
Сид ему тут слово молвил
У сребристого ручья:
«Государь, я, правда, молод
Старую премудрость знать;
Но понять законы чести,
Как ни молод, всё могу.
Я рожден от доброй крови,
С детских лет учен добру;
Честь гласит мне: благородный
Должен род свой сохранить;
Должен он служить отчизне
И советом и рукой,
Помнить веру, государю
В нужде правдой помогать;
А затем свой род и имя
Твердо в землю вкоренить,
Чтоб взросло оно и каждый
Опереться мог на нем;
Должен родине и церкви
Чад достойных подарить, —
Так я думаю, жениться
Мне велела честь сама.

Кто союз отвергнул брачный,
Тот изменник, государь;
Ни святой не помнит веры,
Ни примера праотцов;
Разрывает узы чести,
С целым обществом союз.
Строго он за то наказан:
Как он родом пренебрег
Так и им пренебрегают,
Всем он в свете бесполезен,
Предков имени позор.
Что ж до власти женщин в доме,
Государь, тебе всю правду
Я, как думаю, скажу.
Власть их та, какую слуги
У дурных берут господ,
Если те имеют нужду
Скрыть чрез них свои дела;
Кто же чист и прав, тот силен,
Не боится никого.
В чести вовсе невозможно
Мужу слушаться жены,
И совет их тут не нужен:
Знай они в весельи жить.
Пусть их в мелочах и правят,
Даже в них они умней,
Чем мужчины, наша братья.
Так я думал, государь;
Ты сказал, и я согласен:
Все они одна душа,
Все ни к черту не годятся,
Если муж у них дурной.
В этом конный я и пеший
Рад стоять противу всех;
Но и в том, что в их пороках
Муж всех больше виноват.
Чтобы кончить нам беседу,
Просьба есть мне, государь:
Дочь у Гормаса осталась;
Я с ней в брак вступить хочу,
И на оный позволенья
Королевского прошу».

Так наш Сид и дон Фернандо
И расстались друг с другом
У сребристого ручья.

14

Родриг

В полночь тихую, когда
Все почиют от труда;
Но любовь не спит одна:
(Ей и горести нет сна),
Встань, Химена, жизнь моя,
Отвори мне: это я.

Химена

В полночь тихую, когда
Не почиют от труда
Горести мои одне,
Кто стучится в дверь ко мне?

Родриг

Берегись: враг может злой
Здесь подслушать нас с тобой.
Громко так не говори,
Встань и спешно отвори.

Химена

Молви прежде мне: кто ты.
Дверь несчастной сироты
Отворить в ночную тьму,
Должно знать сперва: кому.

Родриг

До сего ль, Химена, дня
Ты не узнаешь меня?

Химена

Родриг, нет, я узнаю.
Ты сгубил всю жизнь мою,
Ты сгубил нас до конца,
Чрез тебя мне нет отца.

Родриг

Честь пролить велела кровь:
Ссорит честь, мирит любовь.

Химена

Удались, мне скучен свет,
Мне на нем отрады нет.

Родриг

Сердце мне свое отдай,
И всем ско́рбям будет край.

Химена

Меж отца и меж тебя
Разделить могу ль себя?

Родриг

Да, любовь всему помочь
Может.

Химена

Родриг, добра ночь.

15

Взял от Родрига с Хименой
Слово верное король:
Чтоб отнюдь не оставаться
Никакой у них вражде,
Чтоб любовью помириться,
И чтоб Лаин Кальво их,
Архирей благочестивый,
В божьей церкви обвенчал;
А чтоб златом и землею
Равен был Химене Сид,
Вальдуерну, и Сальданью,
Бельсорад, и монастырь
Петр Апостол де Кордонья
Подарил ему король.
Как на славу, в день их свадьбы
Солнце красное взошло.

Родриг, сняв с себя оружье,
Вместе с братьями своими
Наряжаться к свадьбе стал:
Пóрты тонкие валонски,
С алой прошвой башмаки
Тонкой кожи и две ленты
Плотно их узлом скрепляли
Вкруг красивыя ноги.
Узкий и без отворотов
Он надел потом камзол
И кафтан атласный черный
О раздутых рукавах:
Хоть отцом он был поношен,
Да немного; на атлас
Ловко падал с плеч лосиный
Мягкий продевной колет.
Сетку с шелком золотую
Повязал на волоса;
А на тонкой черной шляпе
Из фламандского сукна
Превысоко колыхалось
Красноцветное перо.
Весь обшит внизу прекрасно,
Плащ доходит до колен;
На плечах опушка: белый
Чернохвостый горностай.
А Тидзона, меч сердитый
(Всех срацинов он гроза),
Черным бархатом привязан
К поясу из серебра;
Близ него, искусно сложен,
Тонкий белый плат висел.
Так наш Сид, одет нарядно,
Вместе с братьями своими
В церковь божию пошел.
И король там, и епископ,
И придворных тьма господ,
И невеста, все уж ждали.
Чинно там стоит Химена:
Из прозрачного холста
Платье, всё кругом обшито
Тонким лондонским сукном.

Сверху донизу красиво,
Впору ей оно и в рост;
Обувь цвётная, как розы,
Королевою стоит.
А на шее ожерелье,
Восемь камней дорогих:
Город целый их не купит;
И на лучшем изо всех
Вырезан святой был образ:
Михаил Архистратиг.
На груди висели белой
И алмазы и жемчу́г.
И пошли жених с невестой
В церкве божьей к олтарю.
Подал Сид Химене руку,
На нее взглянул с любовью
И пристойно ей сказал:
«Я честно́го человека
К горю отнял у тебя:
Так мне честь и долг велели.
Ныне ж возвращаю вновь;
И чего ты с ним лишилась —
Друга, ближнего, отца
И слугу, — найдешь всё вместе
В муже ты своем, во мне».
Из ножон меч смелый вынул,
Поднял к небу острием:
«Пусть, — сказал он, — бог накажет,
Если клятвы не сдержу:
И любить тебя всем сердцем
И во благе содержать.
Лаин Кальво, друг почтенный,
Нам пора, благослови».

16

От венца из церкви божьей
Дивный двинулся их ход:
Родриг впереди с Хименой,
С нею рядом важно шел
Сам король за их отца,

Подле ж Родрига почтенный
Лаин Кальво архирей,
А за ними длинным рядом
И другие господа.
Праздничные вновь вороты
К свадьбе сделаны нарочно,
Ими во дворец вошли.
Улицей повсюду в окнах
Все развешаны ковры,
А травою и цветами
Вся усыпана земля.
До дворца от самой церкви
С песнями бежал народ;
С бубнами, с колоколами,
С восклицаньем провожал.
Альвар-Фанец (он у Сида
Друг был первый из друзей),
Слуг за ним бежало пропасть.
Сам украшенный рогами,
Шел одетый он быком.
Антолин, ездок искусный,
Ехал на осле верхом.
Пелаец, большой потешник,
Нес с горохом пузыри
И бросал во весь народ.
Помирал король со смеху,
И пажу, который дамам
На смех черта представлял,
Насмешил и напугал,
Дал он горсть мараведисов
Между черни раскидать.
Сам король за праву руку
Вел Химену ко дворцу;
Встречу вышла королева,
И придворные за ней;
Как ни весело шло прежде,
Веселей еще пошло.
Сыпали из окн пшеницы
Так, что в шляпу королю
И за пазуху Химене
Тьма насыпалася зерн;
И по зернушку все вынул,

И в присутстве королевы,
У Химены сам король.
Как завидел Альвар-Фанец,
Так и заревел быком:
«Голова не так завидна,
Как рука у короля».
— «Четверик ему пшеницы
Дать, — сказал король, — а ты
Обойми его, Химена;
Он изрядно подшутил».
Всюду шумное веселье;
Лишь в Химениной душе
Нет его: в великом счастьи
Радость к сердцу не дойдет;
Все шумят, она ни слова:
Ей и слов уж не найти.

17

Папа Виктор на престоле
Сел апостола Петра,
А немецкий император
(Гейнрих именем был кесарь)
С жалобой к нему предстал:
«Бью челом, отец священный,
На Фернанда, короля
И Кастильи и Леона.
Христианство всё меня
Признает своим владыкой;
Он один меня не чтит
И платить не хочет дани:
Ты принудь его, отец,
К сохранению как веры,
Так и власти обоих».
И послал указ с угрозой
Виктор Папа к королю:
«На тебя в поход крестовый
Людям всем велю пойти
Иль пришли с покорством дани
Немцу кесарю и мне».
Долго, долго думал думу
Наш Кастилии король;

Он рассчитывал опасность,
Если дело вдаль пойдет.
Все советники сказали:
«Надо силе уступить».
Только Сид, а он в то время,
Время первое любви,
Нежился с своей Хименой,
Но как весть к нему дошла,
К королю пошел поспешно,
Дал такой ему совет:
«В горький час бы ты родился,
Государь, себе и нам,
Если б жив пока другому
Волю дал в своей земле.
Не бывать тому вовеки.
Слава богу, мы в живых;
А за честь твою вступиться
И чужим не выдавать
Долг наш, все тебе мы слуги;
Кто же дал совет иной,
Либо он судил не здраво,
Либо славы враг твоей.
Вызови, грозить кто смеет:
Вызов дело короля,
А война есть наше дело;
Вызови, и волю дай.
Вспомни, государь, подумай,
Мы Кастилию тебе,
Мы достали, не жалея
Жизни, денег, ни труда;
Я умру, а не позволю,
Чтобы рой чужих шмелей
Нашу расхищал добычу,
Наших ел плоды побед:
Дай задаром им хоть столько,
Мало будет им всего».
И повел наш Сид войною
Десять тысяч молодцов,
С ними Альпы перешел.
Граф Раймонд его Савойский
Встретил с множеством коней;
Только Сид разбил их в поле,

Графа самого пленил,
И лишь выпустил на волю
За младую дочь в обмен:
Изо всех красавиц — чудо;
Полюбилась королю,
Сына прижили, и после
Был он церкви кардинал.
И король французский тоже
Рать на Сида высылал,
Да ее как бы не стало;
Родриг же с своей дружиной
Как в Италию вошел,
Вот и папа вдруг и кесарь
Шлют к Фернанду королю,
И ни слова нет об дани,
Лишь бы Сида воротил.
И пришел наш воевода
Победителем назад;
С похвалами праву руку
Дон Фернанд к нему простер:
В честь была и в радость Сиду
Благодарность короля.

18

В крепком городе Заморе
Проживал король с двором,
Как пришли туда от мавров
К Сиду Родригу послы.
Тех послов к нему прислали
Пять срацинов королей,
Коих он пленил в сраженьи;
Дань с собою привезли.
Сто коней, и всё арабских:
Двадцать белых так, как снег,
Двадцать с яблоками серых,
Тридцать рыжих, тридцать карих.
Каждый конь покрыт ковром
Пребогатым, и на каждом
Пребогатая узда.
А жене его Химене
Ка́мней дорогих убор:

Два прекрасных гиацинта,
И сундук с шелковой тканью,
Чем бы слуг ей нарядить.
И с почтеньем, как вассалы
Подошли они к нему:
«Государь наш Сид», — сказали;
«Вы ошиблися, друзья, —
Молвил Сид, — где проживает
Мой король, я сам вассал;
Дань не мне, ему несите:
Что мое, то всё его».
— «Вас пославшим донесите, —
Молвил тут король, — что он
Хоть не царь, с царями равен.
Всем я должен одному
Верному слуге и другу, —
Сиду вашему, ему».
И послы как возвращались,
Друг со другом удивлялись:
Кто вассал и кто король?

19

С нетерпеньем ждет Химена
В светлых гридницах своих,
Всё по Родриге тоскует.
Ей родить приходит час,
Час и сладкий и опасный,
И как ей твердит надежда,
Жизни лучшая пора.
Раз поутру в день воскресный
Боль под сердце подошла,
И горючи заструились
Слезы по белу лицу.
За перо взялась со стоном,
Много жалоб написала,
Жалоб нежныя любви
С просьбой к мужу молодому:
Как бы просьбам не тронуть!
Только честь в нем ретивое
В крепкий камень привела.

За перо опять взялася;
С новой жалобой письмо
Пишет к первому на свете,
К государю самому:
«Мудрый, милостивый, славный,
Справедливый государь,
Вам покорная Химена
Бьет челом на вас самих.
Вы не в правду, разве в шутку,
Волей вашей королевской
Замуж выдали меня.
Молодой жены на свете
Нет, кто б замужем была
Так, как я; и не гневитесь,
Государь: вина на вас.
Я пишу к вам из Бургоса,
Где живу и жизнь кляну,
И на вас огнем дышу:
Где в заповедя́х господних
Право королю дано,
Чтоб так часто и надолго
Он супругов разлучал?
В похвалу ли чести вашей:
Ласкового, молодого
И достойного любви
Мужа сделать мне сердитым,
Страшным, неприступным львом?
День и ночь, полгода ровно
Службу он несет у вас,
И едва-едва в год целый
На день свидится с женой.
Приезжает он, обрызган
Кровью до копыт коня;
Я приму его в объятья,
Он усталый в них заснет.
Ночь, как бешеный, всю бредит:
Битвы, драки, и едва
В небе, тьмой еще покрытом,
Слабый луч блеснет зари,
Не взглянувши на Химену,
Спит ли бедная, не спит,
Встал, пошел. Великий боже!

Сколько слез мне стоил он!
Обещал не только мужем,
И отцом мне быть, и всем;
Ничего мне не осталось,
Нет ни мужа, ни отца.
Чести ль вы ему хотите,
Государь? что в ней ему?
Он давно любимец славы;
Пух не вырос на щеках,
А в плену его уж были
Пять срацинов королей.
Государь, настанет вскоре
Мне опасный миг родин,
И тогда дойдут к вам вести;
Только я боюсь, что слезы,
Пролитые об отце,
Много сделали младенцу
В чреве матери вреда.
Будьте ж мне отцом, скажите
Всё, что на́ сердце у вас:
Возвратите ли супруга,
Иль хотите, чтобы сын
Воеводы ваших сил,
Первенец его родился
Сиротою без отца?

P. S.

Государь, еще к вам просьба:
Бросьте вы письмо в огонь,
Чтоб в придворных злые люди
Не смеялись надо мной.
Вместо мужа молодого,
Не забудьте, государь,
Нынче спит со мною рядом
Только старая свекровь».

20

Утром рано в час десятый
Дон Фернанд позвал писца,
Взял бумаги, своеручно
Вывел почерком одним

Крест, четыре точки, имя,
И такой ей дал ответ:
«Благородная Химена,
Посылаем к вам поклон,
Милость нашу и почтенье.
Вы пеняете на нас
За разлуку с милым другом:
Если б я его держал
В зло другим, себе во благо,
Правда ваша бы была;
Но когда война с врагами
У границ моей земли
Задержала воеводу,
Я ли, он ли виноват?
Спать не любит он и с вами:
Это, дона, из письма
Вашего довольно видно,
Так что я и не боюсь,
Чтоб ваш первенец был точно
Сиротою без отца.
Что вам пользы возвращенье
Мужа в дом свой ускорить?
И близ вас он будет с грустью
Слышать рев военных труб.
И не будь он воевода,
Что б тогда вы были оба?
То, что все: чета дворян.
Пять он королей срацинов,
Правда, в юности пленил;
Но дай бог ему пленить их
Пятью пять: тем меньше будет
Царству нашему врагов.
Если ж, дона, по желанью
Вашему, не может он
Скоро быть вам возвращен,
Мать пусть даст мне позволенье
Сыну заменить отца:
Имя несть сие достоин
Я один, как ваш король.
Ваше сжечь письмо нет нужды;
Я казать его намерен
Всем насмешникам к стыду.

Моего и вы не жгите;
В нем рука моя в залог.
Да, Химена, обязуюсь,
Буде вам родится сын,
Двадцать сот маравединсов,
Меч булатный и коня
Рыцарь примет от меня.
Если дочь, со дня рожденья
В год из царского добра
Сорок марк ей серебра.
И за сим простясь, желаю
Вам, Химена, в горький час
Милосердой матн божьей
Осененье и покров.

P. S.

Он идет ко мне, я слышу,
Славный воевода ваш,
И идет со мной браниться:
Для чего не в поле я?»

21

Счастье, слава, власть, богатство,
Все сокровища земные
Суть ничто: так на воде
Пузырек из капли вскочит,
И исчезнет в тот же миг.
Дон Фернандо, он, великий
(И недаром прозван так),
Всей Гишпании властитель,
Ждет последнего часа́.
На одре простертый смерти,
Мысли в вечность устремил;
Все он земли, всё драгое
Разделил уж по сынам.
Чей вдруг голос раздается
В опечаленном дворце?
То инфанты дон'Урраки
Плач, рыдание и стон.
В грустном черном покрывале

Со слезами подошла,
У подножия кровати
На колена пред отцом
Пала и, лобзая руку,
Жалобу взнесла к нему:
«Где, родитель, установлен
Богом иль людьми закон,
Чтоб, как ты, сынам для пользы
Без наследства кинуть дочь?
Все ты области и земли
Между братьев разделил,
А меня одну, родитель,
Дочь свою ты позабыл.
Государь, коль так, то, стало,
Я не дочь твоя: хотя бы
Незаконной плод любви
Я была, природы голос
Ты бы слышал и тогда.
Если в чем, отец владыко,
Виновата пред тобою,
Назови мою вину;
Если ж нет ее, что скажут
О тебе в чужих землях?
Что сказать всем добрым людям
О правдивом короле,
Кто для дочери невинной
Правду при смерти забыл?
В свет входя, мужчина сильный
Средства сам в себе найдет
Приумножить достоянье;
Праздным им отдать всё то,
Что добыть трудами должно,
Есть, родитель, сыновьям
Не добро, а униженье;
Но скажи: что может дочь?
Женщине чем жить на свете?
Без защиты на земле,
Ей осталась в послушаньи
И служении вся честь.
Коль отец мне не оставит
Ни угла в земле своей,
Я бегу в чужую землю.

Там, — прости жестокость слова, —
Чтобы скрыть, как ты жесток,
От отца я отрекуся,
Он отрекся ж от меня.
Так и быть, по белу свету
Я скиталицей пойду;
Жаль моей лишь крови царской:
Я забыть о ней боюся,
Как и сам забыл отец».
Так с рыданьем и слезами
Дон'Урраки речь лилась.
Кончила; и со вниманьем
Отходящего отца
Ожидали все ответа:
Слов последних короля.

22

Короля молчать заставить
Может женщина одна.
Дон Фернанд, добыча смерти,
Слышит дочери укор;
В нем еще довольно силы
О надменной воздохнуть,
Но едва-едва достало
На последние слова:
«Если б, дочь моя, ты слезы
Вместо суетных богатств
Об отце так проливала,
О! тогда б душа моя
Позже с телом разлучилась;
Но когда твой гордый плач
У одра моей кончины
Требует лишь благ земных,
Посмотри: я умираю,
Много ль их возьму с собой?
Я хвалю творца благого,
Подкрепившего меня
Дать ответ тебе и душу
От греха твою отвесть;
О своей, надеюсь твердо,

Что ее бог пустит в рай:
Слов твоих огонь ей вместо
Очищенья от грехов.
Рассуди сама и молви:
Час последний, смерти час,
Вряд ли выбран был счастливо
Душу скорбью отягчать.
Ты завидуешь, что братьям
Земли роздал я одним;
Но забыла долг и бремя,
Возложенные на них:
Долг — им охранять их землю,
Бремя — ею управлять;
Ты ж ни в чем не знаешь нужды.
Бедны братья и с добром,
Ты ж безо всего богата;
Лицам, званья твоего,
Кто сыскать не может равных,
Никакой и нужды нет,
Разве век отжить спокойно
В монастырской тишине.
Ты мне дочь, но я стыжуся
Ныне быть твоим отцом,
И виню себя в том только,
Что не выучил добру.
Дочь ты матери почтенной,
Но судя со слов твоих,
Молоком питалась вредным
У кормилицы дурной.
Ты грозишь в чужую землю
Убежать, о дочь моя!
Кто словам дал столько воли,
Сбросил иго и стыда;
Так, он в сердце уж бесчестен,
Кто бесчестным хочет быть.
Но мне легче, чтоб из тела
Грешный дух твой излетел,
Чем позор почтенной крови
Видеть в дочери моей.
Я хотел сперва, чтоб братья
Содержали вас, сестер;
Но теперь велю вам, дети,

Чтоб вы все меня равно
После смерти поминали,
Слушайте, что вам велю:
Бедных вас я не оставлю
После жалобы твоей.
Род ваш знатен, благороден,
Пол ваш немощен и слаб;
И затем в удел Замору,
Город крепкий и большой,
Я дарю тебе, Уррака.
Честных много в нем мужей,
В них найдешь и оборону
И пример, как с честью жить.
Хоть сестра твоя меньшая
Не просила ни о чем,
Всё равно: тебе — Замора,
Торо ей уделом будь.
Вот моя пред смертью воля;
Если ж кто из вас, сыны,
У сестер возьмет наследство,
Будь он проклят от отца».
Все к словам тут королевским
Все примолвили: «Аминь!
Проклят, кто сестер обидит!
Смерть ему и божья казнь!»
Дон Альфонз и дон Гарция
Молвили: «Аминь»; дон Санч
Тут же был, смотрел и слушал,
И один из всех — молчал.

1822—1823

ОКТАВЫ ИЗ «ОСВОБОЖДЕННОГО ИЕРУСАЛИМА»

Из Тассо

Canto l'armi pietose, e'l capitano. Canto I.

Святую брань и подвиг воеводы
Пою, кем гроб освобожден Христа.
Вотще, столпясь, противились народы
И адовы метали огнь врата.

Велик в делах он был умом и дланью;
Великий труд претил завоеванью;
Но помощь бог послал ему, и сам
Вновь со́брал рать к священным знамена́м.

Cosi di naviganti audace stuolo. Canto III.

Так на́ море пловцы отваги полны,
В безвестный им заброшенные свет:
Их носит ветр, играют ими волны,
И на́ небе звезды знакомой нет;
Завидя брег, в веселии великом
Его вдали честят приветным кликом:
«Брег, брег», — твердят друг другу, и тогда
Забыт и труд, и горе, и беда.

Chiama gli abitator dell' ombre eterne. Canto IV.

Всех жителей недр Тартара подземных
Сзывает рев трубы жилища мук.
Дрожат чрева́ пещер пространных, темных,
И сводов гул во мгле сугубит звук.
Не так глушит гром горние пределы,
Когда с небес бьют в землю молний стрелы;
Не так дрожит, колеблясь, твердь горы,
Коль рвутся вон в ней спертые пары.

D'un bel pallor há il bianco volto asperso. Canto XII.

Лицо ее смерть бледностью покрыла,
Померкнула в нем белизна лилей;
Взор гаснущий на небо устремила,
И жалостью подвиглось небо к ней.
И рыцарю на вечную разлуку
Красавица хладеющую руку,
Безмолвствуя, в знак мира подала,
И тихо в смерть, как в сладкий сон, прешла.

Esce allor della selva un suon repente. Canto XIII.

Чудесный звук износится из рощи,
Как гул, когда земли дрожит испод,
Как бури свист среди осенней нощи,
Как шум со скал свергающихся вод.

Медвежий рев в нем слышен, льва рыканье,
Шипенье змей, и волчье завыванье,
И ржанье труб, и частых громов стук,
И звуки все в единый слиты звук.

1822, 1825

АХИЛЛ И ОМИР

В море пространном, Евксине, остров пустынный,
Именем славный, прахом богатый Ахилла;
Там среброногая мать, богиня Фетида,
Скрыла в недро земли драгоценную урну:
Горько ей было бессмертным подобного сына
Кости оставить в поле чужом и враждебном;
С помощью сестр нереид в краю неприступном
Гроб воздвигла, окрест его шумные волны.

И жива душа ироя:
Призрак, страшный для очей,
Цепи вечного покоя
Он слагает в тьме ночей;
На холме могильном стоя,
Ищет взором вдоль зыбей:
Где разваленная Троя
Стала логовом зверей?
Он горит желаньем боя,
Стрел, и копий, и мечей.
Но веления Миноя
Непреложны для теней;
И, лишь солнцу путь устроя,
Блеск заря прольет лучей,
Призрак вновь, стеня и воя,
Исчезает под землей.

Горе смутителю пепла священного!
Кара жестокая ждет дерзновенного.
Горе Пелидов прервавшему сон!
Страшен и в гробе разгневанный он.
Власти божественной дивное знаменье —

Воздух, и море, и древо, и ка́менье
Двигнутся жизнию, станут на казнь.
Горе преступнику, миру боязнь!

На брегах, для стад обильных,
Где струится Фермодон,
Суть станицы женщин сильных,
Брака пре́зревших закон.
Нет мужей, и нет любови;
Кражей дев от чуждой крови
Их плодятся племена;
Их забава — лов и кони,
Их наряд — щиты и брони,
Жизнь — набеги и война.
Всадниц сих плыла дружина;
Жадность с детства к грабежам
Принесла хребтом Евксина
Их к Ахилловым брегам.
В ослеплении гордыни,
Гробовой не чтя святыни,
Ей грозит их шумный строй;
Скачут, и коней копыта
Топчут холм, под коим скрыта
Урна, в коей скрыт ирой.

Но ты, божественный! дхнул гневом из могилы;
Вскричал на них, и вдруг
От страха хладная кровь потекла в их жилы;
Коней объял испуг.

Сдержать нет силы.
Зверь — каждый конь:
Грызут удилы,
Из глаз огонь;
Дрожат все члены,
Клубами пены
Залились рты,
Кольцом хвосты
И дыбом гривы;
Чрез камни, рвы,
Кусты и нивы,

Меж ног главы
Нагнувши долу,
По произволу
Несутся, мчат,
Храпят и ржат;
Им всадниц крики
Страшны и дики;
В глубь вод морских
С крутого брега
Стремглав с разбега
Свергают их;
Плывут с женами,
Доколь волнами
Окружены,
Борьбой бесплодной
Побеждены,
Пучиной водной
Поглощены.

Со дня того кругом простерся страх чрезмерный;
Со дня того никто уже не смел
Ступить ногою за предел,
Поставленный сей казнью беспримерной:
И собственных ловец боится стрел,
И дровосек — своей секиры верной;
И пес и волк
Далёко прочь бегут от страшныя гробницы;
И в воздухе над ней летать не смеют птицы,
И жизни шум вокруг замолк.

Но юный пастух, беззаботное чадо,
Единый (знать, боги счастливца хранят!)
Что утро, то гонит блеющее стадо;
И в полдень, как овцы, насытяся, спят, —
Он ладит цевницу, поет и играет.
Затихнет и ветер, и волны, и лес;
Но песнь раздается, и всё ей внимает —
И глуби морские, и выси небес.

Отколе ты, юноша? кто твой родитель?
Чьей груди, прекрасный, воздóен млеком?

Женою ль рожденный ты, неба ли житель,
В подобии смертного скрытый простом?
Иль музы качали тебя в колыбели,
Иль пестуном Фива послали судьбы́,
Что звуки тобой вдохновенной свирели
И лиры стройнее и громче трубы?

Так пел Амфион и супруг Евридики,
Как первый воздвигнул без зиждущих град,
Как гласом другого подземные лики
Смутились, и жалость почувствовал ад.
И ты, пастырь юный, пленительным пеньем
Проникнул в глубокую Та́ртара мглу,
И с радостным внемлет Ахилл умиленьем
Себе и Патроклу Омира хвалу.

Омир

Чадо Пелея-царя, среброногой богини рожденье,
Дия любимец, равный богам Ахилл быстроногий!
Кроткий мне слух преклони и молений усердных не пре́зри:
Дщери Зевеса — молитвы, сам он — молельцев вожатый;
Волей его я пришел, да к тебе излию мою душу.
Жертв я, Пелид, с собой не принес, ни даров драгоценных:
Бедному нечего дать, и стадо пасу я чужое.
Родших не знаю своих; но до́лжно ль пещися о роде
Смертных? жребием сходны они с листами дубравы:
Ветр их на землю вали́т, весною ж родятся другие.
Пастыри в детстве меня нашли на бреге Мелиса;
Сжалясь, домой унесли, и сложили чудесные басни:
Якобы пищу богов носили мне голуби Дия,
Пчелы ж, роя́сь на устах, сбирали с них мед свой янтарный.
Их ли поверя словам, или просто сжалясь над сирым,
Вместо сына меня вскормила жена Крифеида,
Мудрая дочь Меланопа, певца богинь иноземных;
Собственных чад ласкать не дала ей брачная Ира.
С юности паче всего любил я высокие песни.
В праздники часто к нам ходили старцы слепые;

Жадно я слушал их, вещие думы тревожили сердце.
Пели они паденье богами оставленной Трои,
Тевкров сильный отпор, и победы бранных данаев,
Братьев Атридов-царей, и мудрого Нестора-старца,
Сына Тидеева с Многострадальцем — любимцев Паллады,
Рати надежную стену — твердого в битвах Аякса,
Более всех тебя, Ахилл, и друзей твоих верных:
Вас, о младый Антилох, о Феникс, годами согбенный,
О драгоценнейший друг, Сарпедона в бою победитель!
Жадно я слушал их, новая дума родилася в сердце —
Подвиг славный воспеть и гнев твой, многих погибель.
Тесно мне стало дома; я, простясь с Крифеидой
Плачущей (долгую мать разлуку предвидела), пеший
Берегом моря пошел искать знаменитыя Трои.
Жителей нет; врата, чертоги, стены и башни —
Всё травой поросло; окопы же стана ахеян
Влажным песком заметал Посидон, и в образе прежнем
Только остались Ксанф и Симо́ис, быстрые токи;
Йду ж, кормилицу диких зверей, досель посещает
Зевс-громовержец, и молнией часто блещет с Гаргара.
Стадник встретился мне, как я, пришлец иноземный;
Мы поменялися: с космами тонкой шерсти хламиду,
Матери дар, вручив, тельца, не оравшего нивы,
Черного, также двух черных овнов я до́был рогатых,
В жертву принесть тебе, Ахилл, и друзьям твоим верным,
Вместе, я мнил, зарытым в земле под хо́лмом высоким.
Тризну свершил, сперва млеком возливая и медом,
Радостным после вином, наконец и чистой водою;
Жертвы потом заклав пред началом священныя ночи,
Сжег их дотла, а кожи постлав парны́е на землю,

Лег, и вскоре Эрмий закрыл усталые вежды
Сонным жезлом. — И се душа ироя Патрокла,
Став над главою моей, мне ласково молвила слово:
«Юноша, смелый юноша! нежно любим ты богами;
Кто бы без помощи их посмел нарушить спокойство
Орковых тихих полей? но ты желаешь прославить
Мужа великого, друга сладчайшего, честь мирмидонян;
О, помоги тебе Фив, и певицы бессмертные — музы!
Здесь не у́зришь его; дражайшие кости Ахилла
Нежная мать от всех сокрыла в землю иную,
Дальную: смертным вести о ней молва не доносит;
Боги же знают всё. Внемли́, и слова мои помни:
Остров есть Дил; он древле плавал в волнах Посидона;
После стал, когда гонимая Ирою Лита
В нем родила божественных чад, близнецов стрелометных.
Там, провидец судёб, Аполлон приемлет молитвы,
Тайны будущих дней вещает и учит успеху;
Там лишь узнаешь о том, что дух тревожит желаньем,
Буде нет страха в тебе и стерпишь воззренье Ахилла».
Тень слилася с окружною тьмой, и я пробудился.
Бледные звезды гасли уже в рассветающем небе.
Встав и молитву излив к ирою, Менетия сыну,
Берегом в путь я пошел и достигнул в ближнюю пристань.
Там был готовый к отплытью корабль купцов финикийских:
Морем с края в край суда их мчатся, как птицы.
Вдаль собирались они, в Гесперíю; с ними условясь,
Поплыл и я, веслом рассекая соленую влагу:
В Дил на обратном пути меня завезть обещались.
Боже! сколько пред тем мы видели стран и народов,
Сколько рек и морей, и пустынь и градо́в многолюдных!
Мене блуждал Одиссей, домогаясь родимой Ифаки

В Кипре был я, в Крите, в Египте, врачами обильном,
В знойной земле ефиоп, в пределах ливийских, где овцы
Трижды ягнятся в год и Атлант исполинскою силой
Держит небо вверх от земли на столпах превысоких.
Долго скитались мы, то войной занимаясь, то куплей;
Мирных встречали людей и варваров злых, людоедов.
Новую вывело солнце весну, когда мы вершины
Кинфа узрели и древ красоту — бессмертную пальму.
Спешно во храм я пошел, окруженный лавро́вою рощей;
В дыме курений и жертв молил сребролучного бога,
Яко во сне повелел мне друг твой, Патрокл благородный.
Молча слушал жрец, кивая главой убеленной.
«Чадо, — впоследок сказал, — чего ты просишь от Фива?
Пагубы: славы богов не сносит смертное око.
Дерзкий ловец Актеон в купальне узрел Артемиду —
Робким еленем его на месте псы растерзали;
Зевса любовь не спасла сожженной громом Семелы;
Мудрый Тирезий ослеп за невольный взгляд на богиню;
Что же будет с тобою, несчастный?» — он рек, и внезапно
Знаменье дивное старца угрозы мне подтвердило.
Ястреб, Фиву любезная птица, под кровлею храма
Свил гнездо; один из птенцов, уже оперенных,
Вылетел, светом прельстясь в небесах горящего солнца
(Знойно в полдень оно сверкало лучами златыми);
Смело в него смотря и крылья раскинув широко,
Взвился пернатый; но силы ослабли, блеск нестерпимый
Взор помутил; едва он дышущий, на́ землю камнем

Пал. «Внемли, — тут молвил жрец, исполняся духа, —
В знаменьи сем твой жребий явил Аполлон: ты Ахилла
Ýзришь, сквозь страхи и бедства цели желанной достигнешь;
После ж... зри полумертвую птицу: тяжкой ценою
Платят Фива любимцы за дар вдохновений небесных».
В думе безмолвной пошел я ко брегу; корабль свой тиряне
В путь снарядили уже, и ветер манил их попутный;
Весело о́тплыли, гибель меж тем Посидон им готовил,
Жертвой забытый от них. Едва мы минули Киклады,
Яростный Зе́фир восстал и, дуя в корму непрестанно,
Нес по зыбям; как горы, вздымались волны седые;
Ночь налегла на пучину, и клубами быстрые тучи,
Сея частым дождем, неслися силою вихря.
Кормчий отчаянный света не взвидел; суетно взором
В небе искал он Плеяд и ложащегось поздно Воота,
Горней Медведицы, век обращенной лицом к Ориону,
В недро ж лазурных морей — одной, никогда незакатной.
После трех дней воздвигся от юга и Нот окриленный,
Судно помчал в Гелеспонт: мы думали тут и погибнуть.
Смертью с обеих брегов грозили скалы; мы срединой
Правили в узком проливе, и бог помогал нам враждебный;
Так Предморье прошли и Восфор; в Евксине ж широком
Ветры все, смесившись, на нас пустились отвсюду;
Щёглу в щепы разбив, корабль без весл и кормила
Бросили на́ мель; треснул бок, и в широкие щели
С шумом вода полилась, — тут бросился каждый спасаться.

Доску успел я схватить и, берег завидя далекий,
Силился плыть, доколе память и руки служили.
Вспомнился я пред огнем у здешних ры́барей в куще:
Ими спасен я один, товарищи все потонули.
Только смог я собраться с силами — продан в неволю;
Мудрый Ментис, старец богатый, мой ныне владелец,
Стадо мне вверил пасти. С каким я восторгом душевным
Сведал, что здесь наконец нашел я гробницу Пелида!
Тщетно стращали меня погибелью жен-амазонок.
Сердцем чист, отвергнул я страх, и ныне десятый
День, как хожу сюда, и тебе усердно молюся.
Сжалься, божественный! вспомни: оставил я дом и отчизну
Ради тебя; лишился всех благ и даже свободы;
Вящего зла ожидаю, и смело всему подвергаюсь:
Что мне терять? всё отдам: ни очей не жалею, ни жизни,
Лишь бы взглянуть на тебя и, сердца желанье насытив,
Молвить: я видел его, я видел ироя Ахилла.

Так пел младый Омир; окрестная страна
Внимала, тихого безмолвия полна;
Валы бесшумные, ума́лив силу бега,
Ложились на песке, не доплывая брега;
Из ве́тров ни один не колебал травы;
Склонив от зноя в тень недвижную главы,
Стада спокойные на паства отдыхали;
Листы по ветвиям от говора престали;
И солнце в высоте, свет дивный лья кругом,
Катилось медленно на небе голубом.
Вдруг остров задрожал, раздался гул подземный;
Над хо́лмом гробовым простерся облак темный;
От моря, с пеною, ревущие валы,
Грядою двинувшись, ударились в скалы;

Ветр буйный заходил по густоте древесной;
И стадо, силою гонимое чудесной,
Вскочив, во все страны́ рассыпалось стремглав;
Завесой мрачною лице свое застлав,
День царство уступил беззвездной, страшной ночи.
На гроб недвижные Омир уставив очи,
Стоял и ждал: и холм скрывающая мгла
Мгновенно на́ землю, сгустившися, легла;
Гром частый загремел, удар вослед удара;
И, яркий свет лия, как зарево пожара,
Во всеоружии предстал ирой Пелид.
Ужасен был его разженный гневом вид:
В деснице копие от ясней Пелиона,
Ссеченное рукой наставника Хирона;
Щит в шуице, венец Ифестовых трудов,
Где руды четырех изящнейших родов
Медь сплавя с серебром и олово со златом,
Он в ряд живых картин сковал их творчим млатом;
Поножья — свет луны, как ярый пыл — броня;
Меч тяжкий при бедре, и гривою коня
Шлем помавающий, и гребень превысокой.
Как пышет зарево, когда войной жестокой
В стопах теснимые гражда́не, в темноте
Огнь светочей зажгут на башен высоте,
Да издали узря союзные им грады,
Спешат избавить их от гибельной осады.
Таков сверкал Ахилл; и блеск его лица
Едва успел узреть взор юного певца, —
Сбылось, что Фив предрек, и мраком вечной ночи
Закрылись нежные, прекраснейшие очи.

ЭПИЛОГ

Не сетуй об утрате их,
Певец великий, славный в мире,
Учитель, царь певцов других!
Твоей они внимая лире,
Ощу́тят силу божества;

И всю вселенную молва
Наполнит слухом об Омире.
Страдал ты несколько годов,
Слепец без дома и отчизны;
Но ты умрешь — и семь градо́в,
Страшась потомства укоризны
За небрежение к певцам,
Заспорят меж собой о праве
Тебя причесть к своим сынам;
Как божеству, в святой дубраве
От мрамора воздвигнут храм;
И ты, бессмертным равный в славе,
В нем примешь честь и фимиам.
Жрецы же — внуки-омириды,
В них будет кровь твоя жива;
И, как оракулы Фемиды,
Твои священные слова
Рассудят распри и обиды.
Твой лавр в Элладе возрастет:
Мудрейший там законодатель
Твои сокровища сберет;
И Асии завоеватель
Их злату Кира предпочтет;
И, равный мужеством Ахиллу,
В своем торжественном венце,
Взирая на его могилу,
Вздохнет, завидуя в певце.
И ни завистливые годы,
Ни отдаленные края
Не воспретят, чтоб в род и роды
Хвала промчалася твоя.
Возникнут новые народы,
И света хладные концы
Твое услышат песнопенье;
Гиперборейских стран певцы
Потщатся плесть тебе венцы:
К ним свыше снидет вдохновенье,
Пленятся славою твоей,
И воспоют твое рожденье
И слепоту твоих очей.

1826

ЛЮБОВЬ

О чем, о чем в тени ветвей
Поешь ты ночью, соловей?
Что песнь твою к подруге милой
Живит огнем и полнит силой,
Колеблет грудь, волнует кровь?
Живущих всех душа: любовь.

Не сетуй, девица-краса!
Дождешься радостей часа.
Зачем в лице завяли розы?
Зачем из глаз лиются слезы?
К веселью душу приготовь;
Его дарит тебе: любовь.

Покуда дней златых весна,
Отрадой нам любовь одна.
Ловите, юноши, украдкой
Блаженный час, час неги сладкой;
Пробьет... любите вновь и вновь;
Земного счастья верх: любовь.

1827 (?)

СТАРАЯ БЫЛЬ

Наш славный Владимир, наш солнышко-князь,
Победой в Херсоне венчанный,
С добычею в Киев родной возвратясь,
По буре покоился бранной;
Мир с греками сладил и брачную связь
С их юной царевною Анной.

Нескудное вено прияла сестра
От щедрого Августа-брата;
Премного он звонкого дал ей сребра,
Немало и яркого злата.
Все хвалят княгиню: красна и добра,
Разумна, знатна и богата.

И подлинно Русь не видала такой:
Как пчел по весеннему лугу
За маткой летает бесчисленный рой,
Так дочери царской в услугу
И евнухи кучей, и жены толпой
Теснятся, ревнуя друг другу.

Всем хитрым искусствам учились они,
Что любит княгиня младая:
Поют, словно птицы в дубравной тени,
И пляшут, на лютнях играя.
В дому новобрачных — веселые дни,
Подобие светлого рая.

Казны не жалеет супруг молодой,
Владимир-князь, сокол наш ясный;
Сегодня был праздник, а завтра другой,
Всё в почесть для гостьи прекрасной.
То тешит воинской варягов игрой,
Забавной и вместе ужасной;

То в рощах дремучих, при звуке рогов,
С ней ездит для ловли звериной;
То в лодке весéльной, под песни гребцов,
Над быстрой днепровской пучиной
Катает, любуясь обильем брегов
И стольного града картиной.

«Да будет же праздник, всем прежним венец, —
Князь вымолвил слово златое, —
Высокие песни — отрада сердец,
Наитие неба благое;
Огнем разогреет всю душу певец,
И жизни прибавится вдвое.

Я выеду завтра с княгиней моей
За стены в широкое поле,
Где радостней слушать и петь веселей
Под небом открытым, на воле;
Туда же зову я всех добрых людей:
Тем лучше, чем будет их боле.

Довольно я до́был богатств на войне,
Стяжал от отца и от деда;
Добра не жалейте на завтрашнем дне,
И брашн припасите и меда,
Чтоб сыты и пьяны все были вполне;
А с тощими что и беседа!

Пусть вещие при́дут и станут на суд,
И спорят: чье лучшее пенье?
Достойно и щедро воздам им за труд.
Второму певцу награжденье:
Цимискиев дар Святославу — сосуд,
Трапезы моей украшенье.

Но первый получит не то от меня,
В бою победитель счастли́вый, —
Персидского дам ему по́д верх коня:
Весь белый он с черною гривой;
Копытом из камня бьет искры огня
И носится вихрем над нивой.

Конь будет украшен черкасским седлом
И шелковой цве́тной уздою;
Еще дам оружье: и щит и шелом,
Кольчугу, внизу с бахромою,
И меч из булата с дамасским клеймом
И хитрой насечкой златою.

Ступайте ж, снесите ко всем по домам
От князя приветное слово;
А зов мой и к старым и к новым певцам,
Ведь старое было же ново.
И завтра, чтоб, в поле как выеду сам,
Всё к празднеству было готово».

Вот утро настало и солнце взошло,
Открылись затворы градские;
Несметное валит народа число:
И малые тут и большие,
Все в певчее поле; всех душу зажгло,
Чтоб русских не сбили чужие.

Вот выехал князь со княгиней своей,
В венце и со скиптром в деснице;
Везет их четверка прекрасных коней
Роскошно в златой колеснице,
И громкий понесся клик добрых людей
Навстречу им с поля к столице:

«Да здравствуют князь со княгиней! ура!
Господь осени их святыней!
Ущедри он дом их обильем сребра
И всякой земной благостыней!
На многая лета для русских добра
Да здравствуют князь со княгиней!»

Князь ласковый отдал народу поклон
И сел, словно пастырь у стада;
И к бою певцов стал выкликивать он:
«Боянам и честь и награда!»
И вышло их двое с двух разных сторон —
Наш русский да грек из Царьграда.

Наш среднего роста и средних годов,
И красен был в юные годы;
Но младость — не радость средь бранных трудов.
Цевницу носил он в походы
И пел у огней для друзей-молодцов
Про старые веки и роды.

Высок и прелестен, как де́вица, грек.
Красавца в младенстве скопили;
Он плакал сначала: как слеп человек!
Ему же добро сотворили:
Спокойный, богатый устроили век
И милостью царской почтили.

И первому, гостю, наш ласковый князь
Знак подал; и с певчих дружиной
Княгине и князю до ног поклонясь,
Пред самой собранья срединой

Он сел; все замолкли, друг к другу
теснясь,
И голос запел соловьиный:

«Когда б воспеть хотела ты,
Моя возлюбленная лира,
Блистающие с высоты
Светила горнего эфира, —
Средь дня в пустых бы небесах
Луны и звезд ты не искала,
Но, жизнь пия в его лучах,
Одно бы солнце воспевала.
Когда же долгом чтишь святым
Воспеть величие земное,
Прославь хоть голосом простым
Царей величие святое.
А ты, великий русский князь,
Прости, что смею пред тобою,
Отчизны славою гордясь,
Другого возносить хвалою;
Мы знаем: твой страшится слух
Тобой заслуженныя чести,
И ты для слов похвальных глух,
Один их чтя словами лести.
Дозволь же мне возвысить глас
На прославление владыки,
Щедроты льющего на нас
И на несчетные язы́ки.
Ты делишь блеск его венца,
Причтен ты к роду Константина;
А славу кто поет отца,
Равно поет и славу сына.
Велик предмет, а глас мой слаб;
Страшусь... нет, бросим страх напрасный:
Почéрпнет силу верный раб
В глазах владычицы прекрасной.

Кого же воспоет певец,
Кого, как не царей державных,
Непобедимых, православных,
Носящих скипетр и венец?

Они прияли власть от бога,
И божий образ виден в них.
Внутри священного чертога,
Слит из металлов дорогих,
Ступеньми многими украшен,
Высок, неколебим и страшен,
Поставлен Августов престол.
С него, о царь-самодержитель,
С покорством слышат твой глагол
И полководец-победитель,
И чуждыя страны посол.
У ног твоих, из звонкой меди,
Твою являющие власть,
Два льва, как алчущие снеди,
Лежат, разинув страшну пасть.
Чудесная искусства сила
Безжизненных одушевила;
И если кто в пяти шагах
От неприступного престола
Ногою смел коснуться пола, —
Они встают ему на страх,
Очами гневными вращают,
Рычат и казнью угрожают;
И зрит в душе смущенный раб,
Сколь пред царем он мал и слаб.

Но милосердие царево
Изображающий симво́л,
Неувядающее древо
Склоняет ветви на престол;
Не рода древ обыкновенных,
Земными соками взрощенных,
Одетых грубою корой,
Блестящих временной красой,
Чей лист зеленый, цвет душистый
На краткий миг прельщают взор,
Доколь с главы многоветвистой
Зимы рука сорвет убор.
Ввек древо царское одето
Бессмертным цветом и плодом:
Ему весь год — весна и лето.
Белейшим снега серебром

Красуясь, стебль его высоко
Возносится и, над челом
Помазанника вдруг широко
Раскинувшись, пленяет око
И равенством ветвей прямых,
И блеском листьев золотых.
На сучьях сребряных древесных
Витает стадо птиц прелестных —
Зеленых, алых, голубых
И всех цветов, очам известных.
Из ка́мней и драгих и честных,
О диво! творческий резец
Умел создать их для забавы,
Великолепия и славы
Царя народов и сердец.

О, если бы сии пернаты
Свой жребий чувствовать могли,
Они б воспели: «Мы стократы
Счастливей прочих на земли.
К трудам их создала природа:
Что́ в том, что крылья их легки?
Что́ значит мнимая свобода,
Когда есть стрелы и силки?
Они живут в лесах и в поле,
Должны терпеть и зной, и хлад;
А мы в блаженнейшей неволе
Вкушаем множество отрад».
За что ты, небо! к ним сурово
И счастье чувствовать претишь?
Что́ рек я? Царь! ты скажешь слово —
И мертвых жизнию даришь.
Невидимым прикосновеньем
Всеавгустейшего перста
Ты наполняешь сладким пеньем
Их вдруг отверстые уста;
И львы, рыкавшие дотоле,
Внезапно усмиряют гнев
И, кроткой покоряясь воле,
Смыкают свой несытый зев.
И подходящий в изумленьи
В царе зреть мыслит божество,

Держащее в повиновеньи
Самих бездушных вещество;
Душой, объятой страхом прежде,
Преходит к сладостной надежде,
Внимая гласу райских птиц,
И к Августа стопам священным,
В сидонский пурпур обувенным,
Главою припадает ниц».

Он кончил. Владимир в ладони плеснул.
За князем стоял воевода;
Он платом народу поспешно махнул —
И плеск раздался из народа:
Стучат и кричат, подымается гул
С земли до небесного свода.

Безмолвен и в землю потупивши взор,
Наш русский певец оставался;
Он думал: что делать? идти ли на спор!
И даже бы, чай, отказался;
Но, к счастию, начал сам князь разговор,
Как будто во всем догадался:

«Я вижу, земляк, ты бы легче с мечом,
Чем с гуслями, вышел на грека;
Хоть песней и много в помине твоем,
Такой ты не вспомнишь отвека.
Совет мой: признайся, что первенство в нем;
Признанье честит человека.

Награду, хоть, правда, не с ним наравне,
Но всё же получишь на славу;
За светлым Дунаем в Болгарской стране
Ты верой служил Святославу;
И кубок, добытый им в грозной войне,
Тебе назначаю по праву».

— «Дай бог тебе здравия, князь ты наш свет,
И с ле́пой княгиней твоею!
Премудр и премилостив твой мне совет
И с думой согласен моею:
Ни с эллином спорить охоты мне нет,
Ни петь я, как он, не умею.

Певал я о витязях смелых в боях —
Давно их зарыли в могилы;
Певал о любови и радостных днях —
Теперь не разбудишь Всемилы;
А петь о великих царях и князьях
Ума не достанет, ни силы».

— «Творите ж, — князь молвил, — подарков раздел».
Тут русский взял кубок почтенный,
А грек на коня богатырского сел;
Доспех же тяжелый, военный,
Домой он отнесть и поставить велел
Опасно в кивот позлащенный.

И радостный к Киеву двинулся ход:
Владимир с супругой младою,
И много старейшин, бояр, воевод,
И эллин, блестящий красою,
И сзади весь русский крещеный народ
Усердной и шумной толпою.

Но несколько верных старинных друзей
Звал русский на хлеб-соль простую;
И княжеский кубок к веселью гостей
С вином обнесли вкруговую,
И выпили в память их юности дней,
И Храброго в память честнýю.

1828

А. С. ПУШКИНУ

Вот старая, мой милый, быль,
А может быть, и небылица;
Сквозь мрак веков и хартий пыль
Как распознать? Дела и лица —
Всё так темно, пестро, что сам,
Сам наш историограф почтенный,
Прославленный, преутомленный,
Едва ль не сбился там и сям.
С неутомимым прилежаньем,

Старинным убежден преданьем,
Один ученый наш искал
Подарков, что певцам в награду
Владимир щедрый раздавал;
И, вобрази его досаду,
Ведь не нашел. — Конь, верно, пал;
О славных латах слух пропал:
Французы ль, как пришли к Царьграду
(Они ведь шли в Ерусалим
За гроб Христов, святым походом,
Да сбились, и случилось им
Царьград разграбить мимоходом),
Французы ли, скажу опять,
Изволили в числе трофеев
Их у наследников отнять,
Да по обычаю злодеев
В парижский свой музеум взять;
Иль время, лет трудившись двести,
Подъело ржавчиной булат,
Но только не дошло к нам вести
Об участи несчастных лат.
Лишь кубок, говорят, остался
Один в живых из всех наград;
Из рук он в руки попадался,
И даже часто невпопад.
Гулял, бродил по белу свету;
Но к настоящему поэту
Пришел, однако, на житье.
Ты с ним, счастливец, поживаешь,
В него ты через край вливаешь
Свое волшебное питье,
В котором Вакха лоз огнистых
Румяный, сочный, вкусный плод
Раство́рен свежестию чистых,
Живительных Кастальских вод.

Когда, за скуку в утешенье,
Неугомонною судьбой
Дано мне будет позволенье,
Мой друг, увидеться с тобой, —
Из кубка, сделай одолженье,
Меня питьем своим напой;

Но не облей неосторожно:
Он, я слыхал, заворожен,
И смело пить тому лишь можно,
Кто сыном Фебовым рожден.
Невинным опытом сначала
Узнай — правдив ли этот слух:
Младых романтиков хоть двух
Проси отведать из бокала;
И если, капли не пролив,
Напьются милые свободно,
Тогда и слух, конечно, лжив,
И можно пить кому угодно;
Но если, боже сохрани,
Замочат пазуху они, —
Тогда и я желанье кину,
В урок поставлю их беду
И вслед Ринальду-паладину
Благоразумием пойду:
Надеждой ослеплен пустою,
Опасным не прельщусь питьем
И, в дело не входя с судьбою,
Останусь лучше при своем;
Налив, тебе подам я чашу,
Ты выпьешь, духом закипишь,
И тихую беседу нашу
Бейронским пеньем огласишь.

1828

ЭЛЕГИЯ

«Фив и музы! нет вам жестокостью равных
В сонме богов — небесных, земных и подземных.
Все, кроме вас, молельцам благи и щедры:
Хлеб за труды земледельцев рождает Димитра,
Гроздие — Вакх, елей — Афина-Паллада;
Мощная в битвах, она ж превозносит ироев,
Правит Тидида копьем и стрелой Одиссея;
Кинфия славной корыстью радует ловчих,
Красит их рамо кожею льва и медведя;
Странникам путь указует Эрмий вожатый;
Внемлет пловцам Посидон и, смиряющий бурю,
Вводит утлый корабль в безмятежную пристань;

Пылкому юноше верный помощник Киприда:
Всё побеждает любовь, и, счастливей бессмертных,
Нектар он пьет на устах обмирающей девы;
Хрона державная дщерь, владычица Ира,
Брачным дару́ет детей, да спокоят их старость:
Кто же сочтет щедроты твои, о всесильный
Зевс-Эгиох, податель советов премудрых,
Скорбных и нищих отец, ко всем милосердый!
Боги любят смертных; и Аид незримый
Скипетром кротким пасет бесчисленных мертвых,
К вечному миру отшедших в луга Асфодели.
Музы и Фив! одни вы безжалостно глухи.
Горе безумцу, служащему вам! обольщенный
Призраком славы, тратит он счастье земное;
Хладной толпе в посмеянье, зависти в жертву
Предан несчастный, и в скорбях, как жил, умирает.
Повестью бедствий любимцев ваших, о музы,
Сто гремящих уст молва утомила:
Камни и рощи двигал Орфей песнопеньем,
Строгих Ерева богов подвигнул на жалость;
Люди ж не сжалились: жены певца растерзали,
Члены разметаны в поле, и хладные волны
В море мчат главу, издающую вопли.
Злый Аполлон! на то ли сам ты Омиру
На́ ухо сладостно пел бессмертные песни,
Дабы скиталец, слепец, без крова и пищи,
Жил он незнаем, родился и умер безвестен?
Всуе приял ты дар красоты от Киприды,
Са́фо-певица! Музы сей дар отравили:
Юноша гордый певицы чудесной не любит,
С девой простой он делит ложе Гимена;
Твой же брачный одр — пучина Левкада.
Бранный Эсхил! напрасно на камне чужбины
Мнишь упокоить главу, обнаженную Хроном:
С смертью в когтях орел над нею кружится.
Старец Софокл! умирай — иль, несчастней Эдипа,
В суд повлечешься детьми, прославлен безумным.
После великих примеров себя ли напомню?
Кроме чести, всем я жертвовал музам;
Что ж мне наградой? — зависть, хула и забвенье.
Тщетно в утеху друзья твердят о потомстве;
Люди те же всегда: срывают охотно

Лавр с недостойной главы, но редко венчают
Терном заросшую мужа благого могилу.
Музы! простите навек; соха Триптолема
Впредь да замéнит мне вашу изменницу лиру.
Здесь, в пустыне, нет безумцев поэтов;
Здесь безвредно висеть ей можно на дубе,
Чадам Эола служа и вторя их песни».

Сетуя, так вещал Евдор благородный,
Сын Полимаха-вождя и лéпой Дориды,
Дщери Порфирия, славного честностью старца.
Предки Евдора издревле в дальнем Епире
Жили, между Додонского вещего леса,
Града Вуфрота, и мертвых вод Ахерузы;
Двое, братья родные, под Трою ходили:
Старший умер от язвы в брани суровой,
С Неоптолемом младший домой возвратился;
Дети и внуки их все были ратные люди.
Власть когда утвердилась владык македонских,
Вождь Полимах царю-полководцу Филиппу,
Сам же Евдор служил царю Александру;
С ним от Пеллы прошел до Индейского моря,
Бился в многих боях; но, духом незлобный,
Лирой в груди заглушал военные крики;
Пел он от сердца, и часто невольные слезы
Тихо лились из очей товарищей ратных,
Молча сидящих вокруг и внемлющих песни.
Сам Александр в Дамаске на пире вечернем
Слушал его и почтил нелестной хвалою;
Верно бы, царь наградил его даром богатым,
Если б Евдор попросил; но просьб он чуждался.
После ж, как славою дел ослепясь, победитель,
Клита убив, за правду казнив Каллисфена,
Сердцем враждуя на верных своих македонян,
Юных лишь персов любя, питомцев послушных,
Первых сподвижников прочь отдалил бесполезных, —
Бедный Евдор укрылся в наследие предков,
Меч свой и щит повесив на гвоздь для покоя;
К сельским трудам не привыкший, лирой любезной
Мнил он наполнить всю жизнь и добыть себе славу.
Льстяся надеждой, предстал он на играх Эллады;
Демон враждебный привел его! правда, с вниманьем

Слушал народ, вполголоса хвальные речи
Тут раздавались и там, и дважды и трижды
Плеск внезапный гремел; но судьи поэтов
Важно кивали главой, пожимали плечами,
Сердца досаду скрывая улыбкой насмешной.
Жестким и грубым казалось им пенье Евдора.
Новых поэтов поклонники судьи те были,
Коими славиться начал град Птолемея.
Юноши те предтечей великих не чтили:
Наг был в глазах их Омир, Эсхил неискусен,
Слаб дарованьем Софокл и разумом — Пиндар;
Друг же друга хваля и до звезд величая,
Юноши (семь их числом) назывались Плеядой,
В них уважал Евдор одного Феокрита.
Судьи с обидой ему в венце отказали;
Он, не желая врагов печалию тешить,
Скрылся от них; но в дальном, диком Епире,
Сидя у брега реки, один и прискорбен,
Жалобы вслух воссылал на муз и на Фива.

Ночь расстилала меж тем священные мраки,
Луч вечерней зари на западе меркнул,
В небе безоблачном редкие искрились звезды,
Ветр благовонный дышал из кустов, и порою
Скрытые в гуще ветвей соловьи окликались.
Боги услышали жалобный голос Евдора;
Эрмий над ним повел жезлом благотворным —
Сном отягчилась глава и склонилась на рамо.
Дщерь Мнемозины, богиня тогда Каллиопа
Легким полетом снеслась от высокого Пинда.
Образ приемлет она младой Эгемоны,
Девы прелестной, Евдором страстно любимой
В юные годы; с нею он сладость Гимена
Думал вкусить, но смерти гений суровый
Дхнул на нее — и рано дева угасла,
Скромной подобно лампаде, на ночь зажженной
В хижине честной жены — престарелой вдовицы;
С помощью дщерей она при свете лампады
Шелком и златом спешит дошивать покрывало,
Редкий убор, заказанный царской супругой,
Коего плата зимой их прокормит семейство:
Долго трудятся они; когда ж пред рассветом

Третий петел вспоет, хозяйка опасно
Тушит огонь, и дщери ко сну с ней ложатся.
Радость семейства, юношей свет и желанье,
Так Эгемона, увы! исчезла для друга,
В сердце оставив его незабвенную память.
Часто сражений в пылу об ней он нежданно
Вдруг вспоминал, и сердце в нем билось смелее;
Часто, славя на лире богов и ироев,
Имя ее из уст излетало невольно;
Часто и в снах он видел любимую деву.
В точный образ ее богиня облекшись,
Стала пред спящим в алой, как маки, одежде;
Розы румянцем свежие рделись ланиты;
Светлые кудри вились по плечам обнаженным,
Белым как снег; и небу подобные очи
Взведши к нему, так молвила голосом сладким:

«Милый! не сетуй напрасно; жалобой строгой
Должен ли ты винить богов благодатных —
Фива и чистых сестр, пиерид темновласых?
Их ли вина, что терпишь ты многие скорби?
Властный Хронид по воле своей неиспытной
Благо и зло из урн роковых изливает.
Втайне ропщешь ли ты на скудость стяжаний?
Лавр Геликона, ты знал, бесплодное древо;
В токе Пермесском не льется злато Пактола.
Злата искать ты мог бы, как ищут другие,
Слепо служа страстям богатых и сильных...
Вижу, ты движешь уста, и гнев благородный
Вспыхнул огнем на челе... о друг, успокойся:
Я не к порочным делам убеждаю Евдора;
Я лишь желаю спросить: отколе возникнул
В сердце твоем сей жар к добродетели строгой.
Ненависть к злу и к низкой лести презренье?
Кто освятил твою душу? — чистые музы.
С детства божественных пчел питаяся медом,
Лепетом отрока вторя высокие песни,
Очи и слух вперив к холмам Аонийским,
Горних благ ища, ты дольние пре́зрел:
Так, если ветр утихнет, в озере светлом
Слягут на дно песок и острые камни,
В зеркале вод играет новое солнце,

Странник любуется им и, зноем томимый,
В чистых струя́х утоляет палящую жажду.
Кто укреплял тебя в бедствах, в ударах судьбины,
В горькой измене друзей, в утрате любезных?
Кто врачевал твои раны? — девы Парнаса.
Кто в далеких страна́х, во брани плачевной,
Душу мертвящей видом крове́й и пожаров,
Ярые чувства кротил и к стону страдальцев
Слух умилял? — они ж, аониды благие,
Пе́чной подобно кормилице, ласковой песнью
Сон наводящей и мир больному младенцу.
Кто же и ныне, о друг, в земле полудикой,
Мглою покрытой, с областью А́ида смежной,
Чарой мечты являет очам восхищенным
Роскошь Темпейских лугов и величье Олимпа?
Всем обязан ты им и счастлив лишь ими.
Судьи лишили венца — утешься, любезный:
Мид-судия осудил самого Аполлона.
Иль без венцов их нет награды поэту?
Ах! в таинственный час, как гений незримый
Движется в нем и дво́ит сердца биенья,
Оком объемля вселенной красу и пространство,
Ухом в себе внимая волшебное пенье,
Жизнию полн, подобной жизни бессмертных,
Сча́стлив певец, счастливейший всех человеков.
Если Хрон, от власов обнажающий темя,
В сердце еще не убил священных восторгов,
Пой, Евдор, и хвались щедротами Фива.
Или... страшись: беспечных музы не любят.
Горе певцу, от кого отвратятся богини!
Тщетно, раскаясь, захочет призвать их обратно:
К неблагодарным глухи небесные девы».

Смолкла богиня и, белым завесясь покровом,
Скрылась от глаз; Евдор, востревожен виденьем,
Руки к нему простирал и, с усилием тяжким
Сон разогнав, вскочил и кругом озирался.
Робкую шумом с гнезда он спугнул голубицу:
По́рхнула вдруг и, сквозь частые ветви спасаясь,
Краем коснулась крыла висящия лиры:
Звон по струна́м пробежал, и эхо дубравы
Сребряный звук стенаньем во тьме повторило.

«Боги! — Евдор воскликнул, — сон ли я видел?
Тщетный ли призрак, ночное созданье Морфея,
Или сама явилась мне здесь Эгемона?
Образ я видел ее и глас ее слышал;
Лира узнала ее и запела; но тени
Могут ли вспять приходить от полей Перзефоны?
Разве одна из богинь, несчастным утешных,
В милый мне лик облеклась, харитам подобный?
Разум колеблется мой, и решить я не смею;
Волю ж ее я должен исполнить святую».

Так он сказал и, лиру отвесив от дуба,
Путь направил в свой дом, молчалив и задумчив.

1828

АД

Из Данте

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Путь жизненный пройдя до половины,
Опомнился я вдруг в лесу густом,
Уже с прямой в нем сбившися тропины.

Есть что сказать о диком лесе том:
Как в нем трудна дорога и опасна;
Робеет дух при помысле одном,

И малым чем смерть более ужасна.
Что к благу мне снискал я в нем, что зрел —
Всё расскажу, и повесть не напрасна.

Не знаю сам, как я войти успел;
Так сильно сон клонил меня глубокой,
Что истого пути не усмотрел.

Но у горы подножия высокой,
Где бедственной юдоли сей конец,
Томившей дух боязнию жестокой, —

Взглянул я вверх: и на холме венец
Сиял лучей бессмертного светила,
Вожатая заблудшихся сердец.

Тут начала слабеть испуга сила,
Залегшего души во глубине,
Доколе ночь ее глухая тьмила;

И как пловец чуть дышущий, но вне
Опасности, взор с брега обращает
К ярящейся пожрать его волне, —

Так дух мой (он еще изнемогает)
Озрелся вспять на поприще взглянуть,
Которым жив никто не протекает.

Усталому дав телу отдохнуть,
Пошел я вновь, одной ноге другою
Творя подпор и облегчая путь.

И вот, почти в начале под горою,
Проворный барс и скачет и кружит,
Красуяся одежды пестротою;

Прочь ни на миг от глаз не отбежит,
И я не раз сбирался в путь обратный —
Так зверь вперед мне двигаться претит.

Час ранний был, час утренний, приятный,
И солнце вверх в сопутстве звезд текло:
Так в первый день по воле благодатной

Прекрасное создание пошло.
Кружился барс в пестреющей одежде:
Погода, час — мою всё душу жгло,

И кожу взять в корысть я был в надежде;
Но вдруг меня, явившись, испугал
Огромный лев, каких не видел прежде;

Он на меня, казалось, наступал,
Подъяв главу, и яростный и гладный,
И воздух весь от рыка трепетал.

А вслед за ним волк ненасытно-жадный,
Пугающий чрезмерной худобой,
Губительный алчбою безотрадной.

Толикий страх нанес он мне собой,
Столь вид его родил во мне отврата,
Что я взойти отчаялся душой.

И каково тому, кто скопит злата,
Как всё терять придет ему чреда:
Тут в мыслях плач и горькая утрата;

Таким меня зверь сотворил тогда,
Помалу вспять гоня к стремнине тесной,
Где солнца луч не светит никогда.

Уж падал я, спаситель вдруг чудесный
Предстал; сперва ни слова он не рек,
От долгого молчанья бессловесный.

Узрев его в степи, пустой отвек,
Я закричал: «Спаси своим приходом,
Кто б ни был ты, хоть тень, хоть человек».

Он мне: «Я жил давно, с другим народом:
В Ломбардии был дом моих отцов,
Из Мантуи происходящих родом.

Рожден в исход Иулия годов,
Я в Риме жил при Августе державном,
В лжеверии языческих богов.

Я был поэт, и пел о муже славном,
В Авзонии воздвигшем новый град,
Когда Пергам погиб в бою неравном.

Но в муку ты зачем идешь назад?
Что не взойдешь на холм превознесенный,
К началу всех веселий и отрад?»

— «Вергилий ты! источник ты священный
Высоких слов, лиющихся рекой! —
Ответил я, стыдясь, челом склоненный. —

О честь певцов, светильник их благой,
Будь благ ко мне за долгий труд, ученье,
Любовь к стихам, начертанным тобой.

Ты — пестун мой, и я — твое творенье,
Ты — вождь мой, ты мне щедро подарил
Прекрасный слог и знающих хваленье.

Зри: вот он, зверь, пред кем я отступил;
Спаси меня, мудрец, в беде толикой —
Я весь дрожу, и стынет кровь средь жил».

— «Ты должен в путь идти другой, великой, —
Он отвечал, мой плач прискорбный зря, —
Чтоб избежать из сей пустыни дикой.

Сей лютый зверь, враждой ко всем горя,
На сей стезе — идущему преграда;
Ввек не отстал, души не уморя.

Столь вреден он, искидок гнусный ада,
Что никогда ничем не насыщен,
И после яств еще в нем боле глада.

Со многими зверьми он сопряжен,
И будет впредь, доколе пес примчится,
Кем тощий волк погибнет, загрызен, —

Тот ни землей, ни златом не прельстится,
Премудр и благ во всех своих делах:
Между двух Фельтр великий пес родится.

Спасется им погрязшая в бедах
Италия, из-за нее ж Камилла,
Низ, Евриал и Турн легли во прах.

Из града в град его погонит сила
Чудовище, пока запрет в аду,
Отколь его в свет зависть испустила.

Тебе добра желаю я, и жду,
Коль ты за мной пойдешь в стезю благую,
И в вечные места тебя сведу.

Услышишь скорбь отчаяния злую,
Узри́шь всех век страдальцев мертвецов,
Где тщетно смерть зовут они вторую;

По сем и тех, кто, скверну смыть грехов
Надеяся, в огне уж утешенье
Нашли, и ждут со временем венцов;

Но ко святым чтоб вознестись в селенье,
Душа меня достойнейшая есть:
Ей возвращу тебя во охраненье.

Небесный царь, кому я должну честь
Был слеп воздать, в град, славою венчанный,
Претит войти или другого ввесть.

Он царь везде; но там — предел избранный,
Его чертог, держава и престол:
Блажен туда им к вечности призва́нный!»

А я: «Поэт, бог слышал твой глагол;
Веди ж, молю, сим богом заклиная,
Да сих спасусь и впредь грозящих зол.

Хочу узреть и дверь святого рая,
И грешников, по слову твоему,
Терпящих век вся горькая и злая».

Тут он пошел, и я вослед ему.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

День исчезал, и мрак вечерний стлался,
И разрешал живущих на земли
От их трудов; а я один сбирался

Идти на брань, грозящую вдали
Трудом путей и сердца сокрушеньем:
Глубоко в мысль следы их залегли.

О Музы! вы мне будьте утвержденьем,
О память! ты видение воспой,
И всем явись божественным внушеньем.

Я начал так: «Поэт, вожатый мой,
Смогу ли я, земли пристрастный житель,
Последовать в опасность за тобой?

Ты нам сказал, что Сильвия родитель,
Живой еще и бренный человек,
Дерзнул сойти в нетленную обитель.

Но если зла не терпящий отвек
Был благ к нему, тех ради дел и славы,
Какие сам сынам его предрек,

Сие поймет, в ком ум и мысли здравы,
Затем что он был избран в небесах
Отцом римля́н и вечной их державы;

И (чтоб сказать всю правду мне в словах)
Преемников апостольских столицей
Да будет Рим, Петра хранящий прах.

Герой твой, в ад нисшед с кумейской жрицей
Там сведал, чем достигнет он побед
И после пап украсит багряницей.

В рай проложил сосуд избранный след,
Чтоб утвердить в сердцах святую веру
И в ней принесть спасение от бед.

Но мне ли их последовать примеру?
Я ни Эней, ни Павел, и в себе
Не зрю и сам достоинства чрез меру;

Так что пустясь и волю дав судьбе,
Боюсь снискать безумного названье:
Ты мудр, и мысль моя видна тебе».

Как человек, меняющий желанье
И новое затеявший умом,
Вдруг первое отбросит начинанье,

Так после дум в ущельи мрачном том
Я охладел, как ни спешил сначала,
На подвиг свой усердием влеком.

— «Коль речь твою я понял, — отвечала
Великая Вергилиева тень, —
От робости душа в тебе упала.

Она людей и многих, каждый день,
Мутя их ум, от дел отводит честных:
Так в сумраке всего дрожит олень.

Знай, страхов сих не слушаясь невместных,
Что моего пришествия вина:
С другими я в преддверьях ада тесных

Был; предо мной явилася жена
Блаженная, с таким лицем прекрасным,
Что я спросил: что повелит она?

Глаза ее звезда́м подобны ясным,
Речь тихая стройней небесных лир;
Так молвила язы́ком сладкогласным:

«Сын Мантуи! с тобой да будет мир,
Неру́шимый, как слава песнопенья,
Которым весь ты удивляешь мир.

Мой друг, судьбы изведавший гоненья,
В глухой степи преткнут в пути своем,
Побег назад от страха и томленья;

И в небе я то слышала о нем,
Что я боюсь, в сем затрудненьи новом
Погибнет он, и мы уж не спасем:

Спеши ж к нему, чем можешь только, словом
И делом, дух в нем ободри к трудам,
Утешь меня, и будь ему покровом.

Меня влечет желанье к тем местам,
Отколь пришла; узнай: я Беатрика;
Любовь моим внушила речь устам;

И божия сподобясь в небе лика, —
Пред ним тобой я похвалюсь, о друг!»
Замолкла; я ж в ответ: «Жена велика,

Кем род людей, греха и смерти слуг,
Веселия стран звездных достигает,
Свершающих по небу меньший круг!

Столь твой приказ мой разум восхищает,
Что я горю свершить его скорей,
И мне о нем твердить не подобает.

Но изъясни: к юдоли низкой сей
Как можешь ты сходить без опасенья
От горния обители твоей?»

— «Коль тайны сей желаешь объясненья,
Я краткий дам, — рекла она, — ответ,
Почто сюда я не боюсь вхожденья.

Страшиться нас рассудка учит свет
Вещей и дел, вредом своим опасных,
А не других, в которых страха нет.

Хвала творцу во благостях всевластных,
Коснуться мне скорбь ваша не сильна,
И нет огней, ни казней мне ужасных.

Есть в небеси пречистая жена;
Опасность зря, в чем помощи взыскую
Твоей, скорбит и сетует она;

И, Лу́чию призвав к себе благую,
Ей молвила: «Поклонник гибнет твой,
И я тебе спасти его дарую».

И, жалостью горящая святой,
Вмиг Лучия явилася пред нами,
Век дружными, Рахилию и мной;

И мне: «Творца поющая хвалами!
Спаси того, кто из любви к тебе
Достоинством вознесся над толпами;

Услыши плач несчастного в борьбе
Со смертию средь волн реки, которой
Уступит понт в корыстной похвальбе».

Ввек не спешил никто столь волей скорой
Для польз своих иль избежанья зла,
Как я в тот миг; ты ж будь ему опорой.

Затем от мест блаженных я сошла;
И мудрых слов надеюсь вспоможенья,
В которых век жива твоя хвала».

Сим кончила она свои прошенья;
И светлый взор заплаканных очей
Во мне еще удвоил силу рвенья;

И я сюда пришел в угодность ей,
И спас тебя от алчущего зверя,
С горы святой гонящего людей.

Почто ж, труда и силы не измеря,
Стоишь? какой в душе постыдный страх?
Почто нейдешь, надеяся и веря,

Когда сих три, избранные в женах,
От горних стран бдят взором над тобою
И столько благ сулят в моих речах?»

Как стужею согбенные ночною,
Цветы в полях при теплом свете дня
На стебле вновь вздымаются главою,

Так я восстал, полн бодрости огня;
И страха чужд, весь духом обновленный,
Учителю ответил не косня:

«О, слава ей, в добро́тах несравненной,
И честь тебе, спешившему творить
По воле их святой и неизменной!

Ты мысль мою вполне умел склонить;
И, убежден премудрыми словами,
Нача́тое хочу я довершить.

Будь власть твоя единая над нами,
Будь пестуном, владыкой и вождем».
Так я сказал, и за его стопами

Пошел во тьме неведомым путем.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

«Войдите мной в страданье неизбежно;
Войдите мной в град ско́рбей без конца;
Войдите мной к погибшим безнадежно.

Творенье я правдивого творца,
Всевластного, премудрого, благого,
В трех свойствах три имущего лица.

Первей меня созданья нет иного,
И все прейдут; конца ж не будет мне:
Входящие! надежды нет для злого».

Сии слова над дверью на стене
Я прочитал и молвил, вопрошая:
«Учитель мой, я не пойму вполне».

В ответ же он, вопрос мой разрешая:
— «Здесь верою да крепнет человек,
Здесь да умрет в нем суета земная:

Се место, я тебе о коем рек;
Здесь с благом их от вечныя разлуки
Скорбят душой погибшие навек».

Тут он с лицем веселым наши руки
Сложив и тем осме́лив, за собой
Ввел в таинства сего жилища муки.

Там вздохи, плач, страдальцев громкий вой,
Там без числа разносятся рыданья
По воздуху, одеянному мглой.

Язы́ков смесь, ужасные вещанья,
То грустных глас, то яростных речей,
Крик, скрежет, рук отчаянных плесканья,

Сливаются в юдоли мрачной сей
В несносный шум, без отдыха кружимый,
Как вихрем прах взвиваемый с полей.

И я, в уме сомненьем одержимый,
Сказал: «Кто сей, как на море валы
Несчетный сонм, печалию томимый?»

Учитель мой: «Сии суть чада мглы,
Чей праздный век, без всяких дел отменных,
Не заслужил ни чести, ни хулы.

Их доля здесь средь аггелов презренных,
Не смевших стать ни на́ бога войной,
Ни за него, к себе лишь прилепленных.

Гнушаяся их срамной теплотой,
Их небеса высокие изгнали
И низкий ад в провал не принял свой».

— «Учитель мой, почто ж в такой печали
Толь тяжкий стон я слышу их?» — «Ответ
Я краткий дам: в отчаяние впали

Бездушные; на смерть надежды нет,
О житии воспомнить нестерпимо;
Забвением забыл их целый свет,

И зависть в них ко всем необходимо;
Нет милости им божьей, ни суда.
Оставим речь о них: взгляни — и мимо».

И я, взглянув, хоругвь узрел тогда,
Бегущую с толикой быстротою
Что, кажется, не стать ей никогда;

И длинною вослед ее грядою
Тьмы тем людей: поверить льзя с трудом,
Чтоб стольких смерть посечь могла косою.

И неких я в лице узнал потом:
Здесь юноша, от вечной жизни рая
Отшедый вспять, чтоб жить с земным добром.

Тут я постиг, что смесь то не благая
Тех, коих бог не терпит искони,
Ни злых духо́в дружина проклята́я.

Злосчастных сих (ввек не жили они),
С главы до ног для казни обнаженных,
Зло жалили и осы и слепни;

Струилась кровь с ланит их уязвленных
И, с током слез смесившись, на земли
Служила в снедь толпе червей презренных.

Потом, смотря, увидел я вдали
На берегу реки людей стоящих
И так сказал: «Вождь мой, благоволи

Поведать мне о сих, туда спешащих:
Кто суть они, и что со всех сторон,
Как зрю отсель, сгоняет их стенящих?»

— «Узнаешь всё, дождись, — ответил он, —
Как берега достигнем мы крутова,
Где катится печальный Ахерон».

Я, в землю взор потупив, смолкнул снова
И, скучных сих стыдясь вопросов сам,
Вплоть до реки не смел промолвить слова.

И се в ладье плывет навстречу нам
Старик, от лет власы имущий белы:
«Преступники, — кричит он, — горе вам!

Вам небеса затворены веселы,
И я вас везть на оный брег готов,
Во мраз и в пыл и вечной тьмы в пределы;

А ты, душа живая, кто таков?
Прочь, прочь! чего здесь ждешь ты
с мертвецами?»
Но зря, что я от сих не движусь слов:

«Иным путем, иными, — рек, — волнами
Легчайшая снесет тебя ладья
Ко пристани, назначенной судьбами».

Ему же вождь: «Харон, в сии края
По воле тех идет он, чье желанье
Закон: молчи ж, речь суетна твоя».

И кормчего пресеклося вещанье,
Сперли́сь уста, лишь гневное очей
Кружащихся удвоилось сверканье.

Но строгий к ним вняв глас его речей,
В лице смутясь, заскрежетав зубами,
Все мертвецы завыли от скорбей;

Все бога вслух бесчестили хулами,
Отца и мать, рожденья место, час,
Весь род людской, себя впоследок сами.

Потом, еще возвысив слезный глас,
Стеклись на брег злосчастный, осужденный,
Всех ждущий, в ком господень страх погас.

Тут бес Харон, глазами угль разженный,
Скликает их, коснящих бьет веслом,
К стенаньям глух, к слезам ожесточенный.

Как осенью несчетные числом
Листы дерев падут, падут всё время,
Доколе лес устелется ковром,

Несчетно так Адама злое семя;
И как соко́л на клик привычный свой,
На зов пловца так мечется их племя.

И черною плывут они рекой;
И там едва на брег одни вступают,
Уж здесь других скопился новый строй.

Учитель мне: «Те, кои умирают
У господа под гневом, во грехах,
Сюда, мой сын, отвсюду притекают;

И не коснят здесь долго на брегах:
Бог не дает им отдохнуть нимало,
И всякого сильней желанья страх.

Здесь добрых душ от века не бывало:
Дивился ты, Харона речь внемля;
Теперь поймешь, что слово означало».

Вдруг потряслись бессветные ноля:
Невольный страх в мои проникнул жилы.
Вдруг треснула рассевшаясь земля,

И взвился ветр, раскинув шумны крилы;
Багровый луч тьму озарил кругом:
Ни памяти не стало вдруг, ни силы,
И пал я ниц, объятый тяжким сном.

1827—1830

ЭПИГРАММА

Наш барельефами прославленный писатель,
Наш остроумнейший и критик и поэт,
Печально кается и говорит: «Читатель!
Ты удивишься: всех во мне достоинств нет,
И как-то кратким быть не достает уменья:
Другой бы написал две строчки, я тетрадь;
Уж делать нечего, дай бог тебе терпенья,
За то...» — «Помилуйте, к чему тут извиненья?
Чернильный вздор давно умеют сокращать».
— «Вот что, так вы меня хотите?..» —
«Не читать»

Февраль 1830

СТРОФА

Из Помпиньяна

В дни древности на бреге Нила
Толпы от черных дикарей
Блеск чистый днéвного светила
Хулили дерзостью речей.
Бессильный гнев! вражда смешная!
Меж тем как груди надрывая
Вотще их буйный сонм кричал,
Бог, в небе шествуя высоком,
Златых лучей огнистым током
Их мрак и злобу освещал.

1830

МАДРИГАЛ

Из Ферранда

В любви обманутый, с печали
Селимн потоки слез лия,
Богов разжалобил, и дали
Они Селимну вид ручья.
Его волшебная струя
Целит забвеньем сердца раны;
И, Хлои испытав обманы,
К нему вчера прибегнул я.
Но тщетно я искал покоя:
Меняя юнош без числа
И всех забыть желая, Хлоя
В ручье всю воду испила.

1830

РОНДО

Из французской старины

Под добрый час наш богатырь Добрыня
Приспел на Русь, чтоб хищный печенег
От Киева стремглав пустился в бег,
И пала в прах нечистых сил гордыня,

Гоня, путем-дорогой на ночлег
Приехал он бог весть куда: пустыня,
Да страшный змей, ручья стрегущий брег.
Копьем удар — и смерть тебе, Горыня,
Под добрый час.

Оружье сняв, наш витязь головою
Тут прямо бух в ручей с живой водою;
Нырнул старик, а выплыл молодец.
Как жаль, друзья, что это небылицы,
Что дивных струй не стало наконец!
Что б вам сыскать их, красные девицы,
Под добрый час!

1830

РОНДО

Из французской старины

Владимир-князь, объят лжеверья тьмою,
Злой ведьмою обманут был; она,
Оборотясь красавицей младою,
Зажгла в нем кровь, — и новая жена.
Но обочлась в счету и с сатаною:
Не промах муж, служить принуждена;
И на Херсон как двинулась война,
Ее умом град до́был с похвалою
Владимир-князь.

Тут заключил с Царьградом мир навеки,
Крестился сам, и Русь крестил, и греки
Спрягли его с их царскою княжной.
Итак, кому прямые нужны вести:
Одно ль житье, что с ведьмой, что с женой, —
Тому отчет отдаст без всякой лести
Владимир-князь.

1830

НАДГРОБИЕ

Древо весною цвело, и буря его преломила;
Сетуют вкруг поселяне: «Погибла надежда плода».
Юношу, ближних любовь, безвременно кроет могила;
Плача, молвят: «Увы! исчез наш друг навсегда».
Други! утешьтесь о нем; земное земля поглотила.
Люди подобны древам: и цвесть им, и гибнуть чреда;
Верой крепитесь: над злым у смерти полная сила.
Доброму ж в тьме гробовой сияет бессмертья звезда.

1830

ГЕНИЙ И ПОЭТ

Гений

Как! твой Гений пред тобою,
Лира звуками полна,
Оживясь ее душою,
Вспела вещая струна;
И с поникшими очами,
Изваянье на меди́,
Ты сомкну́тыми устами
Запер чувствия в груди!
Пробудись от усыпленья
И, призыв услыша мой,
Сердца чистого внушенья
Чистым голосом воспой.

Поэт

Гений светлый, добрый Гений,
Как отраден твой приход!
Сердце жаждет вдохновений,
Как росы засохший плод;
От нечаянныя встречи
Радость душу обняла,
От благой приветной речи
Грустных дум яснеет мгла;
Сами в песнь сливаясь, звуки
Рвутся к пламенным устам
И, невольно движась, руки
Прикасаются струнам.

Но, небесный смелый Гений,
Дать ли мне свободу им?
Я колеблюсь тьмой сомнений,
Я боязнью одержим,
Я не смею быть поэтом,
Путы сбросив, полететь,
И с тобою пред рассветом
Окриленной птицей петь.

Гений

О несчастный, малодушный,
Не стыдишься ли сих слов?
Ты ли, робости послушный,
Не дерзаешь снять оков?
Кем ты при́зрен с колыбели?
Кто твой дух образовал?
Не со мною ль, не при мне ли
Ты возрос и возмужал?
Отрок резвый, пылкий, смелый,
Любовался я тобой:
Не по ле́там разум зрелый
Слит был с нежною душой;
Ты, склоняя слух прилежный,
Хо́дя в добрые пути,
Обещал, как цвет надежный,
Плод обильный принести.
В годы юности опасной
Ты, Паллады под щитом,
Цепи неги сладострастной
Сверг спасительным трудом;
С кубком Киркия роскошным
Тщетно молвила: испей.
Горе спутникам оплошным,
Здрав остался Одиссей.
Но как, выскочив на волю,
Бья копытами огонь,
По неведомому полю
С ржаньем мчится бодрый конь, —
Так на глас трубы военной,
Опоясав вскоре меч,
Ты отчизне долг священный
Заплатил средь лютых сеч.

Часто на чужбине дальной
Окрилялася душа:
Забывая мир печальный
И восторгами дыша,
Взятых древнею могилой
Жен великих и мужей
Ты будил моленья силой,
Песнью ревностной твоей;
Их сподобился явленья,
Слышал речи, с ними жил
И с слезами умиленья
Всё на лире повторил.
И теперь ты, мне внимая,
Тайной грустию томим;
Искра вспыхнула святая,
Коей огнь неугасим.
Нет, сгубить доныне годы
Не смогли врожденных сил:
Добродетели, свободы,
Славы ты не разлюбил;
Будь же вновь, чем был ты прежде,
Падшим духом воспряни;
Доброй в юношу надежде,
Зрелый муж, не измени.

Поэт

Гений светлый, добрый Гений,
Не призвать минувших дней.
Память их — не утешений
Мне источник, но скорбей.
Как обманчивые грезы,
Все надежды пронеслись,
Всё исчезло, всё, и слезы
Горьким током полились.
Что мне жалобой нескромной
Оглашать мои беды́,
Слабость дружбы вероломной
И гонение вражды!
Нет, людей забавить хладных
Тщетным стоном не хочу;
Лучше бедствий безотрадных
Бремя в сердце заключу.

Так, уста сомкну до гроба,
Самый пепл залью огня:
Пусть врагов утихнет злоба,
Чтя за мертвого меня.

Гений

О несчастный, малодушный,
Чем стесняется твой ум!
Вознесись в предел воздушный,
Где земной не слышен шум;
Взор, присущим утомленный,
Слух, усталый от сует,
Обрати на обновленный,
Возрождающийся свет.
Зри, как целые народы,
Пробужденные от сна,
Вдруг отчизны и свободы
Водружают знамена;
Как на юге ярко блещет
Луч, отрадный для очей;
Как ему и север плещет,
Долгих царствие ночей.
Зри: любимая тобою
С лет младенческих земля,
Где всё дышит красотою,
Где бессмертны все поля,
Где все боги обитали,
Где не молкло пенье муз,
Где испили все печали,
Понесли всю тягость уз,
Где небесный бич — Пандора
Волю чадам всем дала, —
Греция в костре раздора,
Юный Феникс, ожила.
Пять веков она лежала,
Как бесчувственный кумир
Тех богов, кому сначала
Поклонялся целый мир:
Имена их вечно громки,
Красоте измены нет;
Но состав их на обломки
Сокрушается от лет.

Вдруг влилася в хладный камень
Быстрой крови теплота,
Пробежал по жилам пламень,
Дхнули жизнию уста,
Прочь отсе́ченные длани
Укрепилися у плеч
И, жадающие брани,
Ухватили щит и меч;
Чад афинских — дщерь Хронида
Ополчила на войну,
И палящая эгида
Кровью залила луну.
Плеск восторженного мира
Раздался во все места;
Что ж твоя безмолвна лира
И недвижимы уста?

Поэт

Гений светлый, добрый Гений,
Твой неправеден укор.
Петь победных песнопений
Я не мог; свой приговор
Грозно десять лет таила
Неиспытная судьба,
В трепет сердце приводила
Столь неравная борьба.
Ах! во дни их битв опасных
К ним всей мыслию летя,
Я стыдился слов напрасных;
Порывался, как дитя
Из неволи скучной, тесной,
Из-под пе́стуновых глаз
Рвется к радуге прелестной,
В небе зримой в первый раз.
Я завидовал кончине
Тех филэллин, чьи дела
Наградила на чужбине
Чад родных ее хвала;
Я молчал от чувства силы,
Как бы в скорби мог молчать
Сын смущенный, близ могилы
Видя страждущую мать.

Но теперь, как в здравьи новом
В ней развился жизни цвет,
Я ль скажу ей слабым словом
Поздный, суетный привет?
Уж давно на лирах звучных
Платят ей хваленья дань;
С первых дней благополучных
Вознесли святую брань,
Греков плен, и смерть, и раны,
И победы, и венцы —
Альбиона и Секваны
Вдохновенные певцы.
Поле тучно и богато
Хлебом, злаком и плодом;
Но теперь оно пожато:
Что ж идти в него с серпом?
Нет, урок я лучше трудный
Изберу и выжну сам,
Чем, сбиратель класов скудный,
По чужим пойду браздам.

Гений

Смелость хвальную ответа
Я достойно награжу:
Подвиг новый для поэта,
Подвиг славный укажу.
Зри: не буйная свобода,
Дщерь безумья и страстей,
Обольщение народа
И орудие вождей;
Не приманчивое слово,
Призрак юности слепой,
Изменяющий сурово
Угнетенному судьбой;
Не сорвавшаяся с плена
Львица, гладная людьми;
Не поющая сирена
В поле, устланном костьми;
Нет, но чуждое упрека
Чувство должностей и прав —
Гражданина-человека
В сердце врезанный устав;

Благотворная богиня
Вашингтоновой земли,
Где дотоль была пустыня,
С нею ж грады процвели;
Зри: она, победой новой
Множа прежних битв число,
Свежей ветвию лавровой
Красит светлое чело.
Зри: как в улии древесном
Пчел прилежных частый рой,
Воска в здании чудесном
Мед скопляющий златой,
Если пахарь-похититель
Труд и благо их смутит,
Вмиг в движеньи вся обитель:
С шумным гневом в бой летит;
Не жалея жизни, жало,
В плоть вонзаясь, точит кровь:
Дух велик, хоть силы мало;
Враг бежал — и стихли вновь.
Так, едва взошла денница,
Мирных сéлище граждáн,
Многолюдная столица
Превратилась в ратный стан.
Стар и млад, богач и бедный —
Все с оружьем, все бойцы:
Тут снаряд везется медный;
Там сражаются стрельцы;
Здесь идут с заречья к бою:
Захлебнулся ими мост;
Здесь преградною стеною
Сложен каменный помост;
Кровли, свесы, окна, двери —
Мечут, сыплют, бьют, палят;
Там, в толпе, супруги, дщери
Снедью и питьем крепят;
Их заботливые руки
Треплют ветошь в чистый пух,
Их старанье мáлит муки,
Их присутство множит дух.
Кто ж не дрогнет укоризны
Силе уступить, как раб,

Кто, природный сын отчизны,
Будет празден, робок, слаб,
Коль земель питомцы дальных,
Гости мирные гражда́н,
Не щадя трудов похвальных,
Носят страждущих от ран!
Коль пожатых честной битвой
Сами пастыри церквей
С слезной предают молитвой
Богу, судие царей!
Три дни бились; но победа
Лишь залог скрепила благ,
Злобы вмиг не стало сле́да:
Побежденный уж не враг.
Мир зовет их в те жилища,
Кои брань им заперла;
Там их ждет целенье, пища
И навек — забвенье зла.
Но глаза твои слезами
Блещут... пой! вот лира: пой!
Огнь посыплют струны сами,
И польется песнь рекой.

Поэт

Нет; трепещущие длани
Опустилися к земле;
Глас спирается в гортани,
Очи плавают во мгле.
Как внезапно пробужденный
От ужаснейшего сна,
Дух не вспомнится смущенный,
В жилах кровь застужена;
Ряд чудовищных видений
Вкруг рождает темнота;
Больно сердцу от биений,
И бессильны дхнуть уста.

Гений

О несчастный, малодушный,
Не надежный на себя!
Сей ли мне прием радушный,
Сей ли отпуск от тебя?

Но чего тебе страшиться?
Отвечай: каких утех
Можешь ты еще лишиться,
Ты, давно лишенный всех?
Света ль роскошь и забавы
Вяжут цепию цветов?
Оглянись: одни дубравы
Там чернеют из снегов.
Здравия ль страшна утрата?
Ты уже простился с ним;
Может быть, жалеешь злата,
Ну́ждой бедности тесним?
Иль в дому твоем играет
Резвая детей семья?
Иль супруга утешает?
Или верные друзья?
Ты — один, и всею властью
Столь гнетет тебя судьба,
Что прибавить сил несчастью
Впредь вся власть ее слаба.
Но обидным опасеньем
Что так рано ноет дух?
Чей невинным песнопеньем
Прогневиться может слух?
Ариона лирой стройной
Моря сне́жились валы:
Смей явить свою достойной
Душ высоких похвалы.
Но решись, ярем сомнений
Сбрось, злосчастный человек!
Не принудь, чтоб я, твой Гений,
От тебя отстал навек.

И, потупив очи долу,
Долго бедственный поэт,
Чувств предавшись произволу,
Медлил молвить их ответ.
Наконец, как вдохновенный,
Руки к Гению воздел;
Но уж поздно: окриленный
Гость небесный улетел.

1830

ИДИЛЛИЯ

Между Оссы-горы и горы высочайшей — Олимпа
Злачный стелется луг, зовомый долиной Темпейской;
Краше его не зрит по небу ходящее солнце.
В нем средь лавро́вых купин река Пеней сребროводный
Тихо катит волны, к морю чуть подвигаясь,
Словно грустно ей расстаться с брегами такими.
Многие в горных пещерах живущие нимфы, наяды
С шумом из каменных урн студеную льют в нее влагу
С той страны и с другой; когда ж, наступающей ночи,
Пастыри скличут стада и загонят до нового у́тра,
Смолкнут звуки свирелей и птицы петь перестанут,
Так, что нигде в долине гласа не чуть, ни дыханья,
Светлый же месяц полный сребрит лучами всю землю, —
Девы потоков сбираются в луг, играют и пляшут.
Часто сходят к ним от горних чертогов богини:
То стрелометная, девством чистым гордая Фива,
С сонмом подруг-касталид, темнокудрых, дивиопоющих;
То Киприда, радостей мать, и с нею хариты;
Сами строят они фессальских нимф хороводы,
Сами, резвясь, босою ногой по цветам благовонным
Скачут; цветы же не мнутся под легким стоп ударением.
В ликах наяд всех краше была черноокая Кора;
Паче всех ее любили обе богини;
Обе манили к себе: зверей дубравных ловитву
Дилия славила ей, любовь — Афродита златая;
Нимфа ж не смела решиться, равно страшась Артемиды
Строгой и Пафии ласковой, но обманчивой часто.
Девственный пояс храня, но клятвой воли не тратя,

Кора пеклась о струях судьбой порученного тока,
Тешилась, юная, пеньем и пляской, любви же не знала.

Вскоре в Темпейских лугах явились два пастыря новых,
Два небожителя: Маии сын и Фив светловласый.
Оба подпали под гнев отца-Эгиоха; виновных
Он осудил на изгнанье: сойти им с неба на землю,
Круглый год не касаться ногой Олимпийского прага,
С пищей небесной — амвросией, с не́ктаром сладким проститься,
Жить, как смертные люди, и нужды терпеть человеков.
В службу Адмета-царя вступили опальные боги,
Фер фессалийских владыки, мужа жены несравненной,
Ле́пой Пелиевой дщери, равной богиням Алкесты.
Пас Аполлон воловье стадо, овчее — Эрмий.
Часто Кору встречали они, и в персях обоих
Огнь вожделений взыграл; в успехе ревнуя друг другу,
Тот, ни другой не смел прибегнуть к насилью; наяда
Слушала их, и невольно прельщалось сердце младое:
То очарованный взор впери́т в величавого Фива,
То потупит, стыдясь и любуясь Эрмием статным;
Ра́вны в них красота, и юность, и страсти кипенье.
Некогда утром Кора близ устья, где ток ее быстрый
В гладкий Пеней с утеса сбегает, молча сидела,
Свежий лавро́вый венок доплетая задумчиво; боги
Оба предстали вдруг, одно привело их желанье.
«Нимфа, — вещали они, — избирай и реши между нами;
Долго ждали мы, доле не будем; если ж презреньем
Ты нам воздашь за любовь, страшися: Стиксом клянемся

Стать заодно, неволей тогда покоришься обоим,
Срам понесешь, восплачешь, слезам же твоим посмеются».
— «Дия сыны, — отвечала угрозой смущенная Кора
(Тайная радость меж тем сквозь страха вкра́лася в душу), —
Мне ли вас презирать? но возлечь стыжуся на ложе
К двум; кого ж изберу? Хотите ль на суд мой отдаться,
Мирным боем решить? — настройте лиры и пойте,
Пойте чредою; песни такие музам приятны.
Я же тому, кто боле меня очарует, в награду
Сим лавро́вым венцом украшу главу, и в пещере
Пусть глаз на́ глаз он мне откроет тайну Киприды».
Радость богам! забилось в груди их ретивое сердце.
Спешно настроивал Фив великую лиру златую:
Звонкие струны — сребро, и плектр — от кости слоновой,
Меньшую — Эрмий, собственных рук искусное дело:
Отроком он, на Аркадской горе убив черепаху,
Хитро к ней прикрепил от агнцев выйные жилы,
Круто ссучив, — и нежен их звук, и под пе́рстами мягки.
Кинули жребий потом, и Кинфию вышло начало.
Так, состязаясь, пели боги внемлющей нимфе:

Аполлон

Дию хвала! Громовержец! смирил ты гордых Гигантов,
Матери древней чудовищных чад. Ужасен был приступ
Сильных: горы схватив, сложили одну на другую,
Небу грозя; но градом сыпались стрелы Хронида,
С громом оглушным; воды иссякли и вспыхнули рощи;
Треснула Осса до дна, под ней Пелион расступился,

Буйные шли под огнем, вздымаяся выше и выше;
Всею силой третью гору вскатить порывались,
Весь обросший лесом Олимп поставить на Оссу.
Зевс-Эгиох потряс советной главой, и как птица
Вмиг изнеслась из нее, копием поражая, Афина;
Пали под ним Гиганты многие; прочих гремящий
Бог низложил; развалилися горы, и в Та́ртар глубокий
Сверглись враги. Хвала Зевесу и вкупе победной
Дщери его, без матери им единым рожденной!

Эрмий

Дию хвала и всем его чадам! бессмертных и смертных
Многих жен он любил, сынов и дщерей рождая:
Бранный Арей и рук искусством Ифест превосходный —
Ложа брачного плод и честь престольныя Иры;
Лита в сонме богинь близнецов четою гордится;
Дщерь одну имеет Димитра, одну и Диона,
Славы ж не менее им, у обоих прекрасные дщери:
Та подземного А́ида медное сердце смягчила,
Всех небожителей вдруг пленила явленьем другая.
Смертной Семела была, и смертною ра́вно Алкмена,
Ими ж рожденные — боги; громки по целому миру
Бич чудовищ — Иракл и Вакх — винограда раститель.
Между Дия сынов и Маии сын не последний:
Чтят его пастыри, путники молят, бойцы величают,
Тени ему повинуются, вестник он Диевой воли.

Аполлон

Лите хвала! счастливая мать, гордится достойно
Чрева плодом. Изведала ты, Амфиона супруга,
Шесть родившая дев и столько ж отроков, силу
Сына единого, дщери единой, млеко́м воздоенных
Той, пред коей ты числом детей величалась;
Все за гордыню твою под нашими пали руками:
В дев — Артемида-сестра, я — в отроков и́з луков стрелы

Метко пускали; робкие тщетно бегством спасались;
Тщетно в отчаяньи мать своей заслоняла их грудью,
Смерти отвесть не могла; но гласа лишась и движенья,
В камень прешла — безжизненный, хладный, но слезы точащий.

Эрмий

Маие честь, любезной Дию дщери Атланта,
Мудрого стран вечерних владыки! плод Океана,
Лéпое чадо Тефиды, семькрат Плеиона супруга
Браку дары принесла: семь сестр родились прелестных.
Каждой супругом был царь от рода бессмертных Титанов;
Маия ж, всем красота, сподобилась Зевса объятий.
В мрачный ад не сошли блаженные сестры Плеяды;
Огненным ночи созвездием в небе сияют высоком,
Кажут путь пловцам — благие мóря светила;
Маия ж первенства честь хранит и звездою: всех вящей
Блещет красой, всех прежде творят ей мольбы и обеты.

Аполлон

Был великий потоп: Зевес небесные хляби
Отпер, ливнем дождь из облак тек беспрестанно;
Бездну подвиг Посидон, брега покрывая волнами;
Суши не стало, гибли в воде и люди и звери
Многие дни; когда ж бессмертные гнев утолили,
Снова солнце взыграло; тучи промчались, пучина
Вспять отошла, и начали горы вскрываться и долы,
Гноем трупов и тиной морской земля заразилась,
Всюду из недр ее рождались вредные гады:
Пруги, скорпии, жабы и ростом огромные змеи.
Тут рожден и Пифон, чудовище страшное, смрадный,
Дышущий ядом змий: семнадцать лактей он длиною,
Кроме главы; из чела сверкали очи, как угли;
Три ряда зубов белелись в пасти отверзтой.

Лог обычный змия был у подножья Парнаса,
Близко от Дельф, в пещере, где древний оракул Фемиды.
Редко, гладом томим, оттоль исходил на добычу.
Разом множеством яств наполняя несытое чрево;
Целых тельцов он в кольцах сжимал и, кругом обливая
Пеной гортани, медленно с тяжким глотал их усильем.
Всё трепетало, люди взывали с молением к небу,
Помощи не было; только я над скорбью несчастных
Сжалился, верную стрелу пустил, и Пифон бездыханный
В прахе простерся; спасенные мной мне храм посвятили,
Прозвище дали Пифийца, и в вечную память победы
В радостных играх славят ее и поют Аполлона.

Эрмий

Чудо в свете был Арг, любимец Иры-царицы;
Сто имел он очей, и по два их только смыкалось
Сном, другие все чреды ожидали недремно.
Меры, судеб человеков владычицы, как он родился,
Дали завет, что дотоле дней его нить не прервется,
Всех он вместе очей ко сну пока не закроет:
Вечным казался бы Арг, но смерти я его предал.
Зевс, владыко богов, любил прекрасную Ио,
Дщерь Инаха-реки; от Иры ж ревнивой таился.
Некогда он, заградив себя облаком златобагряным,
С нимфой младой возлежал на траве благовонной; внезапно
Близость супруги почул и, деву скрывая от взоров,
Кравы придал ей вид; но хитрость богиня проникла,
Стала краву хвалить и в дар просить от супруга;
Духом смутясь, не мог отказать он, Ира ж добычу
Вверила Аргу пасти, и томилась Ио в неволе.
Сетуя Дий и желая избавить, строгого стража
Мне поручил обмануть. Аркадского пастыря в виде
К Аргу пришел я, серп имея за поясом острый,
Жезл усыпный в руке и свирель семиствольную Пана.

Сроду таких не видав, дивился он ей: о Сиринге
Повесть ему я сказал, жезлом помавая на очи;
В них показалась дремá; я начал играть на свирели;
Нежные звуки ее лилися всё тише и тише;
Смолкли: Арг уже спит; серпом главу я от тела
Смаха отсек, и избавил неволи красавицу Ио.

Аполлон

Горе тому, кто в бой мусикийский дерзнет с Аполлоном!
Марсиев страшный пример да будет уроком: не красен
Видом был Марсий, с конским хвостом и носом прижатым,
Мал и уродлив; но дар на свирели являл превосходный.
Он изобрел цевницу двойную, он же ремнями
Начал подвязывать к тылу уста и ланиты, чтоб духа
Силой скóпленной звук исходил полнее и громче.
Матерь богов — Кивелла, венчанная башнями, Ниссы
Радостный бог — равно любили свирельника оба;
Часто на странствиях их по градам и селам фригийским
Он сопутствовал, слух веселя игрою искусной.
Вящую дóбыл честь, когда вдвоем с Дионисом
Трудное дело они совершили: гневный на Иру,
С неба Ифест удалился, вместо богов человекам
В пользу трудиться стал, даря им изделья драгие;
Боги скорбели о нем, но просьб он не слушал, доколе
С чашею Вакх и Марсий с цевницей, мрачные думы
В радость и смех превратя, убедили в Олимп возвратиться.
С оного дня возгордился свирельник чрез меру, — со мною
Встретясь, звал в состязанье, хвалился пред целым народом

Лиру мою пристыдить и, заране льстяся успехом,
Требовал мздой торжества надо мной беспредельныя власти, —
Дерзкий! великого бога мечтал он рабом своим видеть.
Тут же его, раздражась, поклялся казнить я нещадно;
При́нял условье и вызов, творя всех граждан судья́ми.
Долог и труден был спор: чудеса творила цевница;
Первенство ж лира взяла, и тщетно молил о пощаде
Трепетный са́тир: не мог преступить я данныя клятвы;
Скифу предал в руки, жадному крови злодею:
Узами члены связав, он острою медью с живого
Кожу совлек. Болезнуя сам о страдальце, водою
Кровь сотворил я; ожил Марсий, в реку́ превращенный:
Имя свое он хранит и течет по долине фригийской.

Эрмий

Отроком взрос на Килленской горе я среди козлоногих
Са́тиров, мне равнолетных и старших; мы часто играли:
Бегались, в цель метали, боролись, бились кулачно;
Честь победителю шла, побежденный нес наказанье,
Ныне тот, а завтра другой; я ж вечно был первый.
В кости ль кидаем на спор — иной попадает и часто;
Я же — без промаха; раз хоть мимо прокинул — повинен.
Са́тир смиренно подклонит хребет; я вспрыгну на плечи,
Еду гордясь, погоняя ногами и гибкою розгой;
Пляшет он, как конь, подо мной, и всадника тешит.
Там, как мету́ обогнем, он станет, а я, не слезая,
Снова брошу, снова умечу, снова поеду.
Длится игра, мне любо, зрители плещут руками;
Он же, усталый, дышит тяжко, пот с него каплет:

Сжалюсь над ним наконец и прощу. И в бой на свирелях
Вызвал меня пришлец, ученик любимый Силена —
Хро́мид; условье: кто победит — отхлещет другого.
Он покуда играл, на камень я сев, под маслину,
Длинную ветвь отломил; он кончил — хвалили; я начал.
Только дробь я пустил, ночным соловьем заливаясь, —
Громкий подняли плеск; а Хро́мид, свой чувствуя жребий,
Сам подбежал и, руки раскинув, ниц распростерся;
Руки к земле я ногами прижал, в игре не смущаясь.
После ж, как смолк, и все возгласили, что я победитель, —
Новую песнь ему не свирель, а лоза заиграла;
Рук он двигать не мог, но спина выгибалась дугою,
Зад от боли скакал и о́б земь стучали копыта;
Жарким лобзанием уст осыпа́л он мне белые ноги.
Плачу, крику его кругом все громко смеялись.
Я же, как до крови пропел, отстал, и радостный Хро́мид,
Более ждав, в слезах у колен, хвалил мою благость;
В честь ей на самом том месте олтарь воздвигнул дерновый
С надписью: «Отроку Эрмию, мне, милосердому богу».

Аполлон

Хочешь ли, Эрмий? спор решим игрой молодецкой:
Лучшие кони Эллады кормятся в стойлах Адмета;
Их в колесницы впряже́м и вскачь по гладкому полю
Пустим: кто другого обгонит, торжественник будет.

Эрмий

Нет, Аполлон, не хочу коней впрягать в колесницу;
Прыткость ног их мне похвал отнюдь не прибавит.
Резвые ноги имею я сам: не хочешь ли пеший
В бег пуститься со мной? кто обгонит, торжественник будет.

Аполлон

В цель искусством метанья недавно ты сам возносился.
Много здесь птиц на ветвях высоких; назначим любую,
Каждый свою; со мною лук и пернатые стрелы:
Чей вернее удар, тому и первенство в споре.

Эрмий

Что нам стрела́ми пугать темпейских певцов сладкогласных?
Две я кости ношу, какими играют ирои;
На земь поставим одну, другою сбивать ее станем;
Чей вернее удар, тому и первенство в споре.

Аполлон

Тщетно силишься лавр у меня, Киллений, похитить:
Лавр есть древо мое, корою одевшее Дафну,
Мною любимую; лавр земнородные мне посвятили.

Эрмий

Лавр пред тобою, о Фив; пред тобою и самая Дафна,
Если б чудом вновь из древа сделалась нимфой;
Всех возьми, а мне уступи единую Кору.

Аполлон

Дева, реши: венца твоего кто боле достоин?

Эрмий

Дева, реши: кому из двоих отверзешь объятья?

Кончили боги; по кратком молчаньи ответила дева:
«Сами, бессмертные, сами вы решили мой выбор.
Оба достойны награды, желанную оба примите:
Сей лавро́вый венец, о Кинфий, твое достоянье;
Им украсив чело, гордись божественным пеньем.
Ты же, как смеркнет небо и Геспер в нем загорится,
Эрмий, в пещеру тайком приходи: ждать будет наяда».

1831

ТЕНЬ ШЕКСПИРА

Из Шиллера

Там явилася мне и великая сила Иракла,
Призрак, бесплотная тень; сам он навеки исчез.
Вкруг, как птицы кричат, кричали трагиков сонмы,
И драматурги, как псы, стаею лаяли вкруг.
Мертвый, он страх наводил; натянут был лук неизменный,
Стрелы, летя с тетивы, прямо вонзались в сердца.
«Что еще предприемлешь, смелый многострадалец?
В ад ли дерзаешь сходить, в область вечныя тьмы?»
— «Я ищу Тирезия здесь, да поможет провидец
Древний найти мне котурн, боле незримый у нас».
— «Если в природу они и в греков древних не верят,
Всуе уроков отсель книгу к ним принесешь».
— «О! природа у нас является часто на сцену,
Просто, как мать родила, голая вся до костей».
— «Стало, у вас он, древний котурн, живым еще мною
В Тартар нисшедшим за ним с тяжким добытый трудом?»
— «Нет, трагедию мы забросили вовсе, и разве
В год однажды твой выйдет в латах мертвец».
— «Вижу: к ученью разума ваше направлено чувство,
Ужас и жалость прочь гонят веселость и смех».
— «Да, нам нравятся шутки, лишь бы дерзки и сухи;
Любим мы и печаль, лишь бы очень мокра».
— «Что же? рядом с шествием важным сестры Мельпомены
Талия, ре́звясь, у вас легкую пляску ведет?»
— «Нет ни которой; у нас христианское нравоученье,
Простонародное всё, быт и хозяйство мещан».
— «Как! и на зрелищах ваших Кесарь не смеет явиться!
Нет Андромахи на них! согнан Ахилл и Орест!»
— «Все; любимые лица: пастор, торговли советник,
Юнкер, или секретарь, либо гусарский майор».
— «Но ради бога, друг, что может народ этот жалкий
Сделать великого, что с ним великое быть?»
— «Мало ли что: плутуют, ищут с закладами денег,
Кра́дут ложки в карман, бойки на всё, хоть повесь».

— «Где ж, отколе ж возьмется судьба, исполинская сила,
Коею сдавленный в прах к небу взнесен человек?»
— «Старые сказки; мы ищем в театре себя и знакомых,
Нашу скорбь и нужду: всё находим мы там».
— «Так; но это спокойней и легче найдете вы дома;
Нужно ль бежать от себя только для встречи с собой?
— «Просим прощенья, ирой; тут разница есть
пребольшая:
Счастие слепо всегда, автор всегда справедлив».
— «Стало, ваша натура, скудная, ходит по сцене
Вашей; только большой, только божественной нет?»
— «Автор — хозяин гостиницы, пятый акт угощенье:
Злым как гибель придет — добрые сядут за стол».

1832

ПЕСНЯ

Из французской старины

Хоть мне белый царь сули
Питер и с Москвою,
Да расстаться он вели
С Пашей дорогою, —
Мой ответ:
Царь белый! нет;
Питер твой
Перед тобой;
А мне Питера с Москвой
Сердце в Паше
Краше.

1832

ЭПИГРАММА

Охота спорить белый свет
Подчас до глупости доводит.
Вчера к приятелю вхожу я в кабинет;
Спор слышу у гостей: всяк из себя выходит;
Шум, слово за словом, ответу вслед ответ;
Хозяин, умный, сам с другими колобродит.

Что ж важный спора их предмет?
«С какого языка усердный де Шаплет
Нам Вальтер-Скотта переводит,
И серый Тасс, в котором смысла нет,
На много ль желтого, однако ж, превосходит?»

1833

КАВКАЗСКИЕ ГОРЫ

Сонет

Громада тяжкая высоких гор, покрытых
Мхом, лесом, снегом, льдом и дикой наготой;
Уродливая складь бесплодных ка́мней, смытых
Водою мутною, с вершин их пролитой;

Ряд безобразных стен, изломанных, изрытых,
Необитаемых, ужасных пустотой,
Где слышен изредка лишь крик орлов несытых,
Клюющих па́деру оравою густой;

Цепь пресловутая всепетого Кавказа,
Непроходимая, безлюдная страна,
Притон разбойников, поэзии зараза!

Без пользы, без красы, с каких ты пор славна?
Творенье божье ты иль чертова проказа?
Скажи, проклятая, зачем ты создана?

Конец 1834

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Какой-то англичанин жил
В Неаполе. В словах или на деле,
Кого и чем он оскорбил,
Не мог разведать я доселе.
Но, возвращаясь вечерком,
Чуть повернул он в переулок темный,
Встречается ему резак наемный,
С которым он отчасти был знаком,

Не так, как с резаком,
А как с рассыльщиком. Вчастую тот, бывало,
По городу справлял его нужды́,
И денег за труды
В год перебрал с него немало.
Британец, во́ззревшись в бродячего слугу,
Не ждал отнюдь опасной встречи,
Как тот ему: «Милорд! моей послушай речи,
Да сам, смотри же, ни гу-гу:
Не то — вот нож. Ты мне заказан:
Тебя зарезать я обязан, —
И хоть теперь могу.
Да вот в чем затрудненье!
Во-первых, мы друзья;
Тобою не обижен я,
И даже помню одолженье,
Как ты в конце зимы
Поверил мне два скудия взаймы:
Заели нас тогда кормы,
И мне не миновать иль пётли иль тюрьмы.
Но это прошлое! А ныне воскресенье:
Мне патер Вольпи запретил,
Чтоб души я по праздникам губил.
А деньги уж взяты́! Так слушай предложенье.
С другим оно меня ввело бы в опасенье;
Иной, пожалуй, нож прибрав к своим рукам,
Пырнет, злодей; но ты душой кривить не станешь
И, давши слово, не обманешь.
Не откажи: чем вздорить нам,
Зарежься сам!
А нож какой! Взгляни: я наточил, как бритву.
Прочти-ка наскоро молитву,
Да с богом». — «Можно ли!» — «Я знаю, грех велик;
Но ты ведь еретик:
Ни в папу ты не веруешь, ни в бога,
Так всё же в ад тебе дорога.
Решайся». — «Не хочу». — «Не хочешь. А, милорд!
Я думал, ты, как англичанин, горд,
И не откажешь хоть из чести.
Что ж о себе вы распустили вести,
Как будто, вас чуть разберет тоска,
Вы духом режетесь, и не дрогнёт рука?

Ан струсил ты!» — «Неправда, я не трушу..
Коли судьба меня под нож твой привела,
Быть так, но сам себе не сотворю я зла.
Режь ты». — «Бессовестный! губить живую душу
Мне патер в праздник не велел».
— «Так отпусти». — «Признаться, не хотел,
А, видно, богу так угодно.
Прощай же, до другого дня;
Но ты теперь замечен у меня:
Ты поступил неблагородно,
И попадись еще мне раз,
Припомню всё — и просьбу и отказ!»

1835

ТОПОР

Хозяин пóзвал батрака
И говорит ему: «Поленница у бани
К исходу вся; возьми же, брат Лука,
Без пóдрезов большие сани,
И запряги в них сивку да гнедка.
В лес поезжай, дров привези-ко новых;
Да сплошь валить по роще не моги:
Осиновых или сосновых
Не надо даром мне; их сколько ни сожги,
Всё жару нет; руби на выбор чистых
Березовых, но не болотных мшистых,
А соковых, чтоб кожа их была,
Что называется, как лайка,
Тонка, гладка, бела:
Сам знаешь; с богом же, ступай-ка.
Ну! что стоишь? пора».
— «Хозяин батюшка, пожалуй топора».
— «Какого?
На что?» — «Дрова рубить». — «Не затевай пустого,
Всех у меня их два; один слывет: топор,
А гож колоть лучину;
Так стар и худ, что, молвить не в укор,
Иного косаря не стоит вполовину.
Мне ведь не жаль; возьми его,
Но им не срубишь ничего».

— «Пожалуй нового». — «Тебе бы и в охоту,
Да лих, я не затем купил
И рубль целковый заплатил,
Чтоб вдруг пустить в тяжелую работу:
Хорошее и надобно беречь».
— «Но чем я? . .» — «Сказано тебе: пустая речь.
Мне слушать надоело,
Распоряжать — хозяиново дело;
Ты знай свое: язык на привязи держи,
И как велят, так и служи».
— «Служить — моя, вестимо, доля,
И рад я и готов;
Но — вся твоя, хозяин, воля —
Без топора не рубят дров».

Пусть так; но что ж из этих вышло слов?
Чем дело кончилось? К несчастью,
Чем все кончаются дела,
Где правда борется со властью:
За гривну (у него одна лишь и была),
Бедняк Лука у бедняка соседа
Взял напрокат топор, поехал в лес, рубил
И, не щадя последних сил,
Без завтрака и без обеда,
Привез уж в сумерки дров добрую сажень.
Хозяин побранил за лень:
Дрова не так ровны, а лошади весь день
Не ели, оттого что либо пьян он, либо
С природы глуп, как пень.
На первый раз прощается покуда;
Но если-де вперед. . .
Тогда пойдет другой черед
И не прожить ему без худа.

1835

ГНЕЗДО ГОЛУБКИ

Вождь Амру́, десница халифа Омара,
Вихрем набег на блаженную землю Египта;
Новое благо он нес ей — новую веру
В бога единого и в Магомета-пророка.
Грозно учил победитель упорных гяуров,

Правды света не зрящих в Коране довечном.
Много их было: путь не тысячьми — тмами
Жертв устилал правоверный вождь аравийский.
Грады и веси пылали; по долгой осаде
Пала одна из столиц — поход на другую.
Скрылся Нил под судами с припасом войнским;
Строи конных и пеших, шатры уже с поля
Сняв, сложили на мсков; остался единый,
Пышный: как храм — снаружи, снутри же — как небо.
Сто невольников черных безмолвно, недвижно
Ждут, чтобы вышел и знак им подал владыка:
Вмиг муравьи рабочие снимут, и с ношей
Вслед побегут, от коня не отстанут, чтоб вмиг же,
Где пожелает почить, раскинуть от зноя.
Вот уже солнце взошло, и, кончив молитву,
Вышел Амру́ со своим ичогланом любимым,
Ласково отдал эмирам привет и промолвил:
«Чада пророка, веры правой светила!
Если б глас я имел, как петел бессмертный,
Звонким пением слышный до неба седьмого,
Со́брал бы рать и всем сказал мусульманам,
Что чрез избранных вас и другим возвещаю.
Путь наш отселе к морю, на град нечестивый.
Древле его построил Скандер великий,
Греческий царь; потом овладели квириты.
Купля богатая в нем и злату нет счета;
Книг же богопротивных столько, что дважды
Сами неверные жгли их: огня недостало.
Там, как в аде, гнездились все ложные веры:
Служба еги́птян скотам, и солнцу — проклятых
Персов-кровосмесителей, эллин и Рима
Блудные басни, сирский смрад и евреи.
Грех истребим живописных, как грех изваянных.
Груду нелепых письмен сожжем пред Кораном:
Сходное с ним — бесполезно, несходное — вредно.
Вечная слава нам — внуков избавить заразы.
Град же злочестный, в пример другим, да погибнет!
Стены и зданья сгладим с песчаным поморьем,
Жителям — смерть. Доныне щадил я неверных,
Брал в неволю мужей и дев их — в гаремы,
Малых детей просвещал ученьем Ислама;

Но отвергли мой дар слепцы Скандерона:
Казнь им, и женам, и старцам, сосущим младенцам.
Так я поклялся, эмиры, и войску велите
Также поклясться — богом, великим пророком.
Всё я сказал, идите. А вы, эфиопы,
Псы! сбирайте шатер и коней подавайте».

Бросились все к давно желанной работе.
Но чуть верхний намет слегка колыхнулся,
С самого входа, сквозь кисти шелкóвых подборов
Пóрхнула с шумом голубка и вдаль не помчалась:
Всё над шатром носили сизые крылья
Робкую птицу, вьющуюсь быстро кругами.

«Стой! — вскричал повелитель; все руки опали. —
Лестницей станьте пред входом один на другого».
Раб ближайший припал, руками над первым
Подняли двух, и трех, и четвертого. «Будет, —
Молвил Амрý, — Селим, ичоглан мой прекрасный,
Сядь на псов и взгляни: не гнездо ли голубка
Там под навесом свилá? Увидишь — и скажешь».

Отрок с разбега пяти эфиопам на плечи
Прыгнул и сел. Поник к земле и шатнулся
Столп их живой, но трепетных вмиг под собою
Справил черных коней смеющийся всадник:
Горе им, если б сронили любимца владыки!

«Чудо! — вскричал он, — и гнéздо, и пташки живые.
Только сегодня пробились малютки из я́иц;
Голодны бедные, писком просят подачи.
Жаль их, владыко! Как бы гнезда не разрушить?»

— «Милый Селим, — ответил Амрý, — мне довольно
Было бы просьб твоих; ты знаешь, отказа
Нет никогда им; но, кроме их, матери-птицы
Рушить гнезда не хочу: в нем — счастья примета.
Голуби ж более всех пернатых любезны
Нам, человекам: мало, что зá море вести
Носят друзей — гонцы воздушные наши;
Ангел божий сам беседу с пророком
Вел чрез голубку. Для верных — птица святая.

Грех не дать птенцов ей выкормить к жизни;
Жизнь есть божий дар: в нем люди не властны.
Бог им судил под моим родиться наметом, —
Пусть же в нем возрастут и бога прославят.
Вместе прославим и мы, и здесь, где раскинут
Ратный шатер, построим мечеть для молитвы.
Слушать, рабы! Доколь возвращуся, не двигать
С места шатра; блюдите денно и нощно
Целость его, а пуще — гнездо голубицы.
Хищных птиц и гяуров гоните стрела́ми.
Живы чтоб были птенцы и безвредны; иначе
Убыль пера с виновных взыщу головою.
Едем, Селим!.. Но конь твой из белого черный
Стал от брызгов: тину рыл он копытом;
Конюх, не счистив, тебе и подвел; не боится
Рук твоих, пес: ты слишком с презренными кроток».

Молвил, поехал; Селим же остался. Повинный
Конюх устами прилип к ноге ичоглана,
Чаял прощенья. Но отрок замыслил другое.
Дважды кружил дуговидною саблей дамасской
Острой, на ловкий удар намахивал руку;
В третий, привстав над седлом и наметив на шею,
Срезал с плеч: двенадцатилетняя сила!
Тело само́ упало, голову сбросил
Спешно всадник ногой, чтоб нежную обувь
Кровь не сквернила; взглянул на труп, улыбнулся,
Крикнул коню, и помчался вдогоню владыки.

1835

СОНЕТ

Кто принял в грудь свою язвительные стрелы
Неблагодарности, измены, клеветы,
Но не утратил сам врожденной чистоты
И образы богов сквозь пламя вынес целы;

Кто те́рновым путем идя в труде, как пчелы,
Сбирает воск и мед, где встретятся цветы, —
Тому лишь шаг — и он достигнул высоты,
Где добродетели положены пределы.

Как лебедь восстает белее из воды,
Как чище золото выходит из горнила,
Так честная душа из опыта беды:

Гоненьем и борьбой в ней только крепнет сила;
Чем гуще мрак кругом, тем ярче блеск звезды,
И чем прискорбней жизнь, тем радостней могила.

1835

ДУРА

Идиллия

В новом селе, что на Унже, у старосты Пимена в доме
Девка-племянница, все зовут ее дурой Ненилой.
В детстве она в сенокос брала в леску за остожьем
Ягоды: много их, алых, растет у пней обгорелых.
Рядом был посеян овес в огнище. Медведи
Лакомы летом к овсу, пока в нем молочные зерна;
Ходят на сев, хоть часто их ловят и бьют на приманку.
Взял повадку один, залег в борозде — и не видно.
Ре́звясь беспечно, дитя бежало прямо на зверя:
Пять бы сажен еще — и попалась в острые когти.
К счастью, шоро́хнулся он и привстал; на крик ее страшный
Вмиг сбежались косцы — и струсил ворог косматый:
В речку, вплавь, и в дебрь. Лежала без памяти девка;
Подняли, смотрят: жива и здорова, но ум помутился.
Дура с тех пор; услышит имя «медведь» — и припадки.
Может, прошло бы, но глупый народ не лечит, а дразнит.
Жаль! прекрасная девка была бы: высокая ростом,
Статная, благообразная, взгляд лишь несколько смутен,
Складно всё, что скажет голосом стройным и тихим,
Только, буде не спросят, редко слово промолвит.
В поле боится ходить, но дома всегда за работой:
Пряжу прядет, детей качает и водит у брата,
Дети любят ее и тетей зовут, а не дурой;
Дети одни. Другим ответа на грубое слово
Нет никогда: привыкла — молчит и терпит. Отрада —
Божия церковь у ней и теплая сердца молитва.

В лучшие годы — ни краски в лице, ни улыбки; худеет,
Чахнет, гаснет: словно в дому опустелом лампада,
Теплясь последней каплей масла в темѝ пред иконой.
Долго ей не томиться: мѝлует скорбных Спаситель.

1835

* * *

Фантазия, златое сновиденье,
Услада чувств, рассудка обольщенье,
Цвет, радуга, блеск, роскошь бытия,
Легка, как пух, светла, как ток ручья,

И Диево любимое рожденье.
Но вот лежит тяжелое творенье,
Без рифм и стоп, нескладных строк сплетенье
И названа в стихах галиматья:
Фантазия.

С чего барон, нам издающий чтенье,
Хвалил ее? что тут? своя семья?
Злой умысел? насмешка? заблужденье?
Вопрос мудрен, а просто разрешенье:
У всякого барона есть своя
Фантазия.

1836

САФО

Кантата

Лезвийскую деву еще в пеленáх
Лелеяли музы, качали в руках:
И, сидя вокруг колыбели,
Ей песни кастальские пели.

И с ними играя, и вторя шутя,
Чудесные звуки рождало дитя:
Разят они душу, как стрелы,
И сладки, как стон Филомелы.

Доколь расцветала ей жизни весна,
Им жрицей усердной служила она;
Но знойное лето настало,
И сердце любви пожелало.

Сдалася в неволю пленительных уз
Богине сильнейшей питомица муз;
Иного не знает кумира,
Им дышит и сердце и лира.

ГИМН САФЫ АФРОДИТЕ

Златопрестольница, о Афродита бессмертная,
Козни плетущая, хитрое Диево чадо,
Нет, не смиряй их, владычица, душу снедающих
Ско́рбей моих.

Нет; но сама ты приди, как и прежде, подвигнута
Гласом призывным моим, приходила, спасая,
С горней расставшись обителью, с отчим
надоблачным
Домом златым.

Правила ты колесницей; везли ее ле́пые
Быстрые врабии, воздух густыми крылами
Вья, между черной земли и эфира высокого
Самой средой.

Легким полетом неслись они; ты же, блаженная,
Ласково мне улыбаяся ликом бессмертным,
Чем я скорблю — вопрошала и для чего в горести
С неба зову,

Что́ есть желанье мое, и чего, исступленная,
В помощь ищу для души, и о чем умоляю,
В се́тях любви истоми́вшаясь: «Кто же обидел так,
Са́фо, тебя?

Если теперь убегает он, вскоре погонится;
Если даров не приемлет, сам при́дет с дарами;
Если не любит — полюбит, и вскоре, и даже хоть
Хочет, хоть нет».

Ныне приди же ко мне, и печали тяжелое
Бремя сними, и души вожделения впóлне
Всё соверши, и сама, о богиня, поборницей
Буди по мне.

О, как любовью жизнь красна,
Светла, игрива и полна!
Летит и распевает птицей,
Цветет, как Гесперидский сад,
Сверкает огненной зарницей,
Кипит, как горный водопад.
Скорбей и страхов привиденья
От ней бегут далеко прочь;
И день — начало наслажденья,
И верх отрад — немая ночь.
Чтó против них все царства мира,
Богатство Креза, слава Кира?
Одной любовью жизнь красна,
Светла, игрива и полна.

Лучом последних стрел сверкая пред закатом,
Гиперион коней спускает в лоно вод;
От грив их волн сребро струится ярким златом;
Чуть брезжет рог луны сквозь бледный неба свод;
Чуть веет ветр, цветов ухáя ароматом;
Чуть слышен издали́ бесшумной ночи ход.

Здесь влагой тяжкую рыбарь на ветвях ивы
Развешивает сеть, и каплет с ней вода;
Там пахарь на волах усталых едет с нивы
На краткий отдых свой от долгого труда;
Всё меркнет в тишине: и холмы и заливы,
Всё молкнет в сумраке: и птицы и стада.

Но Сафы дом шумит от пира:
Толпы́ усердные рабов
Разносят брашна вкруг столов;
Звенит кимвал, играет лира.
Две плясей в венках из роз
Бьют в землю мерными стопами;
Сок благовонный кипрских лоз

Из чаши сребряной ковшами
В златые кубки девы льют;
И, ликом краше Ганимеда,
Два отрока — сладчайший меда
Гостям напиток подают.

ПЕСНЬ ПИРШЕСТВА

Корифей

Гости! увейте
Чаши свои;
Весело пейте
Жизни струи.
Миг скоротечной
Неги пиров
Радости вечной
Равен богов.

Хор

Гости! увейте
Чаши свои;
Весело пейте
Жизни струи.

Корифей

Смертных веселье
Делят они:
Тра́пез похмелье
В красные дни;
Хроновы крылья
Спутав на час,
Рог изобилья
Сыплют на вас.

Хор

Миг скоротечной
Неги пиров
Радости вечной
Равен богов.

Корифей

Кравчего в виде
Эрмий младой

Подал Киприде
Кубок златой;
Только вкусила
Гроздиев дар,
Вдвое в нем сила,
Сладость и жар.

Хор

Гости! увейте
Чаши свои,
Весело пейте
Жизни струи.

Корифей

Фив не стыдится
Вакховых уз;
Вакх веселится
Песнию муз.
Сын Афродиты
С ними поет;
Вас он, хариты,
В пляску зовет.

Хор

Миг скоротечной
Неги пиров
Радости вечной
Равен богов.

Корифей

Силой чудесной
Кроясь от глаз,
Лик их небесный
Здесь среди вас.
В честь их увейте
Чаши свои;
В сонме их пейте
Жизни струи.

Хор

Гости! увейте
Чаши свои;

Весело пейте.
Жизни струи.

Созвездия ночи меж тем половину
Свершили небесных путей,
Из кубка прощального Маии сыну
Течет возливанье гостей.

Фаон остается по воле всевластной
Киприды, виновницы зла;
К счастливцу из юнош любовию страстной
Богиня грудь Сафы зажгла.

Влюбленная тает в огне Афродиты,
Как в солнечных соты лучах:
И зыблются перси, и пыхнут ланиты,
И томное пламя в очах.

Взялася за лиру, но жалобным стоном
Ответствуют струны перстам.
Запела, но голос дрожит пред Фаоном
И слабо несется к устам.

Но вскоре немеют и голос и струны,
И клонится к персям глава,
И жжет ее пламя, как Зевса перуны,
И блекнет она, как трава.

ПЕСНЬ САФЫ ФАОНУ

Как он блажен, равен богам,
Тот, кто сидит против тебя,
Слышит вблизи звуки речей,
Видит улыбку!

О, что тогда, боги, со мной!
Сердце в груди рвется насквозь;
Только взгляну, липнет язык,
Голос окован.

Тонкое вдруг пламя внутри
Тело, кругом бегая, жжет;
Слух же и взор — тьма лишь в очах,
Шум только в ухе.

Выступит пот хладный в лице,
Трепет меня всю проберет;
Блекну, как злак; близится смерть,
Дух замирает.

Певица ожила в объятиях Фаоиа
И счастие вкусила с ним;
Но жизни, ни любви нет вечного закона:
Эрот, как Орк, неумолим.

Двукраты не успел скруглиться рог Селены,
Любовь Фаонова прошла;
И, невозвратныя став жертвою измены,
На помощь Са́фо смерть звала.

Бесплодны слезы, гнев, упреки и моленья,
Оглох неверный ко всему;
И — горший вред! — нет сил для мести
иль презренья
В душе, предавшейся ему.

О нимфы чистые целебных струй кастальских.
Вы ль уврачуете сей жар?
О старицы, ключ тайн постигшие фессальских,
Вы ль яд смирите силой чар?

Увы! против любви волше́бства — труд напрасный
И песни — тщетные слова;
Но способ есть еще, надежный, хоть опасный,
И так гласит о нем молва.

На краю Эпира белый
В море выдался утес,
Страж отводный, бдитель смелый
Между бездны и небес.
Редко свод над ним лазурный
Слит безоблачным стеклом,

Влюбленная таетъ въ очахъ Афродиты

Какъ въ солнечныхъ спелыхъ лучахъ;

И зыблются перси и пышутъ ланиты

И томное пламя въ очахъ.

*

Взялася за лиру; ко жалобнымъ стонамъ [illegible]

~~Отвѣтствуютъ струны протяжно.~~

[illegible]

Запѣла; ко голосу дрожитъ предъ Фаономъ [illegible].

И слабо нѣмѣетъ въ устахъ.

[illegible] ×

Пѣснь Сафы Фаону

Какъ онъ блаженъ, равенъ богамъ,

Тотъ кто сидитъ противъ тебя,

Слышитъ вблизи звуки рѣчей,

Видитъ улыбку!

*

О, что тогда, боги, со мной!

Сердце въ груди рвется насквозь;

Только взгляну, никнетъ языкъ,

Голосъ окованъ.

*

Тонкое вдругъ пламя внутри

Тѣло кругомъ бѣгая жжетъ;

× Но вскорѣ измѣняютъ и голосъ и струны,

Исполнились нѣгою слова,

И жжетъ ее пламя сильнѣе Зевесова,

И блѣднетъ она какъ трава. =

Редко понт, умолкнув, бурный
Гладью стелется кругом;
Чаще молний стрелы блещут,
Грудь разя нагой скалы,
И в подножье пеной хлещут
Разъяренные валы.
Здесь, на произвол судьбины
Кто решится пасть стремглав,
Может выплыть из пучины
От болезней сердца здрав;
Здесь любовь, утратив силы,
Побеждается навек;
Но из влажныя могилы
Редкий спасся человек;
Редко помощь упреждает
Неотвратной смерти зло,
И бездушных извергает
Вод несытое жерло.

Туда на жизнь и смерть решается певица;
Ветр легкий мчит корабль по гладкости зыбей,
И пением гребцов усердная станица
Старается развлечь мрак Сафиных скорбей.

ПЕСНЬ ГРЕБЦОВ

Кормчий (Корифей)

Не спи над сонною волною,
Не зарься нá моря стекло,
Греби дружнее всей рукою,
Наляг всей грудью на весло.
Греби и пой, гребец, от скуки,
Тогда и петь, как ветр утих:
От песней не устанут руки,
А сердцу весело от них.

Правая сторона (строфа)

Не запоешь под божьим гневом
В виду зияющих смертей,
Как буря оглушает ревом
И скрып подымется снастей,
И вéтров яростная сила

Изломит щёглу на куски,
И волны — судно без кормила
Помчат на камни и пески.

Левая сторона (антистрофа)

Что, если б не бывало бури,
Стояла вечно тишина,
Играло солнце на лазури,
В темй же — звезды и луна;
И вредной ни скалы, ни мели
Не крыла зыбкая вода,
И в море, словно в колыбели,
Качались леностно суда?

Строфа

Тогда б исчез наш труд тяжелый
И страх неведом стал бы нам,
Тогда бы жил гребец веселый
На зависть радостным богам.

Антистрофа

Тогда бы сердце в нем изныло:
Тому и радость, кто терпел;
Тогда б весло ему постыло,
И даже песней он не пел.

Обе стороны вместе (эпод)

Греби и пой, гребец, от скуки;
Тогда и петь, как ветр утих:
От песней не устанут руки,
А сердцу весело от них.

Корифей

Когда б злодеи Ариона
Имели певчие сердца,
Они бы в бездны Посидона
На смерть не кинули певца.
Его дельфин от потопленья
К Коринфу вынес на хребте:
В бездушных людях сожаленья,
К стыду их, мене, чем в скоте.

Строфа

Я слышал — правда ли? — дельфины
Бывали люди в старину.

Антистрофа

Увы, гребцы! и Вакх в пучины
Их сверг за ненависть к вину.

Строфа

Гребцы и певчие, а воду
Безумным пить хотелось им?

Антистрофа

Так Дий судил людскому роду:
Всяк глуп безумьем хоть одним.

Эпод

Да будет казнь их долей нашей,
Коль презрим Вакховы дары
И пить вино неполной чашей
Дерзнем, как ляжем на пиры.

Корифей

Не алкиона ли нырнула,
Что заструилася вода?
И вот всплыла, и вот вспорхнула,
И с рыбкой мчится до гнезда.
Счастливый знак: пока сей птицы
Подачей кормятся птенцы,
Не смеют ветры из темницы
И безбоязненны пловцы.

Строфа

А вот еще благая встреча:
Ветвь мирта свежая с куста.

Антистрофа

Белеет берег издалеча;
Уж не Левкада ль высота?

Строфа

Ей быть должно́, но путь немалый
Отсель лежит еще туда.

А н т и с т р о ф а

О чем ты тужишь, как усталый?
Хоть двести стадий — не беда.

С т р о ф а

Скажи, хвастун, по верной смете,
В какое время будем там?

А н т и с т р о ф а

Коль труд приложим, на рассвете
Корабль причалим к берегам.

С т р о ф а

Во мраке сон смыкает очи.

А н т и с т р о ф а

Прогоним песнью сон и лень.

С т р о ф а

Тяжка работа целой ночи.

А н т и с т р о ф а

За ней — на отдых целый день.

Э п о д

Не спи над сонною волною,
Не зарься на́ моря стекло;
Греби дружнее всей рукою,
Наляг всей грудью на весло.

У брега стал корабль, по морю быстролетный,
И Сафо поспешает в храм,
И жертвы и мольбы приносит всем богам,
Весь посвящая день обрядам, кои сам
Фив древле учредил, провидец стрелометный.

Вокруг, жалея, сонм несчетный,
Граждан и странников великое число
(Их имя славное отвсюду привлекло)
Волнуется, как понт под ве́тров дуновеньем;
С ее мольбою всех сливается мольба,
Да пощадит ее судьба,

И ада хищного, несытого хищеньем,
Так рано не дарит Эллады украшеньем.
Все ждут со трепетом, чем завтра рок решит,
И ночь священная не всех влечет к покою;
Толпáми на брегу народ бессонный бдит,
И челны собрались на помощь под скалою.

Ночная тень
Еще лежит на западе пленою,
А новый день
Уже восток румянит за горою.
Спешит народ
Со всех концов нестройною толпою;
По лону вод
Вдруг солнца луч простерся полосою;
И вот она,
Под белою одеждою простою,
Идет, равна
С богинями чудесной красотою;
Коса власов
Завязана небрежно над главою.
Все зрят без слов
С боязнию и жалостью немою.
В ее руках
Та лира, вдаль гремящая молвою,
Чей звук в певцах
Ее вознес всей Греции хвалою.
Во цвете лет
На жизнь и смерть вступая в спор с судьбою,
В ней страха нет:
Спокойною и твердою стопою
На верх взошла
И, наклонясь над бездною морскою,
К ней вознесла
Последний глас пред смертью роковою
И так рекла:

Приморье бурного Левкада!
Приветствую тебя; давно
Надежд и дум моих отрада
Твое невидимое дно.
Еще в пределах Митилины

Твой пенный брег, твои пучины
Манили взор в предвещих снах,
И несся в слух, как вызов дальный,
Сей рев глухой и погребальный
В твоих дробящийся волнах.

Ты не разрушило надежды,
Не обмануло долгих дум;
Что слух внимал, что зрели вежды,
В тебе нашла я: мрак и шум.
Смогла ли бы река забвенья
Залить страстей моих кипенья
Струею тихой, как елей?
Ты, грозное, сберися с силой
И, став купелью иль могилой,
Их огнь пылающий залей.

О жизни клад, в пустыне мира —
Одна наперсница скорбей!
Со мной туда, со мною, лира!
Всплыви иль грудь свою разбей.
Нам вместе петь, как прежде пели, —
В лучах ли темных Асфодели,
При свете ль радостного дня;
А вы, о дочери Дориды,
Сих морь жилицы — нереиды!
Примите с благостью меня!

И вдруг всё скопище народа закричало:
«Где ж Сафо? где?
Здесь, на скале, ее не стало;
А там, в воде,
Какой-то шум, там что-то пало.
Ищите, челны, где она;
Погибнуть ей не дайте;
Шестами ройте, погружайте
Их вглубь до дна;
У берега смотрите: в море
Нельзя чтоб вдруг, чтобы так вскоре
Ее волнами унесло.
Вдали чернеет. . . не она ли?
Нет, нет, разбитое весло.

И всё вы тела не сыскали,
А вас несчетное число!
Мы, допустив такое зло,
Не отвратив такой печали,
В глазах всей Греции теперь виновны стали».

Так весь народ гласил, страстей мятежных полн;
Но тщетен крик его: судьбы свершилась воля.
Певице смерть была назначенная доля;
И труп ее навек пропал в пучине волн,
И нимф кастальских дар, подруга песней, лира:
Удел прекрасного таков с начала мира.

1838

ЭПИГРАММЫ ИЗ АНТОЛОГИИ

1

Матерь земля и матерь утроба! благие мне обе:
Вывела в свет одна, в лоно другая взяла.
Кроме вас никого не знаю; отколе я взялся?
Чей я был, и кто? всё вдруг скрылося тьмой.

2

Милый мой собеседник, кувшин долгошейный, простая,
Добрая в свете душа, радость жизни моей,
Вакха и муз, и даже часто Эрота наперсник,
Спорый слуга, вполне я бы доволен тобой,
Но, приятель, зачем, когда я полн, ты, как на́ смех,
Пуст; а пуст я, ты полн: так ли согласно живут?

3

Путник! сядь под сосну для отдыха, слушай, как ветер
Звонкий приятно шумит древа по зыбким верхам;
Тут же и ключ, где любит Пан играть на свирели,
Вскоре мирным сном очи смежит он тебе.

1840

ЭПИГРАММЫ СВОИ

1

Если б смерть не противна была, кто б жизни
не сбросил,
Тяжкого бремени зол? Кто б их понес до конца?
О как часто из тела душа желает на волю!
Сердце рвется вон, с ним согласен и ум;
Но жестокий выбор предложен судьбой человеку:
Жизнь или смерть, а смерть хуже жизни самой.

2

Жил-был недавно в *Поднéбесьи,* сиречь по-русски:
в Китае,
Честный чиновник один; сплошь всё плуты кругом.
Думал он про себя: служу я на славу, начальство
Так же меня наградит, как наградил уж народ.
Глупы умные люди! приехал новый начальник:
Плуты понравились все, каждому гридня иль чин;
Только честный смещен за нрав раздражительный:
слава
Богу, что так далеко мы от Китая живем.

1840

* * *

Вы здесь играли так прекрасно,
Что про себя всё думал я:
Зачем нелегкая напрасно
Несет их в чуждые края?
Чего искать у иноземцев?
Как ни премудры их дела,
Как мы ни почитаем немцев,
Всё слаще русских похвала.
Я был неправ: вы там учились,
Вы с пользой время провели
И с честной славой возвратились
В предел отеческой земли.

Побудьте с нами, мастерицы!
Я не собрался до сих пор
Взглянуть на новый блеск столицы,
Затем что денег нет на сбор;
Но и в России прехолодной
Мороз и вьюга не всегда,
И платят жатвою бесплодной
Поля за труд не все года;
Живет и ведро и ненастье,
Снег тает — зеленеет луг,
И колесо слепое счастья
Вверх дном повертывает вдруг.
Авось я в Петербург приеду,
А там, как долг велит уж мне,
Не только земляку, соседу,
Об вас спрошу я: «Где оне?»
И мне ответят: «Не ищите;
С отцом уехали в Берлин!»
А уж конец тогда один:
Я рассержусь; любовь к искусству
Досадой в сердце задушу
И, вопреки уму и чувству,
На вас сатиру напишу.

30 июня 1848

ПОЭМЫ

КНЯЖНА МИЛУША

Сказка

Князю
ПАВЛУ БОРИСОВИЧУ ГОЛИЦЫНУ

Сочинение веселое посвящаю тебе, любезнейший друг, но с горестным чувством, которое без сомнения делишь и ты, зная, что я предпринял и готовил с любовию труд сей в подарок незабвенному нашему князю Николаю Сергеевичу.

Часть первой песни написана в его деревне. Я тогда мучился опасной болезнью; он, по виду здоровый, за мною ухаживал; и вдруг, нечаянно, невероятно, я, полумертвый, ожил, и не стало его.

Велика в нем утрата моя; ты один можешь вполне ее постигнуть; тебе равно известны были и достоинства покойного, и привязанность его ко мне, неизменная даже на смертном одре. Ты, закрывший ему глаза, видел его незадолго перед тем утешенного воспоминанием дружбы в тех немногих стихах, где я сетовал о его немощи и о нашей разлуке; от тебя и я о том узнал, почти вместе с известием его тихой, сну подобной кончины.

Она передала тебе его права на приношение, ему назначенное. Прими же его как бы сам он принял, вспомни нашу прежнюю приязнь полковую, и заменим друг другу хоть часть того, что строгая судьба у обоих нас отняла.

Павел Катенин

26 октября 1833

ЧИТАТЕЛЮ

Вместо предисловия

Почтеннейший! Хотя б всего один
Нашелся ты в России просвещенной,
Каких ищу: во-первых, дворянин,
И столбовой, служивый и военный,
Душой дитя с начитанным умом,
И русский всем, отцом и молодцом,
Коли прочтя в досужный час, «Милушу»
Полюбишь ты, я критики не струшу.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1

Любезные боярышни-девицы,
Красавицы, прилука молодцов,
Угодно ли послушать вам цевницы,
Неслыханной давно в кругу певцов?
В лесах густых предавшись вдохновенью,
К старинному прислушиваясь пенью,
Она для вас училася с трудом,
Чтоб вам хвалу не на́звали стыдом.

2

Вам, красные! и помните, как слово
Мы поведем о русской старине,
Что древнее опять выходит ново,
И женщины живут всегда одне;
Что если песнь, честя княжну Милушу,
Гостям в ушко закрадется и в душу,
Найдет свою голубку всяк соко́л,
И скромность вас глядеть заставит в пол.

3

А вы, давно отрезавшие косу,
Чье бархатом прикрыто серебро,
Вы, матушки и тетушки! без спросу

Хоть вашего я взялся за перо,
Но в умные допущенный беседы,
С вас лик писал спасительной Проведы,
За что и жду к ней милости от вас,
А подражать ей воля в добрый час.

4

Владимир-князь, — с него у всех начало, —
Быв некрестем — сто жен держал в дому,
И родилось детей от них не мало;
Но тягости в том не было ему.
По счастью ли, илѝ по божьей воле,
Все сыновья львы вышли в бранном поле,
А дочери все красотой лица
Гремели вдаль, вселенной до конца.

5

Со всех сторон кипело женихами;
И мудрый князь, чтоб не нажить врага,
Раз навсегда сказал: «Решайте сами
Своим судом; кому не дорога
Жизнь вольная, кто дышит духом ратным,
Невесту в дар добудь мечом булатным,
И с тем она, в какой случится край,
Охотою иль нет, а поезжай».

6

Так очередь пришла княжны Милуши.
Пятнадцать лет ей стукнет по зиме;
Но всем давно молва трубила в уши,
Что в красоте, и в нраве, и в уме
Ей равной нет, и счастлив, кто ценою
Хоть сотни ран возьмет ее женою,
И замуж ей пора, и под венец
Велел уже готовиться отец.

7

Ах! девушке приказ такой и радость
И вместе скорбь, особенно когда
Любовных дум приманчивую сладость
Она таит от страха и стыда,
Надеется, но и боится вдвое,
И мыслит то, а говорит другое,
И долг ее — с покорностью рабы
Безмолвно ждать решения судьбы.

8

Милушин друг, жених ее желанный,
Не сильный царь и не великий князь,
Но отрок был Владимиров избранный.
С отцом его велась у князя связь.
Друзья взросли и свыклись с колыбели,
Одну хлеб-соль с одной же плошки ели,
Одним ковшом мед пили и вино,
И смех и плач делили заодно.

9

Когда ж Ингварь пал мертвый на сраженьи,
Владимира спасая от стрелы,
Князь не забыл о должном награжденьи,
И, сверх других честей и похвалы,
В дом сироту взял — сына молодого:
Поил, кормил, лелеял как родного,
И, юношу изведав на войне,
Говаривал: «Ты зятем будешь мне».

10

А юноша Всеслав пример дружины,
На всё горазд, отличен силой рук;
Конь у него дрожит, как лист осины,
В кольцо тугой он стягивает лук,
И лют в бою как зверь, и быстр как птица;
И прозван был затем: Всеслав Голица,

Что медною он с левой бил руки
И шлемы в лом и головы в куски.

11

Теперь ему, бойцу, простор довольный,
Что женихи от всех земных племен
Наехали; им тесен Киев стольный,
И многие в шатрах стоят у стен.
Царей одних четыре: царь немецкий,
Да свейский царь, персидский, да турецкий;
А тех князей и тех больших господ
Такая тьма, что не сочту их в год.

12

В свою чреду настал и день решенья.
На площади широкой у дворца
Назначено быть поприщу сраженья,
Так, чтобы князь всё видеть мог с крыльца.
Вкруг по чинам расселися бояре,
И барыни, которые постаре;
А барышни, и самая княжна,
Все в тереме толпятся у окна.

13

Вот здесь бы мне блеснуть в стихах иа славу
И, про себя шепнув: «И я певец»,
Живописать убийство и забаву,
И пышность игр и жалкий их конец.
Бойцы, кони, мечи, щиты, кольчуги,
Готовы все поэту на услуги;
Воспел бы их в избытке юных сил,
Но стареюсь и драки разлюбил.

14

Довольно вам, что русский молодчина
Чужой народ весь перебил дотла;
Самих царей, без уваженья чина:

Немецкого сшиб навзничь из седла,
У свейского плечо отсек с размаху,
Персидского конем примял ко праху,
А турскому так раскроил чело,
Что и срастись оно уж не могло.

15

Кого во гроб несут, кого в больницу:
Работы клад священникам, врачам;
А между тем богатыря Голицу
Торжественно ведут к крыльцу, где сам
Великий князь с высокого престола
Смотрел и ждал судьбины произвола,
Желанием горя скорей обнять
И угостить того, кто будет зять.

16

Коли отцу вошло веселье в душу,
Что победил приемыш молодой,
Представьте же влюбленную Милушу.
Ее с трудом отпрыскали водой;
Насилу вниз по отчему веленью
Свели, ступень считая за ступенью;
На радостях, боялись, как бы вдруг
Не обмерла в объятиях подруг.

17

Но, палицей опершися железной,
В пыли, в поту, в крови, стоял Всеслав;
Взор, искрами летая на любезной,
Как бы алкал над ней добытых прав.
А князь отец, цветущий сединою,
С поднятьем рук, со вскрытой головою,
Уже обмен окончив их перстней,
Благословить готовился детей.

18

Вдруг слышан шум; слетает колесница,
Как водится, с высоких облаков;
По воздуху крылатая станица
Везет ее — шесть быстрых коршунóв,
И с ней сама волшебница Проведа,
Кому сестра покойная Любеда,
Милуши мать, пред смертию своей
Передала права свои над ней.

19

Племянница в занятьях чародейных
Забытою бывала иногда;
Но тетку бы спросить в делах семейных,
По-моему, и князю не беда;
Беда же в том, что князь затеял дело
Без памяти или чрез меру смело,
И оробел, предчувствуя укор,
Как гостья вдруг незваная на двор.

20

В лице ее написана досада;
И сколько князь, улаживая мир,
Ни уверял, что ей беседа рада
И без нее не весел будет пир,
Она, в груди питая оскорбленье,
Отвергла всё: и зов и угощенье
И, ни на шаг не согласясь ступить,
Усталых птиц просила накормить.

21

Снесли им вмиг на тройку по барану;
А между тем Милуша и Всеслав
К ней подошли; но сообразно сану
Князь сел опять, для встречи лишь привстав.

Проведа же с летучей колесницы,
Покуда корм ее клевали птицы,
Сердитый взгляд на всех взвела сперва,
Потом сии промолвила слова:

22

«Я вижу, мой приезд тебе не в пору,
Владимир-князь! под шум своих бойцов
Ты припастись со мною к разговору
Не мог никак и не находишь слов:
Так слушай же, хозяин буйной тризны!
И устыдись правдивой укоризны,
Коли в тебе хоть на́ волос стыда,
Что ты дитя, седая борода!

23

Где видано, скажи, на белом свете,
Чтоб дочерей так выдавал отец?
С чего в своем ты выдумал совете,
Что тот и муж, кто удалой боец?
Ты, слезную для них готовя долю,
В мир не одну пустил на божью волю.
Но за других не заступалась я;
Чужие те, а эта дочь моя.

24

Моя она, Владимир, и не даром
Досталась мне. Нет, многих жертв ценой
И не одним жестоким мне ударом
Я добыла́ честь матери родной.
Кому же знать, как не тебе, неверный!
О токах слез, о горести безмерной,
Принудивших меня, к отмщенью зла,
Искать сего волшебного жезла?

25

Владею им; послушна мне природа:
Земля, огонь, и воздух, и вода;
Свожу луну с лазоревого свода,
С поднéбесья скликаю птиц стада,
Зверей лесных из логовищ их темных,
И рыб со дна, и змей из нор подземных,
И бурями гнету хребты морей,
И мертвецов спускаю с их цепей.

26

Но что мне в том? Отрады нет душевной.
Весна моя в заботах отцвела,
И девою до осени плачевной,
Не насладясь любви, я дожила.
В одних мечтах ее познала сладость,
Когда мою обманывая младость,
Моим отцом укрыт в године злой,
Ты бедный гость наш был, но дорогой.

27

Ты помнишь ли вечерние беседы,
Где о любви так нежно, так умно,
Темно для всех, но ясно для Проведы,
Ты говорил? Я в пéрстах веретено
Всей силой сжав, вдруг закружу с жужжаньем;
Объятая невольным содроганьем,
Хочу под шум не слышать, — горе мне!
Всё слышу, всё твержу наедине.

28

Забыл ли день, когда в мой терем спальный
Ты смел войти? Как испугалась я!
И предо мной ты, страстный и печальный,
Твердил у ног: «Мой свет! душа моя!»

Склоня лицо мне в слабые колени,
И льстивые за мнимый хлад мой пени
И клятвы век любовью жить моей
Так горячо шептал ты мне, злодей?

29

В семнадцать лет могла ли я не верить,
Подозревать? мне в голову не шло,
Зачем тебе со мною лицемерить;
И что ж? меня незнание спасло.
Я молвила, без лжи, без ухищренья:
«Иди к отцу, проси благословенья;
Он с радостью возьмет тебя в зятья,
А я давно душою вся твоя».

30

Но в чаяньи обманутый успеха,
Обиду мне довел ты до конца.
Отцу была я старости утеха;
В восторге он от нежных просьб льстеца,
Лобзал его, лья слезы: «Все надежды
Свершилися, — твердил он, — с миром вежды
Смежит теперь мне гробовая ночь:
Любимая моя счастлива дочь».

31

Наш древний дом вдруг стал чертог веселий;
Стеклись родня, соседи и друзья;
Тут навезли всех хитростных изделий:
Монист, мастей, и тканей, и шитья;
Тут с винами заморскими, с мехами,
С зверьми, с коньми, со псами, с сокола́ми
От всех земель наехали купцы
И с гуслями царьградские певцы.

32

За пиром пир, что день, то вся неделя:
Гульба, да лов, да пляска, да игра;
А девушки нам пели песни Леля
По вечерам. Счастливая пора!
Жизнь райская! что ты? мгновенье ока.
Пресеклось всё ударом злого рока;
Давно тому, но время никогда
Не может стерть с души его следа.

33

Всё помню, князь! своих обманов повесть
На стыд при всех услышишь здесь хоть раз;
И ежели в тебе оглохла совесть,
Других на ум наставит мой рассказ.
Всеслав, как ты и храбрый и прекрасный,
В любви пример отвергнет твой ужасный,
И в опыте Милуша ближних ей
Узнает, что наш милый — наш злодей.

34

День свадебный настал по смутной ночи;
Сил не было к покою, ни ко сну;
Какой-то жар палил уста и очи,
Какой-то страх будил, едва вздремну.
Отдóхла я уже перед рассветом;
Но ни подруг мне ласковым приветом,
Ни тщаньем их невесту нарядить
Я не могла кручины утолить.

35

«Коса моя, коса! не на вéселье
Ты, русая, сплелася с жемчугóм;
И ты, цветных кораллов ожерелье,
Мне обвилось вкруг шеи не добром.

Примета слез, примета крови; худу
Быть, милые!» — «Быть худу — так быть чуду.
Пойдем к гостям, к отцу, да и к венцу.
Как хороша, и как ей всё к лицу!»

36

Оно сбылось, то чудо, чем шутили.
Я дрогнула, как в гриднице большой,
Где все меня при входе обступили,
Взор одного искал напрасно мой.
Где ж он? спросить не смела, только вскоре
Вопрос у всех разнесся в разговоре;
Пошли искать, и принесли ответ:
«Нет жениха. — Любеды также нет!»

37

Вскричала я, вдруг образумясь: «Вместе
Ушли они; теперь всё вижу я:
Бессовестный, готовил срам невесте,
И заодно была сестра моя.
Сестра! дитя! счастливее Проведы!
Я знала всё: их частые беседы,
И плач и смех, и ссоры и приязнь;
Но мне за стыд казалася боязнь».

38

Сначала мне не верили, и даже
Спор подняли, надеждами маня;
Хоть спор, хоть нет, всё правда будет та же.
Весть верную к концу того же дня
Принес рыбарь; он в Киев для торговли
Возил с утра избыток вешней ловли;
С ним встретились и правили поклон.
«Она грустит о чем-то, весел он».

39

Ты весел был, бесчестный похититель!
А между тем погубленных тобой
Двух дочерей отчаянный родитель
Блуждал как тень по гриднице пустой,
Еще вчера друзьям наезжим тесной,
Теперь... увы! как в бурю лист древесный
От стебля прочь летит и врозь и вдаль,
Так люди все от дома, где печаль.

40

С печалью сей бороться старец хилый
Не долго мог; добр сердцем паче мер,
Прощал он всё, и, стоя над могилой,
Мне, рвущейся, хотел подать пример,
Всем убеждал, молил по смерть: напрасно.
Злодеям я клялась отмстить ужасно;
И чем трудней успех сей мести был,
Тем тверже мысль, тем жарче страсти пыл.

41

Всё об одном мечтая и радея,
Всех слушая, кто мог подать совет,
Узнала я о быте чародея
Могучего: «Пришлец он с давних лет
На рубежах древлян и печенегов,
Природой финн; в большой поход Олегов
Слыл витязем удалым, а теперь
Свет разлюбил, живет в лесу как зверь.

42

Старик к гостям неласков; особливо
Коли смекнет, кто ходит без пути,
Чтоб выспросить да поглядеть на диво;
Ни близко им к нему не подойти.

Он за версту спознает, в ком нет толку,
Да лешему, медведю, либо волку
И молвит: «Встреть»; гость, видя экой страх,
Бежит домой чуть жив и в дураках.

43

Так всех почти приемом он отвадил,
И в десять лет два только смельчака
Дошли к нему; и с теми не поладил.
Не мудрено: живет один, тоска;
Товарища ж он не отыщет вскоре.
Двух пó разу уважил в разговоре;
А вместе жить, тут нужен ум большой,
Чтоб одному не надоел другой».

44

Рассказы те меня пугали мало,
Мудрец самой суровостью манил;
И я пошла, решась во что б ни стало
Узнать, добыть волшебных тайну сил.
Хоть далеко, и трудно, и опасно,
Надежда мне твердила: не напрасно.
Так в пятый день стояла я одна
Перед дверьми землянки колдуна.

45

«Кто там? — снутри раздался старцев голос, —
Зачем в дверях стоишь, дрожа как лист,
И стынет кровь твоя, и дыбом волос?
Кто телом здрав, тверд духом, сердцем чист,
Тот не робей: дохни, и вход свободен;
А кто к добру и к разуму несроден,
Скорей беги, пока нет горше зла».
Я дунула, дверь настежь, и вошла.

46

Луч трепетный лила лампада в келью;
Старик сидел на кипе шерстных кож,
Вдоль у стены укладенных постелью;
На липовом столе был ковш, и нож,
И с медными скобами книга; дале,
В большом углу... я дрогнула вначале...
На пне доспех светился боевой,
С копьем, щитом, как будто кто живой.

47

«Дочь! — молвил мне волшебник, — ты несчастна,
Я знаю; ты желаешь мстить врагам:
Ты права; но юна ты и пристрастна
Еще к земным презренным суетам.
Искатель тайн высокого искусства
Все слабые отвергнуть должен чувства:
Помысли; знай и то, что за труды
И я просить не малой стану мзды».

48

— «Почтенный муж! я на Руси богата, —
Мой был ответ, — от Волги до Днепра
Мой славился отец избытком злата,
Земель, и стад, и всякого добра;
Единой мне он завещал наследство.
На казнь врагам подай Проведе средство
И избирай в ее стяжаньях сам;
Или всего желаешь, всё отдам».

49

— «Нет, де́вица, — сказал он, — жить не дважды;
И если б я так близко от конца
Не мог унять богатств безумной жажды,
Стыдился бы и слыть за мудреца.

В дверь выгляни: там две большие ели,
Где иволга и дрозд так сладко пели,
Как ты вошла; под тенью их густой
Готова мне и яма на покой.

50

Мне дорого одно: душа живая,
Подобный мне словесный человек,
Товарищ, друг, до срока как лихая
Колдунья-смерть косою срежет век.
Увы! двоих я приглашал; за скуку
Им обещал богатый дар: науку;
Но оба мне, судьбу свою узнав,
Откланялись, и розно каждый прав.

51

Ингварь сказал: „Когда я смертью честной
Могу в бою к спасенью друга пасть,
Не нужен мне волшебства дар чудесный,
И лучшую я избираю часть".
„Мне, — молвил Студ, — написано: без дива
Успех за ум, гнись ниже и пожи́ва.
Что ж? не болит с поклонов голова,
И, право, лесть вернее колдовства"».

52

Свершили им загаданное оба:
Ингварь... гордись отцом своим, Всеслав!
Со славою лежит, добыча гроба;
Студ на лицо — хоть стар, но жив и здрав;
Ему тепло под шубой парчево́ю,
Ему легко под гривной золотою,
И на ходу чтоб не споткнуть ноги,
Глядит он в пол и гнется в три дуги.

53

Мне их отказ представился жестоким;
Я сжалилась и вызвалась как дочь
Ходить по смерть за старцем одиноким.
Над книгою учася день и ночь,
В пять лет язык постигла рун волшебных,
И свойства трав зловредных и целебных,
И чары все, познаньем коих он
Природе свой предписывал закон.

54

Предав земле отца второго тело,
Добро его я убрала в свой дом,
И мной давно замышленное дело
Концом свершить предприняла потом.
Пристрастный гнев души моей ревнивой
Велел начать с соперницы счастливой;
И так, ступив на коврик-самолет,
Я к Киеву направила полет.

55

Невидимо проникла в терем; что же
Нашла я в нем! .. Милуша! плачь, мой друг,
О матери: на беспокойном ложе
Простертую держал ее недуг;
Бледна, худа, глаза потухли, впали,
В злом кашле кровь, в лице следы печали.
Кто б в трупе сем, в сем остове костей,
Узнал хоть тень Любеды прежних дней!

56

Гнев с жалостью в груди моей кипели;
Но детский вдруг услышала я крик:
Милуша! ты проснулась в колыбели.
Сей вид, сей вопль до сердца мне проник;

Миг изменил лет многих помышленье;
Весь гнев исчез, осталось сожаленье:
Я ласково приближилась к больной
И назвала соперницу сестрой.

57

Узнав меня, несчастная смутилась,
Приподнялась с горячего одра,
И вновь к нему в бессильи опустилась;
Чуть слышимо сказала мне: «Сестра!
У ног твоих слезами покаянья
Я вымолить прощенье злодеянья
Желала бы; ты видишь, силы нет:
Смерть близится и меркнет белый свет.

58

О! много я, конечно, виновата,
Но много же и казни понесла;
И в двадцать лет мне юной жизни трата
Почти добро избавою от зла;
Насквозь прошло болезней острых жало;
И не вчера скорбей моих начало:
Нет, с первого, как преступилась, дня
Всё счастие исчезло для меня.

59

Бежала я, ребенок безрассудный,
Прельстясь любви приманчивой игрой,
Тщеславяся победой малотрудной,
Одержанной над старшею сестрой,
Резвясь в ладье и тешась жизнью, вольной,
Как свежий ветр, нас несший в Киев стольный;
Но прежде чем и на́ берег сошла,
Опомнилась, и грусть меня вз̇яла.

60

Побег в ином представился мне виде:
Честь дéвицы — добычею стыда,
Старик-отец в тоске, сестра в обиде;
И чем помочь? всё вечная беда!
С отчаянья на жизнь бы покусилась;
Но мысль еще утешная родилась:
Я принесла всё в жертву одному,
За то он мой, замена он всему.

61

Как льстим себе надеждами такими!
Как с нашею разна мужчин любовь!
Мы в них живем, им служим, дышим ими,
Всю ради их пролить готовы кровь;
Они ж из нас творят себе забаву,
Нас погубить, отнять покой и славу,
По их душе, ни хвально, ни грешно,
Ни стыд, ни честь: злодеям всё равно.

62

Владимир ли, в желаньях мер не зная,
Не пощадив ни братниной жены,
Наложниц в дом без счета набирая,
Из Полоцка насилием войны
Похитивший высокую Рогнеду,
Во что-нибудь мог оценить Любеду,
Им без труда прельщенное дитя,
Кого и взял и бросил он шутя?

63

Иную скорбь и вящее мне горе —
Бесплодие послал небесный гнев,
Злосчастья край в невольном сем позоре.
Цвет чистоты — благоуханье дев;

Мать, на руках свой нежный плод качая,
Гордится им; но что трава сухая,
Умет ногам, презренный сор путей,
То женщина без девства и детей.

64

Пять лет в слезах я изливала душу,
И наконец мой плач услышал бог:
Я зачала и родила Милушу;
Но дух ли мой под счастьем изнемог,
Иль что сама дитя свое доила,
Грудь слабую тем вдосталь изнурила,
Зачахла я и, тая день от дня,
Слегла на одр, где ты нашла меня.

65

С него не встать мне: знаю и готова
На смерть; но дочь оставлю на кого?
Как от пелен рости ей без покрова?
В толпе детей утрата одного
Отцу ничто: смягчись над сиротою,
Проведа! будь ей матерью второю,
И, может быть, искупит дочь моя
Перед тобой, в чем провинилась я».

66

Молящую утешив обещаньем,
Старалась я в ней зелиями трав
Жизнь обновить: напрасный труд; страданьем
Разрушенный, изнемогал состав;
Морила скорбь, лютейшая недуга,
Награда ей от нежного супруга.
Последние влача ко гробу дни,
Она слова твердила мне одни:

67

«Любить без мзды всего на свете хуже.
Меня в пример хоть дочери яви;
Не дай врага нажить в неверном муже,
Измучиться и сгибнуть от любви.
Коли она огнем вспылает нежным,
Удвой надзор и опытом прилежным
Узнай: влюблен ли, верен ли жених,
И лишь тогда венчай желанье их».

68

Мы все должны почтить Любеды волю:
Кто матери отвергнет святость прав?
И брака я Милуши не позволю,
Пока любви и верности Всеслав
Не явит так, чтоб быть ее достойным.
Указан путь ему отцом покойным:
Когда Ингварь за дружбу пролил кровь,
Его ли сын чтит менее любовь?

69

Но крови я не требую; довольно,
Чтоб прожил год он с нынешнего дня,
Не погрешив ни вольно, ни невольно
Против любви, ни в чем не изменя.
Он должен жить с невестой врознь, и даже
Не получать вестей об ней; она же,
Сбережена, как глаз, в моем дому,
В условный срок отдастся мной ему.

70

Как сказано, так будет. Князь, конечно,
Позволит мне, племянницу любя,
Пещись о ней, когда он сам беспечно
Спешил ее сбыть в люди от себя.

Садись со мной, родная, в колесницу;
А молодца, победного Голицу,
Мы просим дать решительный ответ:
Согласен — да, а не согласен — нет».

71

На сих словах речь кончила Проведа.
Вы скажете, что речь ее длинна;
Владимиру, который ждал обеда,
Еще длинней казалася она.
Князь морщился, и Студ усердный вместе;
А сколько слез развенчанной невесте!
Что жениху досады! так, но чем
Унять ее прикажете им всем?

72

Не знали, как и отвечать сначала;
Впоследок князь, подумав, молвил так:
«Я дочь сдаю»; дочь бедная молчала
Да плакала; разлаженный свой брак
Кляня, Всеслав твердил, что он как душу
Всегда готов любить свою Милушу;
Из просьб его исполнили одну:
Прощаясь, он поцеловал княжну.

73

Волшебницы вдруг свист раздался; птицы,
Раскинув в лет края широких крыл,
Взвились, крича под ношей колесницы,
И вскоре мрак их в облаке сокрыл.
Всеслав гнался́ за ними как безумный;
А стольник Студ (притом боярин думный)
Вслух доложил, что князя ждет обед;
Князь встал, пошел, и двор за князем вслед.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

1

Доколе жизнь спокойна и счастли́ва
И катится, как светлый ток в лугах,
Чьим нет струям засухи, ни разлива,
А любо течь в отлогих берегах,
Дотоле в ней, хотя б прошло полвека,
Нельзя узнать как должно человека,
Нет случая ему раскрыть души,
И в счастии все люди хороши.

2

Но если дань страданью он заплатит,
Иску́сится в училище скорбей,
С имуществом здоровие утратит,
Оплачет смерть и ближних и друзей,
Иль за добро и за приязнь в замену
Найдет к себе холодность и измену,
Поверка тут: какая в нем цена,
И меж людьми тут разница видна.

3

Тут склонностей различные влеченья
Наводят всех на разные дела,
И всяк себе в том ищет утешенья,
К чему его природа создала:
Муж набожный, в уделе видя строгом
Казнь, за грехи ниспосланную богом,
Крепит плеча под ношею креста
Всей помощью молитвы и поста.

4

Напротив, тот кто пред златым Мамоном
Привык курить корыстный фимиам,
С крыльца к крыльцу волочится с поклоном
И душу рад продать земным богам;

Тут пьяница всё в разливное море
Без памяти сплошь топит стыд и горе;
Скупой корпит; вор кра́дет, а глупец
Последний ум теряет наконец.

5

Я сам не раз, гоним судьбой враждебной,
Бичом ее пробитый до костей,
Спасался в край поэзии волшебной;
Искал толпе неведомых путей
На холм, где муз вдали гремела лира;
Помалу в грудь вливалась сладость мира,
И, как роса от солнечных лучей,
В очах моих слез иссыхал ручей.

6

Но наш Всеслав, боец и воин с детства,
Концом копья вскормленный на коне,
Не мог прибрать к отраде лучше средства,
Как с кем-нибудь подраться на войне.
О, злость людей! Голица добрый малый,
И ласковый не меньше чем удалый;
С ним другом быть не стыдно б никому;
А крови так и хочется ему.

7

Опять беда: добро бы что другое,
Но искони у всех, везде война;
Что ж вздумалось соседям жить в покое?
Давно ль на Русь напала тишина?
Что б завести хоть одному злодею
Обидный спор на собственную шею!
Нет, вдруг нашло смирение на всех,
И все умны, за наш, как видно, грех,

8

Давай просить у князя позволенья:
От Киева путем пуститься в даль,
Где витязей ждут часто приключенья
И может в них размыкаться печаль.
Та речь пришлась Владимиру по нраву;
Он русскую любил отменно славу,
И молодцов охоч был отпускать:
Людей смотреть, да и себя казать.

9

За отпуском сбор начался; но мало
Тогда забот им стоили пути.
Теперь: считай, как денег бы достало;
Прогоны, чай, обед, за всё плати
Втридорога, что не совсем забавно;
А в старину: оружье будь исправно,
Да добрый конь, неутомим в езде,
Ночлег и корм готовые везде.

10

Двух жеребцов держал Всеслав на стойле;
Сам выездил он борзых под верхом,
И холил всем, чем только можно: в пойле
Их лакомил и медом и вином,
И сеном их откармливал душистым,
И дважды в день овсом, как бисер чистым,
И гребнем сам чесал им волны грив;
Звались они: Сив конь да Кологрив.

11

Последнему досталась злая доля
На этот раз; я так ее назвал
Не потому, что труд или неволя:
Без них нельзя; но всадник горевал.
Чуть мысль черна, чуть на сердце досадно,
Уж под седлом работнику накладно:

Что шаг, не так, то остроги́, то плеть;
Но конь на то и создан, чтоб терпеть.

12

День длилося скитание Голицы,
Неделю, две, и месяц, и другой,
Без всяких встреч: нетрудно небылицы
Выдумывать, но не обычай мой;
А правду что рассказывать сухую?
Там-сям пил-ел, тут бабу видел злую,
Здесь разговор двух слышал дураков:
Такой рассказ пустая трата слов.

13

Вот наконец луга, скирдами полны,
Где зелень трав питает тихий Дон,
Лья синие, как свод небесный, волны.
Кругом обзор открыт со всех сторон;
Пыль влажную стряхая в ветр крылами,
Птиц множество реку чертит кругами,
И с криком их гул вторит берегов
Блея́нье стад и топот табунов.

14

Красою мест любуясь в чистом поле,
Всеслав сошел и, сняв узду с коня,
На сытный дерн пустил его по воле;
Сам, утомлен ездой и зноем дня,
У берега заче́рпнул в обе длани
И, освежив палящий жар гортани,
Смыл прах с лица и с рук, и лег потом
На мыс крутой над зыбким вод стеклом.

15

Глядел он в них и, взор вперя прилежный,
Сквозь глубь достать им силился до дна;
Но то струю всколышет ветр мятежный,
То в ней лазурь, как в зеркале, видна.

Что ж дальше там? что ток скрывает гладкий?
И чей оттоль несется голос сладкий,
Как говор струн, когда Боян-певец
Поет любовь, владычицу сердец?

16

Нет, не мечта: всё ближе кверху звуки,
И вот ясней в них слышатся слова,
И белые волной плеснули руки,
И женская всплывает голова;
Еще... еще,.. и шесть красавиц рядом,
Взгляд юноши маня умильным взглядом,
Все по пояс стоят над лоном вод,
И песнь запел их дивный хоровод:

17

«Желанный наш! о солнце наше красно!
Куда тебя нелегкая несла?
Что молодость трудом губить напрасно?
Что тщетный шум, мирская похвала?
Плюнь на нее, забудь войну, Милушу
И навсегда всю кинь земную сушу;
Омой, как мы, росою вечной грудь,
У нас живи и счастлив с нами будь.

18

Иль молодца пугает дно речное?
Не руны рыб бездушных там живут,
А мы; с небес и солнце золотое
И месяц к нам серебряный плывут,
У нас гостят, веселье делят наше.
Но солнышка и месяца ты краше;
Твой лик в воде; взгляни же: как он рад
И ка́к зовет в дом неги и прохлад!

19

Спустись в него: увидишь, что русалки
Одни утех сокровище нашли;

В сравненьи с ним сознаешься, как жалки
Все радости и роскоши земли.
Вы там рабы, здесь будешь царь; мы сами
Тебе, наш свет, хотим служить рабами:
Носить тебя, красавца, на руках
И шелком кос стирать ног белых прах.

20

О юноша! о князь ты наш всевластный!
Досель вполне ты не вкушал любви.
Средь хладных волн неугасимый, страстный
Огонь ее горит у нас в крови.
На ложе нег, восторгами нагретом,
Истай, как воск в час полдня тает летом,
И вновь омой росою вечной грудь,
И нас люби, и с нами счастлив будь».

21

Кто нас умней, опасся бы обмана,
И честь тому; но мы, то есть Всеслав,
Не только в Дон, хоть в бездны океана
На экой зов нырнули бы стремглав;
Чудесность дев, пригожесть их, и пенье,
Любовь к нему, и рабское смиренье,
Желаний всё в нем раздувало пыл,
И... срам сказать... он о княжне забыл.

22

С утеса вниз уж наклонясь, спасибо,
Что вспомнил; всё не ладно: мысль его
Что справило? быть может, совесть... либо
Опасности то чувство, отчего
И храброму подчас бывает страшно,
Как в свалке он, где бьются рукопашно,
Из всех вперед забросится, и вдруг
Штыков пять-шесть грозят ему вокруг.

23

Но так ли сяк, покуда он в раздумьи
Как ивный сук качался над рекой,
То в разуме, то в похотном безумьи,
Русалки, круг стесня помалу свой,
Под самый мыс подплыли и, купаясь
И напоказ вертясь, кружась, плескаясь,
Легли на грудь и протянулись в рост;
Голица глядь: у девок рыбий хвост.

24

Сказать нельзя, какое омерзенье
Вмиг разнесло все страстные пары;
Стыд вспыхнул в нем, досада и презренье;
Он крикнул: «прочь!» и плюнул в них с горы.
Как выстрелом испуганные галки,
Шум, клич и брань тут подняли русалки;
Но робкие попрятались на дне,
И хохот злой он слышал в глубине.

25

Потупившись наш удалец оттоле
Побрел, и так ему огадел Дон,
Что, ни часа́ не оставаясь доле,
Взнуздал коня, сел и поехал он,
Но посмирней: что редко с ним случалось,
Теперь ему хлестнуть грешно казалось;
И, быв дотоль в страху ни мертв ни жив,
Бежал бодрей конь добрый Кологрив.

26

Куда бежал, вы спросите, к Азову?
Там торг большой, заморских тьма гостей,
И всякую чужих краев обнову
Везут туда, товаров и вестей.
Вот свежая: спор о державе ханской

Идет в земле той славной Шамаханской,
Которая, я чай, известна вам,
Красавицы, по дорогим шелкам.

27

У дяди спор с племянницей: покойный
Хан завещал, затем что нет сынов,
Быть дочери царицей; недостойный
Брат между тем, Моргуд-царевич, ков
Припас тайком и, хан чуть взят могилой,
Престол себе тотчас присвоил силой;
Царевна тож вступилась за свое,
И меч решит меж дяди и ее.

28

Хоть у него нет по закону права
И вместо прав достоинств никаких;
Хоть он и трус, и очень злого нрава,
И лютый бич для общников самих;
Хоть нет к нему любви, ни уваженья,
И друг и враг об нем того же мненья,
Однако есть защитники ему,
И многие, бог весть уж почему.

29

Похоже ли на дело, чтоб Голица
Был в том числе? тут хищник в бороде,
Здесь юная законная царица;
Где ж ум его? утоп в донской воде.
Без шуток так: в русалках вся причина;
Но как на всё дурное есть личина,
За верность он считал перед княжной
Идти на всех подобных ей войной.

30

Кавказские заоблачные горы
Проехал он в опасных хлопотах,

Затем что там издревле жили воры,
Теперь у нас их славят сплошь в стихах;
Но романтизм неведом был Всеславу;
Ворам давал расправу он на славу,
И притупил булатный вполы меч,
Тьмы без числа голов срубая с плеч.

31

Пока в горах он прочищал дорогу,
Вперед неслась молва его похвал;
А своему в то ж время чернобогу
Моргуд Мирза молитвы воссылал
И пышный храм создать сулил кумиру,
Коли убьет царевну он Зюльфиру
И в Шамахе упрочит сан царя
Приезжего рукой богатыря.

32

Отправился, едва узнал, что близко,
Встречать его; и тут с коня долой,
И всаднику поклоны клал так низко,
Что пыль сапог смешалась бородой;
А тот, хоть сам всегда гнушался лестью,
Чужой себе не применял к бесчестью
И думал так, что низости льстеца
Не лишние при встрече молодца.

33

С улыбкою он слушал благосклонной
Весь пошлый вздор, чем рыжий лицемер
Ему кадил, Мирза низкопоклонный:
Как русских всех он любит паче мер,
Как ставит всю надежду в нем едином,
Как чтит его отцом и господином,
Как рад ему нижайшим быть слугой
И прочее, а всё спина дугой.

34

Ответ был тот: что время, опыт, дело
Окажут нас, бойца-де хвалит брань;
Решив ее, надеемся мы смело,
Как собственность, как должную нам дань
По праву взять, чем нас дарят покуда.
Тут на коня сесть пригласил Моргуда,
И так они поехали к шатрам,
Вдали, как снег, белевшим по холмам.

35

Как встретило их войско, как кричали
Вдоль по рядам им громкое «ура!»
И как в шатрах шелко́вых пировали
Они потом без мала до утра,
Подробно здесь рассказывать не стану;
Важней того: приказ был отдан стану
На завтра в бой готовиться; Всеслав
Любил в войне поспешность, в чем и прав.

36

Запутанных писать распоряжений
Он не умел, и веры был такой,
Что не от них живет успех сражений,
А начисто решается рукой;
Что если где сил мало иль отваги,
План лучший — лист испорченной бумаги;
Водить полки — наука воевод,
Но в драке сам большой — простой народ.

37

Обширное и ровное удолье
Между́ двух войск: в нем съехались на рать;
Простор и гладь для конницы раздолье:
Помехи нет ни гнаться, ни бежать.
Теперь решат всё пушки и пехота,
А толк ли в них! ученье да работа;

Нет удальства, картины нет для глаз,
А мертвых и увечных в десять раз.

38

То ль дело здесь! во всем пространстве мира
Подобных нет наездников полка.
Забыл сказать вам: ратница Зюльфира,
Ее, на взгляд пуховая, рука
Сгибает лук и саблей искривленной
Кружит легко; сам хан к грозе военной
Привадил дочь; обман любви отца:
Нет сына, будь девица в молодца.

39

На воронка́х, в шелковых платьях алых,
Всей области семейств знатнейших цвет,
Сто юношей и десять дев удалых
Всегда при ней, и все ей равных лет;
Ее наряд отличен пред собором
Лишь головным из яхонтов убором:
Румяней роз, рассыпным искр огнем
Горят они как звезды, только днем.

40

С отрядом сим, с немногими другими
Она пошла направо, где полки
Под ханскими хоругвями большими
Вел сам Моргуд вдоль берега реки.
На левый край Голица несся в поле
Да с ним сот пять охотников, не боле;
А против весь почти царевнин стан
И мудрый вождь, старик Юсуф Салтан.

41

В середке рос кустарник; в нем засели
Все пешие: все стрелы и пращи;
И битва их к такой клонилась цели:

Чтоб вытеснить друг друга из чащи́;
Там всадничьи доколют их дружины;
И па две рать разрезав половины,
Уже с любым управятся крылом
И порознь их задавят всем числом.

42

Стрелки дрались, томясь в усильях спорных;
Но по краям, где на громаду сил
Отважилась горсть ратников отборных,
Успех сперва всю храбрость пристыдил.
Как мчится вихрь, как молнья режет тучи,
Внеслись они, ломя ряды и кучи;
Но много всех, их сто на одного:
Скор был набег, утек скорей того.

43

Зюльфирин полк, как весь народ восточный,
Давно горазд давать в сраженьях тыл;
Но русскому обычай сей порочный
Неведом, чужд, совсем несносен был.
Чуть опрометь коня сдалась удилам,
Всеслав вернул, один всем вражьим силам
Противустал — и в обе ру́ки с плеч
Пошел по всем махать, колоть и сечь.

44

Где меч махнет — там улица, копытом
Где конь лягнет — там площадь; рев и стон
Во всем лугу, лежачими покрытом;
Ручьями кровь бежит со всех сторон;
Конец пришел от русского им гнева.
Но вдруг Всеслав беду услышал слева:
Моргудовы врознь мечутся стрелки,
И алые их топчут ездоки.

45

Их гнали вдоль реки, тут гонят сами!
Но где ж Моргуд? в Зюльфириных шатрах,
И грабит там с беспутными толпами,
Тогда как здесь напал на пеших страх,
Что с тыла враг им заскакал в равнине.
Наш вождь своей собравшейся дружине
Как можно длить велел с Юсуфом спор,
А сам в кусты погнал во весь опор.

46

Отборный полк — противник бы достойный,
И схватки с ним хотелося; но вдруг
По манию царевны стал он в стройный,
Рогам луны подобный полукруг;
И, белый плат вонзив на саблю (мира
Обычный знак), вперед одна Зюльфира
Прямехонько пустилась и, сдержав
Коня вблизи, так молвила: «Всеслав!

47

Я Шамахи законная царица,
Моим добром корыстится Моргуд;
За что ж Руси краса и честь, Голица,
Меж ним и мной творит неправый суд?
Мирза ль умел склонить его обманом?
На мой престол сам сесть ли хочет ханом?
Или, моей невольною виной
Прогневан, казнь свершает надо мной?

48

С младенчества сражения мне милы,
И равному не сдамся я врагу;
Но измерять своей девичьей силы
С богатырем я русским не могу;
А жертвовать всем преданным мне строем,

Пока падешь ты, утомленный боем,
Я не хочу: их и тебя мне жаль;
Всё кончим здесь, не отлагая вдаль.

49

Скажи: коли манит тебя держава,
Мы все твои; но дяде злому ввек
Не уступлю наследственного права,
Доколе враг мне голову не ссек;
Кто ж ссечь ее и силен и достоин?
Никто как ты, великий, страшный воин,
Чьих дел молва гремит во все края.
Режь: вот твой меч, вот голова моя».

50

Режь! как не так! вот подвиг бы похвальный!
Он смолк, с умом сбираясь: что сказать?
Пыль от реки меж тем взвивалась дальной;
Грабителей неслась полпьяных рать.
Хоть слаб числом, строй алых бросясь встречу,
В жестокую схватился с ними сечу;
Но удержать всех невозможный труд,
И сквозь промчал с немногими Моргуд.

51

Врасплох напав, он в две руки секиру
Занес в убой, привстав на стремена:
Никто как бог от смерти спас Зюльфиру.
Как маков стебль качнулась вбок она;
Вскользь лезвие по яхонтам сбежало
И, сослепа круша что ни попало,
У своего коня край уха вкось
Снесло долой и в череп уперлось.

52

Конь сталь в зубах загрыз, взбесясь от боли;
И передом и задом хлещет так,
Что подступить нет способа, ни воли;

То дыбится, то пятится как рак;
То морду вниз уткнет, то хватит тылом
Вплоть до луки; парным потея мылом,
Стряхается, змеею хвост крутит,
Мычит, как вол, и пышит, и храпит.

53

Тут всаднику одно бы уж спасенье:
Куда-нибудь скорей прыгну́ть с седла;
Но не вошло Моргуду в помышленье:
Бог ум затмил, карая за дела.
Небесному служащий правосудью,
Конь со всех ног ушибся об земь грудью
И, в судрогах вертясь на все бока,
Гнетя, сдавил до смерти седока.

54

Пока с трудом, не без угроз Всеслава,
Был челядью хоть подобра́н Мирза,
Полки его приспели же; но справа,
Шумя, на них шла новая гроза:
Салтан Юсуф охотничью дружину,
Чуть вождь их прочь, побил наполовину,
Других прогнал и, с малым справясь там,
Здесь дать отпор спешит большим полкам.

55

Но те, смутясь уж хана их кончиной,
Не выждали, бежали; в этот миг
Голица впрямь явился молодчиной.
Быстрей орла он с криком их настиг:
«Стой! иль, клянусь косой моей Милуши,
Всем беглецам отрежу нос и уши.
Стой, Шамаха!» — все пнями стали вдруг:
Так страх ошиб, так пронял их испуг.

56

В брань наскоро их выстроив, о мире
Завел Всеслав с царевной разговор.
Зла не за что желать ему Зюльфире;
Моргуд же мертв, так главный кончен спор;
И честный долг один бойцу остался,
Чтоб войско то, с которым вместе дрался,
Противникам не выдать головой,
И вот зарок поставили какой:

57

Всем, кто досель шел заодно с Моргудом,
Зюльфиру чтить царицей Шамахи;
А лихом их не поминать, под спудом
Все схоронив прошедшие грехи;
Царевича ж предать земле как хана.
На том: ура! вскричали оба стана;
А витязь наш царевнин принял зов
В ее дворце взять отдых от трудов.

58

Семь верст езды до города; дорогой
Помалу их род дружбы свел; ему
Казалось, здесь к опасливости строгой
Причины нет: царевна по всему
На юношу-красавца походила;
Уловки все не женские в ней: сила,
Прыть на коне, воинственный наряд,
И бойкость слов, и глаз соколий взгляд.

59

Речь как-то их зашла, что быть на ханстве
Одной невмочь, и надобен ей муж.
Большой народ держать в своем подданстве,
Подумал он, не худо; почему ж,
Коли судьба?.. жаль огорчить Милушу;

Но верность я для важных благ нарушу;
Долг обществу на жертву страсть принесть,
Да и Руси тут выгода и честь.

60

До сей поры винить нельзя Голицы:
Что ж за беда? подумал и прошло.
Застигла ночь их у ворот столицы;
Но от огней по улицам светло;
Дворец как жар горит в лучах всецветных;
Народа скоп, гром во́скликов приветных,
Музы́ка, пир, ширасское вино,
Всё весело, и сытно, и красно.

61

Вы ждете тут Всеславовой измены:
Ошиблись; он был целый день в трудах,
Усталые спешил спокоить члены,
Лег — и заснул на шелковых коврах.
Сон смутен был, мелькали грезы тьмами:
То ханские знамена с бунчуками,
То черная, вся в яхонтах коса,
То Киев и Милушина краса.

62

Поутру он в дремоте сладкой слышит
Шум легких ног; над ним тихонько став,
Ему в лицо устами кто-то дышит;
Очнулся, глядь: Зюльфира. — Что ж Всеслав? —
Да то, что все: руками обнял шею
Красавицы, поцеловался с нею. —
И только? — Да, и только. — Что ж она? —
Смеялась и велела встать со сна.

63

«Здоров ли ты?» — спросила. — «Слава богу!»
— «Что грезилось?» — «Ты». — «Лжешь,
другая». — «Нет».

Он точно лгал, заметьте: понемногу
Стал разговор живей: вопрос, ответ,
О том о сем; сидели оба рядом,
И близко; вдруг царевна хитрым взглядом
Приметила Милушино кольцо:
«Чье?» Он молчит, и вспыхнуло лицо.

64

«Дай мне». — «Нельзя». — «Отказываешь! стыдно;
Жаль, что ли? на, возьми мое взамен».
Он думал: впрямь ведь отказать обидно;
Кто ж донесет? кто видит, кроме стен?
Княжну потом легко утешу сказкой. —
Зюльфира перст в руках держала с лаской,
Кольцо слегка тянула, наконец
Ей сам помочь решился молодец.

65

И начал... но представьте изумленье
Преступника, как, воззрясь невзначай,
Он чудное увидел превращенье
И строгое услышал: «Продолжай!»
Он обмер, свет в очах затмился днéвный:
Дотоль ему казавшаяся царевной —
Волшебница Проведа; гневный взор
Уж высказал Всеславу приговор.

66

Как вкопанный, как истукан бессловный,
Остолбенев, он ждал ее речей;
Но и она ждала, чтобы виновный
Сам начал: так и вышло. Он очей
Взвести не мог, стыд тýпил их невольно;
Но страх минýл, и голос тверд довольно:
«Слова мои, — сказал он, — тщетный труд;
Не извинюсь, коли решен мой суд.

67

Но милостей почтенная Проведа
Когда ко мне не отменила всех,
Спрошу ее: мгновенная победа
Чувств над умом неслыханный ли грех?
Душа верна, но кровь кипит по жилам,
И мне искус назначен не по силам:
С невестой врознь развесть на долгий срок
Не значит ли вводить меня в порок?

68

И то себе прибавлю в оправданье:
Я побежден не женщиной простой.
Царевна ли зажгла мое желанье?
Отнюдь, но ты чудесной красотой.
Вчера, сидя́ с ней на веселом пире,
Кольца с руки не отдал я Зюльфире,
И нынче бы сберег; но ты сама
Взяла его, меня сведя с ума».

69

— «Льстец! — вскрикнула Проведа, —
лис лукавый!
Владимира питомец! и меня
Ты обмануть надеешься, как правый
Других в своем безумии виня!
Я помыслы в груди твоей читала;
Я весь твой путь беспутный наблюдала
От Киева, от княжеских палат
До здешних мест: что? прав ты?» — «Виноват».

70

— «Ну, слушай, я пословицы держуся.
Меч не сечет повинной головы.
Прощаю всё, и боле не сержуся,

И до ушей княжны лихой молвы
Не доведу: добрее быть не можно;
Но впредь себя веди же осторожно,
Возьмись за ум, уймися от проказ:
Спускать вины люблю я только раз.

71

С Милушей жить тебе позволю вместе.
Как ни кипит твоя по жилам кровь,
Бесчестья ты не сотворишь невесте,
Я воздержать берусь сию любовь;
Но если ты при ней прельстясь другою?..»
— «Тогда с людьми считаться я не стою,
Тогда на срам ударь меня жезлом
И сотвори пасущим грязь скотом».

72

— «Будь по сему, и более ни слова.
Поедем же: путь долог по земле,
Но морем я отвезть тебя готова;
У пристани ждать буду в корабле.
Прощай». Сказав, исчезла в ту же пору.
У молодца с плеч отвалило гору;
Он легче б пять вчерашних вынес сеч,
Ни чем одну из сей подобных встреч.

73

Отдóхнув, он спешил скорей в дорогу;
Нижé «прости» царевне не сказал;
Но от крыльца, как только в стремя ногу,
Так к морю без оглядки поскакал.
Далеко ль тут, не наводил я справки;
Но всё равно: он там; гребцы на лавки
Вмиг сели, ветр вздул парусы горой,
И пена рвом взбелелась за кормой.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

1

Когда бы год ведущее светило,
Пот с ребр точа небесного Тельца,
Ко храмине той светлой подходило,
Где два его встречают Близнеца;
И каждый день, взойдя на твердь высоко
И зоркое уставя в землю око,
До внутренних нагую грудь ея
Пронзало, дождь каленых стрел лия;

2

Когда б земля, их жаром плодотворным
От зимнего разбуженная сна,
Покровом вдруг окинувшись узорным,
Невестою казалась убрана;
И воды бы, льда разломав оковы,
Журча текли; и листьев бы обновы,
Приманкою из-за́ моря гостям,
Лес выставлял на ветках по зарям;

3

И пташки бы, слетясь на новоселье,
То пели, то для сладкого труда
Откинув лень и праздное безделье,
Свиванием заботились гнезда;
И стужи бы в тепле забыв угрозы,
Смесь пестрая: коровы, овцы, козы,
Все об одном на разных языках
Вдруг речь вели и бегались в лугах;

4

Когда бы... всё скажу коротким словом:
Весна была, я, может быть, бы сам
Помолодел и ожил в мире новом,
И голос мой подстал бы к голосам

Полей и рощ; в перстах моих цевница
Как вешняя распелася бы птица
И, нежа слух и согревая кровь,
Сумела бы вам выразить любовь.

5

Язык любви, всех чувств очарованье,
Всю прелесть бы сливая бытия,
Вас усладил, как роз благоуханье,
Как громкий свист ночного соловья,
Как радуги блистание небесной,
Как мирный сон под тению древесной,
Как мед сото́в, как свежесть чистых струй,
Как жар вина, как девы поцелуй.

6

Но, горе мне! теперь Стрелец нещадный
Охотится в туманных небесах,
И солнца лик чуть выглянет отрадный,
Уже спешит закутаться впотьмах;
Пернатые давно в пределах юга,
В домах огни, за ворота́ми вьюга,
По телу дрожь, а помыслы ума
Все холодны и мрачны, как зима.

7

Дождись весны, вы скажете; не к спеху
Твой легкий труд; пой складно иль молчи.
Чем голосом наделать хриплым смеху,
Пей липов цвет и грейся на печи.
Чредой придут, чредой пройдут морозы;
Опять тепло, и соловьи, и розы —
Всё будет, чем роскошствует твой Лель, —
Тогда вставай и ладь свою свирель.

8

Вы правы: всё чредой с начала света
Меняется — и блекнет и цветет;
Но срочные даны нам в жизни ле́та,
И, может быть, судьба мой сводит счет;
И нынче же, пушной на праздник ивы
Иль молодой для щей сбирать крапивы,
Толпа ребят придет в ограде той,
Где буду я лежать в земле сырой.

9

Что ж делать? Петь, пока еще поется,
Не умолкать, пока не онемел.
Пускай хвала счастливейшим дается;
Кто от души простой и чистой пел,
Тот не искал сих плесков всенародных;
В немногих он, ему по духу сродных,
В самом себе, получит мзду свою.
Власть — слушать, власть — не слушать; я пою.

10

От Киева вверх по Днепру Проведы
Стоял большой, тесовый, барский дом,
Где исстари ее живали деды,
Род столбовой и чтимый в крае том,
На русский лад: муж сам смотрел за пашней,
Жена за всей работою домашней,
Пир ждал гостей в просторе их светлиц,
И нищие питались от крупиц.

11

Тут средь толпы швей, прях, прислужниц разных,
Но без родных, без милого одна,
В трудах, в мечтах, равно однообразных,
Жила теперь Всеславова княжна.

Как солнышко, так и Милуша встанет,
Как думушка, так жениха помянет:
В нить без конца сучится волокно,
И в памяти всё то же и одно.

12

Ах! девушки, ах! красные, как ваше
Житье-бытье иной раз жалко мне!
Вы во сто крат милее нас и краше,
Но этот дар пришелся вам в цене:
Он дорогим свободы куплен златом;
Что невтерпеж сочтется нашим братом,
Вы тéрпите так тихо и умно,
Что любо, и не похвалить грешно.

13

Сравните здесь Милушу и Всеслава:
Кому трудней? ей, что ни говори.
Взамен любви ему осталась слава,
Он с горести чуть не махнул в цари;
Она ж, увы! сидит, как пташка в клетке,
На шестике поет, тужа по ветке,
Иль смотрит сквозь косящето окно
На облаков седое полотно.

14

Забилося сердечко у девицы,
Как, выглянув из терема к реке,
Семьи их стяг (птенцы вкруг бабы-птицы)
На корабле узнала вдалеке.
Как лебеди, летят его ветрила,
В китову грудь волн пенных хлещет сила,
И, мелких капль распрыскивая тьмы,
Метет дождем от носа до кормы.

15

Кит к берегу вернул, зияя пастью,
За судном вкось загнулась полоса,
И отданной отпущенные снастью
По щёгле вниз скатились паруса;
Корабль к земле причалили канатом
И, сходни в круть упря пологим скатом,
Вверх с палубы все гусем побрели,
И каждого рассмотришь издали.

16

Вот тетушка, вот карлица-служанка;
А кто им вслед ведет коня на мост?
Склад весь его, и поступь, и осанка,
И Когогрив — конь белый, черный хвост:
Он, точно он; и в радости сбежала
Милуша вниз, всех кликала, сзывала:
«Подруженьки! пойдем встречать; она
Приехала, и с гостем, не одна».

17

— «Кто? барыня?» — «Да». — «Гость приезжий кто же?»
— «Не знаю». (Лжет.) — «Да если кто чужой,
Так и встречать, княжна, нам непригоже».
— «Не он ли?» — «Кто?» — «Жених, подружки, мой».
— «А если он, свет ясный, и подавно
Тебе нельзя, что девушке бесславно
Бежать самой навстречу молодцу;
Они же вот подходят ко крыльцу».

18

И впрямь они как раз явились сами.
Тут тетушка с Милушей... — Обнялись,
Положим; но какими же глазами

Смотрел Всеслав? чай, в землю уперлись,
И со стыда, чай, сам бедняк... — Нимало;
В глазах его что пламя заиграло,
А сам княжну он в щечку чмокнул так,
Что нáли губ на ней остался знак.

19

— Ах он шалун! — Судите, в вашей воле,
Но без вины не попрекайте мне;
Я дел чужих рассказчик, и не боле;
Чем их почтут, я вовсе в стороне.
Но коль свое сказать осмелюсь мненье,
Он в этом прав; неловкое смущенье
В княжне бы страх родило и печаль,
А ей мешать на радостях так жаль!

20

Красавице казалось дело ясно:
Что тетушка, уверясь в женихе,
Раздумала томить его напрасно
Разлукой с ней в постылой Шамахе;
И нужды нет испытывать, а только
До срока ждать; но ждать теперь не сколько:
Треть без него долга была, а тут
Две трети с ним скорехонько пройдут.

21

И подлинно сначала мчалось время,
И месяца как не было в году;
А всё вдвоем. У тетки дел беремя,
И их спускать, что кольцы в меледу;
С ней сносятся друиды и шаманы,
Все ведуны, кабальники, цыганы;
От готских норн и от индейских фей
Гонцы летят, плывут и скачут к ней.

22

Пока она читает не без скуки
Мудреные их грамот письмена,
Любовники за месяцы разлуки
Вознаградить спешат себя сполна:
Чуть ясные раскроют утром очи,
На целый день сошлись до темной ночи,
И коротки им кажутся все дни,
И ни о чем не сговорят они.

23

По всем местам она его водила:
На луг, к Днепру разостланный ковром,
К садку, где рыб на позвонок кормила,
Во пчельник, лип обсаженный венцом,
И в рощу, где одна всегда пугалась,
Как издали с ней ведьма окликалась,
Иль ветер вдруг навеет леших свист,
И скрыпнет лес, и дрогнет каждый лист.

24

Устав с гульбы или когда погода
Нахмурится, в высоком терему
Сидят они; нет рукоделий рода
Ей чуждого, и с хвастовством ему
Она во всех свое искусство кажет:
Шьет в пяльцах, бель на тонких спицах вяжет,
Прядет, сучит, мотает, кросна тчет
И кружево узорное плетет.

25

Всё хвалит, всем любуется Голица,
Берется сам, шутя, за то, за се;
Но богатырь отнюдь не мастерица:
Он силой бы, а сила портит всё;

Все нитки рвет, ломает все иголки,
Исколется (иголки очень колки),
Работает, что заболит рука,
И всё путем не вышьет ни листка.

26

В игрушках сих или занятьях пошлых
Часов они не тратили всегда;
Вчасту́ю речь шла о событьях прошлых,
Рассказанных Проведой, и тогда
Мудрец бы мог, дивясь, развесить уши:
Как чистые их молодые души,
Условной лжи не заблуждаясь в тьму,
Умеют вес и цену дать всему;

27

Как в простоте их рассужденье здраво
И в чувстве их какая глубина,
Как нежному их сердцу свято право
И жалостна беззлобная вина;
Как об ином запутанном предмете,
О коем книг с три короба на свете,
И мрак во всех, а в многих вред и вздор,
Два слова их решить могли бы спор.

28

Быть может, то от многих заблуждений
Хранило их, что совесть их вела,
И опыта условных наставлений
Не слушались: что правда не без зла,
Вредна другим и нам самим опасна,
Что с целию полезной ложь прекрасна
И честь тому, кто, ей служа душой,
За правду сам обман считает свой.

29

Не так они: чего не понимали,
О том решать не смели наобум,
И сказками отнюдь не толковали,
Чего взять в толк людской не может ум.
Что ни толкуй, вопросов тьма мудреных,
Ответов нет; вестимо, для ученых
Стыд вымолвить: не знаю; как не знать?
А им и сплошь случалось тем кончать.

30

«Скажи, Всеслав, отец твой хорошо ли
Жил с матерью твоей?» — «Не знаю». — «Как?»
— «Она родин не вытерпела боли,
И первым мной смерть их пресекла брак».
— «Как жаль! Но я Иигваря почитаю;
Неужто б он был муж лихой?» — «Не знаю».
— «А ты?» — «Теперь ты клад мой, радость, свет».
— «А там?» — «Как знать, чего покуда нет?»

31

Не правда ли, вам чудно, что Проведа
Всю волю им дала наедине,
И между тем глаз на́ глаз их беседа
Невинна так, что даже стыдно мне.
Милуша всем понятна: девье дело;
А что Всеслав, давно бы в нем горело
Ретивое, давно бы он... кабы
Не унят был всей силой ворожбы.

32

Вы знаете, какую силу травы
В себе таят, как и теперь врачи
Слагают их в хитрейшие составы,
Как лечат! ну, а то ж да нашепчи

По правилам кудесничей науки,
Что выйдет? то, что врознь раскинешь руки,
Чего уму ни вздумать, ни взгадать
Как разве с тем, чтоб в сказке рассказать.

33

Не знаю, где нашла Проведа травку,
И выжала полкапли; этот сок
Весь досуха натерла на булавку,
Булавкою проткнула поясок,
А пояском Милушу повязала
И скидывать ей строго заказала.
Полмесяца не трогай, ну́жды нет,
Там снова ткни, и эдак на сто лет.

34

Безделица, подумаешь, а сила
Так в пояске от травки велика,
Что сколько б кровь младая ни блажила,
Чуть до него дотронешься слегка,
Вся дурь долой, горячка вся угасла:
Так ярость волн смиряется от масла;
Так в угольях пыл тухнет огневой,
Как из ведра заплеснут их водой.

35

Враждебною Всеслав окован властью,
Помалу сон утратил и еду;
Наедине томясь бесплодной страстью,
Грыз скорбь, как конь над яслями узду;
И молча грыз: кому откроет душу?
Проведа враг, и грех назвать Милушу,
Крин райский, ключ, где ясный неба свод
Рисуется в стекле прозрачных вод.

36

Невинная и в чувствах и в желаньях,
Она любви и дружбы имена
Слыхала, но в обоих сих названьях,
Казалось ей, мысль кроется одна;
А свадьба хоть мудреною загадкой
В уме подчас и промелькнет украдкой,
Но скромность вмиг ей на ухо шепнет:
Молчи и жди; она молчит и ждет.

37

Сей скромностью он часто восхищался,
Ценя ее дороже красоты;
Но иногда вопросами смущался:
«Чего тебе? чем недоволен ты?»
Ответ сухой тут вырвется невольно:
«Оставь меня»; Милуши сердцу больно;
Он сжалится и расцелует; но
Чего-то нет, и счастье не полно́.

38

Так не полно, что начал наш Голица
Скучать, зевать от праздного житья;
И вряд ли кто с природы не девица
Быть может сыт узорами шитья.
Верховый конь — клад в скуке деревенской;
Но некому за ним в усадьбе женской
Ходить, затем и в город увели,
А всадник без коня — рак на мели.

39

Пешком Всеслав пустился на охоту
В чисто́ поле́ и во дремучий бор,
Отколь принесть он мог свою работу,
Свой кровяной разлетных игл узор.

Тем ловля лишь скучна, что звери мелки,
Нет по ловцу: всё козы, зайцы, белки;
Рвать тетиву и стрелы ту́пить жаль:
Пошел искать он крупной дичи вдаль.

40

Вдаль от Днепра, куда шагают ноги,
Куда глаза глядят: чрез хо́лмов цепь,
Песок и топь, тропины и дороги,
Ручьи и рвы, кустарники и степь.
Шел, шел, устал; и чьей достанет мочи
С рассвета дня бродить до самой ночи
Без отдыха? присел он и кругом
Давай глядеть: не выглянет ли дом?

41

За горкой шум: знать, люди и селенье;
Вернул туда, и точно: там видна
Деревня, где как будто праздник: пенье,
И девушек вся улица полна;
Венцом сплелись, и маков цвет их лицы.
Он: «Здравствуйте, мол, красные девицы».
Весь ласково откланялся венец,
И «милости-де просим, молодец.

42

Поре́звиться изволь-ко». — «Много воли,
Да мало сил, красавицы; устал
И голоден». — «Покушай хлеба-соли».
— «Спасибо; но чтоб я вам не мешал,
Играйте; я здесь сяду под дубками,
Послушаю да полюбуюсь вами».
— «Гость дорогой, как хочешь». С словом сим,
Сплетясь, они запели перед ним:

В<опрос>

Что кричишь во весь ты голос,
Статный петел удалой,
Треплешь в пух, теребишь в волос
Сноп пшеницы яровой,
И долбишь зернистый колос,
И солому мнешь ногой?

О<твет>

То, что с бою я один
Здесь и царь и господин,
Что другие певуны
Мною все побеждены:
Я в крови окрасил нос,
Перья выщипал из кос,
Зобы вплоть примял к песку,
С гребней выдрал по клоку;
Заклохтали под бойцом,
Словно курица с яйцом.
И теперь все дуры
Куры,
Белы уши
Клуши,
Цыпье стадо,
Дидо Ладо!
Мать и чадо,
Все не чьи,
Как мои.

Я любую крикну,
Кликну;
Всем завидно,
Видно:
Позву радо,
Дидо Ладо!
Мчится стадо:
Петел млад
Курам клад.

В<опрос>

Много чести, много славы
Победителю бойцу,

И потехи и забавы
Голосистому певцу;
Но со всеми для управы
Сил достанет ли к концу?

О<твет>

Не боюсь я, не под стать
Мне охрипнуть и устать;
Не похулит ни одна
Удалого певуна.
Каждой курочке спою,
С каждой зернушко склюю;
Жита много во снопе,
Будет вдоволь их толпе;
Сноп пшеничный колосист,
Младый петел голосист.
Я ли в голос светел,
Петел,
Кличу: куры
Дуры!
Подьте стадо!
Дидо Ладо!
Жито младо
Я припас
Ради вас.

Ляд! с яйцом не ходят,
Бродят;
Резвых стало
Мало:
Ой ли надо,
Дидо Ладо!
Больше стадо
Мне, певцу
Удальцу.

43

Всеслав отдох, поел во время пенья,
А как и вздор нам нравится подчас,
То эту песнь нехитрого сложенья

Он похвалил, и «Я ведь понял вас, —
Шутя сказал им, — душеньки девицы:
Вы певуна накликали, певицы;
Знать, ваших нет, вам скучно, что одне,
И стадо кур слетается ко мне».

44

— «И в голове, проказник, не бывало...
Песнь старая о бойком певуне...
Сложил гуслист прохожий... В песнях мало
Ли что поют?.. Теперь на стороне
Все молодцы... На торг ушли рекою...
В Тьмутаракань... Пора нам всем к покою...
Ночлег давать, Чернава, твой черед...
Изволь-ко к ней... И к нам когда вперед».

45

Друг дружку так перебивая в слове,
Красавицы в пятнадцать голосов
Ответили: как встаре, так и внове,
У девушек обычай всё таков.
Потом ушли, всем замыслам Всеслава
Наперекор: по счастию, Чернава,
По должности оставшаяся с ним,
Могла служить заменою другим.

46

Ей зá двадцать, рост из середних малый,
Грудь полная, как гоголь на волнах,
Колыпется, в щеках румянец алый
Как жар горит, соболья бровь, в глазах
Отлив густой, что капли масла — губы,
Что ягода малина, жемчуг — зубы.
Нос остренький, лоб и ушкй краса
И до колен густые волоса.

47

Один порок: немного смуглолица,
И то не все считают за порок;
А кто невмочь постился, как Голица,
Кто пóлгода нес тягостный зарок,
Кто и хватал и выпускал так много,
Тот разбирать не станет слишком строго
И всякому рад с голода лицу,
Как красному о празднике яйцу.

48

Он про себя так рассуждал: «Конечно,
Не худо б мне исполнить уговор;
Возможность будь, и я бы рад сердечно,
И сколько мог старался до сих пор;
Равны ли мне Чернава и Милуша?
Нет, я не слеп: та пава, эта клуша;
Всё так, но той еще полгода жди:
Прекрасна цель, но слишком впереди.

49

Так вместе жить тошней самой разлуки;
Пословица есть: в небе не сули
Мне журавля, а дай синицу в руки,
И правда; клад хоть мой, да из земли
Достать его я не могу покуда:
Что ж в нем добра? гораздо больше худа,
Что по сердцу мысль вьется, как змея,
И не дает покоя, ни житья.

50

Владимиром обижена Проведа,
А я держи ей за него ответ,
Я год платись! но за отца и деда
Таких долгов иному на сто лет;
Им пир, а нам в чужом пиру похмелье!

Их грех, а нам безгрешное веселье
Запрещено! коли на то пошло,
Не слушаюсь и злом плачу за зло.

51

И много ль зла, что с девушкою красной,
Хоть с этой, миг украду золотой?
Но, может быть, надеждой льщусь напрасной:
У ней давно есть друг сердечный свой,
И я съем гриб; что ж! горе не велико.
Быть так, спрошу. «Чернава!» — «Ась?» —
«Скажи-ко
Мне, курочка, но правду, а не лесть:
Есть у тебя певун любимый?» — «Есть».

52

— «Я так и ждал; и он в Тьмутаракани?»
— «Зачем бы в даль такую занесло?
Он в тех сенях между пруда и бани.
Чай, спит, уткнув головку под крыло».
— «Он в перьях?» — «Да: диковинные спросы!
Неужто гол? как шелк на шее косы,
Всё бисером накраплено перо,
До гребня хвост и бел, как серебро».

53

Ответ не хитр, а по сердцу Голице
Пришелся тем, что впросте без греха.
«Вопрос мой был, — сказал он, — не о птице;
Хотелось знать мне: нет ли жениха,
Любовника, ну, парня молодого,
Кто б был тебе знакомее другого,
С кем молвила б глаз на глаз ты словцо
И кто бы снял с руки твоей кольцо?»

54

— «Тебе скажу всю правду, гость пригожий,
Коли мою ты не похулишь речь.

Мне про судьбу гадал колдун-прохожий
И до поры велел кольцо беречь:
Отецкий сын, дворянская порода,
За перстнем-де придет; его прихода
Ты зá двадцать на первом жди году.
Срок на дворе, а я его всё жду».

55

— «Я здесь, — вскричал наш витязь, —
не просрочил,
И требую кольца, оно мое».
— «Нет, — молвила она, — колдун пророчил,
Что суженый мне прежде даст свое;
А у него с алмазом, золотое,
Богатое... ни дать ни взять такое,
Как у тебя, мой сокол: подари
Его сперва, а там мое бери».

56

Он дрогнул; мысль, что перстень
обручальный,
Мелькнула. «Что ж? не велика беда:
До Киева отселе путь не дальный;
За деньги там у фряжского жида
Днем на заказ поспеет перстень новый,
А может быть, найдется и готовый
Точь-в-точь такой; ужель из-за кольца
Оставлю я начало без конца?»

57

Как жалок мне Голица в этом деле!
Оправдывать его избави бог;
Но чем спастись, когда лукавый в теле,
Когда вся кровь от головы до ног
То стынет льдом, то кипятится варом,
И сердце в грудь удар турит ударом,
И в ухе шум, и перед глазом тьма,
И сдуру плоть не слушает ума?

58

В забвеньи чувств он вдоль по пальцу двинул
Свой перстень и, досадуя, что туг,
Так дернул, что сажѐни на три вскинул
Вверх; пролетев обширный полукруг,
Тот одаль пал; наш молодец вдогонку,
И руку уж за ним, но чуть в наклонку,
Вдруг по спине ему удар такой,
Что ткнулся в земь он и другой рукой.

59

Представьте гнев, и вместе удивленье:
Чернава ли осмелилась? других
Ведь не было: но первое движенье
Лиц разбирать не станет никаких,
А до смерти убьет без всех разборов.
Что ж! верх скорбей! позор из всех позоров!
Диковина, каких уж нет в наш век!
Как вымолвить? Всеслав — не человек.

60

Зверь стал он, вепрь; но что за зверь!
картина:
Без пóмети, весь темно-половóй;
Шерсть гладкая, а вдоль спины щетина,
Что грива игл; тряхнет ли головой,
Клыки, как мел, натертый ярым воском,
Слепят глаза и белизной и лоском
Да силой чар, и вышла казнь в красу —
Прирос алмаз с колечком на носу.

61

Я не сказал, но, верно, вам в догадку,
Что в образе Чернавы та же вновь
Проведа здесь за старую повадку
Свою взялась: испытывать любовь;
А чтобы вепрь Всеслав в порыве злости
Ее клыком не прохватил до кости,

Волшебница, на облачко взмостясь,
Оттоль корить пустилась не боясь:

62

«Бессовестный, обманщик, вероломный,
Раб похотей, повеса из повес!
Ничем твой жар не унялся нескромный:
Как волка ни корми, всё смотрит в лес;
Живи же в нем и там в вертепе диком
Прельщай вepриц своим клыкастым ликом,
И дважды стыд понесший перстень свой
Еще скверня, им прах и тину рой.

63

Но снять его, ни скинуть ты не сможешь;
Носися с ним, смотри на свой позор.
Напрасно ты с досады камень гложешь,
Щетинишься и кровью налил взор:
Мне не страшна бессильная свирепость;
Но чтоб ее познал ты всю нелепость,
Из жалости тебе открою то,
Чего б от нас не должен знать никто.

64

Мы все, кому наукой и трудами
Волшебных тайн присвоен редкий дар,
С бездушными всевластны существами,
Но над людьми условна сила чар:
Кто не грешит ни мыслию, ни делом,
Не подчинен нам ни душой, ни телом,
И только тот судьбою предан нам,
Кто на себя оружье подал сам.

65

Чей уговор: с невестой жить до срока
И верным быть? чьи молвили уста:
Коли при ней не упасусь порока,
Жезлом меня обороти в скота?

Не вепрь бы ты, а боров по условью;
И лишь в боях за Русь пролитой кровью
Чин выгодный ты выслужил хоть тот,
Что вольный зверь, а не домашний скот.

66

Дотоле быть тебе под наказаньем
И жить как вепрь, скитаясь по лесам,
Пока, вину загладив покаяньем,
Добудешь вновь вид человека сам;
Или любовь так ослепит Милушу,
Что выкупит, хотя б слезами душу
Излить пришлось ей собственной виной,
Твоею став постылою женой.

67

Коли над ней советы и примеры
Бессильны все, коли на произвол
Вам, гордые и злые лицемеры,
Природою наш предан слабый пол,
Пусть будет так, пускай твоя победа;
Но сил еще не лишена Проведа:
Она с тобой измерится в борьбе,
И торжество не так легко тебе.

68

Прощай пока, счастливый путь в дуброву,
Не поминай нас лихом». Так сказав,
Умчалась прочь; насмешливому слову
Лишенный слов не отвечал Всеслав;
Но бросился сквозь поле в бор дремучий,
Бегом дробя клыками лес трескучий,
В даль, в гущу, в дичь, во мрак и глушь, туда,
Где нет живых ни слуха, ни следа.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Когда корабль свой вещий и крылатый,
Свершивший путь за тридевять морей,
Из дальных стран везущий груз богатый:
Книг письмена, булат богатырей,
Наряд красы — монисты и алмазы,
И в стклянках ум, и все ума проказы,
Сам с лирой став на лаковый помост,
Ко пристани направил Ариост,

2

На берега, кипящие народом,
С веселием он обращал свой взор;
Отличный всем: достоинством и родом,
Там зрелся дам и рыцарей собор;
Оттоль к нему неслися звуки трубны,
Рук громкий плеск, кимвал, и рог, и бубны;
И, странств его все радуясь концу,
С венками шли во сретенье певцу.

3

Былые дни поэзии счастливой!
О, как по вас в душе моей скорблю.
Я не хочу, глупец самолюбивый,
Равняться с ним: большому кораблю,
Как ведомо, и плаванье большое;
Но челноку опасней бури вдвое,
И озеро безвестное ему
Трудней оплыть, чем океан тому.

4

Столь пышная не надобна мне встреча;
Но чтоб друзей хоть малое число
На берегу следили издалеча
Мое валы борющее весло;

Чтоб труд легóк творился их участьем;
Чтоб если вдруг мой, реемый ненастьем,
Грудь расшибет о камень утлый челн,
Они спасли щепу его из волн.

5

Но где они? Большýю половину
Скосила смерть; другие... берег пуст.
Едва двух-трех я глазом там окину,
И те молчат; а тот, из чьих бы уст
Всех прежде я привет услышал друга,
Склонен на одр мучительный недуга,
Лежит без сил, нас разделяет даль,
И в первый раз мне от него печаль.

6

Но до нее читателям нет нужды;
Они весьма надменная семья;
Им все труды, все скорби наши чужды,
И всяк из них свое лишь знает *Я*;
А из чего мы бьемся для забавы
Чужой? Бог весть; нет выгод, мало славы,
А бьемся; так: судьба; взялся за гуж —
Не жалуйся, что дюж или недюж.

7

Давай тянуть. Волшебница Проведа
На облачке домой примчалась вмиг;
За сим всю ночь и утро до обеда
Трудилася за чтеньем тайных книг,
Гадая, как и чем избыть напасти,
Чтобы княжна не вздумала по страсти,
Всем тетушки желаньям вопреки,
С уст милых ей снять вепревы клыки.

8

Зачем она так силится чрезмерно
Не допустить до свадьбы их, ей-ей!

Не знаю сам и не скажу наверно:
Милушин ли покой так дорог ей,
Иль на сердце, хоть не покажет вида,
Лежит как гнет давнишняя обида,
Иль что теперь племянница как дочь
При ней, а там, что замуж, то и прочь?

9

Как нам трудна разгадка этой тайны,
Так ей был смысл пророчественных рун:
Двусмыслия в сих книгах обычайны,
И ощупью в них бродит сам колдун;
Лишь ясно то, что всё пустяк доселе,
Что третий раз окажет силу в деле,
И там, смотря по сущности вины,
Решит судьбу Всеслава и княжны.

10

Для пагубы конечной жениховой,
Казалось ей, вернее нет пути,
Как, соблазнив его к измене новой,
В свидетели невесту привести.
Но без нее самой такого дела
Нельзя начать: и так, едва успела
Дождаться, как бы встать из-за стола,
Ее к себе глаз на́ глаз позвала.

11

Издалека искусным предисловьем
Всю сызнова напомнив старину,
Свела к тому, что сам себя условьем
Всеслав связал и обещал одну
Любить хоть год; но... тут пошли рассказы,
Подробно все расписаны проказы:
Как на Дону чуть не погряз в грехе
И как была улика в Шамахе;

12

И как он дал второе обещанье,
Просяся жить с невестою по срок;
И как страстей нескромных в обузданье
Заворожить пришлося поясок;
И наконец, как, встретя гурт девичий,
На промысл он хотел пуститься птичий
И, перстень сняв, нарушил уговор
И, вепрем став, бежал в дремучий бор.

13

Жаль! впрочем, есть два средства во спасенье,
Чем может он стать человеком вновь:
Свое в душе прямое исправленье
И страстная Милушина любовь.
Но первое гораздо ненадежно;
Второе же обдумать бы прилежно,
Затем что кто чрез меру добр для всех,
Не в похвалу выходит, а в посме́х.

14

А чтоб узнать, на сколько в коже зверя
Прибавилось в нем чувства и ума,
Она властна, чужим речам не веря,
На третий раз всё рассмотреть сама
И, наглую в нем облича измену,
И страсть и честь равно поставить в цену,
А там избрать из двух удел любой:
По воле ль жить, иль замужем рабой.

15

С каким рассказ был выслушан вниманьем,
И как едва достало сил к концу,
И что на грудь, стесненную дыханьем,
Скатилось слез по белому лицу,

Я не берусь вам выразить словами,
Красавицы; и дай то бог, чтоб сами
Вы горестей не испытав таких,
Понять без слов недоумели их!

16

Но вот чего не всякий от Милуши
Ждал, может быть: о множестве вещей,
Каких дотоль ей не впускали в уши,
Тут в первый раз из теткиных речей
Она узнав, совсем переродилась;
Мысль сонная в час добрый пробудилась,
Ребячества рассеялася тьма,
И на пять крат в ней прибыло ума.

17

Не бойтеся, чтоб убыло другого;
Все свойства, чем любезна и красна
Была досель от навыка слепого,
Здесь волею присвоила она.
Подобно ей невинных и разумных
Я б мог в пример привесть девиц; но шумных
Они похвал не любят во весь свет,
Затем молчу; а вот княжны ответ:

18

«Мне, тетушка почтенная, премного
За всё тебя благодарить должно.
Как счастие мое в любви ни строго,
Всё рада я, что ведомо оно;
Тем паче, что мне отдано на волю
Самой избрать хотя б лихую долю;
О чести же, как ты умно весьма
Дала намек, так я сужу сама.

19

Во всем ее ценя всего дороже,
Я даже то считаю ей в укор,
Что богатырь Голица вепря в коже
Из-за меня томится до сих пор.
Что в свете я и по какому праву
За что-нибудь осмелюсь мстить Всеславу?
Он мне не муж, а если б... всё, по мне,
Месть злом за зло запрещена жене.

20

Словесного и образ и природу
Отдать ему — мой долг первей всего.
Пусть полную получит он свободу;
На опыте тогда узнав его,
Решусь и я: вот, тетушка, без страсти
Весь выбор мой; за сим в твоей уж власти
Мне в том помочь и доказать собой,
Что я ничьей быть не могу рабой».

21

Проведа ей напоперечь ни слова;
Но свистнула, и карлице приказ:
Чтоб упряжь птиц в поёзд была готова;
То вмиг бегом, поспело всё как раз,
Волшебница с Милушей в колесницу,
И след простыл; а мы пока Голицу
Проведаем в безлюдной той глуши,
Куда в горя́х бежал он без души.

22

Бежал, пока не подкосились ноги;
Тут, оглядев дебрь темную вокруг,
Он отыскал в ней яму, род берлоги,
И лег туда с печалию сам-друг.

С товарищем всю ночь неугомонным
Томился он раздумием бессонным,
И сон ему не прежде свел зениц,
Как на брезгу под ранний щебет птиц.

23

Зато уж был сон богатырский; сколько
Он времени им про́спал, виноват,
Я без часов не сосчитал, а только
День к вечеру и солнце на закат
Клонилося, как он проснулся; голод
Прогнал дрему: всяк, кто здоров и молод,
Да попадет в кручину иль в беду,
Дюж за двоих на сон и на еду.

24

Но дикий лес, и в нем какая пища?
К кореньям вепрь наш новый не привык.
Решился он искать людей жилища,
И все мы так: клянет их наш язык,
А сердце к ним нас тянет поневоле.
Вот, пробежав он с ве́рсту или боле,
Искал, нашел: стоит в сторонке дом,
К нему спиной, к заглушью передом.

25

Не спро́ста дом — изба на курьих ножках,
Которая вдруг повернулась; дверь
В ней скрыпнула и свет блеснул в окошках.
Голица наш, хоть богатырь и зверь,
Но дрогнул, как в склокоченном тулупе
Шасть из избы Ягая-баба в ступе,
А в ступе ступь, и баба помелом
По ступе бьет, как по коню кнутом.

26

Потупя взгляд, он слышит чутким ухом:
«Гой еси, вепрь алмазное кольцо!
Что от тебя так пахнет русским духом?
Зверь! обернись; стань, витязь! на лицо».
С сим ковшик взяв и нашептав водицу,
Хлебнула и опрыскала Голицу:
Щетина, шерсть, клыки — долой как раз,
И вновь наш друг красавец напоказ.

27

Льстить не люблю, но строчкою похвальной
Как не почтить хвалы достойных дел?
Первей всего свой перстень обручальный
Он поднял и, поцеловав, надел;
За чудное потом благотворенье
Впрямь от души излил благодаренье
И в случае нужды просил Ягу
Считать его за верного слугу.

28

«Увидим, брат, окажет дружбу время, —
Яга в ответ, — вам верить — дым глотать;
Все молодцы крапивное вы семя,
У всех постель мягка, да жестко спать.
Но после мы об этом молвим слово.
Ты голоден, тебе поесть здорово,
А на Руси пословица: в печи
Что есть, скорей всё и на стол мечи».

29

Тут баба стук клюкой своей в подполье —
И выскочил оттоле стол накрыт,
И русских блюд наставлено приволье,
Что только ешь, небось уж будешь сыт:

Тут хлеб и соль, и квас, и шти, и каша,
Яичница, окрошка, простокваша,
Лапша, блины, жаркое и пирог,
И ковш с вином, и с медом турий рог.

30

Всеслав всему честь оказал посильно,
Поел всего, иного и не раз;
Старуха же насупротив умильно
Любуясь им и не спуская с глаз,
Употчевать старалася с поклоном
(Что и теперь хозяйки чтут законом);
А как совсем гость отказался, в пол
Ударила, и провалился стол.

31

Засим она, вздохнув два раза нежно,
Подсела и, лаская молодца,
Так молвила: «Гость дорогой! прилежно
Всё выслушай с начала до конца,
Что я скажу: сойдясь с Ягою-бабой,
Не чаял ты найти ее так слабой,
Чувствительной; заране не суди:
Цветки досель, жди ягод впереди.

32

Слыхал ведь ты хоть имя: царь-девица,
Бессмертная владычица духов,
Чей светлый двор и пышная столица
В одном из тех блаженных островов,
Где (безо лжи купцов о них рассказы)
Прах золото и каменье алмазы,
А в ней краса, что сводит взгляд с ума;
Взгляни же: царь-девица я сама.

33

Ты чудишься, но это лишь начало;
Чудней того, что у меня отца,
Ни матери и нет и не бывало,
А вышла я из скорлупы яйца.
Жар-птица, мчась из облак над морями,
Снесла его, и подцепил когтями
Старик Кощей бессмертный и меня
В нем высидел к концу седьмого дня.

34

Знать, горяча была моя природа,
Что я росла, как озимь на заре,
И отродясь не минуло мне года,
Как уж была я девушка в поре.
Кощей ко мне сгорал любовью страстной;
Но рок меня не сотворил подвластной,
И смерть ему определял ценой
Малейшего насилья надо мной.

35

За то и мне накинув цепь на шею,
Сулил напредь несчастье и позор,
Коли в любви я отказав Кощею,
Приму с другим на честь свою укор;
Коли, жива его благодеяньем,
Не с ним его жить буду достояньем:
Велеть любить ничья не может власть,
Но не своим дарить — чужое красть.

36

Закон судьбы, мне с первых дней известный,
Был справедлив, бесспорно, хоть и строг;
Но заглушить позыв любви прелестный
Какой закон в груди девичьей мог?

Что без любви палаты золотые,
Венец царей, сокровища земные,
Бессмертие? .. всё сонная мечта:
Проснулся — что ж осталось? пустота.

37

Так я жила в тех островах блаженных:
Сады мои цвели, как рай земной,
Сиял чертог из камней драгоценных;
Но милого там не было со мной.
Всех жителей: прислужницы старухи
Да легкие, всегда младенцы, духи;
Их плоть как пар, земного не едят,
И оттого весь век в счету ребят.

38

Искатели опасных приключений
Не раз войти в мой покушались дом;
Но одолеть препятств и затруднений
Не смог никто: вернулись со стыдом.
Кощей, мою предчувствуя измену,
Вокруг дворца обвел глухую стену
И ряд на ней повесил медных струн.
Чуть тронут — звон, и слышит злой колдун.

39

И, воружась, бежит туда с народом;
А сам каков, таков и причет весь:
Гад с пугалом и чудище с уродом,
Всех гнусностей и безобразий смесь.
Завидя их на страже стен и башен,
Как богатырь ни храбр и ни бесстрашен,
Отступится, отправится назад,
И остаюсь я как заветный клад.

40

Решилась я с отчаянья и скуки
Сама искать к спасению пути,
Затем что нет, по мне, несносней муки,
Как девкою жить век свой взаперти.
Любимец мой в числе духов подвластных
Был Элидор, красавец из прекрасных,
Как созданный для роскоши и нег,
Глазами угль, лицом и телом снег.

41

Я думала: как жаль, что в нем нет силы,
Что кровь его, без пищи словно лед,
Скорей студит, чем согревает жилы!
В моем саду с цветов точится мед,
Чистейший стекла, росной, почти воздушный:
Откажется ль любимец мой послушный
От капли? нет; а я пустым молвам
Не верю, корм не вреден ни духам.

42

Велик был страх на первом испытаньи,
Как с уст моих взял каплю Элидор,
И побледнел, и крылья в содроганьи
Опали вниз, и помутился взор;
Но велика и радость, как здоровый
Очнулся он, с такой красою новой,
И бодростью, и силой, и огнем,
Что прежнего ты не узнал бы в нем.

43

И как во всем лиха беда начало,
А там пойдет с весельем пополам,
Так Элидор мед полюбил и мало-
Помалу стал им лакомиться сам;

И вырос он, и возмужал, и нежный
Пух по щеке пробился белоснежной,
И из детей явился наконец
Чем должен быть хороший молодец.

44

И начал друг взаимною любовью
Меня любить: весь день со мною он,
А в ночь, одра приникнув к изголовью,
Крыл веяньем мне навевает сон.
Едва проснусь, мед свежий мне приносит,
Вкусить самой и поделиться просит;
И как пчела роз обирая куст,
Он от моих отстать не может уст.

45

Однажды мне в восторге сладострастном
Мой Элидор сказал: «Я без тебя
Томился б век в ничтожестве несчастном,
Тобой живу, блаженствую любя;
Но чтоб еще я наслаждался боле,
Ты быть должна моих веселий в доле:
Отведай сласть даров любви твоей
И свой же мед из уст моих испей».

46

Не помню, что я отвечать хотела,
Согласна ли, упорна ли была;
Но вымолвить ни слова не успела,
Как мед уже в забвеньи чувств пила.
Увы! восторг и радость скоротечны;
Одна печаль, одно страданье вечны:
За мир любви, за каплю я сотов
Желчь чашею пью тысячу годов.

47

Открыв глаза, я обомлела страхом:
В пылу любви, как воск в огне лучей,
Тлел Элидор и рассыпáлся прахом;
И кто ж за ним стоял? мой враг Кощей.
«Негодная! — вскричал он, — над тобою
Бессилен я и связан был судьбою
Доныне; но ты осквернила честь:
Теперь мою познаешь власть и месть.

48

Когда страстей в их наглости мятежной
Ты не смогла сдержать в пустыне сей,
И райской, и пучиною безбрежной
Отрезанной от света и людей;
Когда, мои забыв благотворенья,
Неслыханной ты силой вожделенья,
Бесплотного, природу изменя,
Сожгла в пылу телесных чувств огня;

49

Когда твою девичью непорочность
Не сберегли ни море-океан,
Ни с зельем рвы, ни стен кремневых прочность,
Ни змей Стоглаз — бессонный великан,
Ни копий тын, ни струны-самогуды,
Ни все мои страшилищи и чуды,
Вернейшего я стража чистоты
Найду тебе, и страж сей будешь ты.

50

Да, ты сама, став столько же дурною,
Как ты была доныне хороша.
Богатство, власть останутся с тобою;
Пусть с ними век скорбит твоя душа.

Дари, губи, будь щедрой иль ужасной;
Но прежде вновь не быть тебе прекрасной,
Пока храбрец не сыщется такой,
Кто б захотел быть Элидор второй».

51

Как видишь, друг, сбылась его угроза.
Роскошный мой мне опротивел рай;
Я в царство зим ушла, в страну мороза,
Во глушь лесов, в суровый русский край.
Здесь из хором я сделала избушку,
Из ложа печь, из бархата мерлушку,
Затем что нет противнее на взгляд,
Как красоты на дурноте наряд.

52

Живу одним я только упованьем:
Что дурнота дана мне не навек,
И сыщется, согласно с предсказаньем,
Какой-нибудь хороший человек.
Сказать ли всё? по силе, росту, летам,
Глаз быстроте и прочим всем приметам
Уже мои надежды не мечты.
Спаситель мой и суженый мой: ты».

53

Как девушка, смешную слыша сказку,
Где водится и вольное словцо,
Скрыть хочет смех, унять иль спрятать краску,
Огонь стыда, ей пыхнувший в лицо,
Но пользы нет и все усилья слабы, —
Так витязь наш от слов Ягия-бабы
Смутился, и зарделся, и едва
С запинкой мог сказать сии слова:

54

«Воистину враждебною судьбою
Несчастнейшим рожден я из людей:
Разодолжен я, бабушка, тобою —
И человек по милости твоей;
За дар такой всей расплатиться кровью
Готов и рад; но полюбить любовью
Нельзя мне, и на просьбу в первый раз
Я принужден сказать тебе отказ.

55

Я обручен и обещаньем связан
Ждать до году и не любить отнюдь
На стороне; я честию обязан
Не изменять; сама судьею будь:
Похвально ли свое нарушить слово?
За помысл я наказан был сурово,
А проступясь на деле, поделом
Погиб совсем, и виноват кругом».

56

— «Шалишь, хитришь, — ответила Ягая, —
Чтобы меня как дуру ввесть в обман.
На твой отказ причина есть другая:
Кабы могли лицо мое и стан
Явиться сквозь наружности старушьей,
Не стал бы ты отнекивать Милушей,
Стыдился б быть причуд Проведы раб;
Но молодцам не жалко старых баб.

57

Взгляни же: здесь, за тканью покрывала
Из хрусталя восточного доска;
В ней образ мой: его нарисовала
Не льстивого художника рука;

Сам в зеркале волшебства силой прочно
Он врезался, и в нем увидишь точно,
Чем я была в счастливые года,
Чем вмиг могу быть снова навсегда».

58

Всеслав взглянул — и, нем от восхищенья,
Не мог отвесть от зеркала очей;
Но подлинник был тут, и от сличенья
Ему еще уродливей, страшней
Казалася влюбленная старуха;
Любить ее не доставало духа,
И вежливо, чтоб не сердить Ягу,
Он повторил: «По чести, не могу».

59

— «Но, — та ему, — помысли, безрассудный:
Ты сам себе своим отказом враг.
Исполнишь ли завет Проведы трудный?
Путь долог, и опасен каждый шаг.
Утешь меня, и нет препоны счастью;
Волшебницу своею высшей властью
Ваш уговор заставлю рушить я,
И завтра же Милуша вся твоя».

60

Вот тут нашло раздумье на Голицу,
И подлинно приманка хоть куды:
Разворожить на славу царь-девицу
И получить Милушу за труды.
«Что ж делать мне?» — спросил он. «Мне сначала
Свой перстень дашь», — старуха отвечала.
«Зачем?» — «Чужой любви заветный дар,
Он одолеть мешает силу чар».

61

Уже Всеслав, глаза потупя к полу,
Чтобы Ягой не встретилось лицо,
Судьбы себя вручая произволу,
Вертя, спускал за косточку кольцо,
Вдруг дрожь на нем шатнула каждый волос:
Нечаянно знакомый слышан голос,
И то́ропно бежит Милуша в дверь,
Крича: «Постой, не слушайся, не верь!».

62

Он бросился к спасительнице милой
И, вне себя прижав ее к груди,
Воскликнул: «Нет, нет, никакою силой
Нас не развесть, сам черт сюда приди.
Любовь, и жизнь, и счастие — всё вместе,
Всё ставлю я в одной моей невесте».
— Прекрасно; но скажи нам про Ягу:
Как бабушка при этом ни гугу?

63

— А так, что вы не сыщете и сле́да
Той бабушки, и не было, а в ней
Таилась вам знакомая Проведа.
— Как! и яйцо Жар-птицы, и Кощей,
И за морем блаженные жилища,
И мед росно́й, завидной смерти пища,
И от любви истлевший Элидор?..
— Всё сказки и, коли́ хотите, — вздор.

64

— Но что за мысль прикинуться старухой,
Чтоб молодца сманить в любовный грех?
— Вы можете назвать ее прорухой;
Но вспомните, как близок был успех,

И если бы не...— Новая погрешность:
Как объяснить Милушину поспешность?
Чем вдруг ее вскружилась голова?
Она умней казалася сперва.

65

— Беда мне с ней! красавицы девицы!
Вы судьи здесь: вступитесь вы за нас.
Ужели бы ей бедного Голицы
Не пожалеть, не выручить в тот час,
Как в петлю лез он из любви к невесте?
Скажите мне: что на ее бы месте
Вы сделали?.. молчите? добрый знак;
Вы молча мне сказали: «точно так».

66

Вы ж, тетушки почтенные, не строже,
Чай, были бы Проведы? — И она!..—
Как вспомнила, что в годы помоложе,
К Владимиру душой прилеплена,
Чтоб воротить изменника, злодея,
Жизнь отдала б, о жизни не жалея,
Подумала: шуметь — лишь портить кровь;
Сильней меня, сильней всего любовь.

67

И перед ней им ставшим на колени
Сказала: «Я для ваших, дети, благ
Вас мучила, чтоб не осталось тени
Зла впереди; но разве я вам враг?
Мне жалко вас; в разлуке мало прока,
Я признаюсь: венчайтесь же до срока,
Едва дождусь из Киева гонца,
Куда пошлю на свадьбу звать отца».

68

Кабы к концу я не спешил рассказа,
Я всех бы вас туда же по́звал; встарь
Обряд такой был сущая проказа,
Особенно в домах богатых бар.
Ум на Руси большой шутник и трезвый,
Подавно там, где Лель, бесенок резвый,
Его поит, и сподтишка ему
Причуд шальных нашептывает тьму:

69

Класть рожь в снопах с их колосом зернистым
Для молодых под брачную постель,
И опахать их соболем пушистым,
И посыпать им на голову хмель,
И петухом кормить, и до рассвета
Стеречь их сон от вражьего навета,
И мало ли еще каких затей,
Науку свах и смех честны́х гостей.

70

Всё это клад для нашей писчей братьи,
И я бы мог... но, право, недосуг;
А вот что вам скажу: в гостях у сватьи
Владимир-князь с ней по́долгу сам-друг,
По старине, вел ласково беседу
И так умел заговорить Проведу,
Что с той поры прошла ее вражда
И дружбою сменилась навсегда.

71

И Студ седой к ней в милость вкрался тоже,
Сам вызвавшись в отлучках, на войне,
Где ей нельзя, присматривать построже
За молодцом, чтоб верен был жене,

И извещать. — Что ж по его известью?
— Всё хорошо, как следует, честь честью.
— Но правда ли? Студ и солгать ведь мог.
— Не знаю. — Кто ж об этом знает? — Бог.

72

Мне вéдомо, и этого не мало,
Что добрый наш Всеслав любил жену,
Что ссор у них, как жили, не бывало,
Что каждый год ходил он на войну,
И каждый раз обоим на прощаньи
Была печаль, и радость на свиданьи,
Что им равно их нравилась судьба,
И что детей была полна изба.

73

Всё от того, что умница Милуша,
И поняла, что мужу никогда
Жена брюзга, ревнивая, крикуша
Не нравится; напротив, без труда
Ко скромной он прилепится душою,
И волю даст ей быть в дому большою,
И по сердцу, меняя сто других,
Всё верен ей в объятьях даже их.

74

И дочерям внушила той же веры
В замужстве быть; и так из рода в род
Переходя уроки и примеры
И принося в обильи добрый плод,
В семействах их ведутся до сегодня,
И навсегда, лишь милость будь господня,
Останутся у барынь и княгинь
По всей Руси. Честь барыням! Аминь.

1832—1833

ИНВАЛИД ГОРЕВ

Быль

Тысяча восемьсот четвертого года
Рекрут брали по всей Руси. Бонапарте,
Брезгая консульством, молвил: «Я — император».
Сытая бу́нтами Франция иго надела;
Слабым соседям не спорить: признали с поклоном;
Сильные ж с гневом отвергли, злое предвидя.

Англия, враг коренной, поднялась кораблями,
Цесарь — ратью на суше; царь православный
К ним пристал, и с той поры началася
На́ десять лет война: великие сечи,
Сходки на́смерть безвестных друг другу народов,
Смены царств и владык, гульбы по столицам —
С юга на север, с востока на запад; от моря
Бурным приливом к Москве и отливом к Парижу.

Вдоволь стоило денег, и крови, и плача
Всем, покуда бог виновника ско́рбей,
Свергнув с престола, по смерть не запер в неволю.
Видели мы чудеса; с трудом им поверят
Внуки. Вначале никто их не чаял; но просто
Воинов новых, взамен отставных и умерших
Двух с пятисот, по всей Руси набирали.

Волости Спасской крестьянин Макар Еремеев,
Горев по прозвищу, младший в семье из трех братьев,
В город губернский свезен. В присутствие: годен!
«Лоб!» Забрили. Пошел он на царскую службу,
Биться с врагом. Поплакал он на прощанье.
Есть и о чем: жена у него молодая,

Сын по девятому году, парень отменный,
Умный, красавец, весь в матушку Мавру
Петровну.

Вот на нее поглядеть, так сам надорвешься:
Словно вдова безмужная, голосом во́пит.
Слезы ручьем! А сколько слов причитает
Ласковых мужу, колючих — себе с сиротою!
Вспомнить невмочь, а где пересказывать? Деверь,
В сани ее посадив, увез уж насильно.

Горев с другими пошел в свой полк гренадерский.
В полгода там обучился приемам ружейным,
Шагу, заряду, пальбе, глазам, поворотам,
Словом, всему, что знает исправный служивый.
В пору как раз. Полкам поход за границу.
Спешно в Австрию звали, на выручку, русских.
Всем не вдруг поспеть. Кругом на передних
Враг налег. Пробились штыками навстречу
Братьи, идущей к ним с отцом-государем.
Стали лицем к лицу противники в битву:
Тут цветки созрели в ягоды волчьи,
Тут легло людей, что в жатву колосьев,
Кровь лилась, что брага на свадебном пире.

Горев сражался, покуда ноги держали:
Рана в плече от осколка гранаты; другая —
Пулей в ляжку; пикой в левую руку —
Третья; в голову саблей — четвертая; с нею
Замертво пал. Разъезд неприятельский утром
Поднял, а лекарь вылечил. Пленных погнали
Всех во Францию. Ми́нул год с половиной;
Мир заключили, вечный, до будущей ссоры.
С миром размен; и многих оттоль восвояси
Русских услали. Забыли о бедном Макаре!

Беден всяк вдали от родины милой;
Горек хлеб, кисло вино на чужбине:
Век живи, не услышишь русского слова!

В Бресте дали им волю кормиться работой.
Русскому только и надо; и трое французов

С ним не потянутся; наш увидит чужое —
Сметит и вмиг переймет; они же, бог с ними:
Смотрят на наше, да руки врознь, а не сладят!
В теплом краю от стужи дрогнут всю зиму;
Жгут в очагах, дрова переводят, а печи
Нет догадки сложить!.. Премудрые люди!

Тем да сем промышляя, на́жился Горев;
Выучил ихний язык, принялся за грамоть —
Нашу он знал, — и мог бы там поселиться,
Дом завесть и жену: позволяли; и денег
Дали б казенных на первый завод, но Макару
Тошно навек от святой Руси отказаться,
Некрестей в свет народить с женой беззаконной.
Думает: «Вырос ли Федя, мой парень отменный?»
Тужит: «Жива ли красавица Мавра Петровна?»

Наполеон меж тем взять новое царство
Вздумал: Гишпанию алчному надо вдобавок!
С сыном король не ладил. «Милости просим
В гости! — сказал Бонапарте. — Соседнее дело,
Мир». Те спро́ста приехали; он их, лукавый,
В ссылку обоих за стражей; и землю с народом,
Брата, как куклу, им в короли, и присвоил.

Ладно бы всё, да лиха беда: не даются!
Силой бери! И, полк за полком, через горы
Рать повалила, всякое племя земное.
С прочими вечные слуги французов — поляки.
С ними наши, кто был в полону. И Макару
Велено вновь под ружье, под ранец в полпуда:
Бейся на́смерть, а не за матушку Русь, а уж бог весть
За что! На́ смех играет судьба человеком!

Люто стал за святыню народ богомольный:
С ядом, не только с мечом. И даром что Горев,
Истый наш брат христиа́нин, не грешен в кощунстве,
Не драл икон, не сквернил церковных сосудов,

Даже других унимал, не боясь насмешки,—
Всё бы плохо попасть чернецам либо черни.

В том и зло, что правый вравнё с виноватым
Гибнет в смуте войны и горячек мятежных:
Где разбирать? Господь на том свете рассудит!
Но бог милостив был и вывел Макара
Жива-здорова, немногих в числе, как пришельцев
Дочиста смел с земли своей полуостров.

В то же время другую войну на противном
Света краю завел губитель; и войска
Столько с ним, что в месяц двадцать пять тысяч
Тратить мог: его ж окаянное слово!
Шли к Москве напролом, и дорого стоил
Каждый шаг на Руси, но вождь не жалеет:
Много в запасе! Пусть лягут на приступах
тьмами,
Две под Смоленском, четыре в полях
москворецких.
Лишь бы нам величаться в Кремле златоверхом.

Бог попустил, на кару гордыни. Кутузов,
Вечная память ему, сшепнулся с морозом;
Выбрал крепкое место, так, чтобы мимо
Взад ни вперед ступить нельзя сопостату;
Выждал, и стал вымораживать, словно хозяин
Из дому вон тараканов. Недруги в драку:
Нет удачи! Погреться? — Заперты двери.
Съесть бы! — Пáдерой конской лакомись вволю.
Бегство пошло; тут меч, и голод, и холод —
Всё против них: живые шатались как тени;
Мертвыми путь усеян: нá версту сотня!

Вождь ускакал восвояси за новою ратью;
Наша вперед, а немцы к ней приставали:
Первый — преемник Фридриха; после и цесарь;
Там и все. Числом встречались уж равным;
Либо, как в Кульме, малым великое дело
Делалось, к диву военных, к спасению мирных.

Царь хвалил, чужие сказали спасибо:
Лестно было назваться воином русским.

Бедный Макар! где ты был? что делал? Он жадно
Слушал вести, носимые шумной молвою;
Скрыть бы хотели, но шило в мешке не таится.
Рейн перешли, во Франции русские. Сильно
Сердце забилось у Горева; птицей из клетки
Рвется в стан земляков: «Не стыд ли, не грех ли
Здесь злодею служить? Палит он из пушек
В наших, а я за него ружье заряжаю!
Надо бежать; лишь ноги становятся хилы,
Бок от раны болит, и ломит к ненастью.
Ну! да с богом: авось дойду». И сберется.

После раздумье возьмет: «С ума ли я спятил?
Сто ли верст пути? Нет! — тысяча будет.
Схватят, воротят, судом расстреляют, как труса:
Англинских пуль испугался-де; русское имя
Втянут в поклеп; а там одному мне не много
Сделать: Гореву взять Париж не под силу!
Волей разве служу, не по долгу присяги?
Рад бы в Сибирский, да в рай грехи не пускают».

Он бы решился; но не было воли господней,
Новый искус судившей долготерпенью, —
Пятую рану, в ногу пониже колена,
Меткий Ростбиф хватил его под Тулузой.
Кончилась тут и война. Бонапарте на остров
Эльбу уплыл, а новый король из Бурбонов,
Умный старик и русским давно благодарный,
Всех велел отыскать, снабдить и отправить
В родину: так возвратился Горев в Россию.

Срок не дошел, но раны сочлися за годы:
В чистую! Вольный казак! Не стар еще: сорок
С чем-то. «Лишь бы жива была Мавра Петровна,
Радость моя, да Федя, парень отменный,
Вырос в люди, мой свет: за всё слава богу!

С ними я так заживу, что горя не вспомню;
Буде же вспомнится прошлое, вдвое веселья».

Так Макар Еремеев, по прозвищу Горев,
Едучи в дом, рассуждал. Всё новое платье
Сшил, как до́лжно иметь солдату в отставке,
Сиречь при де́ньгах: он сберег их на случай,
Так что мог нанять лошадей и одеться,
Даже годик прожить. Жене он в подарок
Вез прекрасный платок французский. А сына
Чем подарить? «Дитя! Чего ему надо?»

Вот, как ближе подъехал к той волости Спасской,
Спрашивать стал на кормежках Макар у хозяев,
Жив ли, здоров ли тот-другой из знакомых.
Диво ему: про многих вовсе не знают.
Тех же, что знают, куда налицо их немного:
Помер, в бегах, на службе, ушел да уехал;
Дома, да хвор, с Николы лежит на полати.
Страшно своих помянуть. Собрался насилу
С духом. Ответ был на́двое, больше хороший:
«Федор Макарович жив и здоров: обзаконен
Третий уж год на дочери земского, Вере
Карповне. Тесть пожалел приданого, правда;
Но ведь им же — всё, как схоронят скупого.
Зять и сам не беден; семья их большая
Вымерла вся в тот год, как пленных французов
Гнали, и мы от них чумели; остался
Он да дура Маланья от старшего дяди».
— «Где же мать у него?» — «А бог ее знает!
Мы не знавали; на свадьбе хлебом и солью
Благословляла вдова Агнея-просвирня».
Охнул Горев: «Красавица Мавра Петровна!
Царство небесное! грусть заела в разлуке».

В самое Преображенье, в престольный их
праздник,
Прибыл Макар в село, и прямо к обедне.
В церкви всё ново: иконы, и утварь, и ризы.
Поп — молодой, из ученых; дьякон и схож бы
С сыном старого, только велик и дороден;

Причет — ребята; свечу лишь выносит всё тот же
Тихон-бобыль, но оглох и от лет полоумен.
Церковь битком набита; узнал до десятка
Горев, но ждет с терпеньем, как кончится служба.

«С миром!» К кресту приложились. У выхода давка.
Вот купчиха нарядная, в ферезях, в бусах.
Толстая, кровь с молоком, то с той, то с другою
В губки чок да чмок, и сорокой лепечет.
Вот попадья к щеголихе: «На чашечку чаю,
Матушка, к нам!.. Пожалуйста, Мавра Петровна!»

Горев глядь: она. В чаду от восторга!
Прямо к ней: «Сокровище! свет ненаглядный!
Радость! узнай: я муж твой». — «Мертвец!
помогите, —
Крикнула та, — я мертвых боюся до смерти».
Женщин сбежалось; им на́ руки так и упала
В обморок; в дом увели, на кровать, и от шуму
Заперли дверь — он только и видел хозяйку.

Говор в народе, спросы, и су́ды, и ря́ды:
Знай вертись, служивый, на все на четыре.
Вот — борода седая, купец долгополый,
С брюхом, с медалью: «Кто ты, брат, и откуда?»
— «Здешний крестьянин, потом солдат государев;
Был в полону, в отставку выпущен; Горев
Прозвищем; здесь вот сошелся с женою».
— «Спорить в другом не хочу; но Мавры Петровны
Звать женой не моги: то прошлое дело;
Нынче я ей муж. Оставь нас, а паче
Ей не кажись: сердечная бредит с испуга.
Бог простит по незнанью; но полно ж, приятель».

Молвил купец и пошел. Счастли́в же он! Горев
Чуть не вцепился в важную бороду: «Не́кресть! —
Воскликнул. — Взял жену от мужа живого!
Слыхан ли грех такой в земле православной?»

Жалко стало всем. Отец Иннокентий,
Спасский священник, отвел Макара в сторонку,
Начал ему толковать, что он понапрасну

Ропщет: «Солдатской жене позволяют законы,
Буде целых семь лет нет вести об муже,
Выбрать другого. Чистый брак и безгрешный!
Можно жалеть; но если жена изменила,
До́лжно славить всё к благу творящего бога».

Горев смолк, как вдруг, одетый прекрасно —
Синий кафтан, кушаком подпоясан персидским,
Порты́ — черный плис, сапожки́ с оторочкой, —
Добрый мо́лодец, сняв пуховую шляпу,
«Батюшка, — молвил, — я сын ваш Федор;
из церкви
К батюшке-тестю прошел и о вашем приезде
Сведал сей миг. Пожалуйте: просит покорно
Карп Демьянович; мы с женою и с дочкой
Ждем отцовского вашего благословенья».

Капля меду в Горева чашу! Заплакал,
Стал целовать в уста и в ясные очи;
Сын с почтеньем в плечо. Пошли они. Вера
Карповна с дочкой грудной ждала на крылечке:
Новая радость и слезы; вышел и земский;
В и́збу зовет, Макар вошел, помолился,
Отдал поклон хозяину, сел под святыми.

Стол накрыт; и водка на нем, и закуска;
Редька с маслом, икра и соленые грузди.
Водку сын, а пиво сноха, а хозяин
Сам предлагал съестное: «Потчевать гостя
Стыдно икрой: солона дорогая покупка.
Грузди отменные; нынче родилось их пропасть,
Некуда было девать — на здоровье покушай».

Гость про себя усмехнулся хитрости скряги:
«С ним мне не жить, и дети мои не такие;
Если б жена...» И об ней спросил он у Карпа.
Карпов рассказ не радостный: «Мавра Петровна
Вскоре слезы утерла; с первого лета
В сёла на праздники, в город на торг разгулялась.
Сына бог берег сироту да Ульяна,
Тетка бездетная; матушка — новых гадала.
Деверь журит, невестка советует: сказки!

Слух как прошел, что полки воротились, а Горев
Долго жить приказал, — поминайте как звали!
Скарб свой в узел, и в мир крещеный на промысл.
Пузин купец (имел он хозяйку в чахотке)
Нанял Мавру. Любить да жаловать! Словом,
Прежде смерти больной запасся здоровой.
Пузин дурак, а Мавра не дура: в купчихи!
Сладила с ним. Но долго с полком и с попами
Не было ладу: бумаги не шлют, не венчают!
Срока жди, как зачтут пропавшего мертвым.
Ждать! Дождалась. Вот третий год в половине
Свадьбу сыграла, с сыном в одно воскресенье,
В разных церквах; и нынче впервые к приходу,
Знать за грехи, изволила мужу навстречу.
Оставь же ее да отпой-ка Спасу молебен!»

Так рассказывал Карп, а Федор и Вера
В путь собирались; пять верст до ихней деревни.
Звали отцов. Макару диковина: в гости
Просят домой! От старого трудно отвыкнуть!
Земский вертится: «Рад бы я вашей хлеб-соли, —
Съехать на чем? Лошаденки устали от пашни.
Всем же в одной телеге будет и тесно».

— «Люди живут в тесноте, разместимся, — сказала
Вера Карповна, — мы в задок и с Танюшей,
Федор Макарович — править на козлы, а свекор-
Батюшка с ним как-нибудь: служивый не взыщет».

Больно служивому; свекром сноха помыкает:
«Нищим считает солдата, — ворчал он сквозь зубы, —
Батькина дочь! Погоди; ужо мы изладим!
Быть покуда так — что спорить с бабенкой?»

Сели, поехали. Горев и вправо и влево
Пялит глаза; увидит знакомое, вскрикнет:
«Каменка-речка! Мельница! Гать! За пригорком
Церковь Архангела! как видна издалеча!»
Снял фуражку и крестится. «Федор, а где же
Лес-березничок?» — «Срублен лет уже с восемь».
— «Жаль! грибы росли». — «Мужики распахали:

Рожь растет». — «Гляди-ка, и наша Желниха!
Против часовни наш дом». И крестится снова.
Спрыгнул к воротам и в и́збу бегом. «Не ходите,
Батюшка, — молвил сын, — у нас переделка:
Печь кладут и пол; живем во светелке,
Стряпаем в бане». — «Да! — молвила Вера. —
Куда же
Батюшку-свекра на ночь положим? Нам места
В горенке мало самим с дитятью. Из бани
Разве Маланью выслать к соседу?» —
«Не выйдет, —
Федор ответил, — насильно, что ли, прогоним?
Люди и то болтают, что худо содержим
Дуру; пожалуй, возьмут да тяжбу подымут.
Батюшка — гость, а сестра — половинщица в доме».

«Так-то! — подумал Макар, — охти мне! ошибся!
Полно, дарить ли им платок мой французский?»

Грудью мать накормила Таню-крикунью,
Стала в зыбке укачивать. Батюшка-земский
Стол накрыл. Хозяин у́брал повозку.
Дура Маланья с хлебом вошла и, чужого
Видя, «кто он?» — спросила. Ей Федор: «Сестрица,
Дядя тебе; отец мой; служивый в отставке».
— «Свой? Здорово, родимый! А что же ты, дядя,
Руки поджал как гость? Не дурак ли? Я дура
Тоже, а делаю дело; встань на подмогу.
Вместе обед принесем; настряпано много:
Шти, колобки, селянка, брюквенник, студень,
Каша, грибы и кисель овсяный с ситою».

Гореву в гнев, но видит — другие смеются, —
Сам рассмеялся, подумал: «Обида ль от дуры?»
Блюда пошел носить со стряпухой Маланьей.
После стола, поздравив служивого, выпив
С ним за счастливый приезд, пустились в расспросы:
«Что, и где, и как?» Рассказывал долго,
Службу, походы, сраженья, плен свой и выпуск
Горев, как все, мешая с былью и небыль,
Вдаль бы занесся, видя, с каким любопытством
Слушают; земского слово подрезало крылья.

«Знаешь ли что? — сказал он. — Ведь сделал
ты глупость,
Сват Еремеевич, буде во всем тебе верить!
Если б завелся ты не у родимых —
Лучше бы: жил бы сам по себе и бо́льшего
В доме не знал, и хлеб бы ел не хозяйский.
Право так! Ястреба ты променял на кукушку».

Видит Макар, что так, а сознаться охоты
Нет. «Заткну им глотку; знай, что не даром
Хлеб едим», — подумал, и в пазуху руку:
Вынул сложенный в чистой бумаге французский
Белый платок, ни дать ни взять что турецкий:
Так же по всем углам большие разводы,
Пестрые, будто цветы, и узорные ка́ймы:
Дорого стоил. Горев свой ценный гостинец
В руки снохе с торжественной подал улыбкой.

Первый прием был впрямь торжеством: любовались,
Чудились, ахали, кланялись, благодарили.
Вера Карповна в нем перед зеркало. Прелесть!
Смотрится, прочь не отходит; ангел Танюша
В люльке ревет, хоть уши зажми: и не слышит!
С час платок для всех был думой и речью;
Там — в бумагу, в сундук; вечерять; за Прошкой
(Мальчик соседний, страстный ямщик и наездник)
Тестя домой проводить; разбираться к ночлегу,
Всяк на место свое, и Макар — на сушило.

Тут, устроив бивак средь кадок, бочонков,
Хмелю, лопат, мешков, рогож и веревок,
Спать ложась, вздохнул он. «Что же со мною
Будет? первый день таков, а другие? . .
Полно, солдат! Не тужи, удалая! Не думай! . .
Страшен сон, да милостив бог; мудренее
Вечера утро». Заснул, утешаясь надеждой.

Утром рано застал он сына за делом
Письменным: земский Карп, грамотей через ну́жду,
Зятю сдал бумаг и счетов обузу,
С долей, притом, в барышах. Макару — находка:
«Федор, — сказал он, — пишу я исправно, без дела

Жить — и скука и стыд; сдай эту работу
Мне, досужней будет тебе на другую».
Сын, не вдруг обдумав, ответил: «Пожалуй!»

Горев за делом: чинит, чёртит и пишет
Ведомость, сказку, записку, словом — бумагу;
Пишет на славу, на диво всей волости Спасской.
Грамоте выучен он не на медные деньги, —
Чистым брал серебром московский учитель
Князя Селецкого. Князь — Макаров ровесник,
Выкормок груди одной; кормилицы сына
К братцу водили играть, и учили их вместе
С год, до отъезда в столицу княжого семейства.

В почерке сила своя, а в смысле другая.
Всю перерыв до листа лоскутную кипу,
Видит бестолочь Горев: очередь сбита,
Пропусков тьма, а инде записано дважды,
В справках ошибки, и в счетах неверны итоги.
Он, как усердный делец и честный служивый,
Сыну всё показал: «Поправить, — мол, — надо».
Тот туда и сюда: «Без батюшки-тестя
Мне-де нельзя; оно же вам, батюшка, трудно,
Мы уж кой-как. . .» (себе на уме — «наплутуем»).
Взял бумаги и запер. Отец в недоумье:
«Что не в угоду?» Не глуп, а зело недогадлив.

Кончив одно, за что другое приняться?
В поле — плохой работник: отвычка и раны;
Воду таскать, колоть дрова и лучину,
Нянчить внучку, когда родимой не время, —
Радости мало во всем; а горше под старость
Быть меньшим, и где же? — в родительском доме.
Сын и сноха — хозяева; Таня, их ангел,
Как ни мала, что хочет — то делает; земский
Вживе — клад, а сдохнет — вдвое и дорог;
Дура Маланья всё ж половинщица: дай-ко
Денег Мавра Петровна — матушкой будет.
Батюшка что? Седьмая спица, сердечный!

Вкралась скорбь, змеей обвилася по сердцу.
Есть, ни пить не дает и сон прогоняет.

Злее нет болезни; чуму и холеру
Худо, а лечат врачи; но кто же от скорби
Врач? К кому прибегнуть? К господу-богу.
Молится Горев; чуть обедня — и в церковь.
В постный праздник Усекновенья Предтечи
После службы зашел он к земскому-свату;
Гостя застал: слуга господский по платью!
«Чей?» — спросил. «Селецкого князя». —
«Какого?»
— «Князь один: Александр Михайлович». — «Разве
В Бареве он?» — «Давным-давно». И Макару,
Знать любопытному, всё рассказал он подробно:
«В гвардии князь служил лет десять; в походе
Прусском был капитан, полковник на новый
Год, и женился; выбрал невесту из немок,
Софью Романовну, дочь старика генерала;
Как по фамильи — не в память: мудреная, с *фоном*.
Славная барыня, даром что немка! Как с мужем
В душу жила! Добра как много творила!
Как умела по-нашему! Русская словно!
Бог ей не дал веку: на первом ребенке
Стала хилеть, со вторым скончалась. С печали —
Князь в отставку, свету челом, да в деревню.
Только и было отлучки в год ополченья.
С ним в чужие кра́и ходил ненадолго;
В прочем — ни пяди. Живет келейным монахом,
Тешится Мишей-сынком и сам его учит.
Он охотник учить; на выбор крестьянских
Взял с полсотни ребят, и в Бареве школу
Для пользы крестьянской завел: присмотр
и порядок!
Старшим — бедный поручик с ногой-деревяшкой,
Ундер гвардейский под ним и два рядовые.
Видно, что были служивые; правда, до гроба
Хлеб им, приют, содержанье и доброе слово».
— «Нынче дома ли князь?» — «И, ведомо! Завтра
Он именинник; гости будут, и в город
Ездил я за тем — купить из припасов.
Завтра в нашем селе что светлая Пасха».

Горев думать: «Барин добрый; полковник;
Мы с ним играли: дай схожу я поздравлю

С ангелом! Там же покойница спит на кладби́ще —
Матушка: чуть ее помню; но всё по усопшей
Богоугодное дело — отпеть панихиду».

Княжий закупщик уехал; Макар же, чтоб лишних
Верст не мерять, в Спасском остался до у́тра.
Встал с зарей, оделся чисто и с солнцем
В ход пошел; а ходу часа ему на два.

В Бареве все на ногах; пестреет народом
Красный двор: мужики кто в синем, кто в смуром;
Бабы в ката́х, в стамедных цветных сарафанах;
Дичи, ягод, меду, яиц, полотенец
(Барину всё на поклон) разложено пропасть.
Парни все под гребенку, в сереньких куртках,
Бойкие, бегают; издали смотрит служивый
Важный, о двух крестах и о двух же медалях.

Горев вежливо с ним в знакомство, в беседу:
То, да се, да житье каково? — «Хорошо бы, —
Тот в ответ, — да мало нас, а мальчишек
Много баловней. С прошлой недели товарищ
Слег в больницу от старых свинцовых орехов.
Я да ундер. Поручик, его благородье, —
С князем, либо с князьком; ему ж не по чину
С нами: взглянет, прикажет что надо, и по́лно.
Хочем просить еще бы кого, да не сыщешь
Скоро нашего брата здесь в околотке».

Вот меж тем и звон пошел с колокольни;
Вот из дверей на крыльцо офицер колченогий;
Жалко! лет тридцати, и собою красавец.
«Смирно, — мол, — братцы; князь сейчас!»
И притихли.
Подлинно, за́ словом, сам именинник, и с сыном
(Что за дитя: херувим!) выходит. Поклоны
Тут от всех, поздравленья, подарки; хозяин
Ласково всем отвечал и после обедни
В гости звал пировать. Тут выступил Горев:

«Здравья желаю, ваше сиятельство».
— «Здравствуй,
Брат сослуживец. Давно ли здесь и отколе?

Как зовут?» — «Нельзя меня вам припомнить:
Очень давно; а меня знавали вы». — «Стыдно,
Только забыл; виноват; скажись».
— «Я — Макарка,
Сын кормилицы Домны; звался постреленком».

Князь улыбнулся, и в бледном лице его краска
Вдруг проступила: взыграли детские лета.
«Помню, — сказал он, — очень помню! Спасибо,
Старый знакомый, что ты навестил. Не подумай
В шутку — твой приход мне лучший подарок.
Домна рассталась с детьми, чтоб ехать с питомцем:
Столько любила! Мне грех забыть, и на память
Каменный крест поставил ей на могилу».
— «Бог за милость продли вам несчетные годы, —
Молвил Макар, — и сыну и внукам вовеки».
Оба рады бы всплакать, да совестно. Странно!
Нет похулы в слезах, а люди смеются.

Вот трезвон, и в церковь пора. От молебна
Князь — к себе отдохнуть, и при́звал Макара:
С детства его не видав, хотелось проведать,
С толком ли он человек и многого ль стоит.
Горев делом смекнул; рассказывал просто,
Лишних слов не вводя. Довольно и правды:
Пусть формуляр в Желнихе; свидетельство ранам
Носит он за пятью́ печатьми на теле.
Речь складна: дураком не создан с природы;
Видел немало всего, а вытерпел боле:
Мог поумнеть. Искони несчастье и разум
Вместе свыклись, друг не ходит без дружки —
Ум и кличет беду и крепится бедою.

Князю понравился Горев; открыл он бумажник,
Вынул сто рублей: «Возьми-ка, служивый!»
Тот не берет. «Ты, друг мой, чинишься напрасно.
Верю, своих у тебя есть сотня, другая;
Но и третья не лишняя: так ли?» — «Бесспорно,
Ваше сиятельство; деньги хлеба не просят,
Хлеб же дают; но взять от вас не посмею».
— «Как! почему?» — «Есть просьба, крайняя ну́жда:
Сто ли рублей? Не в пример: в ней страшно отказа».

— «В чем? Скажи». — «Ох, ваше сиятельство, худо
Дома житье! Четвертая нынче неделя,
Сто́ит года царской службы. Бывало,
Холод, грязь, сухарей ни крошки, а весел:
Люди с тобой! Угольком на биваке закуришь
Трубку — соси да болтай, и голод не пикнет;
Пе́ревязь чистишь, суму, ружье — и не скучно.
Черные дни втерпеж, а мало ли красных?
Здесь кому, на что я годен? На вы́мет!
Поздно нашего брата учить послушанью;
Знаем давно, и рады, лишь был бы начальник.
Кто в полку? — Офицер, дворянин благородный,
Ундер, фельдфебель, наш брат: поумнее, постарше,
Тем и вышел; знает чин чина — и любо.
Как же я покорюсь снохе, либо сыну?
Пусть и грубости нет, а всё уж большие;
Всё их воля, и я. . .» Примолк, опасаясь
Князю наскучить и в сердце растрогать кручину.

«В чем же, — князь спросил, — ко мне твоя просьба?»
— «Будьте отцом! У вас здесь школа ребятам.
Учат и смотрят солдаты. Как тех, осчастливьте
Так и Макара! Горев другого не хуже.
Рад стараться до крови капли; ни платы
Мне, ни одежи не надо; останусь доволен
Ха́рчем и пойкой: вам не в убыток, а я бы
Вечно бога молил; и только надежды:
Он да вы». —«Ты просишь слишком умильно, —
Князь отвечал, — давно бы попросту молвил;
Мне ж человек и нужен вместо больного».
— «Слышал, ваше сиятельство; то мне и духу
Придало: так уж я боялся». — «Чего же?»
— «Сам не знаю путем, — куста, как ворона!
Сорок лет хожу по мыта́рствам: напуган!»
— «Песня с концом; но мы не согласны в условьях:
Даром слуг не беру, плачу по окладу.
Брату грудному прибавил бы, — прочим обидно.

Эту же сотню возьми, не в счет, а в подарок».
— «Ваше...» — «Молчи! Горазд ли ты грамоте
русской?»

Радостный Горев тут и сам усмехнулся:
«Разве изволили вы забыть Аполлоса
Саввича с длинной указкой? Смешон был покойник
В розовом фраке и взбитых пуклях под пудрой».
— «Но тому давно: ты мог разучиться».
— «Новую выучил в Бресте; французскую».
— «Право?
Честь и хвала! Без нее обойдемся, однако.
Прямо теперь явись к поручику; скажешь
Наш уговóр, а там — знай его благородье».
— «Слушаю, ваше сиятельство!» — «С богом,
за дело».

Горев с тех пор спокойно там проживает,
Даже доныне. Школа давно уж закрыта,
Вслед за тем как сам основатель скончался.
Князь Александр Михайлович, зная, что редко
Сын с отцом согласен в образе мыслей,
Зная притом, что мертвый живым не указчик,
Только одно приказал в завещанье духовном:
«Трем инвалидам по смерть давать содержанье
Прежнее, с тем, чтоб они учили крестьянских
Мальчиков, — всех безденежно, кто пожелает».

Князь молодой на службе. Бедный поручик
Стал богат по жене, единственной дочке
Пузина с первой супругой. Мавра Петровна
При смерти долго лежала во время холеры;
Бог умудрил в болезни — дала обещанье,
Буде встанет, пойти в монастырь, — исцелилась;
Каясь в вине, упала в ноги Макару;
С ним и со всеми простилась в любви,
и постриглась.
Пузин хлопочет с попами о третьей женитьбе.

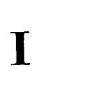
Карп Демьянович помер, и Тáнюшка-ангел
С ним на суткáх: от крику случился родимец;

*

Так что Федор и Вера радость и горе
Вдруг получили: земский оставил им денег
Кучу; дети все мрут — хоронят да плачут!
Дура Маланья смеется над ними, и часто
Дразнит назло: «Вот вам за то, что Макара
Дядю обидели! Бог вас проклял, и ни́что».

1835

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ


I

АНДРОМАХА

Трагедия в пяти действиях в стихах

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ СКУРАТОВУ

С тех пор как стихотворцы, более постигнув цель высокого искусства, перестали искать покровительства и пособий у вельмож и богачей, посвящения стали редки. Скромная дружба боится изливать свои чувства в присутствии людей посторонних, с ней незнакомых, готовых смеяться над ее чистосердечием и простотою; в тишине наслаждается она своим счастием, и беседы вполголоса в тесном кругу ей милее печатных объявлений.

Так думали, так чувствовали мы, быв помоложе, когда служба в одном полку нас познакомила; когда трехлетняя война, разлучая нас с родиной и родными, ежедневным свиданием утверждала в нас взаимную приязнь; когда мы как братья делили труд и опасность, деньгу и нужду, радость и горе; когда в памятную зиму как много людей умирало и я слег горячкою, ты сидел у сголовья моего, поил сухарной водою и переворачивал жаркие подушки; когда в Кульме от сходства моего с нашим покойным Б *** разнесся по рядам слух, что я убит, и ты прибежал и, найдя меня в живых, так горячо обнял.

Теперь время другое. Молодость наша прошла. Службу мы оставили. Ты, спокойный отец семейства, поселился в своей деревне; меня неугомонная судьба носит с места на место, и всегда полторы тысячи верст между нами. Правда, мы знаем друг друга, ссоры не бывало и быть не может; но время и отдаление страшны. Им вопреки, внушило мне сердце новым гласным доказательством тебя уверить, что мои чувства и живы и постоянны, и что одно из первых моих жела-

ний есть то, чтобы Скуратов и Катенин, быв друзьями пятнадцать лет, ими остались по смерть.

Трагедию мою ты знаешь, как я сам; я начал ее семнадцати лет в конце 1809 года; перед выступлением нашим в поход в марте 1812, два действия и более половины третьего были готовы; они отдыхали в России до возвращения нашего из чужих краев; с 1815 года принялся я за дело с новым усердием, не жалел стараний. добросовестно читал ее тебе и всем, от кого я мог ждать дружеского совета или полезного наставления; в половине 1818 года она была кончена. Ты не найдешь в ней никаких перемен с тех пор, не от того чтобы я полагал ее доведенною до возможной даже мне степени совершенства; но, признаюсь тебе, множество препятствий, задержавших в течение осьми лет ее представление, меня охладили; рука не поднималась на поправки; и, трудившись так много, хотелось насладиться хоть мало, прежде чем над старой работой приняться за новый, скучный и неблагодарный труд.

О появлении третьего действия в «Русской Талии», тогда как я жил в Кологриве, о различных суждениях и отзывах о трагедии вообще не скажу ни слова. И что сказать? для тебя и некоторых все будет лишнее, для многих недостаточно и бесполезно, для меня самого несносно. Всякое творение искусства должно само за себя отвечать: вот мое правило. В споры за свои стихи я никогда не входил и не войду. Здесь им всего менее место, здесь, где я только хотел возобновить нашу старую приязнь, посвятив первому из моих друзей то из моих сочинений, которое по величине и объему, по важности рода и содержания я также почитаю первым.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Агамемнон.
Пирр.
Улисс.
Андромаха.
Астианакс.
Клеона, наперсница Андромахи.
Алким, клеврет Пирров.
Воин троянский.
Воины греческие.

Действие в Трое у чертога Андромахи.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Андромаха, Клеона.

Клеона

Нет, Андромахи я не познаю в тебе:
Где твердость, с коей ты противилась судьбе?
В глубокую полно́чь, когда вся Троя дремлет,
Какой безвестный страх так вдруг тебя объемлет?
То ко гробнице сей, где скрыт супружний прах,
То к сыну спящему блуждаешь ты в слезах.
Боязнью ль?..

Андромаха

Не стыжусь боязни сей, Клеона.
Всё предвещает мне паденье Илиона:
Мы все погибнем с ним, и ты, мой сын драгой!

Клеона

Чего ж страшишься ты? Нам возвращен покой,
Война кровавая ахейцев истощила,
Им Фригия была пространная могила;
Избраннейших из них постигла смерть в полях;
К отчизне прочие плывут на кораблях,
И Троя в радости надеется, как прежде...

Андромаха

Не доверяюсь я обманчивой надежде.
Коль посылает нам сны вещие Зевес,
Всех бедствий ждать должны от гневных мы небес,
Ждать вскоре их. — Внемли: в безмолвный час полночи,
Едва желанным сном мои сомкнулись очи,
Супруга моего мне вдруг явилась тень;
Но Гектор не таков, как был во славный день,
Когда суда данай воспламенив пожаром,
Патрокла поразив убийственным ударом,
Броней Ахилловой одет на страх врагам,
Вступал торжественно в спасенный им Пергам.
Весь бледный, рубищем предстал он мне покрытый,

Лиющий токи слез, ударами избитый,
Власы его, брада, и весь окровавлен.
Вкруг ног еще ремней тех знак напечатлен,
Чем он, привязанный победною десницей,
Влачился по песку за гордой колесницей.
Я не могла вещать супругу моему,
Лишь руки в ужасе простерла я к нему;
Он отступил и рек: «Спасай от смерти сына;
От греков град падет, свершается судьбина».
Он рек, умолк, исчез, трикратно грянул гром;
Я кинулась с одра, испуганная сном,
Зреть сына моего в боязни побежала,
И спящего его спокойным сном застала;
Он спит, когда убийц во тьме сокрытый меч
Взнесен уж, может быть, чтоб жизнь его пресечь.

Клеона

Оставь напрасный страх, когда ликует Троя;
И мог ли тщетный сон лишить тебя покоя?

Андромаха

Покоя! ах! давно рассталася я с ним;
Со дня плачевного, как братиям моим
И древнему отцу, покрыту сединою,
Смерть лютая пришла Ахилловой рукою;
Со дня, как грустна мать в болезненных слезах
Скончала дни свои на дочерних руках.
Отрадою еще имела я супруга,
В котором мать, отца, и братиев, и друга,
Всё находила я; он в брани пролил кровь,
И сын, по нем одна мне радость и любовь,
Несчастный сирота, бессильный, беззащитный,
Насытит смертию гнев греков ненасытный.

Клеона

Не страшны греки нам: святыню, храм презрев,
Несут безбожные Паллады мстящей гнев.
Вотще ей в дар Еней, Улиссом наученный,
Чтоб заменить кумир богини похищенный,
И в стане хищников пожертый от огня,
Из древ соорудил огромного коня.

АНДРОМАХА.

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Сочиненіе

П. Катенина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. Греча, 1827.

Сей дивный исполин, днесь зримый в нашем граде,
Залогом счастия богами дан Троаде.

Андромаха

Всего страшусь; как знать, не мы ль ослеплены,
В нем зрим защитника Фригийския страны?
Воспомни, как враги от Трои удалились.
Все граждане тогда ко брегу устремились,
Кумира древнего спешили все взамен
Коня сего вовлечь в ограду наших стен;
Один противился глас вещия Кассандры:
«Скорей его в волнах топите вы Скамандры,
Иль жгите в пепл огнем: опасен дар врагов,
Нет блага в нем, опричь иль смерти, иль оков;
Безумцы! близок срок, и плеск, и ликованья
Применятся для вас на вечные стенанья». —
Так дочь Приамова тогда вещала нам;
Но не внимал никто пророчицы словам.
Теперь же мертвые из ада излетают
И страшные для нас угрозы подтверждают.
Не тщетно, убоясь за сына своего,
Мне Гектор повелел скорей спасать его;
И если верить мне предчувствиям душевным,
Се ночь последняя пергамляиам плачевным.

Клеона

За сына твоего, царевна, тщетен страх.
Безвреден будет он и в греческих полках,
И там защитники найдутся Илиону,
Ахиллов сын давно есть враг Агамемнону;
И добродетелью твоей и красотой
Плененный, возжелал он в брак вступить с тобой
И даже чрез послов обет давал Приаму,
Как новый Гектор наш, защитой быть Пергаму
Обиден был отказ; но может ли, любовь
Вдруг к матери забыв, пролить он сына кровь?

Андромаха

И ты о Пирре мне вещаешь в утешенье!
Советуешь искать в любви его спасенья!
Ужель забыла ты, что с горестного дня,
Как Гектор мой погиб, всё мертво для меня;

Что если б сына я, Клеона, не любила,
Быть может, жизнь свою давно бы прекратила?
Он утешение, надежда мне одна;
В нем Гектора черты и бодрость уж видна,
Превыше отрока и разум в нем и сила,
Так щедро всем его природа одарила,
И всё гласит, что он, коль воля в том богов,
Делами превзойдет великих праотцов.
О сын мой! .. но почто здесь медлим мы, Клеона?
Приаму возвестим опасность Илиона;
Коль может, да спасет от гибели свой град:
Отец, он за своих пещися должен чад.
Пойдем... я внемлю шум, оружья треск, смятенье.
Ах! всё свершилося, и поздно нам спасенье!

Клеона

Возможно ли! что зрю! о небеса! о страх!

Андромаха

Предвижу всё, вещай.

Клеона

Со светочьми в руках,
По стогнам бегают отряды воруженных;
Сюда мне слышен гул их воскликов смешенных.
К чертогу царскому все двинулись толпой.

Андромаха

Пойдем и мы к царю: безвестности такой
Нет сил моих сносить, судьба да совершится.
Но с вестию какой сей воин к нам стремится?

ЯВЛЕНИЕ 2

Андромаха, Клеона, воин троянский.

Воин

Спасай, царевна, жизнь! Скорей отсель беги,
Доколь еще в чертог не вторгнулись враги.
Остаток наших сил им доступ воспрещает;
Но нет спасенья нам, и Троя погибает.

Андромаха

О боги гневные, безжалостные к нам!
Вы предали троян свирепейшим врагам.
Но кто враги сии? Иль воле вняв небесной,
Родила их земля вдруг силою чудесной?

Воин

Сей конь, дар пагубный Улиссовой руки,
Изрыгнул нам на смерть противников полки.
Утроба мрачная таинственной громады
Скрывала их вождей нам гибельны засады;
По верви ночью все спустились в тишине,
Беспечных стражей стен зарезали во сне,
Отверзли с моря вход, и Скейскими вратами
Вся рать их вторглась в град великими толпами;
Трояне ж скорбные, окованные сном,
Без битв побеждены и попраны врагом.

Андромаха

Ужели весь народ без брани, без стязанья,
Как стадо робкое, влеченно для закланья,
Под острый меч главу послушную склонил?

Воин

Вотще дух бодрости троян воспламенил.
От сна вспрянувшие, едва вооруженны,
Устройством и числом противных устрашенны,
Нет сил им устоять; а греки между тем,
Везде рассеявшись, владеют градом всем.
Агамемнон, восшед на высоты́ Пергама,
Стрежет их с частью войск; Паллады святость храма
Презревши, ворвался Улисс в него с другой,
И к дому царскому, где жесточайший бой,
Со всею силою приспел на помощь к Пирру;
Сей, в бешенстве схватив одной рукой секиру,
Другою пламенник, всё рушит, жжет, мертвит.
Вотще противится младой ему Полит,
С бессильной храбростью в опасности дерзая;
Страшусь, погибнет он, дом отчий защищая.
В сражении у врат узрел меня Приам,
И удалить отсель тебя велел мне сам:
Беги, царевна.

Андромаха

Нет, отсель не удалюся.
Коль смерть мне рок судил, от смерти не спасуся,
Здесь буду ждать ее; а ты спеши к вратам,
И жизнь в драгой цене продай своим врагам.

ЯВЛЕНИЕ 3

Андромаха, Клеона.

Клеона

Что предприемлешь ты? Спасенье отвергаешь,
И верной смерти здесь спокойно ожидаешь.
Ужель отчаянью предавшись одному,
Забыла, сколь нужна ты сыну своему?

Андромаха

О нем едином я, Клеона, помышляю.
Хочу его спасти; но средств не обретаю.
Все к бегству нам пути закрыты от врагов.
Оставлены, мой сын, от гневных мы богов.
Но что я говорю! Благое провиденье!
Ты сына моего внушаешь мне спасенье.
Пойдем... но с ним меня усмотрят коль враги,
Он мертв!.. Останусь здесь, Клеона, ты беги
И сына моего стезею потаенной
Спеши отнесть в сей гроб, супругу посвященный;
Иди, беги скорей, скрой сына моего.
Нетерпеливо жду возврата твоего.

ЯВЛЕНИЕ 4

Андромаха
(одна)

Дерзну ли вас молить, разгневанные боги!
Давно уже ко мне безжалостны и строги,
Вы отвратили слух от плача моего.
В единый год, увы, лишилась я всего:
Сограждане мои, мать, братия, родитель
И Гектор — пали все в Аидову обитель;

Все бедства на мою низверглися главу.
Но сын мой жив еще, и я еще живу.
В час скорбный сына мне сего вы даровали,
С рождением его познала я печали;
Но над моею все сберите их главой,
Я буду счастлива, коль сын избавлен мой.
Он сын и ваш, в нем кровь тех праотцов струится,
С кем не гнушалися вы кровию смеситься.
Спасите!..

ЯВЛЕНИЕ 5

Андромаха, Клеона.

Андромаха

Где мой сын, Клеона?

Клеона

В гробе сем
Сокрыт он; но увы! конец нам близок всем —
Весь гнев излил Зевес на бедственную Трою,
И царь Приам погиб.

Андромаха

О небо! чьей рукою?
Кто дерзновенный смел царя в нем не почтить?
Кто, крови алчущий, мог старца умертвить?

Клеона

Немилосердый Пирр, когда сей царь почтенный,
Пред олтарем святым, семейством окруженный,
Искал спасения от ярости врагов,
Сразил последнего из всех его сынов.
Отчаянный отец не мог сдержать упрека,
И раздражил еще безжалостного грека;
Он сына кровию дымящимся мечом
Сразив, поверг отца пред самым олтарем:
Вот всё, что от толпы, бегущей всюду с криком,
Уведать я могла о бедстве толь великом.

Андромаха

О царь мой и отец! Тебя уж боле нет!
Ни царский сан тебя не спас, ни слабость лет,
Ничто, и в прахе ты лежишь окровавленный,
Под грудой мертвых тел позорно погребенный.
Но ты счастливей нас: ты смертию сражен,
А мы, несчастные! познаем горький плен,
Остаток наших дней в нем проведем с слезами,
В Аргос отвезены презренными рабами.
Стеня под бременем постыдных там трудов,
Надменных будем мы посмешище врагов.
Ах! сколько тягостно в несчастии презренье!
Быть может, некий грек, мой зря позор, плененье
И радуясь, что я служить принуждена,
Смеяся мне, речет: се Гектора жена.
Но в горестных мечтах лишь время здесь теряю.
Астианакса жизнь тебе спасти вверяю,
Клеона; поспеши...

Клеона

Куда спешить теперь?
Уже вступают к нам, вторгаются во дверь.
Улисса вижу я.

Андромаха

С ним вместе Пирр; о горе!
Чтоб не узрел меня, уйдем, убегнем вскоре,
И возвещу тебе я новый вымысл мой.

ЯВЛЕНИЕ 6

Пирр, Улисс, Алким, воины греческие.

Пирр

(смотря вслед Андромахи)

Страшится наконец она сойтись со мной!
Постойте, воины, убийства прекратите;
Не медля сей чертог отвсюду окружите,
Да не дерзнет никто из сих избегнуть стен.
Но пощадите жизнь всех отроков и жен:
Когда настанет день возврата нам в Элладу,
В них подвигам своим найдете вы награду.
Ступайте!

ЯВЛЕНИЕ 7

Пирр, Улисс, Алким.

Пирр

Щит и шлем сними с меня, Алким.
Но ты, о государь, мне возвестил пред сим,
Что нечто мне сказать желаешь от Атрида.
Не новая ли мне готовится обида?

Улисс

Нет, государь; он, чтя твоих отважность дел,
Награду первую дарит тебе в удел,
С согласья общего начальников и воев.
Нет равного тебе среди кровавых боев,
Блестящей славой ты всех сильных омрачил,
В тебе воскрес для нас божественный Ахилл;
И как достойнейший, к твоей в добыче доле
Сам прилагай дары, избранные по воле.
Мы не жалеем их, чтоб Пирра наградить.

Пирр

Лаертов мудрый сын! престань меня хвалить.
Кто может заменить нам мертвого Ахилла?
Со смертию его врагов восстала сила,
И как прешел сей вождь Елисии в поля,
Осталась сиротой ахейская земля.
Но я дары вождей как честь себе приемлю,
С собой их превезу в отеческую землю,
И там они, всегда являясь предо мной,
Вознаградят меня за трудный подвиг мой.
Ни злата, ни сребра стяжать я не желаю:
Кто ищет их, того я в сердце презираю.
В отраду же любви и гнева моего,
Прошу себе, Улисс, возмездья одного:
К разделу Гектора вдовы не приобщайте,
Судьбу ее решить единому мне дайте,
И здешних внук царей, познавший ныне плен,
Да будет с матерью во власть мою вручен.

Улисс

Еще не решено поныне между нами,
С другими ль наравне сын Гектора рабами

Познает над собой властителя иль мертв
Падет в отмщение отцом сраженных жертв.
Вожди определят то думою своею,
И обещать его я власти не имею;
Когда же чем другим...

Пирр

Другого не возьму.
Но удивляюсь я ответу твоему.
Едва, с твоих же слов, творя всех греков волю,
Награду на свою успел избрать я долю,
Как от тебя уже внимаю в ней отказ,
Но оскорбления терпел я много раз,
И боле не стерплю, чтоб Андромахи сына...

Улисс

Решится греками, не мной, его судьбина,
Я уж сказал тебе; но в гневе ты слепом
Не внемлешь даже слов, единым им влеком.
Иду отсель, да все твое желанье знают
И распри тщетные меж нас не возникают.

ЯВЛЕНИЕ 8

Пирр, Алким.

Пирр

Ты слышал ли, Алким, коварный сей ответ?

Алким

Клеврету верному позволь подать совет.
Над сыном, государь, оставь ты грекам волю,
И матери одной проси себе на долю.

Пирр

Что пользы в том, Алким? известна мне она.
Чадолюбива мать и верная жена,
С убийцей сына в брак не вступит ни во веки.
Но смертию грозят Астианаксу греки;
Он мной одним спасен быть может для нее;

И мыслю, что во мне спасенье зря свое,
Исполняся в душе раскаянья и страха,
Почтит тогда во мне супруга Андромаха.
Постыдно было бы вождю победных сил,
Когда б от пленницы отказ он получил.
Вождей же преклонить советами я льщуся,
А коль не внемлют им, вождей я не страшуся.

Алким

Что слышу, государь! иль бедственну войну
Желаешь ты пренесть в ахейскую страну?
Ты, в Марсовых полях Данаев защититель!
Ты, Трои злейший враг и славный победитель!

Пирр

Коль Трои я, Алким, паденье ускорил,
Не мщенью греков я, мне чуждому, служил;
Я мстил лишь за отца, безвременно сраженна,
Кому и в младости дивилася вселенна,
Кого изменою злый умертвил Парис.
Отмщенья алчущим нашел меня Улисс,
И матери моей не сжалясь над тоскою,
Я с радостью ему последовал под Трою;
Но, боги! тот ли мнил найти себе прием?
Никто не сожалел там об отце моем,
Всю рать порабощал Агамемнон кичливый,
С ним купно властвовал Улисс многоречивый,
А прочие вожди, иль смертью полегли,
Иль власти лишены, дни в праздности влекли.
Союз родителя с младою Поликсеной
Дерзали называть Атриды им изменой;
И, наконец, доспех, Ифестов дивный труд,
Улиссу отдал в дар вождей неправый суд.
Я с хладностью не мог терпеть сея обиды,
Мне ненавистными соделались Атриды,
И Андромахою в то время же пленясь,
Приаму предложил я дружественну связь.
Ты знаешь их отказ и гнев мой справедливый:
Поклялся я отмстить за сей отказ кичливый,
И наконец, Алким, исполнил мой обет.
Но греческих вождей надменный коль совет
Мне выдать должное откажет награжденье,

За все обиды вдруг хочу насытить мщенье,
Чтобы Агамемнон с прискорбием познал,
Коликого в мужах он властью отягчал.
Но между тем как я с тобою здесь вещаю,
Меня зовущий долг во гневе забываю:
Нам должно шествовать со прочими во храм,
Принесть моление всеправящим богам.
Уже ночь темная на запад убегает,
И солнца первый луч чертоги освещает.
Пойдем; когда же рать моленье принесет,
К Атриду я пойду, чтоб он и весь совет
Решили наконец, беседуя со мною,
Чем отвечать мне им — иль миром, иль войною.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Агамемнон, Улисс.

Улисс

Так, греческая вся вознегодует рать,
Коль сына Гектора откажешь ей предать,
Да совершат над ним достойное отмщенье
За подвиги отца и греков пораженье,
Которых навсегда отъяв у жен и чад,
Низвергнул тысячьми сей вождь во мрачный ад.
Престань же, государь, противиться их воле
И сына Гектора не защищай ты боле.

Агамемнон

Улисс премудрый! так, постыдно видеть мне
Ужасным отрока всей греческой стране
И кровью слабого постыдно обагриться;
Но греки коль хотят, я должен согласиться.
Насытят пусть над ним они свою вражду;
Отказом новых распрь я здесь не возрожду.
Во власти ли моей сей пленник знаменитый?

Улисс

Нет, государь, досель он матерью сокрытый
Еще не представал Улиссовым очам;
Напрасно прибегал я к хитрым с ней словам
И в действо приводил то ласку, то угрозы.
Ответом были мне молчание и слезы.

Агамемнон

Но тайны проникать Улиссов есть удел.
Никто еще пред ним хранить их не умел,
И Гектора ль вдова из всех теперь едина
От прозорливых глаз его укроет сына?
Нет, равная другим его постигнет часть,
И вскоре чрез тебя падет он нам под власть.

Улисс

Хотя б мои труды успехом увенчались,
Не все еще для нас препятствия скончались.
Сим утром, государь, по воле я твоей
Зрел Пирра и вещал с ним именем вождей.
За подвиги его в Троянскую осаду
Я предлагал ему желанную награду;
Но не приемлет он ни злата, ни даров.
Он к Андромахе вновь восчувствовал любовь,
И, пребывая тверд в желаньи сем едином,
Владеть лишь хочет ей и Гекторовым сыном.

Агамемнон

Коль Пирр защитник им, Астианакс умрет.
Кичливцу мстить судьба мне случай подает.
Давно уже сей Пирр, во всем отцу подобный,
Надменный так, как он, неумолимый, злобный,
Всех ненавистней мне от греческих мужей.
Едва из Скироса он прибыл в стан вождей,
Его строптивость вдруг всех греков оскорбила.
Он властвовать хотел оружием Ахилла,
Аяксу восприять отказанную мзду,
И ратных и царей противяся суду,
Похитить у тебя тех подвигов награду,
Чрез кои, нам служа, ты довершил осаду
Погибелью врагов; но не успел он в том
И должен был молчать со скорбью и стыдом,

С стыдом, которым я и здесь его покрою.
Я знаю, мыслит он, что ниспровергнуть Трою
Все греки б не могли, когда бы не Ахилл
И смелый сын его поборником нам был;
Пирр льстится в Греции быть первым из героев,
И шумная хвала толпы безумных воев
Высокомерный дух лишь боле в нем острит;
Но ею презирать давно привык Атрид.
Так, если Пирр еще вскичится предо мною,
Клянуся, Дий! тебе я чад моих главою,
Клянусь, познает Пирр, и, может быть, стеня,
Прощаю ль я тому, кто раздражит меня,
Кто Греции из нас подателем закона,
И тщетно ль скиптр и меч в руках Агамемнона.

Улисс

Сей гнев, о государь, безвременный спокой.
Поверь, не столько Пирр Атридов враг, сколь мой.
Со дня как греков рать оружие Ахилла,
Не внемля слов его, Улиссу присудила,
Мы воспылали с ним взаимною враждой;
И если б, ослеплен, ей следовал одной,
С тобою б на него я в гневе ополчился,
И смертью, может быть, раздор бы наш решился.
Но греков пожалей, о царь, враждуя с ним;
Не забывай, что Пирр всем воинством любим;
Все удивленные в боях его делами,
Его уже с отцом равняют похвалами,
И коль употребить одну восхочешь власть,
Брегися, государь, брегись, чтоб войска часть
За Пирра на тебя крамолой не восстала
И мести у тебя желанной не отъяла.
Нет, лучше хитростью полезной воружись,
Послушным гласу войск пред Пирром притворись:
Чем боле явишь ты наружного смиренья,
Тем ревностней вся рать свершит твои веленья,
И пылом юности не зная Пирр владеть,
Сам свержется тобой в расставленную сеть.

Агамемнон

Так, ты мне кажешь путь к желанному предмету.
Улисса познаю по хитрому совету.

Хотя до дня сего еще не знал Атрид
Сердечным чувствиям обманчивый дать вид,
Но в дружбе и вражде стезей идя прямою,
Всегда сражал врагов нескрытою рукою,
Хотя притворствовать мой дух не изучен;
Но если только сим враг будет низложен,
На всё согласен я: смирю свой гнев правдивый
И дерзку юноше ответ дам терпеливый.
Пускай предстанет Пирр.

Улисс

Идут, и вот он сам.

Агамемнон

О сколь противен вид его моим очам!

ЯВЛЕНИЕ 2

Агамемнон, Пирр, Улисс.

Пирр

Я шел к тебе, о царь! реши мое сомненье.
Почто Улисс, вождей и войска вняв веленье,
Мне подвигов моих награду предложил,
А я еще теперь ее не получил?
Я Гектора вдову избрал себе и сына.
Скажи: иль тайная скрывается причина,
Что волю воинства не совершил Атрид?

Агамемнон

Здесь воля вся и власть лишь мне принадлежит,
Велением моим Улисс вещал с тобою,
И ты получишь дар моею лишь рукою.
Итак, нет нужд тебе о том и вопрошать,
Почто Улисс не мог тебе награды дать;
Он должен моего был ожидать ответа.
Я мог бы здесь тебе не отдавать отчета,
Но снисхожу еще ко младости твоей.
С совета моего меж храбрых всех мужей,
Гостеприимных прав и чести в оборону
От греческих брегов приплывших к Илиону,
Ты избран первую награду чтоб стяжать,

И властен ты ее по воле избирать
Рабами, и коньми, и медию, и златом,
В Приамовом дому хранившимся богатом.
Сии сокровища мы все тебе дарим;
Сын Гекторов один не может быть твоим.

Пирр

Не может быть! что рек ты, царь властолюбивый?

Улисс

Склони ко мне, о Пирр, свой слух нетерпеливый.
Верховный сан царя в Атриде уважай
И гневными его речьми не раздражай:
Он старший пред тобой и властью и летами;
И ни единому Зевес между царями
Не уделял еще толиких благ число,
Какими он венчал Атридово чело:
Всей Греции судьбу вручив Агамемнону,
Его избрал на казнь и гибель Илиону,
И славой светлою как сына озарил.
Но тяжкою ценой Атрид ее купил,
И дщерь любимую был должен видеть мертву,
Диане девственной отдав ее на жертву.
Послушен быв богам и отчество любя,
Он крови не щадил, ни самого себя;
А ты, постыдною любовью воспаленный
И пылкой юности киченьем ослепленный,
Готов меж нас возжечь кровавую войну
И греков всех сгубить за пленницу одну.
Но что вещаю я? иль с Гектора вдовою
Хотим развесть тебя насильственной рукою?
Согласны мы ее вручить тебе во власть.
Мы сына одного брежем на греков часть,
Который более, чем мыслишь ты, опасен:
Так, в сыне Гектор нам поднесь еще ужасен,
И греки не могли забыть тех страшных дней,
Как Гектор, множество расклав в полях огней
И восседя вкруг них с Дарданцами-мужами,
Клялся нас всех истнить огнями и мечами.
Кто знает, может быть и сын, коль возрастет,
Вослед родителю противу нас пойдет,
Пристанет с воинством ко пристаням Эллады

И мстительным огнем сожжет ахейски грады.
Так греков всех страшит Астианакс младой.
Когда же их боязнь ничтожна пред тобой
И увещать тебя слова мои напрасны,
То знай: бессмертные с их волею согласны.
И жрец, внимающий всегда небесный глас,
В претекшем, в будущем всеведущий Калхас
Гласит, что сильный бог, трезубцем воруженный,
На Тевкров род давно злым гневом воспаленный,
Тогда лишь нам, открыв свободный в море путь,
Благоволит в домах родимых отдохнуть,
Как будет поглощен волнами Геллеспонта
И сей последний внук из чад Лаомедонта.
Теперь, о Пирр, теперь по воле избирай
И сына Гектора, коль смеешь, защищай,
На сердце заглушив докучных глас упреков,
Троянску отроку предай несчастных греков
И, чтобы нравиться рабы своей очам,
Будь в ненависть равно отчизне и богам.
Но что я рек? ужель душа моя забыла,
Что ты богини внук и что ты сын Ахилла?
Прости, что я, боля о гражданах моих,
Неправо так судил о чувствиях твоих.
Конечно, ныне сам наместо оправданий
Ты меру превзойдешь всех наших ожиданий,
Явишь, что нет труда твоих превыше сил
И победишь любовь, как Трою победил.

Пирр

Красноречивый царь! ты хитрыми словами
Хотел меня привесть в безмолвие пред вами
И, обольстив меня, как отрока, хвалой,
Заставить то свершить, что избрано тобой.
Но нет, сему не быть, доколь между живыми
Стою непокровен я глыбами земными.
Воспитан для войны в младых моих летах,
Не так, как ты, Улисс, я ухищрен в речах,
И так не ожидай, чтоб я со тщаньем ровным
Оспорил речь твою ответом многословным;
Я слово лишь реку, но сохраню его.
Атрид! с единого ль желанья твоего
Иль с воли рати всей, изыскивать не стану,

Я мог избрать себе награду, мной желанну,
Я избрал. Всё теперь решит лишь твой ответ.
Согласен ли ты мне вручить ее иль нет?

Агамемнон

Ты млад еще, о Пирр, чтоб, речь ведя со мною,
Ответа требовать с продерзостью такою.
Раскаешься в словах, когда я восхощу...
Но ради лет твоих горячность я прощу
И дерзкий твой вопрос оставлю без ответа
Для больше важного и нужного предмета.
Улисс! ты мне вещал, что матерью своей
Поднесь Астианакс от наших скрыт очей.
Сыскать его один ты можешь между нами.
Иди, сопровожден отличными мужами,
Которых властен сам в аргивцах ты избрать,
Сим новым подвигом честь новую стяжать.
Когда же отрок сей отыщется тобою,
Немедленно его представь ты предо мною,
А я о нем решу, и Пирр, надеюсь, сам
Послушен явится тогда моим речам.

ЯВЛЕНИЕ 3

Пирр

О небо! мне ли здесь слова сии вещали?
Иль слух мой изменил и очи оболгали?
Мне смел грозить!.. но что до тщетных мне речей?
Свершу, что предприял, во всем откроюсь ей,
И льщуся, с ней вещать не буду безуспешно.
Вступите!

ЯВЛЕНИЕ 4

Пирр, Алким.

Алким

Государь!

Пирр

Иди, Алким, поспешно
И Гектора вдове мой возвести приказ:
Да явится ко мне.

ЯВЛЕНИЕ 5

Пирр

Но если вновь отказ
Услышать должен я; когда она в надежде,
Что сын ее спасен, отвергнет брак, как прежде,
Тогда... но нет, прошли отказов времена.
Теперь покорствовать кичливая должна,
Теперь... но зрю ее.

ЯВЛЕНИЕ 6

Пирр, Алким, Андромаха.

Пирр

Приближься, Андромаха,
И к победителю простри свой взор без страха.
Не с тем тебя призвал, чтоб едкостью речей
Ругаться бедствами и горестью твоей:
Несчастных оскорблять не Пиррово есть свойство:
Но чтобы возвратить душе твоей спокойство,
Чтоб сына твоего от греков защитить
И, может быть, тебя и Трою отомстить,
Чтобы скончать вражду меж мною и тобою
И предложить тебе быть Пирровой женою.

Андромаха

Мне, государь!

Пирр

Хочу забыть я тот отказ,
Который некогда услышал я от вас.
Я мыслить не хочу, чтоб ты меня презрела
И быть супругою моей не восхотела;
Согласен верить я, что Троя и Приам
Союзы брачные свершить претили нам,
И коль мое на них правдиво подозренье,
То я уже воздал им с ли́хвой отомщенье,
Но как бы ни было всё правится судьбой;
Тогда я был твой враг, теперь владыко твой,
Велю, коль восхочу, и ты свершишь веленье.

Но я бы сам к себе восчувствовал презренье,
Когда бы пленницу избрав себе в жену,
Надежду возлагал на власть свою одну,
Когда бы сам собой не уважал дотоле;
И так согласие твоей оставлю воле.
Реши, но не забудь, что я могу один
Опасность отклонить, в которой днесь твой сын.
Калхасу и вражде к отцу его послушны,
На смерть его теперь все греки однодушны;
Но я пренебрегу угрозы их и гнев.
Согласна будь, и я, их множество презрев,
Один противу всех вооружуся к бою,
Скамандры на брегах воздвигну снова Трою,
И сына твоего поставив в ней царем,
Венчаю здесь его родительским венцом.
Он сыном будет мне и, мною наученный,
Отмстит за тяжкий вред, от греков понесенный.
Так, я клянуся в том, и слова одного
Лишь жду, чтобы спасти иль погубить его
И посвятить тебе, презренный иль любимый,
Иль страсть безмерную, иль гнев неукротимый.

Андромаха

Ты рек, о государь, что я твоя раба.
Коль до того меня унизила судьба,
Могу ли отвечать? с поникшею главою
Должна внимать приказ, реченный мне тобою.
Но волю полную отдай моим устам,
И я тебе тогда ответ нельстивый дам.

Пирр

Вещай.

Андромаха

Благодарю тебя, о сын Ахилла,
Что доблести душа твоя не изменила
И что дозволил мне свободной быв на час,
Царевной отвечать тебе в последний раз.
Ты предлагаешь мне с тобою съединиться,
Ты даже мнишь, что я должна на то склониться;
Я мыслить не могла, чтобы до дня сего
Так мало чувства знал ты сердца моего.

Не стану уж вещать о том, что твой родитель
Был родины моей свирепый разоритель,
Что в нем, как и в тебе, зрю бед моих творца,
Что братьев, свекра, мать, супруга и отца
Вы у меня одни, жестокие, отъяли.
Сей речию мои лишь растравлю печали,
И огорченным дав свободный ток словам,
Я только повторю, что ведаешь ты сам.
Но если брак с тобой отвергла я в то время,
Как чрез него могла спасти фригийцев племя
И, отклонив удар на нас ниспадших зол,
Приамов подкрепить колеблемый престол,
Теперь ли, как ничто не льстит моей надежде,
Как вместо почестей, стяжанных мною прежде,
И царства, коим здесь владеть я рождена,
Тобой мне часть рабы заменою дана,
Теперь ли более я к Пирру склонна буду,
И честь свою, и долг, и род свой позабуду?
Забуду ль, что меж нас возженная вражда
Должна нас разделять повсюду и всегда,
Что я дочь мудрого царя Геетиона,
Невестка мощного владыки Илиона,
И более еще — я Гектора вдова.
Дивишься, Пирр, внемля толь смелые слова,
Пренебрегающи и хитрости и страхи;
Но ожидал каких, скажи, от Андромахи?
Быть может радуясь в душе, ты уповал,
Как сына моего опасность мне вещал,
Что сердце матери, терзаемо любовью,
Встрепещет ужасом и обольется кровью,
Что твердою пребыть тогда не возмогу;
И в чувствах пред тобой душевных не солгу:
Твоей угрозой я устрашена за сына,
С его судьбой моя сопряжена судьбина,
Коль жив он, я жива, коль мертв, умру и я;
Но в благости богов надежда вся моя.
Они внушили мне в сей день его спасенье,
Они ему от вас да будут защищенье.
Всещедрый, может, Дий еще благоволил,
Чтоб мой Астианакс и царствовал и жил.
Но не тобой его исправится судьбина;
Ты ль можешь быть отцом для Гекторова сына?

Нет, если в множестве Приамовых друзей
Хотя единый есть с высокою душей
И с сердцем, жребия пременам неподвластным,
Хранящий дружество к союзникам несчастным,
Вот сыну моему достойный лишь отец;
Он возвратит ему потерянный венец,
Наставник будет он растущему герою
В искусстве побеждать и грекам мстить за Трою.
Пусть в Фригии, собрав войск многое число,
Мой возмужалый сын воздаст вам злом за зло,
И, чтоб избавить мать, воздвигшийся к Эпиру,
Ценою крови там мой плен заплатит Пирру.

Пирр

Неблагодарная! Так вот мне твой ответ!
Ты льстилася еще найти во мне... но нет,
В словах с рабынею не буду унижаться.
Иди, и не дерзай очам моим являться.

ЯВЛЕНИЕ 7

Пирр, Алким.

Пирр

Что скажешь ты, Алким?

Алким

Я предвещал тебе,
Чего ты, государь, был должен ждать себе.
Я знаю, сколь внимать отказ такой обидно.
Но страсти одолей влечение постыдно,
Потщись ее забыть.

Пирр

Забыть ее! нет, нет.
Пусть в памяти моей отказ ее живет.
Хочу о нем всегда храня воспоминанье,
Сугубить ненависть и мщения желанье;
Улисса с греками хочу предупредить;
Астианакса я хочу теперь открыть;
Высокомерную хочу узреть рабыню

Влачащую свою у ног моих гордыню,
Молящую в слезах за сына своего,
И в тот же самый миг мечом сразить его.
С восторгом вопль ее отчаянный предвижу.
Узнает гордая, как слабо ненавижу,
Как власть моя мала, как гнев ничтожен мой,
И как привык терпеть, чтобы ругались мной.
Алким, пойдем отсель, устроим всё к отмщенью,
Изыщем средства все ей к вящему мученью;
Не знаю, от каких я пользу обрету,
Но жесточайшие всем прочим предпочту.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Андромаха, Клеона.

Андромаха

Доколе мы одни оставлены врагами,
Воспользуемся здесь свободными часами.
О всем меня теперь, Клеона, извести.
Нашла ли средство ты, чтоб сына мне спасти?

Клеона

Царевна, я твое исполнила веленье,
И неким из троян, которых провиденье
Спасло в минувшу ночь, открылася во всем;
Жалеют ревностно о сыне все твоем,
В нем кровь сберечь царей усердьем все пылают,
И даже верного успеха ожидают,
Коль только может он, из сих изъятый стен,
Невидим греками быть в руки их вручен.
Чтоб местью не могли достичь его Атриды,
Они убегнут с ним на верх священной Иды,
Где мудрый вождь Эней сокрыл уж от врагов
И сына, и отца, и лик святый богов.
Вещают, что сей муж граждан своих сбирает

И в дальние страны отплыть предпринимает,
Где б он, вознаградив их тяжкий здесь урон,
Мог новый для троян воздвигнуть Илион.
В Энее помощь нам даруют сами боги;
Теперь же греками оставлены чертоги,
И сына твоего на Иду пренести...

Андромаха

К несчастию, нельзя теперь его спасти:
Со всех чертоги стран окружены врагами,
И воины везде на страже пред вратами;
Сей тайный даже ход, где сына столько раз
Водила в отчий гроб, от всех скрываясь глаз,
Где ты провесть его еще успела ныне,
И тот известен им. Болезнуя о сыне,
Я снедь несла к нему; но стражи греков там
Мне воспретили вход гробницы ко вратам,
И веселясь еще, сколь часть моя плачевна:
«Куда идешь, — рекли, — Фригийская царевна
И пищу ты кому во гроб несешь туда?»
Мне хитрость счастливу сам Дий внушил тогда:
Я отвечала им, что в дар супругу мертву
Сию надгробную несу священну жертву;
Дать тризну мне свершить молила для богов,
И стражи от моих смягчились слез и слов,
Вошла я; но пребыть там долго не дерзала.
«Коль любишь ты меня, — лишь сыну я сказала, —
Вот снедь, вкуси ее, быть в гробе не страшись;
Всего лишь, что б могло открыть тебя, брегись,
И слова громкого и шумного движенья,
И моего к тебе жди с миром возвращенья».
Едва он дал обет и я рассталась с ним,
Улисс, ища, где скрыт стараньем он моим,
Со мною истощил всю хитрость обычайну;
Но я молчанием сберечь умела тайну.
Потом о браке Пирр вещать призвал меня;
И я в смущении толь горестного дня
Не только сыну средств не вижу для спасенья,
Я из любви к нему боюсь его воззренья.

Клеона

Почто ж отрады сей лишаешь ты себя?

Андромаха

Но греки...

Клеона

Нет, они не возмутят тебя:
Царей объял раздор, воители ж простые
Лишь мыслят, как делить корысти им златые.
К добыче хищные и шумные вином,
Взыскуют с светочьми храм каждый, каждый дом.
От небреженья их по стогнам огнь расстлался,
И потушён стократ, стократы возгорался;
Из царских твой один остался цел чертог,
Отгнал ли от него их свыше некий бог,
Сам Гектор ли смутил дух робкого народа,
Иль стража Пиррова, стоящая у входа.
Как можешь греков ты страшиться в сих стенах?

Андромаха

Нет, я внемлю тебе и отвергаю страх.
Я сына призову, а ты как страж надежный,
Чертога ко дверям впери свой взор прилежный,
Чтоб греки не могли внезапно нас застать.

ЯВЛЕНИЕ 2

Андромаха, Астианакс.

Андромаха

Приди, любезный сын, к тебе взывает мать.
Утеши долгую с тобою мне разлуку.
Где ты, Астианакс?

Астианакс

О мать! подай мне руку.
Пути не вижу здесь.

Андромаха

Без робости ступай
И ход на голос мой призывный направляй.
Мой сын! итак, еще я вижуся с тобою,
Могу обнять тебя ласкательной рукою.

Астианакс

Скажи мне, мать, почто один в гробнице сей
Я ныне заключен был волею твоей?
Почто я зрел в тебе боязнь необычайну?
Ах! ради Гектора открой сию мне тайну.

Андромаха

Что мне сказать ему?

Астианакс

Не в гневе ль на меня,
Ты отвратила взор, в молчании стеня?
Но что! лицо твое слезами окропилось:
Поведай, матерь, мне, иль горе нам случилось?

Андромаха

Так, сын мой, горе нам!

Астианакс

Не плачь, любезна мать;
Коль плачешь, не могу и я не возрыдать.

Андромаха

Ты нежностью своей мне сердце раздираешь.
Ах! если б ведал ты, о чем ты вопрошаешь,
Благословлял бы ты незнание свое.
Но хочешь знать, скажу; дай слово лишь твое,
Какими я твой слух ни поражу бедами,
Не возмущать меня ни криком, ни слезами,
Воспомнив, о мой сын, что храбрым страха нет
И что от Гектора родился ты на свет.

Астианакс

Скажи, я не боюсь.

Андромаха

Чем мне начать несчастной?

Астианакс

Ты воспретила мне и стон и плач напрасный,
А слезы льешь сама.

Андромаха

Ты много раз, мой сын,
Со мною видеть мог троянских стен с вершин
Тех греков яростных, что десять лет войною
Отягощая нас и осаждая Трою,
К отчизне наконец отплыли на судах?

Астианакс

Ах! дайте, боги, им погибнуть всем в волнах!

Андромаха

Мольбами мы давно богов ожесточили.

Астианакс

Как!

Андромаха

Греков нам они на гибель возвратили.

Астианакс

И так нам будет вновь сражаться десять лет.
Но кто нас защитит, коль Гектора уж нет?

Андромаха

Надежды нет уже, защиты, ни спасенья;
Вконец погибли мы врагов от ухищренья,
Меча и пламени добычей стал Пергам.

Астианакс

Что слышу, боже мой! но где ж мой дед Приам?

Андромаха

Он мертв, сыны его подверглись равной доле,
Супруга, дочери осуждены к неволе,
Я с ними отплыву рабынею в Эпир,
И там властитель мой, сей кровожадный Пирр,
Которого отцом пал твой отец средь бою,
Кто днесь Приама сам убил своей рукою,
Уготовляя верх несчастиям моим,
Велит, чтоб, всё забыв, я в брак вступила с ним.

Астианакс

Брегись, о мать, брегись, да брак сей не свершится.
Страшуся, тень отца им в гробе раздражится.
Но как противиться возможешь ты судьбе?
О если бы уже я мог помочь тебе!..
Увы! я мал еще и силы не имею
За слезы мстить твои жестокому злодею.
Пожди, о мать, пожди, как буду я велик.
Отмщу ему тогда.

Андромаха

Отец в тебе возник.
Сим гордым мужеством, с которым ты вещаешь,
Его в очах моих, мой сын, ты воскрешаешь;
Но, мысль смертельная! и доблестию сей
Лишь ускоряешь ты час гибели своей.

Астианакс

Час гибели! О мать, ты мне не всё сказала.

Андромаха

Не всё, мой сын.

Астианакс

Почто ж о сем ты умолчала?
Иль мнишь, что в тайне слов твоих не собрегу?
Молю, скажи мне всё.

Андромаха

Скажу, коль возмогу.
Расстаться должно нам: мне несть одной служенье;
Тебе ж за легку казнь считают посрамленье,
И мщение враги мнят далее простерть.

Астианакс

Скажи яснее, мать, что суждено мне?

Андромаха

Смерть.

Астианакс

Смерть! Ах!

Андромаха

Не в силах быв мстить Гектору во гробе,
Они хотят тебя принесть на жертву злобе;
Но бдящий о тебе отец явившись мне
Опасность возвестил в ночном предвещем сне.
Внушенна им, тебя убийц я скрыла взору;
И льщусь, хотя путей не зрю к спасенью скору,
Что временем... но шум, Клеона к нам бежит.

ЯВЛЕНИЕ 3

Андромаха, Астианакс, Клеона.

Клеона

Царевна, сына скрой, Улисс сюда спешит.

Андромаха

Улисс!

Клеона

Свидание тебе с ним неизбежно.
Он ищет зреть тебя.

Андромаха

В убежище надежно,
В сей гроб, Клеона, с ним сокройся от очей.

ЯВЛЕНИЕ 4

Андромаха, Улисс, воины.

Улисс

Близ гроба Гектора зачем одной быть ей?..
Потщимся таинство узнать из разговора.

Андромаха

Улисса хитрого и слов страшусь и взора.

Улисс

Могуща Гектора мной чтимая вдова!
Быть может, до меня здесь общая молва

Поведала тебе суровую судьбину
От греков твоему назначенную сыну;
С известьем воли их прими и мой совет:
Предай его; отказ твой сына не спасет.
Страшися новых бед навлечь себе упорством
И греков раздражить бесплодным непокорством.

Андромаха

К всем бедствам, государь, привыкла я давно,
И новое, что мне тобой возвещено,
Ни удивленья мне виною, ни боязни:
Я ждать его могла от греков неприязни;
Но не ждала, чтоб мог мнить мудрый Одиссей,
Чтоб смерти предан был сын матерью своей.

Улисс

Я повторить готов совет тебе полезный:
Отказом ты себя подвергнешь доле слезной,
Отмщению твоих властителей, и знай,
Что сильно будет мстить гнев праведный Данай.

Андромаха

Я поняла, Улисс; за сына избавленье
Мучительную смерть готовит мне их мщенье,
Но жизни ль мне жалеть в толь горестной судьбе?
Пусть пресекут ее.

Улисс

Я знаю, что тебе
Утрата дней твоих не принесет боязни;
Но ты от греков ждать должна сильнейшей казни.

Андромаха

Я претерпела всё, ничто не устрашит:
Вещай.

Улисс

Прах Гектора в сем гробе возлежит.
Коль истинно его при жизни ты любила,
Тебе священной быть должна его могила;
Но сына коль предать откажешь в третий раз,
Супруг твой мщение воспримет за отказ,

И я в очах твоих сих воинов рукою
До основания сию гробницу срою,
А прах его из ней насильем извлеку
И на брегу морском развею по песку.
Ты содрогаешься?

Андромаха

Настал мне верх мученья.
Как! мертвый мой супруг лишится погребенья
И сын в развалинах задавленный умрет!

Улисс

Ты не ответствуешь?

Андромаха

Какой реку ответ?
О греки злобные! разрушив град Приамов,
Не пощадили вы ни олтарей, ни храмов;
Не доставало вам хищения гробов:
Се ваших край злодейств, терпенья же богов.

Улисс

Коль так, о воины! воздвигните десницы
И рушьте здание сей Гектора гробницы.

Андромаха

Нет, прежде грудь мою пронзите вы мечом.

Улисс

На камне камня пусть не будет в гробе сем.
Последуйте за мной.

Андромаха

Жестокий! ты дерзаешь...

Улисс

Ты тайну мне свою сим страхом открываешь.
Здесь сын твой.

Андромаха

Как мой сын!..

Улисс

Уж всё открыто мной.
Друзья! Пойдем за ним.

Андромаха

Ах! Государь! Постой.
Он здесь; сама его я изведу пред вами.
Но сжалься матери несчастной над слезами,
Позволь за сына мне...

Улисс

Представь его сюда.
Молить же за него возможешь и тогда.

ЯВЛЕНИЕ 5

Андромаха, Астианакс, Улисс, Клеона и воины.

Андромаха

Оставь убежище, приди, мой сын любезный!
Спасти тебя я труд подъяла бесполезный.
Ты пред собою зришь владыку своего.
Со мной, Астианакс, пади к ногам его,
Забудь о праотцах и падшем их престоле,
И покори себя богов всемощных воле.

Астианакс

О матерь!

Андромаха

Что, мой сын?

Астианакс

Иль ты забыть могла,
Что ныне же и здесь сама ты мне рекла?
Нет страха храброму, ты прежде мне вещала;
И сколько раз пред сим еще повелевала,
Да в жизни по стезям родителя иду,
Предпочитая смерть боязни и стыду.

Андромаха

Итак я за тебя одна пролью моленья.
Ах, государь! ужель не знаешь сожаленья?

Из чуждых хитрости сих отрока речей
Всю гордость усмотреть ты мог души моей.
Поныне в бедствах я спокойство сохраняла
И ни пред кем еще колен не преклоняла,
Но пред тобой паду. Не отвергай молитв:
Кто внемлет им, того средь бурей, среди битв,
Средь всех опасностей судьбы к нему жестокой
Хранят бессмертные десницею высокой;
Когда ж они отказ от смертного найдут,
Тогда и не вотще к Зевесу вопиют,
Моля да в казнь пошлет он мстящую обиду.
Послушен будь богам, подобен будь Алкиду.
Лаомедонт, кому подвластен был сей град,
Лишил его во мзду обещанных наград
За им спасенную от смерти Гезиону;
Иракл, с отмщением пренесшись к Илиону,
Убил царя, низверг Дарданских крепость стен;
Но сам был плачущим младенцем побежден,
И сжалясь над судьбой несчастного Приама,
Ему оставил жизнь и царствие Пергама.
К тому ж обидою был раздражен герой;
Но мой Астианакс чем винен пред тобой?
Скажи, чем мог Ахей подвигнуть он на мщенье?
Коль слава же отца есть сыну преступленье,
Коль ею лишь одной он ненавистен вам,
Так вспомни, о Улисс, что ты отец и сам;
Ты сына сам родил от мудрой Пенелопы,
Быть может, без тебя врагов свирепых скопы,
Ифаку покоря, расхитили твой дом;
Супруга же твоя, склонясь к земле челом,
Так умоляет их о жизни Телемаха,
Как молит здесь тебя за сына Андромаха.
Он пред тобою ждет решенья твоего;
Умилосердися над младостью его,
И помни, о Улисс, что правосудны боги
Жалеют жалостных, а к строгим сами строги.

Улисс

Восстань, царевна, слез вотще не проливай,
И правде слов моих, скрепясь душой, внимай.
Ты истину рекла: я сам отец несчастный;
От дома удален рукой судьбы всевластной,

Не знаю, цел ли он, в живых ли сын, жена
И долго ль нам еще разлука суждена.
Я слаб, чтобы во всем последовать Алкиду,
Но в милосердии я с ним в стязанье вниду;
Когда бы мог, как он, пощаду вам простерть,
Ужели бы повлек я отрока на смерть
И кровью чистою сквернил нечисты длани?
Но с дня как увлечен я греками ко брани,
Обязан им служить пред всеми и во всех;
И днесь, когда наш труд уже венчал успех,
Один ли защищать останки буду Трои?
Свершат ли в том приказ подвластные мне вои?
И долгу ль изменю из жалости к тебе?
Но я болезную о злой твоей судьбе
И, сколько властен, рад подать в ней облегченье.
В последний сыну раз ты дай благословенье.
Нетерпеливый сонм сих воинов моих
На время отведу, оставлю вас одних,
Чтоб вы, утешены, могли навек расстаться.

Улисс и воины по знаку его становятся в глубине театра.

Астианакс

Так, матерь, надлежит богам повиноваться:
Благослови меня.

Андромаха

Нет, рук не подниму.

Астианакс

Ты сядь, а я твои колена обойму,
Или к себе меня возьми ты на колени.
Предстану вскоре я к родителевой тени,
И, верно, он меня вопросит о тебе.
Что мне сказать ему?

Андромаха

Что в горестной судьбе,
Все бедства испытав, изведав все печали,
Всяк час молю богов, чтоб жизнь мою прервали,

В Аидов мрачный дом пустили на покой
И ускори́ли с ним свиданье и с тобой.
С тобой! и нам, увы! расстаться должно ныне!
И тщетно столько лет пеклася я о сыне!
И грек, ожесточив к мольбам и плачу слух,
Из слабых чресл твоих мечом исторгнет дух!
На то ль, несчастная, на свет тебя родила?
На то ль тебя млеком от груди воздоила?
Ах! в дни блаженные, как брака узл святой
С Приамидом спрягал счастливый жребий мой,
Когда ты в первый раз взыграл в моей утробе,
Не жертву породить я мнила греков злобе,
Но пышной Асии преемника царей.
Вся Троя в оны дни, теснясь у олтарей,
Молилась, да легко в назначенное время
Рождением твоим мне разрешится бремя;
Ты свет узрел, и вновь мольбы и фимиам
И жертвы тучные неслися всем богам,
Весь в радости народ, младые, старцы, жены,
Цветами украшал домов и храмов стены,
И с родшими тебе желая много лет,
Приветствовал тебя, вступающего в свет;
А ныне, горе нам! единый миг остался.
Вотще к груди моей, несчастный, ты прижался,
Как птица юная под матери крыло,
Вотще слезами ты кропишь мое чело,
Нас слезы не спасут: безжалостные греки,
Я зрю, уже идут нас разлучить навеки;
Нетерпеливые, твоих алкая мук,
Стремятся из моих тебя исторгнуть рук.
Злодеи! вот мой сын, вручаю вам, возьмите,
И при глазах моих на части разорвите,
Пожрите в снедь его, насытьте кровью глад. . .
Немеет мой язык, пролился в жилы хлад,
Ах! умираю я.

Улисс

Друзья! Скорей за мною.
Доколе силы в ней истощены тоскою,
Взяв отрока, отсель к Атриду поспешим.

ЯВЛЕНИЕ 6

Андромаха, Клеона.

Андромаха

Где сын мой? где?

Клеона

Улисс отшел поспешно с ним.
Бесплодно времени не трать и ты, царевна:
Противу греков злых, противу рока гневна
Еще защиту ты возможешь здесь найти;
Сколь много в жертву бы ни должно принести,
Поверь, что Гектор сам о ней возвеселится,
Коль сын возлюбленный сим к жизни возвратится,
И Пирр...

Андромаха

Ах! Боги!

Клеона

Мысль колеблется твоя?

Андромаха

Нет, сына чтоб спасти, на всё решаюсь я.
Иду и, преступив долг клятв супругу мертву,
За сына моего отдам себя на жертву.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Пирр, Алким.

Пирр

Веление мое исполнил ли, Алким?
Известен ли мой гнев всем воинам моим?
И будет ли их рать к сражению готова?

Алким

В усердьи твоего они ждут только слова.
Но если, государь, с тобой наедине
Сказать, что дух внушит ты дозволяешь мне,
С кем ищет ныне битв твой дух бранолюбивый?
Отказом оскорблен от пленницы кичливой,
Ты сам всю превратив любовь к ней в неприязнь,
Искал где сын ее, обрек его на казнь;
Иль вновь простил ты им?

Пирр

Им от меня прощенье!
В слезах и крови их потухнет только мщенье.

Алким

Почто же, государь, его ты ныне спас?
Почто, когда Улисс, предупреждая нас,
На смерть уж влек его, ты, гневом воспаленный,
Остановил удар, над ним уже взнесенный?
Слова друзей твоих, противников число,
Ничто остановить тебя не возмогло,
И если бы Калхас, сопровожден жрецами,
Раздора кротостью не пре́рвал между вами,
Возжегся б, может быть, меж вас смертельный бой.
Почто толь в чувствах ты не сходен сам с собой?

Пирр

Как! мне Атрид грозил! мне в стыд он и досаду
Хотел отнять в сей день трудов моих награду,
И я стерплю, чтоб им решилася судьба
В коры́стях мной самим избранного раба!
Нет, прежде от рамен глава да отсечется
И не Ахилловым Пирр сыном наречется.
Не знаю даже я, жреца уважив речь,
На благо ли ему дал отрока сберечь.

Алким

Иль к верности жреца питаешь ты сомненье?
Он отрока хранить дал с клятвой уверенье,
Доколь с Атридом ты прервешь о нем борьбу
Иль глас самих богов решит его судьбу.
Изменит ли словам жрец, правдой слов известный?

Пирр

Нет, друг, испытан мной давно Калхас нелестный,
Всегда провидец Зевс внушал его глагол;
И прежде здесь, когда для отвращенья зол
От язвы гибнущих отец мой со́звал греков,
Не он ли, вознося глас праведных упреков,
Один осмелился Атриду пререкать?
И так Калхаса я не мню подозревать;
Но сердцем лишь болю, что гордыя вдовицы
Спастися может сын от мстящей сей десницы.
Что, если волею бессмертных он прощен,
Она не казнена и я не отомщен!

Алким

К несчастной, государь, престань от неприязни.
Без гнева твоего ее довольно казни.
Когда бы мог теперь ты зреть ее, как я,
Ты сам бы сожалел о горестях ея.

Пирр

Как! где она и что?

Алким

Снедаема тоскою,
Просила милости увидеться с тобою;
Но, знав, сколь гневом к ней душа твоя полна,
Я вход ей воспретил.

Пирр

Предстанет пусть она.
Стараяся спасти дитя свое любезно,
Пусть просит здесь она и плачет бесполезно.
Над плачем гордыя возвеселюся я.
Вступите!

ЯВЛЕНИЕ 2

Пирр, Алким, воин.

Воин

Государь!

Пирр

Где пленница моя?

Воин

В чертоге ближнем здесь.

Пирр

Что делает?

Воин

Безгласна
С тех пор, как зреть тебя просилася напрасно.

Пирр

Да вступит.

ЯВЛЕНИЕ 3

Пирр, Алким.

Алким

Государь, к скончанью распри сам
Предстанет вскоре здесь Атрид твоим очам.

Пирр

Я жду его, Алким, и в том ручаться смею,
Что он... но поспешай, с дружиною моею
Чертог сей весь займи: полезен будет он
В случáе битвы нам; когда ж Агамемнон
Предстанет, возвести его мне приближенье.
Я зрю ее; иди исполнить порученье.

ЯВЛЕНИЕ 4

Пирр, Андромаха.

Андромаха

Помилуй, государь! Паду к твоим ногам.

Пирр

Тебя ли вижу я? восстань, толикой срам
Возможет ли пренесть толь гордая царевна!
Пусть ныне часть твоя и скорбна и плачевна,
Но кровь в тебе царей, ты Гектора вдова.

Дивился прежде я, внемля сии слова;
Теперь дивлюсь, что им так скоро изменила.
Зачем просить меня? не сын ли я Ахилла?
Не я ль тот злейший враг, кому всегда, везде,
Доколь живешь, клялась ты в мщеньи и вражде.

Андромаха

Спаси лишь сына мне, почту тебя как бога.

Пирр

Поди к своим друзьям, ты их имеешь много,
Сын Гекторов найдет в них лучшего отца,
Твое желание свершится до конца,
И он с мечом в руках, как придет в зрелы лета,
За плен твой от меня потребует ответа.

Андромаха

Возможно ль, государь, с жестокостью такой
Отчаянной жены ругаться над тоской?
Иль вовсе нет в тебе к несчастным сожаленья?
Иль скорби внемлешь их себе для наслажденья?
Не так родитель твой, божественный Ахилл,
Приаму Гектора, о горе! возвратил,
Молящагось ему врага почтил в печали,
И вместе о своих потерях возрыдали.

Пирр

Неблагодарная! ты смеешь упрекать!
Не я ли на себя подвиг всю греков рать?
Не я ль с мечом в руках предстану пред Атрида?
Не мне ли тяжкая нанесена обида?
Не я ли, воинство чрез то свое губя,
На смерть иду? за что? ответствуй: за тебя,
За сына твоего, которого спасая,
Хотел спасти троян, всех греков презирая.
Я обещал ему защиту и покров,
Любви одной внемля, в друзьях искал врагов,
Врагам же даровал спасенье и пощаду,
За всё сие тебя лишь требуя в награду;
Но ты отвергла всё, ты, брак со мной презрев,
Всю жалость к вам мою преобратила в гнев;
Теперь мнишь льстивыми смягчить меня словами;

Но сын доколе твой отыскан не был нами,
Превозносилась ты надменностью речей:
Ищи же новых средств ты в хитрости своей,
Спасенья нового или другой гробницы,
Где б он укрыться мог от Пирровой десницы.
Ты не ответствуешь: стыд в робких зрю очах,
И к оправданию нет слов в твоих устах.

Андромаха

Так, гнев твой справедлив, и я во всем неправа;
Но если ты простишь, твоя тем боле слава.
Один из всех богов Аид неумолим;
Зато как язва он от смертных нелюбим.
Забудь мою вину, и я вражду забуду,
Вдовы нарушу долг, твоей женою буду,
Женой покорною, и даже, может быть,
Спасителя тебя успею возлюбить.

Пирр

Нет, хитрая, теперь тебя я ненавижу.
Иль мнишь, что я и в сих мольбах твоих не вижу,
Сколь ненависть твоя еще ко мне сильна?
Сыновней смертию одной устрашена,
Согласна ты на брак, что отвергала прежде,
И льстишь любовью мне, на страсть мою в надежде.
Я ль должен позднему раскаянью простить?
Не мне ли о любви еще тебя просить?
Я ль буду столько слаб и столько малодушен?
Стыжусь, что мог еще сей жалости послушен,
Которой, ты рекла, я злою чужд душой,
Всё слушать от тебя и речь вести с тобой.
Идти.

Андромаха

Итак мой сын?..

Пирр

Умрет моей рукою.

Андромаха

Не медли ж, Пирр, вот грудь, рази, я пред тобою.
Пред кровью сына меч омой в моей крови,

Хотя из жалости, или хоть из любви,
Что ты имел ко мне: рази!

Пирр

Что ты вещаешь?

Андромаха

Чтоб сына прежила, ты сам не уповаешь,
И смерти ищущим она не далека;
Но, может, женщины дрогну́ла бы рука,
Твоя не дрогнет, Пирр.

Пирр

Какое исступленье!

Андромаха

Одно из двух мне дай — иль смерть, или спасенье.
Конец всех мук моих ударом ускори,
Или в знак помощи десницу мне простри.
Ты отвращаешь взор, чтоб скрыть свое смущенье...
Ах! Пирр, почто в душе таишь ты сожаленье?
Нет, нет, ты не рожден на ненависть и зло;
Хоть сердце буйное на месть тебя влекло,
Но смерти отрока ты сам уж устыдился,
Без просьб моих спасти его ты устремился;
Так, не поверю я, хотя б ты сам вещал,
Чтоб ты для мщения в сей день его спасал.
Виновна я была, и в том творю признанье;
В свою чреду таить престань же состраданье,
Промолви, доверши.

Пирр

Пред тем как довершу,
Тебя в последний раз и с клятвой вопрошу.
Вину свою должна ты предо мной исправить;
Я сына твоего еще потщусь избавить,
Но вестно лишь богам, обрящу ли успех.
Нельзя призвать назад часов минувших тех,
Как мог я властвовать один его судьбою.
Улиссом найденный и требуемый мною,
Из рук моих приял его верховный жрец,
Да сохранит, доколь настанет при конец
И боги казнь ему рекут или пощаду.

Коль благ нам Посидон, не попущу награду
Атриду гордому отъять из рук моих.
Но если положил в заветах Дий своих,
Чтоб смертью умер он как жертва очищенья,
Дерзну ли на богов ему для защищенья?
Сколь много может муж противиться судьбе,
Столь много сделаю; но да найду в тебе
Награду верную в благой и в лютой доле,
И ты супруга мне. Я рек: не медли боле,
Вещай, согласна ли с желанием моим?

Андромаха

О горе мне!

ЯВЛЕНИЕ 5

Пирр, Андромаха, Алким.

Алким

Атрид спешит к чертогам сим.
Я упредил его.

Пирр

Ответствуй мне: согласна
Иль нет супружества мне клятву дать?

Андромаха

Несчастна!

Пирр

Атрид уже вблизи: клянешься ль ты?

Андромаха

Клянусь.

Пирр

Иди; наедине с ним здесь я изъяснюсь.
Алким, последуй ей, я чту ее женою,
И всё что повелит дозволено ей мною.

ЯВЛЕНИЕ 6

Агамемнон, Пирр.

Агамемнон

Не знаю, верить ли Улиссовым словам;
Возможно ли, чтоб ты осмелился?..

Пирр

Я сам.
Астианакс был мой; согласие всех воев
Вручило мне его ценою трудных боев.
Но ты как смел над ним здесь власть свою простерть
И, не спросясь меня, ему назначить смерть?
Теперь мне дай отчет в поступке сем надменном.

Агамемнон

Когда бы на лице, брадой не опушенном,
Не видел ясно я всей юности твоей,
Клянуся, из твоих я б заключил речей,
Что боги разум твой безумьем помрачили.
Мне греки власть вождя над войском поручили,
Жезл пастыря людей всегда в моих руках,
И суд один творю я в греческих полках,
Казнить и миловать один я пленных властен.
Народ, вожди, ты сам Атриду здесь подвластен.
Ты, правда, зреть не мог: сын отрока отца,
Еще питался ты от матери сосца,
Когда войны подъять готовились мы бремя.
В Авлиду греков все собравшееся племя
Пеклось избрать себе достойного вождя,
Кто б в брани тяжкой их искусно предводя,
Бесстрашьем, властию и родом знаменитой,
Примером в славе был и в бедствии защитой;
Все состязалися цари о сане сем,
Но предпочел меня народный глас им всем,
И лестный выбор сей, гордиться коим смею,
Ты знаешь, оправдать я твердостью умею.
Доныне только два из греческих вождей,
Отродья буйные Еаковых детей,
Моей противиться осмелилися воле:
Аякс и твой отец; обоих нет уж боле.

Один, убив себя, врагу лишь одолжен,
Что гроба мною он по смерти не лишен;
Другой, богини сын, герой непобедимый,
Неволей отлучен от пленницы любимой.
Желаю, чтобы ты в примерах близких сих
Уроки почерпнул для слов и дел твоих;
И слабым свойственным не ослеплен упорством,
Изгладить поспешил вину свою покорством.

Пирр

Сколь истинно, что всяк, в ком слаб и низок дух,
Словами громкими глушит нещадно слух.
Однажды мне сказать, что вождь ты, было мало.
Ты мне твердил о том, доколе силы стало,
И долгих сих речей смысл краткий разве в том,
Что доблести твои все в звании одном.
И хвалишься еще, что двум вождям отличным
Обиды ты простер с кичением обычным,
Обиды, в коих ты просил прощенья сам!
И упрекаешь мне, что млад кажусь очам!
Тем боле чести мне, когда в столь юных летах
Я храбр в сраженьях был и благо рек в советах.
Благодарю богов, что кончилась война:
Для брани лишь была рать вкупе собрана;
Отныне я своей последую лишь воле,
Веленьям же твоим не повинуюсь боле.

Агамемнон

К повиновению тебя принудят здесь.

Пирр

Кто может?

Агамемнон

Я могу и стан воинский весь;
Нет блага никому, коль всякий без препоны
Начальства отвергать осмелится законы.
Я знаю лишь, доколь пребуду властелин
И власть когда сложу; дотоле ж ни один
Да не дерзнет при мне нарушить послушанья,
Коль тяжкого себе не ищет наказанья.
Брань кончена; кому ж корысти раздавать?

Возможет ли сама делить их буйна рать,
Где каждый алчностью влеком ненасытимой,
С товарищьми возжет раздор неугасимый.
Не только чернь, вожди безумны иногда.
И отчего теперь меж нас сия вражда?
Не ты ли первый сам, противясь общей воле,
Награды требуешь пред прочими всех боле,
Котору глас богов и воинства всего
Назначил жертвою отмщенья своего?
Не ты ли, обуяв и дерзок паче меры,
Крамолы подавать отважился примеры?
Улиссу ты почто препятствовал свершить?
Любовнице своей желая угодить,
Вручил жрецу, мои заветы презря строги;
Но не спасется он, хотя б смягчились боги.
Не буду я Атрид, когда он будет жив.

Пирр

Бесстыдный царь! глагол твой в каждом слове
лжив.
Коль в жертву обречен Астианакс богами,
Спасти не в силах я; хранится он жрецами,
Калхас готовится судьбу его проречь
И жертвы ждет своей святый закланий меч:
Бессмертным я не мнил противиться вовеки.
Но коль простят они, ни ты, ниже́ все греки
Не властны уж меня лишить награды той,
Что сами дали мне трудов моих ценой.
Воспомни, что ты рек и что ты предприемлешь:
Бессмертных гласу ты в безумии не внемлешь,
На гибель войск тобой возжется вновь война,
И сих источник зол вражда ко мне одна.

Агамемнон

Не спорю: так, всему ты угадал причину.
С весельем пред тобой снимаю я личину.
Ты ненавистен мне, и ты и твой отец,
И весь Эаков род противен мне вконец;
Когда б Астианакс нас не подвигнул к ссоре,
Иное б средство я снискал тебе на горе.
Доколе Троя нам противилась войной
Молчал я, к пользе всех стремяся лишь одной;

Но ныне, скучного притворства свобожденный,
Реку в лицо тебе завет мой непременный:
Согласен ждать еще один я только час,
Пусть волю нам богов поведает Калхас;
Но после, что б они о нем ни отвечали,
Пред всеми я, тебе к позору и печали,
Клянуся, умерщвлю его своей рукой,
Чтобы тебя чрез то подвигнуть в смертный бой,
И сим мечом сразив во области Аида,
Несносного врага избавиться от вида.

Пирр

Внемли ж и ты завет и клятвы уст моих:
Коль боги смерть рекут, да будет воля их.
Но если к милости преклонятся мольбами,
О боги вечные! тогда клянуся вами,
Тобой, владыко Зевс, возница Посидон,
Афина, Фив и все, что сей Агамемнон,
Пред тем как им моя отымется награда,
Сам мертв падет в стенах разрушенного града.
Победу даруйте, и жертв стотельчных дым
Вам воскурится в честь пред олтарем святым.

Агамемнон

Молитвы суетной бессмертны не приемлют.

Пирр

Молитве правого с весельем боги внемлют.

Агамемнон

Давно ли правду знать ты, юноша, привык?

Пирр

Ты знаешь сам ее, хоть ложь гласит язык.

Агамемнон

Как посмеюся я, когда падешь ты мертвый!

Пирр

Так, верно обречен один Аиду жертвой.

Агамемнон

И тело я твое отдам на пищу псам.

Пирр

Нет, прежде ястребов корыстью будешь сам.

Агамемнон

Как скоро нашу прю решить должно сраженье?

Пирр

Лишь только возвестит нам жрец небес решенье.

Агамемнон

Один иль с воинством в кровавый выйдешь бой?

Пирр

Один.

Агамемнон

Где?

Пирр

Всё равно, лишь были б мы с тобой.

Агамемнон

Осмелишься ль при всех?

Пирр

Весь стан да будет зритель.

Агамемнон

И горе падшему!

Пирр

Всевластен победитель.

Агамемнон

Прости, у Скейских врат чрез час тебя я жду.

Пирр

Иди, назло тебе скорей еще приду.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Пирр, Алким, воины.

Пирр

Сподвижники друзья! стремясь на бой кровавый,
Здесь оставляю вас: храним богами правый,
И вашей помощи я не взыскую сам,
С Атридом бой решить одним достоит нам;
Но защищать жену вам, други, поручаю,
Я Гектора вдову женою почитаю,
И сын ее мне сын: судите же, друзья,
Каким стягчен стыдом и скорбью буду я,
Когда, моим отсель отсутством ободренны,
Обиды ей прострут враги мои надменны;
Быть может... зол каких был чужд Агамемнон?
Мне смертию ее отмстить предпримет он;
Тогда в единых вас кладу я упованье:
Вы сильны отразить оружьем злодеянье
И, жизнь моей теперь супруги сохраня,
Пред всеми доказать, что любите меня.
Ответствуйте: могу ль я в сей пребыть надежде?

Один из воинов

Иль нас, о государь, не испытал ты прежде,
И сомневаешься в усердии к тебе?

Другой

Наш жребий покорен во всем твоей судьбе,
Мы ратники, ты вождь: вели, что чтишь за благо,
Исполним мы.

Пирр

Не ждал ответа я инаго.
Ахилла воинов достойно познаю.
Да призовет один ко мне жену мою.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же, кроме одного воина.

Пирр

А ты, клеврет и друг, испытанный годами,
В отсутствии моем начальствуй их рядами;
Всех большая в тебе надежда мне дана,
Что Андромаха здесь... но се идет она.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, Андромаха, Клеона.

Пирр

Настал мне час идти к назначенному бою.
Алким и воины останутся с тобою,
В чертогах не страшась меж ними ты пребудь.
Тебе от всех врагов щитом их будет грудь:
Так поклялись они; о сыне ж будь в надежде,
Что никому его сразить не дам я прежде,
Как мертв я сам паду. Прости на краткий час.

ЯВЛЕНИЕ 4

Андромаха, Клеона, Алким, воины.

Андромаха

О греки! об одном теперь молю я вас.
От чуждых зрелища печальную избавьте,
Свободно воскорбеть одну меня оставьте.

Алким

Наш долг тебе внимать.

(Воинам)

Изыдьте!

ЯВЛЕНИЕ 5

Андромаха, Клеона.

Андромаха

Небеса!
Пошлите силу мне для лютого чаcá,
Когда мой сын умрет.

Клеона

Почто же безнадежно
Воображаешь ты несчастье неизбежно?
Ужель боязнию в сей день ослеплена,
Всех упования не делишь ты одна?
Ты Пирру поклялась отныне быть женою...

Андромаха

Я поклялась, увы!

Клеона

Желанной вестью тою
Все ныне спасшиесь от Тевкровых племен
В восторг приведены. Приамов сын Гелен,
Кому грядущее открыто всё судьбами,
Возвеселил троян отрадными словами.
От брака твоего благой предвидя плод,
Он возвестил, что им спасется наш народ;
Что ты, преемница земель и власти Пирра,
С ним Трою пренесешь на чуждый брег Эпира
И, в оной царствуя, спокойный кончишь век.

Андромаха

Мне царствовать! а сын?

Клеона

Он боле не предрек.

Андромаха

Я понимаю вас, жестокие судьбины!
Астианаксовой вы жаждете кончины:
От вас погибнет он.

Клеона

Но Пирр ему покров.
С защитою его каких робеть врагов?
Иль Пирра страшного, в ком кровь и дух Ахилла,
Сегодня в первый раз вдруг оскудеет сила?
Атрида ль одного страшишься ты руки,
Иль греков, мнишь, на нас восстанут все полки?

Андромаха

Нет, не Атрида я страшуся и не греков:
Пред волею богов что сила человеков?
Они решат судьбу, и Пирр ничто для нас.

Клеона

Предайся ж радости, царевна: неба глас,
Устами Гектора вещавшего с тобою,
Тебе открывший зло, постигнувшее Трою,
Опасность, близкую для сына твоего,
Не ясно ль тем сказал, что ты спасешь его?
Не им ли Пирр склонен внушил твои молитвы
И защищать тебя выходит в поле битвы?
Во всем бессмертных зрю вам видимый покров.

Андромаха

Нет, строгих познаю, прогневанных богов.
Как ты, на благость их надеялась сначала,
Но льстивая мечта мой разум помрачала;
Теперь лишь поздно зрю жестокой правды свет,
И для меня теперь надежды боле нет.

Клеона

Но изъясни почто?..

Андромаха

Не всё ль в сей день несчастный
Нам в скорбь устроено рукой судьбы всевластной?
А мы, безумные, во слепоте очей
Мечтали действовать лишь волею своей!
Сей град, с кем десять лет вотще сражались греки,
В их руки преданный исчезнул вдруг навеки,
Но бедства лишь свои здесь в память призову:
Чего страшилась я, всё пало на главу.

Вняв Гектора словам и сына скрыв в гробницу,
Кто, мнила я, дерзнет простерть туда десницу?
В убежище святом он будет невредим;
И погубила всё доверьем ложным сим:
Для сына обещал мне помощь сын Ахилла,
Но я отказом вновь кичливца раздражила,
Улиссу хитрому он предал в гневе нас,
И сына моего гроб отческий не спас.
Какая польза мне, что, обольстясь ценою
Руки моей, теперь он сжалился над мною?
Слаба, он сам вещал, здесь власть его одна.
Ах! лучше б, если смерть уж сыну суждена,
На всё решиться мне: пусть умер бы несчастный,
И я за ним!

Клеона

Сей глас отчаянья ужасный,
Царевна, укроти, да боги изволят
И слов твоих во зло тебе не обратят.
Тебе ли жизнь свою как бремя ненавидеть?
Иль слух не внемлет твой, иль взор не может видеть,
Что жизнь всех Трои чад с твоей сопряжена,
Что можешь всех спасти от смерти ты одна?
Едва промчалась весть, что в брак вступаешь с Пирром,
И льстит уже судьба нам вожделенным миром,
И смолк взывающий к убийствам греков глас,
И притупился меч, и пламенник погас.
Всё дело рук твоих, и ты им презираешь!
И клятву позабыв, о смерти помышляешь!
Кто будет без тебя надеждой сей страны?
Иль хочешь, чтоб мы все здесь, смерти преданы
За чуждую вину несчастнейшия жертвы,
Под острием меча повергли́сь долу мертвы?

Андромаха

Ах! мой Астианакс, быть может, так пронзен!
И не дозволят мне из сих избегнуть стен!
Я здесь, когда мой сын... нет сил терпеть незнанье.
Клеона, может быть, свершают злодеянье,
Беги, узнай о всем, и возвратись скорей.

ЯВЛЕНИЕ 6

Андромаха

Зевс утешитель! ты свет в разум мой пролей.
Что делать? повели: я клятвою ужасной
Для жизни обреклась; но как мне жить несчастной
Без сына? удостой, склони ко мне свой слух
И неким знаменьем наставь, уверь мой дух.
Дерзну ли, клятвы я презрев, избегнуть муки
И на себя вознесть отчаянные руки?
Ответствуй! ты молчишь. Или я жить должна?

Гром.

Бессмертных глас! так, жизнь от них мне суждена,
И чувство дивное, восторг неизреченный
Вещают мне: утих их гнев, на нас возженный,
Твой сын спасен и жив...

ЯВЛЕНИЕ 7

Андромаха, Клеона.

Андромаха

Ты зрела ли его,
Клеона, что? вещай.

Клеона

Не знаю ничего.
Лишь выступить за дверь чертогов я успела,
Движенье смутное у Скейских врат узрела.
Вожди толпилися вкруг олтаря; Калхас
Вещал им, но в дали его терялся глас,
Я слышать не могла; вдруг гром Зевесов грянул,
Возжегся огнь; весь сонм Ахейский вдруг воспрянул
И поспешил в шатер, раскинутый у врат.
Но я вотще ждала увидеть их возврат,
Они остались в нем, и Одиссей единый,
Подъяв близ олтаря лежащу ветвь маслины,
Как вестник радостный за мной к тебе спешит;
Он, зная всё, твое незнанье просветит.
Вот всё, что зрела я.

А н д р о м а х а

Едва поверить смею,
Чтоб вестью нас Улисс обрадовал своею.
При имени одном во мне невольный страх.
Но что же медлит он?

К л е о н а

Коль стража при вратах
Не задержала к нам сюда его вступленье,
Он здесь уж должен быть.

ЯВЛЕНИЕ 8

Т е ж е и А л к и м.

А л к и м

Реши недоуменье:
Желаешь ли войти Ифакскому царю?

А н д р о м а х а

Желаю ль? небеса! я зреть его горю.

К л е о н а

Смягчися хоть теперь, о небо, к нам сурово!

ЯВЛЕНИЕ 9

Т е ж е и У л и с с.

У л и с с

Царевна, я пришел...

А н д р о м а х а

Лаэртид! Одно слово:
Астианакс мой жив?

У л и с с

Царевна...

А н д р о м а х а

Умер он!

Улисс

Царевна! для богов умерь бесплодный стон,
Сберися с силою, и слух склони с терпеньем
К словам моим; сказать я смею сувереньем,
Что сколько скорбь твоя по сыне ни сильна,
Но благость Диева и в смерти сей видна.

Андромаха

Коль боги благи мне, кому ж они жестоки?

Улисс

Еще молю тебя, сдержи ты слезны токи
И мне внемли. Я сам всех упросил вождей,
И мне дозволили о чудной смерти сей
Принесть перед тебя известье роковое,
Да не припишешь мне несчастное и злое
И не винишь меня во всей твоей судьбе.

Андромаха

Я не виню тебя, но плачу о себе.

Улисс

Ввек не казался день столь пагубным для греков
И для троян; вражда, царица человеков,
И воев и царей, всех ослепляя взор,
Уже стремила их на свары и раздор;
Вотще Агамемнон и Пирр между собою
Условились одни себя подвергнуть бою;
И рать Аргивская и Мирмидонян рать
Решилися с вождьми и жить и умирать.
Другие племена, пример их чтя за славу,
Равно усердствуют вступить во прю кроваву,
От черни бранный жар вливается в вождей;
И всяк, влеком враждой иль дружбою своей,
Склонясь к одной из стран, стремится на защиту,
Кто пастырю мужей, кто Пирру знамениту.
Вотще мы с Нестором, щадя сограждан кровь,
Напоминаем им к отечеству любовь
И дружбу и родство; их буйство слов не внемлет.
Но правый гнев царя Пилосского объемлет.
«Безумцы, — он гласит, — какой вас ждет успех?
Элладе вечный плач, одним троянам смех.

Погибли разве все фригийские граждане?
Сколь много их ушло! сколь много пленных
в стане!
И кто ж им воспретит, вам сущим всем в бою,
Восстать и отомстить за родину свою?»
Он рек, и правды свет их поражает взоры,
Но вместо чтоб отстать от пагубныя ссоры,
Подъемлет шумный вопль разгневанная рать,
Всех хочет пленников на злую смерть предать,
И безопасное да будет их сраженье,
Толпами из шатров влекут на убиенье.

Андромаха

О граждане мои!

Улисс

Не унывай за них:
Все спасены они рукой богов самих.

Андромаха

Все! где ж Астианакс?

Улисс

Умножь свое вниманье.
Калхас, зря пленников, ведомых на закланье,
Речь властную спешит ко воинству простерть;
Бессмертных именем их воспрещает смерть,
Доколь в чревах тельцов и агнцев принесенных
Не узрят ясно их благих иль раздраженных.
Я мню, из уст его вещал им некий бог.
Чего ничей со̀вет над ними не возмог,
Они смиряются и, веры чтя веленья,
Все окружив олтарь, ждут жертвоприношенья.
Но долго мрак один Калхаса очи зрят,
И долго отвечать бессмертные коснят.
Казалось, трудно им, подвигнутым любовью,
И благо общее купить безвинной кровью.

Андромаха

Увы!

Улисс

Над жертвами челом склоненный жрец
Решенье воли их постигнул наконец,

Провидел взор его, уста проговорили:
«Трояне, греки, все бессмертных раздражили,
И в долгую их брань чрез целых десять лет
Злодействам обоих, страшась, дивился свет;
Рушенья клятв святых, убийства и хищенья
Их недостойными соделали прощенья,
Одних постигла казнь, постигнет и других;
Но Дий всеблаг, и брань да кончится меж них.
Троянам спасшимся оставьте путь спокойный
В страну, куда ведет Эней, их вождь достойный,
Сужденный обновить Дарданов с Тевкром род;
Благословляется троянский с ним народ,
Небесный гнев за всех одной доволен жертвой,
Всю Фригию один искупит отрок мертвый,
Невинный винного Лаомедонта сын,
Астианакс; и гнев окончится судьбин,
И клявшись, мать его спряжется браком с Пирром
И воцарится с ним и после над Епиром,
И самый отрок сей, избегший смертью бед,
На небо пренесен, как новый Ганимед,
Олимпа горнего в селениях чудесных
На вечный сядет пир между сынов небесных».
Жрец вдохновенный смолк, и, чтя пророчеств дух,
Безмолвны воины еще вперяли слух,
Как чудо новое власть божия послала:
По небу светлому вдруг молнья пробежала,
Блеск очи ослепил, и от высот свинцом
Ударил с треском в дол крылатый Зевса гром;
В шатер ударил он, и мы туда вбежали,
Где сына твоего под стражей соблюдали.
Как сонный он лежал, спокойны очеса
Полуотверзтые возведший в небеса;
Улыбкой красились ланиты помертвелы,
Как будто мимо их скользнули Дия стрелы:
Не знали долго мы, жив или умер он.
Уверясь наконец, велел Агамемнон
Да жертву и костер, возливы и куренья
Приличного ему готовят погребенья.
Меж тем раздор утих, восставлен в войске мир;
Десницы сильные спрягли Атрид и Пирр;
Попутный ветр подул, и ждут тебя едину,
Да тризною святой весь долг исполнишь к сыну,

И нового тебя супруга корабли
С ним понесут к брегам родной его земли.

Андромаха

Власть ваша надо мной; ей вопреки ни слова
Уста не вымолвят, и я на всё готова.
Жил прежде дух во мне, как матерью была;
Днесь нет меня в живых, я с сыном умерла.
Веление судьбы над смертными всевластно,
Противиться ему безбожно и напрасно,
Я знаю; и отсель, долг строгий совершив,
С сокровищем моим все чувства схоронив,
Надежды чуждая, но чуждая и страха,
Беспечная, всему покорна Андромаха.
О Троя! град святый! дней юных колыбель!
Земля родимая, драгая из земель!
Олтарь, хранитель наш! чертог и одр мой брачный!
И ты, супруга гроб безжертвенный и мрачный!
Простите навсегда, навек: с сего уж дня
Вы ни услышите, ни узрите меня.
А ты, великий Зевс! вы, боги правосудны!
Чей промысл строг и благ, чьи все заветы чудны,
Пред дальним странствием к вам, плача, вопию:
Подайте силу мне нести печаль мою,
Доколе сжалитесь и горстью будет праха
Гонимая людьми и вами Андромаха.

1809, конец 1810-х годов

ПИР ИОАННА БЕЗЗЕМЕЛЬНОГО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иоанн Безземельный, брат короля, правитель Англии.
Вальдемар, его канцлер.
Регинальд, нормандский рыцарь.
Седрик } саксонские таны.
Адельстан } саксонские таны.
Ровена, питомица Седрика.
Исаак, богатый жид.
Ребекка, дочь его.
Юдифь, служанка их.
Нормандские рыцари.
Паж принца Иоанна.
Придворные. Дамы. Слуги.

Действие подле города Ашби в саду, где приготовлено пиршество.

ЯВЛЕНИЕ 1

Исаак, Ребекка, Юдифь.

Исаак

Ребекка, дочь! Послушай слов моих.
Ты здесь всего уж видела довольно.
Пора тебе и возвратиться в дом.

Ребекка

Ах! нет, дай мне еще ты насладиться;
Дай оглядеть блестящий праздник весь.

Исаак

И он тебе понравился, Ребекка?

Ребекка

Я вне себя. Какое торжество!
Ристалище огромное, где вскоре
Из рыцарей славнейшие в боях
Стекутся все, чтоб в благородном споре
Искать побед красавиц при глазах;
Ряды скамей, куда уже толпами
Со всех сторон сбегается народ;
Долина, вся покрытая шатрами;
Тьмы ратников, князей и воевод;
Оружья их, блестящие их брони,
Их надписи, знамена и щиты,
И ржущие от нетерпенья кони, —
Весь этот блеск военной красоты
В душе восторг безвестный производит,
Мутится ум и в удивленьи слов
Для похвалы достойных не находит.

Исаак

Всё стоило и денег и трудов.

Ребекка

Где ж лучше их утратить было можно?

Исаак

(в сторону)

Кому платить — и в мысль ей не войдет.

Ребекка

А скоро ли сражениям начало?

Исаак

Через три дни.

Ребекка

И мы увидим их?

Исаак

Послушай, дочь! Господь мне не дал сына,
И ты одна всё счастие мое.

Люблю тебя всего на свете боле,
Казны тебе в угодность не щажу;
Но ты меня жестоко огорчаешь.

Ребекка

Родитель! я!

Исаак

Сегодня даже мне
Не должно бы, по твоему желанью,
Привесть тебя к жилищам християн,
Чтоб праздников смотреть приготовленья.
Принц Иоанн сегодня хочет здесь
Дворянам всем, саксонским и нормандским,
Дать шумный пир. Господь мне буди щит!
Но горе мне, когда из нечестивых
Хотя один увидит дочь мою.
Они нас всех, евреев, презирают,
Нижайший раб нас может обижать;
И что ж к твоей я сделаю защите?
Придется мне в печали умереть.

Ребекка

Но канцлер...

Исаак

Добр, когда во мне им нýжда.

Ребекка

И даже принц...

Исаак

Авессалом злодей!
Жену отца не пощадит развратный,
Не только дочь презренного жида.
Нет, и теперь еще дрожу от страха,
Как вспомню я, чем два года тому,
Когда я вел дела мои в Царьграде,
В отсутствие несчастного отца,
Грозил тебе безбожный рыцарь храма.
Один господь нас мог спасти от срама.
Так все они творят всегда, везде.
Не дай им бог пощады на суде!

Ребекка

Везде живут добра и зла примеры;
И рыцарь тот, который спас меня,
Родитель мой, не их ли также веры?
Не ты ли сам с того поклялся дня,
Где б Иваной ни встретился с тобою,
Как кровному во всем ему помочь?
Забыл ли ты, что к смертному он бою
Готовился, твою спасая дочь?
Власть короля на время их смирила,
Но Богильберт клялся насытить месть,
И, может быть, я смертью погубила
Того, кто жизнь мне сохранил и честь.

Исаак

Ты пра́ва: он добра нам сделал много,
И встретясь с ним, я точно долг отдам;
Хоть думаю, что, верно, он погибнул,
И нам его уж боле не видать.

Ребекка

Ты думаешь?

Исаак

Конечно: бог накажет
Врагов своих, сих воинов креста,
Которые нестройными толпами
От дальных стран бегут в Ерусалим,
Мечом, огнем опустошают землю.
И первых нас, кого б они должны
Чтить как друзей, учителей и братий,
Хотят изгнать из дома праотцов,
Из полныя их славой Палестины.
За то им бог и не дал стен святых;
Болезнь и глад их истребили рати;
Сам кесарь смерть нашел в струях реки,
Вождь лучший пал кинжалом ассасина,
С стыдом ушли французские полки,
И вознеслось величье Саладина.
За то Рича́рд, лев сердцем, пал во плен;
Презренный враг поверг его в темницу,

И брат, его падением надмен,
Уже простер <на> скиптр его десницу.
Безумные! не видят ничего:
Их взор слепит алчба честей и злата.
Пролей им бог от гнева своего!
Злодейству казнь есть праведная плата.

Ребекка

Родитель! как их в слепоте винить?
Кого, скажи, кого с начала вéков
Могло когда несчастье умудрить
Из всех слепых и слабых человеков?
И сами мы, которым целый свет
В часть уделил обиду и гоненье,
Мы по земле скитальцы столько лет,
У всех рабы, самим рабам презренье,
Склонимся ль мы оставить наш закон,
В нем ложь признать, принять обряды чужды?
В том наша честь, что в нас хранится он,
Что за него мы терпим скорбь и нужды.
Когда они в обмане, мы должны
Жалеть о них; но чувство, коим полны,
Навстречу всем опасностям войны,
В Ерусалим друг другу вслед, как волны
Текут полки, одно из чувствий тех,
Чем достают бессмертие народы.
Что ж манит их от родины утех
В безвестный край, в далекие походы,
Где ждут враги, болезни и труды?
Не подлая корысть, ие жажда злата;
Нет, горьки им самих побед плоды,
За боем бой и новая утрата;
Но их крепит глас веры, славы зов,
И робкий храбр, и раны не опасны,
И смерть ничто. Я знаю, что таков
Не всяк из них: друг с другом несогласны,
Коварны, злы иные из вождей,
Из воинов, из пастырей их даже,
Гнев навлекли от бога и людей;
Но ах! всего земного участь та же.
Зато чей мы найдем славнейший след?
Чьих доблестей толь многие примеры?

Чьих столько жертв для общества и веры?
И где другой отыщется Годфред?
Я признаюсь, что часто вспоминая
Дружин его чудесные дела,
Входила в мысль мне та война святая,
Где с На́вином евреев сила шла,
Где божье нас величье предводило,
Где звуком труб вождь гнал противный строй,
Где, верой тверд, сказал он солнцу: стой!
И стало вдруг небесное светило.

Исаак

О дочь моя! Как ложно судишь ты!
Как юности обольщена мечтами!
И как от них до правды далеко!
Дай бог, чтоб ты собой не испытала,
Как страшно нам пасть в руки християн.
Но кончим; здесь я принужден остаться,
Чтоб с канцлером устроить все дела.
Лорд Вальдемар сюда прибудет вскоре,
Я жду его; мы после кончим речь.
Теперь иди с моим благословеньем.

Ребекка

Пойдем, Юдифь.

Юдифь

Тут дальше.

Ребекка

Всё равно.

(Уходят в ту сторону, где приготовлен турнир.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Исаак

(один)

Ох! вижу я, в ней сердце неспокойно.
Вот отчего и замуж всё нейдет.
А женихов к ней сваталось не мало;
Никто не мил; спроси ее: за что?

Хоть нынче, сын соседа Веньямина
Хорош бы всем: и молод, и богат,
И все дела ведет в таком порядке,
Что у него секин не пропадет.
Скажу об нем — молчит или смеется.
Ох! ох! другой есть, видно, на уме.

ЯВЛЕНИЕ 3

Исаак, канцлер.

Канцлер

Что, Исаак, задумался? В чем горе?

Исаак

Простите, лорд, я не приметил вас.

Канцлер

Не деньги ли считал здесь так прилежно?

Исаак

Чего считать? последние я вам
Все отдал, лорд; нет в доме ни безана,
Да и за те еще не получил,
Что мне в залог обещано.

Канцлер

Получишь
Все, Исаак; бумаги здесь со мной.
Но только знай, что принц наш в крайней ну́жде,
И что опять ты должен нас ссудить.

Исаак

Я рад бы, но...

Канцлер

Всего не так чтоб много;
Тебе найти не трудно будет их:
Пять тысяч марк.

Исаак

Пять тысяч марк! создатель!
Где их возьмешь? Вы шутите, милорд,

Канцлер

Нет, не шучу; сказать мне стоит слово,
И ты поймешь, что не до шуток нам.
Сегодня же я получил известье,
Что выпущен Ричард, что за него
Часть выкупа друзья уж заплатили,
И, может быть, он вскоре будет здесь.

Исаак

Ричард!

Канцлер

Он сам; я чай, вы не забыли,
Какое вам здесь было с ним житье,
Как по отце он только воцарился.

Исаак

Один Камбиз был так к евреям строг.

Канцлер

Теперь еще вам будет вдвое хуже.
За выкуп свой он цену положил,
Какой нельзя и в целом государстве
В пять лет собрать; он с вас ее сберет,
Не так, как мы, в заем, а без отдачи.

Исаак

Я сердцем рад... но где мне столько взять?
На это всей не станет синагоги.
Придется мне поехать разве в Йорк,
Да попросить соседа Веньямина;
Но он не я, и если не заклад...

Канцлер

Заклад готов: по моему совету
Принц Иоанн взял в правило себе
Все данные от королей поместья
Отнять у тех, которые ушли
В Ерусалим с знаменами Ричарда
И отреклись от родины своей.
Он даст их тем, кто здесь ему полезен.
Ты знаешь ли поместье Иваной?

Исаак

Как мне не знать! По нем и носит имя
Знакомый мне хороший рыцарь, сын
Лорд-Седрика, Саксонца по прозванью.

Канцлер

Принц Иоанн его от них берет,
А получить назначен в награжденье
Племянник мой сир Регинальд, и он
Согласен дать в залог свое поместье
За деньги те, которых я прошу.
Доволен ли?

Исаак

Я б, верно, был доволен,
Но Веньямин...

Канцлер

Как хочешь с ним ты ладь,
А чтоб в три дни готовы были деньги.
Условие сам можешь написать:
Вот белый лист; но только без обману.
Не то, смотри, не любит принц шутить.
Но вот он сам.

ЯВЛЕНИЕ 4

Принц, канцлер, Исаак, Регинальд, нормандские рыцари, свита.

Принц

А! здравствуйте, лорд канцлер.
Вы здесь в делах. Что? милостив ли к нам
Наш лучший друг, наш дюк и пер секинов?

Канцлер

Я говорил.

Принц

Что ж он?

Канцлер

Ни да, ни нет.

Принц

Послушай, жид, твоя, конечно, кожа
Товар плохой, однако всё она
Мне на седло к турниру пригодится.

Исаак

Светлейший принц! Я нынче еду в Йорк
За де́ньгами, и если что достану,
То с радостью...

Принц

(рыцарям, указывая на жида)

Сговорчив: тем хорош.

(Исааку)

Не хочешь ли, чтоб ехать безопасно,
Я дам тебе моих жандармов взвод?

Исаак

Нет, государь, куда мне! много чести.

Принц

Сир Регинальд! иль дайте из своих.

Регинальд

С охотою.

Исаак

Ах! нет, избави боже!
Я больше их боюся, чем воров.

Регинальд

Как смеешь, жид?..

Канцлер

Сир Регинальд! оставьте:
Он съездит так.

Исаак

У нас обычай свой;
Не в первый раз.

Принц

Как хочешь, лишь бы скоро.

Исаак

(откланиваясь)

Я рад бы вмиг...

(в сторону)

чтоб всех вас гром убил.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, кроме Исаака.

Принц

Лорд канцлер! вы должны быть мной довольны.
В угодность вам саксонцев я зову.
Скажите мне, вы знаете их?

Канцлер

Мало,
Но главных, принц, могу я вам назвать.

Принц

Посмотрим кто.

Канцлер

Заметней всех тан Седрик.
Сир Регинальд с ним по земле сосед.
Он человек по-своему почтенный:
Тверд в правилах, нормандцев явный враг,
Защитник всех обычаев саксонских,
Всей старины, до крайности такой,
Что из дома изгнал и проклял сына
За то одно, что брат ваш лорд Ричард
Его любил и что в поход восточный
Он с ним пошел.

Принц

Так, стало, поделом.
Ну, что за зверь сын этот?

Регинальд

Он тот самый,
Кому Ричард дал замок Иваной,
Который, принц, вы мне. . .

Принц

Поместье — ваше,
Сир Регинальд. Не правда ль, господа,
Что я могу, что я имею право
Поместьями тех службу награждать,
Кто верен мне?

Все

Конечно, принц, конечно.

Принц

(канцлеру)

Кто дальше, лорд?

Регинальд

Позвольте, государь.
Лорд канцлер вам сказал не все причины
Изгнания Франклина Иваной.
Вы знаете, он был в леди Ровену
Влюблен, и тем подпал под гнев отца.

Принц

Ровена! я слыхал про это имя.
Неужли впрямь она так хороша,
Как говорят?

Регинальд

Да, принц, она прекрасна.

Канцлер

И сверх того богата и умна.
Ровены род, я слышал, происходит
От бывших здесь саксонских королей;

И опекун ее, саксонец Седрик,
Почел за грех, что тана сын простой
Осмелился влюбиться в дочь Альфреда.

Принц

И Седрик прав: я сам Альфреда кровь
Так много чту, что выдам непременно
За одного из рыцарей моих
Ровену, да за рыцаря-нормандца.
Кто, господа, кто хочет взять из вас?

Голоса

Хоть я. — Я. — Я.

Канцлер

Возьмет, пожалуй, всякий.
Но вспомните, я вас уже просил,
Племянника...

Принц
(рыцарям)

Что, господа, мне делать?
Сир Регинальд один всё хочет брать.
И что в жене? Нам есть чужих довольно.

Один из рыцарей

Есть, государь.

Другой

Куда как принц наш мил!

Принц
(Регинальду)

Поговорю я сам с ее медведем
Опекуном.

Канцлер

Напрасно, государь.
Он ни за что отнюдь не согласится;
Его вся мысль скорей ее отдать
За своего соседа Адельстана.

Принц

А это кто?

Канцлер

Саксонский знатный тан,
Единственный наследник прав Альфреда.

Принц

(испугавшись)

Ах! боже мой, тут нечего шутить:
Оно, ей-ей, становится опасно.
Он молод?

Канцлер

Да.

Принц

(видя, что смеются)

Совсем, совсем не смех.
Храбр, может быть?

Один из рыцарей

Э! принц, ведь он саксонец.

Принц

Конечно, но...

Канцлер

(тихо принцу)

Не стыдно ль? разве я
Не знаю всех и не смотрю за всеми?
Не бойтесь же.

Принц

Вы клад, любезный лорд.

Канцлер

Сир Адельстан и храбр, да не опасен —
Он так ленив, что думать труд ему,
И изо всех три только любит дела:
Есть, пить и спать.

Принц

Саксонец хоть куда.
Так, стало, нам и весело с ним будет.
Я страх люблю всех этих чудаков.
Кто помнит здесь, как при отце покойном
В Ирландию я послан был? ко мне
И собрались все старшины, умора
Что за народ, в два локтя борода.
Они ко мне как подойдут с поклоном,
А я тишком и за́ бороду их.

Один из рыцарей

Я с вами, принц, в то время был в Дублине,
И помню, как все удивились мы,
Что так остро и вдруг вы подшутили.

Канцлер

Совет мой, принц, все шутки отложить.
Они и там вам навредили много.
А чтоб моим вы верили словам,
Вот вам письмо, которое сегодня
Мне принесли.

Принц
(развертывая письмо)

Печать с гербом лилей!
«Принц! берегись, и знай: лев спущен с цепи».
Ричард!

Все

Ричард!

Канцлер

Известье, может быть,
И ложное; но если даже правда,
Нам средства есть противиться ему:
Наемных войск имеем мы довольно;
Все рыцари нормандские за вас;
Боясь его, жиды дадут нам денег;
Духовные дождутся дел конца;

А чтоб народ склонился к пользам вашим,
Вам надобно саксонцев приласкать.

Принц

Я всё готов... но боле всех надеюсь
На рыцарей... не правда ль, господа?

Один из рыцарей

Конечно, мы...

Другой

Мы, принц...

Третий

Мы сколько можем.

Регинальд

Я, государь, весь ваш, покуда жив.

Принц
(Регинальду)

Любезный друг! я сам с леди Ровеной
Поговорю.

(Тихо канцлеру)

Милорд! что делать нам?
Они совсем, совсем перепугались.

Канцлер
(тихо принцу)

Вы сами, принц, не бойтесь только: всё
Тогда пойдет. Не дайте подозренья
Гостям своим; вам стоит захотеть:
С Ровеною и с дамами учтивость,
С мужчинами веселость без чинов —
И все за вас; я в прочем вам порука.

Принц

Любезный лорд, я всё, всё сделать рад.

Паж

(докладывает)

Лорд Седрик тан, леди Сара Ровена,
Лорд Адельстан.

Принц

Зови их всех сюда.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же, Седрик, Адельстан, Ровена.

Принц

(саксонцам)

Милорды! я за ваше посещенье
Благодарить считаю долгом вас.
Позвольте мне надеяться, что сами
Охотно вы знакомитесь со мной.

Седрик

Лорд Адельстан! вы всех знатнее родом:
Вам отвечать.

Адельстан

Нет, отвечайте вы.

Седрик

Я редко, принц, из дома езжу в гости,
И если ваш сегодня принял зов,
Вы можете винить леди Ровену.

Принц

Винить! — так вам, прекрасная леди,
Обязан я? я чувствую всю цену...

Ровена

Я, государь, почла бы за вину
Напрасное принять благодаренье.
Хотелось мне, я вас не обману,
Здесь посмотреть на рыцарей сраженье.

Принц

Мне очень жаль, что вам их ждать три дни.
Не все бойцы поспели на ристанье;
Мы ждем, пока сберутся к нам они;
А между тем приложим мы стараньe,
Как лучше бы принять своих гостей.
Я, лорды, вас прошу, не будьте строги,
Угодно ль что? скажите поскорей,
Так, попросту.

Адельстан

Я, признаюсь, с дороги
Хоть закусить. . .

Принц

Лорд канцлер! будьте мне
Заменою на время в угощеньи,
А с вами я, леди, наедине
Поговорить прошу о позволеньи.

Ровена

С охотой, принц.

Канцлер и все рыцари уходят.

ЯВЛЕНИЕ 7

Принц, Ровена.

Принц

Ваш опекун чудак.

Ровена

Я, принц, его люблю и почитаю
Как бы отца.

Принц

Я не виню никак
Чувств ваших; но в том только осуждаю
Лорд Седрика, что он, и без вины,
Не любит нас.

Ровена

Принц, он саксонец верный.

Принц

Неужели за это мы должны
Век ссориться? Что доброго в чрезмерной
К отечеству любви? Я ль грешен в том,
Что за сто лет тому случилось деду
На остров ваш пристать и что потом
Он одержал под Гастингсом победу?
Не лучше ли прошедшее простить,
Связать в одно два храбрые народа,
И то родством и дружбой съединить,
Что делят врозь обычай и порода?

Ровена

Такая мысль достойна всех похвал.

Принц

От вас ее ждать буду исполненья.

Ровена

Как, государь!

Принц

Я вас, леди, избрал,
Чтоб первым быть залогом примиренья.
Вам надобен достойный вас супруг:
Он найден мной, вы согласитесь сами.
Лорд Вальдемар, мой канцлер, есть мой друг,
Вся Англия живет его трудами,
И с ним союз... не бойтесь: он женат,
А вас назвать племянницей желает;
Сир Регинальд храбр, знатен и богат;
Ваш принц его заслуги уважает
И за него ходатайствует сам.
Когда бы я не знал леди Ровену,
Хоть малую я предложил бы вам,
Но лестную за снисхожденье цену:
Ристалища верховный судия
Волён избрать иль даму, иль девицу

К разданию венцов победных; я
Творю любви и красоты царицу.
Теперь от вас жду слова одного
И вашего в нем утвержденье права:
На вас падет блеск праздника всего
И равная с торжественником слава.

Ровена

Я не затем, принц, ехала сюда,
Чтоб на себя привлечь других вниманье,
И может мне не чести, а стыда
Придать судьи пристрастное избранье.

Принц

Сир Регинальд сосед ваш; вы должны
Знать, чтó в наш век недружное соседство.
Избавиться от вечной с ним войны —
Супружество одно вам только средство,
А чтобы вас с ним сблизить уж совсем,
Меж ваших двух поместьев есть чужое.
На свадьбу вас дарю поместьем тем.

Ровена

Принц! Иваной — владенье родовое
Лорд Седрика и предков всех его.
Хотя сперва во время распрей слезных
Он был лишен наследья своего,
Король Ричард ценой заслуг полезных
Сир Вильфрида вновь оным наградил
И грамотой в их роде укрепил.

Принц

Что дал Ричард любимцу по пристрастью,
То Иоанн волён и взять назад,
С таких же прав, такой же точно властью.
Сир Вильфрид чем достоин был наград?
Иль тем, что он, Ричарда по примеру,
Ругается над властию отца?
Пусть, если впрямь они идут за веру,
Ждут там себе небесного венца;
Но здесь им прав уж нет в своей отчизне.
Должны себя вы столько почитать,

Чтоб не подпасть правдивой укоризне
За тщетный труд повесу защищать.
Опять ваш вкус не смею я обидеть,
Ни вобразить, что муж ваш Адельстан,
Кого едва без смеху можно видеть.
Теперь, леди, вы знаете мой план,
Намеренье и волю: рассудите
И дайте мне решительный ответ.

Ровена

Я дам его; но, принц, вы мне простите
В том, если я, почти не зная свет,
Скажу не так. Вильфридово поместье
Я не возьму; а защищать его
Не только в стыд не ставлю, ни в бесчестье,
Но даже в долг. Он имени того
Не заслужил, чем вы его назвали,
Свое же, принц, прославил он войной,
И мало тех бойцов, кого бы знали
Там более Вильфрида Иваной.
Об их делах вы судите с презреньем:
Вы властны, принц; но я и все почти
На рыцарей сих смотрим с уваженьем,
Чтя выше тех, которые идти
В крестову брань затем лишь не хотели,
Чтобы чужим здесь овладеть добром,
И может быть, дойдя преступной цели,
Вход заградить хозяину в свой дом.
Сир Вильфрид, принц, тем доблестям единым
У короля учился с юных лет,
Которые Ричарда Сердцем Львиным,
Дивясь, назвать заставили весь свет.
Перед отцом не винен он нимало;
Скорей отец виновен перед ним.
Я знать должна: я распри их начало.
Несчастье то случалось не с одним;
И если сын всегда преступник в ссоре,
Принц, вспомните, чье имя ваш отец
Прочел, простив всех бывших в заговоре,
И кем его был ускорен конец.
Я не возьму супруга по неволе;
Сир Адельстан... я не люблю его,

Но если б мне не оставалось боле,
Как из двоих лишь выбрать одного,
Я, государь, скажу чистосердечно,
Друг Седрика, мой кровный и родной,
Тогда бы был мной предпочтен, конечно,
Пришельцу, нам грозящему войной,
Чье имя мне по ужасам известно,
И кто теперь, в добавок стыдных дел,
Осмелился мне предложить бесчестно
С ним разделить несчастного удел.

Принц

Ответ ваш чист, хоть он не к вашей славе.
Не худо бы его обдумать вам,
И государь, когда он просит, вправе
Ждать большего внимания к словам.

Ровена

Принц! наш король в плененьи; вы забыли,
Что он в живых и что его возврат...

Принц
(в сторону)

Так! и от них известия не скрыли. —
А разве здесь слух носится, что брат?..

Ровена

Нет, принц, я вам открыла лишь желанья.

Принц

Я их делю, поверьте мне; я сам
Все чувствую Ричардовы страданья
И боле всех хочу, чтоб этот срам,
Хоть как-нибудь, окончился бы вскоре.
Надеюсь, мы останемся друзья,
Но вот и всё; об нашем разговоре
Нет нужды им...

Ровена

Молчать, принц, буду я.

ЯВЛЕНИЕ 8

Принц, Ровена, Седрик, Адельстан, Регинальд, канцлер, рыцари, дамы.

Слуги приносят столы для пира.

Принц

(саксонцам)

Что, господа, вы видели ль весь праздник?

Канцлер

Почтенных я везде провел гостей.

Принц

Понравилось ли вам?

Адельстан

Я, принц, доволен.
Всё хорошо, да я же сверх того
Всегда люблю гулять перед обедом.

Принц

А вы, милорд?

Седрик

Я человек простой,
Лжи не терплю, и вам скажу всю правду:
Весь ваш турнир, всё это не по мне.
Отцы, дай бог им царствие небесно!
Чуждались встарь беспутной новизны:
Шутить мечом казалось им невместно,
Не делали игрушки из войны;
Дрались они как львы во время ну́жды
За родину, за жен и за детей.
Обычаи к нам после вкрались чужды.
Не все могли опасность сих сетей
Приметить вдруг; больша́я часть народа
Сей роскошью, сим блеском прельщена;
Утрачены и счастье и свобода,
И память нам осталася одна.

Принц

Когда вам всё противно то, что ново,
Не знаю, что понравится вам здесь;

Авось вином хоть угожу я старым.
Но стол готов, мы сядем.

(Обращаясь к служителям)

Между тем
Позвать сюда тех плясунов-срацинов.

(Ровене)

Они, леди, утешат, верно, вас:
Мой брат Ричард прислал их мне в подарок.
Вот первый вам трофей его побед.

Ровена

Король, когда я, принц, не ошибаюсь,
Хотел не мой, а ваш утешить вкус.

Принц и гости его садятся и обедают. Трое срацинов пляшут. По окончании пляски Ровена и все дамы встают.

Принц

(Ровене)

Вы прочь от нас?

Ровена

Да, принц, вы нам позвольте.
Мы не хотим в весельи вам мешать.

Дамы уходят. Служители уносят часть столов. Седрик сидит задумавшись. Адельстан ест. Принц и нормандцы между собою смеются.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, кроме Ровены и дам.

Принц

Сир Адельстан! скажите нам хоть слово.
Не правда ли, что это хорошо?

Адельстан

Прекрасно, принц, отменно, бесподобно,
И я почти один съел весь пирог.

Принц

Я не об нем вас спрашивал.

Адельстан

О чем же?

Принц

О плясунах.

Адельстан

А разве кто плясал?

Общий смех.

Принц

Срацины, здесь.

Адельстан

А я и не приметил.

Принц

(нормандцам)

Вот должно как всегда вникать в дела.

Канцлер

(Седрику)

Вам грустно, лорд?

Седрик

Да, признаюсь невольно.
На этих я заморских плясунов
Смотрел, смотрел, и сердцу стало больно:
Сын вспомнился; уж несколько годов
С Ричардом он воюет в Палестине,
А я один век доживаю свой.

Канцлер

Лорд Седрик, принц, печалится о сыне.
Угодно ль вам, чтобы из круговой
Мы выпили теперь его здоровье?

Принц

Да, выпьем все.

Седрик

Нет, принц, тот сын, о ком
Я принужден в дому моем условье

Постановить, чтоб мне никто об нем
Не поминал, уже не сын мне боле.
Пришельцев раб не Седрикова кровь;
Родителя он не послушен воле,
И в правый гнев прешла моя любовь.

Принц

Как это жаль! отец такой почтенный,
А сын! .. опять у брата моего
Какой пример! он сам в войне священной
Священного не знает ничего.
Мне как-то, лорд, сказали за известье,
Что тот тому ценой каких-то дел
Хотел отдать какое-то поместье?

Седрик

Он отдал, принц, старинный наш удел,
И с грамотой, мне в горшую досаду.
Как сына мне простить за этот срам?
Унизиться из рук чужих в награду
Принять добро, свое по всем правам!

Принц

Так, стало, вам не будет неприятно,
Коль и́наче мы вновь распорядим:
Взяв Иваной у Вильфрида обратно,
Его теперь другому подарим.
Сир Регинальд! имейте ж попеченье,
Чтоб отчиной сир Вильфрид овладев,
Не мог привесть семейства в униженье
И не навел опять отца на гнев.

Регинальд

Принц! что мое, того по верной смете
Век не видать, ручаться в том могу,
Всем Седрикам и Вильфридам на свете,
И будь же я саксонец, если лгу.

Седрик

Саксонец ты! кому бы в разум впало
Так звать тебя, тебе бы сделал честь
Столь многую, сколь оной стоишь мало.

Регинальд

Ах! ты, франклин!

Канцлер

(тихо принцу)

Их надобно развесть.

Принц

(тихо канцлеру)

Оборочу всё в шутку.

(Вслух)

Мы поверить
Преймуществу саксонцев без речей
Должны: длину нам стоит только смерить
И их родов, и даже их плащей.

Нормандский рыцарь

(глядя на Адельстана)

Я в них хвалю воздержность на обеде.

Другой рыцарь

(глядя на Седрика)

Веселость их и вежливость в гостях.

Регинальд

А храбрость их всегда ведет к победе,
Как в Гастингсе и в ста других боях.

Седрик

Так, господа; похвально, продолжайте
И, заманив приязнью старика,
Теперь его без страха обижайте.
Моя от лет ослабшая рука
Саксонцев честь не защитит, конечно.
Мой сын бы мог ответить вам без слов;
Но я вам, принц, скажу чистосердечно,
Что если бы у нас, у стариков,
Какой-нибудь хозяин благородный,
Чтоб обижать, гостей зазвал в свой дом,
Он всеми бы был пре́зрен как негодный,
И впредь никто с ним не был бы знаком.

Канцлер

(тихо принцу)

Вы видите ль, что так шутить опасно?

(Вслух)

Уверьте ж, принц, вы гостя своего,
Что он на нас рассéрдился напрасно,
И обижать не думали его.

Принц

Кто думать мог, и есть ли тут обида?

(Седрику)

Чтоб доказать невинность вам мою,
Когда нельзя здоровье пить Вильфрида,
То ваше я, милорд, здоровье пью.

Канцлер

За вами все. Милорд! здоровье ваше.

Все наливают и смеются.

Первый рыцарь

(Адельстану)

И ваше, сир.

Второй рыцарь

И всех саксонцев.

Третий рыцарь

Всех.

Принц

(вслух)

Дай бог им лет, что капель в этой чаше. .

(Тихо рыцарям, которые смеются)

Пустой.

Седрик

(в сторону)

Добро, я вам отмщу за смех.

Принц

Гостям своим мы сделали учтивость
И выпили все за здоровье их;
Теперь сама велит уж справедливость
Того же ждать и от гостей самих.
Лорд Седрик, вот вам чаша: назовите
Нормандца нам, нормандца одного,
Кого из всех почтить благоволите,
И выпьемте за здравие его.

Канцлер
(тихо Седрику)

Вы поняли, о чем наш принц хлопочет?

Седрик

Да, понял.

Канцлер

Вам нельзя отказом...

Седрик

Нет.

Канцлер

Так сделайте скорей чего он хочет,
И всё с концом.

Седрик

Спасибо за совет. —
Мне трудно, принц, исполнить вашу волю:
Нет радости для пленных, для рабов,
Петь тем хвалы, кто их поверг в неволю;
Но быть уж так, и выбор мой готов.
Здоровье я нормандца пью такого,
Кто званием, делами и душой —
Всем выше всех; и если хоть полслова
Кто вопреки, ответ ему простой:
Кто б ни был он: саксонец иль нормандец,
Не рыцарь он, не муж и не британец.
Твердите ж все за мной сии слова:
За здравие Ричарда, сердцем льва.

Принц
(канцлеру)

Что делать?

Канцлер

Пить.

Общее смущение, но по знаку принца пьют.

Принц

Итак... здоровье брата.

Все

Да здравствует.

Седрик
(встает и все также)

Сир Адельстан! пойдем.
Хозяину лишь времени утрата
От нас, степных, а мы в дому своем,
Быв позваны к столь знатному обеду,
Найдем, о чем повесть нам разговор.
Узнали всё: нормандскую беседу,
И вежливость, и ум, и принцев двор.

(Откланиваясь принцу)

Я, государь, я ваш слуга покорный.

ЯВЛЕНИЕ 10 И ПОСЛЕДНЕЕ

Принц, канцлер, Регинальд, рыцари.

Принц

Лорд Вальдемар! я благодарен вам:
Вы сделали, что этот Седрик вздорный
Мне нагрубил.

Канцлер

Он был обижен сам.

Регинальд

Обижен! я не так бы их обидел.

Первый рыцарь

Их надо бы...

Другой рыцарь

Да что и говорить!

Канцлер

(значительно)

То, господа, что, если бы я видел
Решимость в вас, чтоб принцу услужить,
Ухаживать не стал бы за другими.

Все

(в смущеньи и с притворным жаром)

Мы, кажется...

Канцлер

(став посреди кружка рыцарей и обнажая меч)

Клянитесь, господа,
Стать за него всяк силами своими
Противу всех, повсюду и всегда.

Все

(обнажая мечи по примеру канцлера)

Клянемся все.

Канцлер

Притом в пособьи скором
Уверен я; великий ма́гистр мне
Шлет рыцарей храмовых с командором,
А Богильберт известен на войне.
Итак, теперь к полкам своим спешите,
Сберите их; а там... турнир... а там...

(Тихо принцу)

Скажите ж, принц.

Принц

(выходя из грустной задумчивости, но всё еще с беспокойством)

А там мне докажите
Любовь свою, моя известна вам.

Принц и канцлер уходят в одну сторону, а все рыцари в другую.

1820

СПЛЕТНИ

Комедия в трех действиях в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Варягин, богатый помещик, старый холостяк.

Крашнева, сестра его, вдова.

Настинька, дочь Крашневой.

Лидии, жених Настиньки.

Игорев, Зельский — приятели Варягина.

Аннушка, горничная Крашневой.

Семен, слуга Зельского.

Слуга.

Действие происходит в подмосковной Варягина. Театр представляет залу; средняя дверь ведет в сад; две боковые двери.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Семен и Аннушка.

Семен

Ты нынче поутру как ангел хороша.

Аннушка

Не с радости.

Семен

Вот на! А что ж, моя душа?

Аннушка

Так, дельце малое.

Семен

Вестимо, не большое:
Вам скоро праздники и свадебка...

Аннушка

Пустое.
Затеи наши все, как видно, не на стать:
И праздник не к поре и свадьбе не бывать.

Семен

С чего же ты взяла!

Аннушка

С чего взяла я? — Кроме
Обиняков и ссор, нет речи в целом доме;
Всё не по-старому, как будто бы назло.
Бывало, подобру да поздорову шло;
Вдруг шепчутся все врознь, друг нá друга не взглянут,
А завтра говорить и вовсе перестанут;
Нет, свадьбе не бывать. — Причину знаю я:
Твой барин спотишка...

Семен

Он! что ты, жизнь моя?
Он тут ни в чем, поклеп твой на него напрасен:
На свадьбу Лидина он всей душой согласен,
И сам Варягину твердил в глазах моих,
Что вашей барышне он лучше всех женихх.

Аннушка

Тем хуже. Злых людей любимая повадка
Вредить услугами; — да ты мне сам загадка,
Признайся, Зельский твой... добра в нем крошки нет!

Семен

Злым людям и плутáм я не слуга, мой свет.
А что до барина, так, сколько мне известно,
И жил он и живет, почти сказать, пречестно.
Во-первых... Этого с другим проищешь век,
Он тем хорош, что щедр, — бесценный человек!

А в этом, кажется, нет ничего дурного.
Какое дело мне до прочего-другого?
На месяц сто рублей, подарки, платье...

Аннушка

Да!
Знать, подслужиться сам умеешь иногда.
Ты, слышно, грамотей?

Семен

Что ж ты с обиняками?..

Аннушка

Нет, без обиняков, скажу двумя словами:
Твой барин либо я, любого выбирай.

Семен

Да как?..

Аннушка

Ну, если он милей тебе, прощай.

Семен

Постой.

Аннушка

Головушка! как жениху невеста
Не сыщет в доме здесь порядочного места?
Да хоть у Лидиных...

Семен

Свела меня с ума!
Ну, по рукам, весь твой.

Аннушка
(оглядывая его)

Что это за сума?

Семен

Мой барин шлет в Москву.

Аннушка

Не езди!

СПЛЕТНИ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ ВЪ СТИХАХЪ

Павла Катенина

ПОДРАЖАНІЕ

Грессетовой Комедіи: Le Méchant.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Греча,

1821

Семен

Как?

Аннушка

Ни слова;
Повозка на дворе всё будет пусть готова;
А ты зайди ко мне, и мы посмотрим там,
Зачем изволит он... да вот, кажись, и сам.
Прощай.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Зельский и Семен.

Зельский

Что, батюшка, так нéвесел? — В дорогу
Собрался, что ли, ты?

Семен

Собрался-с.

Зельский

Слава богу!
Изволит отвечать. — Какая ж вдруг беда?
В чем горе?

Семен

Вам смешно, а у меня всегда,
Чуть вспомню, что писать учен за прегрешенья,
Спина зачешется.

Зельский

Трус! разве подозренья
Пасть могут на тебя? — Как письма-то дойдут?

Семен

Чай, к Лидиной дошло, а к здешним принесут
Сегодня с почты. — Я спросить, однако, смею:
И с вами Крашнева, и вы по виду с нею
В ладу, Варягин в вас не знает и души;
А что про них писать велели вы?

Зельский

Пиши
И будь спокоен...

Семен

Ну! хоть с Лидиным вы дружны?

Зельский

Да, мы знакомы с ним.

Семен

А кажется, не нужны
Прибавки в том письме, где вы об нем...

Зельский

Дурак!

Семен

Да растолкуйте мне, с чего вы бьетесь?

Зельский

Так,
Смеяться глупостям неужто я не вправе?
А дураки на что? ведь умным же к забаве:
Хоть Лидин...

Семен

Малый он предобрый.

Зельский

Препустой!
Приехал в двадцать лет знакомиться с Москвой,
Вертится всюду; вдруг со мною повстречался,
Влюбился, и с тех пор на шею навязался;
Хоть рад я, хоть не рад, а только мы друзья,
Как тень гоняется: что мне с ним делать? Я
К Лаисиной его определил на службу;
А с нею без меня он свел такую дружбу,
Что и жениться здесь не хочет, пишет мне,
Чтоб я помог ему, что он как на огне
Горит отделаться от всех невест, и смело
Готов хоть продолжать их тяжебное дело,

Чем свадьбой помирить; — в услуге нет греха,
А впрочем, Настинька всё сыщет жениха.

Семен

Неужто вы, сударь? Вот это будет ново!
Да как же? Крашневой вы тоже дали слово.

Зельский

Нет, слов я не даю.

Семен

А что-то впрямь она
Ревнует к дочери.

Зельский

Тем лучше.

Семен

Кто ж жена
Вам будет из двоих?

Зельский

Мне всё равно; с одною
Мы ближе: Крашнева лет за́ тридцать красою
Всё думает прельщать, и сверх того сама
Себе так верит в том, что пропасть в ней ума,
Что я уж потакать ей должен поневоле;
Однако за себя всё не возьму дотоле,
Пока наследства брат не укрепит за ней,
А он всё отдает племяннице своей
В приданое. Вот что для маменьки немило;
А мне так в голову не раз уж приходило,
Что если Лидина совсем спроважу вон,
Так девочка моя, а маменьке поклон.

Семен

(кланяясь)

А сами как они?..

Зельский

Так ни одной не будет,
Вот только и всего, меня ведь не убудет;

Да полно, нечего болтать-то пустяков.
Мне надо с Крашневой здесь молвить пару слов.
А после уж тебя в Москву отправлю; — горе,
Что Лидина сюда я также жду; он вскоре
Приедет; я боюсь, не встретился бы с кем,
Ты здесь постереги.

Семен

Так он тайком! зачем?
К кому?

Зельский

Всё будешь знать, состареешься, милый.
Но кто там в сéнях дверь с такой захлопнул силой?
Наш, видно, молодец. Семен, поди-ка в сад
Да стань там на часы.

Семен уходит.

ЯВЛЕНИЕ 3

Зельский и Лидин.

Лидин
(обнимая Зельского)

Ах! милый, как я рад,
Что свиделся с тобой! Мне совестно ужасно:
По глупости чужой я ввел тебя напрасно
В пустые хлопоты; всё вижу, шум и брань,
И как благодарить — не знаю.

Зельский

Перестань.
Приятелю служить достоинство велико!
Есть говорить о чем! — Ты лучше расскажи-ка,
Что нового в Москве.

Лидин

Всего, любезный, тьма.
Чай, столько никогда в ней не было ума:
Во-первых, съезд какой! ну, словом, вся Россия.
Какие там дома вдруг выросли большие!

Отделка, вкус какой! Совсем не та Москва,
Что день, то праздники: кружится голова,
Чуть вспомню только, — там спектакль, там бал,
там чтенье.
Нет времени вздохнуть, ну прелесть! восхищенье!
Чему смеешься ты?

Зельский

Ты молод, милый друг,
Затем тебе в глаза всё кинулося вдруг
И всем прельстился ты, да это и не чудо,
А мне так про Москву писали очень худо, —
Что жить там дорого, что все разорены,
Что новые дома уж в банк заложены́,
Что в шумных обществах веселости не стало,
Народу множество, людей, однако ж, мало;
К искусствам вкус пропал от страсти к прихотя́м;
Не рады гости зву, хозяева гостям;
Что модные стихи приятны, как читают,
Чтецу да автору, а прочие зевают;
И словом, что Москву с теперешним умом
Не худо б запереть на время в желтый дом.

Лидин

Конечно. . . Толку нет. . . Я, впрочем, не жалею
Об нем. . . Москва меня смешит, и. . . ну, бог с нею!
Что матушке моей влез в голову за вздор
Женить сынка?

Зельский

Ты сам, не слишком ли уж скор?
Мне жаль почти, что я тут впутался, любезный.
Женитьба может быть и впрямь тебе полезной
По делу твоему, а я мешаю.

Лидин

Нет!
Как можно? насмешить мне разве целый свет?
Какой я муж? куда я денуся с женою?
Сиди с ней целый век, таскай везде с собою,
Или с отчаянья сдай на руки другим.
Слуга покорный!

Зельский

Прав, и трудно спорить с ним.

Лидин

Притом, без службы жить мне как-то надоело,
А в службе быть с женой — куда плохое дело!
Того еще гляди, в деревню затащáт.

Зельский

Жаль! матушку твою сбивает с толку сват —
Какой-то Игорев, оракул всех соседей.
Как бы тебе его?.. он родом из медведей,
И потому себя считает мудрецом;
Да, чай, ты знаешь сам!

Лидин

Нет, я с ним незнаком.
Вот пятый год, как я уехал из Калуги;
А часто матушке он делывал услуги,
И не пройдет почти от ней ко мне письма,
Где бы об нем...

Зельский

Она от друга без ума, —
И точно, он слывет за честного; однако
Его ходатайство, мне кажется, двояко:
С Варягиным они старинные друзья;
Со стороны смотря на дело...

Лидин

Вижу я:
Стакнулись на мой счет?

Зельский

Да, что-то есть такое.

Лидин

Иду донельзя в суд, всё прочее пустое.

Зельский

Хотя я здесь как свой, а правду всё скажу,
Что в сéмью их войти причин не нахожу:

Из денег — это стыд, а из любви к невесте...
Ты, слышно, был влюблен в нее?

Лидин

Мы жили вместе,
Росли и свыклися; она тогда мила
Была как ангел. — Что? я слышал, подросла,
Похорошела?

Зельский

Да, изрядна; только мало
Чего-то в личике, ни то ни се.

Лидин

Так стало?..

Зельский

Ума не спрашивай: он нам не сделал честь
Пока пожаловать, и будет ли, бог весть;
А только, кажется, смиренница лукава;
Насчет смиренья-то об ней такая слава
Между родных, что всяк хоть побожиться рад,
Но ей от слов таких, и к горю так впопад
При мне, да и не раз, случалось улыбаться,
Что побожиться я боюсь греха... признаться,
Хоть я на женский счет не хвастал никогда,
А с ней не много бы мне стоило труда...
«Но дикий нрав затем не потерял свободы,
Что выросла глупа дочь искренней природы».

Лидин

Да Настинька хоть будь Венера красотой,
Я не женюсь на ней при глупости такой.
Прощай же, еду я; и в два часа, не боле,
Надеюсь матушку уладить к нашей воле.

Зельский

Останься лучше здесь.

Лидин

Я к ним, ей-богу, глаз
Не смею показать.

Зельский

Явись-ко через час,
А дома к той поре Варягин будет точно.
Ты просто приезжай, как будто бы нарочно
Хотел нечаянным приездом угодить.

Лидин

Да как с приездом мне приветство согласить?
Неужто встретить тем для первого свиданья,
Что мне быть зятем их ни мало нет желанья?

Зельский

Избави бог! зачем? напротив: приходи
Как должно жениху, да дядю рассерди,
А дядюшка дурак; однако ж не на шутку,
Хоть правда не к уму, а к здравому рассудку
Подбиться хочет, страсть несчастная к трудам;
Ты видишь дом; хорош? его он строил сам,
И краше ничего под солнцем уж не видит;
Ты только похули, как раз возненавидит,
Сочтет вертушкою, повесой, шалуном,
А даст бог счастие, и пошлым дураком.

Лидин

Мне как-то совестно, что старика обижу.

Зельский

Ах, боже мой! женись: я всё беды не вижу.

Лидин

Ты, милый, сердишься?

Зельский

Досадно и смешно,
Что так тебе на всё решиться мудрено.
Я, право, не пойму, о чем ты тут хлопочешь:
Дурак тем прав, что стар! а впрочем, как ты хочешь.

Лидин

Изволь. — Ну, дядюшка, смотри, с сего же дня
Отстанешь прочить ты в племянники меня.

ЯВЛЕНИЕ 4

Зельский, Лидин и Семен.

Семен

(вбегая)

Тс! барыня идет.

Лидин

(Зельскому)

Прощай же; где бы можно
Отсюда выйти мне?

Зельский

(указывая на боковую дверь)

Хоть здесь; да осторожно.
Семен! ты проводи.

(Лидину)

Смотри же, через час...

Лидин

Небось, приеду.

Семен и Лидин уходят.

ЯВЛЕНИЕ 5

Крашнева и Зельский.

Крашнева

Я нашла насилу вас.
Мой братец говорит, что с вашего совета
Он замуж Настиньку намерен...

Зельский

Глупость эта
Вам правдой кажется?

Крашнева

Он так уверен в ней...

Зельский

Тем лучше; верьте мне, из всех его затей
Не выйдет ничего; я для того не спорю,

Что можно без того с ним делать всё! и... к горю...
Хоть добрый человек, а глуп он... виноват.

Крашнева

Ах! как не стыдно вам? Он всё-таки мне брат,
А я сестра ему.

Зельский

Однако вы не сходны.

Крашнева

По счастью!

Зельский

Признаюсь, мне хитрости несродны.
Что эти связи все? вздор сущий: где за всех
Родных вступаться нам? Ну, право, выйдет смех.
Вы, например, умны; дочь ваша глуповата;
Вдобавок бог послал вам пресмешного брата;
Бог с ними! Вам ума нельзя им дать взаймы.

Крашнева

Всё так, но тут никак не согласимся мы.
Кто б ни были они, я их люблю невольно,
И недостатки их мне видеть очень больно;
Хотела бы их скрыть, стараюсь, и... нет сил!

Зельский

Какая доброта!

Крашнева

А брат ведь очень мил!
Сказать ли вам, где он?

Зельский

С хозяйством, чай, хлопочет.

Крашнева

Нет! другу старому сюрприз он сделать хочет:
Ведь Игорев сюда прикатит нынче к нам;
Так братец мой пошел к нему навстречу сам,
Чтобы обнять его середь большой дороги.

Зельский

И оба с радости заплачут.

Крашнева

Как вы строги!
Нет, право Игорев не вовсе же дурак,
А так, как все у нас, — невежа и чудак.

Зельский

Никто не осмеет их так остро, без лести.

Крашнева

Ах! без намеренья, клянуся вам по чести.
Оставим их совсем, и дайте мне совет:
Что делать? что сказать? покоя с братом нет:
С ножом ко мне пристал, чтоб свадьбу я сыграла,
И так упрям, как... Ах! чуть-чуть не проболтала.

Зельский

Позвольте мне, за вас я назову его.

Крашнева

Вам только бы шутить, а мне не до того.
Пыталась рассуждать, да, кажется, напрасно:
Варягин прожил век с рассудком несогласно,
А спорить — он троих перекричит один.
Притом в имении он полный господин,
И мне твердит о том так часто и учтиво,
Что, право, мочи нет, как я ни терпелива.

Зельский

Сказать ли вам? Мне мысль прекрасная пришла...
Да вы боитесь так и тени даже зла;
Однако всё равно: из ваших разговоров
Я понял, что у вас именье не без споров,
Что вашей частию владеет он давно;
Как это сделалось?

Крашнева

Совсем не мудрено:
По смерти батюшки ребенком я осталась;
Мой брат был опекун, в дела я не вступалась.

В моих он деревня́х ворочал, как в своих;
Ни в чем не о́тдал мне отчетов никаких,
И до замужства я сама была во власти.
Покойник муж меня взял за себя по страсти,
В тринадцать, что ли, лет; совсем дитятей...
Вот
Еще пример, к чему не в пору брак ведет.
Пять лет я с ним жила, довольна всем, богата;
Мы промотали всё; он умер... и у брата
Почти на́ хле́бах жить теперь принуждена,
В деревне, с дочерью... как эта жизнь скучна!

Зельский

Имеет ли честь быть мой стряпчий вам известным?

Крашнева

Не тот ли?..

Зельский

Похвалить его хоть трудно честным,
А плутом и того трудней назвать в укор,
Затем что говорят: не пойман, так не вор;
Но из дельцов делец и из сутяг сутяга.
Вот он-то подлинно московский побродяга:
С утра до вечера обрыскает везде;
В Управе и в части́, в Палате и в суде;
Да любо посмотреть: в присутствии как дома;
Ему там каждая чернильница знакома,
И вот каков в делах его бывает вес:
На губернатора он выиграл процесс.

Крашнева

Неу́жели?

Зельский

Ваш брат до смерти тяжб боится:
Нам стоит постращать, на всё он согласится;
А зау́прямится, мы стряпчего как раз,
И наш тогда старик увидит, в добрый час,
Какому в руки он попался человеку!
Пожалуй, тот его упрячет под опеку
За слабоумие. — Хотите ли? Пошлем;
Бумаги все у вас.

Крашнева

Нет, лучше подождем.
Авось и без того... притом идти на брата?..
Как пра́ва я ни будь, всё скажут: виновата.

Зельский

Я думал это сам; однако, признаюсь,
Что в этом деле я за вас одних боюсь;
Мне лично всё равно; я сам кой-что имею
И денег не ищу; а что ласкаться смею
Рукою вашею, так просто потому...
Простите, не учен я модному уму
И говорить привык, что в мысли мне попало:
Что я нашел в вас то, чего на свете мало;
И не случалось мне сойтись еще ни с кем,
Как с вами: и умом, и чувствами, и всем.

Крашнева

Мне кажется самой; и если об именьи
Здесь стала хлопотать, так всё в том только мненьи,
Что трудно без него прожить на свете нам.
Но вашим можно ль мне повериться словам?
И как бы привязать навек я вас успела?
В Москве вы...

Зельский

Мне Москва до смерти надоела.
Что ж в ней оставлю я? Большой наш модный свет.
Ах! прожил за грехи я в нем пятнадцать лет, —
Успел его узнать. Пустейшая наука!
Бывает весело, зато какая скука!
Кого ни встретишь, глядь! несносный человек!
Все взапуски кричат, что просветился век,
Что слишком все умны; а ум с дня на день реже;
Дурак на дураке! невежа на невеже!
Без шуток, совестно, как в общество войдешь:
Без правил старики; без толку молодежь;
Все гонятся, за чем? Спроси, не знают сами;
Кто в случае, бранят, а бредят орденами;
Друг друга хвалят все, да веры как-то нет;
Все в славе, а за что? вряд сыщется ответ;

Сорят на пустяки; на дело очень скупы;
И если два умны, так, верно, двадцать глупы.
Приедешь на́ вечер и места не найдешь:
Шум в зале, пляшут вальс, чуть ноги унесешь!
Протрешься далее: где карты, где газеты,
Где умниц-дам в кругу их милые поэты;
Хоть слово б путное сказали невзначай.
Уйдешь, так ссоры жди: сиди себе, зевай,
Пока гостям часы назначат срок разлуки
И можно хоть домой уехать спать от скуки.
Божусь, по мне в сто раз умнее человек,
Который свой живет в деревне целый век,
Не связан мнением, во всех поступках волен,
Ни в ком не ищет, и... чем бог послал доволен,
Чем весь блестящий круг московских богачей,
Запутанных в долгах, усталых от связе́й,
Которые, чтоб жить и слыть благополучны,
Скучают от всего, и сами очень скучны.

Крашнева

Как? и об женщинах забыли вы совсем?

Зельский

При вас их осуждать не смею я.

Крашнева

Зачем?
Хотите ли? за вас скажу я ваше мненье,
Что женщина в наш век прежалкое творенье,
В них вовсе ничего; откуда ж быть уму,
Когда с младенчества не учат ничему?
Французское — и то плохое лепетанье;
Мазурка, вальс и шаль — вот всё их воспитанье,
А в русской грамоте уж так недалеки,
Что без ошибки вряд напишут две строки;
Да и зачем? Оно не нужно им нимало:
По-русски говорить девице не пристало.
В чем дело, жизнь ее? Едва в шестнадцать лет
Явиться поскорей в собранье, то есть в свет,
Наряды покупать, быть всякий день на бале,
Судить об ленточках, и уж отнюдь не дале.
Подслушать разговор их стоит... Боже мой!

А к балам страсть! вот тут нет меры никакой, —
Там каждая пробыть до завтрого хоть рада;
Как угорелые, вертятся до упада;
Зато и молоды недолго. Женихов
Век ищут, но им муж без денег и чинов
Не муж; все наперед сочтут его доходы;
И свадьбы по любви уж вывелись из моды.

Зельский

А об старухах что вы скажете мне?

Крашнева

Ах!
Хоть нет свидетелей, об них промолвить страх.
Они, чтоб побранить, придраться рады к слову;
И нынче бы нашел Фон-Визин Простакову.

Зельский

Умнее крошечку.

Крашнева

Да что это за ум?
И бéз пути хулят, и хвалят наобум.
Ученых женщин сбор в хорошие бы руки!..
Да жаль, Мольера нет; — а мне пришла, от скуки,
Идея странная, забавная весьма,
Всех на смех описать и...

Зельский

(в сторону)

Хороша сама!

Крашнева

В свет выдать.

Зельский

Вряд ли вам правительство позволит
Печатать.

(В сторону)

Вздор какой!

Крашнева

Да кто же нас неволит?
Распустим по рукам; нельзя ли бы в стихи?..
Вы пишете их?

Зельский

Нет.

(В сторону)

Вот мука за грехи!

Крашнева

Найдем кого-нибудь, в стихах бы только было:
Из молодых почти все пишут страх как мило,
И очень зло притом.

ЯВЛЕНИЕ 6

Зельский, Крашнева, Настинька и Аннушка.

Зельский
(Крашневой)

Вот Настинька.

Крашнева

Зачем
К нам бог ее несет? У нас нельзя ни с кем
Сказать наедине порядочного слова!

Настинька
(целует у ней руки)

Здоровы ль, маменька? что ваша боль?

Крашнева

Здорова.

(Зельскому)

Угодно посмотреть, о чем шла речь у нас?
Пойдемте.

Зельский

С радостью.

Крашнева

Пойдемте же...

Зельский

Сейчас.

Крашнева

(подходя к Настиньке)

Как ты причесана! Ни нá что не похоже!

Зельский

(подходя к Настиньке, тихо)

И как вы смеете быть маминьки моложе!

(Уходит с Крашневой.)

ЯВЛЕНИЕ 7

Настинька и Аннушка.

Аннушка

(вынимая карманное зеркало)

Угодно ль в зеркало взглянуть?

Настинька

Оставь меня.

Я всех несчастнее.

Аннушка

Ну! слезы.

Настинька

День от дня

Всё хуже: матушка меня терпеть не может,
А я стараюсь всем...

Аннушка

Авось нам бог поможет;
Нельзя же в девушках сидеть вам целый век, —
К нам Игорева ждут.

Настинька

Почтенный человек!

Аннушка

А лучше что всего, он вес большой имеет;
С ним ваша маминька не очень спорить смеет;
А плохо без него, зарежет Зельский-плут.
Того еще гляди, что в монастырь запрут.

Настинька

Зачем бы Зельскому желать мне вечной муки?

Аннушка

В-пéрвых, есть зачем, а впрочем, так, — от скуки.

Настинька

Об этом, веришь ли? я думала сама.
Все хвалят ум его, но этого ума
Нельзя, мне кажется, быть в целом свете хуже.

Аннушка

Что, если б вам пришлось найти всё это в муже?

Настинька

Не стыдно ль, Аннушка, с чего же ты взяла,
Чтоб Лидин был таков? я вместе с ним росла
И помню, хоть тогда мы оба были дети,
Что вряд добрей его кто сыщется на свете.

Аннушка

И молодец собой.

Настинька

Да.

Аннушка

Жаль, что ростом мал!

Настинька

С тех пор он вырос.

Аннушка

К вам ни разу не писал.

Настинька

Вот в этом пра́ва ты... что разве помешало...
Но к девушке писать мужчине не пристало,
Особенно, когда рассорилась семья.
Он всё не виноват.

Аннушка

Теперь уж вижу я,
Что будет прав кругом при первой с вами встрече.

Настинька

Мне как-то кажется, что он уж недалече.

Аннушка

И может быть легко; однако, мой совет,
Покуда ничего еще наверно нет,
Вам с Зельским поступать учтиво, осторожно.
Не худо бы в него влюбиться, если можно.

Настинька

Зачем?

Аннушка

Чтоб с маминькой поссорить.

Настинька

Вздор какой!

Аннушка
(вслушиваясь)

Шум!.. видно, прикатил ваш дядюшка домой.

Настинька

Он сам, как рада я! и Игорев с ним вместе!

ЯВЛЕНИЕ 8

Варягин, Игорев, Настинька и Аннушка.

Варягин
(подходит к Настиньке)

Ага! имею честь я кланяться невесте.
Что стала! кланяйся, присядь, моя душа:
С тобою говорят.

(Игореву)

Не правда ль, хороша?

Игорев

Дай бог, чтоб столько же была она счастлива.

Настинька
(Игореву)

Вы благодетель мой.

Варягин
(в сторону)

Эк с ним она учтива!
Знать, догадалася.

(Настиньке)

Да, милая, ему
Обязана ты всем; причина он всему.
Не стыдно ль Лидиной? семь лет вели мы дружбу,
И вдруг из пýстоши...

(Игореву)

Ты сослужил нам службу
Обоим, милый друг: век не писал бумаг;
Век тяжбам и судам я был смертельный враг;
Под старость бог привел, да жизни не достанет...

Игорев

Пословица — глаз вон, кто старое помянет.

Варягин

И впрямь, что поминать? ведь дело-то к концу:
Невесту снарядить осталося к венцу;

Приданое я сам в неделю всё устрою;
Да жениха давай!

Игорев

Поговори с сестрою.

Варягин

Пустое дело, я здесь в доме господин.

Игорев

Однако в Настиньке ты властен не один,
И кажется, что мать...

Варягин

Довольно; я дал слово,
Сестра не скажет «нет», и, стало, всё готово.

Игорев

Хоть из учтивости спросить ее есть долг.

Варягин

Пожалуй; тут иной совсем выходит толк.
А где сестрица?

Настинька

Здесь она была недавно.

Аннушка

И с Зельским вдруг ушла к себе.

Варягин

Ну, это славно,
Что Зельский там, — она умнее с ним всегда.
Беги же, Аннушка, да их зови сюда.

Аннушка уходит.

А ты, племянница, похлопочи, ступай-ка,
Да закусить вели...

(Игореву)

Она ведь здесь хозяйка
И мастерица...

(Настиньке)

Слышь, чтоб было нам всего.

Настинька уходит.

ЯВЛЕНИЕ 9

Варягин и Игорев.

Игорев

Какой здесь Зельский?

Варягин

Ты не знаешь, что ль, его?

Игорев

Полковник отставной?

Варягин

Да.

Игорев

Моложав по летам?

Варягин

Да.

Игорев

Стало быть, его я знаю по приметам.

Варягин

Он у меня гостит здесь каждый год; я рад
И всякому в глуши, но это сущий клад:
Веселый, умница и самых честных правил;
Знаком со всей Москвой.

Игорев

Он там себя прославил.

(В сторону)

Как ослеплен! боюсь, не будет тут добра.

ЯВЛЕНИЕ 10

Варягин, Игорев, Аннушка.

Варягин

Что, скоро ль, Аннушка, пожалует сестра?

Аннушка

Она не может быть, хоть очень ей хотелось:
У ней вдруг голова ужасно разболелась.

Варягин

Вздор! отговорок я не слушаю пустых.
Чтоб в доме у меня век не было больных!
Постой-ка сам схожу да молвлю ей два слова,
И будет в тот же миг по-прежнему здорова.

Аннушка
(Игореву, тихо)

Не верьте: он ее боится как огня.

Игорев
(Варягину)

Постой.

Варягин

Уж слажу всё.

Игорев

Да выслушай меня.
Что ж выйдет доброго из шума, ссор и крика?
Сестра нейдет теперь? беда всё не велика.
К чему спешить? весь день не будет же больна.
Подумай сверх того, сестра твоя умна,
И с нею после нам тем легче будет сладить,
Что ей захочется вину свою загладить.

Варягин

Я, право, так сердит, что...

Игорев

С голоду, с пути —
Легко ли восемь верст без отдыха пройти?..
А что-то ты сказал об завтраке недавно?

Варягин

Какая у меня наливка, брат!

Игорев

И славно!
Верь, рюмка полная всех лучше слов пустых.

Варягин

Пойдем же, выпьем там здоровье молодых.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Варягин, Крашнева, Игорев, Зельский.

Варягин
(Крашневой)
Я, матушка, с тобой хочу об свадьбе...

Крашнева
Ах!
Хоть не кричи об ней. Я так больна, что страх,
От боли не могла заснуть две ночи сряду.
Вы не рассердитесь? Нет сил стоять, я сяду.

Игорев
(подает ей и себе стул)
Да нам не худо всем вам в этом подражать,
И сидя как-то всё ловчее рассуждать.

Зельский
(тихо Крашневой)
Вы не прогневайтесь, я с вами буду спорить.
(Отводит Варягина в сторону)
Избави бог, чтоб я с сестрой вас думал ссорить;
Ей нужное кой-что сказать не худо вам,
Да здесь чужие.

Все садятся.

Крашнева
Ну! все сели по местам.
Скажите ж, господа, в чем дело: я готова.

Варягин
В том дело, что...

Игорев
Позволь, дай мне сказать два слова.
Старушка Лидина вас просит, чрез меня,
Все ссоры прекратить, хотя с сего же дня;

Ее желанье всё, чтоб жить в соседстве дружно,
И с вашей стороны согласье только нужно,
Чтоб разом кончить вдруг все спорные дела.

Варягин

Что ж лучше?

Крашнева

А сама их прежде начала.

Зельский

Так, стало быть, не вы?

Варягин

Кто? я? избави боже!

Крашнева

Да на честны́х людей и дело не похоже.

Зельский

А если так, сказать позвольте мне, она
Кругом непра́ва и винить себя должна.

Игорев

Позвольте: есть ли долг судить об этом здраво,
На землю спорную она имела право;
Доказывать его напрасный будет труд,
И в пользу Лидиной решил уездный суд.
Но всё-таки она к вам прежде написала
И за бесценок всё из дружбы уступала.
Не знаю, признаюсь, кто подал вам совет
Прислать, наоборот, преколкий ей ответ.

Зельский
(поглядывая на Крашневу)

Письмо прекрасное!

Крашнева
(поглядывая на Зельского)

Я стряпчего спросилась,
Отменно умного.

Игорев

Старушка рассердилась,
И дело в ход пошло; но средство есть помочь:
Сын Лидиной здесь жил; он любит вашу дочь;
Вы воспитали их затем друг подле друга,
Чтоб в нем со временем нашла она супруга.
За прежний вымысел зачем не взяться вновь?
Тем паче, что детей взаимная любовь
Почтенных двух семейств потушит все раздоры
И дружбу у родных восставит вместо ссоры.

Зельский

Мириться, признаюсь, я сам бы дал совет.

Варягин

За свадьбу; у меня другого слова нет.

Крашнева

Напали на меня вы, господа, все трое,
Как будто я одна мешаю жить в покое
И ссориться люблю; а мой, напротив, нрав,
Чтоб уступать всегда; со мною всякий прав;
И вот свидетель брат: пусть сам он это скажет,
Что я всё делаю, что только он прикажет.

Варягин

Эх, матушка, да кто ж и думал попрекать?..

Крашнева

Кто ж может столько дочь любить свою, как мать?
Замужство девушки для жизни не безделка.
Вас клонит к этому лишь денежная сделка,
Но я ищу для ней в нем счастье и любовь.
Для молодой жены важней всего свекровь,
А Лидину судить вы можете уж сами:
Глупа, скупа, смешна, набита пустяками,
Без воспитания, не знает ничего,
Век не была нигде.

Игорев

Но ей не до того:
Хоть в ней науки нет, хотя не модных правил,
Но муж покойник ей одни долги оставил

И сына на руках; с тех пор она всегда
Пеклася лишь об них; ей стоило труда,
Чтоб заплатить одни и воспитать другого,
В обоих удалось. Хотя ума простого,
Она предобрая, и верьте, со снохой
Так точно будет жить, как с дочерью родной.

Крашнева

Пожалуй: Лидин, сам жених ваш нареченный,
Что он за человек? ни статский, ни военный,
Ни умный, ни дурак, прельщен самим собой,
Кокетка из мужчин.

Игорев

Своею красотой
Он, правда, говорят, что занят слишком много,
Но в этом молодежь винить не надо строго:
С летами всё пройдет, лишь был бы добрый нрав
И ум при том.

Зельский

Ваш друг тут совершенно прав;
А сердцу Лидина подобных мало в свете,
Его черты две-три такие на примете
Есть у меня, что их, во всех чужих краях,
На диво б выдали во всех ведомостях.

Варягин

А что бы, например, такое?

Зельский

В прошлом годе
Он также жил в Москве. Кенз был в ужасной моде;
Почти не зная карт, пустился он в игру
И проигрался весь.

Варягин

Да это не к добру.

Зельский

Как быть? есть игроки, с которыми опасно
Вверяться счастию, но следствие прекрасно:

Тот, — я не назову — кто обыграл его,
Попался: ведь нельзя сберечься от всего.
Рест был решительный, и вдруг неосторожно
Он лишнего туза съел.

Варягин

Как же это можно?

Зельский

Он в трубочку свернул и съел, как леденец.

Варягин

Я любопытен знать, чем кончилось?

Зельский

Конец,
Что все приметили, и Лидин мог бы смело
Не только не платить, но и затеять дело...

Игорев

Связаться с вором, стыд!

Зельский

Он так же рассудил,
И, слова не сказав, сполна всё заплатил.

Крашнева

С плутами в дураках остаться не завидно.

Игорев

(Зельскому)

Вы с Лидиным друзья?

Зельский

Да.

Игорев

Это очень видно.
Иной подумал бы, что первый дружбы долг
Скрывать, чему найти двоякий можно толк,
Но ваше слишком мне намеренье известно,
И Лидин поступил, конечно, очень честно.

Но, впрочем, кажется, шло дело не о том.
Я предложить его приехал женихом;
Друг Лидиных и ваш всем думал быть полезным,
Доставив счастие двум юношам любезным;
И обещали мне, но обманул успех:
Толкуем полчаса мы здесь, как будто в смех,
И вы не скажете порядочного слова.

Крашнева

Да что мне вам сказать?

Варягин

Нет у меня другого,
Как свадьба: я старик бездетный, холостой;
Глуп был, что не радел жениться молодой,
Но горю не помочь, и время улетело,
Так мне теперь одно осталось только дело,
Чтоб выдать Настиньку как можно поскорей;
А там, когда, бог даст, дождусь ее детей,
И все они со мной жить будут неразлучно,
Я и спокоен; мне по гроб не будет скучно;
Они наперерыв утешат старика;
В семье и жизнь мила, и даже смерть легка.

Крашнева

Семейственную жизнь ты описал прекрасно.
Здесь должно каждому судить с тобой согласно,
Но выдать Настиньку, — тут смыслу вовсе нет:
Она еще дитя.

Варягин

Что ж? ей пятнадцать лет
Минéт в великий пост. В пятнадцать лет девица —
Невеста хоть куда; да ты сама, сестрица,
Немногим старее...

Крашнева

Ну! хоть моложе... я
Ведь не пример другим, а Настинька твоя
Не только молода, но, хоть сказать и стыдно,
Куда глупа, бог с ней.

Варягин

Вот то мне и обидно,
Что ты против нее всегда; по мне, она
Добра, скромна, мила и, стало быть, умна;
А что перед тобой не смеет молвить слова,
Так это оттого, что ты всегда готова
Бедняжку побранить; и напугала так...
Кто как умен ни будь, покажется дурак,
Когда все недруги и нет ни в ком успеха.

Крашнева

Вздор этот ничего не стоит, кроме смеха.
Я ж виновата в том, что дурочка...

Варягин

(встает, и все за ним)

Опять!
Ну, слушай же, чтоб нам здесь ссоры миновать,
Так я тебе скажу и коротко и ясно:
Я выдам Настиньку; хоть спорь, хоть нет, напрасно;
А если вопреки пойдешь, с сего же дня
Изволь как хочешь жить и ввек не знай меня.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Крашнева, Зельский, Игорев.

Крашнева

Какое варварство! и как таким упреком...
Вот как приятно мне жить с умным человеком.
Я без того больна, насилу говорю.
А он... хоть умереть!

(Хочет идти, Зельский подает ей руку.)

Я вас благодарю.

(Тихо)

Придите после.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Игорев, Зельский.

Зельский

Как вам кажется? мне оба
Смешны: у Крашневой что к Лидину за злоба?
С чего взяла? за что не жалует его?
Ни брата, ни меня, ни вас и никого
Не слушает; хорош Варягин, правда, тоже,
Бранится, не поймешь, и всё на сброд похоже.

Игорев

Понять бы и легко, да злые люди есть,
Которые везде хотят себя приплесть,
Чтоб ссорить.

Зельский

Ха! ха! ха! ха! Вы меня простите,
Что я смеюсь, меня невольно вы смешите.
Где сыщешь злых людей? житья от добрых нет.
Злость только пугало, которого весь свет
Боится оттого, что глуп; ей всякий верит,
Затем что всех людей своим аршином мерит.
Все злы и все добры, долг красен платежом:
В словах ли, например, суд разный обо всем;
Нет ни достоинства, ни вкуса, ни познаний,
О чем бы не было ста вздорных толкований;
Бесспорной правды нет, и воля языку.
Поэты модные наводят мне тоску,
Но милы для иных, хоть, правда, для немногих,
Каких найдешь судей, сговорчивых иль строгих.
Здесь в обществе Блазин есть святости пример,
А там он пустослов, ханжа и лицемер;
Спросите в двух домах, о ком лишь вам угодно,
Он тут умен, там глуп, и мнение свободно.
В другом, дойдет ли речь до сплетней, хоть до ссор,
Я вижу в них одно: подчас забавный вздор;
Будь в свете все друзья, их одолеет скука;
Кому же зло вредит? всё круглая порука,
И если строго так судить людей начнут,
Кто честный человек окажется не плут?

Насмешки в обществе, что вина за обедом:
От них и весело, — смеешься над соседом,
Он над тобой, про всех все судят на свой лад,
Всем больно, всем смешно, и всякий очень рад.

Игорев

Как спорить с мудрецом, поправшим предрассудки!
Он смотрит свысока, ему всё в свете шутки.
От них и весело, сказали вы; ей-ей!
Я скуку лишь встречал в беседе злых людей.
Холодность вечная, где чувствовать бы надо,
Презренье ко всему, и зависть, и досада;
Без смыслу острота́ в полслова для того,
Чтоб тонкость видели, где вовсе ничего,
Рассказы, сплетни, смех, когда другие в плаче,
Обманы низкие и наглость в неудаче.
Что тут веселого? и всяк, в ком сердце есть,
Не должен ли быть враг людей, забывших честь?
От них с часу́ на час простые реже нравы,
Свобода, искренность, невинные забавы;
В недоуменьи все, смеяться ль полно им;
Свой растеряли ум, гоняясь за чужим;
Веселость с добротой закинули прямую,
Чтоб новую ловить и скучную и злую;
А скука в обществах — и мода и закон.

ЯВЛЕНИЕ 4

Игорев, Зельский, Аннушка.

Игорев

Что, Аннушка?

Аннушка

Ищу я барина: где он?
Позвольте вас спросить.

Игорев

Не знаю; в кабинете
Своем, я думаю, а что?

А н н у ш к а

Да к нам в карете
Каких-то не́званых бог шлет сюда гостей.

(Тихо Зельскому)

А вас наверх зо́вут.

З е л ь с к и й

Уйти от них скорей.
Не из уездных ли уж кто-нибудь?

(Игореву)

Простите,
Что я бегу от них; вы лучше угостите;
Все люди добрые.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5

И г о р е в и А н н у ш к а.

А н н у ш к а
(вслед Зельскому)

Все право лучше вас!

(Игореву)

Вы можете одни спасти теперь всех нас.
Вступитесь! Он успел всю се́мью здесь поссорить.

И г о р е в

Спасибо мне скажи, что мог я переспорить
Старушку Лидину.

А н н у ш к а

А в чем?

И г о р е в

Ей вся семья
Так кем-то вновь в письме расписана, что я
Насилу сладить мог; она было решилась
Не знаться с ними век.

Аннушка

За что ж так рассердилась?

Игорев

Что Зельский написал догадка и легка;
Да нечем доказать, и не его рука. —
Есть люди, что ли, с ним? или он здесь как дома?

Аннушка

Слуга есть.

Игорев

Грамотный?

Аннушка

Да.

Игорев

Ты ведь с ним знакома?

Аннушка

И очень.

Игорев

Слушай же: нельзя ль руки его
Записочку?..

Аннушка

Зачем?

Игорев

Не бойся ничего.

Аннушка

Смотрите же, суда́рь, записку я достану;
Да слово дайте мне, чтоб не было обману,
Беды не вышло бы.

Игорев

Не будет никакой.

Аннушка
(вслушиваясь)

Карета въехала. Узнать бы?..
(Смотрит в окно.)
Боже мой!

Игорев

Кто ж там?

Аннушка

Кто? Лидин наш. Вот гостя дорогого
Дождались; к дядюшке бегу сказать два слова.
(Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Игорев, Лидин.

Лидин

Какая мерзкая дорога от Москвы!
Варягин у себя, надеюсь?

Игорев

Да. — Что вы
Приехали, ему сказать уж побежали. —
Так, стало, из Москвы вы прямо прискакали
И не заехали ни к матушке в село?

Лидин

Нет.

Игорев

Нетерпение к невесте увлекло.
Не так ли?

Лидин

Да, — притом я знал, что труд
напрасен
Решили не спросясь и буду ли согласен.
Что делать? Игорев велел: в моем дому

Хозяин он; пришлось мне кланяться ему,
Пока он матушке, как должно, неизвестен;
Она же так добра.

Игорев

Что Игорев и честен
И друг ваш, в этом я порука.

Лидин

Как же вам
Знать всё?..

Игорев

Мне знать легко, что Игорев я сам.

Лидин

Вы?

Игорев

Я.

Лидин

Мне очень жаль, что так неосторожно...

Игорев

Я не сержусь: не знав, судить людей не можно,
И, стало, мне от вас обиды вовсе нет;
Но жаль, что мать свою, которая семь лет
Живет для вас одних, вы наскоро...

Лидин

Позвольте. —
Пред вами виноват, судите, как извольте;
Но матушке при мне защита не нужна:
Я знаю лучше всех, что́ для меня она.
Вы дурно поняли, мне, право, наставленье
Не нужно, чтоб иметь любовь к ней и почтенье.

Игорев

Любить вас всякого заставит ваш ответ;
Тут сердце говорит, а не чужой совет.

Лидии
(в сторону)

О скука! проповедь!

Игорев

Еще просить вас стану:
Друзей притворных здесь не вдайтеся обману,
А слушайтесь себя, и я уверен в том,
Что всем понравитесь; а впрочем, здешний дом
Вы знаете давно, труд будет бесполезный
Рассказывать вам...

ЯВЛЕНИЕ 7

Варягин, Игорев, Лидин.

Варягин
(вбегает)

Он! он точно! .. зять любезный,
Да обоймемся же... здоров ли? в добрый час!
Как вырос!

(Игореву)

Молодежь со свету гонит нас.

Лидин

Не знаю право, как...

Варягин
(Игореву)

Как вспомню я, давно ли,
Вчера вот здесь он был... ну, эдакой, не боле,
А нынче поглядишь... как время-то бежит!
Да он себе таким профессором глядит. —

(Лидину)

Ведь ты пе сердишься, что я шучу с тобою?

Лидии

Помилуйте, могу ль...

Варягин

И! не чинись со мною,
Будь по-домашнему. — Досадно! .. как бы? ..

Игорев

Что?

Варягин

Нарочно из людей тут не придет никто;
Ведь надобно ж сестре сказать, что он явился.

Игорев

Пожалуй, я схожу.

Варягин

Ах! если б потрудился...

(Тихо Игореву)

Да наведи ее, пожалуйста, на ум,
Чтоб не упрямилась, ведь выйдет новый шум.

Игорев

Я постараюсь.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Варягин, Лидин.

Лидин

(в сторону)

Как начать, и сам не знаю!
Старик предобрый!

Варягин

Ты с пути устал, я чаю,
Не отдохнуть ли?

Лидин

Нет, покорно вас...

Варягин

Ну! брат
Как хочешь; да скажи мне, что ли, ты не рад,
Что пригорюнился и не промолвишь слова?
Вот я...

Лидин

Я чувствую...

Варягин

Не говори ж пустого,
Чиниться незачем, и люди мы свои,
А церемонии не годны для семьи.

ЯВЛЕНИЕ 9

Варягин, Зельский, Лидин.

Зельский
(Варягину)

Не лишний ли я?

Варягин

Нет! как рад я: слава богу!
Он тут как тут.

Зельский
(Лидину)

Здоров ли, милый?

Лидин
(Зельскому)

Понемногу.

Зельский
(Лидину, тихо)

А как дела идут?

Лидин
(Зельскому, тихо)

Всё будет, не спеши.

Варягин

(Зельскому)

То худо в нем, двух слов не скажет от души.
Так, всё учтивости; большой порок.

Зельский

Конечно;
И должно говорить всегда чистосердечно.

Варягин

А впрочем, молодец; я это знал давно.
И об тебе ко мне писали все одно.

Лидин

Так, стало, иногда сюда доходят вести?
Здесь знают кое-что! я очень рад, по чести.
А поновее что известно ли вам?

Варягин

Нет,
Рассказывай скорей; тьма у меня газет,
Да что в них верного? всё старь и дрянь такая...
Уж не победа ли в Америке какая?
А по соседству-то всё мир да тишина.
Признаться, хоть грешно, люблю, когда война;
Хоть стоит многого, зато и много славы,
А славу русскую душой люблю.

Зельский

Вы правы.

Лидин

Граф Чванкин выдает за Выходцова дочь.
Он раз уж сватался, пошел с отказом прочь;
Но в два́ года успел достать такого места,
Что за него сама посваталась невеста.
Потьмии отделал дом, и месяц либо два
В нем так роскошно жил, что ахнула Москва,
Но должники тюрьмой лишь только погрозили,
Он ночью ускакал; так их же засадили.

Зельский

(Лидину, тихо)

Прекрасно! продолжай.

Лидин

Ах! чуть из головы
Не вышло... Прыжкина... ее знавали вы?..
Да, правда, кто не знал? Теперь совсем другая;
Ей вдруг наскучила вся суета мирская;
Отстала ото всех, живет почти одна;
Племянник только с ней, которого она
Взяла, чтоб охранить (спасительница бедных!)
Любовью чистою от заблуждениий вредных.

Варягин

Кой черт! какая гиль! к чему мне знать?.. зачем?

Лидин

Да разве здесь никто не знается ни с кем?
С степными здешними столица незнакома?
Позвольте вас спросить, где вы живете?

Варягин

Дома.
И знать я не хочу всех ваших пустяков,
Проказников, шутов, дур, мотов, дураков;
Лишь мне б не встретились, а в свете, слава богу!
И умный и дурак найдет себе дорогу.

Зельский

Святая истина!

(Лидину, тихо)

Смелее!

Варягин

Всё Москва!
Да что? Пройдет небось: побудешь здесь дни два,
В невесту всмотришься да потолкуешь с нами —
И бредить модными отстанешь пустяками.

Лидин

А мне хотелось бы исправить вас самих,
Вам рассказать еще известий кой-каких.

Варягин

Избавь.

Лидин

Хоть несколько вас познакомить с веком
И сделать вас совсем, как должно, человеком.
Признаетесь в два дни, а может и скорей,
Что люди лишь в Москве похожи на людей.

Зельский

(Лидину, тихо)

Вот так.

(Варягину)

В нем странность есть.

Варягин

Он врет, и очень смело.

Лидин

А что, племянница еще не подурнела?

Варягин

Еще! хорош вопрос! Ума нет что ли в нем?
Она в пятнадцать лет всё лучше с каждым днем.

Лидин

А недурна была.

Зельский

(Варягину)

Вот похвала без лести.

Лидин

Я лучше глаз ее не видывал, по чести,
Из деревенских.

Зельский

Ась!

Варягин

Сказать ли правду раз?
Терпенье от твоих теряется проказ.
Ну, так ли жениху вести себя пристойно?
Какая тут любовь расспрашивать спокойно?..

Лидин

Мне б подлететь с огнем, со вздохами, с тоской,
Не правда ль? виноват; уж нрав мой не такой.
Люблю с рассудком.

Варягин

Как?

Лидин

Без страсти, и в невесте
Надеюсь то ж найти. Мы заживем с ней вместе,
Как вздумалось кому: как добрые друзья.

Зельский
(Лидину, тихо)

Смелей!

Варягин

На эту жизнь полюбовался б я.

Зельский
(Лидину, тихо)

Об доме не забудь.

Варягин
(Лидину)

Послушай-ка.

Лидин

В минуту.

(Прохаживается.)

Варягин

Нет, ввек племянницы не дам такому шуту.
А разве пожурить еще его слегка.
Авось послушает он дядю-старика.
На что он зарится?

Лидин

Недурно... нет.. изрядно.

Варягин

Ась! полюбился дом? Хоть в нем и не нарядно,
Да просто, хорошо, всё, брат, свои труды.
Заводы посмотри, жилье, дворы, сады,
Еще не то найдешь; хоть мне вскочило в цену,
Да уж зато село.

Лидин

Сломавши эту стену...

Зельский

Что хочет он сломать?

Лидин

О! ничего.

Варягин

Постой,
Да расскажи, я чай, нет тайны никакой.

Лидин

Нет, я рассматривал так, кое-что, безделки,
Где сделать надобно пристройки, переделки.

Варягин

Вот что затеял он! Мысль недурна весьма.
Скажи мне, сколько раз ты сходишь в день с ума!

Лидин

Без гнева, дядюшка! Забудьте, что вы сами
Здесь всё устроили, и согласитесь с нами:
Дом не годится, стар, прескучный, предурной;
Он пахнет за версту деревней, стариной.
Вы видите...

Варягин

Что ты путем не молвишь слова;
Что ум твой в пустяках, а толку нет прямого.

Лидин

Вы правы; точно так, напрасно я хотел...
Поправить нечего.

Варягин

(Зельскому)

Другую песнь запел;
Потише.

Лидин

Я хочу вам сделать предложенье:
Вы отдадите мне с племянницей именье
И дом, не правда ли?

Варягин

По смерти то есть.

Лидин

Да.
Я иначе и брать не думал никогда.
Вот план мой, дядюшка, на рассужденье ваше:
Сегодня ль, завтра ли, именье будет наше;
Дом наш; в нем жить нельзя, придется же сломать;
Итак нужней всего скорей другой начать,
Чтоб даром не терять и время и охоту;
Сегодня я женюсь, а завтра за работу.
Я труд возьму свой план...

Варягин

В карман его возьми,
Да посылай скорей на ям за лошадьми, —
Давно пора; а дом готов тебе в столице.
Там горенку пристрой к Обуховской больнице.

Лидин

Несправедливости наполнен целый свет.
Хочу полезным быть — меня бранят в ответ,
И кто же? Дядюшка!

Зельский

(Варягину)

Каков?

Варягин

(Зельскому)

Шалун нахальный! —
Нет, всем племянникам приди хоть мор повальный,
Я и тогда тебя не приглашу в родню.

Лидин

Вы сердитесь, как быть! я сам свой нрав виню;
Что делать с ним? никак не терпит он дурного.
Вы в доме господин.

Варягин

Надеюсь, нет другого.

Зельский

Конечно.

Лидин

Боже мой! кто ж не заметит вдруг?..

(Зельскому)

Возьмись здесь помирить нас с дядюшкой, мой друг,
А я спешу наверх с невестой повидаться.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Варягин и Зельский.

Варягин

Где столько наглости повеса мог набраться?
Где ум вы в нем нашли? Пустая голова,
Дичь порет без толку: столица, да Москва,
Да свет большой, да мы, да поводитесь с нами...
А мы что? шаль да блажь; всё тут двумя словами,
Нет, воля ваша...

Зельский

Мне позвольте замолчать,
Вы сами можете людей распознавать.

Я ошибиться мог; друзья мы небольшие,
И я сказал об нем вам то, что мне другие,
Кто покороче с ним, а в прочем — ум и нрав
Нельзя мне было знать.

Варягин

Вот в этом я и прав,
Что по чужим речам судить людей не можно.
Я узнаю их сам прилежно, осторожно,
Да уж за то, кто мне полюбится, кто нет,
Скажу за что. Слыхал в мой век, как судит свет.
Всё вкривь да вкось, про всех идет пустая слава,
И общая молва, где ни возьми, не права.
Вы, например, хоть все твердят мне вопреки:
Он человек презлой, — неправда, пустяки:
Он умный человек, предобрый и пречестный.

Зельский

Оставьте дураков; обычай их известный:
В их языке всегда тот должен быть злодей,
Кто за грехи свои немножко их умней.

ЯВЛЕНИЕ 11

Варягин, Зельский и слуга.

Варягин

Что?

Слуга

С почты к вам письмо.

Варягин
(берет письмо)

Давай сюда проворно.

Слуга уходит.

ЯВЛЕНИЕ 12

Варягин и Зельский.

Варягин
(читает про себя)

Чей почерк? Вот-те раз! благодарю покорно!
Хорош бы был! об нем всему поверю я.
Спасибо, что еще на свете есть друзья.

Зельский

А что к вам пишут? кто?

Варягин

Без подписи; к тому же,
Боюсь вам показать: об вас тут судят хуже,
Чем должно.

Зельский

Обо мне! — позвольте же прочесть.

Варягин

Оно безделица! однако...

Зельский

Что ни есть,
Подайте: я хочу, чтоб дело было ясно.

Варягин

Да подозренья вам бояться и напрасно.
Мы сходно думаем об этом шалуне.
(Отдает письмо)
Прочтите, что об нем рассказывают мне.

Зельский
(читает)

«До меня дошло, что вы намерены выдать племянницу вашу за Лидина; вам, конечно, неизвестны его расстроенные дела, дурное поведение и терпеливая честь. Я не знаю друга его матери, который взялся сватать, но советую вам остерегаться. Говорят также, что Зельский очень

короток с Лидиным: берегитесь, чтоб он не уговорил вас на такое дело, в котором вы непременно раскаетесь».

Варягин

Ну, что вы скажете?

Зельский

Да я скажу всё то же,
Что это к вам письмо на сплетню страх похоже.
Зачем без подписи?

(Дерет письмо.)

Варягин

Вы разодрали?

Зельский

Да.
Что в нем?

Варягин

И ваша мысль, что Лидину вреда
Искал, кто пишет мне?

Зельский

Нельзя судить нам дела,
Где недоверчивость и нас самих задела.

Варягин

Но разве верю я?

Зельский

Кто лучше вас самих
Всё может рассудить! не слушайте других. —
Чтоб Игорев, ваш друг, хотел... невероятно!..
Но, впрочем, бог весть. Мне всё как-то непонятно:
Зачем он сватает? что пользы в том ему?
Однако вы должны все ради быть письму;
Хоть правда в нем, хоть ложь, — пока еще досужно,
Нехудо рассудить.

Варягин

И рассуждать не нужно.
Скажите Лидину, что я ему слуга,

А здесь он лишний гость, вот вся те недолга.

(Смотрит на часы.)

Ну можно ль? два часа. Мне в доме дел беремя,
А с этим шалуном убил напрасно время! —
Прощайте.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 13

Зельский
(один)

Как он глуп! как ладить с ним легко!
Однако мне еще до цели далеко:
Их надо доконать, иначе всё пропало,
А без конца к чему и лучшее начало?

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Семен и Аннушка.

Аннушка

Что? взаперти сидеть наскучило?

Семен

Ничуть:
Давай мне есть и пить, да ты тюремщик будь, —
Я рад не выходить весь век из-под ареста.
Однако, умница, красавица невеста,
По милости твоей мне с барином беда.

Аннушка

А что?

Семен

Вот видишь ли, он вспыльчив иногда,
А я кругом не прав.

Аннушка

Мы сладили всё дело.
Ты можешь к Зельскому теперь явиться смело, —
Ты не слуга ему.

Семен

А кто же барин мой?

Аннушка

Мне бей челом за всё: жених наш молодой.

Семен

Жених! да разве он еще жених? не ты ли
Сказала, что они здесь кашу наварили
Такую с дядюшкой?..

Аннушка

Потеха и была;
Да, слава богу, всё лишь длилось до стола.
Тут с барышней ему сидеть пришлося рядом.
Она всю прыть его одним убила взглядом;
Растаял, покраснел.

Семен

Так, стало быть, мой свет,
У них всё слажено?

Аннушка

Та и беда, что нет.
Теперь она в сердцах ему не молвит слова.

Семен

Вот чудеса еще!

Аннушка

Тут вовсе нет чудного.
Что здесь проказил он, всё до нее дошло,
Она обиделась и, Лидину назло,
Всё время Зельскому нарочно угождала
И говорила с ним.

Семен

Да, как она сначала
Шутя, а после впрямь... Сказать ли не в укор?
Ведь ваши сестры все...

Аннушка

Молчи, ты мелешь вздор.
Я знаю барышню, и надо быть болвану,
Чтоб не понять, зачем...

Семен

Ну-ну, я перестану.
С тобой и пошутить опасно невзначай.
Ты лучше мне совет хорошенький подай:
Мой барин посылал со мной в Москву бумаги;
Как с ними быть? отдать — недостает отваги;
Боюсь, прибьет меня.

Аннушка

Так извинись письмом
Да мне их и отдай, а я ему потом.
Садись: тут всё найдешь — сургуч, чернилы, перья.

Семен садится к столу и пишет.

Не ввесть бы мне его в беду из легковерья.
Есть поговорка: что написано пером,
Того не вырубить ни даже топором.
Однако ж Игорев мне дал честно́е слово,
Что нет опасности и будет всё здорово.

(Семену)

Что? написал ли?

Семен

Нет, тотчас.

Аннушка

Скорей давай.
Да и беги. Идут.

Семен

Готов; возьми, прощай.

(Отдает ей письмо и убегает.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Игорев, Настинька, Лидин и Аннушка.

Игорев
(Настиньке)

Сердитесь или нет, а я скажу вам прямо,
Что с вашей стороны уж чересчур упрямо
Не слушать ничего; в нескромностях своих
Два битые часа винится ваш жених;
Без оправдания прощенья только просит,
Холодность вашу, гнев, презренье даже сносит!
А вы не сжалитесь.

Настинька

Помилуйте, над чем?
Мне кажется, я здесь не ссорилась ни с кем,
И гнев мой никому на свете неопасен.
Когда был дядюшка на вашу мысль согласен,
Я молча жениха ждала и дождалась.
Теперь я слышала, что свадьба разошлась,
И кажется, опять не говорю ни слова.

Лидин

Что ж хуже для меня молчания такого?
Простите, только я был выбран мужем вам,
И говорить себе по чувству волю дам.
Скажите искренно, мы с детства вместе жили:
Неужли никогда меня вы не любили
И исполняли всё лишь дядюшкин приказ?
Об свадьбе, вспомните, бывало, сколько раз
Гадали вместе мы.

Настинька

Тогда мы были дети.

Лидин

Да, только детские воспоминанья эти
Должны бы вам, как мне, дороже быть всего.
Не извиняю я поступка своего,
В нем толку нет, я врал, дурачился, бесился,

Но встретил только вас — раскаялся, влюбился,
И взгляд один решил судьбу моей души.

Настинька

Да, у меня глаза довольно хороши,
Хоть деревенские.

Игорев

Уж это слишком строго.
Я говорил, просил, и даже очень много,
Не слушаетесь вы, так мне и дела нет;
Бранитесь без меня.

(Хочет уйти.)

Аннушка
(подает письмо)

Извольте.

Игорев

А! мой свет,
Что это?

Аннушка

Зельского слуги письмо.

Игорев
(берет письмо и садится читать)

И в пору.

Лидин
(Настиньке)

На чем же кончить вы хотите нашу ссору?

Настинька

Как ссору! ни на чем.

Лидин

И думаете вы,
Я вовсе без ушей, без глаз, без головы?
Не за свою вину я дурно принят вами.

Настинька

А где ж моя вина!

Лидин

Признайтесь лучше сами,
Ваш выбор так хорош.

Настинька

Мой выбор!

Лидин

Чем же он
Не муж вам? правы вы кругом, со всех сторон.

Настинька

Кто он?

Лидин

Или назвать мне Зельского боитесь?

Настинька

Вам — Зельского!

Лидин

Я прав? скажите!

Настинька

Не сердитесь.

Лидин

Сержусь я или нет, опять моя беда.
Скажите мне одно: он нравится вам?

Настинька

Да,
Когда угодно вам.

Лидин

Прощайте же.

Настинька

Прощайте.

Игорев

(останавливая Лидина)

Постой-ка, милый друг, да оба прочитайте.
Во-первых, вот письмо от Зельского слуги;
Он просит барина, чтоб за него долги
Отдать и отпустить; его ж руки другое, —
Где к матушке твоей, что есть на свете злое,
Об здешней всей семье он пишет щегольски,
А то ж без подписи и тож его руки.
Сегодня третие к Варягину прислали,
Которого хотя мы вместе не сличали,
Затем что на куски всё Зельский изодрал,
Однако почерк в них один старик узнал.
Я намекал ему, чья тут нам всем услуга,
Но так как Зельского считает он за друга
И слушать ничего не хочет; вот теперь
Посмотрим мы. Но верь, Варягин, иль не верь,
Вы мне что скажете?

Настинька

Ах! боже мой!

Лидин

Простите,
Я сам его спрошу.

Настинька

Постойте, погодите.

Лидин

Не стыдно ль вам меня удерживать? Сейчас
Читали сами вы, что пишет он об вас;
Честь вашу защитить иду, и вы же сами
Об нем жалеете передо всеми нами!
Не понимаю я тут больше ничего.

Настинька

Да кто же вам сказал, что жаль мне за него?
Несносный человек!

Лидин

Я ожидаю слова:
Неужто за меня?

Настинька

Да за кого ж другого?

Лидин

(на коленях)

Ах! как я виноват! простите, или нет?

Игорев

(Настиньке)

Что мучить бедняка? скорей...

Настинька

(подает Лидину руку)

Вот мой ответ.

Игорев

(Лидину)

Оставь же Зельского, любезный друг, в покое.

Лидин

Ну, черт его возьми.

Игорев

А лучше мы все трое
Подумаем о том, как обличить его.

Аннушка

Не смею предложить совета моего,
А кажется, он вам не обратится к худу,
Притом же если я успеха не добуду,
Тогда вы делайте как вздумается вам.

Игорев

Ну, говори.

Настинька

Скажи.

Лидин

Скорее.

Аннушка

Зельский сам

Шепнул мне, что когда все будут на гуляньи,
Ему нужда со мной о чем-то на свиданьи
Поговорить, спросить, и скоро... ай! беда!

Игорев

Ну что?

Настинька

Что?

Аннушка

Маминька сама идет сюда.
Все врознь! вон!

Игорев и Лидин с поклонами уходят в одну сторону, Настинька убегает в другую, Крашнева выходит из середины, останавливается и кличет.

ЯВЛЕНИЕ 3

Крашнева, Аннушка.

Крашнева

Аннушка!

Аннушка

Что приказать угодно?

Крашнева

Что это?

Аннушка

Я сказать не смею вам.

Крашнева

Свободно
Ты можешь говорить, коли уж я велю.

Аннушка

Боюсь, сударыня, что вас же прогневлю,
Когда всё расскажу, а не сказать, что знаю,
Всё виноватою останусь.

Крашнева

Понимаю.
Изволил юноша обдуматься: сперва,
Пока его в чаду кружилась голова,
Он дерзок был, потом долгам нужна расплата,
А здесь невеста есть, глупе́нька, да богата,
Так почему не взять? Он к этому ж привык;
Как не узнать в Москве девчоночек язык?
Их мудрено ль пленять? ври пу́стошь только вволю.
Сват Игорев свою доигрывает ролю,
Которую назвать по-русски мудрено;
Итак, у них теперь всё дело решено,
Подписан вечный мир. Как жаль, что без успеха
И что не знала я! подслушала б для смеха.
Так, что ли?

Аннушка

То-то нет, сударыня, не так.
Вы отгадали, он мири́тся; да никак
Она не слушает, и в том стоит упорно,
Чтоб не прощать ему отнюдь.

Крашнева

Прошу покорно!
Давно ли в ней, скажи, живет такая спесь?

Аннушка

Да если рассказать вам всё, что было здесь,
Так вы изволите тотчас смекнуть всё дело.
Прогневать лишь боюсь.

Крашнева

Скажи, что знаешь, смело.

Аннушка

Ходя за барышней, случалось мне не раз
Заметить: с Зельского она не сводит глаз;
Попасть на вкус его ей первое занятье;
Всё даже норовить по нем наряд и платье;
Об нем всё думает: так, может быть, затем
Ей хочется, чтоб тот отправился ни с чем,
А по сердцу жених остался на примете.

Крашнева

Да глупости такой не слыхано на свете.
Как! Зельский! видно, ей быть в девках целый век:
Возьмет ли дурочку разумный человек?

Аннушка

Мужчин, сударыня, никак не разгадаешь!
Все на один покрой.

Крашнева

А разве ты что знаешь?

Аннушка

Да, по-французски с ней случается ему
Час битый говорить; всего хоть не пойму,
А речь об чем идет, мне отгадать нетрудно.

Крашнева

Я не заметила ни разу.

Аннушка

И не чудно,
Сударыня, где стать им говорить при вас?
Меня вот он об ней выведывал не раз,
Да я всё так вела, что не пойму ни слова!
Боялась вас во гнев ввести.

Крашнева

Ты лгать здорова.
Но так как я ни в ком век не терпела лжи,
Я Зельского спрошу. При нем ты докажи
Весь этот вздор, не то пеняй себе.

Аннушка

Извольте,
Сударыня; лишь мне сойтись с ним так позвольте,
Чтоб он не знал всего, а случай есть готов:
Он мне велел себя здесь ждать на пару слов,
Когда гулять пойдут.

Крашнева

Когда?

Аннушка

Сегодня-с.

Крашнева

Странно!

И говорит об ней он часто?

Аннушка

Беспрестанно.

Крашнева

Быть так; мой долг узнать об дочери, и в том
Увериться, что ты сказала мне. Весь дом,
Я чаю, опустел; уехали все в поле;
А я останусь здесь.

Аннушка

Чтобы разведать боле,
Извольте спрятаться; здесь можно, за дверьми,
И вы услышите своими всё ушьми.

Крашнева

Послушай, Аннушка, я не люблю обману,
Ни глупых шуток.

Аннушка

Как шутить я с вами стану!
Помилуйте, на мне две, что ли, головы?

Крашнева

Ну, будь по-твоему.

Аннушка

А чтоб не знал, где вы,
Позвольте мне про вас, так, будто бы заочно,
Смелее говорить и побранить нарочно.

Крашнева

Нарочно! .. от души.

Аннушка

Помилуйте!

Крашнева

Молчи
И в дружбе уверять меня не хлопочи.
Я знаю вас. Теперь однако ж, на свободе,
Ты можешь тешиться: по мне, что об погоде,
Что обо мне болтай, мне право всё равно.

Аннушка

Чрез сад, мне кажется, идут.

Крашнева

Взгляни в окно.
Не он ли!

Аннушка

(глядя в окно)

Он.

Крашнева

Смотри ж; я спрячусь с уговором,
Чтоб после не тужить, коли всё выдет вздором.

Крашнева прячется в боковую комнату.

ЯВЛЕНИЕ 4

Зельский и Аннушка.

Зельский

Ты здесь уже?

Аннушка

Давно, и вас, сударь, ждала.
Что мне изволите сказать?

Зельский

Что ты мила,
Как ангел.

Аннушка

Полноте, сударь, мне не досужно
Гуторить с барами, а если что вам нужно,
Извольте приказать.

З е л ь с к и й

Послушай же, мой свет,
Мне надобны твоя и помощь и совет.
Ты не откажешь в них?

А н н у ш к а

Я, в чем могу, готова.

З е л ь с к и й

О награждении за труд теперь ни слова,
Довольна будешь всем, скажи лишь правду мне:
Что барышня твоя, с тобой наедине,
Как судит обо мне? могу ли быть в надежде,
Что выйдет за меня охотно? надо ж прежде
Мне быть уверенным, чтоб свататься.

А н н у ш к а

Она,
Сказать ли правду, в вас была бы влюблена,
Да всё боится.

З е л ь с к и й

Как! чего?

А н н у ш к а

Того, что с вами
Счет сбивчив.

З е л ь с к и й

В чем?

А н н у ш к а

А в том: сознайтесь лучше сами.

З е л ь с к и й

Уж ты загадками так говоришь умно,
Что я и не пойму.

Аннушка

Понять не мудрено.
Вы влюблены не в нас.

Зельский

Я?

Аннушка

Вы.

Зельский

В кого ж?

Аннушка

В другую.

Зельский

Вот новости! в кого ж?

Аннушка

Ну, в барыню.

Зельский

В какую?

Аннушка

Ну, в нашу.

Зельский

В Крашневу? я не сошел с ума
И верить не хочу, чтоб Настинька сама
Могла мой смысл и вкус так унижать обидно.

Аннушка

Так ошибались мы?

Зельский

Да как тебе не стыдно!
Влюбляться попусту прошла моя пора.
Положим, Настинька ну молода, добра,
Собой красавица, тут есть к любви причины,
Но чем же маминька прелестна для мужчины?

Аннушка

Для всех, сударь, равно, и как любить ее?
Скажите, хоть бы мне, какое с ней житье?
Ничем не угодишь, и все труды напрасны;
Все говорят: умна...

Зельский

Да, в этом все согласны,
Что умной дурою назвать ее не грех.
За честь себе кладет несносной быть для всех;
Помолодеть нельзя, а стариться мученье.
Достоинств нет — так злость осталась в утешенье.
Бранить ей надо всех: родню, знакомых, слуг,
И женщин, и мужчин, и ей никто не друг.
На всё претензии бог весть с какого году!
На молодость — прошла; на знатность и породу —
Кто ж смотрит на́ это? на красоту — глаза
У всех свои; на ум, на знанье — ни аза
Недавно и сама не знала, да с печали
Все наши дамы вдруг по-русски зачитали;
На силу чувств — их нет, зато жеманства тьма.
Страсть чем-то в свете быть свела ее с ума;
Набравшись пустяков и вышла пустомелей;
Авдотьей крещена, а пишется Аделей! —
Но ты не разболтай, что здесь наедине...

Аннушка

Зачем мне сказывать, и кто ж поверит мне?
Извольте продолжать.

Зельский

Предмет не так обширный.
Что отголоском быть пустой молвы всемирной?
Хоть честь и долг ее любимые слова,
А говорят — она без мужа не вдова.
Нет, в этом надобно держаться середины:
Я верю из всего не больше половины;
С нее довольно...

Крашнева вдруг входит.

ЯВЛЕНИЕ 5

Крашнева, Зельский и Аннушка.

Зельский

(увидя Крашневу)

Ай!

Аннушка

(в сторону)

Ой! батюшки, беда!
Пришлось хоть караул на помочь звать сюда.

(Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Крашнева, Зельский.

Крашнева

Вы испугалися, мне кажется, напрасно.
Описывать людей умея так прекрасно,
Зачем свой дар таить? скажите, отчего
Служанку выбрать вам, чтобы раскрыть его?
Иль чувствовать ваш ум мы вовсе недостойны?

Зельский

Я виноват кажусь, но, будьте лишь спокойны,
И оправдаться мне...

Крашнева

Вам оправдаться? Вам?
Вы льститесь, выгодный дав толк своим словам,
В том, что я слышала, меня переуверить.
Не спорю с вами я, вы мастер лицемерить;
Но я не так глупа, и докажу вам тем,
Что с вами связь хочу я перервать совсем
И нынче ж, навсегда, прошу наш дом оставить.
Вы можете меня по городу бесславить,
Но я вам отвечать не стану никогда,
И в этом, может быть, уж слишком я горда.

Зельский

Зачем же выводить трагедию из вздора?
И что за радость вам, что в свете наша ссора
Начнет смешить людей? не лучше ль во сто раз
Расстаться дружески, без шуму, без проказ?
Мы ошибалися, теперь друг друга знаем;
И так почти, что вновь знакомство затеваем,
И тем приятнее, что без обману.

Крашнева

Нет.
Мне даже и от вас на диво ваш ответ.
Возможно ли, когда злодейство ваше видно,
Когда бы мне в глаза взглянуть вам даже стыдно,
В вас нет ни совести, ни чувства, ни стыда,
Вы смеете еще, как бы невинный...

Зельский

Да.
Не лучше ль поступить открыто, чем лукаво?
Но нас бранить за всё — святое женщин право.
Вы пользуетесь им, я даже не дивлюсь.
Всегда так водится. Однако ж я боюсь
Сказать вам искренно: вы сгоряча, с досады
Об этом рассказать всему здесь дому рады;
Положим, что я был пред вами виноват,
Но захотите ль вы, чтобы узнал ваш брат
И мы бы сделались предметом глупых шуток?
Позвольте здесь прожить мне пять или шесть суток,
О свадьбе никакой уж я не хлопочу,
Уеду, вот и всё.

Крашнева

Я слышать не хочу.
Вы не добьетеся всех хитростей успеха,
Мой брат узнает всё.

ЯВЛЕНИЕ 7

Варягин, Игорев, Зельский, Лидин, Крашнева, Настинька и Аннушка.

Варягин

Ну-ну, пошла потеха,
Святых вон понеси! в чем, матушка, беда?

Крашнева

Я в доме не могу остаться жить, когда
Господин Зельский в нем.

Зельский

Решительная мера.

Крашнева

Его поступкам нет подобья, ни примера.
Он...

Варягин

Слышал, матушка: всё дело в пустяках.
Что ж тут мудреного, что на его глазах
Дочь лучше матери?

Крашнева

Какой ты бестолковый!
Он...

Варягин

Хочет свататься; опять пример не новый;
По мне, я очень рад, что вместо одного,
Другой жених приспел, и лучше всем того.

(Лидину)

Речь не в обиду вам.

Лидин

Иль моего признанья,
Моих усильных просьб вам мало?..

Варягин

До свиданья.

Лидин
(Крашневой)

И вы, сударыня, вы так же строги?..

Крашнева

Нет.
Я много бы могла на этот вам предмет
Сказать, но упрекать повинного напрасно.
Я знаю, что мою дочь любите вы страстно,
А счастье дочери — обязанность моя,
Не только вас любить ей позволяю я,
Но и как мать велю.

Настинька

Ах! матушка...

Крашнева

Ни слова.
Я знаю, за кого ты выйти бы готова,
Но я назло тебе поставлю на своем.

Варягин

А если так, сестра, на ссору мы пойдем:
Пусть дочь — твоя, мое — именье; коли сходно,
Живи безо всего, не дам.

Лидин

Как вам угодно.
В имении своем, конечно, вы властны.
Я не богат, но всё достанет для жены;
Теперь же получил я матери согласье;

(глядя на Зельского)

И если кто другой захочет наше счастье
Расстроить, я ему скажу, без дальных слов,
Чтобы против меня он был на всё готов
И прежде отнял жизнь, а после уж невесту.

Зельский

Ты шутишь, милый?

Лидин

Нет, и шутка здесь не к месту.
Сказал бы больше я, но, уважая дом
Почтенный, удержусь, и льщу себя притом,
Что не забудется никто, коли предвидит,
Что невниманием к нему меня обидит.

Варягин

(Игореву и Зельскому)

Однако ж он не трус, как мне писали...

Игорев

Сам
Ты мне напомнил то, что здесь же должно нам
Узнать. Письмо к тебе написано слугою
Вот...

(Указывает на Зельского.)

Варягин

Как это!

Зельский

Да, я дознался стороною,
Что к разным шалостям он склонен, и затем
Подальше от себя услал его совсем.
Что налицо его здесь нет, мне жаль чрезмерно.

(Намекая Варягину на Игорева и Лидина)

Кто подкупал писать, он бы сказал наверно.

Аннушка

Я думаю, он здесь.

Зельский

Как!

Игорев

Аннушка, узнай,
Да кликни к нам.

Аннушка

Сейчас.

(Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же, кроме Аннушки.

Зельский

Как смел он, негодяй!

Игорев

Эх! стоит ли слуга, чтоб на него сердиться?
Тем лучше, что он здесь и может объясниться.

Зельский

Конечно, только я сгоню его.

Игорев

О том
Он сам вас просит.

Зельский

Как?

Игорев

(подает ему письмо)

Своей руки письмом.

Зельский

(прочитав письмо, с досадой)

О! надо, чтоб ему все плутни отозвались.

Лидин

Вряд сбудется ль, пока он мой слуга.

Зельский

(тихо Варягину)

Попались.

Варягин

Конечно, и теперь всё дело решено.
Он с вами, господа, был, видно, заодно
И вам услуживал, хоть жил не в вашей службе.

Игорев

Варягин, продолжай: я всё, по старой дружбе,
Прощу тебе; притом конца недолго ждать.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и Аннушка.

Аннушка

Семен уехал.

Лидин

Ах!

Аннушка
(Лидину)

Изволили услать
Вы к матушке его, с запиской.

Лидин

Не вовремя.

Аннушка
(Зельскому)

А только к вам бумаг оставил он беремя,
С чем к стряпчему в Москву посылан был...

Крашнева
(вырывая бумаги)

Постой!
Я знаю, что в них есть. На, братец...

Зельский
(Крашневой)

Боже мой!
Что вы! возможно ли! да вспомните... вы сами...
С слов ваших...

Крашнева

Больше нет участья между нами,
И удержать меня нет способа теперь.

(Варягину, отдавая бумаги)

Прочти; коли не мне, глазам своим поверь;
Узнай, какому ты вверялся человеку.

Варягин

(в бешенстве, прочитав)

Как! черт возьми! меня! Варягина в опеку!
За слабоумие! . .

(Зельскому)

А! господин честной!
Покорнейше прошу вас дом заметить мой,
Чтоб ни ногой в него, ни за порог, ни шагу.

Зельский

За эту столько вам приятную бумагу
Я вам советую благодарить сестру:
Ее все выдумки. Я нынче ж ввечеру
Отселе еду и. . . потом как вам угодно:
Злословить обо мне вы можете свободно;
Я даже буду рад, и постараюсь сам
Не быть в долгу; я чай, самим известно вам,
Что этих правил я всегда держался строго;
А долго здесь прожив, я видел очень много
Всего. . . хорошего. Покорнейший слуга!

(Кланяется и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же, кроме Зельского.

Варягин

(вслед ему)

Что хочешь славь: нам честь твоя недорога.
Не русский дворянин будь я, честно́е слово,
Так бы его отсель спровадил не здорово,
Что он бы помнил ввек.

Игорев

Забудь его совсем.
Он притворяется спокойным; между тем,
Поверь, ему в душе и совестно и больно;
И коли стыд в нем есть, наказан он довольно,
Ты лучше согласись на счастие детей.

Варягин

Какое счастие? он не по нраву ей.

Игорев

Но кто тебе сказал?

Крашнева

Какое в этом дело?

Лидин

(Настиньке)

Неужли вам молчать еще не надоело?
Признайтесь искренно.

Варягин

И впрямь, скажи: кого
Ты любишь?

(Настиньке)

Я всегда любила одного;
И если Зельскому по виду угождала,
Признаться ль?.. жениха помучить тем желала.

Крашнева

(Аннушке, тихо)

Обманщица!

Аннушка

Ей-ей! сударыня, сама
В обмане я была: в ней, видите ль, ума
Побольше, нежели казалось нам.

Крашнева

О боже!
Молчи.

Варягин

(подслушав)

Там дело в чем?

Крашнева

(смеючись)

На дело не похоже,
Так... женский вздор.

Варягин

Сестра, так, стало быть, за мной

Она дает знак согласия.

Лишь дело стало?

(Лидину)

Ну, венчайся, бог с тобой,
Давай нам через год хороших пару внýчат,
И сын мне будь, тогда нам годы не наскучат,
Да уговор еще, чтоб имени Москва
Я слыхом не слыхал здесь целый год.

Лидин

Хоть два.

Варягин

(Игореву)

А ты не сердишься?

Игорев

Друзьям в словах считаться,
И старым сверх того!

Варягин

Вот в этом-то признаться
И должно всякому, передо всеми, вслух,
Что старый друг всегда дороже новых двух.

1820

СИД

Трагедия П. Корнеля

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Фердинанд, первый король Кастильский.
Дон Дьег, Граф Гормас — знатные кастильцы.
Дон Рóдриг, сын Дьега.
Химена, дочь графа Гормаса.
Дон Феликс, рыцарь, влюбленный в Химену.
Дон Арий, Дон Алонз — чиновники королевские.
Ельвира, воспитательница Химены.

Действие происходит в Севилле.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Зал в королевском дворце.

ЯВЛЕНИЕ 1

Дон Дьег, граф Гормас.

Гормас

Ты наконец успел: по королевской воле
Возвышен ты на сан, приличный мне всех боле, —
Он воспитать тебе наследника вручил.

Дон Дьег

Честь, коей государь в сей день меня почтил,
Являет всем, что он за дело награждает
И прошлых никогда заслуг не забывает.

Гормас

Как ни велик король, но всё он человек;
Он может, как другой, обманут быть в свой век,
И сим примером все его узнают слуги,
Что настоящие забыты им заслуги.

Дон Дьег

Оставим выбор сей, коль ты обижен им;
По милости ль своей, иль по правам моим
Судил король, но всё, из должного почтенья,
Не можем мы себе позволить осужденья.
Честь, сделанную им, ты мне еще удвой,
Спряги свой род с моим ты цепию святой.
Мой Родриг пламенно влюблен в твою Химену;
Дозволь ему стяжать любви нелестной цену,
И зятем удостой своим его назвать.

Гормас

Знатнейших здесь невест он может отыскать,
И новый блеск, в каком отца он видит ныне,
Бесспорные права дает ему к гордыне.
Ты должен сам теперь заняться уж не тем.
Растущего царя обязанностям всем
Тебе учить дано: как подданными править,
Как почитать себя народом всем заставить,
Как строгость с милостью сливать во всех делах,
И добрым в радость быть, и вкупе злобным в страх;
К сим знаниям прибавь науку воеводы,
Чтоб многотрудные изведал он походы,
Чтоб и бесстрашен был и сведущ на войне,
Чтоб часто день и ночь он пробыл на коне,
Чтоб в латах отдыхал, взбегал на укрепленья
И сам решал успех упорного сраженья;
Примером собственным уроки подтверди
И за руку его ко славе приведи.

Дон Дьег

Чтобы найти пример, достойный подражанья,
О жизни он моей прочтет повествованья:
Там, видя целый ряд похвальных с пользой дел,
Научится блюсти отцов своих удел,

Брать грады приступом, ходить на брань кроваву
И по достоинству себе составить славу.

Гормас

Примеры явные научат боле вмиг,
Чем наставленья все, добытые из книг.
И чем в свой долгий век ты сделался так славен,
Чтоб Гормас днем одним с тобой уж не был равен?
Положим, ты был храбр: скажи, что ж ныне я?
Престола вашего оплот рука моя;
Меча трепещут в ней Наварра и Гренада,
И слава дел моих Кастилии ограда.
Не будь меня, вы все, добычей став врагов,
Стыд тягостный чужих познали бы оков;
Но мною каждый раз отбиты горды мавры,
Один в полях войны я жну победы лавры,
И сын бы короля, идя за мною вслед,
Храним моей рукой, взмужал среди побед;
Пусть только б моему он следовал примеру,
И ожиданий всех превысил бы он меру;
Он...

Дон Дьег

Кончим, граф, ты храбр, сомнения в том нет.
Начальником твоим я был не мало лет;
Когда же старость огнь мой с крепостью сгубила,
Рука твоя меня достойно заменила,
И разом чтоб прервать все лишние слова,
Ты ныне точно то, чем я бывал сперва;
Однако же король свое сказал решенье,
И над тобою мне он отдал предпочтенье.

Гормас

Заслуженное мной ты, правда, получил.

Дон Дьег

Кто в званье возведен, тот боле заслужил.

Гормас

Кто в силах несть его, тот более достоин.

Дон Дьег

Моих достанет сил, хоть я и старый воин.

Гормас

Придворный старый ты, и происком своим...

Дон Дьег

Искал я и нашел достоинством одним.

Гормас

Признайся: государь за старость награждает.

Дон Дьег

Он старость менее чем храбрость уважает.

Гормас

Зачем же честь сия возмездье не мое?

Дон Дьег

Кто получить не мог, не заслужил ее.

Гормас

Не заслужил ее! я?

Дон Дьег

Ты.

Гормас

За оскорбленье,
Старик безумный, вот тебе и награжденье.

(Дает ему пощечину.)

Дон Дьег

(вынимая меч)

Свершай: обидев так, и жизнь мою прерви,
Иль дай обиду мне омыть в твоей крови.

Гормас

Со мною меряться тебе ли, старец хилый?

Дон Дьег

О боже! в ну́жде я оставлен прежней силой.

Гормас
(вырывая меч Дьегов)

Твой меч в моих руках, но хвастать тем не смей!
Вот он: я не хочу стыдить руки моей.
Прости. Теперь заставь, как молвил, в подражанье
О жизни Дьеговой читать повествованье;
Но не забудь в конце прибавить и того,
Как наказать легко за дерзости его.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Дон Дьег
(один)

О поношение! о суетная ярость!
О беззащитная, враждующая старость!
На то ли поседел я в битвах и войне,
Чтоб пред концом моим терпеть бесчестье мне?
Итак, рука моя! ты славилася в брани,
Смиряла ты врагов, на них взлагала дани,
Спасением была отечеству всему —
И отказалась вдруг служить мне самому!
О днем разрушенный труд жизни многодневный!
О счастья прошлого вид в бедствии плачевный!
О почесть вредная! о ненавистный сан!
На пагубу мою ты был мне ныне дан.
Осталось выбрать мне, во гроб при входе самом,
Без мщенья умереть иль жить еще со срамом.
Граф! будь наставником; теперь твоя чреда.
Бесчестный не бывал в сем званьи никогда,
И я хоть избран был по королевской воле,
Сей чести, признаюсь, уже не стою доле.
А ты, дней юности товарищ дорогой,
Меч, если силы нет владеть еще тобой,
Коль при бедре моем на старости ты слезной
Остался как наряд смешной и бесполезный,
Прочь от меня иди, бесславья устыдись
И с мщеньем лишь из рук сильнейших возвратись.

ЯВЛЕНИЕ 3

Дон Дьег, дон Родриг.

Дон Дьег

Сын, храбр ты или трус?

Дон Родриг

Ты мой отец; другого
Я вмиг уверил бы.

Дон Дьег

Я оживаю снова!
С какою радостью горячность зрю твою!
Кровь Дьегову в пылу похвальном познаю:
Вот молодость моя, вот жар ее и рвенье!
Мой сын, ты кровь моя, подай же мне спасенье,
Отмсти!

Дон Родриг

За что?

Дон Дьег

За верх неслыханных обид,
За злейший всех удар, за нестерпимый стыд,
За... за пощечину. Отмстил бы я злодею,
Но недостало сил, мечом уж не владею,
И меч сей, коего не в силах я сдержать,
Возьми его, чтобы отмстить и наказать;
С обидевшим меня свою измеряй силу,
И нет средины: он иль ты чтоб слег в могилу,
Умри или убей. Но, Родриг, знай и то,
С противником твоим не равен здесь никто:
Я часто зрел его в сражении с врагами,
И вкруг него враги ложилися рядами.

Дон Родриг

Скажи, кто он? Что нам слова здесь расточать!

Дон Дьег

Чтоб более еще, мой сын, тебе сказать,
Бесстрашный сей боец, прославленный воитель,
Он...

Дон Родриг

Ради бога, кто?

Дон Дьег

Химены он родитель.

Дон Родриг

Он...

Дон Дьег

Сын! не отвечай: я знаю страсть твою,
Но недостоин жить, кто прежил честь свою:
Чем ближе к сердцу враг, тем больше оскорбленье.
Обиду знаешь ты, в руках твоих отмщенье.
Что мне сказать еще? Кто ты — не позабудь;
Достойного отца достойным сыном будь.
Я старец, кроме слез защиты не имею;
Ты юноша: иди и отомсти злодею.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Дон Родриг
(один)

Пронзен до сердца глубины
Сей неожиданной, убийственною вестью,
Влекомый в бой чужою местью,
Погибнуть должен я за чуждые вины.
Что делать? Где искать защиты?
Надежды, радости и чувства все убиты.
Уже любви моей готовился венец;
И вдруг, о страшные премены!
Обижен смертно мой отец;
Обижен он отцом Химены.

В груди какая чувств борьба!
Внимать ли должности? послушаться ли страсти?
Но ах! во всем одне напасти
Мне уготовила жестокая судьба:

Иль вечно стыд, иль вечно горе,
Иль всех лишиться благ, иль дни влачить в позоре.
Священны были мне равно любовь и честь,
И в жизни нет за них замены:
Обиду мне нельзя понесть,
Но можно ль мстить отцу Химены?

До смерти нет покоя мне;
Век будут душу рвать невеста и родитель.
Усердный я иль слабый мститель,
Пред тем или другим всё остаюсь в вине.
Смерть — край страданьям человека:
Умру, и ничьего в гроб не снесу упрека.
Меж долга и любви какой я судия?
Что мне равнять, решать их цену?
Коль умереть всё должен я,
Умру, не оскорбив Химену.

Как! мне ли умереть с стыдом!
По всей Гишпании прославиться позором!
Свой даже гроб стягчить укором,
Что я бесчестье ввел в наш благородный дом!
Внимать слепой любви внушенья,
В которой без того уж нет мне награжденья!
Нет, нет, избавимся от тяжких сих цепей,
От унизительного плена.
Честь! ты утехой будь моей,
Когда утратится Химена.

Так, ум мрачила мой любовь;
Отцу обязан я всех прежде и всех боле:
Успех сраженья в божьей воле;
Но, верно, чистою моя прольется кровь.
Стыжусь я даже замедленья.
Во что б ни стало мне, пойдем искать отмщенья.
Так, честь моя, тебе с начала до конца
Ни в чем не сотворю измены:
Отмщу я смертью за отца,
Отмщу, хотя отцу Химены.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Граф Гормас, дон Арий.

Гормас

Признаюсь между нас: обидев старика,
Слепою яростью велась моя рука;
Но сделанного зла ничто уж не поправит.

Дон Арий

Послушность королю тебя не обесславит;
Король обижен сам, и, власть его презрев,
Его против себя подвигнешь ты весь гнев.
Какое ж, граф, сказать ты можешь оправданье?
Обиды важность сей, обиженного званье,
Всё требует, чтоб ты, смирив дух гордый свой,
Прощенья испросил с повинной головой.

Гормас

Над жизнию моей король, конечно, властен.

Дон Арий

Послушай мой совет, граф, будь же беспристрастен,
Упорством не удвой своей неправоты.
Король велел, ужель ослушаешься ты?

Гормас

Где должно честь беречь и славу и почтенье,
Ослушность малую не ставлю в преступленье.
Воспомнив Гормаса услуги на войне,
И в большей можно бы простить его вине.

Дон Арий

Высокомерием погибнешь ты напрасным.

Гормас

Я опыта дождусь, чтоб быть с тобой согласным.

Дон Арий

Иль состязаться ты мечтаешь с королем?

Гормас

Подобный мне упасть одним не может днем.
Король обязан знать, коль сам себя он любит,
Что всю Кастилию в лице моем погубит.

Дон Арий

Но власть верховная...

Гормас

Моих лишася сил,
Ничто: один я жезл правленья утвердил.
Все знают то, чего лишитесь вы со мною,
И царский здесь венец спадет с моей главою.

Дон Арий

Дозволь еще сказать хоть слово мне одно,
И после уж решись.

Гормас

Решился я давно.

Дон Арий

Что ж я снесу в ответ? Ужель мое прошенье?..

Гормас

Скажи, что не склонюсь отнюдь на униженье.

Дон Арий

Цари, ты знаешь, ждут покорности слепой.

Гормас

Дон Арий, кончено, ответ ты слышал мой.

Дон Арий

Прости же, граф! Мне жаль судьбы твоей суровой.
Хоть лавром вéнчан ты, страшись стрелы громовой.

Гормас

Без страха жду ее.

Дон Арий

Но, граф, не без причин.

(Уходит.)

Гормас

Дон Дьега отомстить сей способ вам один.
Кто презирает смерть, угроз не убоится;
Скорей на все беды́ душа моя решится:
Пусть мой отымут сан, мои поместья, дом,
Но честь при мне, и век не поживу с стыдом.

ЯВЛЕНИЕ 2

Граф Гормас, дон Родриг.

Дон Родриг

Два слова, граф!

Гормас

Скажи.

Дон Родриг

Рассей мое незнанье,
Дон Дьега знаешь ты?

Гормас

Да.

Дон Родриг

Тише, граф, внима́нье.
Ты знаешь ли, кто был почтенный старец сей?
Пример всех доблестей, честь родины своей.
Ты это знаешь ли, граф?

Гормас

Может быть.

Дон Родриг

Взгляни же,
Взгляни, я говорю, в глаза мне прямо, ближе.
Ты видишь ли, что кровь сверкает в их огне?
Чья кровь, ты знаешь ли?

Гормас

Какая ну́жда мне!

Дон Родриг

Ее в пяти шагах отселе ты узнаешь.

Гормас

Надменный юноша!

Дон Родриг

За что ж пренебрегаешь?
Я молод, так; но кто родился храбрым в свет,
В том силы ожидать не станут счета лет.

Гормас

Ты знаешь ли, кто я?

Дон Родриг

Да: силен ты и славен;
С оружием никто тебе не чтется равен.
Победы, на войне добытые тобой,
Предсказывают мне погибельным сей бой;
В нем, может быть, я сам ищу себе могилы,
Но сыну за отца всегда достанет силы,
Она взрастет тогда с усердием моим.
Непобежден ты, но ужель непобедим?

Гормас

Дон Родриг, все твои слова и мысли честны.
Знай, доблести твои издавна мне известны.
Я честь Кастилии в тебе предусмотрел
И дочь тебе вручить супругою хотел.
Не скрою и того, что вижу с уваженьем
Победу должности над страсти обольщеньем.
Всех благородных чувств огонь в твоей крови
И мужество твое, сильнейшее любви.
Я рад, что рыцарь, мной в зятья избранный прежде,
Достойно отвечал моей об нем надежде.
Но голос жалости зовет в душе моей:
Дивясь тебе, скорблю об юности твоей.
На гибель верную стремишься в ослепленьи.
Чего искать с тобой в неравном мне сраженьи?
Какая польза мне? Что скажет целый свет?
Где нет опасности — в победе славы нет;
Все назовут тебя зарезанным без бою,
И мне останется лить слезы над тобою.

Дон Родриг

Еще жалеешь ты! не сам ли вызвал месть?
Не хочешь жизнь отнять, — почто же отнял честь?

Гормас

Оставь меня.

Дон Родриг

Пойдем, не тратя слов напрасно.

Гормас

Иль жить наскучило?

Дон Родриг

Иль умереть ужасно?

Гормас

Нет, нет, ты прав: пойдем; да будет проклят сын,
Кто может честь отца прежить хоть миг один.

(Уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Король, дон Арий, дон Феликс, дон Алонз.

Король

Ужели граф совсем рассудок отвергает?
Иль он вину свою простительной считает?

Дон Арий

Я долго, государь, увещевал его;
Но он из просьб моих не принял ничего.

Король

Возможно ль! подданный противиться мне смеет,
Почтенья к королю, ни страха не имеет;
Дон Дьега оскорбив, приказ отвергнул мой,
И здесь в дворце моем кичится предо мной!
Пусть воин храбрый он и пусть он вождь примерный,
Но долг мой укротить сей нрав высокомерный:
Граф Гормас должен знать, будь он сам браней бог,
Что царь к смиренным благ, но к дерзновенным строг,

Я, как вина его мой гнев ни возжигала,
Насилья не хотел употребить сначала;
Но если так, иди со стражею моей
И, коль добром нельзя, им силой овладей.

Дон Алонз уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Король, дон Феликс, дон Арий.

Дон Феликс

Помедли, государь, и дай утихнуть ссоре.
Тогда уверен я, что граф склонится вскоре
Признать вину свою, но в первом гневе вдруг
Не унижается столь благородный дух;
Он видит истину, но гордость и досада,
Иль, лучше, честь, ему в признании преграда.

Король

Умолкни, дон Феликс, и гнева моего
Не привлекай к себе защитою его.

Дон Феликс

Я повинуюсь, но дозволь мне, умоляю,
Два слова за него...

Король

Скажи: я позволяю.

Дон Феликс

Душа, привыкшая к великим лишь делам,
Страшится, государь, унизиться к мольбам.
В них видим мы всегда и стыд, и униженье,
И вот одно, в чем граф явил сопротивленье;
Жестокость видит он покорствовать судьбе,
И мене храбрый бы послушней был тебе.
Вели обиду смыть ему единоборством
С оружием в руках; он явится с покорством.
Доколе ж граф о сем еще не знает сам,
Я здесь: кто б ни пришел, ответ ему я дам.

Король

Ты забываешься; но жар и пылкость эта
Мне нравятся, Феликс, в твои младые лета.
Прощаю я тебе, но ты оставь свой меч:
Кровь подданных моих обязан я беречь;
Я жизни их щажу, они мне драгоценны,
Как мудрой голове ей члены подчиненны;
И так слова твои бессильны надо мной:
Ты воин, я король, наш долг совсем иной.
Что б вы ни думали, но оба вы неправы,
И, повинуясь мне, граф не утратит славы;
Притом обижен я: он Дьега поругал,
Кого над сыном я наставником избрал.
Мой выбор осрамить есть явная крамола
И нарушение верховных прав престола.
Оставим речь сию. — Я слышал, с берегов
Усмотрены суда под знаменем врагов,
И к устию реки пристать они хотели?

Дон Арий

Нет, мавры, государь, узнать тебя успели.
Сто крат побеждены, в них духу нет, ни сил
Сразиться с тем, кто их где встретил, победил.

Король

Им тягостно всегда, плодом войны кровавой,
Всю Андалузию зреть под моей державой;
Принадлежала им давно сия страна,
И зависть возжигать в них будет век она.
За тем в Севиллу я, на наших стран границу,
Пренес уж десять лет Кастилии столицу,
Чтоб ближе видеть их и тем скорее сам
Во всех их замыслах противиться врагам.

Дон Арий

Да, госу́дарь, они узнали чрез сраженья,
Сколь твердо ты хранишь свои приобретенья;
Страшиться нечего.

Король

Предвиденье не вред.
Беспечность лишняя всегда предтеча бед;

К тому же знаешь ты, что без труда и вскоре
Приливом их своим сюда приносит море.
Но весть неверная, и бесполезный страх
Нет нужд до времени нам рассевать в сердцах;
Мы, разгласив ее, весь город встревожим
И истинное зло злом мысленным умножим:
И пристань и врата коль стража в ночь хранит,
Довольно.

ЯВЛЕНИЕ 5

Король, дон Феликс, дон Арий, дон Алонз.

Дон Алонз

Государь, граф Гормас...

Король

Что?

Дон Алонз

Убит.
Дон Дьег отмстил ему сыновнею рукою.

Король

Не удивлен отнюдь я вестию такою:
С обидою и месть предвидел вкупе я.

Дон Алонз

Химена в горести, потоки слез лия,
Спешит теперь сюда и мщенье призывает.

Король

Хотя душа моя ей в скорби сострадает,
Смерть Гормас заслужил кичением своим,
И мщенье правое свершилося над ним;
Однако пусть ему и праведная плата,
Толь храброго вождя мне горестна утрата.
Так часто от врагов престол он защищал,
Так часто за меня кровь в битвах проливал,
Что я, забыв его вину и ослушанье,
Готов его теперь оплакать наказанье.

ЯВЛЕНИЕ 6

Король, дон Дьег, Химена, дон Феликс, дон Арий, дон Алонз.

Химена

Отмщенья, государь!

Дон Дьег

Склони свой слух и к нам.

Химена

Простершись пред тобой...

Дон Дьег

Упав к твоим ногам...

Химена

Я мести требую.

Дон Дьег

Суда я ожидаю.

Химена

За дерзость юноше я казни умоляю;
Он сокрушил оплот престола твоего,
Убит им мой отец.

Дон Дьег

Он мстил за своего.

Химена

Возмездье кровь за кровь, удары за удары.

Дон Дьег

Для мести праведной нет праведныя кары.

Король

Восстаньте оба: я обоим вам внемлю.
Твою, Химена, скорбь от сердца я делю,
Всю важность чувствую души твоей урона;
Ты, Дьег, не прерывай мольбы ее и стона.

Химена

Отец мой, государь, пронзен во грудь мечом,
Пал мертв, и кровь его, бегущую ручьем,
Сама я видела; кровь, наших стран защита,
Кровь, за тебя в боях им столько раз пролита,
Кровь благородная, твоей державы честь,
Кровь вопиет к тебе и вызывает месть.
И мавры кровь сию щадили среди брани,
А Родриг ею здесь омыл преступны длани.
Прибегла я... увы! злодей предускори́л.
Он мертв лежал — прости: нет голоса, нет сил
Для столько тяжкого душе повествованья;
Доскажет пусть мой стон и слезы и рыданья.

Король

Утешься, дочь моя; с сего Химена дня
Тебя чту дочерью: считай отцом меня.

Химена

Сей чести, государь, я чувствую всю цену;
Но выслушай, молю, несчастную Химену,
Дозволь печаль свою излить ей до конца.
На месте я нашла безгласного отца;
Но всех сильнее слов, из раны он кровавой,
Казалось, к дочери взывал о мести правой,
Велел с молением к ногам твоим упасть
И к наказанию твою подвигнуть власть.
На то ли, государь, поставлен ты владыкой,
Чтобы свидетелем быть наглости толикой?
Как! стоит юноше схватить во гневе меч,
И первого вождя он может жизнь пресечь!
И в звании своем тот не найдет защиты,
И мертвого труды, и подвиги забыты!
Нет, если Родригу попустишь сей удар,
Тебе служа́щих всех, всех оскудеет жар,
И смерти Гормаса достойная награда
Есть польза всей земли, а не моя отрада:
Его лишились все, и правый суд всегда
Велит, чтобы вине равнялася и мзда.
И так не для меня, но для твоей державы,
Для блага подданных, для собственныя славы

Отмщенью правому пожертвуй жизнью всех,
В ком дух теперь вознес их дерзости успех.

Король

Дон Дьег, ответствуй ей.

Дон Дьег

Завидую я доле
Того, кто, сил лишась, и жизнь не тянет доле;
Но жалок, напро́тив, всяк честный человек,
Кто в дряхлой старости свой отживает век.
Я, славы долгими достигнувший трудами,
Я, некогда боец, венчанный похвалами,
Сегодня от того, что слишком долго жил,
Обижен, осрамлен, и к мщению нет сил.
Чего не сделали все битвы, все осады,
Все силы Африки, Наварры и Гренады,
Ни явный враг какой, ни тайный мне злодей,
То сделал граф, почти что в комнате твоей,
Завидуя в твоем мне ныне предпочтеньи
И превосходством сил спокоен в дерзновеньи.
И так нажи́тые под шлемом седины,
Кровь, текшая стократ в защиту сей страны,
Рука, чьей рать врагов страшилась прежде силы,
С бесчестьем, со стыдом сошли бы в мрак могилы,
Когда б мне богом сын достойный не был дан.
Достойный истинно гишпанцем быть назва́н,
Он вышел за отца, он во́здал графу местью,
Он мой изгладил стыд, он дал дожить мне с честью;
Коль к храбрым, государь, так власть твоя строга,
Что за пощечину нельзя убить врага,
Пусть на меня падет твое негодованье;
За руку голова приемлет наказанье,
И прямо к делу тут идут сии слова:
Сын в деле был рука, отец же голова.
Химена сетует, что мертв ее родитель;
Будь молод я, и мне не нужен был бы мститель.
Главу же к гробу ты согбенную казни
И руку для тебя полезную храни;
Пролей мою ты кровь Химене для отрады.
Я не противлюся, я не прошу пощады,

Я даже с радостью мой приговор приму;
Кто с честию умрет, смерть счастие тому.

Король

Столь дела важного решить не смею вскоре;
Все кортесы мои судьями будут в споре.
Химену, дон Феликс, ты проводи домой.
На слово честное, дон Дьег, ты пленник мой.
Сыщите Родрига. Вы — ждите разрешенья.

Химена

Великий государь! убийце нет прощенья.

Король

Утешься, дочь моя, и чувства успокой.

Химена

Покоя нет душе, растерзанной тоской.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Дом Химены.

ЯВЛЕНИЕ 1

Дон Родриг, Ельвира.

Ельвира

Что, Родриг, сделал ты? куда пришел, несчастный!

Дон Родриг

Пришел искать конца судьбе моей ужасной.

Ельвира

Какою ж слепотой иль гордостью влеком.
По смерти Гормаса его смущаешь дом?
Или над мертвого ругаться хочешь тенью?
Не ты ль его убил?

Дон Родриг

Я долга внял веленью;
Я жизнь ему не мог оставить без стыда.

Ельвира

Но здесь ли должен ты скрываться от суда?
В дому ль убитого убийца защитится?

Дон Родриг

Я сам иду на суд, и пусть он здесь свершится.
Ельвира, не дивись сим горестным словам,
Я смерть здесь поселил, и смерти алчу сам,
Химене я несу главу мою для казни.
Кто сделался ее достоин неприязни,
Тому не должно жить; так пусть же надо мной
Свой приговор она свершит своей рукой.

Ельвира

Химена во дворце, мы ждем ее оттоле,
А рыцари ее проводят поневоле.
Ах! Родриг, удались; ужели хочешь ты
Дать повод зависти к сплетенью клеветы,
Чтобы несчастную, убитую в печали,
С убийцею отца свиданьем упрекали?
Я слышу шум, идут, молю в последний раз,
Береги хоть честь ее, и скройся ты от глаз.

ЯВЛЕНИЕ 2

Химена, дон Феликс, Ельвира.

Дон Феликс

Так, гнев твой справедлив, прекрасная Химена;
Но мало слез одних, за кровь лишь кровь замена.
Не мыслю, чтобы ты в сей горести твоей
Могла от суетных утешиться речей;
Нет, не слова, а меч я предлагаю к бою,
И коль любовь моя одобрена тобою,
Чтоб заслужить тебя, я, казнь неся врагу,
Победой верною польстить себя могу.

Химена

Несчастная!..

Дон Феликс

Вот меч: он мщения орудье.

Химена

Король мне обещал законов правосудье.

Дон Феликс

Законы медленны; и ты ли ждать должна,
Чтоб от гоненья их укрылася вина,
Иль, может быть, еще злодей остался правым?
Скорей доставлю месть сражением кровавым:
И меньше времени утратим и труда.

Химена

Сей способ в крайности останется всегда,
И если сохранишь ко мне ты сожаленье,
Тогда твое приму я, рыцарь, предложенье.

Дон Феликс

Ах! честь сия всего дороже предо мной,
И счастлив я иду надеждою одной.

ЯВЛЕНИЕ 3

Химена, Ельвира.

Химена

Ельвира! наконец могу одна с тобою
Я плакать о бедах, мне посланных судьбою,
От глубины души глас жалобный простерть
И сердце обнажить, убитое на смерть.
Отца лишилась я, и первый раз в сраженье
Меч Родриг обнажил на зло мне и мученье.
Ввек лейтеся из глаз вы, токи горьких слез!
Надежда, счастие, весь призрак мой исчез;
И мне еще судьба за должность ставит злую,
Полжизни потеряв, самой убить другую.

Ельвира

К чему ж отчаянье?

Химена

Скажи скорей: к чему
Надежда тщетная? несчастью моему
Ни облегченья я, ни края не предвижу,
И я же зол моих творца не ненавижу!
Так, бесконечное мучение терплю
И, преступленью мстя, преступника люблю.

Ельвира

Иль сердце должности в Химене неподвластно!

Химена

Ах! никогда его так не любила страстно,
Ни разу до сего плачевнейшего дня
Не чувствовала я столь сильного огня.
Стараюсь гнев возжечь, воспомнив об обиде,
Но исчезает вдруг он Родрига при виде;
С отцом моим во мне он продолжает бой,
И чувств противных я терзаюся борьбой.
Хоть в том отрада мне, что долга глас священный
Еще мне слышится ничем не заглушенный,
И вопреки любви, доколе силы есть,
Стремлюсь идти туда, куда велит мне честь.
Ты укрепишь меня на путь сей, сильный боже!
Я Родригом живу, он мне всего дороже;
Но не забуду ввек, Ельвира, и того,
Что мой отец убит и что я дочь его.

Ельвира

И ты законов меч подвигнешь в наказанье?

Химена

Ах! мысль жестокая! несносное терзанье!
Я мести требую — и мести не стерплю,
Смерть Родрига мне смерть, и я его гублю.

Ельвира

Почто же следовать столь вредному внушенью
И бесконечному обречь себя мученью?

Химена

Как! на руках моих отец мой предал дух,
И, крови слыша вопль, я отвращу мой слух!

И сердца слабости предавшися спокойно,
Бесплодный плач почту за мщение достойно!
И страсти пагубной внимая льстивый глас,
Стерплю, чтоб чести огнь в душе моей погас!

Ельвира

Несправедливо ты творишь себе упреки.
Ужели честь велит губить себя навеки?
Довольно ты ее исполнила закон.
Король из уст твоих внял жалобы и стон;
Теперь уж власть его, оставь ему решенье.

Химена

Нельзя оставить мне: мой долг священный —
мщенье.
Я не могу любви постыдный внять совет.
Где судия наш честь, там оправданий нет.

Ельвира

Однако Родригом невольно ты пленилась?

Химена

Я признаюся в том.

Ельвира

Что ж делать ты решилась?

Химена

Чтоб с честию конец найти бедам моим,
Сведу его на смерть, и вслед умру за ним.

ЯВЛЕНИЕ 4

Дон Родриг, Химена, Ельвира.

Дон Родриг

Рази ж несчастного, кто винен пред тобою,
И праведную казнь свершай своей рукою.

Химена

Ельвира, где же я! то в яве иль во сне,
И Родриг ли прийти осмелился ко мне!

Дон Родриг

Я сам: жизнь тягость мне, а смерть мне верх отрады.
Рази, не сто́ю я и не хочу пощады.

Химена

Ах!

Дон Родриг

Выслушай.

Химена

Оставь меня.

Дон Родриг

Единый миг.

Химена

Дай умереть.

Дон Родриг

Двух слов прошу, и после них
Пускай во грудь мою сей острый меч вонзится.

Химена

Что вижу! кровь отца еще на нем дымится.

Дон Родриг

Химена...

Химена

Скрой сей меч убийственный от глаз,
Иль хочешь ускори́ть моей кончины час?

Дон Родриг

Тебе покорствую, хоть тверд в моем желаньи,
Чтоб с жизнию мои пресе́кла ты страданьи.
Я не могу, как лжец, раскаяться ни в чем;
За дело правое вступился я с мечом.
Ударом, коего ничем нельзя поправить,
Отец твой моего решился обесславить,
Почтенный старец в гроб понес бы вечный срам,

С ним вкупе весь наш род и я обижен сам.
Что делать? драться; честь всех в свете благ
дороже,
И будь граф Гормас жив, теперь я б сделал то же.
Но долго, признаюсь, в ужаснейшей борьбе
Стоял меж должностью и страстию к тебе;
Знай силу всю ее: навек лишенный чести
И с ней всего, еще я колебался в мести:
Расстаться ли с тобой или терпеть позор?
От горести отца я отвращал мой взор,
Удерживал свой гнев, за стыд искал замены
И, верно бы, принес всё в жертву для Химены,
Когда бы не сказал мне совести упрек,
Что ей не будет мил бесчестный человек,
Что ты сама мое осудишь униженье:
Достойный был любим, но к подлому презренье;
Что если б страсть смирить во мне не стало сил,
Я сам бы пред тобой твой выбор осрамил.
Вот мысль моя, скрывать ее не предприемлю,
Так думать буду ввек, покуда слягу в землю.
Я, твоего отца пролив в сраженьи кровь,
Спас честь и оправдал твою ко мне любовь.
Но долга строгого исполнив повеленье,
Хочу перед тобой загладить преступленье.
Чтоб казнь мою принять, предстал твоим очам.
По долгу я убил, по нем умру и сам.
О мщении к тебе отец взывает мертвый;
Спокой его в гробу ты праведною жертвой,
Сберися с силою, чтоб жизнь мою пресечь,
И кровию моей омой убийства меч.

Химена

Ах! Родриг, вопреки несчастного раздора,
Я признаюсь, ты прав, что избежал позора;
Угодно было так разгневанной судьбе,
И слез моих в вину не ставлю я тебе.
Мне благородных душ святый закон известен:
Кто так обижен был и не отмстил, бесчестен,
Как рыцарь и как сын ты долг исполнил свой.
Но я примером сим научена тобой,
Ты сам мне кажешь путь, твоих держуся правил:
Ты за отца отмстил и честь свою избавил;

Мне тот же долг; его исполню до конца:
Я честь свою спасу и смерть отмщу отца.
Увы! несчастная, нет в мире мне надежды;
Когда б другая смерть отцу сомкнула вежды,
Еще утеху бы средь горестей и зла
В беседе Родрига, быть может, я нашла,
И слезы бы тогда, пролитые тоскою,
Иссякли, стертые любезною рукою.
Но вдруг лишиться я должна обоих вас;
Так чести строгия повелевает глас,
И мне в обязанность поставлено судьбиной,
Чтоб смерти я твоей сама была причиной.
Да, Родриг, и не льстись, чтобы слепая страсть
От мщенья удержать меня имела власть.
Я в сердце заглушу сей страсти голос нежный.
Я покорюсь, как ты, судьбине неизбежной.
Ты, погубив меня, хвалу мою снискал;
Я в гибели твоей ищу твоих похвал.

Дон Родриг

Чего ж, Химена, ждешь? что медлишь ты
напрасно?
С желанием твоим мое во всем согласно:
Ты голову мою на казнь принесть должна,
А мной давно к тому назначена она.
Зачем нам судии? их поздное решенье
Отсрочит лишь твое похвальное отмщенье.
Пусть жизнь мою в сей миг прервет рука твоя.

Химена

Мы оба пред судом, закон твой судия.
Ты предлагаешь казнь, но мне ли согласиться?
Мой долг ее искать, а твой оборониться;
Ты должен быть судим другими, не собой,
И я противник, враг, но не убийца твой.

Дон Родриг

Ужель та́к мало сил в душе своей имеешь,
Что подражать во всем ты Родригу не смеешь?
Куда же скрылася вся твердость чувств твоих,
Когда к отмщению ты ищешь рук чужих?
Нет, если равною ты хочешь быть со мною,
За своего отца отмсти своей рукою.

Химена

Другим хочу тебе я, Родриг, быть равна.
Ты отомщал один, и я отмщу одна.
Нет, столь великого Химене славу дела
Не льстись, чтоб разделить с тобой она хотела;
Нет нужды ни отцу, ни мне в твоей крови,
Когда она есть дар отчаянной любви.

Дон Родриг

Так нет отрады мне в напасти безнадежной!
Уже не для отца, для нашей страсти нежной,
Из сожаления ты жизнь мою прерви:
Что в ней, когда твоей лишился я любви,
Когда навек твою лишь ненависть предвижу?

Химена

Ах! Родриг, удались, тебя не ненавижу.

Дон Родриг

Но долг велит тебе...

Химена

Я знаю, и нет сил.

Дон Родриг

Страшись, чтоб целый свет тебя не осудил,
Любовью сей свое ты имя обесславишь.
Чем зависть хитрую молчать тогда заставишь?
Какие на себя даешь ей ковы плесть!
От них лишь смерть моя твою спасает честь.

Химена

Нет, боле чести мне, чтоб страсть мою все знали,
Чтоб были все моей свидетельми печали,
И зависть чтоб сама почла меня хвалой,
Уверясь, что дышу и жертвую тобой.
Иди же ты отсель; зачем еще мне видеть
Кого люблю, и, ах! должна бы ненавидеть?
Ночь темная тебе способствует уйти.
Ты ей воспользуйся, чтоб честь мою спасти.
Свидание с тобой, когда отец мой в гробе,
Предлогом может быть людей коварных злобе.
Молю, избавь меня от вредной клеветы.

Дон Родриг

Убей меня.

Химена

Иди.

Дон Родриг

На что ж решилась ты?

Химена

Как ни сильна любовь, употреблю всю силу
Отмстить отца, тобой простертого в могилу;
Но как ни свят сей долг, надежда вся моя,
Что недостанет сил и не успею я.

Дон Родриг

Любовь несчастная!

Химена

Жестокое мученье!

Дон Родриг

Ах! дорого отцам мы платим за рожденье.

Химена

Кто б, Родриг, думать мог?..

Дон Родриг

Химена, кто б сказал?..

Химена

Чтоб без вины нас бог так строго наказал.

Дон Родриг

И чтоб в виду брегов, где счастие манило,
У самой пристани нас бурею разбило.

Химена

Погибло всё.

Дон Родриг

И нет надежды никакой.

Химена
Иди; слова твои лишь дух терзают мой.

Дон Родриг
Прости! клянусь тебе жить только упованьем
На смерть, которую приму твоим стараньем.

Химена
Клянусь и я, отца в свидетели зову,
Что ни единый миг тебя не преживу,
Прости: от глаз твоих бегу я поневоле.
Коль честь мою хранишь, и сам не медли доле.

(Уходит с Ельвирою.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Дон Родриг
(один)
Так, поспешим отсель, всё кончено, она
Сокрылась и навек со мной разлучена.
Пойдем... что слышу я? и кто сюда вступает?
Кто б ни был, если здесь он Родрига узнает,
Химены страждет честь... о боже! мой отец.
Зачем и как он здесь? возможно ль!..

ЯВЛЕНИЕ 6

Дон Дьег, дон Родриг.

Дон Дьег
Наконец
Нашел тебя, мой сын; и так мое старанье
Награждено теперь.

Дон Родриг
Увы!

Дон Дьег
О чем стенанье?
Собраться с духом дай, хочу хвалить тебя.
Так, сын мой, в Родриге я узнаю себя;

С приема первого, еще незрелый в силах,
Ты доказал, чья кровь в твоих струится жилах.
Из наших прадедов слыл каждый за бойца,
Но ты не хуже их, ты превзошел отца.
Мне славу приобресть едва всей жизни стало,
И Дьегова конца славней твое начало.
Заступник мой и свет! прими же мзду труда,
Коснись волос седых, спасенных от стыда,
И на лице моем облобызай устами
Удар, твоими мне изглаженный руками.

Дон Родриг

Родитель! прекрати хвалу превыше мер.
Вся честь тебе, меня твой научил пример,
И счастливым назвать себя считаю вправе,
Коль угодил тебе мой первый шаг ко славе.
Я долг исполнил свой, и не ищу наград;
Но с ним лишил себя всех в жизни я отрад.
Прости; но я во всем гнушаюся измены.
Для Родрига нет благ, ни счастья без Химены,
Я с ней утратил всё, и скорбь мою пресечь
Лишь может смерть одна; но кончим эту речь.
Поведай мне, зачем ты здесь, какой судьбою
В сем доме вижу я отца перед собою?

Дон Дьег

Внушило сердце мне идти в сей грустный дом,
Не знал, как мне войти; но просьбой и трудом
И золотом нашел я наконец дорогу.
Едва достало сил; но здесь ты, слава богу!
Теперь не время, сын, нам плакаться судьбе;
Отчизна и король нуждаются в тебе.
Срацины, грабежа приманкою влекомы,
Хотят напасть на нас и граждан выжечь домы;
Уж с вечера они в залив реки вошли,
А в полночь к стенам их пристанут корабли.
Войск нет в готовности, король и двор в смущеньи,
В народе крик и плач, отчаянье в спасеньи.
В сем общем бедствии сам, видно, щедрый бог
Пятьсот друзей найти мне к счастию помог.
Все о моем они услышавши позоре,
Мне помощь предложить хотели с графом в споре;

Но ты их упредил, а им есть лучший бой.
Противу мавров, сын, веди их смелый строй,
Они тебя вождем зовут единогласно.
Коль смерти ищешь ты, там умереть прекрасно;
Туда навстречу ей вас кличет славы зов;
Там, отразив удар отечества врагов,
Своею гибелью других когда избавишь,
Хоть и умрешь, себе бессмертие доставишь.
Нет, лучше возвратись с увенчанным челом.
Ужель останешься при подвиге одном?
Победы славныя стяжай достойну цену:
Заставь молчать закон и самую Химену.
Знай, приобресть ее одно лишь средство есть:
Всех прочих рыцарей затмить дела и честь.
Но время дорого, к сраженью всё готово,
И дело, Родриг мой, полезно, а не слово:
Сразись, и пусть король уверится чрез бой,
Что Гормас возвращен, и с лихвою, тобой.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Зал первого действия.

ЯВЛЕНИЕ 1

Дон Фердинанд, дон Дьег, дон Арий, дон Родриг, дон Феликс.

Король

Достойный сын семьи, делами знаменитой,
Что родине была и честью и защитой:
Кровь предков, в храбрости испытанных войной,
Сравнился с коими ты в первый опыт свой;
Вознаградить тебя я силы не имею,
И власть моя мала пред службою твоею.
Севилла, от врага спасенная тобой,
Скиптр, в сей руке твоей поддержанный рукой,
И мавров славное внезапно пораженье,
Как не успел еще я дать о том веленье, —

Суть подвиги, каким нет равных, может быть,
И коих не могу ничем я уплатить.
Но два царя твои, в бою которых взяли, —
Они при мне тебя их Сидом называли;
И как у мавров Сид есть то, что государь,
То честь сию тебе твой уступает царь.
Будь Сид, сим именем открой пути к победе,
Им ужас наноси Гренаде и Толеде;
И да узнают все, на ком есть власть моя,
Что́ Родриг мне, и чем ему обязан я.

Дон Родриг

Великий государь! ты в стыд меня приводишь,
Что мой ничтожный труд столь важным ты
находишь,
И должен я краснеть, мой царь, перед тобой,
Что мало заслужил прием мне лестный твой.
Я знаю, что твоей принадлежат державе
И воздух, чем дышу, и кровь, чем движусь к славе;
И если б кровь сию всю пролили враги,
Я лишь исполнил бы долг верного слуги.

Король

Не все равно́ свой долг и службу исполняют,
И храбрость равную не все в боях являют;
Лишь редким мужеством, отличным изо всех,
Подобный твоему сбирается успех.
Терпи же похвалу, и битвы сей чудесной
Весь ход мне расскажи, еще мне неизвестный.

Дон Родриг

Ты знаешь, государь, что в тот опасный час,
Как весть по городу о маврах разнеслась,
Толпа друзей ко мне на помощь поспешила
И мне их в бой свести внезапно предложила...
Но, государь, прости, что в ревности моей
Их смел употребить без воли я твоей;
Опасность близилась, и были все готовы,
Здесь угрожала мне иль казнь или оковы.
И если уж с главой пришло расстаться мне,
Не лучше ль за тебя сложить ее в войне?

Король

Спасенный мой народ ходатай твой пред троном.
Забыты все вины, и мною и законом;
И разве для того, чтоб в скорби утешать,
Химены жалобам еще хочу внимать.
Но продолжай.

Дон Родриг

Моим велениям послушный,
Ко брегу двинулся сей полк великодушный.
Пятьсот нас было; но столь малое число
В три тысячи, дойдя до пристани, взросло,
Столь видя дух, с каким мы к битве поспешали,
Граждáне робкие душою оживали.
Две трети я сокрыл, лишь только мы пришли,
В мной найденные там пустые корабли;
Другие ж (с каждым полк наш множился мгновеньем)
Осталися при мне, сгорая нетерпеньем.
Вперяя к морю слух и не сводя очей,
Мы прилегли к земле без шума и речей;
Сей хитрости успех предчувствуя надежный,
То ж сделать повелел и страже я прибрежной.
И все с усердием мой исполняют глас,
Считая, что тобой на всё мне дан приказ.
Луч слабый лили к нам полночные светила;
С приливом вдруг врагов взбелелися ветрила.
Всех тридцать, гонит их растущая вода,
И к пристани взнеслись и море и суда.
Их пропускают; брег безмолвен и спокоен;
У градских стен ни страж, у пристани ни воин.
Враги, обмануты глубокой тишиной,
На город дремлющий спешат напасть войной,
Бросают якори, на землю все толпятся,
И в руки ждущим их предать себя стремятся.
Тут знак я подаю, — весь полк наш вдруг возник,
И громкий до небес раздался брани клик;
Друзья из кораблей на клик сей отозвались,
Грозят им в тыл зайти. Тут мавры всколебались,
Невольным ужасом их вся душа полна.
Везде опасности и гибель им одна:
Бежали к грабежу и вдруг приспели к бою;

На суше, на воде мы их тесним войною,
И прежде чем они опомниться могли,
Уж многие ручьи их крови потекли.
Но вскоре их вожди приводят их в устройство,
Примером возбудить в них силятся геройство,
Стыдят их робостью; они сей вняли глас,
И с новой яростью все кинулись на нас.
Тут сеча началась, лицом к лицу мы стали,
Тут много храбрых глав и их и наших пали;
И брег, и корабли, и пристань, и река
Как нива тучная, где смерти жнет рука.
О сколько хвальных дел и подвигов чудесных
Осталося во тьме, бесславных и безвестных!
Всяк был один своей свидетелем борьбы,
И общия никто не мог узнать судьбы;
Повсюду бегал я, дух ратных ободряя,
Тех двигая вперед, других же подкрепляя,
Вновь приходящих к нам на помощь им гоня,
И сам узнал о всем лишь на рассвете дня;
Тогда открылося, что наш успех сраженья;
Содроглись мавры, зря тщету сопротивленья,
И наших новый строй завидев в ста шагах,
Все чувства одолел в них близкой смерти страх.
Крик страшный подняли бегущи сопостаты;
Скочили в корабли, спешат рубить канаты,
Спешат отплыть, того в смятении не зря,
Что между нас их два осталися царя.
Забыты стыд и долг в сем бегстве торопливом,
Приливом принеслись, относятся отливом;
Меж тем как их цари и с ними горсть бойцов,
Хотя израненных, щитятся от врагов
И жизнь продать хотят, пред тем как с ней расстаться.
Напрасно сам царей я убеждаю сдаться;
Мечом вокруг грозя, не внемлют сим словам;
Но зря, что воины все пали к их ногам,
Что им спастись нельзя: кто вождь? они спросили;
Я назвался, и мне мечи они вручили;
Обоим я велел явиться пред тобой;
Бойцов уж не было, и прекратился бой.
Вот как мы, упредить дерзнув твои веленья...

ЯВЛЕНИЕ 2

Дон Фердинанд, дон Дьег, дон Родриг, дон Арий, дон Феликс, дон Алонз.

Дон Алонз

Химена, государь, войти ждет позволенья.

Король

Что ей сказать могу? Как долг мне грустен сей!

(Родригу)

Иди, я не хочу, чтоб встретился ты с ней,
Благодарить тебя я принужден изгнаньем;
Но прежде да почтит король тебя лобзаньем.

Родриг уходит.

ЯВЛЕНИЕ 3

Дон Фердинанд, дон Дьег, дон Арий, дон Феликс.

Дон Дьег

Верь, казни требует притворно лишь она.

Король

Я слышал, в Родрига Химена влюблена.
Мы всё изведаем.

ЯВЛЕНИЕ 4

Дон Фердинанд, дон Дьег, дон Арий, дон Феликс, дон Алонз, Химена, Ельвира.

Король

Теперь просить напрасно,
С желанием твоим событие согласно,
Химена. Родригом нам, правда, враг попра́н,
Но сам от тяжких он при мне скончался ран;
Так! небо за тебя отмстить ему хотело.

(Дьегу)

Зри, как лицо ее вдруг скорбью помертвело.

Дон Дьег

Она лишилась чувств: задушенная страсть
Над нею прежнюю вдруг восприяла власть;
Прискорбие души ее открыло тайну
И нам любовь ее явило чрезвычайну.

Химена

Так нет уж Родрига?

Король

Нет, нет, утешь себя,
Он жив, Химену всё по-прежнему любя.
Ты не должна о нем безвременно крушиться.

Химена

Я, государь! мой долг был разве веселиться,
И слух отрадный сей меня так поразил,
Что свет в глазах померк, и я лишилась сил.

Король

Поверить сим словам, Химена, невозможно;
И горесть мы твою все видели неложно.

Химена

Так, государь, мои несчастья довершай,
Пред всеми здесь меня сей скорбью упрекай;
Имела к скорби я достойную причину,
Теряла мщение чрез Родрига кончину.
Когда б за родину погибнул он в бою,
Он от вражды моей главу бы спас свою;
Смерть славную его почла бы я обидной;
Я требую ее, не хвальной, не завидной,
Не чести нá поле от маврова меча,
На плахе ж кáзненной секирой палача.
За моего отца ему да будет горе,
И память бы его осталася в позоре!
Что за отчизну смерть? — Не бедствие, но честь;
Там значит умереть — бессмертье приобресть.
Я смею рада быть, что там не пал он мертвый:
Отечество спаслось, и я осталась с жертвой;
Но с жертвою, меж всех прославленной бойцов,
В сраженьи множеством украшенной венцов,

И (в похвальбу сие да слово не причтется)
Достойной тени той, которой принесется.
Но что реку? какой надеждой прельщена?
Моя ли ненависть днесь Родригу страшна?
Слезами слабыми несчастной презирают;
Ему в Кастилии ни в чем не воспрещают;
Везде свободен он, везде он властелин,
Им всё побеждено, не мавр и не срацин.
Суда ль искать на нем? Закона заглушенье —
Сугубое его победы украшенье,
И мы должны влещись под бременем цепей
За колесницею у Сида двух царей.

Король

О дочь, умерь порыв неправых сих стенаний.
Могу ли осуждать, не внемля оправданий?
Родитель твой погиб, но распрю начал он,
И кротким быть велит мне сердце и закон.
Пред тем как здесь меня в сей кротости винила,
О Родриге свое ты б сердце вопросила:
Оно признáется, что, вас равно любя,
Желанного храню супруга для тебя.

Химена

Супруга! мне! врага свирепого, чья злоба
Отцу и дочери отверзла двери гроба!
Правдивой жалобой ругаются моей
И мнят благотворить, отказывая в ней!
Коль, государь, вотще ты мне польстил управой,
Дозволь, чтоб я нашла ее чрез бой кровавый.
Так он успел меня навек всего лишить.
Так я должна ему в чреду свою отмстить.
Всех рыцарей твоих на помощь приглашаю,
От всех его главы, как дара, ожидаю.
Кто с ней мне явится, волен с сего же дня
Ценою подвига в супруги взять меня.
Вели, да все мое услышат предложенье.

Король

Сие старинное у нас обыкновенье —
Обиженную честь отмщать рукой своей —
Изводит родины избраннейших детей;

Успех воителей решит судьба слепая,
Нередко правого виновным убивая:
Избавим Родрига от суетной борьбы;
Его ли подвергать случайностям судьбы
В сей день, как славная над маврами победа
Вин прежних не должна на нем оставить следа?

Дон Дьег

Возможно ль, государь! и что же сделал он,
Чтоб общий для него нарушен был закон?
Что скажет весь народ? чем зависть он притупит?
Коль жизнь щадя, твоих велений не преступит,
Но повинуясь им, не явится туда,
Где ищут храбрые опасностей всегда?
Отличьем сим мрачишь ты честь его пред нами:
Дозволь ему побед насытиться плодами.
Он графа наказал, как честный человек,
И не отступится от дел своих вовек.

Король

Будь так; но одному сто явятся на смену,
Прельстясь надеждою в бою добыть Химену,
Все рыцари мои восстанут на него,
И наконец должны пресилить одного.
На бой неравный сей нельзя мне согласиться;
Довольно коль с одним он рыцарем сразится.
Назначь защитника Химена своего,
Но после битвы сей не требуй ничего.

Дон Дьег

Напрасно, государь, не ставь и запрещенья;
Не пожелает с ним никто искать сраженья.
Знав, что́ в единый день мой Родриг совершил,
Кто с ним отважится своих изведать сил?
Кто раздражить его опасность всю забудет?
Кто так бесстрашен иль кто так безумен будет?

Дон Феликс

Дон Дьег, не устрашит угроза нас твоя:
Безумный сей или бесстрашный буду я.

(Химене)

Дозволь любви моей идти на подвиг лестный,
Награду ж за него я мню тебе известной.

Король

Химена, дон Феликс одобрен ли тобой?

Химена

Я слово, царь, дала.

Король

Итак, на завтра бой.

Дон Дьег

Нет, государь, зачем сраженью отлагаться?
Кто не робеет, тот всегда готов сражаться.

Король

Нельзя ему, едва из битвы он исшел.

Дон Дьег

Он рассказал ее, и отдохнуть успел.

Король

Он должен час иль два иметь отдохновенье.
Но, чтобы все мое узнали отвращенье
К дозволенному мной, хоть против чувств моих,
Примеру вредному судебных битв таких,
Ее присутствием двора не удостою.

(Дону Арию)

Противники одним рассудятся тобою:
Сраженье честное меж ними ты блюди
И победителя мне после приведи,
Кто б ни был, равную принять он должен цену;
Наградою ему назначил я Химену;
Ее из рук моих возьмет в супруги он.

Химена

Как, государь! мне месть столь тягостный закон?

Король

Ты сетуешь, о дочь, и сетуешь напрасно,
Коль сердце с жалобой притворной не согласно.
С победой Родрига получишь счастье вдруг;
Но кто б ни победил, тот будет твой супруг.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Дом Химены.

ЯВЛЕНИЕ 1

Дон Родриг, Химена.

Химена

Как, Родриг! даже днем входить сюда ты смеешь!
Молю тебя, уйди, коль честь мою жалеешь.

Дон Родриг

Химена, я на смерть иду в сей самый час;
С тобой проститься я пришел в последний раз,
Поклясться вечною в последний раз любовью,
Пред тем как сей обет запечатлею кровью.

Химена

Ты! Ты на смерть идешь!

Дон Родриг

Моя отрада в ней;
Вдруг жизни и вражды избавлюся твоей.

Химена

На смерть! иль дон Феликс так страшен на сраженьи,
Что дух бестрепетный колеблется в смятеньи?
Давно ли ты так слаб? давно ль он так силен,
Что прежде битвы с ним уж Родриг умерщвлен?
На моего отца, на мавров шел ты смело,
И мужество твое вдруг в нужде оскудело!
Противник дон Феликс, и дух трепещет твой!

Дон Родриг

Химена, я иду на казнь, а не на бой.
Ни в мужестве моем, ни в страсти нет премены,
Но Родригова смерть — желание Химены,
Да будет так; ее веленью вопреки,
К защите жизни я не подниму руки.
Уже бы в ночь сию я в поле мертв остался,
Когда бы за себя единого сражался;

Но защищая град, отчизну, короля,
Я изменил бы им, отчаянью внемля,
Мой долг был победить, а честный хочет воин,
Чтоб и конец его всей жизни был достоин.
Теперь же обо мне одном весь идет спор:
Ты изрекла, я твой исполню приговор;
Из рук своих меня ты смертью не почтила
И казнь мою сама другому поручила,
Довольно для меня, спокойна духом будь:
Он в беззащитную меня ударит грудь,
И с жизнью горькую я услажду разлуку,
В руке бойца твою благословляя руку.

Химена

Коль долга строгого ты мог постигнуть власть,
Который мне велит на жизнь твою напасть,
И столько чтишь его священными законы,
Что от противника не ищешь обороны,
Хоть в ослеплении не забывай того,
Что с жизнью в бой и честь несешь против него;
Что, вопреки тобой здесь подвигам свершенным,
Убитого — тебя звать будут побежденным.
Ты честь свою ценил дороже, чем любовь:
Ей в жертву моего отца ты пролил кровь,
И как ни страстен был, но, вняв ее воззванье,
Сам брака нашего разрушил упованье;
Теперь же так слаба ее велений власть,
Что от руки врага без бою хочешь пасть.
Досель внимал ты ей, зачем теперь ослушен?
И смелый, отчего вдруг стал ты малодушен?
Иль оттого, что мне нет скорби в сем бою?
Иль храбрым можешь быть на гибель лишь мою?
И чем перед тобой так винен мой родитель,
Что побежден его быть хочет победитель?
Ты должен дни беречь, а я их в жертву несть;
И если жизнь тяжка, то сохрани хоть честь.

Дон Родриг

По смерти Гормаса и мавров пораженьи,
Чьи могут честь мою умалить обвиненьи?
Так, в поединке сем, сомнения в том нет,
Не только без стыда, со славой кину свет.

О подвигах моих хвалы тем не умалят
И никого над мной победой не похвалят,
Но скажут только: «Он Химену обожал
И, став противен ей, сам жить не пожелал;
Он воле уступил безжалостной судьбины,
Вменившей ей в закон искать его кончины;
И благородный свой прервать решился век
Скорей, чем заслужить малейший в чем упрек;
Он успокоил честь любви бесценной жертвой,
Он угодил любви, пав беззащитно мертвый,
И предпочел всегда к несчастью своему
Химене честь, ее ж и жизни и всему».

Химена

Когда так слепо ты отчаяньем влечешься,
Что жизнь и честь свою хранить уж не печешься,
Любезный Родриг, ах! хоть за любовь мою
От дон Феликса ты спаси меня в бою,
Чтоб не стяжал меня своей победы в цену:
От брака защити противного Химену.
Сказать ли боле мне? воздвигни в битве меч,
Чтоб долг мой заглушить, чтоб жалобы пресечь,
И если ставишь ты любовь мою отрадой,
Восторжествуй в бою, в котором я наградой.
Ах! что я молвила! где скрою мой позор?

(Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Дон Родриг
(один)

Теперь, враги, стерпеть отважьтеся мой взор.
Приближьтеся ко мне, кастильцы и срацины,
И всей Гишпании избранные дружины;
Все станьте заодно, в один содвиньтесь строй;
Химены рыцарь всех вас вызывает в бой.
Она надежду мне и мужество вселила,
И одолеть меня ничтожна ваша сила.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Химена и Ельвира.

Химена

Ельвира, пожалей о злых моих бедах,
Нигде надежды нет, отвсюду новый страх;
Желаний ни на чем остановить не смею,
И всё здесь кончится лишь гибелью моею.
Я двух соперников вооружила длань;
Куда бы ни склонил успех меж ними брань,
Мне скорбь во всем: отец останется без мщенья
Или возлюбленный падет среди сраженья.

Ельвира

Напротив, счáстливый предвижу я конец:
Иль Родриг твой навек, или отмщен отец;
Ко благу твоему всё жребий учреждает,
Супруга он дает иль честь твою спасает.

Химена

Как! мне добычей быть всех зол моих творца!
Убийцу ль Родрига, убийцу ли отца.
Еще дымящагось бесценною мне кровью
Супругом назову и награжу любовью?
Нет, ненависть питать к обоим я должна;
И поединком всех надежд я лишена!
Его, жестокое как смерть мне, окончанье
Навек убьет во мне и чувство и желанье.
О боже! праведный и сильный судия!
Победы не даруй, от коей гибну я:
Пусть нерешенною останется их битва.

Ельвира

Не дай бог, чтоб твоя услышалась молитва,
Вновь долг мучительный велит тебе тогда
Искать на Родрига жестокого суда,
Преследовать его повсюду неприязнью
И смертною грозить возлюбленному казнью.
Не лучше ли, скажи, чтоб Родриг победил,
Чтоб тем гонение твое он прекратил,

Чтоб строгость соблюли сего сраженья правил,
И чтоб счастливой быть король тебя заставил?

Химена

Победа пусть его, но не моя рука.
Нет, слишком строг мой долг и горесть глубока,
И слабы, чтобы ждать от них повиновенья,
И воля короля и правила сраженья.
Феликса одолеть он может без труда,
Но честь Химены с ним, Ельвира, никогда;
И первым рыцарем коль мщенья не достигну,
Я тысячу других на Родрига подвигну.

Ельвира

Страшися бога ты прогневать сей враждой,
Чтоб не послал он месть, желанную тобой.
Как! можешь от нее ты с честью отклониться,
И счастию сему не хочешь покориться!
Поведай, в чем твоя надежда наконец?
Иль смертью Родрига воскреснет твой отец?
Иль первой горести должна ты к утешенью
Скорбь к скорби прилагать, мучение к мученью?
Упорства твоего не постигаю я;
И, может быть, в сей день небесный судия
На казнь тебе в бою Феликса увенчает,
И с ним тебя навек и горе сочетает.

Химена

Ельвира, обо мне ты лучше пожалей
И предсказаньем сим не множь тоски моей:
Дон Родриг, дон Феликс, мне ненавистны оба,
Мне каждого из них союз ужасней гроба;
Но если выбрать, пусть уж Родриг победит.
Верь, не любовь к нему в душе моей гласит,
Но страх Феликсовой навек остаться жертвой.
Что вижу! горе мне! пал Родриг в битве мертвый!

ЯВЛЕНИЕ 4

Дон Феликс, Химена, Ельвира.

Дон Феликс

Обязанный принесть сей меч к твоим ногам...

Химена

Кровь Родрига моим являешь ты глазам!
Злодей, как смеешь ты казаться предо мною,
Пронзив коварно грудь любезному герою?
Явись, любовь моя, явися вновь на свет;
Когда отмщен отец — скрываться ну́жды нет.
Теперь всё кончилось, и честь моя отмстилась,
И дух в отчаяньи, и страсть освободилась.

Дон Феликс

Когда б спокойней ты...

Химена

Убийца и злодей!
Навеки от моих сокройся ты очей.
Он не был и не мог быть побежден тобою,
Ты взял не мужеством, изменою одною;
Но от меня не жди за подвиги наград:
Ты, мысля услужить, вселил мне в душу ад.

Дон Феликс

Склони хотя на миг свое ко мне вниманье.

Химена

Мне слушать похвальбу твою и величанье!
Нет, знаю без того все доблести твои,
Все бедствия его, и все вины мои.

ЯВЛЕНИЕ 5

Дон Фердинанд, дон Дьег, дон Арий, дон Феликс, дон Алонз, Химена, Ельвира.

Химена

(королю)

О государь! теперь скрывать не стану доле,
Что от тебя досель скрыва́ла поневоле.

Ты знал любовь мою, но чтоб отца отмстить,
Главу любезную решилась я сгубить;
Ты сам свидетель мне, что, внемля долгу мести,
Любовью я своей пожертвовала чести.
Но Родриг жить престал; с его кончиной вновь
Исчезла ненависть и ожила любовь.
Я долг исполнила, но более не в силе
Не плакать о моих всех радостях в могиле,
Так, дон Феликс меня лишил теперь всего:
И мне ль наградой быть убийцы моего!
Нет, государь, тебе не чуждо сожаленье:
Будь милостив, смягчи свое определенье;
Вознагради его ты всем моим добром;
И только мне позволь в монастыре святом,
Где не смутит меня ни суета, ни злоба,
Отца и жениха оплакивать до гроба.

Дон Дьег

Я прав ли, государь? любим ли Родриг мой?
Пришлось ли наконец признаться ей самой?

Король

Химена! не крушись: дон Родриг жив, и с честью;
И разве дон Феликс обманчивою вестью?..

Дон Феликс

Нет, государь, в ней вдруг дух страстью воскипел.
И битвы рассказать я даже не успел.
Меч выбив у меня по силе превосходной,
«Не бойся, — мне сказал сей рыцарь благородный, —
Скорее честь тебе победы уступлю,
Чем защитителя Химены погублю.
Но долг велит сейчас мне к королю явиться,
Так пусть она тобой о битве известится,
От победителя ей отнеси свой меч».
Пришел я; но она мою прервала речь.
Узрев меня в живых, его сочла сраженным,
И предалась любви упрекам раздраженным
Так быстро, что вотще до входа твоего
Вниманья я просил для слова одного.
Я ж, хоть и побежден, но сетовать не смею;
И, разлучаяся с любовию моею,

Утешен мыслию, что ею наконец
Я счастью жертвую достойных двух сердец.

Король

О дочь, ты не должна любви своей стыдиться,
Ни средств еще искать, чтоб в ней отговориться,
Бесславья ей себе не можешь ты нанесть:
И долг твой выполнен, и без урона честь.
Отца всей силою ты ныне отомщала
И Родрига во все опасности ввергала;
Но бог не так судил, и дал ему успех.
Все любят здесь тебя: не будь жесточе всех
И, с непорочною борясь напрасно страстью,
Престань противиться твоей всей жизни счастью,
Отри потоки слез и, мой совет внемля,
Супруга от руки прими ты короля.

ЯВЛЕНИЕ 6 И ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и дон Родриг.

Дон Родриг
(к королю)

Прости мне, государь, что при тебе я смею,
Любовью увлечен, повергнуться пред нею.

(Становится на колени пред Хименою)

Не победителем пришел я мзды просить;
Нет, как преступник, вновь главой тебя дарить.
Защиты не ищу в моей несчастной доле
Я ни в законе битв, ни в королевской воле.
Коль всё, что сделал я, всё мало наконец,
Чтобы достойно был твой отомщен отец,
Скажи, что делать мне? Какой ценой кровавой,
Каким я подвигом, трудом, победой, славой
Успею наконец купить с тобою мир?
Ища опасностей, весь обойду ли мир?
Один вломлюся в стан, сражуся с ратью целой?
На всё отважусь я, отчаянием смелый.
Но знай, отчаянных щадит нередко рок;
Коль может смыть вину моей лишь крови ток,

Не посылай меня ты суетно в сраженье:
Удар вернее твой, сама свершай отмщенье.
Но смертию моей да кончится вражда:
Не изгоняй меня из мыслей навсегда;
Прости мою вину, когда паду я мертвый,
Дай вновь приязнь твою стяжать мне жизни жертвой
И молви, хладный труп слезами оросив:
«Люби он менее, еще бы был он жив».

Химена

Встань, Родриг! Государь, признаюсь поневоле,
Что чувств моих скрывать уже не смею доле:
Достоинств Родрига не видеть не властна,
А где велит король, я слушаться должна.
Но хоть давно мое изрек ты осужденье,
Столь брака странного потерпишь ли свершенье?
И правосудия спросился ль своего,
Насильно требуя согласья моего?
Заслуги Родрига, ни подвиги, ни слава
Мной награждать его еще не дали права,
Укору страшному подвергнув до конца,
Что руки дочь могла омыть в крови отца.

Король

Чрез время часто, дочь, похвальным то считалось,
Что преступлением сначала бы казалось.
Добыта Родригом, его ты быть должна;
Но сколько мзда сия велика и славна,
Столь по отце твое я уважаю горе,
Что наградить его не соглашуся вскоре;
Для брака вашего я назначаю срок,
Как о родителе ты слез осушишь ток,
Коль хочешь, целый год возьми для утешенья.
Ты ж, Родриг, будь готов на новые сраженья
И, мавров поразив под нашею стеной,
В их собственной земле их посети войной;
Начальник войск моих, их предводи к победам
И отомсти за нас враждующим соседам.
Ты прозван ими же Сид, то есть государь:
Прозванье оправдай, соделавшись их царь.
Но воин без хулы, любовник без измены,
К нам возвратись еще достойнее Химены,

И столько в подвигах превознеси себя,
Чтоб стало в похвалу ей выйти за тебя.

Дон Родриг

Чтоб услужить тебе, чтоб сочетаться с нею,
Вели мне, государь, всё сделать ныне смею;
И долгую терпеть разлуку осужден,
Я не ропщу, самой надеждой награжден.

Король

Ты храбр; я слово дал; ты можешь быть в надежде.
В любви невесты ты уверен был и прежде;
А в прочем положись, глас должности внемля,
На время, мужество и милость короля.

1822

II

⟨ИЗ ТРАГЕДИИ ТОМА КОРНЕЛЯ «АРИАДНА»⟩

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Федра и Пиритой.

Пиритой

Напрасно будет всё, — упорственный Тезей
Не внемлет никаких упреков, ни речей.
Царевна! только душ, твоей подобных, свойство,
На жертву должности нести свое спокойство,
Явив ему сестры злосчастную любовь,
Ты первую в нем страсть возжечь старалась вновь,
Упреки и мольбы, угрозы и рыданья
Употребила все к успеху ты старанья,
Но тщетно; и Тезей, коль видится с тобой,
И клятвы прежние и долг не помнит свой.

Федра

В свидетели богов к себе я призываю,
Что страсть Тезееву невольно разделяю.
Благодеяния сестры к нему моей
Достойны, чтоб одну любил ее Тезей,
Когда ж зрю бедства, ей ниспосланны судьбиной,
И нахожу себя всех бедствий сих причиной,
Чтобы спасти сестру тогда нет муки, зла,
Которого бы я не с радостью снесла.
Невинна я в любви, еще ее не знала,
Когда уж огнь ее в душе моей питала;

Но я могла любовь преступную таить,
Вещала, и Тезей престал свой долг хранить.
Увы! сколь трудно нам скрывать сердечну тайну,
Тезей свою любовь являл мне чрезвычайну,
И не могла ему спокойно я внимать;
Но над собой не дам ему торжествовать,
Любви его хочу противиться всечасно.
Иди к нему, скажи, что мыслит он напрасно
Союзом брачным быть со мною сопряжен,
И что надежды всей он должен быть лишен.
Сказала много я, скажи еще ты боле.

Пиритой

Престать тебя любить в Тезеевой ли воле?
Хоть тягостен удар, ио должно довершить,
И Ариадны дух волненный укротить,
Явив ей, что Тезей, другой влекомый страстью,
Не должен заграждать для ней пути ко счастью,
Что может царь один защитою ей быть.

Федра

Сестра! ужель тебе должна я изменить?
Тебе, когда ты мне печали доверяешь
И их во грудь мою с надеждой изливаешь?
Когда познаешь ты, что слабой красотой
Нарушила навек я чувств твоих покой,
С какими взорами, с какой тогда душою
Предстать перед тебя, несчастная, посмею?
Упреки как снесу правдивые твои?

Пиритой

Она вступает к нам, прерви слова свои.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Ариадна и Нерина.

Ариадна

Могу ль предаться я, сестра, надежде льстивой,
Что укротила ты Тезея дух кичливый?
Или не внемлет он ничьих уже речей
И чужд раскаянья в жестокости своей?

Федра

Что только можно мне, я всё употребила,
Измену гнусною очам его явила,
Моих усильных просьб свидетель Пиритой,
Тезей согласен сам, что винен пред тобой,
Раскаяния полн, собою презирает
И столько же, как ты, в душе своей страдает,
Но сильная любовь располагает им,
И сердцем обладать невластен он своим.

Ариадна

Ах! нет, раскаянья, неистовый, не знает.
Коль чужд измены он, почто же изменяет?
Ты не могла мои мученьи описать,
Все бедствия пред ним возможные собрать;
Смутился б духом он и, верно б, устыдился
Той смерть нанесть, кем он от смерти свободился.

Федра

Ах! если б знала ты, сколь трудно было мне,
Ты б меньше...

Ариадна

Ах! прости, прости моей вине.
Когда под бременем несчастья мы стенаем,
Печалию своей владеть тогда не знаем.
И так Тезей меня ко смерти осудил!..
Хочу, чтоб приговор он сам мне подтвердил,
Хочу последнего с неверным я свиданья.

Пиритой

Напрасно хочешь все ты истощить старанья,
Ты будешь сожалеть о скорости своей.

Ариадна

Сестра! скажи, ко мне да явится Тезей.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ариадна, Пиритой и Нерина.

Пиритой

Ты лучше согласись с царем соединиться,
Твое несчастие сим браком прекратится.
И всё тебя к сему супружеству зовет:
Защиту кто твою, коль не Энар возьмет?
Куда укроешься от нищеты, гоненья?
Уже весь Крит встает, к тебе исполнен мщенья,
Минос...

Ариадна

Свирепости его я не страшусь,
Хотя его рукой и жизни я лишусь;
Тезеем кинутой, что в жизни мне, несчастной?

Пиритой

Вступает он, страшусь, что будет всё напрасно.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тезей, Ариадна и Нерина.

Ариадна

Приближься, о Тезей! оставь напрасный страх;
Почто смущение я зрю в твоих очах?
Почто, когда тебя ничто не обвиняет.
Твой взор потупленный стыд робкий изъявляет?
Тебе подобный муж, гнушаяся измен,
Он не унизится обманом слабых жен,
И Ариадною престав я быть твоею,
Должна была подать причины в том Тезею.
Скажи мне только, в чем я винна пред тобой
И справедливый гнев чем заслужила твой?

Тезей

Ах! что ты говоришь? тебя я почитаю,
Тобой мне данных благ всю память сохраняю,
И время не сотрет из сердца моего,
Что без тебя навек лишился б я всего.
Воздать тебе за то есть верх моих желаний,

Не стану приводить я тщетных оправданий,
Но ты властна теперь, пролей мою всю кровь
И раздраженную насыть свою любовь.

Ариадна

Когда бы смерть твоя могла мне быть угодна,
Предать тебя судьбе давно была свободна:
Не я ли Лабиринт отверзла пред тобой,
Снабдив тебя мечом и нитью роковой!
Когда ж в любви твоей награды ожидаю,
Пустые лишь слова и клятвы обретаю,
Скажи, Тезей, иль их хотела я снискать,
Когда я жизнь твою стремилася спасать?
За дар сей требую другого воздаянья,
Любовью лишь одной свершишь мои желанья;
Желаю обладать лишь сердцем я твоим.
Оно. . .

Тезей

Я одарить тебя хотел бы им;
Но сердце то другой себя предало власти
И отвечать твоей уже не может страсти.
Стыжуся так вещать, я сам себя бегу:
Жалеть лишь о тебе, вот всё, что я могу.

Ариадна

Жалеть лишь обо мне! Скажи, клятворушитель,
Что б сделал ты, вступив в Дедалову обитель,
Когда б предав тебя разгневанной судьбе,
Я только бы тогда жалела о тебе?
Не я ль тебя спасла в твоей несчастной доле?
Коль мало сделала, могла ли сделать боле?
Опасность, трудности, грозящее мне зло, —
Ничто остановить меня не возмогло:
Безжалостна к себе, я жизнь твою спасала
И участь тяжкую скиталицы избрала.
Изгнанье, ветр, моря не страшны были мне,
Я предпочла тебя отеческой стране.
Печаль, несчастье, труд — делила всё с тобою.
Скажи, злодей, что нет, коль смеешь предо мною,
Оспорь мои слова и в том меня уверь,
Что ты уже ничем не должен мне теперь.

Тезей

Могу ль оспорить то, что честь напоминает?
Что долг всечасно мне твердить повелевает?
И, огорчив тебя пременою моей,
Я не забыл даров любви ко мне твоей.
И так, зови меня изменником, неверным,
Воздай мне мщением, доселе беспримерным,
Всё будет слабо, всё пред мукой страшной той,
Которую терплю, быв винен пред тобой.
Сильней что может быть, чем совести грызенья?
Поверь, я твоего не стою сожаленья,
Забвеньем, хладностью, презрением твоим
Должна ты мне отмстить, я подвергаюсь им.
Державный царь тебе престол свой предлагает;
Забудь неверного, тебя что забывает,
Явись царицею страны счастливой сей
И накажи меня потерею своей.

Ариадна

Потеря ль, боги! то, чего ты сам желаешь?
Погибни всё, когда меня ты забываешь.
Что нужды до царя, до света мне всего?
На свете я тебя искала одного;
Зри, сколько радостно с тобою свет покину:
Готова я тебе последовать в пустыню,
Где б я, лишась всего, тобой одним жила
И счастие мое в любви твоей нашла.
Там с сердцем я твоим превыше мер блаженна,
Оно дороже мне, чем целая вселенна,
Измена разлучить твоя нас не должна,
Скажи лишь слово мне, изгладится она,
Всё кончено, ты зришь, я гнева не имею.

Тезей

Душевно поражен любовью я твоею,
Но тщетно одолеть стараюсь страсть свою...

Ариадна

Ты будешь отвечать за слабость мне мою.
Коль страсть моя была бессильна над тобою,
Ты должен был тогда ж открыться предо мною
И не вовлекать меня надеждою пустой
Злодея полюбить доверчивой душой.

Вот чем ты навсегда бесчестным оказался,
Ты не любил меня, но мною лишь ругался,
Ты клятвы, не стыдясь, в обмане расточал.

Тезей

Нет, ложно никогда с тобой я не вещал;
От Крита отплывал тобою я прельщенный,
Но к Накским берегам от бури занесенный,
Внезапную любовь к другой я ощутил.
Другою. . .

Ариадна

Накс тебя, о горе! пременил.
Ты знаешь, в Наксе царь младый, великодушный,
Узрев меня, любви соделался послушный,
Он предложил престол и руку мне свою,
Но пременила ль я любовь к тебе мою?
Когда не сжалишься ты над моей тоскою,
То сжалься ты хотя, неверный, над собою;
Коль Ариадне, мне, возмог ты изменить,
Возможешь ли к другой ты верность сохранить?
Помысли, не спеши, в измене не упорствуй,
Зри Ариадну ты в слезах перед собой,
Пред сим любимую и кинуту тобой,
Воззри ты на нее, она не пременилась;
Почто ж твоей любви, жестокий, я лишилась?

Тезей

Что должен я сказать? Любовь тому виной,
Она мне в сердце страсть влияла ко другой.
Как ты я думаю, что неба провиденье
Накажет страсть сию и клятвы нарушенье,
Что тщетно я к богам пролью тогда мольбы,
Но слаб я устоять против своей судьбы,
Слаб твердостью души от страсти оградиться,
И участи своей я должен покориться.

Ариадна

Жестокий! доверши начатое тобою —
Забудь любовь мою и долг священный твой.
Раскаянья в тебе я не желаю боле.
Стыжуся, что могла унизиться дотоле,
Но удали меня от града, где мой взор

С твоей изменою свой зрит везде позор,
И чтоб ты ненависть, злодей, ко мне насытил,
Отдай меня местам, где ты меня похитил.
Мне Крит, где за тебя должна я смерть вкусить,
Стократ милей, чем Накс, где смел ты изменить.

Тезей

Тебя во Крит отвезть! Ужели ты забыла,
Что там родитель твой, кого ты раздражила?
Что там должна ты жизнь скончать в мученьях злых?

Ариадна

Хочу их претерпеть, я заслужила их.
Пусть воля жребия над мною совершится,
И смертию моей пусть дух твой насладится;
Когда же в жизни сей не станет уж меня,
Из гроба пред тебя явлюся я,
Предам твой злобный дух раскаянья грызенью,
И чтобы мер не знал ты лютому мученью.
Прияв суровый вид, реку тебе: Тезей!
Я всё оставила, любови вняв твоей,
Родителю, царю, отчизне изменила,
И вот что от тебя в награду получила.

Тезей

Ах! смерти коль тебя изменой предаю,
Скорее ты прерви несносну жизнь мою,
Смерть будет мне теперь твоей любови даром.
Освободи меня смертельным ты ударом
От тяжких укоризн и мук души моей,
От пагубной любви. . .

Ариадна

Сокройся от очей,
Иди и похвались изменою пред тою,
Кому, рушитель клятв! пожертвовал ты мною.

Тезей

Внемли мне. . .

Ариадна

Удались, чтоб я была властна
Хранить ту ненависть, которую должна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ариадна и Нерина.

Ариадна

Нерина! он ушел!

Нерина

Тезея пребыванье
Удвоить лишь могло души твоей страданье.

Ариадна

Как жестоко́ теперь оставлена им я!

Нерина

Велела ты...

Ариадна

Зачем послушал он меня?
Измена сколь его ни служит мне мученьем,
Я наслаждалась бы хотя его воззреньем;
Но боги! мой и вид ему противен стал.
Ты зрела ль, взор его как радостно блистал!
Как веселился он печалию моею!
Как пре́зрел он меня!

Нерина

Неверному Тезею
Нельзя не презирать поступка своего.
Коль он присутствия страшится твоего,
Грызенья совести и стыд тому причина.

Ариадна

Так, должно отыскать соперницу, Нерина!
Как мыслишь ты? Скажи, кто в Накской всей стране
Любовь Тезееву посмел оспорить мне?
Кого он полюбил? иль Ину, иль Аглаю?
Киану ль юную? Ее подозреваю,
Она прекрасней всех.. но должен ли б Тезей
Сравнить ее красу с любовию моей?
Краса! которою была я так надменна,
Вот сила вся твоя, злодеем я презренна;

Но льщусь в несчастии еще надеждой той,
Что вероломный сей, снедаемый тоской,
Подобно мне, в душе питая огорченье,
Воспримет должное своей измены мщенье.
Он хочет смерти мне: умру, но знай, Тезей,
Быть может, скорбь твоя сравняется с моей.

<1810>

ХОР ИЗ «ПРОЗЕРПИНЫ»

Из Кино

Спокойствие и мир опять навеки с нами:
Поем утехи их и хвалимся судьбой.

Гиганты гордые, сражавшиесь с богами,
Бессильны рушить наш покой;
Они погребены под тяжкими горами,
Возгроможденными до неба их рукой.
Их вождь надменный лег пред нашими очами
Под огнедышущей горой;
Его принудил Зевс: полмертвыми устами
По ветру пыл вражды развеять злой;
Всё пало, все низвержены громами,
И Зевс победой кончил бой.

Спокойствие и мир опять навеки с нами:
Поем утехи их и хвалимся судьбой.

<1810>, конец 1820-х годов

⟨ИЗ ТРАГЕДИИ Ж. РАСИНА «ЭСФИРЬ»⟩

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет сад Эсфири, и в бо́ку чертог пиршества.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аман, Зосара.

Зосара

Итак, вот пышный сад, Эсфирию стяжанный,
И вот златый чертог, для пиршества избранный;
Но двери оного доколь затворены,
Внемли внушению боязненной жены.
Коль чтишь, о государь, ты наш союз священный,
Пред взорами царя скрой гнев сей ослепленный,
Мрак скорби на челе веселием рассей:
Упреков жалобных не терпит слух царей.
К царице приглашен из всех вельмож единый,
Не укоряй во всем неправедной судьбины,
О благе радуйся, коль злом ты огорчен.
Я часто из твоих внимала же устен:
Не знающий стерпеть в безмолвии обиду,
Ни чувства ложного придать смятенну виду,
Да кроется от глаз носящего венец.
Несчастье должен зреть с спокойствием мудрец
И, твердость напроти́в поставив оскорбленью,
В нем новый путь себе искать ко возвышенью.

Аман

О скорбь! о тяжкий вид, терзающий мой взор!
Неизгладимый ввек с главы моей позор!

Еврей, презренный раб, живущих поношенье,
Из рук моих приял на славу облаченье.
То мало, что мой враг меня препобедил,
Несчастный! я торжеств глашатаем служил;
Злодей! он над моим ругался истязаньем,
И даже весь народ со злобным посмеяньем,
Чело мое, стыдом пылающее, зря,
На гибель предвещал мне близкий гнев царя.
Жестокий царь! тебе вот сродные забавы;
Возвел меня на верх ты почестей и славы,
Чтоб только более угнесть своим жезлом
И вящим отягчить главу мою стыдом.

Зосара

Почто же скрытную в нем мнишь к тебе досаду?
Заслуге старца он воздать желал награду.
Не должно ль, напроти́в, дивиться, государь,
Что воздаяньем сим замедлил столько царь?
С советом же твоим он повелел согласно,
Сие устроил сам ты торжество несчастно,
Ты в Персии по нем первейший из мужей.
К еврею мог ли он о злобе знать твоей?

Аман

Он должен знать, что всё ему для возвышенья —
Я совесть, стыд и страх попрал без опасенья,
Что с сердцем каменным несчастных внемля стон,
Угнел невинность я и заглушил закон,
Что персам за него злотворен без боязни,
Проклятьем веселясь, искал их неприязни;
А днесь, в мзду жизни мне, гонимыя от всех,
Немилосердый им предал меня на смех.

Зосара

Одни мы, государь. Что льстить с самим собою?
Усердие, ца̀рю явленное тобою,
Старанье всё ему повергнуть ко стопам,
Кто целью был всего, скажи, не ты ли сам?
И дале не ища, чьей ненависти жертвой,
Падет чрез десять дней весь род евреев мертвый?
И не страшишься ль ты, чтоб пагубная весть...
Вельмож к нам всех вражда, народа гнев и месть,

И даже старец сей, царем вознагражденный,
Неволей признаюсь, всё в страх душе смятенной.
Все часто сцеплены несчастья к одному,
И род его всегда был в гибель твоему.
Обиду легкую поставь себе уроком:
И ты в свою чреду гоним быть можешь роком.
К любимцам паче всех пременчивый суров.
Беги, доколь он в зло не превратил даров.
Чего еще желать? взор отвращаю слезный,
Зря на пути твоем зияющие бездны.
Глубоко с высоты ты должен будешь пасть.
Ищи в стране иной счастливейшую часть;
Плыви чрез Геллеспонт к брегам земли родимой,
Где род твоих отцов, евреями гонимый,
От Идумийских стран бегущий Амалик,
Их мщенья уклонясь, в спокойстве вновь возник.
Беги, да не падешь превратною судьбою.
Сокровища твои предыдут пред тобою.
О всем помыслю я, сей оставляя град,
А паче бегствие твоих устрою чад.
Потщися только скрыть от всех наш замысл смелый,
Меня найдешь везде ты спутницей веселой.
Пучины бурные разгневанных морей
Не так опасны нам, как лживый двор царей.
Но что Гидасп сюда так шествует поспешно?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аман, Зосара, Гидасп.

Гидасп

Тебя везде давно ищу я безуспешно,
Веселье медлится в отсутствии твоем,
И послан я к тебе нетерпящим царем.

Аман

На пире сем еще ль узрю я Мардохея?

Гидасп

Воспоминание презренного еврея
Ужели сохранишь Эсфири за столом?
Пускай тщеславится он мнимым торжеством;

За краткий сей успех накажется жестоко:
Ты ухо царское, рука его и око.
Заслугу наградя, казнят преступок в нем,
И жертву, чтоб заклать, украсили венцом.
Когда не тщетно льщусь, Эсфири от стараний
Ты соберешь успех превыше ожиданий.

Аман

Надежду восприму ль твоих отрадных слов?

Гидасп

Я сам внимал ответ всеведущих волхвов:
Пришельца злобного от дерзкия десницы
Должна, рекут они, пресечься жизнь царицы,
И царь, не знающий где кроется злодей,
Виновными во всем единых чтит еврей.

Аман

Так, все они, о друг, суть изверги вселенной;
Опаснейший же всех начальник их надменный.
Давно уже земля устала их носить,
И время нам от них живущих свободить.
Прости, Зосара. Днесь настал мне час желанный.

Гидасп

Эсфириных подруг лик шествует избранный.
Конечно пеньем их начнется празднество́.
Иди, Аман; тебя ждет ново торжество.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Елиза, Лик.

Одна израильтянка

Подруги! се Аман.

Другая

Он сам, о боже гневный!

Первая

Вся в жилах стынет кровь.

Другая

Немеет глас плачевный.

Первая

Се бич Израиля.

Другая

Враг бога и людей.

Елиза

Чей взор обманется, узрев тебя, злодей?
Какое на челе и в поступи киченье!

Одна

В очах его горит и ненависть и мщенье.

Другая

Мне смерть сама пред ним мечталася теперь.

Одна из младших

Добычу ли свою узнал в нас ярый зверь,
Но как взглянул на нас, так страшно вдруг мне стало —
Веселье злобное из глаз его сверкало,
И ужасом еще волнуется вся кровь.

Елиза

Как почестию сей он вознесется вновь!
Се зрю, подруги, зрю: гордыней ослепленный,
Близ самого царя воссел уж дерзновенный.

Одна

Вещайте, стольники! каким за пиршеством
Почтите изверга вы брашном и вином?

Другая

Злодею слезы вдов...

Первая

Кровь сирого и нища...

Другая

Сладчайше питие.

Первая

Избраннейшая пища...

Елиза

Умерьте, сестры, скорбь, снедающую вас.
Велят нам — воспоем; да песней наших глас
Так Артаксерксов гнев теперь смирит смиреньем,
Как некогда Давид, сладчайшим песнопеньем
Угрюмого царя пленяя дикий слух,
В нем паки оживлял к веселью мертвый дух.

Одна

(поет)

Блажен народ, когда царь сильный,
В щедротах сердца изобильный,
Созиждил правде в нем олтарь.
Блажен народ, блажен и царь.

Лик

Прославлен он, любим от бога,
Спаситель нища и убога.

Одна

Как разгоняет ветр сгущенны облака
Одним устен дхновеньем,
Так царь творит неметь гортань клеветника
Одним очес воззреньем.

Следующие шесть строф поет одна из дев попеременно с ликом.

О боже! даждь твой суд царю,
Да к нищим благ и щедр к убогим,
Твоих людей рассудит прю,
За них претя прещеньем строгим.

Пред ним смирится клеветник;
Пребудет с солнцем он вовеки,
Пребудет он с луной велик
И вознесен над человеки.

Воспримут горы людям мир,
И холмы правдой утучнятся,
Спасется нищ, и дряхл, и сир
И мир и правда воцарятся.

На землю снидет яко дождь,
Живящий злак в дни знойна лета;
Концам вселенной будет вождь,
И царь, и повелитель света.

И славой блеск затмит зари,
И преживет из рода в роды;
Ему поклонятся цари
И поработают народы.

Пред ним ниц падшие враги
Полижут персть его ноги:
Прославлен бо, любим от бога
Спаситель нища и убога.

Одна

Брегися, царь сильный, брегися: ты внемлешь
Советам лукавых, убийц словесам.
Ты дремлешь, владыко! владыко, ты дремлешь,
И спящим не слышен наш вопль ушесам.
Пролить кровь невинных меч ярый подъемлешь,
И поздно восплачешь о ней к небесам.
Брегися, царь сильный, брегися: ты внемлешь
Советам лукавых, убийц словесам.

Лик

Царевы бог стопы направит,
Царем людей своих избавит,
И сам себя в царе прославит.

Одна

Хотя б толь мног был враг числом
Сколь мног песок на дне морском,
Хотя б как звезды искрометны
Их были полчища несчетны,

Падут паденьем их толпы
Тебе, царь славы, под стопы.

Другая

И в бегстве не найдут спасенья,
И мраз и глад им путь препнет,
И ангел божий, ангел мщенья,
Мечом бегущих поженет.

Другая

И преисполнятся кладбища,
И будут псам и птицам пища,
Теснились тьмой путей прийти,
И не обрящут вспять пути.

Лик

Царевы бог стопы направит,
Царем людей своих избавит,
И сам себя в царе прославит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Артаксеркс, Эсфирь, Аман, **Елиза, лик.**

Артаксеркс
(Эсфири)

Так, прелесть тайная во всех твоих речах.
И злата и сребра ценней в моих очах
Твой скромный, тихий взор, твой глас медоточивый.
Скажи, в какой стране родилась ты счастливой?
Кто честная в женах труждалася тобой?
И чьей премудрой ты воспитана рукой?
Но спешно молви, тайн не крой в груди стенящей,
Ни в чем не откажу, Эсфирь, тебе просящей,
Хотя, я рек, и вновь благоволю рещи:
Полцарства от меня ты в дар себе взыщи.

Эсфирь

Не ослепит меня чрезмерных блеск стяжаний.
Но коль должна открыть вину моих стенаний,

Когда уже вещать мой царь велит мне сам,

(падает к ногам царя)

С моленьем, государь, паду к твоим ногам:
Спаси меня, будь благ к народу, царь, несчастну,
Ему ж и мне изрек ты вкупе смерть ужасну.

Артаксеркс

Народу и тебе мной смерть изречена!

Аман

Я трепещу.

Эсфирь

Эсфирь евреем рождена;
Веленья, царь, свои кровавые ты знаешь.

Аман

Ах, боги!

Артаксеркс

Ты, Эсфирь, мне сердце раздираешь.
Ты дочь еврея! Ты, мне первое из благ,
Толико кроткая и мудрая в женах,
Кого я чтил небес чистейшею любовью,
На свет изведена сей нечестивой кровью!
О горе!

Эсфирь

Властен ты мне отказать в мольбе;
Но хоть в последний раз будь благ своей рабе,
Дослушай до конца, что я вещать ни стану,
А паче воспрети смущать меня Аману.

Артаксеркс

Вещай.

Эсфирь

О боже наш! воскресни и вонми.
Евреи, их же зришь претящими очьми,
Презреньем чтишь людей и вся готовишь злая,

Богатой некогда страною обладая,
Как предков бог един в сердцах их был блажим,
Златый вкушали век, благословенны им.
Сей бог, всевластвуяй землей и небесами,
Не тот, каким его слепыми зришь очами.
Несть имени ему, создавшему весь мир.
Отца имеет в нем всяк немощен и сир,
Суд правый с небеси творит он всем языкам
И долу милость шлет иль казнь земным владыкам;
Ему отверзшу длань, народы возростут,
Отвращшу же лице, смятенны в прах падут.
Избранно племя им иных богов прияло:
Царя, народа, всех в единый день не стало.
Служенье тяжкое Ассирии сынам
Правдивой было мздой неблагодарным нам.
Но казнью в их чреду сим властелинам мира
Во чреве матери бог предназначил Кира,
Назвал по имени, земле благовестил,
Родил его, и вдруг громами воружил:
Твердыни медных врат низверг пред ним во брани,
Сокровища царей ему соделал в дани,
Им местию отмстил за пре́зренный свой храм
И с ли́хвой Вавилон воздал за слезы нам.
Кир, божий зря покров, вознес его хвалами,
Миролюбивыми призрел наш род очами,
Святые торжества, закон нам возвратил,
И храм уж из среды развалин восходил.
Но мудрого царя преемник безрассудный,
Сын Киров воспяти́л сей подвиг досточудный,
Слух к плачу заградил. Бог род его пресек
И, смерть к нему послав, царем тебя нарек.
Чего не ждали мы при щедром толь владыке!
Бог милосердует о бедственном язы́ке,
Вещали мы, наш царь невинных есть покров,
Хвала неслась ему от всех его рабов.
Возрадуясь о нем, воскликнули евреи:
Ужели, господи! презренные злодеи
Доверье царское ввек будут посрамлять
И счастья их людей источник отравлять!
Исчадье Фракии, неистовец безбожный,
Устроил против нас ков гибельный и ложный;
Советник хитростный, враг славы твоея...

Аман

Я славы враг твоей! Не верь, о царь, чтоб я,
Чья цель и божество...

Артаксеркс

Умолкни, дерзновенный!
Как смел прейти завет, царем произнесенный?

Эсфирь

О царь! се пред тобой наш враг изобличен.
Сей нечестивый муж, исполненный измен,
Усердья ложного скрываемый личиной,
Прещенья твоего к безвинным нам причиной;
И кто б, как ярый скиф, о всемогущий бог!
Толико страшных зол приказ издать возмог?
В един повсюду час знак смерти возвестится
И изумленный мир весь кровью осквернится.
Священным именем правдивого царя,
Иноплеменник злый, к убийству длань простря,
Прольет повсюду кровь, везде размещет жертвы,
И здесь нога твоя уткнется в трупы мертвы.
Но чем поносит нас бесстыдной лжи гортань?
Междоусобную ль возжгли евреи брань?
К врагам ли Персии стекались под знамена?
Рабов послушнейших, где зрел ты игу плена?
Под бременем оков блажа господень гнев,
Когда рука твоя, на них отяготев,
Врагам вручала их в своем прещеньи строгом,
Они за жизнь твою молилися пред богом,
Молилися, да злых наветы сокрушит,
Да сенью крил своих престол твой осенит.
Поверь, о царь, един он мощною рукою
Индийцев и парфян низвергнул пред тобою,
Несчетных скифов тьмы как тул рассыпал стрел,
И море воградил в пространный твой предел;
Един он возвестил старейшине евреев
Сплетенный в смерть тебе ков ярых двух злодеев
Увы! и старец сей вскормил меня, как дщерь.

Артаксеркс

Кто? Мардохей?

Эсфирь

О царь! в нем весь мой род теперь.
Отец мой брат ему; наш дед родоначальный
Евреев первый царь, Саул многострадальный,
Правдиво не терпя всяк Амаликов плод,
Наш бог же предал сам проклятию сей род,
Озлобил Мардохей Аманово киченье,
Единому царю чтя долгом поклоненье.
Се восприемлюща притворны имена
Вражды к Израилю сокрытая вина.
Напрасно Мардохей владыкою прославлен.
У врат Амановых столп казни уж поставлен;
Чрез час иль ранее почтенный старец сей,
Отторгнут силою чертога от дверей,
Еще украшенный твоею багряницей,
Привязанный к нему, умрет, умрет сторицей.

Артаксеркс

Какой вдруг страшный свет смущенным зрю умом!
Вся кровь во мне горит и гневом и стыдом.
Я был игралищем... внуши, о провиденье!
Сокроюсь хоть на миг вздохнуть в уединенье.
Вещать со мной сей час да прийдет Мардохей.

Одна израильтянка

Дай, боже, зреть царю свет истины лучей!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Эсфирь, Аман, Елиза, лик.

Аман

Как громом поражен я удивленьем правым,
Обманут, обольщен советом я лукавым,
Клянуся всем тебе: евреев погубя,
Надеялся спасти я первую тебя.
Теперь всю власть мою простру для их спасенья.
Ты зришь, царя еще колеблет дух сомненья.
Я знаю, чем его понýдить, чем сдержать,
И бурю в нем привык, воздвигнув, укрощать.

Евреев пользы мне с сего часа́ священны.
Вещай. Враги твои нещадно убиенны
Залогом клятв, что дать готов тебе Аман,
Вознаградят тебе невольный мой обман;
Чьей крови жаждешь ты?

Эсфирь

Оставь меня, безбожный!
Не нужен для еврей сей твой покров ничтожный.
Злосчастный! мститель бог, правдивый судия,
Подъял уже весы для казни твоея;
Страшися. Приговор ты свой услышишь вскоре.
Настал господен день. Злодею горе! горе!

Аман

Так, бог сей, признаюсь, ужасен на суду,
Но вечную ль велит питать он нам вражду?
Свершилось. Пал мой дух, гордыней возносимый.
К моленью принужден Аман неумолимый.

(Падет к ее ногам.)

Царица! ради благ Израиля всего
И старца мудрого, кормильца твоего,
Пред страшным мне царем даждь испросить
прощенье.
Пошли трепещущу у ног твоих спасенье.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Артаксеркс, Эсфирь, Аман, Елиза, стражи, лик.

Артаксеркс

Как! руки наглые простер к тебе злодей!
Неистовство его из робких зрю очей,
И он, смущеньем сам крепя твои вещанья,
Приводит все свои мне в память злодеянья.
Да в миг злый дух его исторгнется мечом,
И сам да на столбе в преддверии своем,
Приемля казнь, земле и небесам угодну,
Насытит алчный взор и ненависть народну.

Стражи уводят Амана.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Артаксеркс, Эсфирь, Мардохей, Елиза, Лик.

Артаксеркс

(Мардохею)

Любезный небу муж, спасенье мне и свет!
Твой царь отвергнул злых губительный совет,
Открылся взор его и казнены лукавы.
Ты ж облекись во блеск тебя достойной славы.
Прими Аманов сан, сокровища и дом,
По праву обладай неправедным добром.
Я иго тяжкое евреев разрешаю,
Всех кровь противных им их мщению вручаю,
Высоко в Персии вознесть хощу их рог,
Да в трепет будет всем Эсфирью чтимый бог.
Возобновляйте храм, зиждите стены града,
Да ваши в празднествах ликующие чада,
Ввек память чтя сего торжественного дня,
Всегда из рода в род благословят меня.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Артаксеркс, Эсфирь, Мардохей, Асаф, Елиза, Лик.

Артаксеркс

Что возвестишь, Асаф?

Асаф

Не стало, царь, злодея.
Народ тьмочисленный, отмщеньем свирепея,
На части растерзав, по стогнам труп влачит
И кровью изверга взор жадный веселит.

Мардохей

Царь! бог да сохранит тебя на многи лета.
Но смерть еврей близка, без скорого завета...

Артаксеркс

Внушаю речь. Пойдем, велением благим
Веленья злобные исправить поспешим.

Эсфирь

Тобой мы, боже наш! из гибели изъяты.
Сколь все пути твои таинственны и святы!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Лик.

Весь лик

Бог преломил гордыни рог.
Велик господь, Иаковль бог.

Одна

Уже избранному народу
Враги ков смертный соплели,
Алкали нас истнить с лица земли
И нашу кровь пролить как воду;
Господь воскрес:
Их полк исчез.

Другая

Я зрел, враг божий вознесенный
Горе́ возрос от дольних недр,
Как гордый на Ливане кедр;
Искал очами во вселенной
И равного не зрел себе.
Протек я мимо изумленный,
Дивясь таинственной судьбе:
Озрелся вспять — и се не бе.

Одна

Кто нам в напастях заступленье?

Другая

Кто нам в болезнях исцеленье?

Лик

Любезная Эсфирь Израилю спасенье!

Одна

Напрасно смертию закона глас грозил,
В ней сердце верой возгорело;
Она на смерть дерзнула смело,
Рекла, и бог благословил.

Две

Персидских дщерей лик Эсфирь препобедила,
Ее ущедрил бог обилием всех благ.

Одна

Она соперниц сонм красою помрачила,
И краше нет ее в царицах и женах.

Другая

Душевных доблестей еще в ней больше сила,
И нет любезней всем в царицах и женах.

Обе

Персидских дщерей лик Эсфирь препобедила,
Ее ущедрил бог обилием всех благ.

Одна

Восстань, Сион, восстани,
Во славу облекись!
От гнева к нам престал бог брани,
Ерусалим! возвеселись.

Лик

Восстань, Сион, восстани,
Во славу облекись!

Одна

Свлеките с выи узы плена
И со главы стрясите прах;
Взыграйте, Яковли колена,
Воспойте господу в псалмах;
Отверзт вам путь, бегите вскоре
Чрез горы, реки, степь и море;
Стекитесь все в единый лик,
Взнесите все до неба клик:
Господь велик!

Лик

Стекитесь все в единый лик,
Взнесите все до неба клик:
Господь велик!

Одна

Я вас узрю, поля родимые, любезны!

Другая

Над прахом праотцов пролью я токи слезны.

Лик

Стекитесь все в единый лик,
Взнесите все до неба клик:
Господь велик!

Одна

Воздвигнитесь, столпы великолепна храма,
Да вку́сит в нем господь куренье фимиама;
Украсьте жертвенник, священные венцы;
Излейте злато в дань, земли обильны недры;
Ливана от высот низыдьте, древни кедры;
Воспойте нову песнь, господние жрецы!

Другая

Призри, о боже наш, на чад твоих моленье,
Как прежде утверди меж нас свое селенье,
В Сионе обнови нам древни чудеса.
Вострепещи, земля! ликуй в восторге многом;
А вы под нисходящим богом
Склонитесь, небеса!

Другая

Коль благ господь! коль щедр в щедротах без конца!
Счастлив с младенчества ярем его носящий!
Бегите, чада, в дом небесного отца.
Он радости прольет источник вам живящий,
И ваши, в нем испив, не вжаждутся сердца.
Счастлив с младенчества ярем его носящий,
Господь бо благ и щедр в щедротах без конца.

Одна

Господь помогает, спасает, прощает,
Он помнит о благе и зло забывает.
Не любит младенца так мать своего:
И мы да возлюбим без меры его.

Другая

Он древле избрал нас, соблюл и наставил.

Другая

Он снова победой нас славно прославил.

Т р и

Возлюбим, возлюбим без меры его.

Л и к

Хвалите творца всей земли человеки
С тимпаны и гусли и лики певцов:
Да славится имя господне во веки
И в веки веков.

<1816>

⟨ИЗ ТРАГЕДИЙ П. КОРНЕЛЯ «ГОРАЦИИ»⟩

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Старый Гораций, Камилла.

Старый Гораций

Не смей оправдывать изменника вины.
Чтоб он бежал отца, как братиев жены;
Как жизнь любезную сберечь он ни старался,
Весь труд его погиб, лишь мне бы повстречался.
Будь он Сабине мил; но я клянуся вновь
Богами вечными, что нечестивца кровь...

Камилла

Родитель, выслушай мое за брата слово.
И Рим о нем судить не может столь сурово,
Но разве сетовать, виня судьбу свою,
О доблести, числом осиленной в бою.

Старый Гораций

Суд Рима здесь ничто, и не покров злодею.
Камилла, я отец, и власть свою имею.
Мне доблесть истая известна издавна;
Пред множеством врагов не малится она,
Но мужеством крепясь против числа и силы,
Стоит, упорствует и бьется до могилы.
Умолкни... но зачем Валерия я зрю?

ЯВЛЕНИЕ 2

Старый Гораций, Камилла, Валерий.

Валерий

К утехе скорбного родителя, царю
Угодно, чтобы я...

Старый Гораций

Валерий! утешенье
Словами — слабое мне в скорби облегченье.
Я рад, что был отцом хотя двоим сынам,
В сраженьи смерть себе нашедшим, а не срам;
Как мужи честные, они без укоризны
Жизнь предали в бою к спасению отчизны.

Валерий

Теперь тебе все три заменятся одним.

Старый Гораций

Пусть имя навсегда и род мой гибнут с ним!

Валерий

Один ты можешь ли винить его напрасно?

Старый Гораций

Один и накажу злодействие ужасно.

Валерий

Похвал достоин он и ты, его отец!..

Старый Гораций

Какую похвалу мог заслужить беглец?

Валерий

В сем случае побег путь славы и спасенья.

Старый Гораций

Не множь, Валерий, мне позора и смущенья.
Я жил довольно лет, но не слыхал в мой век,
Чтоб бегством проложил путь к славе человек

Валерий

Ни в чем не зрю тебе смущенья ни позора.
Оставшийся твой сын отечества опора;
Прославил он и спас и возвеличил Рим,
И счастливый отец гордиться должен им.

Старый Гораций

Но где ж спасение, величие и слава?
Подвластны мы, на нас Альбийская держава.

Валерий

О чем вещаешь ты? какая Альбы власть?
Или события ты знаешь только часть?

Старый Гораций

Я знаю то, что в бег изменник обратился.

Валерий

Но спор о первенстве концом иным решился;
Узрели вскоре все, что сей побег есть ков,
Бойцом замышленный на пагубу врагов.

Старый Гораций

Как! Рим наш в торжестве!

Валерий

Познай, о муж почтенный,
Как сын прославился, тобою осужденный,
Один противником оставшися троим,
Но трое ранены, один же невредим,
И слаб противу всех, но каждого сильнее,
Он вымысл изобрел, да победит вернее, —
Притворствуя бежит, и хитростью такой
Трех братий разлучив, их манит за собой;
Они вослед ему, не усмотрев обмана,
Спешат, сколь каждому его дозволит рана;
Стремленье их равно, но язвы неравны,
И друг от друга тем они отдалены.
Гораций, видя то, лицом к ним обратился,
И верною тогда победою польстился:
Ждет первого к себе, и первый был твой зять.
Тот, изумясь, что враг смел обратиться вспять,

Вотще, напав тотчас, бесстрашие являет,
Кровь язвы прежния в нем силы убавляет;
И Альба, битвы их страшась в свою чреду,
Гласит второму вслед, да упредит беду;
Спешит он, крови всей ничто ему утрата,
Прибег; но поздно всё, уже не стало брата.

Камилла

Увы!

Валерий

Усталость, труд не страшны для него,
И место заступил он брата своего;
Но храбрость тщетная в нем обманула силу:
За брата мнил отмстить, и с ним нашел могилу.
Весь воздух всколебал двух воинств шумный клик;
На Альбу ужас пал, Рим радостью возник.
Но близкий зря конец счастливого сраженья,
Герой воззвал гордясь в слух вражья ополченья:
«В честь братниных теней я поразил двоих;
Последнего ж из трех противников моих
Отчизны выгодам я обрекаю в жертву».
Сказал, и бросился к альбийцу полумертву.
Победа верная ждала с таким врагом:
Покрытый язвами, он двигался с трудом;
И как телец, во храм влекомый на закланье,
Под нож склоняется, так, испустив стенанье,
Во грудь ударенный несчастный воин сей
Власть Рима утвердил кончиною своей.

Старый Гораций

О сын мой! кровь моя! мне, старцу, утешенье!
Отчизны гибнущей опора и спасенье!
Честь рода и земли прославленных тобой!
Прямой Гораций ты и римлянин прямой.
В объятиях твоих когда же с восхищеньем
Забуду, что тебя обидел подозреньем?
О если б оросить уж небо мне дало
Слезами радости победное чело!

Валерий

Ты можешь вскоре с ним свиданьем насладиться,
И вскоре от царя он должен возвратиться;

Теперь же шествует Гостилию вослед,
Да в мзду достойную дарованных побед
Свершат усердья долг пред щедрыми богами
И песнями торжеств и теплыми мольбами;
А завтра, только свет появится зари,
Для принесенья жертв украсят олтари:
Так повелел сам царь; мне ж дал он порученье
Сказать тебе его и радость и жаленье.
Исполнив сей приказ, иду отсель к нему,
Счастлив, что вкупе мог я сердцу твоему
Веселье возвратить, принесши весть благую.

Старый Гораций

Да боги наградят тебя за весть такую!

ЯВЛЕНИЕ 3

Старый Гораций, Камилла.

Старый Гораций

Утешься, дочь моя, теперь не слез чреда;
Сегодня начались счастливые года.
Утраты собственны должны нам быть любезны,
Когда они всему отечеству полезны.
Рим Альбу победил: чего еще желать?
Всё благо, не о чем тужить, ни вспоминать.
Потеря жениха ужель невозвратима?
Поверь мне, дочь моя, что все граждане Рима
Отныне честию поставят для себя,
Когда кому из них в супруги дам тебя.
Теперь спешу отсель к несчастливой Сабине,
Утешить коль могу во злой ее судьбине;
Трех братиев лишась супруга от руки,
Ей можно истинно восплакать от тоски;
Но душу сильную сестры твоей я знаю,
И, первой горести дав волю, уповаю,
Что вскоре разум власть над ней воспримет вновь
И укрепит еще супружнюю любовь.
Хотя сокрой печаль, она душ слабых свойство.
Твой брат придет: почти в нем доблесть и геройство;
Сестрой ему явись, чтобы в семье своей
Еще я видеть мог хотя двоих детей.

ЯВЛЕНИЕ 4

Камилла

(одна)

Увидишь ныне же, отец немилосердый,
Что смерть слаба прервать союз любови твердый,
И что не внемлет страсть злодеев тех словам,
Кого враждебный рок родными избрал нам.
Ты страсть сию винишь и слабостью считаешь;
Она мне тем милей, что ею ты страдаешь,
Отец безжалостный! хочу, чтобы она
Была как жребий мой ужасна и сильна.
И кто подобно мне всю власть изведал рока?
К кому была его премена столь жестока?
Чьи радости живей? чьи горше токи слез?
И кто удары все до смертного понес?
Чей дух в единый день так волновался прежде
В весельи, в горести, и в страхе, и в надежде,
И чувства чьи, премен неслыханных рабы,
Бывали столько раз игралищем судьбы?
Оракул утешал, страшило сновиденье;
Мир успокоил вновь: отсрочено сраженье,
Мой брак готовится; и в тот же самый миг
Сражаться избраны мой брат и мой жених.
Все против выбора злодейского восстали,
Хотели их развесть, и боги в бой призвали.
Рим побежден сперва, и Куриаций мой
Меча не обагрил в крови моей родной.
О боги! мало ли тогда уж я страдала,
Когда о Риме вдруг и братиях рыдала?
Иль на себя ваш гнев тем боле навлекла,
Что я еще любить и уповать могла?
Вы смертию его достойно мне воздали;
Вы всё устроили для вящей мне печали:
Соперник поспешил в глазах моих принесть
Несчастной смерти сей убийственную весть,
И радость полную послали вы злодею,
Не Рима торжеством, но скорбию моею;
Успеха ждет себе он бедствием чужим,
И так же, как мой брат, возносится над ним.
Но всё сие ничто; велят мне веселиться,
Достойною сестрой Горациев явиться,

Победу праздновать им радостного дня
И руку лобызать, пронзившую меня:
О чем же плакать? где ж беда и огорченье?
Стенание им стыд, а ропот преступленье;
Победа Рима всё заменит мне одна,
И я примеру их последовать должна.
Что делать? постыдим мужей великодушных,
Бесстрастных, должности и чести лишь послушных;
Пусть слабой назовут: честна и слабость там,
Где добродетель — вся бесчувственность к бедам.
Явись, о скорбь моя, и не скрывайся доле;
Когда погибло всё, чего страшиться боле?
Ты победителя свирепого не чти,
Не убегай пред ним, но паче возрости;
Победу оскорби, на гнев его подвигни,
В нем душу уязвить всей силою достигни,
И насладись, когда его услышишь стон.
Я внемлю шум, идут: о небеса! вот он.

ЯВЛЕНИЕ 5

Камилла, Молодой Гораций, воин, несущий три меча.

Молодой Гораций

Сестра, вот та рука, которой ныне сила
За наших братий смерть противникам отмстила,
Низвергла Альбу, Рим избавила стыда
И двух градов судьбу решила навсегда.
Зри знаки почестей, трудов моих награду,
И радостью своей умножь мою отраду.

Камилла

Ты сам зри плач сестры и веселися им.

Молодой Гораций

Чужд скорби должен быть победоносный Рим;
И наши братия, убитые врагами,
Отмщенны кровию, не дорожат слезами:
Утрата жизни им в сем счастии мала.

Камилла

Коль кровь пролитая утешить их могла,
Я пред тобою их оплакивать не буду,

И братий смерть, тобой отмщенную, забуду,
Но кто за жениха любезного отмстит?
Кто мне забыть о нем в единый миг велит?

Молодой Гораций

Что ты, несчастная!

Камилла

О Куриаций милый!

Молодой Гораций

Сестра! едва стерпеть не оскудел я силой,
Когда врага римлян я сокрушил мечом,
Ты смеешь сетовать и мне твердить о нем!
Душа твоя, горя неистовой любовью,
За жениха моей упиться жаждет кровью!
Смириться повели и сердцу и устам;
Безумный плач сестры, как брат, я чту за срам.
Он мертв: забудь его; ищи иной беседы;
Честь рода нашего и честь моей победы
Отныне заглушить должны любовь твою.

Камилла

Так дай же, о злодей, ты душу мне свою;
Моя — познай ее — не изменит вовеки;
Его мне возврати или терпи упреки.
В одном был весь мой свет и радость вся моя;
Живой, он был мне бог, о мертвом плачу я.
Ты не ищи во мне сестры своей несчастной;
Внемли любовнице отчаянной и страстной;
Она, как фурия, носясь тебе вослед,
Смутит проклятьем слух, надменный от побед.
О кровопийца злой, скучающий слезами!
Ты мне велишь вознесть убийство похвалами,
С весельем зреть его дымящуюся кровь,
И жениха самой убить по смерти вновь!
Дай бог отныне зол таких тебе достигнуть,
Чтоб жребий мой тебя на зависть мог подвигнуть
И чтоб ты, честь свою злодейством оскверня,
Был в ненависть для всех, как ныне для меня!

Молодой Гораций

О небо! нет конца ни меры исступленью.
Иль мыслишь ты, что я бесчувствен к оскорбленью,
Что попущу сестре бесчестить весь наш род?
Чти благом смерть, благой принесшую нам плод;
Забудь, что влюблена была ты и любима;
Отчизну вспомяни, и честь и пользу Рима.

Камилла

Рим, гнева моего единственный предмет!
Рим, жертвой чьей погиб жених мой в цвете лет!
Рим, где родился ты, твою где славу вижу!
Рим, наравне с тобой который ненавижу!
Да сила сложная соседних всех племен
Сотрет сей новый град до основанья стен;
И коль Италия слаба воспрянуть к бою,
Да запад и восток подвигнутся войною;
Да все концы земли, враждой к нему горя,
Прейдут назло ему и горы и моря;
Да сам он на себя свои обрушив стены,
Руками раздерет трепещущие члены;
Небесный гнев, возжжен молитвою моей,
Да одождит его потоками огней.
О если б здесь могла я зреть падущи громы,
Венец во прахе твой, римлян горящи домы,
Последнего из них последний вздох узреть,
И, быв всему виной, в восторге умереть!

Молодой Гораций
(закалывая ее)

Терпенья боле нет, теряю ум и силу.
Иди любезного оплакивать в могилу.

Камилла

Ах! изверг!

Молодой Гораций

Кто жалеть врага отчизны смел,
Тому да будет ввек казнь смертная удел.

1817

РАССКАЗ ЦИННЫ

‹Из трагедии П. Корнеля «Цинна»›

Почто сама ты зреть восторга не могла,
С каким их сонм идет на славные дела?
Их императора и кесаря названье
Одно уж привело и в стыд и в содроганье.
Взор засверкал огнем, и гневное чело
Вдруг ужас помертвил и мщение зажгло.
«Друзья! — сказал я им, — настал нам день блаженный
Наш замысл довершить великий и священный;
К спасенью Рима бог нас силою облек,
И счастью всех претит единый человек,
Коль может слыть таким сей муж бесчеловечный,
Омытый кровию и враг свободы вечный.
Кто боле Августа вреда нам причинил?
Кому сей хитрый муж сто раз не изменил?
Был друг Антонию, потом стал враг ему же,
И вечно сохранил и злость и дерзость ту же».
Дни детства нашего напомнил им тогда:
Отцов под бременем печали и стыда,
И, вспоминаньем сим крепя их в неприязни,
Удвоил в их сердцах усердье к правой казни;
Сраженья слезные изображаю им,
Утробу где свою сам рвал руками Рим,
Орел сбивал орла, и всей земли народы
Вооружалися для гибели свободы,
Где храбрость воинов, вождей искусных честь
Название раба старались приобресть
И, предавая стыд свой в память незабвенну,
Свою взлагали цепь на целую вселенну;

Из славы суетной избрать владыку ей
С весельем каждый был изменник и злодей;
Где римлян римляне, друзья друзей сражали
И за тирана все друг друга убивали.
Но всех несчастий сих, в войне терзавших мир,
Сильней безбожный их, неумолимый мир,
Мир — гибель вольности, народов и сената,
И, словом всё сказать, союз триумвирата.
Но тут уже в речах я сильных оскудел,
Вещая повести неизреченных дел:
Как друг пред другом всяк убийством возносился,
Как кровью чад своих весь Рим тогда залился:
Один — на стогне пал пред взорами граждáн;
Другой — пред олтарем богов своих заклан;
Преступник награжден богатства их ценою;
На брачном ложе муж пронзен своей женою;
Сын, кровью каплющий убитого отца,
С главой его в руках, в мзду требовал венца!..
Примеры все сии, ужасны и обильны,
Союз их начертать и малы и бессильны.
Что имена твердить мужей великих сих,
Чьей смертью я подвиг сообщников моих,
Земных полубогов напомня им изгнанных
И в храмах даже их на жертву злым закланных?
Но как явлю тебе от сих рожденный слов
Нетерпеливый гнев отечества сынов,
И ропот шумный их, и скорбь, и трепетанья,
И клятвы на врага, и к мщению взыванья?
Не тратя времени и видя в их сердцах
Решимость, суетный отвергнувшую страх,
Я к ним: «Друзья! сие убийство и хищенье,
Имуществ наших всех с свободою лишенье,
Грабительство градóв, сожжение полей,
Междоусобия и лучших смерть мужей —
Вот избранные им те степени кровавы,
По коим он достиг престола и державы.
Но можем пременить жестокость мы судьбин:
Из трех тиранов нам остался он один
И, справедлив хоть раз в алчбе своей несытой,
Сгубил двоих, ему могущих быть защитой:
Да сгибнет сам, тогда кто мститель и кто царь?
Воздвигнем вольности низверженный олтарь

И Рима истыми прославимся сынами,
Ярем его сломив отважными руками.
Искать ли случая? Но завтра он готов:
Он в Капитолии чтит жертвами богов,
И сам падет, от нас на жертву принесенный
Пред вечным судией спасению вселенной.
Кто охранит его? там наши все друзья;
Сосуд и фимиам ему вручаю я.
Да будет зна́ком вам, когда я сей рукою
Не фимиам — кинжал глазам его открою;
Удар, которым, льщусь, низвержется злодей,
Докажет, что мой дед великий был Помпей;
Тогда и вы отцов, о други, вспомяните,
И славу их имен на деле заслужите».
Едва я кончил речь, и клятву верным быть
Спешат сообщники в усердьи подтвердить,
Но каждый требует, полн доблестного жара,
Принадлежащу мне честь первого удара.
Рассудок наконец велит им уступить.
Максим с отрядом дверь назначен защитить;
Другой отряд при мне; лишь знак подам — свобода,
И мертв падет на прах враг римского народа.

<1818>

⟨ИЗ ТРАГЕДИИ И.-Б. ЛОНЖПЬЕРРА «МЕДЕЯ»⟩

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Медея, Родоиа, рабыни, несущие богатую ризу.

Медея

Так, время довершить очарований силу,
Сгубить моих врагов и свергнуть их в могилу;
Волшебным таинствам настал желанный час.
Геката страшная! ты мой услыши глас...
Но что! ты здесь уже, вняла мое воззванье:
Трепещет грудь моя, спирается дыханье,
Восстали ужасом власы поверх чела,
И ада мрачного в очах яснеет мгла.
Подземны божества! к Медее поспешите.
Прочь, недостойные, от глаз моих бегите.

ЯВЛЕНИЕ 2

Медея
(одна)

Поборники вражды и ярости моей,
Владыки грозные Ерева и теней!
И вы, несчастные, предвечной нощи чада,
Век осужденные стенать в заклепах ада!
Эринны! Парки! Месть! Отчаянье! Раздор!
Стекитесь все ко мне, чудовищный собор;

Исполньте сей чертог и кровью и слезами,
И весь мне Тартар здесь представьте пред очами.
Воззванье не вотще: покрылось небо тьмой,
Весь воздух всколебал теней плачевный вой,
Весь ад открылся вдруг, все казней страшны виды:
Вот Титий, Иксион, Тантал, и Данаиды,
И ты, Коринфянин, и ты, Сизиф злодей,
Еще лютейших мук достойный за детей!
Чья тень идет ко мне? что вижу! мой родитель!
Почто так рано вшел ты в вечную обитель?
Скажи: побег ли мой печалью и стыдом
Тебя до времени низвел в Аидов дом?
Хоть руку мне простри... но призрак чей безглавый
Бросается меж нас, ужасный и кровавый?
Обезображенный от крови и от ран,
Он весь ударами растерзан и раздран:
Се брат мой... ах! прости мне, брат, ожесточенье;
Убийца твой — любовь, она свершит и мщенье,
И кровь... исчезло всё, их нет, я здесь одна,
И сила страшная заклятий свершена;
Всё приготовлено: пора начать, и смело
К желанному концу весть праведное дело.
Родопа! возвратись.

ЯВЛЕНИЕ 3

Медея, Родопа.

Медея

Ты зрела ль чад моих?

Родопа

Они твой вняли вопль, и страх объемлет их;
В боязни отроки узреть тебя просили;
Но мы, как ты рекла, войти им запретили.

Медея

Введи их пред меня.

ЯВЛЕНИЕ 4

Медея
(одна)

Невинных научу:
Чрез них всего верней награду получу;
Их младость усыпит Креона подозренье,
И сами ускорят враги свое паденье.

ЯВЛЕНИЕ 5

Медея, Родопа, двое детей.

Медея

Приближьтеся ко мне, несчастные сыны.
На бедствия, на зло вы мною рождены;
Нас скоро разлучит царя закон ужасный;
Навек расстанетесь вы с матерью несчастной;
Отторгнута от вас, отчаянна, одна,
В изгнаньи жизнь свою влачить осуждена,
Уже не наслажусь любезных лицезреньем;
Вы мне не будете во скорбях утешеньем,
И очи слезные в час смерти роковой
Мне не закроются детей моих рукой.
Вы плачете?

Один из сынов

Возьми нас, матерь, ты с собою.

Другой

Мы без тебя умрем.

Медея

Нет, строгою судьбою
За мной последовать сынам запрещено;
Вам иго чуждое нести положено;
И жребий, до конца мое гонящий племя,
Здесь вечных вам цепей уготовляет бремя.
О чада, власть богов: уступим небесам;
Оставьте гордость всю, докучную царям.
С пременою судьбы пременим и желанье;

Смирение — одно несчастных достоянье.
Забудьте кровь свою, забудьте праотцов:
Владыкам угождать священный долг рабов;
Как неким божествам, им жертву принесите,
И унижением их милости ищите.
К царевне шествуйте с сей ризою златой;
Скажите ей, что я, убитая тоской,
Изгнав все помыслы бесплодныя досады,
Вручая ей сей дар, за вас молю пощады,
Что жребий чад моих ей в волю отдаю.
Царицу чтите в ней и матерь вы свою;
Едва завидите, пред нею ниц падите,
С слезами и мольбой колена обоймите;
Коль не воздвигнет вас, молите вновь и вновь,
Да новой матери заслужите любовь.

Один из сыновей

Нет, нет, родная; ты одна останься с нами.

Другой

Мы матери другой не хочем быть сынами.

Медея

Я понимаю вас: страшитесь вы стыда,
Какого не терпел род солнцев никогда,
Вам тяжко рабствовать пред чуждою женою;
Но так назначено всевластною судьбою;
В позор не будет вам, в несчастьи паче мер,
То делать, в чем сама вам подаю пример.
Родопа, отведи их к сча́стливой невесте,
Наставь их, что сказать, внемли ответ и вместе
С сынами возвратись, да извещусь тобой,
Как примут дар, моей предложенный рукой.

ЯВЛЕНИЕ 6

Медея

(одна)

О боги, внявшие в сей день мою молитву!
Блюдитесь выпустить богатую ловитву;
Гоните в слепоте блуждающих врагов,
Да свергнутся стремглав в изрытый мною ров.

Ужель, обманута коварствами злодея,
Бесплодно рабствуя унизится Медея?
Нет, нет, за общий наш вы вступитесь позор;
Удар отмщения как молнья будет скор,
И поразит он вдруг Креузу и Креона.
Но чем, чем наказать преступника Язона?
Найдете ли, друзья, толь лютое вы зло,
Что бы вины его достойным быть могло?
Я брата умертвить решилась без боязни;
То мало для него, поищем новой казни.
О боги! вы ль рекли и ваш ли мне совет,
Чтоб я своей рукой? .. безжалостные! нет,
Моих не станет сил; веление смягчите,
Иль сами за меня кинжалом их разите.

ЯВЛЕНИЕ 7

Медея, Родопа, дети.

Родопа

Креузу восхитил дар, присланный тобой.
Прельщаяся его богатством и красой,
Беспечныя любви ослеплена надеждой,
Сегодня ж хочет сей украситься одеждой.
С царевною Креон обманут наравне;
Смиренью твоему поверил он вполне,
И мнит, что из любви к сим отрокам несчастным
Твой гневный дух поник пред жребием всевластным;
И он, и дщерь его, узрев твоих детей,
Почли их ласкою и нежностью своей.
Но плачешь ты! Досель всё действие успешно;
Почто же сетовать ты хочешь неутешно?

Медея

Увы!

Родопа

О чем вздыхать? Зачем на милых чад
Возводишь гневный ты и вместе слезный взгляд,
И отвращаешь вдруг, как будто их робея?

Один из сынов

Утешься, мать.

Другой

Не плачь.

Медея

Несчастная Медея!
Пусть ныне же тебя обрадует успех,
Ты не избавишься еще мучений всех;
Плачь, безотрадно плачь над бедными сынами:
Что ж сделали они? Чем винны пред богами?
Кто будет сиротам опорой слабых лет?
Их гонят мать, отца давно у них уж нет;
У гордой мачехи суровая неволя —
Их неизбежная единственная доля.
Каких враждебных звезд неведомая власть
В зачатьи обрекла вам вечную напасть,
О чада! лучше б смерть постигла вас в утробе
Несчастной матери, чем в посмеянье злобе
Скитаться нищими, или в дому чужом
Хлеб скудный добывать служеньем и трудом.
Ах! страшной мыслью сей вся кровь моя смутилась,
И нежность матери в свирепость претворилась:
Для внуков солнцевых сей нестерпим удел.
Свершим ужасное из всех ужасных дел;
Свершим... невинные! зачем ко мне бежите?
Отстаньте, рук моих с лобзанием не жмите,
Тех рук неистовых... ах! для чего любовь
Во мне умершую вы оживили вновь?
Вы улыбаетесь и плачете: несчастны!
Когда бы знали вы все горести ужасны,
Вы лаской уловить не тщились бы меня.
Я с вами расстаюсь навек с сего же дня;
Вы мать забудете, отвыкнувшие видеть,
Иль горше... вас ее научат ненавидеть.

Родопа

Вели, да от твоих я отведу их глаз.
На время краткое царевны был приказ
Сюда их привести, да с матерью простятся,
И вскоре от тебя к ней снова возвратятся.

Медея

Надменная! она повелевает им;
Иль достоянием считает их своим,
Добытым куплею на торжище народном?
А я, бездушная, в стенании бесплодном
Терплю, что кровь мою, богов чистейшу кровь,
Обидой сей срамят!.. безумная любовь!
Оставь меня; молчи, глас вредный сожаленья!
Решимся: миг один окончит их мученья;
Миг страшный! чем? иль смерть для них
не лучший дар?
Как после радостен мне будет сей удар!
Умрите.

(Бросается с кинжалом на детей.)

Один из сынов

Матерь, что, что сделалось с тобою?

Другой

О боже! боже мой!

Первый

Ах! сжалься надо мною.

Другой

Не убивай меня.

Медея

Вся содрогаюсь я;
Не в силах удержать кинжал рука моя.
О свет моих очей, возлюбленные чада!
О вы, на всю мне жизнь и горе и отрада,
Виновники моих веселий всех и мук,
Приближьтесь к матери; не бойтеся сих рук;
Их простираю к вам пред вечным я расстаньем,
Да вашим наслажусь последним лобызаньем.
Родопа, мне дан срок до окончанья дня;
Детей еще отнять не могут у меня;
Но отведи отсель, я не могу их видеть:
Хоть мучусь, их любя, нет сил возненавидеть.

ЯВЛЕНИЕ 8

Медея
(одна)

Нет сил! безумная, чего же хочешь ты?
Какие разум твой мрачат еще мечты?
С какого права их из жалости напрасной
Ты предаешь судьбе и верной и ужасной?
Жалей их, сохрани для нежного отца:
Ты права; вскоре он, пришедши от венца
И силой чар твоих супругу видя мертву,
Любезной тени сам их принесет на жертву.
Нет, нет, не потерплю; коль смерть им суждена,
Смерть даровать сию решилась я одна;
Нет боле жалости во мне к сынам злодея;
Креузы пасынкам не будет мать Медея.
Геката! боги тьмы! учившие меня,
Как землю потрясти, затмить светило дня,
С небес сводить на дол созвездья ночи темной
И мертвых воззывать из пропасти подземной,
Днесь будьте в помощь мне, да жалость истребя,
Вас злобой удивлю и превзойду себя.

1818

«ВРАЖДА И ЛЮБОВЬ»

Отрывок из комедии

ЯВЛЕНИЕ 1

Герцогиня
(одна)

На свете нет несчастнее меня.
С досады чуть не плачу.
Ведь надобно ж иметь такую неудачу,
Чтоб через день от свадебного дня,
Во время лучшее, в исходе карнавала
И накануне бала,
Всё обратилося в ничто.
Отколь взялись враги, разбойники, пираты;
Бог знает кто!
Все рыцари оделись в латы,
Все на коня, все на войну;
Сам герцог мой повел их в поле,
И поневоле
Оставить должен был жену.
Мне говорят: опасность небольшая,
Война совсем пустая,
Побьют их и назад придут. —
Побьют, так будут драться;
Они, чай, станут защищаться,
И сами, может быть, кого-нибудь убьют.
Что, если герцог!..

Слышен смех.

Я в печали,
А там!..

(Звонит.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Герцогиня, паж.

Паж

Чего изволите?

Герцогиня

Чей смех
Я слышу? кто это?..

Паж

Графиня Санвитали.

Герцогиня

Проси ее.

Паж уходит.

Она скорее всех
Меня развеселит.

ЯВЛЕНИЕ 3

Герцогиня, графиня.

Герцогиня
(с упреком)

Красавица сестрица,
Какая радость? отчего?

Графиня

Я, ваша светлость, оттого
Смеюсь, что все до одного
Вокруг меня нахмуренные лица.

Герцогиня

Не без причин, я думаю.

Графиня

По мне,
Нет никакой. Наш герцог на войне;
Что ж? это храброму забава:
В бою победа, честь и слава.

Герцогиня

И часто смерть.

Графиня

Неужели его
Осмелится какой-нибудь разбойник?..
Из прочих, может быть, подстрелят кой-кого:
Как думаете вы? кто там теперь покойник?
Что, если бы маркиз?

Герцогиня

Как! Бентивольо?

Графиня

Да.

Герцогиня

Помилуй, что у вас с маркизом за вражда!
За что его так ненавидеть?

Графиня

За что ж прикажете любить?

Герцогиня

За всё: достоинств в нем...

Графиня

Я не умею видеть,
И вас об них осмелюся спросить.

Герцогиня

С охотой перечту.

Графиня

Посмотрим исчисленье.

Герцогиня

Во-первых: мой супруг
К нему отменное имеет уваженье,
Маркиз ему есть лучший друг.

Графиня

Тут счастие, но где ж уменье?

Герцогиня

Он приобрел такое предпочтенье
Ценой своих заслуг;
Отменной храбрости...

Графиня

Еще бы был он трусом!

Герцогиня

Он рода знатного.

Графиня

Благодаря судьбе.

Герцогиня

Умен.

Графиня

Зато каких уж мыслей о себе!

Герцогиня

Он славится познаниями, вкусом...

Графиня

Во вкусах с ним сойтися трудно нам:
По нем — всем лучше всех он сам;
По мне же — он всех хуже.

Герцогиня

Однако почему же?

Графиня

Я вас прошу, оставим этот спор.
У вашей светлости охота
Вводить маркиза в разговор:
Он знатен, храбр, хорош, богат, умен, остер;
Бог с ним! какая мне забота?

Герцогиня

Так! с головы больной
И на здоровую; об нем заговорила
Ты первая.

Графиня

Кто! я? ах! боже мой!
Когда?

Герцогиня

Сейчас: сперва его убила.
А после разбранила:
Так стало отчасу ему всё легче.

Графиня

Да!
Извольте тешиться. Вы горя век не знали,
И вам всё смех.

Герцогиня

Мне смех! да я с печали
Вся не своя; жене до смеху ли, тогда
Как муж в опасности, в сраженьи?
Ах! я в ужасном положеньи;
И если б знать могла до свадьбы, никогда
Не вышла бы.

Графиня

Так говорят всегда
Кто замужем.

Герцогиня

Красавица сестрица,
Подумают, что для тебя беда,
Что ты еще девица,
Хотя...

Графиня

Не слишком молода,
Хотели вы сказать; ах! это мне не ново:
Пусть их острятся, господа.
Все шутки их скажу вам слово в слово:
«Как жаль Розалии! пора в ее года
Подумать о себе; я не пойму причины,
За что ее забросили мужчины:
Она и неглупа,
И недурна, и в людях всё вертелась,
Да что-то долго засиделась».

Не смейтесь, так твердит вся женихов толпа
И первый ваш маркиз.

Герцогиня

Всё он же!

Графиня

Виновата.
Но о злословии коль скоро речь зашла,
Забыть его я не могла,
И точно признаюсь, как на него ни зла,
Что злого в нем ума палата.

Герцогиня

Сестрица, знаешь ли? ведь это похвала.
Но бог с ним! я тебе дивлюсь: богата,
Слывешь в красавицах, умна,
И рода знатного, и, что еще дороже,
Сама в себе властна, —
И в девушках сидишь; а есть тебя моложе,
Всем хуже, замужем давно.
Ты губишь молодость напрасно
И время, а оно
Не возвращается.

Графиня

Прекрасно:
Всё правда сущая, и сказано умно,
Но затруднение мне к свадьбе есть.

Герцогиня

Какое?

Графиня

Да так, покуда небольшое:
Нет жениха.

Герцогиня

Как нет!

Графиня

По чести, нет его;
Где ж я возьму?

Герцогиня

Их было очень много, —
Но всех и каждого судила ты так строго,
Что не решилася идти ни за кого.

Графиня

Затем, что путного в них нет ни одного.

Герцогиня

Уж путных не было!

Графиня

Да кто же?

Герцогиня

Во-первых: римский князь Колонна.

Графиня

Ах! мой боже!
Вы шутите?

Герцогиня

Ничуть на шутку не похоже.
Князь так богат и знатен так, что с ним
В Италии не выдержит сравненья
Иной и государь, имеющий владенья:
Их сéмью первою считает древний Рим.

Графиня

Прибавьте, что он сам годами старше Рима,
Недавно схоронил четвертую жену,
И хочет, чуть живой, сморить еще одну,
Затем что для него жена необходима:
Бесстыдник эдакой!

Герцогиня

Положим, этот стар;
Но молодой, пригожий дон Альвар,
Гишпанец, родом знаменитый?
Ведь происходит он, как сказывали мне,
От самого Пелага, что в войне
Прославился отечества защитой.

Графиня

Он родословную мне вычитал не раз;
Ее он носит напоказ,
И в ней приметила я любопытным взглядом,
Что у Альвара есть в Мадриде старший брат,
Который сам предлинным только рядом
Имян и титулов богат;
Меньшому же всего наследства от Пелага:
Усы да в два аршина шпага.
Он ищет где-нибудь достаточной жены,
Чтоб развязаться вдруг со службой и с жидами,
Докучными ростовщиками,
И черпать впредь из собственной казны;
Всё прочее пустяк, как сам чистосердечно
Изволит признаваться он:
В него влюблялися, конечно,
Но сам он не бывал влюблен,
И вряд ли может быть; и словом,
Собою занятый вполне,
Женясь, заботиться он будет обо мне
Гораздо менее, чем о коне верховом:
Куда приятный муж!

Герцогиня

Согласна я с тобой,
Что дон Альвар любовник равнодушный,
Но постоянный пленник твой,
Почтительный, послушный,
Граф Цукеро?

Графиня

Из всех он самый скучный:
Изнеженный, жеманный, говорит,
Как женщина, напрыскан так духами,
Что голова болит;
И так уж глуп, что вздумал раз стихами
Меня попотчевать и выдать за свои:
Поверите ли, чьи?
Петрарки, и чтоб всех в труде своем уверить,
Он вместо Ла́уры Розалию вписал;
Хоть стих и слишком длинен стал,
Да кто же станет мерить?

Скорей за нищего пойду, за старика,
Чем за такого дурака.

Герцогиня

Ах! милая, на свете умных мало;
И только одного я знаю здесь, кому
По воспитанью, по уму
И, словом, по всему
Твоим супругом быть пристало.
Хоть объявила ты давно войну ему,
Но если, как не раз мне в голову впадало,
Вся ваша неприязнь личина, покрывало
Любви, утáенной не знаю почему,
Со стороны его лишь надобно начало, —
Конец я на себя возьму.

Графиня

И вашей светлости не стыдно
Так думать обо мне и говорить обидно?
Желала б, признаюсь, чтобы сего же дня
Влюбился он в меня,
И вам бы стало очевидно,
Что я не лгу,
Вам говоря и всем, что гордого маркиза,
Самолюбивого, терпеть я не могу.

Герцогиня

Так ненавидеть из каприза
Не дело твоего, Розалия, ума.
Признайся, а не то сама
Причину я открою,
За что маркизу ты честь делаешь враждою:
За то, что при дворе с тобою
Встречаясь около двух лет,
Когда умом и красотою
Обворожаешь ты весь свет,
Он кажется один с бесчувственной душою,
И ни любви его, ни сватовства всё нет.

Графиня

Как вам угодно, так судите,
Не соглашусь я с этим никогда;

Но если бы и так, скажите:
Не основательна ль моя к нему вражда?
Когда уж принято всем светом, что мужчина
Обязан и любить и почитать наш пол,
Маркиз против меня насмешлив, колок, зол,
И...

Герцогиня

Ты, мой друг, сама причина:
Не ты ли первая с ним ссору начала?

Графиня

Еще бы я ждала,
Чтоб начал он!

Герцогиня

Ему б быть надобно невеже,
А Бентивольо не таков,
Но глядя на пример всех прочих женихов,
Он опасаться мог приемы встретить те же.
Притом, что было, то прошло,
Но если бы случиться вдруг могло,
Чтоб он твоей руки искал, ты б?..

Графиня

Отказала,
И как еще! не так бы, как сначала.

Герцогиня

Побиться хочешь об заклад,
Что слово ты свое возьмешь назад,
И согласишься быть женою
Маркиза?

Графиня

Ни за что; он ненавидим мною.
Он столько мне наделал всех досад,
Что я готова вам ручаться головою...

Герцогиня

Э! милая, что за слова!
К чему тут голова?
Я удовольствуюсь и меньшею ценою.

Послушай: дóмина твоя...
Вчера в нее влюбилась я,
Как принесли к тебе, и точно это чудо;
Хоть быть завистливою худо,
Но грех уж есть, и мы поставим уговор,
Что если кончится по-моему наш спор,
Ты домину свою, хоть рада, хоть не рада,
Уступишь мне для маскарада;
В противном случае тебе ценой заклада
Я обязуюсь дать хоть головной убор
С рубинами, что мне прислали из Царьграда,
Турецкий.

Графиня

Вы меня хотите подарить;
Убор ваш дорогой, но я на всё согласна.

Герцогиня

Убор хорош, и домина прекрасна,
И вместе я хочу их обновить. —
Но шум на улице... красавица сестрица,
Взгляни в окно: кто там?

Графиня
(глядя в окно)

Зловещая на двор взлетела птица:
Маркиз.

Герцогиня

Как рада я! его, наверно, к нам
С победой герцог шлет, и вскоре будет сам.

1827

РАССКАЗ ФЕРАМЕНА

<Из трагедии Ж. Расина «Федра»>

Едва минули мы Трезенские врата,
Сам в колеснице он и, в равной с ним печали,
Сопутники его все, шествуя, молчали;
К Микенам медленно путь правили они;
Послабленных вожжей не чувствуя, кони́ —
Столь прежде пылкие, по голосу возницы
Ристания в полях летавшие, как птицы, —
Теперь, главы склонив и взор потупя в дол,
Как бы делили с ним душевных бремя зол.
Ужасный крик, со дна несущийся морского,
Раздался вдруг среди безмолвия земного;
И вслед из недр земли глас трепетный изник
И стоном отвечал на страшный моря крик.
В сердцах застыла кровь, с испуга все чуть живы,
И дыбом поднялись на чутких конях гривы.
Меж тем, ключами бья кипущего сребра,
С равнины влажныя вздымается гора;
Вода всё близится, расшиблась, и пред нами
На брег чудовище извергнула волнами.
Рогами острыми грозит его чело;
Всё тело чешуей златистой обросло;
Бык необузданный и змей быстротекущий,
Хребет и гибкий хвост в крутые кольца вьющий;
Протяжный рык его колеблет брег морской.
Отвратен небесам сей бездны изверг злой;
И землю он сквернит, и воздух заражает;
Вал, выбросив его, испуган отступает.
Все прочь бегут и, стать не смея в тщетный бой,
Во близлежащий храм спасаются толпой.
Единый Ипполит, героя сын достойный,
Сдержал коней рукой, от мужества спокойной,
На зверя их погнал, пустил в него копьем

И в чрево глубоко поранил острием.
Зверь скачет, мучимый и болию и гневом;
Упав к ногам коней, их оглушает ревом;
Катается, дыша в них пламенем густым
Из пасти, вержущей и огнь, и кровь, и дым.
С боязни понесли и, глухи поневоле,
Ни гласа, ни вожжей уже не слышат боле.
Он силится сдержать, усилья все — тщета;
Кровавой пеною их залились уста;
И некий бог, гласят, для вящего им страха,
Хлестал их по бедра́м, чернеющим от праха.
Чрез рвы и чрез скалы слепой их ужас мчит,
Ось, треснув, ломится, бесстрашный Ипполит
Зрит: колесница вся врознь сыплется кусками,
И сам на землю пал, запутанный вожжами.
Прости, что плачу, царь: от зрелища сего
Век слез не иссушу до гроба моего.
Я видел, как твой сын, в мученьях несравненных,
Растерзан от коней, рукой его вскормленных.
Взывал он к ним — они сильней еще неслись:
На теле столько язв, что все в одну слились.
Наш вопль болезненный равнину оглашает.
Пыл яростный коней впоследок утихает:
Остановилися при древних тех гробах,
Где предков царственных почиет хладный прах.
Все спутники за мной бегут туда, рыдая,
И следом нас ведет героя кровь честна́я;
По камням кровь течет, вдоль терновых кустов
Висит кровавая корысть его власов.
Прибег я, и зову; одолевая муку,
Раскрыв полмертвый взор и мне простерши руку:
«Безвинно, — он сказал, — мои пресеклись дни.
Печальную по мне Арисию храни,
О друг! когда ж отец узнает с сожаленьем,
Что сын его погиб коварным лжесплетеньем,
Да успокоюсь я в обители теней,
Моли, чтоб милостив был к пленнице своей,
Чтоб ей. . .» — со словом сим дыханье излетело,
И безобразное пред мной осталось тело,
На коем гнев богов означен до того,
Что не узнать отцу в нем сына своего.

1828

⟨ИЗ ТРАГЕДИИ Ж. РАСИНА «ГОФОЛИЯ»⟩

1
ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Иодай, Авенир.

Авенир

Да, в храм предвечного я прихожу с мольбой;
Святый храня обряд, хочу почтить с тобой
Издревле славный день, как благостью своею
В Синае дал господь скрижали Моисею.
Как пременилось всё! Едва с восточных врат
Глас трубный возвестит нам дня сего возврат,
Ко храму, пышными украшенну венцами,
Сыны Израиля стекалися толпами;
И все, пред олтарем дождавшися чреды,
В руках неся с полей начатки и плоды,
Творцу вселенныя с мольбой их посвящали:
Для жертв тьмочисленных жрецы не успевали.
Но дерзновением безбожныя жены
Дни светлые во мрак ночей облечены;
Едва немногий сонм молельцев, чтящих веру,
Дерзает прежних лет последовать примеру;
Забыли прочие о господе своем
И, пред Вааловым тесняся олтарем,
В нечестны таинства взыскуя посвященья,
На Спаса предков их льют срамные хуленья.
Страшусь, коль всё сказать, чтоб, злобою горя,
Отторгнув силою от жертв и олтаря,
Царица тяжкого не сбросила почтенья
И над тобой самим не довершила мщенья.

Иодай

Почто столь мрачным ты предчувствием объят?

Авенир

Без казни будешь ли ты праведен и свят?
Давно противна ей бестрепетность прямая,
Сугубящая блеск тиары Иодая;
Усердие твое к закону праотцов
Крамолой нарекли уста ее льстецов.
Завистница доброт, она враждой чрезмерной
Иосавефе враг, твоей супруге верной;
В тебе преемника прав Аарона зря,
В ней зрит еще сестру умершего царя.
Мафан к тому ж, Мафан, священник сей безбожный,
Всечасно ей твердит совет свой злый и ложный,
От веры нашея презреннейший беглец,
И всем, в ком есть добро, усердный зла творец.
Не только чуждою тиарою венчаясь,
Ваалу сей левит жрет жертву не гнушаясь;
Нет, храм сей скорбь ему, и, мщением томим,
Он бога б истребил, оставленного им.
На пагубу твою все козни вымышляет:
Жалеет иногда и часто похваляет;
Щадит притворною воздержностью речей;
И злобы черноту тем убелив своей,
То страшным кажет он царице Иодая,
То, ненасытную в ней алчность к злату зная,
Внушает, якобы с Давидовых времен
Драгих сокровищ скоп тобою утаен.
И вот уже два дни, как грустию глубокой
Приметно страждет дух царицы сей жестокой.
Я наблюдал вчера, и зрел в ее очах,
На храм уставленных, и бешенство и страх:
Как бы мечтался ей внутри пространных зданий
Сокрытый богом в них отмститель злодеяний.
Не тщетной я смятен боязнию, поверь,
Что кровожадная Иезавели дщерь
Готовится, свой гнев насытив над тобою,
В самом святилище стать нá бога войною.

Востань, Іерусалимъ! горе вздвигнись славою,
И на царей взгляни кругомъ
Простертыхъ предъ тобою.
Припавъ къ земли челомъ,
Цари прахъ ногъ твоихъ лобзаютъ,
И зря твой свѣтъ, къ нему народы прибѣгаютъ.—
Блаженъ, кто Божіи возлюбитъ словеса!
Онъ внидетъ въ градъ Его, нетлѣнную обитель.
Се каплютъ росу небеса,
И отъ земли рождается Спаситель.

Іосавеѳ

Увы! еще ли ждать намъ милости такой?
Цари, кому сей плодъ обѣщанъ былъ драгой.....

Іодай

Иди, Іосавеѳ, и приготовь священный
Златый вѣнецъ, съ главы Давида сохраненный.
Вы жъ, вся за мной туда, отъ дерзкихъ гдѣ очей
Таится множество и копій и мечей,
Давно въ подземной тьмѣ почіющихъ безъ дѣла,
Но филистимлянъ кровь съ нихъ ржа еще не съѣла
Со дня, какъ Господу, кѣмъ побѣждалъ всегда,
Ихъ посвятилъ Давидъ въ преклонныя года:
Къ какому ихъ беречь похвальнѣйшему бою?
Пойдемте жъ: я ихъ всѣмъ раздамъ своей рукою

Иодай

Кто ярость волн морских смиряет при брегах,
Равно претит и злым в их пагубных делах;
И волю чтя его, закона раб святого,
Страшуся бога я, и страха чужд иного.
Но за участие в грозящей мне судьбе,
Почтенный Авенир, обязан я тебе.
Я зрю: в душе своей не терпишь ты злодеев
И тайно сетуешь о бедствиях евреев,
Хвала творцу! но гнев, не зримый никому,
Усердье праздное — угодны ли ему?
Кто верует без дел, в том вера неблагая.
Семь лет уже прошло, как иноземка злая
Рукою хищною Давидов жезл взяла,
Кровь чистую царей без казни пролила,
Сыновних всех сынов кичится убиеньем
И богу угрожать дерзает нападеньем;
А ты, наш твердый щит от внешних сопостат,
Чью младость под шатром взлелеял Иосафат,
Чей власти Иорам доверил ратных силы,
Чей глас дух бодрости вселил в сердца унылы,
Как смерть Охозии, не жданная никем,
Рассеяла весь стан Иуя пред лицем:
«Чту бога, — ты речешь, — хожу в стези прямые».
Вонми ж из уст моих его слова святые:
«Что всуе хвалишься служенья чистотой?
Мольба бесплодная приемлется ли мной?
Что всесожжения, коль нет в душе любови?
Иль мяса ю́ниц ем? иль пью от козлищ крови?
Кровь вопиет царей, и ты оглох умом.
Расторгни всяк союз с нечестием и злом,
Очисти мой народ от грешников общенья
И принеси тогда мне жертвы и куренья».

Авенир

В народе падшем сем что сотворю один?
Иуда полн грехов, и слаб Вениамин.
Со дня как их царей пресекся род державный,
Потух и древний огнь их храбрости преславной.
«Сам бог, — рекут они, — оставил в скорби нас,
Избранных стад своих от скимнов не упас,

Зря стыд израилев, о нем ревнует мало,
И милосердие грехи прощать устало.
Уже тех знамений он не являет нам,
Какими некогда поборствовал отцам;
Святый кивот замолк, и мы не слышим бога».

Иодай

В какой же век чудес свершалося так много?
Где открывал себя в толь дивных бог делах?
Иль зрения у вас в отверстых нет очах,
Неблагодарные? иль ухо ваше дремлет,
Что грома знамений тьмочисленных не внемлет?
Событий славных ряд мне счесть ли, Авенир,
Явленных в наши дни, да узрит бога мир,
Бичей израильских низринутых с престола
И правды вечныя господнего глагола?
Ахав зловерный пал, и плоть его сгнила
В браздах убийствами добытого села;
Иезавель стремглав из храмин свергли низу,
Коньми стоптали в прах, с рамен совлекши ризу,
Псы кровью напились ее текущих ран,
И безобразный труп зубами их раздран;
Лжецы-пророки казнь прияли с обличеньем,
И огнь слетел с небес над чистым всесожженьем;
Стихиям Илия со властию изрек
И небо затворил и медию облек,
И ни роса, ни дождь три лета не спадали;
На Елисеев глас умершие восстали.
Из сих, о Авенир, признай, что в наши дни
Бог не ума́лился всесильный искони:
Он властен славою блеснуть пред человеки,
И в памяти его Израиль жив вовеки.

Авенир

Но почестей обет не отменил ли он?
Не тщетно ль ждали их Давид и Соломон?
Мы все надеялись, что род их не увянет,
Что длинный ряд владык от корня их восстанет;
Единый же из них, помазанник творца,
На племя всякое, вселенной до конца,
Пострет державу, мир восставит вместо брани
И примет всех царей служение и дани.

Иодай

Почто обещанных престал ты уповать?

Авенир

Сей царь, Давидов сын, где нам его сыскать?
Сам бог возможет ли воздвигнуть жизнью новой
Кедр, срубленный в корнях секирою суровой?
Пощады не было младенцу в пеленах.
Восстанут ли семь лет лежащие в гробах?
Ах! если б в ярости ошиблась Гофоли́я;
Когда хоть капля бы от крови сей драгия...

Иодай

Что б сделал ты тогда?

Авенир

О, счастье паче слов!
С каким восторгом бы признать его готов!
Тогда б Израиль весь к нему рекою шумной...
Но что надеждою ласкать себя безумной?
Преемник горестный царей сея страны,
Один Охозия был жив, и с ним сыны;
Он пал в моих очах Иуевой стрелою;
Они ж убиты здесь праматерию злою.

Иодай

Не объяснюсь теперь; когда же треть пути
Успеет в небесах светило дня прейти,
Как третий час жрецы вновь осветят моленьем,
Приди опять во храм с таким же чистым рвеньем.
Чудесной благостью докажет бог тебе,
Что верен в слове он и тверд в своей судьбе.
Иди: служенья долг меня уж призывает,
И светлый луч зари кров храма убеляет.

Авенир

Постигнуть не могу, щедротою какой...
Но се Иосавеф идет вещать с тобой,
А я с усердною спешу толпой смеситься,
О празднике творцу собравшейся молиться.

1829

2
СОН ГОФОЛИИ

Прилежный оба слух к словам моим склоните.
Не стану, Авенир, в событьях прошлых лет,
В пролитой мной крови, давать тебе отчет:
Свершила, что свершить чла должностью своею.
Народа дерзкого не признаю судьею;
Дела мои винил пусть в буйстве он словес,
Успехом оправдал их суд самих небес;
Победами моя усилена держава,
И двух морей брега познала дщерь Ахава.
Под сению моей почил Ерусалим;
Спокойный Иордан не зрит к брегам своим
Аравлян-хищников, филистимлян надменных,
Как прежде, в дни царей, корыстью привлеченных;
Царь Сирский чествует царицей и сестрой;
Всей братии моей убийца даже злой,
С ней равным жребием грозивший Гофолии,
Иуй, мой враг Иуй, трепещет в Самарии;
Со всех теснимый стран толпою бранных сил,
Чей гнев на хищника мой глас восстановил,
Меня владычицей признал он поневоле.
Я мудрости плоды вкушала на престоле;
Но смутный страх мою вдруг душу посетил,
Блаженства моего ток светлый возмутил,
И сон (возможно ли! меня сон устрашает!)
Снедающую дух тоску во мне питает:
Бегу везде от ней, везде она за мной.
Глухая ночь меня ужасной крыла тьмой;
Се мать, Иезавель, предстала мне в виденьи,
В богатом, как была в день смерти, облаченьи;
Над бедством гордостью души вознесена;
Румянцем, белизной подложными красна,
Случалось коими ей, старостью тягчимой,
Изглаживать годов позор неизгладимый.
«Вострепещи, — рекла, — достойная мне дщерь;
Злый бог еврей твою готовит казнь теперь.
Жалею, зря тебя в руках его, несчастну,
О дочь моя!» Едва скончала речь ужасну
И наклонилась тень на одр к главе моей,
А я объятия уж простирала к ней,

Но безобразну смесь лишь обрела со страхом
И плоти и костей, покрытых гнусным прахом,
В крови отрывки жил и кожи и власов,
И спорилась о них несытых стая псов.
Великий боже! — Вдруг средь грезы сей тяжелой
Мне отрок предстает, одетый ризой белой,
Какими отличен жрецов еврейских род.
Спокойство возвратил мне в мысль его приход;
Но между тем как я от страха отдыхала
И скромный вид его, любуясь, озирала,
Почула острый нож я вдруг в груди моей,
Который весь, по кисть, вонзил в меня злодей.
Смесь чудных призраков, столь разных меж собою,
Быть может, случая вам кажется игрою;
Боязни долго сей стыдяся я сама,
Считала их мечтой смущенного ума.
Но одержимая толь злым воспоминаньем,
Двукраты всё одним терзалася мечтаньем;
Двукраты отрока всё зрела одного,
Вонзающего меч в глубь сердца моего.
Сей ужас наконец сносить уж я устала,
За жизнь свою молить решилася Ваала
И шла спокойствия искать у олтарей:
Сколь властвует боязнь над разумом людей!
Не знаю, чем во храм евреев увлеклася,
И бога их смягчить надежда родилася.
Сей бог, я мыслила, прельщен ценой даров,
Кто б ни был, менее он будет мне суров.
Ваалов жрец, прости мне робости внушенье.
Вхожу: народ бежит, прервалося служенье,
Священник, гнева полн, противится в вратах;
Пока вещал он мне, о чудеса! о страх!
Я вижу: рядом с ним сам отрок тот опасный,
Чей вид напечатлел мне в память сон ужасный;
Я вижу: то ж лицо, и льняный тот хитон,
И поступь, и глаза, и, словом, точно он,
Он сам; шел близ жреца, левиты же, толпою
Вдруг окружив его, сокрыли предо мною.
Вот чем устрашена, осталась здесь на час,
Да вопрошу о сем обеих вместе вас:
Что предвещает мне, Мафан, мой сон чудесный?

1815

3
ХОР ЧЕТВЕРТОГО ДЕЙСТВИЯ

Лик

Идите, чада Аарона,
Воздвигните, как предки, длань
На праведную брань.
Жрецы господнего закона,
Идите, ревностью горя,
За бога и царя.

Голос

Где стрелы, где твой лук, о боже вседержитель?
Ужель во гневе ты к злодеям изнемог?
Почто коснишь ты, бог ревнитель?
Почто ты дремлешь, мщений бог?

Другой

Где, щедрый боже наш, твой щит благий и твердый?
Где древняя любовь к Иаковлим сынам?
Одни ль грехи сочтешь ты нам?
Простишь ли, боже милосердый?

Лик

Покров и щит Иаковлим сынам!
Одни ль грехи сочтешь ты нам?

Голос

С тобою, господи, с тобою
Злодеи тяжутся войною.
«Оставим по лицу земли
Все праздники его, — гласят их сонмы шумны, —
Иль мало мы ярем его несли?
Иль будем век безумны?
Нет, храм низвергнем и олтарь,
Святых упьемся кровью;
Он, ни помазанник, им избранный любовью,
Над нами да не будет царь».

Лик

Где стрелы, где твой лук, о боже вседержитель?
Ужель к злодеям ты во гневе изнемог?

Почто коснишь ты, бог ревнитель?
Почто ты дремлешь, мщений бог?

Голос

О ветвь от корени царей,
Драгий, последний цвет прекраснейшего древа,
Едва укрывшийся от гнева
Свирепыя праматери твоей!
Повеждь, любезный, чем убийц сдержалась злоба:
Не ангел ли тебя одел крылом святым?
Иль, мертвого, из гроба
Живого бога глас воззвал тебя к живым?

Другой

Отец его и дед закон твой отвергали;
Но должен ли он казнь за их вину понесть?
Его ли, господи, оставишь в день печали
И на него ль обрушишь месть?

Лик

Ах! нет, простри над ним свой щит благий
и твердый,
Спаси царя, о боже милосердый!

1829

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни поэта вышел единственный сборник его стихотворных произведений. В «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» (чч. 1—2. СПб., 1832) были включены наиболее значительные из стихотворений, созданных в течение 1811—1831 гг., но, за исключением нескольких отрывков из драматических произведений, за пределами издания остались все пьесы писателя.

Отдельными изданиями при жизни Катенина были опубликованы следующие его сочинения: «Андромаха» (Трагедия в пяти действиях в стихах), СПб., 1827; «Княжна Милуша» (Сказка), СПб., 1834, а также переводы с французского: «Эсфирь» (Трагедия из священного писания. Сочинение Расина), СПб., 1816; «Сплетни» (Комедия в трех действиях, в стихах. Подражание Грессетовой комедии «Le méchant»), СПб., 1821; «Сид» (Трагедия в пяти действиях. Сочинение П. Корнеля), СПб., 1822; «Обман в пользу любви» (Комедия в трех действиях Мариво «Les fausses confidences»), СПб., 1827. В 1829 г. в альманахе «Букет» (СПб.) была опубликована катенинская переделка комедии Мариво «Говорить правду — потерять дружбу» («Les sincères», 1826).

Остались неопубликованными сохранившиеся в рукописи в Ленинградской театральной библиотеке им. А. В. Луначарского пьесы, переведенные Катениным с французского: трагедия Тома́ Корнеля «Ариадна» («Ariadne», 1811), комедия Седена «Нечаянный заклад, или Без ключа дверь не отопрешь» («La gageure imprevue», 1819); вольный перевод комедии Шарля Колле «Недоверчивый, или Елена и Клерваль» («Dupuis et Desronais», 1827).

В 1842 г. Катенин помышлял об издании 3-й части своих сочинений (см. «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину». СПб., 1911, стр. 240), однако этот проект остался неосуществленным.

В советское время в Малой серии «Библиотеки поэта» вышло два издания избранных стихотворений Катенина, подготовленных В. Н. Орловым (Л., 1937 и 1954).

Многое из литературного наследия писателя до нас вообще не дошло: перевод трех актов «Баязета» Расина, трагедий Шекспира («Генрих IV» и «Генрих V»), нескольких песен «Одиссеи» Гомера и, по-видимому, еще ряд других произведений, в частности не сохранившиеся в фондах Театральной библиотеки перевод комедии Мариво «Les jeux de l'amour et du hasard» («Игра любви и слу-

чая», 1826) и французской комедии, переведенной Катениным под заглавием «В тихом омуте черти водятся» (1828).

По имеющимся сведениям, архив Катенина, вывезенный из его имения Шаево, был свален на чердаке в Кологриве, а затем уничтожен. Предпринятые нами розыски рукописей писателя в Костроме и Кологриве успехом не увенчались.

Наибольшее количество дошедших до нас автографов Катенина сосредоточено в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (в фонде Н. Н. Селифонтова, родственника Н. И. Бахтина — друга и издателя Катенина).

В настоящем издании с почти исчерпывающей полнотой представлены стихотворения[1] Катенина, а из драматических произведений выбраны лишь наиболее интересные вещи, а также отдельные сцены и отрывки. Произведения Катенина печатаются по прижизненным изданиям и публикациям, которые сверены с сохранившимися автографами.

В письме к Н. И. Бахтину от 19 сентября 1833 г. Катенин сообщал, что он пересматривает и «чистит» все ранее им написанное, «даже в последнем издании я кое-что перебелил: в „Наташе", „Лешем", „Софокле" и „Мире поэта"...» («Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», стр. 204). С экземпляром «Сочинений и переводов» Катенина, содержащим авторскую правку и находившимся в частном собрании, в свое время ознакомились Г. А. Гуковский и В. Н. Орлов. Местонахождение этого экземпляра в настоящее время неизвестно. Однако исправления Катенина тогда же были скопированы В. Н. Орловым на принадлежащем ему экземпляре «Сочинений и переводов». Эта копия, предоставленная нам В. Н. Орловым, и послужила для настоящего издания источником текста ряда стихотворений поэта (см. примечания).

Издание «Сочинений и переводов» 1832 г. было разделено на две части, в первой помещены оригинальные сочинения Катенина, во второй — переводы и подражания. В настоящем сборнике принята иная композиция: в первом разделе помещены в хронологическом порядке все стихотворения поэта, во втором — поэма-сказка «Княжна Милуша» и быль «Инвалид Горев»; третий раздел посвящен драматургии.

Катенин очень настаивал на «оригинальности» своих произведений, подчеркивая, что они не восходят ни к каким источникам. С другой стороны, переводы и подражания Катенина отмечены печатью своеобразия его авторской личности. Следует учесть, что в ту эпоху переводы были почти всегда вольными и потому нередко приравнивались современниками к оригинальным произведениям. Кроме того, в некоторых случаях переводы и подражания Катенина преследуют цель маскировки острого политического содержания «переводностью». Последним доводом в пользу объединения

---

[1] Не включены в это издание стихотворение Катенина «Новокрещенному» (УЗ, стр. 301—303), а также стихотворения на французском языке — переводы из Державина, хранящиеся в ГПБ: «Le Porphyrogenete» («На рождение порфирородного отрока»), «Les graces» («Хариты»), «Le triomphe de la Beauté» («Победа красоты»).

оригинальных и переводных произведений Катенина может служить и то, что сам Катенин не был очень последователен в проведении принципа разделения: в одном из проектов предполагавшегося собрания сочинений, судя по сохранившемуся оглавлению, оба раздела были объединены.

Все произведения, вошедшие в издание 1832 г., имеют авторские даты, но далеко не все из них являются точными. Так, например, баллада «Леший», опубликованная в 1815 г., датирована здесь 1816 г. На основании журнальных публикаций, рукописей, переписки Катенина даты ряда произведений в этом сборнике уточнены. Даты, заключенные в угловые скобки, обозначают время первой публикации или год, не позднее которого написаны данные произведения. Даты предположительные сопровождаются вопросительным знаком. Две даты, отделенные запятой, означают, что произведение было впоследствии радикально переработано и имеет две редакции.

Подпись оговаривается лишь в тех случаях, когда Катенин прибегал к псевдонимам. Все подзаголовки стихотворений с именами переводимых поэтов (за исключением «Смерти Приама») являются редакторскими, так как у Катенина они даны лишь в оглавлении издания 1832 г.

Пояснения мифологических имен, устарелых и малоупотребительных слов, редких географических названий вынесены в Словарь.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Бахтин, ГПБ — Рукопись статьи Н. И. Бахтина «О стихотворениях г. Катенина» (ГПБ, фонд Селифонтова).

БдЧ — «Библиотека для чтения».

Благ. — «Благонамеренный».

ВД — «Восстание декабристов». Издание Центрархива, тт. 1—8. М.—Л., 1925—1929.

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

ГТБ — Ленинградская государственная театральная библиотека имени А. В. Луначарского.

ДК — В. К. Кюхельбекер. Дневник. Л., 1929.

ИПД — Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, тт. 1—3. М., 1951. Общая редакция и вступительная статья И. Я. Щипанова.

ЛГ — «Литературная газета».

МТ — «Московский телеграф».

НЗ — «Невский зритель».

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

ПкБ — «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину». СПб., 1911.

Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. 1—16, издание Академии наук СССР, М.—Л., 1937—1950.

РА — «Русский архив».

РиР — П. А. Катенин. Размышления и разборы. — «Литературная газета», 1830, №№ 4—5, 9—11, 19—21, 32—33, 40—44, 50—51, 67—72.

РС — «Русская старина».
СО — «Сын отечества».
Соч. 1, 2 — Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина, с приобщением нескольких стихотворений князя Николая Голицына. Часть первая. Сочинения. Часть вторая. Подражания и переводы. СПб., 1832.
СП — «Северная пчела».
СЦ — альманах «Северные цветы» (СПб., 1829 и 1830).
УЗ — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия филологических наук, 1939, № 33, вып. 2.
Цв. — «Цветник».
ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив (в Ленинграде).
ЭО — экземпляр «Сочинений и переводов в стихах Павла Катенина» (ч. 1, СПб., 1832), принадлежащий В. Н. Орлову.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Песни в Сельме. Подражание поэме «The songs of Selma» английского поэта и филолога Джемса Макферсона (1736—1796), из его книги песен и поэм, приписанных им легендарному барду Оссиану (по преданию жил в III в. н. э.); эти произведения были созданы по мотивам ирландского и шотландского фольклора. Впервые в другой редакции — Цв., 1810, № 1, стр. 69; № 2, стр. 147, подпись: К—нъ. Печ. по Соч., ч. 2, стр. 5. В Соч. текст на 4 стиха меньше. В Цв. напечатано со следующим посвящением П. А. Ш.:

Советом дружеским и ласкою твоею
Ты возродил во мне охоту ко стихам;
И, подарив тебя безделкой сей моею,
Тобою данное тебе я и отдам.

Вторая редакция датируется приблизительно 1823 г. на основании письма Катенина к В. А. Каратыгину от 10 марта 1823 г., в котором он просит его купить ему поэмы Оссиана в переводе Кострова (ПД). Разночтения в Цв.:

Стихи 1—30
Вечерняя звезда! подруга тихой нощи!
Ты, коей светлый лик сверх молчаливой рóщи
Блистает, веселя лазурны нeбеса,
О, звéздяных полей светило и краса,
Что так влечет твой взор на злачные долины?
Бурливый ветр умолк; стремящийся в пучины
Источник не шумит; у стоп одной скалы
Ласкаются, смирясь, сребристые валы;
Лишь насекомые по воздуху летают
И в угасающем луче зари играют,

Лишь повевающий от западной страны
Вечерний тихий ветр шумит средь тишины.
О лучезарная! что от небес вершины
Влечет твой светлый взор на злачные долины?
Но ты, уже пройдя синеющийся свод,
С улыбкой клонишься ко лону резвых вод,
Они стекаются, вокруг тебя играют
И волосы твои златые омывают.
Прости, прекрасная! — пусть огнь твоих лучей
Заменит Оссиан огнем души своей.
Я зрю друзей моих ко мне летящи тени:
И сам Фингал ко мне восстал из гробной сени,
Се Рино бодрственный, почтенный се Уллин,
Минона нежная и жалостный Альпин.
О сколь, друзья мои, вы много пременились
С тех сча́стливых времен, как вместе мы сходились
Ко Сельмским торжествам, где, съединя наш глас
Со звуком арф златых, стремился всяк из нас
Венок там приобресть, в награду соплетенный.
Мы в пеньи спорили, как ветры в день весенний.

Стихи 41—46

Кольма

Се ночь, а я одна на холме сем пустынном,
Где грозных только бурь шум слышится вдали,
Где ветры в ребрах гор свистанием порывным
Наводят смертным страх; ток шумный со скалы,
Дождями наводнен, крути́тся по долине.
Не зрю убежища, одна я в сей пустыне.

Вместо стихов 248—267

Армин

Эрат, Одгалов сын, в свирепость приведенный,
Как брат его пал мертв, Армаром пораженный, —
Одежду взяв гребца, явился на брегу,
Скрывая в сердце гнев и мщенье ко врагу;
Главу свою покрыл он ложной сединою
И к Давре подошел нетвердою ногою.
«Армина дщерь! — он рек, — прекрасная из жен!
Армаровой к тебе я волей приведен;
Средь волн морских скала хребет свой возвышает,
С плодами дерево скалу ту осеняет,
Любезную свою Армар там Давру ждет.
Прийди, мой челн тебя чрез волны пренесет».
Несчастная идет, Армара призывает,
Пешер лишь томный гул вдали ей отвечает.
«Армар! возлюбленный! где ты в свиданья час?
К тебе взываю я, услышь мой скорбный глас».
Стон на устах ее печальный замирает;
Неистовый Эрат со смехом отплывает.
То брата, то отца несчастная зовет,
«Ужель никто ко мне на помощь не прийдет?»

К стр. 61—70

Во второй редакции восприятие Катениным оссиановских поэм ближе к трактовке их Е. Костровым, чей прозаический перевод служил Катенину основным источником в работе; он его высоко ценил: «Оссиана переводить все равно что с французского, что с англинского; ни то ни другое не подлинник; подлинника нет. С чего переводил Костров, не знаю, а перевел прекрасным языком...» (ПкБ, стр. 104). Костров переводил Оссиана с французского (см.: «Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века. Галльские стихотворения, переведены с французского Е. Костровым». М., 1792). Произведение представляет собой ряд песен бардов, состязающихся в *Сельме,* дворце Фингала. *Фингал* — владыка морвенский, легендарный вождь каледонян, обитавших в западной части Шотландии. *Морвен* — цепь высоких гор, древнее название прибрежной северозападной Шотландии. *Горма* — вероятно, остров, относящийся к Гебридскому архипелагу (в Атлантическом океане).

Идиллия («Блажен меж смертными, кто любит друга...»). Вольный перевод стихотворения (ὄλβιοι οἱ φιλέοντες ἐπὴν ἴσου ἀντεραςονται...) греческого поэта Биона (конец II в. до н. э.). Впервые — Цв., 1810, № 6, стр. 368, под заглавием «Дружба», подпись: К—нъ. Печ. по Соч., ч. 2, стр. 23. Приводим журнальную редакцию:

Сколь счастлив человек, коль дружество он знает,
Коль друга любит он и другом он любим!
Тезей и в Тартаре блаженство обретает:
О чем ему жалеть? Не Пиритой ли с ним?
Орест, готовяся на лютую судьбину,
С Пиладом злобный рок в терпении сносил;
С Патроклом всё деля, и радость и кручину,
Ахилл еще тогда себя счастливым чтил,
Когда возмог отмстить жестокую кончину
Того, в ком он свое блаженство находил.

Ночь. Подражание стихотворению в прозе «Die Nacht» немецкого поэта Соломона Гесснера (1730—1788). Впервые — Цв., 1810, № 7, стр. 1, подпись: К—нъ. Печ. по Соч., ч. 2, стр. 24. В журнальном тексте стихотворение заканчивалось строфой, снятой в Соч.:

Вся наша жизнь, как сон приятный, исчезает,
Вся наша жизнь не что как льстивая мечта;
Смерть тихое для нас пристанище являет
И отверзает нам бессмертия врата.

Катенин взял у Гесснера лишь отдельные мотивы описания природы, отказавшись от любовной коллизии — рассказа о любви Зевса к смертной девушке, превращенной потом разгневанной Герой в светлячка, и ряда других мотивов, присутствующих в стихотворении немецкого поэта.

Смерть Приама. Подражание эпизоду из второй книги «Энеиды» Вергилия. Впервые — Цв., 1810, № 10, стр. 3. В Соч. не вошло. В отличие от оригинала, Катенин концентрирует внимание читателей на любви Приама к детям и отказывается от подробного описания смерти Приама.

Эклога. Подражание первой эклоге Вергилия «Titius et Meliboeus» из его книги «Буколики». Впервые — Соч., ч. 2, стр. 18. В РиР Катенин довольно резко отзывается о Вергилиевых буколиках, которые, по его словам, «холодны и бездушны. Сквозь пастушескую одежду лиц часто просвечивает важная сенаторская тога либо страшный императорский доспех». Катенин также отмечал, что некоторые из эклог Вергилия прославляют императора, «посвящены в похвалу воцарившегося Августа... в десятой выведен с посошком египетский наместник Галл... все сии особы слишком почтенны, и мы не смеем в них участия принять...» (ЛГ, 1830, 6 апреля, стр. 159). Из всех эклог Вергилия Катенин считал лучшей шестую. *Мы изгнаны навек* и т. д. За многие годы войн образовался общественный слой «ветеранов», участников военных походов, которым римский император в вознаграждение за их воинские труды давал земельный надел, конфискуя землю у мелких землевладельцев. *Бог* — император Август, официально причисленный к сонму богов. *Он мне дозволил...* и т. д. Сам Вергилий, который выводит себя под именем Титира, должен был быть лишен своего земельного участка, но в Риме ему удалось добиться отмены этого решения. *Свобода* — олицетворение свободы — богиня Либертас; кроме того, это слово имеет и конкретный смысл выкупа из рабства. *Там видел юношу* — императора Августа. *Пусть и ка́менье кругом* и т. д. Вергилий говорит о недостатках своего земельного участка.

Грусть на корабле. Впервые — Соч., ч. 1, стр. 22. Написано в 1814 г. перед отправлением Преображенского полка (где служил Катенин) из Франции на родину. Преображенцы выехали на кораблях из Шербурга и 18 июля 1814 г. высадились у Ораниенбаума.

Певец. Подражание романсу Гете «Der Sänger» из 11-й главы романа «Годы учения Вильгельма Мейстера». Впервые — СО, 1815, № 16, стр. 138. Печ. по Соч., ч. 2, стр. 27. Последние 5 стихов в СО:

..Вспоминайте иногда.
Счастлив дом, где дар сей скуден;
Бог к вам щедр, он правосуден:
Благодарны ж небесам
Будьте так, как гость ваш вам.

Баллада была переведена Катениным, когда он находился с полком за границей. По справедливому замечанию Н. И. Бахтина,

«„Певец“ из Гете мог бы почесться за собственное произведение, так он обрусел в переводе» (Соч., ч. 1, стр. XI).

Наташа. Впервые — СО, 1815, № 13, стр. 16. С изменениями — Соч., ч. 1, стр. 1. Печ. по ЭО. Основные варианты СО:

Стихи 25—27 Помрачился вид веселый,
В сердце вкралась к ним печаль;
Не промолвятся день целый...

Написано в 1814 г. за границей. В СО стихотворение сопровождалось редакционным примечанием: «Издатели благодарят, именем читателей своих, за доставление им сей пьесы». Катенин определял жанр «Наташи», как и «Убийцы», «Лешего», «Софокла» и «Мстислава Мстиславича», как лирическую повесть, и, возражая Н. И. Гречу, который в своем «Опыте русской литературы» причислил Катенина к переводчикам, отмечал особо, что все эти произведения «заслуживают некоторое внимание именно как вещи совершенно оригинальные и ниоткуда не заимствованные...» («Письмо к издателю» — СО, 1822, № 13, стр. 260). Н. И. Бахтин заметил, что «Наташа», по сравнению с «Певцом», «Убийцей», «Лешим», «по справедливости имела успех более других» (Бахтин, ГПБ). Об этом, в частности, свидетельствует и то, что «Наташа» вошла во многие рукописные сборники. *В день твой, в день Бородина* — Бородинское сражение произошло 7 сентября (26 августа) 1812 г. в «Натальин день».

Убийца. Впервые — СО, 1815, № 23, стр. 143. С изменениями — Соч., ч. 1, стр. 7. Печ. по ЭО. Ст. 60 «Он глаз не сводит прочь» Катенин в редакции Соч. изменил, очевидно учтя критическое замечание Бахтина, который писал, что так как в 14-й строфе почти те же слова («Глаз напролет всю ночь не сводит»), то «повторение одного и того же выражения в двух разных смыслах, столь близко одно от другого, кажется мне неудачным» (Бахтин, ГПБ). Вариант строфы 28 в Соч.:

Да полно, что! гляди, плешивый!
Не побоюсь тебя;
Ты, видно, сроду молчаливый:
Так знай же про себя.

Критики Катенина — очень резко порицали это обращение убийцы к месяцу, находя его грубым и «низким». Интересно, что нетерпимое отношение к катенинскому «просторечию» проявил значительно позже — через несколько десятилетий — и санктпетербургский цензор. 5 октября 1851 г. он разрешил артисту В. А. Каратыгину прочесть в антракте бенефиса актрисы Е. И. Гусевой «повесть» Катенина «Убийцу», но вычеркнул в экземпляре два слова: «плешивый» и «издох», посчитав их, очевидно, неприличными для произнесения со сцены императорского театра. Каратыгину, чтобы исправить положение, пришлось сочинить страшную бессмыслицу, но, возможно, эти

поправки принадлежали самому цензору. По мнению Н. И. Бахтина, произведение Катенина напоминает «по смыслу» балладу Жуковского «Ивиковы журавли», но сюжет его «к нам ближе: мы видим в „Убийце“ весь быт крестьянский и не сомневаемся, что все так было, как рассказал сочинитель» (Бахтин, ГПБ).

Леший. Впервые — СО, 1815, № 47, стр. 57. С изменениями — Соч., ч. 1, стр. 14. Печ. по ЭО. Основные варианты Соч.:

Стихи 26—27
Там ядовитый скрыт мухомор;
Филины в гуще воют с совами

Стихи 137—140
Видно, бог, дитя любезно!
Не призрел твою беду,
Так и медлить бесполезно:
В путь за мной! уж я сведу.

Некоторые места баллады вызвали возражения со стороны Н. И. Гнедича и А. А. Бестужева (см.: Н. И. Гнедич. О вольном переводе баллады «Ленора». — СО, 1816, № 27, стр. 5; и А. А. Бестужев. Замечания на критику, помещенную в 13-м № «Сына отечества» касательно «Опыта краткой истории русской литературы». — СО, 1822, № 20, стр. 253). В частности, ироническое замечание Бестужева вызвало слово «гуща». Впоследствии это было повторено Ф. В. Булгариным в его недоброжелательной рецензии на «Сочинения и переводы» Катенина (см.: СП, 1833, 4 мая, стр. 390). Сам поэт писал Н. И. Бахтину: «Филины в «гуще» и пр., то есть в густоте леса, что и делает род противуположности с «дорогою», где крадется вор. «Гуща» весьма русское и употребительное слово...» (ПкБ, стр. 37). Тем не менее впоследствии Катенин все же отказался от него.

Ольга. Вольный перевод баллады «Lenore» немецкого поэта Готфрида Августа Бюргера (1747—1794). Впервые — ВЕ, 1816, № 9, стр. 14; с изменениями — СО, 1816, № 24, стр. 186. Печ. по Соч., ч. 2, стр. 30. В текст ВЕ вкрались опечатки, что и заставило, очевидно, Катенина напечатать свой перевод вторично, подвергнув его также дальнейшей правке. Следующий этап работы Катенина над «Ольгой» август — ноябрь 1831 г., когда он в письмах к Бахтину предлагает большие поправки к «Ольге» (ПкБ, стр. 195—199), которые в значительной мере реализовал в Соч. Варианты СО:

Стихи 21—28
Жены, дети им в дорогу
Кличут: «Здравствуй! слава богу!»
Ах! знать, Ольге жить одной,
Быть на век свой сиротой.

К стр. 91

Тщетно ищет, вопрошает,
Слух пропал о нем давно;
Жив ли, нет — никто не знает,
Будто канул он на дно.

Стихи 49—56 Слушай, дочь: в Украйне дальной
Если, клятв не чтя своих,
Обошел алтарь венчальный
Уж с другою твой жених?
Не крушися безнадежно:
Наказанье неизбежно;
Здесь придется кинуть свет,
Там он богу даст ответ.

Стихи 92—96 Всадник с ко́ня слез к крыльцу:
Что-то в се́нях зашумело,
Что-то в двери зазвенело,
И знакомый голос вдруг
Кличет ей: «Я здесь, мой друг».

Стихи 165—168 Что ж вы, певчие! не стойте,
Песнь на свадьбу мне пропойте,
Поп! и ты беги сейчас,
Обвенчай навеки нас.

Правка Катениным «Ольги» и других баллад свидетельствует о тщательной работе поэта над слогом и подтверждает справедливость его слов: «Я, по совести, не знаю: кто же из современных мне русских стихотворцев более занимается чистотою и отделкою своих стихов» (ПкБ, стр. 131). Катенин писал также Бахтину 10 апреля 1823 г.: «Вы куплет „Так весь день она рыдала" и пр. так же, как Грибоедов, особенно любите, я предпочитаю ему: „На сраженьи пали шведы" и пр. и еще три куплета сряду, из коих первый начинается стихом: „Мы лишь ночью скачем в поле" и пр.» (ПкБ, стр. 42). Выступая против критической оценки катенинской «Ольги» Гнедичем (см. вступит. статью, стр. 23), Грибоедов писал: «Он вообще непримиримый враг простоты; не знаю, как ускользнули от его критики дышущие пиитической простотою стихи: „Так весь день она рыдала..."» (СО, 1816, № 30, стр. 151). Строфу, начинающуюся ст.: «Ольга встала, вышла, села», Грибоедов назвал прекрасной; она понравилась и Гнедичу, который возразил единственно лишь против того, что Катенин «дал слову «пращ» значение ему несвойственное...» «Скажу только, — отвечал Гнедичу Грибоедов, — что слово «пращ» в таком смысле, как оно принято в «Ольге», находится также в одном месте у г. Жуковского:

От стука палиц, свиста пра́щей
Далече слышен гул дрожащий».

(СО, 1816, № 30, стр. 153).

Певец Услад. Впервые — ВЕ, 1818, № 2, стр. 89, под заглавием «Песня». Печ. по Соч., ч. 1, стр. 23. Стихотворение имеет автобиографическую основу. Катенин в молодости, еще до Отечественной войны 1812 г., был горячо влюблен в девушку, на которой намерен был жениться, но она умерла. О ней же он вспоминает в «Элегии» (см. стр. 688), называя ее «младой Эгемоной». «Певец Услад» был переведен на французский язык под заглавием «Le troubadour» другом Катенина Н. С. Голицыным и напечатан в 1824 г. в парижском журнале «Le Mercure du XIX siècle». На немецкий язык стихотворение перевел А. Л. Елькан (Элькан) (см. эти переводы в Соч., ч. 1, стр. 179—181). Положено на музыку композитором А. П. Есауловым (Петровым).

Уголин. Перевод фрагмента из 33-й песни «Inferno» («Ада») Данте. Впервые — СО, 1817, № 9, стр. 97. Печ. по Соч., ч. 2, стр. 109. В окончательной редакции Катенин произвел стилистическую правку, стремясь к наибольшему приближению перевода к подлиннику. В СО стихи 59—63:

Сыны же, мня, что стражду я от глада,
Все встали вдруг и, пав к моим ногам:
«Родитель наш! — сказали, — нам отрада,
Чтоб ты был сыт: ты, жизнь даруя нам,
Нас в плоть одел; сними с нас, мы согласны...»

В примечаниях, которыми Катенин сопроводил текст в СО, он настаивает на необходимости точного перевода. Рассказу Уголино в поэме Данте предшествует эпизод, о котором повествует 32-я песня «Ада»: проходя вместе с Вергилием по самому страшному — девятому — кругу ада, где несут казнь предатели родины, друзей, благодетелей, Данте видит двух погруженных в ледяную яму мертвецов — Уголино и Руджери, — один из которых грызет череп другого. Поэт просит первого поведать ему о причине столь страшной ненависти. *Уголин* — Уголино делла Герардеска граф Доноратико (ум. 1289), участник сложной политической борьбы, происходившей в Италии в XII—XV вв. между партией гибеллинов, поддерживавшей германского императора, и партией гвельфов, состоявшей преимущественно из торгово-ремесленных слоев. Принадлежа к старинному гибеллинскому роду, Уголино перешел затем на сторону гвельфской партии. В 1285 г., возглавляя Пизанскую республику, он разделил власть со своим внуком Нино Висконти. *Епископ недостойный Рогер* — архиепископ Руджери, вождь аристократической партии; Уголино, уступивший три пизанских замка Флоренции и пять замков Лукке, был обвинен им в 1288 г. в государственной измене. Сам Данте не видел в этом поступке Уголино предательства, он поместил его в аду, очевидно, лишь за междоусобия с Нино Висконти, в которых проявилось стремление Уголино к единовластию. Уголино был замуравлен в башне Гуаланди, где и погиб от голода. *Волка гнал с волчатами.* Волк — Уголино, волчата — его дети. *Псы тощие, сообщники злодея* — пизанцы, примкнувшие к Руджери.

К стр. 99—101

«В подлиннике названы здесь некоторые италианские семейства, — поясняет Катенин, — способствовавшие архиепископу Рогеру лишить свободы графа Уголина» (СО, 1817, № 9, стр. 99).

«Отечество наше страдает...». Впервые — «Записки» Ф. Ф. Вигеля, ч. 6. М., 1892, стр. 17. Этот отрывок из революционной песни Катенина дошел до нас лишь в передаче Ф. Ф. Вигеля. Несмотря на предпринятые нами архивные разыскания, полный текст стихотворения обнаружить не удалось. Вигель рассказывает, что слышал исполнение катенинского гимна в 1820 г.: «Раз случилось мне быть в одном холостом, довольно веселом обществе, где было много и офицеров. Рассуждая между собою в особом углу, вдруг запели они на голос известной в самые ужасные дни революции песни: «Veillons au salut de l'empire» <«Пойдем спасать империю»> богомерзкие слова ее, переведенные надменным и жалким поэтом, полковником Катениным, по какому-то неудовольствию недавно оставившим службу. Я их не затверживал, не записывал; но они меня так поразили, что остались у меня в памяти, и я передаю их здесь, хотя не ручаюсь за верность» (Ф. Ф. Вигель. Записки, т. 2. М., 1928, стр. 159). В своем рассказе Вигель устанавливает прямую связь между семеновской историей и усилением революционных настроений в военной среде, одним из проявлений которых и могло быть появление катенинской песни. Осень 1820 г. была периодом, характеризовавшимся подъемом в деятельности тайного общества, когда в программе организации появляется новая формулировка конечной цели борьбы — борьбы за русскую республику. Именно в это время Катенина вынудили уйти в отставку — этот акт несправедливости мог лишь обострить его антиправительственные настроения. Не исключена возможность, что Катенин и тогда еще был связан с тайным обществом. Но он мог написать гимн и в 1817 г., когда в среде будущих декабристов обсуждался вопрос о цареубийстве. Источником песни является «Гражданский гимн» — любимая песня французской революционной армии, написанная в 1791 г. врачом Буа (ум. в 1793), музыка композитора Далейрака (1753—1809) (см.: А. Рубинштейн. Песни французской революции. — «Литературный критик», 1939, № 8—9, стр. 115). Судя по дошедшему до нас небольшому отрывку катенинского гимна, можно сказать, что поэт создал оригинальное произведение, примененное к современным русским условиям. Припев гимна Буа безусловно оказался близок Катенину своей антитиранической направленностью. Ср. текст припева «Гражданского гимна» в переводе А. Рубинштейна («Литературный критик», 1939, № 8—9, стр. 115):

Вольность!
Вольность!
Честь тебе и слава
Деспоты дрожите! Суд наш будет скор.
Мы девиз избрали величавый:
«Лучше смерть, чем рабство и позор».

Катенинский гимн пользовался большой популярностью в декабристской среде, его пели декабристы даже на каторге и в ссылке; в Чите они выходили на работы с этой песней, пели ее также во время перехода из Читы в Петровский завод (см.: В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 151).

Софокл. Впервые — ВЕ, 1818, № 14, стр. 81, с незначительными изменениями — СО, 1818, № 34, стр. 74. Печ. по ЭО, стр. 26. Варианты СО:

Стихи 38—40 И да не сгубит чад своих —
Ареопаг уж для совета
Собрался и рассудит их.

Стихи 65—68 Он смолкнул, и судьи дивятся.
Сыны, к земле потупя взор,
Как осужденные боятся
Услышать казни приговор.

«Есть предание, — писал Катенин в РиР, — будто Софокл, под старость, укоряемый в безумии детьми, читал судьям в оправдание часть сей трагедии <то есть «Эдипа в Колоне»>, и был громко оправдан всеобщим восторгом народа; по крайней мере, так быть могло...» (ЛГ, 1830, 20 февраля, стр. 86—87). Бахтин причислял «Софокла» к числу тех произведений Катенина, которые отмечены «замашкой древних». «„Замашка" эта, — объяснял он, — состоит в простоте изображения, в естественности выражений, в силе чувств, в полноте целого, в согласии частей...» (Письмо к издателю. О рецензии на статью «О русской литературе», напечатанную в этнографическом атласе Бальби. — «Атеней», 1828, № 17, стр. 72). По поводу ст.: «Когда же мстить врагам обиду душой великие могли?» Кюхельбекер написал в своем дневнике, что для создания таких стихов «надобно иметь не мелкую душу» (ДК, стр. 80). *«Эдип»* — трагедия Софокла «Эдип-царь» (405 до н. э.). *И мог едва сыскать могилу* и т. д. Эта тема составляет содержание трагедии Софокла «Эдип в Колоне» (401 до н. э.), которую Катенин очень высоко оценивал, опираясь при этом на мнение А. Шлегеля (ЛГ, 1830, 20 февраля, стр. 86—87). *Когда великого Эсхила превысил* и т. д. В 468 г. Софокл одержал в драматургическом состязании первую победу над великим трагиком Эсхилом (525—456 до н. э.). Он был признан победителем по решению полководца Кимона и его товарищей. *Где ублажают близ Колона Богинь* и т. д. В афинском предместье Колоне был алтарь эринний. *О странник! хвалами почти Крониона...* и т. д. Катенин дает свое оригинальное изложение мотивов хора из первого эписодия трагедии «Эдип в Колоне». *И не смеет коснуться секира врага.* Античные комментаторы считали, что Софокл здесь намекал на набег спартанского (дорийского) царя Архидама II, вторгшегося в Аттику в начале Пелопоннесской войны (431 до н. э.), он не тронул маслин — деревьев,

посвященных Афине. *Дар Посидона.* Проигравший спор с Афиной из-за владычества над Аттикой, Посейдон, чтобы расположить афинян к себе (по одному из вариантов мифа), подарил им коня; в позднейшее время он считался покровителем коневодства; в его честь устраивались Истмейские игры с конными ристаниями. *К стенам Фив.* Полиник и Этеокл, сыновья Эдипа, погибли в братоубийственном поединке под стенами Фив. *Судьи... кладут шары в сосуд.* В Древней Греции производилось таким образом голосование.

Мстислав Мстиславич. Впервые под заглавием «Песнь о первом сражении русских с татарами на реке Калке, под предводительством князя Галицкого Мстислава Мстиславича Храброго» — СО, 1820, № 1, стр. 31. С изменениями — Соч., ч. 1, стр. 37. Печ. по ЭО. В ГТБ есть список «Мстислава Мстиславича» с цензорской пометой от 7 мая 1852 г.: «одобряется к представлению». Стихотворение должно было исполняться 12 мая в бенефис вдовы артиста Третьякова. Очевидно, читал его В. А. Каратыгин. Продолжая работать над текстом вошедших в книгу произведений, Катенин по поводу «Мстислава Мстиславича» писал Бахтину, что в нем «есть, может быть, две, три задоринки, но мудрено их вынуть» (ПкБ, стр. 204). Это замечание Катенина дает основание предположить, что разночтения в тексте ГТБ, возможно, восходят к позднейшей авторской правке. В статье «Взгляд на текущую словесность» (1820) Кюхельбекер признал «истинный талант» Катенина. «Начало превосходно, — писал Кюхельбекер, — достойно лучших наших писателей!» Процитировав стихи 1—35, Кюхельбекер сказал по поводу них: «Стихи не Жуковского, не Батюшкова, — но стихи, которые бы принесли честь и тому и другому» (НЗ, 1820, № 2, стр. 106—113). Кюхельбекер высказался критически лишь по поводу эпитета «дебелый» применительно к щиту. В Соч. Катенин заменил «дебелый» на «железный». В основу стихотворения Катенина положен летописный рассказ о первом сражении между русскими войсками и татаро-монгольскими ордами Чингисхана, происшедшем на реке Калке (теперь Кальчик) в 1223 г. Инициатором выступления против монголо-татар явился галицкий князь *Мстислав Мстиславич* (ум. в 1228 г.), по прозванию Удалой, отличавшийся воинскими доблестями, успехами в борьбе против немецких рыцарей. Собрав южно-русских князей на совет в Киеве, он убедил их в том, что лучше сразиться с опасным неприятелем за пределами русской земли, нежели впустить его в свои границы. В сражении на реке Калке Мстислав Мстиславич возглавлял русский авангард. Катенин писал Бахтину по поводу «Мстислава Мстиславича»: «По истории Мстислав не ранен; я его самовольно изкрасил; я же Даниила послал к нему на помощь. О других князьях я и не упомянул. Мне хотелось написать большую картину во вкусе Доменикина русскими красками, мастерским размером, и только. История тут дело совсем постороннее» (ПкБ, стр. 40). Доменикин — Доменико Цампиери (1581—1641), итальянский живописец, чьи картины отличались простотою и наивностью чувства; упоминание его имени важно для понимания замысла Катенина, стремившегося создать «наив-

ное» произведение, близкое к древним летописным сказаниям. *Даниил* Романович (1201—1264) — князь Галицкий, был женат на дочери Мстислава Мстиславича Анне. Еще в 1221 г. Мстислав Мстиславич при помощи Даниила, показавшего чудеса храбрости, изгнал угров. В битве при Калке Даниил был ранен в грудь. *Весь опыт браней долголетных Одним я разом погубил.* До битвы на Калке Мстислав Мстиславич не знал поражений.

Мир поэта. Впервые без стихов 235—238 — ВЕ, 1822, № 21, стр. 3 (стихи 1—226) и № 22, стр. 89 (остальная часть). Полностью — Соч., ч. 1, стр. 46. Печ. по ЭО. Кроме отдельных разночтений, в ЭО «Мир поэта» на 11 стихов больше. Вместо стихов 455—480 в Соч. следует текст:

Без лука он, без светочи, без крыл;
Златою бронею стан юноша покрыл,
Цветными перьями свой у́брал шлем красивый,
И белый конь под ним крути́тся лепогривый.
Подруга рыцаря, души его душа,
С ним всюду странствует веселая Надежда —
Не злато ей убор, не пышная одежда,
Сама собой она мила и хороша.
Не Смехов и не Игр толпы́ их провождают,
Но Верность, Искренность, Терпение и Труд
Владыки юного повсюду вслед текут.
Навстречу странникам, я вижу, поспешают
Суровы воины; с улыбкою благой
Амур им подает закон приятный свой,
И с радостью они ему внимают.

Судя по письму Катенина к Н. И. Бахтину от 28 января 1823 г., ст. 582 был изменен цензором: «В «Мире поэта» не могла цензура не испортить одного стиха в конце, поставила без грамматики: «До будущего пробужденье». Увы!» (ПкБ, стр. 32). Н. И. Бахтин назвал «Мир поэта» лучшим произведением Катенина «в лирическом роде как по изображению, так и по чистоте и отделке стихов» (Бахтин, ГПБ). Восторженную оценку «Миру поэта» дал Кюхельбекер в дневниковой записи от 7 января 1833 г. (ДК, стр. 86). По его мнению, более всего удалась Катенину лирическая концовка, начиная со стиха: «Нет, нет! в лице их узнаю...»: она «напоминает окончание и Гетевой «Euphrosyne» и Шиллеровой «Прогулки», но не есть им подражание». *Отплыть в суровые и льдистые страны.* Намек на самодержавную Россию. *Ветр свежий веет от востока* и т. д. Катенин представляет себе легендарные библейские времена. Он воспринимал Библию как превосходный материал для художественного творчества, хотя и видел в ней «некоторый недостаток разнообразия... Книга „Бытия“, по мнению моему, прекраснейшая изо всего священного писания. Изображение первых веков мира и кочующих пастырей-патриархов восхитительно...» (ЛГ. 1830, 21 января, стр. 37). *Все*

чувства юноши вспылали и т. д. Юноша — Иаков, полюбивший Рахиль. *Стыд вечный Яковлим сынам* и т. д. Речь идет об истории Иосифа, сына патриарха Иакова и Рахили. Согласно библейской легенде, Иаков больше всех сыновей любил Иосифа, другие же братья (Яковли сыны) завидовали ему и, решив погубить Иосифа, продали его измаильским купцам в Египет, где его купил царедворец фараона Пентефрий (или Потифар). *Преступная жена* — жена Потифара, тщетно обольщавшая Иосифа. Оклеветанный, он был заключен в темницу, где пробыл два года. *Расторгла цепь твою* и т. д. Иосиф был вызван из темницы к фараону, чтобы разгадать его сны. Предупредив фараона о грозящем Египту бедствии — голоде, Иосиф посоветовал делать запасы зерна, чем завоевал расположение фараона, который назначил его верховным правителем. *Теперь уже не сна обманутый мечтою, Ниц падших видишь* и т. д. Гонимые голодом, братья Иосифа прибыли в Египет и, не узнавая Иосифа, распростерлись перед ним в земном поклоне; он же вспомнил сон, предсказавший, что его братья «поклонятся» ему. Иосиф простил их, предложив им переселиться вместе с отцом в Египет. *Притеснители* — египтяне. После смерти Иосифа и фараона, согласно библейскому преданию, начались притеснения евреев. *Волки* — египтяне. *Сердитая река! Блюди волнам* и т. д. Фараон Раамзес II Миамун (или Сезострис) приказал каждого новорожденного еврейского ребенка мужского пола бросать в реку, но мать Моисея положила сына в корзину и поставила ее у берега реки. Согласно библейской легенде, ребенка нашла и воспитала дочь фараона — Термутис. *Тот муж* — Моисей. *Смутился фараон пред множеством чудес.* По библейской легенде, Моисей поражал египтян всякими бедствиями, десятью «казнями египетскими», чтобы добиться от фараона согласия на «исход» евреев из Египта в «обетованную землю». *Им море путь дает.* По библейской легенде, евреи прошли по суше через расступившееся перед ними Чермное море. *Законодатель* — Моисей. *Земля млека́ и меда* — «обетованная земля». *Гражда́не ли, забывши честь* и т. д. Катенин имеет в виду историю, рассказанную в Библии, о надругательстве «беззаконных сынов» «колена Вениаминова» над молодой женщиной, что привело к ее смерти. Муж, найдя свою жену мертвой, разрубил ее тело на двенадцать частей и разослал их всем «коленам Израилевым», взывая к мести. В РиР Катенин говорит, что в «Книге судей», богатой лицами и событиями, особенное внимание заслуживают два эпизода, «ожидающие только искусного трагика», один из них — «Левит Ефраимов, обесчещенный и отомщенный» (ЛГ, 1830, 21 января, стр. 37). *Утешно после брани* и т. д. Катенин рассказывает историю Руфи, которой посвящена одна из книг Библии. «Книга „Руфь“, — писал Катенин, — сельскою своею краскою и пленительным простодушием ближе всех к книге „Бытия“: я не знаю идиллии совершеннее» (ЛГ. 1830, 21 января, стр. 37). Согласно Библии, моавитянка Руфь (*сынов моавлих дочь*) после смерти мужа последовала за своей свекровью в Вифлеем. Сюда они пришли к началу жатвы ячменя, и Руфь стала подбирать колосья на поле, принадлежащем бога-

тому и знатному Воозу, который вскоре стал ее мужем. *Чета почтенная* — Вооз и Руфь. *Но паче всех один прославлен* — Давид, правнук Руфи и Вооза. *Грозный исполин* — великий Голиаф, который был побежден Давидом. *Царь, пастырь, воин и певец, Весь жизни цвет собрал в себе едином.* По поводу этих двух стихотворных строк Катенина Кюхельбекер заметил, что в первой песне своей поэмы «Давид» он встретился с Катениным «почти слово в слово» (см. ДК, стр. 86). *Кто даст мне крылья голубины* — цитата из 54-го псалма Давида. *Девять сестр* — девять муз. *Верх горы* — Парнас (греч. миф.), местопребывание Аполлона и муз. *Ток сребристый* — Иппокрена (греч. миф.), источник поэтического вдохновения. *Крылатый конь* — Пегас (греч. миф.). *Тиран несчастных Сиракуз* — Дионисий Младший, правитель Сиракуз, в 343 г. вынужден был сдаться Тимолеону Коринфскому, к которому обратились за помощью сиракузяне. *Святый союз* — в Древней Греции было 12 городов, составивших в 280 г. до н. э. Ахейский союз; в 146 г. до н. э. он был покорен римлянами. *Великолепный град и храм чудесный миру* и т. д. В крупном художественном центре Древней Греции городе Олимпия во 2-й четверти V в. до н. э. зодчим Либоном был построен храм Зевса Олимпийского, статуя которого была изваяна знаменитым Фидием (ок. 500 — ок. 430 до н. э.) из золота и слоновой кости. *Каков являлся он Омиру.* Статуя Зевса, созданная Фидием, воспроизводила то описание Зевса, какое дано в «Илиаде» Гомера. *Где от Эллады всей стекаются бойцы* и т. д. В городе Олимпия каждые четыре года происходили игры — величайшие из эллинских национальных праздников. *Несчастная Мессéна, наследие Иракловых детей.* Мессена, считавшаяся наследием потомков Геракла (Иракла), составляла самостоятельное греческое государство, населенное дорянами; в результате трехкратных войн со Спартой Мессена была превращена в ее провинцию. *Аристомен* — герой и предводитель мессенцев во второй мессенской войне (685—668 до н. э.), до последних сил сражавшийся со спартанцами. *Дивлюсь твоим законам строгим.* Жители Спарты отличались суровым образом жизни, все общественные порядки были подчинены основной задаче — воспитанию хороших воинов. *Фивский герой* — Эпаминонд (ок. 420—362 до н. э.) — вождь мессенцев; в возглавлявшемся им четвертом походе против Спарты, который закончился сражением у Мантинеи (362 до н. э.), он добился блестящих успехов, но в то самое время, когда поражение спартанцев казалось неизбежным, Эпаминонд был смертельно ранен. *Аяксовы брега.* Очевидно, подразумевается остров Саламин, где имелось святилище героя Аякса Большого (греч. миф.), участника Троянской войны, на этом острове ежегодно происходили игры в честь героя. *Мидян и персов царь великий* — Ксеркс, царь Персии (486—465 до н. э.), сын Дария; хотел завоевать Грецию, для чего собрал ополчение в миллион воинов и флот из 1200 судов, но был в 480 до н. э. разбит на море в битве при Саламине. *Паллады стен.* Афина-Паллада (греч. миф.) считалась хранительницей городов, крепостей и их стен. *Ареев холм венчает девы храм.* Холм Ареса, на котором происходили заседания Ареопага, в Афи-

нах; «девы храм» — храм Афины-Паллады, даровавшей людям законы и учредившей Ареопаг. *Зевкс* — Зевксис (V—IV вв. до н. э.) — древнегреческий живописец. *Прекрасный дом игр* — Афинский театр. *Из мрака лет давно минувших* и т. д. Здесь, поясняет Н. И. Бахтин, Катенин «воображает видеть на Афинском театре представление Эсхилова „Прометея“» (Бахтин, ГПБ). Прометей был любимым героем Катенина. Он говорил по поводу трагедии Эсхила «Прометей», что она «превосходит все произведения древней Мельпомены изображением великого характера. Промефей борется против силы неодолимой, и твердостью терпения, так сказать, одолевает ее...» (ЛГ, 1830, 15 февраля, стр. 78). *За ратью рать идет* и т. д. Здесь говорится о Древнем Риме, его величии, основанном на порабощении народов, и падении его в результате наступления варваров. *Слепой младенец Афродиты* — Эрот (Амур), его изображали с завязанными глазами и луком в руках. *Мавров Молот Карл* — Карл Мартелл (688—741), верховный правитель франков, в 732 г. разбил арабов и остановил их нашествие на Европу. *Кампеáдор Сид* — см. стр. 680. *Годфред* — Годфрид де Буйон (Годфрид Буйонский) (1061—1100), герцог Лотарингский; был одним из предводителей первого крестового похода, в 1099 г. завоевал Иерусалим. *Ричард* I Львиное Сердце (1157—1199) — английский король, сын Генриха II, на престоле с 1189 г., отправился в крестовый поход, где проявил большое мужество, см. примеч. к «Пиру Иоанна Безземельного», стр. 707. *Баярд* — Пьер де Терайль (1476—1524), «рыцарь без страха и упрека», бесстрашный воин; имя его стало нарицательным для обозначения рыцарского благородства и отваги. *Два Мстислава, честь России... столпы святой Софии.* Первый — Мстислав Ростиславович, по прозванию Храбрый (ум. в 1180 г.), князь Смоленский; второй — его сын, Мстислав Мстиславич Удалой (см. о нем примеч. на стр. 672). *Святая София* — церковь св. Софии в Новгороде, символ новгородской вольности. Оба Мстислава, призывавшиеся новгородцами на княжение, были ревностными поборниками интересов Новгорода.

Сонет («Италия! Италия! Зачем...»). Перевод 87-го сонета «All'Italia» итальянского поэта Винченце Филикайи. Впервые — СО, 1822, № 16, стр. 82. Сонет Филикайи был переведен Байроном в «Чайльд-Гарольде» (4-я песня), пользовался громадной популярностью в Италии. В СО сонет был напечатан со след. примеч. Катенина: «Желая для образчика перевести итальянский сонет, я из множества выбрал именно этот, потому что в нем нет той приторности и ложного блеска, которые часто в сем роде поэзии встречаются и портят его, а, напротив, смелые, благородные чувства истого сына отечества. Сочинитель, флорентинец-сенатор Филикайя, родился в 1642 г., умер в 1707, следственно описание несчастий Италии относится к давнопрошедшему времени». Примечание вызвано цензурными опасениями. В это время сонет Филикайи звучал политически актуально: в 1820—1821 гг. в Италии, бóльшая часть которой находилась под игом Австрии, происходили революционные волнения. Филикайя гневно обличал в своем

сонете современных ему угнетателей Италии — французов, но когда его стихотворение прочитали ставленнику Наполеона I — Мюрату, королю Неаполя, то оно прозвучало так злободневно, что Мюрат потребовал расстрелять автора произведения, оскорблявшего честь французской армии; он успокоился лишь тогда, когда его уверили в смерти Филикайи, скончавшегося более ста лет тому назад. Характерно, что Катенин, стремясь приблизить сонет Филикайи к современности, снял упоминание о французах, заменив его обобщенным «хищным соседом», давая, таким образом, возможность читателям переосмыслить сонет в свете современного положения Италии.

Октавы из «Бешеного Роланда». Перевод 42—43-й строф из 1-й песни и 108—109-й из 23-й песни поэмы Лодовико Ариосто «L'Orlando furioso». Впервые — Соч., ч. 2, стр. 112. Ариосто (1474—1533) — итальянский поэт. Характеризуя поэму Ариосто в РиР как романтическую эпопею, Катенин считал главными достоинствами Ариосто выбор «богатого, истинно эпического содержания» и «дельные» подражания древним (ЛГ, 1830, 25 июля, стр. 43—45). Данный перевод предпринят, очевидно, Катениным, как и перевод строф из «Освобожденного Иерусалима» Тассо, скорее всего для доказательства возможности переводить итальянскую поэму в форме подлинника — октавой. Катенин отстаивал точку зрения, что перевод должен быть выполнен с сохранением формы оригинала («Письмо к издателю». — СО, 1822, № 14, стр. 303). Александрийский стих, которому присуще «однообразие», говорит Катенин, не «годится для такого длинного сочинения, какова эпопея» и «тяжел в выражении чего-нибудь простодушного, сельского, живописного...» (там же, стр. 304). Катенин перевел Ариосто и Тассо пятистопным ямбом с цезурой на второй стопе и с следующим сочетанием рифм: первая и третья рифма — женская, вторая и четвертая — мужская, пятая и шестая — женская, седьмая и восьмая — мужская (по формуле ABABCCDD). С Катениным не согласился О. М. Сомов, который оспаривал мнение о том, «будто бы великих стихотворцев должно переводить собственным их размером» (СО, 1822, № 16, стр. 66—68). Критик аргументировал свою точку зрения различиями, существующими между языками. Полемизируя с Катениным, Сомов утверждал, что краткость стихов пятистопного ямба, теснота пределов октавы только связывают переводчика, и отстаивал достоинства александрийского стиха, «важность» которого, по его мнению, нисколько не вредит эпопее. Сомов считал лучшей октаву Жуковского, где вслед за последними двумя женскими стихами предыдущей октавы следовал также женский стих, начинающий следующую октаву. Катенин писал по этому поводу: «Слова нет, что она <октава Жуковского> ближе моей к итальянской, но... надлежало бы критику... доказать, буде можно, что слух не оскорбится, когда после двух женских стихов встретит третий женский же, на другую рифму... Всякий человек, одаренный ухом чувствительным, заметит, сколько такое несочетание рифм

неприятно» (СО, 1822, № 17, стр. 124—125). Полемика между Катениным и Сомовым затянулась, в нее включился и Н. И. Греч. В конечном итоге каждый из споривших остался при своем мнении (см. СО, 1822, № 17, стр. 121; № 19, стр. 207; № 21, стр. 28, 34). На сторону Катенина в вопросе об октаве встал впоследствии Пушкин. В «Домике в Коломне» и «Осени» он применил катенинский вариант октавы. *Цветущий лес, луга* и т. д. Эти строфы связаны с повествованием о том, как рыцарь Роланд, влюбленный в прекрасную дочь китайского короля Галафрона Анджелику, разыскивая ее, наконец видит в лесу грот, на стенах которого начертаны углем надписи, рассказывающие о любви Анджелики и Медора. Этот эпизод имеется и в вольном переводе Пушкина, который перевел 100—112 строфы 23-й песни «Неистового Роланда». *Медор* — прекрасный молодой мавр, простой воин, Анджелика нашла его тяжело раненным и своим уходом вернула к жизни. По мнению Катенина, Медор — «одно из лучших лиц в „Бешеном Роланде"» (ЛГ, 1830, 25 июля, стр. 46).

РОМАНСЫ О СИДЕ

Перевод первых 22 испанских романсов о Сиде, обработанных немецким поэтом и критиком Иоганном Годфридом Гердером (1744—1803) «Geschichte des Don Ruy Diaz, Grafen von Bivar, unter König Ferdinand dem Grossen» («История дона Руи Диаса, графа фон Бивар, при короле Фердинанде Великом»). Впервые — Соч., ч. 2, стр. 117. Гердер перевел всего 70 романсов о Сиде, из которых первые 22 романса, переведенные Катениным, представляют собой законченный цикл, рассказывающий о подвигах Сида в царствование Фердинанда I Великого. Для своего поэтического перевода Гердер использовал, как главный источник, французский прозаический перевод испанских романсов, которые были опубликованы в июле 1783 г. в «Bibliothéque universelle des romans, ouvrage périodique», стр. 3—176. Анонимный французский переводчик пользовался испанскими источниками. Гердер знал также некоторые испанские источники. Самому Катенину романсы о Сиде были известны во французских, а также немецких обработках. В РиР он говорит о том, что ему попалась в руки «любопытная книга», напечатанная в Германии, под названием «Древней Кастильской вивлиофики», в которой содержится старинная поэма о Сиде. Знал он несколько романсов о Сиде и в испанском оригинале. Об этом свидетельствует, в частности, высказанный им упрек в адрес Гердера, который, по его словам, «позволил себе кое-что на свой вкус переиначить» (ЛГ, 1830, 3 сентября, стр. 111). Катенин придавал громадное значение исторической достоверности повествования о Сиде: «Все про него написанное имеет необычайную свежесть и занимательность, я думаю, именно оттого, что все правда. Во всей жизни своей, от первого поединка юноши за честь отца с сильнейшим воином всей Кастилии до тихой смерти в глубокой старости в завоеванном им городе Валенции, он так добр, честен, храбр, умен, так счастливо родился быть

любимцем певцов, что к нему невольно привяжешься со всем необыкновенным чувством, жадно ловишь малейшие подробности, боишься что-нибудь пропустить; дойдя до конца, жалеешь, что скоро кончилось, и с горя примешься опять за начало. Я, по крайней мере, после божественного Гомера не найду ничего лучше и привлекательнее» (ЛГ, 1830, 3 сентября, стр. 110—111). Рассматривая романсы о Сиде как самобытную, «самородную» поэзию, Катенин считает, что «нашего вкуса, или, правильнее сказать, наших привычек, она знать не обязана, а мы должны, буде одарены вкусом чистым и живым чувством прекрасного, применяться к обычаям старины, перенестись совершенно в тот быт, забыть на время свое воспитание и предрассудки, им вкорененные...» (там же, стр. 111). Эта точка зрения и определила отношение Катенина к «Романсам о Сиде». В своем переводе их с немецкого переложения Гердера он в ряде случаев еще более приблизил романсы к народной основе, акцентировал наивность, присущую народной хронике, подчеркнул простоту нравов и суровую воинственность той эпохи. Старинная «Poema del Sid» («Поэма о Сиде»), относящаяся к XII в., написана очень несовершенным, еще не обработанным стихотворным размером. Несомненно, что Катенин учитывал и этот момент, намеренно удаляясь от чеканной стихотворной формы, применив четырехстопный трохей без рифм, как бы нарочито подчеркивая, что читатель имеет дело с своеобразным художественным примитивом. Возможно, поэтому он отказался и от строфического деления, которое есть у Гердера, хотя и у него количество стихотворных строк в строфе непостоянно: оно колеблется от четырех до десяти. В 1831 г. ряд гердеровских романсов о Сиде был переведен Жуковским. По этому поводу Бахтин писал в примечании к Соч.: «„Романсы о Сиде" из Гердера переведены г. Катениным еще в 1822 г. Существование сего перевода было многим из наших литераторов в то время известно; наконец, в 1830-м было о сем объявлено и в «Литературной газете»... Между тем г. Жуковский перевел также «Романсы о Сиде» и издал их в свет. Перевод г. Катенина потерял чрез то прелесть новости; но любители поэзии, не знающие немецкого языка, сличая два перевода, получат вернейшее понятие о самых романсах, нежели какое они могли бы иметь, читая только один. Г. Катенин в переводе своем не сделал никаких перемен после того, как оный был окончен в 1823 г.» (Соч., ч. 2, стр. 190). Жуковский перевел только несколько романсов о Сиде из цикла, относящегося к периоду царствования Фердинанда I. В соответствии с творческими принципами Жуковского, его переводы далеки от подлинника, романсы изложены им в вольной передаче, часто неполно и сжато.

1. *Сид* — историческое лицо по имени Руи (Родриго) Ди́ас граф де Бивар (ок. 1030—1099), родился в г. Бургосе, славился в войнах против мавров; по преданию, они и дали ему почетный титул Сид (от арабского seid — господин, повелитель, победитель). Народная память донесла до поздних дней в хронике и романсах воспоминание о Сиде как о защитнике свободы отечества, добром,

благородном и мудром человеке, герое, который дерзал говорить королям правду. Только благодаря своим личным доблестям Сид занял высокое положение и даже достиг королевской власти, завоевав Валенсию. Короли кастильские вели свою генеалогию от Сида. *Лайнецы* — кастильский род, отец Сида вел свое происхождение от Лаин Кальво — верховного судьи Кастилии (нач. X в.). Народные романсы подчеркивают демократическое происхождение Сида, называют его или побочным сыном мельника, или ведут род Сида от фамилии судей. *Инигосы и Абаркосы* — знатные кастильские фамилии. *Дон Гормас* — историческое имя: дон Гомес, граф де Гормас.

2. *Мударда* — правильно: Мударра, в издание романсов Гердера, которым пользовался Катенин, вкралась типографская ошибка. Мударра — один из любимых народных героев Испании, воспеваемый в романсах.

5. *Дон Фернандо* — Фердинанд I Кастильский (1035—1065), сын короля Наварры Санчо Великого, получил от него графство Кастильское, с 1037 г. стал титуловаться королем Кастильским, затем присоединил к своим владениям и Леон; в борьбе против арабов добился больших успехов. *Химена* — имя вымышленное; исторический Сид женился в 1074 г. на двоюродной сестре короля Альфонса VI, дочери дона Диего, графа Астурийского. Это был его второй брак. *Все сидят на мсках верхами, Только Родриг на коне* и т. д. Характерное для испанского фольклора восхваление любимого героя, в противоположность его свите, имеет место и в русских песнях. *Поцелуй Фернанду руку.* У Гердера: «Deines Königs Hand» (т. е. руку твоего короля). Если Жуковский в своих переводах, вопреки исторической истине, все время называет Фернанда «королем-владыкой», то Катенин, в соответствии с принципом романтического историзма, правильно передает соотношение сил в ту эпоху. В хронике о Сиде герой вообще отказывается целовать руку королю, а в романсе, переведенном Гердером, независимость образа мыслей и действий героя подчеркивается тем, что Сид соглашается на это лишь по просьбе своего отца.

6. *Потомка храбрых.* Храбрые — вестготы, скрывшиеся в горах Астурии и сохранившие свою независимость до нашествия арабов на Испанию (711 г.). *Пелаг* — Пелагий (или Пелайя), предание называет его родственником вестготских королей и первым королем Астурии; согласно испанским летописям, он вернул свободу испанцам.

7. Письмо дона Родриго к Химене в испанском оригинале отсутствует, у Гердера оно является вольной и сокращенной обработкой французской песенки. Возможно, что Катенину это было известно, так как он в данном случае не очень точно придерживается Гердера, и письмо Родриго, в переводе Катенина, звучит как лирическая народная песенка. В испанской «Poema del Cid» мотив любви Родриго к Химене отсутствует: она выходит за него замуж

из политических расчетов, а Родриго женится на ней помимо своей воли. Любовный мотив появляется лишь в «Рифмованной хронике» («Cronica rimada») и в народных испанских романсах.

8. *Биварский замок.* Отец Сида, дон Диего, отвоевал в 1054 г. Бивар от наваррского короля, отсюда титул его рода. *Конь его слыл Бабиеца.* Бабиека — имя знаменитого коня Сида; в буквальном переводе — «глупыш». *А в подарок дон Фернанду* и т. д. Во французском оригинале дон Родриг подарил пленных королей своей матери. Гердер изменил эту концовку, и, таким образом, получилось, что конец этого романса противоречит началу десятого. Катенин придерживается текста Гердера.

11. *Соломон* (1036—980 до н. э.) — израильский царь, отличавшийся умом и проницательностью, имя его сделалось синонимом мудреца.

12. *Так, как с древним мудрецом.* Возможно, имеется в виду Эмпедокл (ок. 490—430 до н. э.) — древнегреческий физик, философ, поэт, оратор, политический деятель и врач; по преданию, погиб в кратере Этны.

15. *Лаин Кальво* — см. стр. 680. *Монастырь Петр Апостол де Кордонья* — монастырь св. Петра в Карденье, где Сид будто бы оставлял семью во время своего изгнания; как говорят романсы и прозаическая хроника, здесь был похоронен Сид, его жена Химена, а недалеко от ворот монастыря — конь Бабиека.

16. *Альвар-Фанец* — Минайя Альва Фаньез, испанский гранд; фигурирует в поэме о Сиде и во всех романсах в качестве друга и соратника Сида.

17. Здесь исторические анахронизмы: Испания не воевала, например, в то время с Францией. *Папа Виктор* — Виктор II (1055—1057), возведен на папский престол Генрихом III. *На престоле сел апостола Петра.* Глава римско-католической церкви — папа — считался наместником апостола Петра *Кесарь Гейнрих* — Генрих III (1026—1056), римско-германский император, созвал в 1046 г. собор в Сутри, низложивший трех соперничавших пап. *Граф Раймонд Савойский* — очевидно, вымышленный персонаж; может быть, имеется в виду столкновение Сида с графом Барселонским, который в поэме о Сиде называется Ремоном, то есть Раймондом.

18. *Государь наш Сид* — см. примеч. к романсу 1, стр. 679.

20. *Сорок марк ей серебра.* Марка — немецкий монетный вес, на гирях ставили знак, то есть марку.

21. *Всей Гишпании властитель.* Фердинанд I отнял город Коимбру у арабов, а ряд мусульманских князей он поставил в вассальную зависимость и стал называть себя императором Испании.

К стр. 162

Октавы из «Освобожденного Иерусалима». Перевод 1-й строфы из 1-й песни; 4-й строфы из 3-й песни; 3-й строфы из 4-й песни; 69-й строфы из 12-й песни; 21-й строфы из 13-й песни эпопеи итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595) «La Gerusalemme liberata». Впервые — СО, 1822, № 14, стр. 307. Печ. по Соч., ч. 2, стр. 114. Основные варианты СО:

Стихи 3—8

Вотще ему противились народы,
И адовы подвигнулись врата.
Велик его сей подвиг был священный,
Велик и труд, героем понесенный;
Но бог ему покровом был, и сам
Вновь сóбрал рать к Годфреда знаменам.

Стихи 14—10

Зовут к нему вдали приветным кликом,
Друг другу: «брег» — твердят, и навсегда
Забыт и труд, и горе, и беда.

Строфа 3

Всех жителей тьмы Тартара подземной
Сзывает рев трубы жилища мук;
Огромный свод дрожит пещеры темной,
И гул глухой во мгле сугубит звук.
Не так гремит, когда с высот для кары
Свинцом бьют в дол небесных стрел удары;
Не так дрожит, колеблясь, верх горы,
Коль рвутся вон из недр ее пары.

Современники Катенина К. Н. Батюшков и А. Ф. Мерзляков переводили «Освобожденный Иерусалим» Тассо александрийским стихом. С. Е. Раич перевел Тассо ямбом, чередуя четырехстопные и трехстопные строки. Катенин высоко оценивал достоинства эпопеи Тассо, но вместе с тем критиковал ее автора за несоблюдение исторических фактов; он, например, сожалел, что Тассо в честь Феррарскому герцогу создал «мнимого предка семейства Эсте» — Ринальда, вместо того чтобы вывести подлинно историческое лицо, и вообще мало обращал «внимания на историю и предания, на отличительные свойства времени и места» (ЛГ, 1830, 25 июля, стр. 47). Перевод Катениным 3-й строфы 4-й песни поэмы Тассо был подвергнут критике О. Сомовым (см. СО, 1822, № 16, стр. 69—73), который отметил неточность перевода стиха Тассо («Свинцом бьют в дол небесных стрел удары»): «здесь глагол piombare, — писал Сомов, — означает: разить, бить во что-нибудь» (СО, 1822, № 16, стр. 72). Катенин сначала возражал Сомову (СО, 1822, № 17, стр. 121—125). Однако сравнение первоначальной редакции этой строфы, приведенной нами выше, с окончательной показывает, что Катенин, вопреки существовавшей точке зрения о его «упрямстве» и «самолюбии», которые мешали ему якобы исправлять свои стихи (см. ДК, стр. 115, 137), принял, в основном, все критические замечания Сомова и переделал в соответствии с ними строфу. *Подвиг воеводы, кем гроб освобожден Христа.* Воевода — Годфрид Буйонский (см. стр. 676); Тассо был верен преданию, согласно кото-

рому Годфрид был главным начальником крестового похода. *И адовы метали огнь врата.* У Тассо не только мусульмане, но и все силы ада чинят препятствия крестоносцам. *Великий труд претил завоеванью* и т. д. Годфрид одним из первых проник в Иерусалим, египетский султан с 400-тысячным войском пошел на малочисленные силы крестоносцев, но Годфрид первый напал на султана и разбил его войска в долине Аскалона. *Красавица* — Клоринда, прекрасная персианка. *И рыцарю,* т. е. Танкреду, герою крестового похода, который, по Тассо, был пламенно влюблен в Клоринду и неумышленно убил ее на поединке. В легенде, которой следовал Тассо, Танкред выступает как идеал рыцарского благородства и добродетели.

Ахилл и Омир. Впервые — СО, 1828, № 2, стр. 194. С изменением — Соч., ч. 1, стр. 70. Печ. по ЭО. Основные варианты Соч.:

Стихи 299—303
Щит в шуице, трудов Ифестовых венец,
На коем медь, сребро, и злато, и свинец
Искусством божеским чрез огнь совокупились
И, в дивны образы сложась, одушевились;
Поножья — олово, медь светлая — броня.

Стихи 306—310
Эгидой озарен Афины светлоокой,
Он разливал лучи, какие в темноте
Горят призывные на башен высоте
Во граде бедственном, осадою стесненном,
Не зрящем помощи и к смерти осужденном.

В письме от 11 февраля 1828 г. Катенин писал Н. И. Бахтину: «Вы властны в „Ахилле и Омире"». Очевидно, Бахтин предлагал внести в текст стихотворения некоторые стилистические изменения, а с критическими замечаниями его Катенин почти всегда соглашался: «он отчасти написан для Вас... В свете он, правда, сильного впечатления произвести не может: trop classique <слишком классичен. — франц.>, но художники, вероятно, отдадут ему некоторую справедливость» (ПкБ, стр. 108). Основой стихотворения является античное предание о причине слепоты Гомера. *Остров пустынный.* Катенин просил Бахтина навести специальные справки у «мореходцев» о современном названии Ахиллова острова, который, по его предположению, должен находиться «в море недалеко от левого или северного устья Дуная» (ПкБ, стр. 115). Получив от Бахтина подтверждение своей догадке, Катенин благодарил его в письме от 7 сентября 1828 г. (ПкБ, стр. 124). В примечании издателя к Соч. мы читаем: «Остров сей, называемый ныне Фидонисий, по-турецки Илам-Идаси, по-русски Змеиный остров, находится от Сулийской Дунайской Гирлы к востоку в 17-ти италийских милях. Он представляет мореходцам вид необитаемой дикой скалы, выдавшейся из моря, и служит им часто защитою от ветров. Стихотворец описал его весьма верно, не видавши...» (Соч., ч. 1, стр. 181). *Женщины сильные* — амазонки (греч. миф.), женщины-воительницы, образовавшие своеобразное военное государство

на берегах Азовского моря или в Малой Азии, вступали в браки с мужчинами соседних племен, но мужей и рождавшихся сыновей отсылали на их родину. *Юный пастух* — Гомер. *Чудесные басни.* Гомер рассказывает легенду о своем «божественном» происхождении (см. об этом поэму Н. И. Гнедича «Рождение Гомера»). Сам Катенин, подобно А. Шлегелю, считал, что Гомер как историческое лицо не существовал (ЛГ, 1830, 10 февраля, стр. 70). *Многострадалец* — Одиссей. *Сарпедона в бою победитель* — Патрокл. *Близнецы стрелометные* — Аполлон и Артемида. *Сребролучный бог* — Аполлон; в данном случае он рассматривается как бог-воитель, который своими стрелами солнца поражает врагов. *Копие от ясней* — сделанное из ясеня. *Щит* — чудесный щит Ахилла, выкованный Гефестом; описание его дано в XVIII песне «Илиады». *В стопах теснимые* — т. е. сбившиеся в толпы. *Семь градов* и т. д. Города Аргос, Афины, Колофон, Смирна, Саламин, Родос, Хиос оспаривали право считать Гомера своим уроженцем. Тема поэта, несчастного при жизни и славного после смерти, была очень распространена в романтической поэзии и близка как Катенину, так и Кюхельбекеру. *Мудрейший там законодатель* — Солон (ок. 638—559 до н. э.), один из семи греческих мудрецов, элегический поэт, положил начало объединению песен Гомера в одно целое. *Асии завоеватель* — Александр Великий (Македонский) (356—323 до н. э.). Согласно преданию, еще в молодости прочитав творения Гомера, он пожелал сравняться с Ахиллом *Взирая на его могилу.* Александр Македонский, выступая в 334 г. в поход против персов, совершил жертвоприношение в честь Ахилла на развалинах Трои.

Любовь. Впервые под заглавием «Песня» — «Невский альманах на 1830 г.», СПб., 1830, стр. 283. Печ. по Соч., ч. 1, стр. 25. Автограф под названием «Песня» — ГПБ.

Старая быль. Впервые — СЦ, 1829, стр. 33; с цензурным пропуском в строфе 19 стихов 2—6. Полностью — Соч., ч. 1, стр. 98. Печ. по ЭО. Два автографа с незначительными разночтениями — в ГПБ. Было напечатано в СЦ с примечанием: «За стихотворение сие обязаны мы А. С. Пушкину, который доставил нам оное при следующем письме: «П. А. Катенин дал мне право располагать этим прекрасным стихотворением. Я уверен, что вам будет приятно украсить им ваши „Северные цветы“». Катенин начал писать стихотворение в Петербурге весной 1827 г., продолжал работу над ним в 1827—1828 гг. в Шаёве и Колотилове. Упоминания о нем встречаются в письмах к Н. И. Бахтину от 28 ноября 1827 г., 11 февраля 1828 г., 17 апреля 1828 г. Катенин обсуждает отдельные детали стихотворения, уже полученного Бахтиным. Стихи 51 и 258 вызвали критические замечания Бахтина, с которыми согласился Катенин. Пушкину Катенин послал «Старую быль» 27 марта 1828 г. (см.: Пушкин, т. 14, стр. 8) вместе со стихотворным посвящением «А. С. Пушкину» (см.), но Пушкин отдал в СЦ одну «Старую быль» и вместо посвящения Катенина напечатал свой «Ответ Катенину». Катенин был очень раздосадован этим, и писал Бахтину

в марте 1829 г.: «Не цензура не пропустила моей приписки Саше Пушкину, но... он сам не заблагорассудил ее напечатать; нельзя ли ее рукописно распустить по рукам для пояснения его ответа» (ПкБ, стр. 135). Ю. Н. Тынянов в свое время дал интересный анализ всей этой стихотворной полемики поэтов, указав на то, что «Старая быль» была откликом на пушкинские «Стансы» («В надежде славы и добра...») (см.: Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. Л., 1929, стр. 160—175). Но «Старая быль» имеет более широкое значение, не являясь лишь полемическим выступлением против Пушкина, в котором Катенин хотел видеть не только противника, но и союзника (см. об этом во вступит. статье стр. 45). *Победой в Херсоне.* Владимир Святославович, великий князь Киевский, в 988 г. взял г. Корсунь (Херсонес). *Анна.* Предание связывает завоевание Херсонеса с женитьбой Владимира на византийской царевне Анне Романовне. *Августа-брата.* Август — титул римских императоров; здесь подразумевается один из братьев Анны — византийский император из Македонской династии Василий II (976—1025), правивший вместе с братом Константином IX. *Сегодня был праздник, а завтра другой* и т. д. Между письмом Катенина к Н. И. Бахтину от 20 августа 1826 г. (см. вступ. статью, стр. 16) и описанием празднеств в «Старой были» есть несомненная перекличка. *Цимиский* — Иоанн I Цимисхий, византийский император (ум. 975). *Святослав* — Святослав Игоревич (945—972), великий князь Киевский. *Боянам и честь и награда.* Катенин так объяснял смысл этой строки: «то есть подобным Бояну, хорошим певцам, соловьям таким, каков он был» (ПкБ, стр. 114). *Наш среднего роста* и т. д. Подразумевается сам Катенин, который писал к Бахтину: «Вы жалеете, что русского певца не описал я величественнее; я этого именно избегал по двум причинам; первая: огненный взор и сила членов лишнею выйдут рисовкою, когда ему не достанется ничем на деле этого оправдать; вторая и главная: по плану всего мне хотелось отнюдь не казаться к нему пристрастным, а, напротив, говорить как бы холодно об нем: тем, может быть, все читатели лучше об нем заключат, что и князь, и народ, и сам рассказчик за него не стоят, хоть очень видно, что он человек хороший и умный. Поэтому я его и петь не заставил, а слегка только намекнул, о чем бы он мог петь...» (ПкБ, стр. 113). *Когда б воспеть хотела ты* и т. д. Песня грека, прославляющего царя и самодержавие, по словам самого Катенина, является родом пародии на торжественные оды Ломоносова и «всех наших лириков» (ПкБ, стр. 113). Здесь Катенин высмеивает, конечно, не Ломоносова, которого он высоко ставил, а вообще выступает против подчинения поэзии задаче прославления «царей величия святого». *Причтен ты к роду Константина.* Владимир был женат на греческой царевне Анне, сестре византийского императора Василия II (см. выше). *Они прияли власть от бога.* Против теории божественного происхождения власти русских монархов последовательно выступали декабристы, например друг Катенина Никита Муравьев (см. ИПД, т. 1, стр. 331). *Два льва* и т. д. В прямом смысле один из символов власти византийских императоров (см.: В. В. Ви-

ноградов. О стиле Пушкина. — «Литературное наследство», № 16—18. М., 1934, стр. 144), в переносном — возможно, намек на прислужников царя — жандармов типа А. Х. Бенкендорфа. *И если кто в пяти шагах* и т. д. По-видимому, здесь намек на запрет подавать жалобы непосредственно самому царю. *Неувядающее древо* — также символ власти византийских императоров, предмет дворцового убранства. *Всемила* — под этим именем подразумевается умершая невеста Катенина. *Храбрый* — в прямом смысле — Святослав, в переносном — возможно, кто-то из погибших декабристов.

А. С. Пушкину. Впервые — Соч., ч. 1, стр. 98. Печ. по ЭО. См. предыдущее примеч. В автографе ГПБ в конце стихотворения есть приписка Катенина: «Французы взяли и разграбили Царьград два столетия после Владимира. Ринальд, женатый, отказался от опасного испытания и не стал пить из кубка, завороженного так, что муж верной только жены мог выпить до дна, а прочие поневоле питьем обливались. Ариост. «Orlando furioso» <«Неистовый Роланд» — итал.>. Песнь 42-я и 43-я». Свой «Ответ Катенину» Пушкин напечатал в СЦ, 1829, см. примеч. к «Старой были», стр. 685. Стихотворение полно острых политических намеков: «я сам служивый» — продиктовано воспоминанием о ссылках, в которых находился Пушкин именно из-за своего «бейронского» пенья; «тебе вослед опять за славой» — напоминание о судьбе самого Катенина (см. об этом подробнее: Ю. Н. Тынянов. Архаисты и новаторы. Л., 1929, стр. 174—175). *Историограф почтенный* — Н. М. Карамзин, автор «Истории государства Российского». *Ринальд-паладин.* Ринальд, один из героев поэмы Ариосто «Неистовый Роланд».

Элегия. Впервые — СЦ, 1830, стр. 11. С изменением — Соч., ч. 1, стр. 101. Печ. по ЭО с уточнениями по автографам ГПБ, имеющим небольшие разночтения. Посылая «Элегию» Н. И. Бахтину, Катенин писал 16 октября 1828 г.: «Судите ее, почтенный, и строго судите: скажите всю правду, ибо ничто не вреднее поэту собственного ослепления; я же теперь — так ослеплен, так очарован своим произведением, что и сказать стыдно; одно только скажу: в моих глазах оно лучше всего, что я когда-либо сделал, и если бы одну вещь я принужден был выбрать для сохранения в потомство, не колеблясь бы эту всем предпочел» (ПкБ, стр. 128). Поэту она была, вероятно, особенно дорога своим автобиографизмом, тем, что он рассказал в ней о себе, как о гонимом «судьбою», то есть правительством, изгнаннике. Эту политическую ноту элегии сразу уловил Н. И. Греч, которому первоначально было передано стихотворение для напечатания. Катенин отказался вычеркивать наиболее опасные места: «Греч est un poltron <трус — франц.>, и, коли цензор пропустил «Элегию» in statu quo <без изменений — лат.>, нет нужды никому за нее трепетать, я ни за что не соглашусь ее портить...» (ПкБ, стр. 136). В другом письме Катенин писал по этому же поводу Бахтину, сообщая ему со слов В. А. Каратыгина: «Чебышов имел стычку с Гречем, по случаю «Элегии»... Греч кричит, якобы я хотел ею подбить его, из чего ясно, что он, мошенник, своим криком

теперь на меня доносит и, как гусь капитолийский, будит стражу» (ПкБ, стр. 138). Катенин предложил Бахтину передать «Элегию» в СЦ, что и было сделано. Опасения Греча, видимо, были вызваны темой Александра Македонского, в которой можно было усмотреть намек на Александра I. Сам Катенин не отрицал справедливости этих подозрений, что видно из следующих строк его письма к Бахтину: «В «Подснежнике» помещены сцены из Кюхельбекера драматической поэмы «Ижорский»; в одной является Бука, в виде обезьяны на престоле, в порфире и с пуком розог; и после этого бездельник Греч смеет пугаться за Александра Македонского...» (ПкБ, стр. 145). Катенин считал, что Кюхельбекер под видом Буки выводил Николая I. *Сафо* (VII в. до н. э.) — древнегреческая поэтесса, по преданию, бросилась в море с Левкадской скалы из-за безнадежной любви к юноше Фаону. *Бранный Эсхил.* В молодости Эсхил был участником Марафонской битвы (490 до н. э.), в которой греки одержали победу над персами. *С смертью в когтях орел.* Легенда называет причиной смерти Эсхила черепаху, которую орел уронил на его голову. *Старец Софокл! умирай* и т. д. См. примеч. к стих. «Софокл», стр. 671. *Евдор благородный* — подразумевается сам Катенин. *Полимах-вождь* — подразумевается отец Катенина, генерал. *Порфирий* — подразумевается дед Катенина А. Я. Пурпура. *Между Додонского вещего леса* — намек на глухие леса Костромской области, окружавшие поместье Катениных. *Младший домой возвратился.* По-видимому, брат поэта, Петр Александрович Катенин, костромской помещик, отставной военный (ум. 1841 г.). *Дети и внуки их все были ратные люди.* Александр Андреевич Катенин (1803—1860) — двоюродный брат П. А. Катенина, очень любимый им, в 1822 г. прапорщик Преображенского полка, впоследствии генерал-адъютант, командир Преображенского полка; Федор Андреевич Катенин, младший брат Александра Андреевича, служил в Варшаве в Литовском гвардейском полку; Иван Николаевич Катенин, двоюродный брат П. А. Катенина, подполковник гвардии. *Сам же Евдор служил царю Александру.* Под именем Александра Македонского Катенин подразумевает Александра I. *Сам Александр ... на пире вечернем* и т. д. Александр I смотрел в мае 1816 г. представление пьесы Расина «Эсфирь» в переводе Катенина, после чего Катенин был приглашен на ужин к «высочайшему столу» («Русский театр в царствование Александра I, 1801—1825. Из журнала А. В. Каратыгина». — PC, 1880, № 10, стр. 268); из тактических соображений об успехе «Эсфири» в придворных кругах говорил также Бахтин (Бахтин, ГПБ). *Клита убив, за правду казнив Каллисфена.* Клит (ум. 328 до н. э.) — полководец Александра Македонского, спасший ему жизнь в битве при Гранике (334 до н. э.), в порыве гнева был убит Александром во время пира. Каллисфен (370—327 до н. э.) — древнегреческий историк, ученик и племянник Аристотеля; по приказу Александра Македонского, которого он сопровождал в Азию, был заключен в тюрьму, где и умер. Катенин, очевидно, подразумевает здесь перемену отношения Александра I к его либеральным «молодым друзьям» Н. Н. Новосильцеву, Адаму-Георгу Чарторийскому, В. П. Кочубею, П. А. Строганову, такие факты, как напри-

мер ссылку М. М. Сперанского в 1812 г., место которого занял реакционер А. А. Аракчеев. *Победитель... сердцем враждуя на верных своих македонян* и т. д. Явный намек на реакционность политики Александра I после Отечественной войны, его главенствующую роль в Священном Союзе. *Юных лишь персов любя.* Подразумеваются иностранцы, окружавшие Александра I, современники очень остро реагировали на частые поездки царя за границу. *Бедный Евдор укрылся в наследие предков.* Имеется в виду высылка Катенина в его имение. *Жестким и грубым казалось им пенье Евдора.* Некоторым критикам Катенина его стихи казались слишком жесткими и тяжелыми. *Град Птолемея* — Александрия, город в Египте, основанный Александром Македонским; под «градом Птолемея» подразумевался также Петербург. *Пиндар* (522 — ок. 442 до н. э.) — древнегреческий лирик. *Плеяда* — поэты «пушкинской плеяды», имевшие тесный творческий контакт с Пушкиным, — П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг, Н. М. Языков, Е. А. Баратынский. В древности «плеядою» назывались знаменитые поэты времен Птолемея-Филадельфа. *Феокрит* — древнегреческий поэт (III в. до н. э.), в данном случае Катенин имеет в виду Пушкина. В письме от 4 января 1835 г. Катенин писал Пушкину: «Что у вас нового, или лучше сказать: у тебя собственно? Ибо ты знаешь мое мнение о светилах, составляющих нашу поэтическую Плеяду: «В них уважал Евдор одного Феокрита»; et ce n'est pas le baron Delvig, je vous en suis garant» <и это не барон Дельвиг, ручаюсь вам> (Пушкин, т. 16, стр. 1). *Сидя у брега реки.* Дом Катенина в г. Кологриве, сохранившийся до наших дней, стоит на крутом берегу реки Унжи. *Младая Эгемона* — этим условным именем Катенин здесь называет свою невесту, умершую в молодости.

АД

Песнь первая. Перевод 1-й песни «Inferno» Данте. Впервые — Соч., ч. 2, стр. 93. Беловой автограф ранней редакции — в ГПБ. Сообщая Бахтину в апреле 1828 г. о том, что «начатый перевод Данте» он продолжает, работая над 2-й песнью, Катенин пишет: «Боже! какой великий гений этот Данте!.. вот истинно национальный поэт. Кто, как я, убежден, что Гомер имя, а не лицо, тот не может не признать Данте первым по всем векам и народам...» (ПкБ, стр. 118). Близкую этому характеристику Данте дает Катенин и в РиР (ЛГ, 1830, 15 июля, стр. 28). Сравнивая изображение ада у Гомера в «Одиссее», у Вергилия, Мильтона с дантовским, Катенин отдает предпочтение «Аду» Данте, находя возможным сопоставить Гомера с итальянским поэтом лишь в том отношении, что «Данте определил место Ада с таким же тщанием и точностью, как Гомер» (там же, стр. 29). Катенин обличает в РиР всех педантов-критиков, упрекавших Данте «за незнакомую им новость его плана и картин, за несходство с образцами Гомера и Вергилия...» (там же, стр. 30). *Путь жизненный пройдя до половины.* В 1300 г. Данте исполнилось 35 лет, этот возраст поэт считает серединой человеческой жизни; к 1300 г. он приурочивает свое

путешествие в подземное царство. *И на холме.* Холм добродетели, освещаемый лучами истины, который возвышается над лесом грехов. *Барс* — сладострастие, *лев* — гордость, *волк* — корыстолюбие. «На половине жизненного пути Данте заблудился в мрачном лесу, — пишет Катенин в РиР, — он видит пред собой сияющую гору добродетели, но страсти, в виде лютых зверей, заграждают ему путь...» (ЛГ, 1830, 15 июля, стр. 29). *Спаситель... чудесный* — Вергилий. В средние века Вергилия считали предвозвестником христианства. Катенин так мотивирует в РиР выбор Данте именно Вергилия вожатым в преисподней: «Напрасно осуждали Данте за несоблюдение приличий в выборе путеводителем по Аду христианскому язычника Вергилия: мертвец уже не язычник, по смерти открылись ему дотоле безвестные истины... Он же не сам собою пришел: милосердая неба царица сжалилась над гибнущим от слабости и неведения, повелела спасти его святой жене Лучии (*светлости* божеской), а сия передала приказ ее *истой божией хвале,* Феологии, прелестно олицетворенной в виде умершей любимой поэтом — Беатриксы... И кого же лучше могла она избрать вождем другу своему, как не мудрого Певца, знающего все, все изъяснить способного и естественно расположенного любить своего единоземца, ученика и поклонника?» (ЛГ, 1830, 15 июля, стр. 29). *В исход Иулия годов.* При Юлии Цезаре, убитом в 44 г. до н. э. *Август державный* — Кай Юлий Цезарь Октавиан, римский император (27 до н. э. — 14 н. э.). *Пел о муже славном* — Энее, герое поэмы Вергилия «Энеида». *Ты должен в путь идти другой...* «Сим прямым путем однажды заблудшийся взойти уже не может, — писал Катенин в РиР, — он должен идти в другой, далекий и трудный, и познать таинства будущей жизни, осмотрев обитель мук бесконечных, и ту, где, надеясь со временем блаженства, очищаются грешные души, и горние селения мира и восторгов святых» (ЛГ, 1830, 15 июля, стр. 29). *Доколе пес примчится.* Пес — некий грядущий избавитель Италии. *Между двух Фельтр великий пес родится.* Это одно из наиболее трудных для толкования мест поэмы Данте. Слово «Feltro» часто понималось как географическое название (см. комментарий М. Лозинского в кн.: Данте. Божественная комедия. М., 1961, стр. 640). Катенин, очевидно, понимал «Feltro» как название местности. *Камилла* — предводительница племени вольсков в «Энеиде». *Низ* — Нис, троянский юноша, павший со своим другом *Евриалом* (Эвриалом), герой «Энеиды». *Турн* — вождь рутулов в «Энеиде». Камилла и Турн умерли, защищая Италию от троянцев. Нис и Евриал погибли, сражаясь против рутулов, ради завоевания земли, на которой Эней заложил основы Римской державы. *Чудовище* — волк. *Вечные места* — Ад. *В огне* — подразумеваются очищающие муки Чистилища. *Душа меня достойнейшая* — Беатриче Портинари, которую Данте любил с детства, она скончалась 25-ти лет в 1290 г., и поэт обещал увековечить ее память в своих творениях. Беатриче в «Божественной комедии» — символ небесной мудрости и откровения, см. выше, как понимал этот образ Катенин. *Был слеп воздать.* Вергилий не мог воздать «честь» небесному царю — богу, так как был язычником.

К стр. 195

Песнь вторая. Перевод 2-й песни «Inferno» («Ада») Данте. Впервые — Соч., ч. 2, стр. 98. В ГПБ хранятся два автографа второй песни, содержащие некоторые разночтения по сравнению с печатным текстом. 30 апреля 1828 г. Катенин сообщает Бахтину, что «вторую песнь довел до половины и, по окончании всего, не замедлю к Вам доставить» (ПкБ, стр. 118). Один из автографов ГПБ и должен быть отнесен к середине 1828 г., когда Катенин заканчивал свой перевод (в нем есть приписка поэта к Бахтину, в которой он задает своему другу ряд вопросов по поводу толкования некоторых мест второй песни; через год в письме от 12 апреля 1829 г. Катенин возвращается к этим спорным моментам, уже найдя точные ответы на свои сомнения). О предложениях Бахтина по исправлению отдельных строк и ответ Катенина см. в ПкБ, стр. 148. *Сильвия родитель* — Эней; Сильвий — младший сын его от Лавинии. *Дерзнул сойти в нетленную обитель.* Эней, герой «Энеиды» Вергилия, спускался в подземное царство, посетил блаженный Элисий, где беседовал с тенью своего отца Анхиза. *Тех ради дел и славы, какие сам сынам его предрек.* Эней считался основателем Римской державы, от него выводила свою родословную династия императоров, основанная Юлием Цезарем. *Петра хранящий прах.* Петр — первый папа римский. *Кумейская жрица.* В 6-й книге «Энеиды» повествуется о том, как, прибыв в Италию, Эней высаживается около города Кумы и встречается в храме Аполлона с жрицей — пророчицей Сивиллой (Сибиллой). Эней просит у нее свидания в подземном царстве с тенью своего отца Анхиза; Сивилла помогает Энею и сопровождает его, когда он спускается в подземное царство. *В рай проложил сосуд избранный след.* Сосуд избранный — апостол Павел, который, согласно легенде, посетил рай и ад. *Сын Мáнтуи* — Вергилий. *К тем местам, отколь пришла.* Беатриче пришла из рая. *Свершающих по небу меньший круг.* Меньший круг совершает планета Луна. В письме к Бахтину, полемизируя с неправильным толкованием этих стихов, Катенин пишет: «Вот мнение мое: il cielo, то есть светило небесное, меньший круг имущее, есть Луна; в ней помещает Данте (Paradiso) души святые, наслаждающиеся меньшим блаженством, нежели в высших cieli...» (ПкБ, стр. 151). *Пречистая жена* — дева Мария. В приписке к автографу перевода второй песни «Ада», который Катенин послал Бахтину в 1828 г., поэт высказывал свои сомнения по поводу того, какую «святую жену», пославшую Беатриче к Вергилию, имел в виду Данте: «Кто же первая? Неужели сама богородица?» (ГПБ). В письме от 12 августа 1829 г. Катенин отвечает уже утвердительно на поставленный им перед собой вопрос и опровергает французского комментатора Данте Брэ-Деламота: «...если бы она была только всеобщая Психея <как считал Брэ-Деламот>, она бы с молением прибегнула к Лучии (к светлости божеской), а не поручение ей бы давала: виноват, только я в ней вижу пресвятую богородицу, скорую помощницу, которую автор из почтения, либо за лишнее считая, не назвал по имени; впрочем, здесь перевод верен с подлинником, а догадываться вольному воля» (ПкБ, стр. 151). *Лýчия* — Лючия, христианская

святая, символ божественного света. У Данте *Рахиль* — символ созерцательной жизни. *Когда сих три* — дева Мария, Лучия, Беатриче.

Песнь третья. Перевод 3-й песни «Inferno» («Ада») Данте. Впервые — Соч., ч. 2, стр. 103. Два автографа — в ГПБ, из которых один, более ранний, можно датировать 1829 г. на основании письма Катенина к Н. И. Бахтину от 22 апреля 1829 г. (ПкБ, стр. 139). На автографе сохранились пометки, очевидно, Бахтина. «Вы перед тем прислали мне некоторые замечания на перевод Данте; я ими воспользовался, многие места (в чем убедитесь, прочитав) переправил, в других принес оправдание и за все кланяюсь и благодарю», — писал Катенин Бахтину 23 декабря 1829 г. (ПкБ, стр. 165). Второй автограф ГПБ является этой промежуточной редакцией перевода. Вариант стихов 58—60 в первом автографе:

И неких я в лице узнал потом:
В первы́х того, кто, руки умывая,
Дух осквернил предательства стыдом.

Катенин тогда относил эти стихи к Пилату Понтию, римскому наместнику Иудеи (26—36 н. э.), который, по Евангелию, символически «умыв руки», дал согласие на казнь Христа. 1 июня 1831 г. Катенин писал Бахтину: «Пилата я выкинул и заменил другим евангельским лицом в 3-й песни» (ПкБ, стр. 189). Можно предполагать, что изменение это было вызвано некоторыми цензурными опасениями, остротой звучания темы предательства после 14 декабря 1825 г. Об этом свидетельствует следующее место в более раннем письме Катенина к Бахтину: «все что *до* и *по* весьма удобно можно к оному Пилату отнести, но я могу и ошибиться, а в переводе Данте ошибаться не должно. Перевести же глухо есть другое затруднение, и Гречи etc. могут выдумать намеки несравненно для меня опаснее» (ПкБ, стр. 140). *Творенье я правдивого творца, Всевластного, премудрого, благого* и т. д. Ад был сотворен, согласно христианской мифологии, триединым божеством: отцом (всевластным), сыном (премудрым), святым духом (благим). *Первей меня созданья нет.* Ад создан раньше всего, что имеет конец, предел. *Конца ж не будет мне* — т. е. ад будет существовать вечно. *Сии суть чада мглы* — ничтожные люди (Катенин называет их «бездушными»), которые провели бесцельно жизнь и здесь занимают место между дверьми, ведущими в ад, и берегом адской реки Ахерон; это души, не завоевавшие права ни на помещение их в аду, ни на райское блаженство. *Аггелы презренные* — ангелы, которые не примкнули к восставшему против бога Люциферу и не встали на сторону бога. *Ахерон* у Данте окружает первый круг Ада. *Старик* — Харон *Легчайшая снесет тебя ладья.* Так как Данте посещает Ад, не закончив свой жизненный путь, то Харон считает, что его живую душу должен перевозить не тот челн, в котором помещают грешников, а более легкий, в котором ангел перевозит души к подножию Чистилища.

К стр. 204—205

Эпиграмма («Наш барельефами прославленный писатель. . .»). Впервые — ПкБ, стр. 171. Приведено в письме к Бахтину от 8 февраля 1830 г. Автограф(?) — в ГПБ. Катенин посылал стихотворение со следующей припиской: «Разом вылилась, и немедленно хочу, чтоб она была напечатана: отдайте редактору «Литературной газеты» и, если станет отговариваться, скажите, что на это нет права; я подписываю свое имя; личности (до чести касающейся) нет, на меня могут в тех же пределах напечатать сто. . .» (ПкБ, стр. 172). Эпиграмма направлена против поэта и критика П. А. Вяземского (1792—1878), литературная позиция которого была враждебна Катенину. *Наш барельефами*. . . Катенин намекает на статью Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова», напечатанную в 1-й части сочинений Озерова (1816). Говоря о значении трагедий Озерова, Вяземский писал: «В «Поликсене» взята обильная дань с «Илиады», и в этом смысле можно, по выражению Эсхила, назвать ее «барельефом» пиршеств Гомера» (стр. 37). Катенин в своих статьях («Ответ на замечание г. Р. З.» — СО, 1820, № 5; «Письмо к издателю „Сына отечества“» — СО, 1822, № 14) мимоходом отметил ошибку Вяземского, который неправильно истолковал слово «reliefs» в кн. П. Брюмуа «Театр греков» (Париж, 1730), где оно имеет другой смысл. О своей ошибке Вяземский писал Пушкину в письме от 19—20 февраля 1820 г. (Пушкин, т. 13, стр. 12).

Строфа. Вольный перевод строфы из оды «La mort de Rousseau» французского поэта и драматурга *Помпиньяна* Жан-Жака (1709—1784). Впервые — Соч., ч. 2, стр. 86. Автограф ГПБ с припиской Катенина к Бахтину от 2 января 1830 г.: «Вот, любезнейший Николай Иванович, маленькое прибавленье ко второй части издаваемых Вами моих стихотворений, потрудитесь их отдать в цензуру и после вставьте в свое место, то есть в ряд с другими подражаниями французскому. . .». Эта строфа Помпиньяна пользовалась большой популярностью во Франции. В своем переводе Катенин придает мыслям Помпиньяна более обобщенный характер. Говоря о «l'ástre éclatant de l'univers» (блестящем светиле вселенной), Помпиньян поясняет в примечании, что он подразумевает греческого историка Диодора Сицилийского. Катенин переводит l'ástre éclatant как «дневное светило», то есть солнце, и таким образом снимает имеющийся у Помпиньяна и второй смысл — намек на историческое лицо. В результате более обобщенно подчеркивается тема противопоставления света солнца, то есть истины, тьме злобного невежества.

Мадригал. Вольный перевод эпиграммы французского поэта Антуана *Ферранда* (ок. 1678—1719), автора фривольных и остро сатирических стихов. Впервые — Соч., ч. 2, стр. 87. Автограф — ГПБ, датирован.

Рондо («Под добрый час наш богатырь Добрыня. . .»). Вольное подражание французскому рондо «Bien à propos s'en vint

Ogier en France...» неизвестного автора. Оно приведено в 14-й главе второго тома книги «Характеры» (1687) французского писателя-моралиста Жана Лабрюйера. Впервые — Соч., ч. 2, стр. 88. Сам Катенин называл свое подражание «переделкой» старофранцузского текста, но, по существу, это оригинальное произведение. Автограф — ГПБ, датирован.

Рондо («Владимир-князь, объят лжеверья тьмою...»). Вольное подражание французскому рондо «De cettuy preux maints grands clercs ont escrit...» неизвестного автора (текст его — там же, где и предыдущее рондо). Впервые — Соч., ч. 2, стр. 89. Автограф — ГПБ, датирован. Это рондо с неменьшим основанием может считаться оригинальным произведением. Во французском оригинале идет речь о некоем храбреце, который женился на дьяволе, принявшем женский облик, а затем вступил во второй брак с королевской дочерью.

Надгробие. Впервые — Соч., ч. 1, стр. 122.

Гений и поэт. Впервые — «Литературный современник», 1938, № 9, стр. 166, публикация Г. В. Битнер. Катенин писал Н. И. Бахтину 26 октября 1830 г.: «По сей почте отправил я к Сомову для помещения в «Северных цветах» большое стихотворение «Гений и поэт»; поспешите к нему, если хотите видеть, ибо (почем знать!) легко быть может, что уж после и не увидите. Я становлюсь смел в своей глуши, и коли прочтете, увидите почему» (ПкБ, стр. 184). Позиция Катенина объясняется влиянием на него событий Июльской революции 1830 г., имевших большой резонанс в России. Так, ссыльные декабристы приветствовали весть о революции пением Марсельезы. В своих опасениях Катенин оказался прав: стихотворение не было напечатано в альманахе и не вошло в Соч. Кроме того, еще одно неожиданное обстоятельство усилило политическую остроту стихотворения — вспыхнувшее 17 ноября восстание в Польше. Катенин писал Бахтину: «„Гений и поэт" в месяц беспрерывного вдохновенья излился, но поляки меня зарезали: кто тогда думал об них?» (ПкБ, стр. 188—189). Многие строки стихотворения Катенина могли быть восприняты как намеки на восстание. В своем стихотворении Катенин воскрешает не только тематику, но и образы декабристской поэзии, вплоть до отдельных выражений; Греция как «юный Феникс ожила» — ср. с «Посланием к Ермолову» Рылеева (1821). *Как на юге ярко блещет* и т. д. Война греческого народа против турецкого ига, начавшаяся в 1821 г., закончилась в феврале 1830 г. провозглашением Греции независимым государством. *Север* — Россия. *Долгих царствие ночей* — власть реакции в России. *Дщерь Хронида* — Афина-Паллада. *Эгида кровью залила луну.* Победа эгиды над луной — символом магометанства — означает победу Греции над Турцией. *Свой приговор грозно десять лет таила неиспытная судьба.* То есть с осени 1820 г., когда Катенина заставили уйти в отставку. *Из-под пёстуновых глаз* — намек на тайный надзор полиции. *Альбиона и*

К стр. 207—226

Секваны вдохновенные певцы — Байрон и Гюго. *Богиня Вашингтоновой земли* — свобода. *Превратилась в ратный стан* и т. д. Здесь и дальше намек на баррикадные бои в Париже во время Июльской революции 1830 г., продолжавшиеся три дня (27—29 июля) и закончившиеся низвержением монархии Бурбонов. *Треплют ветошь* — изготовляют корпию, перевязочное средство. *Ряд чудовищных видений* — вероятно, воспоминание о казни декабристов. *Нýждой бедности тесним.* Катенина все время преследовали кредиторы, он был постоянно в долгах. Разного рода дела о денежных исках, предъявлявшихся Катенину, об отдаче его имений в опеку хранятся в Гос. архиве Костромской обл.

Идиллия («Между Оссы-горы и горы высочайшей — Олимпа. . .»). Впервые — Соч., ч. 1, стр. 110. Печ. по ЭО. Автограф ГПБ содержит ряд незначительных разночтений. Идиллия создана Катениным в традициях идиллий Феокрита и диалогических буколик Вергилия. Прием так называемого «амебейного» пения — род песни-состязания, в которой поющие поочередно вступают в исполнение своей партии, восходит к народной поэзии. Пушкин заметил об идиллии Катенина, что в ней с «прелестною верностию постигнута буколическая природа, не геснеровская, чопорная и манерная, но древняя, простая, широкая, свободная. . .» (Пушкин, т. 11, стр. 221).

Тень Шекспира. Перевод стихотворения «Schakespeares Schatten». У Шиллера подзаголовок: «Parodie» («Пародия»). Впервые — Соч., ч. 2, стр. 41. Автограф — в ГПБ. В Соч. издатель Бахтин дал к переводу примечание, раскрывающее позицию самого Катенина: «„Тень Шекспира“ принадлежит к числу самых неважных стихотворных произведений Шиллера, и если сия пародия из XI песни «Одиссеи», где царь Ифаки превращается в Шиллера и Иракл в Шекспира, одна из всех стихотворений Шиллера переведена на русский язык г. Катениным, то, конечно, выбор сей должно приписать не литературным достоинствам подлинника, но изображенному в оном понятию о новейшей драме знаменитого немецкого трагика, который сам работал немало в новом роде. В сем отношении отрывок сей весьма любопытен, особенно в настоящее время, когда род драматической поэзии, осмеиваемый Шиллером, возникает, кажется, с новыми успехами на всех театрах Европы» (Соч., ч. 2, стр. 189). Выступление Шиллера в стихотворении «Тень Шекспира» против отсутствия в современной драме героики, высоких чувств и страстей было близко писателю-декабристу Катенину. Принципиально то, что в роли защитника настоящего искусства, высокой трагедии выступает Шекспир, к творчеству которого Катенин проявляет большой интерес именно в конце 20-х, начале 30-х гг. (см. вступит. статью, стр. 40—41). *Иракл* — в данном случае Шекспир. *Многострадалец* — Одиссей и являющийся в его роли — Шиллер. *Тирезий* — здесь преобразователь немецкой драмы Готхольд Эфраим Лессинг (1729—1781). *Всуе уроков отсель книгу.* Книга уроков — «Гамбургская драматургия» (1768—1769) немец-

кого писателя и теоретика искусства Лессинга. *Твой в латах мертвец* — тень отца Гамлета. *Пастор, торговли советник* и т. д. Намек на современные Шиллеру «мещанские драмы», Шиллер имеет в виду также и свои пьесы.

Песня. Написано по мотивам французской старинной песни «Si le roi m'avait donné...». Впервые — Соч., ч. 2, стр. 90. Мольер ввел эту песню в свою комедию «Мизантроп» (1666), затем она вошла и в комедию «Охота Генриха IV» французского драматурга, поэта, знаменитого своими легкими изящными песенками, Шарля Колле (1709—1783). Катенин перевел в 1827 г. его комедию «Dupuis et Desronais» («Дюпюи и Деронне») под заглавием «Недоверчивый».

Эпиграмма («Охота спорить белый свет...»). Впервые — ПкБ, стр. 217. Катенин послал эпиграмму Бахтину при письме от 21 декабря 1833 г., прося его «списать две копии, рукою неизвестною, подписав буквою «П», и пошлите одну по городской почте к Гречу, а другую в Москву к Полевому, car je veux garder l'incognito <так как я хочу сохранить инкогнито — франц.>. Я двух «Тассов», Кукольника и Киреева, обозначил по цвету обертки; но не лучше ли будет сказать о них так:

И «Тасс» неигранный, в котором смысла нет,
На много ль игранный, однако ж, превосходит?

...Правда, что эдак речь двусмысленна и едва ли правильна; la première manière <первый способ выражения — франц.> лучше и безопаснее, ибо не касается дирекции императорских театров» (ПкБ, стр. 217). Таким образом, эпиграмма в значительной мере была направлена против официозных писателей, к числу которых принадлежал драматург и поэт Н. В. Кукольник (1809—1868), автор реакционных пьес «Рука всевышнего отечество спасла», «Князь М. В. Скопин-Шуйский» и др. *Де Шаплет* Самуил Самуилович (ум. 1834), сотрудничал в МТ, СП, перевел «Жизнь Наполеона Бонапарта» Вальтера Скотта (1831, 2-е изд. — 1836 г.). *Серый Тасс* — «Драматическая фантазия в стихах» Н. В. Кукольника «Торквато Тассо», напечатана в 1833 г., представлена не была. *Желтый Тасс* — «Торквато Тассо», драма А. В. Киреева; его «Торквато Тассо» был представлен в Петербурге 27 сентября 1833 г. Желтый и серый — цвета обложек названных книг.

Кавказские горы. Впервые — «Литературный критик», 1940, № 7-8, стр. 234, публикация П. А. Попова. 4 января 1835 г. Катенин послал сонет Пушкину, в письме он писал: «Да, любезнейший Александр Сергеевич, я обновил 1835 год сонетом, не милым, как Оронтов, не во вкусе петраркистов, а разве несколько в роде Казы, и как étrenne <новогодний подарок> посылаю к тебе с просьбою: коли ты найдешь его хорошим, напечатать в «Библиотеке для чтения» ...Лето провел в лагере на берегу Баксана в клетке между воспетых мною гор, а теперь нахожусь

в Ставрополе...» (Пушкин, т. 16, стр. 1); Оронт — персонаж комедии Мольера «Мизантроп», тип восторженного поэта, любящего восхваления, Каза — Джованни делла Каса (1503—1556), итальянский поэт и прозаик. Пушкин ответил Катенину 20 апреля 1835 г.: «Твой сонет чрезвычайно хорош, но я не мог его напечатать. Ныне цензура стала так же своенравна и бестолкова, как во времена блаженного Красовского и Бирукова... Довольно предпоследнего стиха, чтоб возмутить весь цензурный комитет против твоего сонета» (Пушкин, т. 16, стр. 431). 16 мая 1835 г. Катенин ответил Пушкину: «О бестолковой трусости цензуры имел я вести от Каратыгина... Что ж до сонета, то я почти недоумеваю, в чем провинился, разве что не велят чертаться, и уже в этом угодить не решаюсь; mon vers subsiste <мой стих существует>, и я считаю его одним из лучших именно по гумористической энергии» (Пушкин, т. 16, стр. 26). *Всепетый Кавказ* — ирония по адресу многочисленных в эти годы подражаний «Кавказскому пленнику» Пушкина, в которых сохранялась традиция романтического изображения Кавказа.

Предложение. Впервые — БдЧ, 1835, № 9, стр. 15. Из письма поэта к Пушкину от 16 мая 1835 г. явствует, что Катенину пришлось переделать басню из-за придирок цензуры: «я безжалостно решился отрубить голову и ноги, чтоб не схоронить заживо сердца; не знаю, удовольствуются ли тем г-да скопители...» (Пушкин, т. 16, стр. 26).

Топор. Впервые — «Литературное наследство», № 60, кн. 1. М., 1956, стр. 585, публикация В. Н. Орлова. Басня была обнаружена им в ГПБ среди бумаг А. А. Краевского. Она была послана Пушкину Катениным 7 июля 1835 г. с просьбой «без промедления издать и прилагаемую при сем басню, в которой не вижу зацеп для г-жи Цензуры, разве что в иных случаях правда борется со властью; но это старая аксиома, всего сильнее выраженная у набожного Паскаля в «Lettres provinciales» <«Письма к провинциалу» — франц.>, и, кажется, сказанное им не ставится в грех никому. Я своей басньою вообще доволен, — писал Катенин, — но жду суда умного со стороны...» (Пушкин, т. 16, стр. 38—39). Об этой же басне упоминает Катенин в письме к Бахтину от 8 июля 1835 г. На рукописи басни есть резолюция цензора А. Л. Крылова: «Направление этой статьи довольно ясно; потому я не полагаю, чтобы можно было ее напечатать». Цензура обратила внимание на 43-й стих, за который и опасался Катенин.

Гнездо голубки. Впервые БдЧ, 1836, № 1, стр. 14. Датировка стихотворения определяется письмом Катенина к Пушкину от 16 мая 1835 г., где говорится: «У меня есть два стихотворения, и я бы охотно тебе их прочел, кабы мы были вместе; одно из аравийской истории, под названием: «Гнездо голубки», написано размером моей „Элегии“...» (Пушкин, т. 16, стр. 26—27). *Амру* бен аль Асси (ум. 664) — сначала враг учения Магомета, потом его ревностный последователь; как полководец покорил Сирию, Египет, часть Север-

ной Африки. *Халиф Омар*-ибн Хаттаб (ок. 580—644) — второй мусульманский калиф, вождь арабов; завоевал Сирию, Персию, Египет, с немусульманами обращался жестоко, его называли — страшный Омар. *Небо седьмое* — магометанский рай. *Скандер* — Искандер, т. е. Александр Македонский. *Дважды сами неверные жгли их.* Речь идет о знаменитой Александрийской библиотеке, которая в эпоху христианства дважды — в 273 и 391 гг. — подвергалась разрушению.

Сонет («Кто принял в грудь свою язвительные стрелы...»). Впервые — РА, 1881, № 1, стр. 155. Катенин послал сонет Пушкину с письмом от 1 июня 1835 г.: «Вот тебе еще сонет, милый Александр Сергеевич: мне кажется, он не хуже первого, коли не... но повторяю: отцы детям не судьи; а что ты скажешь? Коли bene <хорошо — лат.>, то отдай его для тиснения...» (Пушкин, т. 16, стр. 32).

Дура. Впервые — ПкБ, стр. 232. Катенин прислал идиллию Н. И. Бахтину с письмом от 28 сентября 1835 г., в котором сообщал, что «Дура» первоначально была эпизодом в «Инвалиде Гореве»: «Прилагаю... маленькую вещь, очень желая, чтоб она Вам понравилась, ибо тогда я буду надеяться угодить Вам и большою, которая давно была припасена в моей голове и в Ольгинском укреплении на досуге поступает на бумагу; имя ей «Новая быль» <«Инвалид Горев»>. При сем прилагаемая «Дура» была сперва в ней как эпизод, но я рассуждал, что он отвлечет внимание от главного действия, и переиначил; а как мне не хотелось его потерять, то округлил и пускаю отдельно» (ПкБ, стр. 232).

«Фантазия, златое сновиденье...». Впервые — РА, 1881, № 1, стр. 160. 12 апреля 1836 г. Катенин писал Пушкину, посылая ему это стихотворение, назвав его эпиграмматическим rondeau: «Буде в твоем «Современнике» сыщется местечко для этой безделки, выдай; но, разумеется, без подписи, и не говори никому, чья она: это большая тайна, которой я ни за что, кроме тебя, другому не скажу» (Пушкин, т. 16, стр. 103). Стремление Катенина к анонимности вполне понятно, так как в журнале БдЧ был опубликован ряд его стихотворений. *Фантазия* — имеется в виду так называемая «драматическая фантазия» Н. В. Кукольника «Торквато Тассо», изданная в 1833 г. *Барон* — «Барон Брамбеус», один из псевдонимов О. И. Сенковского (1800—1858), писателя, журналиста, близкого к реакционным кругам. *Издающий чтенье.* Сенковский был с 1834 г. редактором журнала БдЧ. Сенковский прославлял в своих статьях творчество Кукольника, называя его чуть ли не гениальным писателем. *Своя семья* — намек на тесную связь Кукольника с журналом Сенковского. *У всякого барона есть своя Фантазия.* В погоне за безыдейной развлекательностью Сенковский в своих художественных произведениях давал волю безудержной фантазии, зачастую мистифицируя читателей.

К стр. 236—250

С а ф о. Впервые — УЗ, стр. 292, публикация Г. В. Битнер. Печ. по автографу ГПБ. Катенин работал над кантатой долго — с весны 1835 г. по 1838 г. В письме к Пушкину от 16 мая 1835 г. он пишет, что охотно бы прочел ему «Гнездо голубки» и приготовленную для кантаты песню гребцов, везущих Сафо в Левкад, «четырехстопным ямбом с рифмой, c'est du vieux grec vulgaire <это в простонародном древнегреческом роде — франц.>. Всей кантаты здесь сложить не могу, — сообщает Катенин, — хочется поместить стихи самой Сафы, а ни подлинника, ни словаря, ни точного перевода в Ставрополе не достанешь...» Он советует Пушкину писать кантату, так как «лирическая идиллия, по моему понятию, есть maximum чистой поэзии» (Пушкин, т. 16, стр. 27). В другом письме, от 1 июня 1835 г., Катенин просит Пушкина: «Нет ли у тебя знакомого греколога, кто бы мог en vile prose <презренной прозой — франц.> рабски переложить крошечные два стихотворения Сафы: «Венере» и «Heureux qui...» etc.<«Счастлив, кто...» и т. д. — франц.>. Очень бы ты одолжил, кантата засела в голове и не может вылезть за недостатком книжных пособий» (там же, стр. 32). Катенин пишет Пушкину об этом же в письме от 7 июля 1835 г. Пушкин выполнил просьбу Катенина. В его бумагах сохранились два отрывка из «Сафо», переведенные кем-то прозой и переписанные самим Пушкиным, и другой перевод, записанный чужой рукой (см.: «Рукой Пушкина». М.—Л., 1935, стр. 557). Катенин перевел стихи Сафо «Гимн Афродите» и «Песнь Фаону» так называемой «сафической строфой», воспроизведя строфические формы античной поэзии. *Сафо* — см. стр. 687. *Лезвийская дева.* Сафо родилась на острове Лезбие (Лесбосе). *Богине сильнейшей* — Афродите. *Крез* (563—548 до н. э.) — последний царь Лидии, владевший огромными богатствами, имя его сделалось нарицательным для обозначения богатого человека. *Кир* (ум. 529 до н. э.) — основатель древнеперсидской империи, известный завоеватель, расширивший границы Персии до Инда, Египта и Эгейского моря. *Старицы, ключ тайн постигшие фессальских.* Речь идет о разного рода мистических актах «колдовства», гадания и т. п., которыми в Древней Греции славилась Фессалия.

Э п и г р а м м ы и з а н т о л о г и и. Впервые — УЗ, стр. 301, публикация Г. В. Битнер. Автографы — в ГПБ, датированы.

1. «М а т е р ь з е м л я и м а т е р ь у т р о б а! б л а г и е м н е о б е...». Эта, как и последующие две эпиграммы, заимствована из греческой «Антологии», сборника лирических стихотворений разных авторов. Автор данной эпиграммы — Македониус из Фессалоник (VI в. н. э.). Вероятнее всего, что источником Катенину послужил не оригинал, а перевод И. Г. Гердера (см.: «Zerstreute Blätter» von J. G. Herder. Erste Sammlung, Gotha, 1791, S. 35).

2. «М и л ы й м о й с о б е с е д н и к, к у в ш и н д о л г о ш е й н ы й, п р о с т а я...». Перевод эпиграммы неизвестного греческого поэта. Как и текст предыдущей эпиграммы, перевод Катенина полностью соответствует тексту Гердера (см.: Griechische Anthologie

für Schulen von Johann Gottfried von Herder. Giesen, 1805, S. 42, 123).

Эпиграммы свои. Впервые — УЗ, стр. 301, публикация Г. В. Битнер. Автографы — в ГПБ, датированы.

2. «Жил-был недавно в *Поднебесьи,* сиречь по-русски: в Китае...». *Китай* — подразумевается Россия, маскировка политического смысла сюжета тем, что якобы событие происходит в Китае или Турции, была излюбленным приемом, которым пользовались и Крылов и Фонвизин. *Только честный* — сам Катенин.

«Вы здесь играли так прекрасно...». Впервые — «Исторический вестник», 1893, № 10, стр. 78, в «Воспоминаниях В. Н. Погожева». Датировка стихотворения определяется возвращением Погожева из Лейпцига в Россию в 1848 г. и его точным указанием на то, что Катенин написал это стихотворение в день своих именин. Погожев пишет: «Катенин, видевший у нас альбом моих дочерей, подаренный им Мошелесом, спросил, не привез ли я его с собою. Я подал ему этот альбом, и он не боле как в четверть часа экспромтом написал следующие стихи» (там же, стр. 78). В. Н. Погожев — инженер-майор, костромской помещик. Стихотворение Катенина посвящено его юным дочерям, талантливым пианисткам Вере Васильевне (р. 1833) и Надежде Васильевне (1834—1856). В возрасте 9—10 лет они уже выступали с сольными концертами. *В чуждые края.* В 1847 г. Погожев отвез своих дочерей в Германию, где они занимались в Лейпцигской консерватории под руководством Феликса Мендельсона-Бартольди и пианиста Игнатия Мошелеса.

ПОЭМЫ

Княжна Милуша. Впервые — отдельное издание: «Княжна Милуша. Сказка. Сочинение Павла Катенина». СПб., 1834. О значении, которое Катенин придавал «Княжне Милуше», можно судить по беспрестанным обращениям в течение 1833 г. к Н. И. Бахтину по поводу ее издания (ПкБ). В письме от 16 сентября 1833 г. Катенин просит Бахтина передать рукопись для прочтения И. А. Крылову, который обещал помочь с изданием сказки (ПкБ, стр. 202). 16 октября 1833 г. Катенин повторяет по поводу «Милуши»: «Я нетерпеливо желаю напечатать ее без всех отлагательств» (ПкБ, стр. 209). Помимо просьб к Бахтину о переговорах с издателями, потом уже и о корректурах, Катенин обсуждает с ним и творческие вопросы, касающиеся сказки. В частности, Бахтин, очевидно, обратил внимание Катенина на то, что во вступлении «Читателю вместо предисловия» и обращении к «боярышням-девицам», с которого начинается первая песня, не соблюден единый принцип рифмовки. Катенин пишет по этому поводу: «Противуречие октав... с началом сказки ничего не значит; я, начав, имел в виду красавиц, кончив, обратил слова к молодцам: разберутся между собою, да и только; одна речь в самом стихотворении и должна почесться за нечто условное; другая, вместо предисловия, и сущая

правда, как бы в прозе сказать следовало; примеров подобных противуречий я мог бы отыскать сто: в поэме обращение к тому или тем, а перед нею «A chi legge» <«К читателям»> и совсем другое» (ПкБ, стр. 211). В иронической рецензии БдЧ были нападки на обращение Катенина «Читателю» и на некоторые «тяжелые» стихи, но даже не очень благожелательный автор рецензии все же вынужден был отметить, что «нашел в... сказке много хороших мест, много счастливых мыслей...» (БдЧ, 1834, № 6, отд. VI, стр. 3). В более сочувственной рецензии критика «Молвы» вспоминалось о горячей полемике, которую некогда вызывало творчество Катенина. Здесь было отмечено как «неоспоримое достоинство» Катенина то, что он «двадцать лет тому назад, в эпоху безусловного преобладания чужеземных идей и форм в нашей поэзии, обнаруживал уже особенное предрасположение к народности, сделавшейся теперь общею потребностию всех биений литературной жизни». С похвалой отозвался критик об октавах Катенина, сказав, что «изобретение» этой оригинальной формы октавы «принадлежит собственно г. Катенину. Справедливость требует сказать, — продолжал рецензент, — что эта форма кажется более свойственною нашему языку, чем все бывшие доселе опыты октав» («Молва», 1834, № 14, стр. 218—219). 10 марта 1834 г. Катенин писал Пушкину: «Посылаю к тебе, любезнейший Александр Сергеевич, только что вышедшую из печати сказку мою... одолжи меня своим посещением в понедельник вечером; во вторник поутру я отправляюсь в далекий путь: в Грузию» (Пушкин, т. 15, стр. 115). Письмо, в котором Пушкин называет «Княжну Милушу» лучшим произведением Катенина, до нас не дошло, но это известно нам по ответу Катенина Пушкину (Пушкин, т. 16, стр. 26).

Князю Павлу Борисовичу Голицыну. *Голицын* П. Б. (1795—1879), служил в Преображенском полку с 1814 по 1822 г., после чего был уволен в отставку в чине штабс-капитана; характерно, что его увольнение произошло в том же году, что и Катенина. Впоследствии Голицын был камер-юнкером. *Николай Сергеевич* Голицын (1796—1833) — отставной поручик, большой друг поэта, письма Катенина к Бахтину полны упоминаний о Голицыне, которого он очень любил и постоянно с ним встречался. Во 2-м томе Соч. Катенина помещены два стихотворения кн. Голицына — подражания стихам Жана-Батиста Руссо — «Вакх» и «Торжество любви», напечатанные ранее в СО 1818 г., см. также примеч. к стих. «Певец Услад», стр. 669. *Не стало его.* Голицын скончался скоропостижно 26 марта 1833 г. *Утешенного воспоминанием дружбы в тех немногих стихах.* О Голицыне Катенин говорит в лирическом отступлении к 4-й песне «Княжны Милуши» («И те молчат; а тот, из чьих бы уст...» и т. д.).

Читателю вместо предисловия. *Хотя б всего один нашелся ты* и т. д. Пессимистический взгляд Катенина на читателей находит свое объяснение хотя бы в его статье — ответе Кс. Полевому, где Катенин пишет: «Но у нас почти нет публики: так она малолюдна; верхний класс общества любит иностранную грамоту, а нижний не знает никакой. С некоторого времени число читающих

умножилось, и книгопродавцы пустились в обороты значительные; но что раскупают у них и читают? «Выжигина» с семьею. Эта публика и понятия не имеет об изящном и не любопытствует узнать о нем...» (МТ, 1833, № 11, стр. 454). Позиция поэта близка к пушкинской (см. Письмо к М. П. Погодину. — Пушкин, т. 15, стр. 124).

Песнь первая. *Владимир-князь — с него у всех начало.* Иронический намек на штампованность многих произведений, посвященных древнерусской тематике, сигнализирующий о полемичности замысла поэмы Катенина. *Всеслав Голица* — легендарный предок князей Голицыных; голица — кожаная рукавица. *У свейского плечо отсек* и т. д. Здесь явный намек на победы русских в войнах со шведами, турками и персами; за ходом современных ему русско-персидской и русско-турецкой войн Катенин следил с большим вниманием. *Ему легко под гривной золотою.* Жалованные гривны — в старину имели значение орденов; гривна также — или золотая монета, или род медальона, который носили на шее. *Из Полоцка насилием войны Похитивший высокую Рогнеду.* Рогнеда Рогволодовна или Гориславна (ум. 1000) — жена Владимира, дочь полоцкого князя Рогволода; была сговорена за брата Владимира — Ярополка, но Владимир напал на Полоцк, убил Рогволода и силою взял Рогнеду.

Песнь вторая. *Но если дань страданью он заплатит* и т. д. Вся 2-я строфа может быть истолкована как выражение дум и чувств самого Катенина, испытавшего гонения, холодность людей, смерть многих друзей-декабристов и т. д. *Конь... Кологрив* — название коня совпадает с названием города, где у Катенина был дом. *И песнь запел их дивный хоровод.* В подражание «Руслану и Людмиле», где русалки пытаются соблазнить Руслана, появилось много подобных эпизодов в произведениях различных эпигонов. Например, в поэме Елагина «Днепровский берег», в анонимной сказке «Мечислав и Рослана» (СПб., 1831). У Катенина этот эпизод носит открыто пародийный характер. *Руны рыб* — здесь: руно — стая, косяк. *У дяди спор с племянницей.* Может быть, намек на события, связанные с мюридизмом 1830—1832 гг. Одним из эпизодов борьбы религиозных фанатиков-мюридистов, возглавлявшихся Кази-муллой, было их сражение с хунзахскими абреками, которые сохраняли верность русскому правительству. Благодаря мужеству ханши Паху-бике, правительницы Хунзаха, которая воодушевила абреков, шеститысячное войско имама Кази-муллы потерпело поражение (см.: История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского... полка за 250 лет, ч. 4. СПб., 1895, стр. 167). Возможно, что прообразом Зюльфиры, которая благосклонно относится к русскому богатырю Голице, послужила Катенину воинственная ханша Паху-бике. Несомненно, во всяком случае, что этот эпизод намекает на кавказские события. *Кавказские заоблачные горы* и т. д. Выступление против эпигонской поэзии 1820—1830 гг., «кавказской» романтики, а также произведений эпигонского романтизма, создававшихся в подражание «южным» поэмам Пушкина, как например «Киргизский пленник» Муравьева (1828). Довольно критически относился Катенин и к «кавказским» повестям А. А. Бестужева-Марлинского, см. его от-

зыв о нем в ПкБ, стр. 235. *На юношу-красавца походила.* Портрет Зюльфиры нарисован в традициях Тассо и напоминает его героиню Клоринду из поэмы «Освобожденный Иерусалим».

Песнь третья. *Телец, Близнецы и Стрелец* — созвездия Зодиака. *Дид Ладо* — распространенный припев русских обрядовых, игровых и хороводных песен, встречается в сочетании «ой дидо Ладо лель».

Песнь четвертая. *Корабль* — символическое уподобление поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» кораблю. *А тот, из чьих бы уст* — Н. С. Голицын (см. выше, стр. 700).

Инвалид Горев. Впервые — БдЧ, 1836, № 7, стр. 3. Замысел относится к концу 1820-х гг., о чем Катенин писал Н. И. Бахтину в письме от 27 января 1830 г., интересуясь идиллией Дельвига «Отставной солдат»: «Я сам замышлял стихотворенье, в коем главным лицом явился бы отставной солдат, только не идиллия из того выходила. Коли в мысли Дельвига не встретится с моей ни малейшего сходства, он мне не помеха. . .» (ПкБ, стр. 167). Знакомство Катенина с идиллией Дельвига могло лишь доказать полную противоположность творческих устремлений поэтов; Катенин написал «Инвалида Горева» в сентябре — октябре 1835 г., когда он находился на военной службе, в Ольгинском укреплении. С письмом от 14 октября 1835 г. Катенин послал стихотворение к Бахтину со следующим пояснением: «Не мне судить, хорошо ли, по крайней мере, что называется, — капитальная вещь как по объему, так и по новости основы и краски. Повторять прозою, что уже сказано стихами в посвящении, лишнее, разве прибавить, что там, вопреки вольности поэтической, все сущая правда» (ПкБ, стр. 233—234). Катенин посвятил «Инвалида Горева» Бахтину, но быль появилась в печати без посвящения, чем Катенин был очень огорчен. Возможно, посвящение было вызвано не только дружескими отношениями с Бахтиным, но и тем, что Бахтин занимался вопросами улучшения солдатского быта. *Брезгая консульством* и т. д. Наполеон I был в 1802 г. назначен «пожизненным консулом», но уже в этот период он явно стремился к единоличной диктатуре; в 1804 г. плебисцитом был избран в императоры. *Сильные ж с гневом отвергли.* Речь идет об организации третьей антифранцузской коалиции европейских держав: Англии, России, Австрии, не признававших права Наполеона на престол. *Цесарь* — австрийский император Франц I (1804—1835). *На десять лет война.* Война наполеоновской Франции и коалиции началась осенью 1805 г. *Присутствие* — «воинское присутствие», где производился набор рекрутов. *Поход за границу* — кампания 1805 г. *В Австрию звали, на выручку, русских.* Большая австрийская армия генерала К. Мака 2 октября 1805 г. при Ульме вынуждена была капитулировать перед Наполеоном. *Стали лицем к лицу противники в битву.* Имеется в виду сражение 2 декабря 1805 г. при Аустерлице. *Тут легло людей* и т. д. Аустерлицкая битва, несмотря на храбрость русских солдат, окончилась поражением австрийцев. *С сыном король не ладил.* Испанский король Карл IV (1788—1819) находился в непримиримой

вражде с наследником престола Фердинандом. *Те спрóста приехали* и т. д. 23 марта 1808 г. французский маршал Мюрат вошел в испанскую столицу; Наполеон вытребовал всю семью испанских Бурбонов во Францию, вслед за чем последовал вынужденный отказ Карла IV и Фердинанда от прав на испанский престол. *В ссылку обоих.* Наполеон отослал испанского короля в Фонтенебло, а Фердинанда — в Валенсе, в замок князя Талейрана. *Брата, как куклу.* 10 мая 1808 г. Наполеон приказал своему брату Жозефу, королю неаполитанскому, переехать в Мадрид и быть королем испанским. *Не даются!* и т. д. В Испании вспыхнула партизанская война против французских завоевателей. *С ядом, не только с мечом.* Одним из методов партизанской борьбы испанских «гверильясов» с поработителями — французами — было отравление съестных припасов (см. об этом: Е. В. Тарле. Наполеон. М., 1957, стр. 222—223). *Преемник Фридриха* — прусский король Фридрих-Вильгельм. *Цесарь* — австрийский император Франц. *Как в Кульме, малым великое дело делалось.* В бою под Кульмом 17 августа 1813 г. 20 тысячам русских противостояло 30 тысяч французов. *Чужие сказали спасибо.* Чужой — прусский король, наградивший всех участников сраженья орденом Железного креста. *Рад бы в Сибирский.* Сибирский гренадерский полк, в котором служил Горев; полк отличился в Отечественную войну. *Ростбиф* — здесь: англичанин. *Под Тулузой.* Близ Тулузы 10 апреля произошло последнее сражение 1814 г., в результате которого французские войска вынуждены были отступить. *С Николы.* Николай, архиепископ Мирликийский, был причислен к лику святых, 9 декабря отмечался день его смерти, 9 мая — перенос мощей. *И мы от них чумели* — подразумеваются заболевания, которые распространялись от пленных французов. *Преображенье* — христианский праздник, отмечавшийся 6 августа. *Праздник Усекновенья Предтечи.* Праздник христианского «святого» Иоанна Крестителя (Предтечи) отмечался 29 августа. *На сутках* — в те же сутки. *И нúчто* — и поделом.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

I

Андромаха. Впервые действие 3 — «Русская Талия. Подарок любителям и любительницам отечественного театра». СПб., 1825, стр. 182. Полностью отдельным изданием — «Андромаха. Трагедия в пяти действиях в стихах. Сочинение П. Катенина». СПб., 1827. Когда в 1822 г. А. М. Колосова находилась в Париже, она хлопотала об издании там «Андромахи». В письме от октября 1822 г. Катенин благодарит Колосову за получение корректуры, предлагает формат в 4-ю долю листа, но уже из следующих писем выясняется, что парижский издатель Дидо требует за напечатание 2200 франков. Катенин в это время уже находился в ссылке, и его материальное положение было тяжелым, так что он не мог сразу заплатить такую сумму. «Итак, «вдове» моей не удалось при-

строиться в Париже. Что делать!» — писал он с грустью Колосовой 24 марта 1823 г. (РС, 1893, № 3, стр. 644). В продолжающейся переписке между Колосовой, уже приехавшей в Петербург, и Катениным часто возникает тема постановки на сцене «Андромахи», но сам Катенин считает, что это дело «весьма далеко от события; что даже возвращение мое в Петербург долго невозможно; и тем труднее, что никто не знает, за что я выслан...» (Письмо от 12 июня 1823 г. — РС, 1893, № 3, стр. 653). Работа над постановкой «Андромахи» началась в 1826 г. 9 августа 1826 г. Катенин пишет Колосовой, находившейся в Москве, что «послезавтра надеюсь начать мои уроки с маленьким Астианаксом <актрисой Ливенцовой>», но тут же он подчеркивает, что ему чинят в этом препятствия (РС, 1893, № 4, стр. 208). В работе над спектаклем возникали большие затруднения, очевидно не обошлось без некоторых интриг. Первоначально главную роль должна была исполнять Е. С. Семенова, о ее большом желании играть Андромаху писал Катенину Грибоедов 14 февраля 1825 г., когда тот находился в ссылке: «Зачем ты не даешь сыграть «Андромахи»? Семенова душою этого желает, соединение таких двух талантов, как она с Каратыгиным, не всегда случается...» (Грибоедов. Сочинения. М. — Л., 1959, стр. 559). Но в 1826 г., когда пьеса уже репетировалась, Семенова просила передать ее роль другой актрисе. Истинная причина ее отказа не ясна. Выражая свое мнение о работе над трагедией, она пишет о бездарности исполнительницы роли Астианакса, считая, что из-за нее центральное место пьесы — 3-й акт — не будет иметь успеха; кроме того, Семенова требовала опытного руководителя, который заведовал бы русской драматической сценой (С. В. Танеев. Из прошлого императорских театров. М., 1886, стр. 11—12). Премьера «Андромахи» состоялась на сцене Петербургского Большого театра 3 февраля 1827 г. Роли исполняли: Агамемнон — П. И. Толченов, Пирр — В. А. Каратыгин, Улисс — Я. Г. Брянский, Андромаха — А. М. Колосова, Астианакс — Ливенцова. Колосова, которая с бо́льшим блеском выступала в комедиях, чем в трагедиях, вероятно, была слабее в этой роли, чем могла бы быть Семенова. Очень характерно, что Пушкин, давая высокую оценку «Андромахе», связывает в известной мере ее неуспех с тем, что в ней не играла Семенова. Он говорит, что «Андромаха», несмотря на свои большие достоинства, «не разбудила, однако ж, ото сна сцену, опустелую после Семеновой» (Пушкин, т. 11, стр. 180). Холодно отозвался об игре Колосовой в своих записках и Д. И. Хвостов (ПД, ф. 322, № 11). Так что неуспех пьесы объясняется, по-видимому, в значительной мере и причинами внешнего порядка. Трагедия Катенина не имеет ничего общего по сюжету ни с трагедией Еврипида, ни с трагедией Расина «Андромаха». «Андромаха» Катенина вызвала целый ряд рецензий, писали о ней еще и до постановки, когда 3-й акт был напечатан в «Русской Талии». В МТ, 1825, № 2 был напечатан резкий отзыв о 3-м действии трагедии; Катенина обвиняли в том, что он написал пьесу «сумароковскими стихами». На эту рецензию был помещен ответ в СО, где Ж. К., то есть Н. И. Греч, возражал рецензенту: «Он

<автор рецензии в МТ> не видит ни разговора, ни страстей, ни чувства, ни движения в этом акте... стихов, гладких стихов... только стихов, содержание, ход пьесы, характеры, страсти, слог, язык разных лиц — все пустое» (СО, 1825, № 5, стр. 67). Критик В. Л.....в признавал трагедию произведением оригинальным и значительным. Он отмечает «разность» трагедии Катенина и Расина, состоящую в «интересе трагическом, во времени и месте действия, в господствующих страстях действующих лиц» (СО, 1827, № 13, стр. 88). Статья об «Андромахе» была напечатана и во Франции, в ней парижский критик Э. И. Эро (1791—1836) удивлялся небольшому числу откликов в русских журналах на трагедию Катенина, находя, что она не лишена многих достоинств (см.: «Revue encyclopédique», 1829, t. 43, p. 411). *Скуратов* П. П. (ум. 1827) — однополчанин Катенина, большой его друг, уволен из полка по болезни в чине штабс-капитана («История лейб-гвардии Преображенского полка», т. 4, приложения. СПб., 1883, стр. 198). *Читал ее тебе и всем, от кого я мог ждать дружеского совета.* В письме к Бахтину от 9 января 1828 г. Катенин перечисляет тех, кому известна была «Андромаха» до представления: Крылов, Шаховской, Гнедич, Жандр, Батюшков, Лобанов, Хмельницкий, Пушкин, Грибоедов; так как письмо относится к 1828 г., то Катенин не мог назвать в письме литераторов-декабристов, которым он, видимо, также читал трагедию.

Действие 1. Явление 1. Излагаемым в трагедии событиям предшествует длительная война древних греков с Троей (Илионом), которая описана Гомером. Когда предводительствуемые мужем Андромахи, Гектором, троянцы ворвались в греческий лагерь и возникла опасность захвата ими кораблей, Ахилл послал в бой своего друга Патрокла, дав ему свои доспехи. Патрокл был убит Гектором, и тогда, желая отомстить за смерть друга, вступил в бой сам Ахилл, который победил Гектора. *Привязанный победною десницей.* Ахилл, убив Гектора, привязал за ноги его труп к своей колеснице. *Со дня плачевного, как братиям моим* и т. д. В городе Фивы правил отец Андромахи Эстион; греки овладели городом, и Ахилл в один день убил семь братьсв Андромахи и ее отца. *Огромный конь* и т. д. В огромном деревянном коне, сооруженном по совету Улисса (Одиссея) для обмана троянцев, спрятались могучие герои, грек Синон убедил троянцев ввезти коня в город. Явление 2. *Скейские врата.* Ночью из деревянного коня вышли воины, которые открыли вернувшимся грекам эти ворота, и Троя была взята. Явление 8. *Доспех, Ифестов дивный труд* и т. д. Ифест (Гефест) изготовил доспехи Ахилла; согласно мифу, в схватке над телом погибшего Ахилла отличился Аякс; Фетида (мать Ахилла) предложила доспехи павшего героя храбрейшему из греческих героев, но доспехи хитростью получил Улисс (Одиссей), Аякс же в гневе закололся.

Действие 2. Явление 1. *Аяксу восприять отказанную мзду.* Пирр хотел помочь Аяксу получить доспехи Ахилла, которые были несправедливо присуждены Улиссу. *Как греков рать оружие Ахилла... Улиссу присудила.* Улисс подкупил троянских пленников, и они заявили, что на его счету больше сраженных защит-

ников Трои, чем у Аякса. Явление 2. *И дщерь любимую был должен видеть мертву* и т. д. Речь идет об Ифигении, дочери Агамемнона; когда войско греков плыло к Трое, Агамемнон прогневил богиню Артемиду, и она послала ветры, задержавшие греков, тогда Агамемнон дал обет принести дочь в жертву богине. *Бог, трезубцем воруженный* — Посейдон, трезубец — атрибут морского божества. *Ты богини внук* — внук Фетиды.

Действие 3. Явление 1. *Эней... сокрыл... и сына, и отца, и лик святый богов.* Эней в момент падения Трои ушел из города вместе с сыном Асканием, неся на плечах старика отца Анхиса; он спас также троянские святыни. *Мог новый для троян воздвигнуть Илион.* По мифам, Энею покровительствовали боги Афродита, Аполлон, Посейдон; согласно воле Зевса, после гибели рода Приама над троянцами будет властвовать Эней и его потомки. Явление 5. *Сам был плачущим младенцем побежден.* Младенец — Приам, сын Лаомедонта, которого Геракл пожалел, оставив ему жизнь.

Действие 4. Явление 6. *Герой непобедимый* — Ахилл. *Отлучен от пленницы любимой* — Брисеиды, пленницы Ахилла; Агамемнон отнял ее у Ахилла, что явилось причиной «гнева» Ахилла. *Жертв стотельчных дым* — дым от ста тельцов, принесенных в жертву.

Пир Иоанна Беззмельного. Впервые — Соч., ч. 1, стр. 123. Печ. по ЭО, стр. 123. Пролог написан Катениным по мотивам романа Вальтера Скотта «Айвенго». В рукописном экземпляре ГТБ (список) есть небольшие разночтения. Так как экземпляр — суфлерский, считать его ранней редакцией катенинского пролога нельзя. Несомненно, однако, что, подготавливая «Пир» к включению в Соч., Катенин внес какие-то исправления в текст. В экземпляре ГТБ отсутствуют четыре стиха (473—476), показательные в политическом отношении. Ровена, разговаривая с принцем Иоанном, намекает на его участие в заговоре против отца. Эти строки (явл. 7), которые могли быть отнесены к Александру I, в экземпляре ГТБ, вероятно, были сняты цензором. Основные варианты Соч.:

Стихи 66—69
Власть короля смирила их сначала;
Но Богильберт клялся насытить месть,
И, может быть, я смерть тому послала,
Кто сохранил и жизнь мою и честь.

Стихи 112—114
Друг другу вслед текут народов волны
В Ерусалим, одно из чувствий тех,
Чем достают бессмертье человеки.

Пролог был представлен впервые на сцене Большого театра в Петербурге 21 января 1821 г. в бенефис артистки М. И. Валберховой. Катенин придавал большое значение тому, что его «Пир» сыграл известную роль в разработке белого пятистопного ямба. Он пишет

Бахтину в 1831 г.: «А. С. Пушкин, кажется, согласен с П. А. Кат<ениным> в фактуре пятистопного ямба, ибо тоже везде ставит цезуру на 2-й стопе...» (ПкБ, стр. 188). Приоритет Катенина в этом вопросе подчеркивает и Бахтин в предисловии к Соч. (ч. 1, стр. X): «В «Пире Иоанна Безземельного» русская публика в первый раз услышала на театре пятистопные стихи, вошедшие с некоторого времени у нас в большую моду». Катенин, придававший большое значение своему первенству, с недовольством писал к Бахтину в 1823 г.: «Заметили ли Вы, как, вопреки истине, благовестители «Орлеанской девы» Жуковского уверяют, что это будет нечто неслыханное по новому стихосложению на театре русском, когда на нем уже игран «Пир Иоанна Безземельного», написанный именно англо-немецким или романтическим размером...» Кроме того, Катенин подчеркивает оригинальность своего пролога: «произведение, бесспорно единственное по сию пору в том самом духе и роде, в котором гении наши умеют только переводить, и часто не понимая подлинника...» (ПкБ, стр. 34). *Иоанн* Безземельный — принц Джон (1167—1216); в то время как его брат английский король Ричард I (1157—1199), по прозвищу Львиное Сердце, находился в третьем крестовом походе (1190—1193), принц Джон фактически завладел престолом Англии, опираясь на английских феодалов и французского короля Филиппа-Августа. После гибели Ричарда I в 1199 г. Иоанн Безземельный стал законным королем Англии. *Дворянам всем, саксонским и нормандским, дать... пир.* В XII в. в Англии резко сказывались противоречия между двумя народами, еще не слившимися в одну нацию, — нормандцами (или норманнами) и англосаксами (саксонцами). *Рыцарь храма* — рыцарь религиозного ордена храмовников (тамплиеров), возникшего в эпоху крестовых походов (XI—XIII вв.). *Рыцарь тот* — Айвенго, защитивший Ребекку. *Иваной* — Айвенго. *Сам кесарь смерть нашел.* Во время третьего крестового похода император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса (Рыжая борода) (1123—1190), один из популярнейших героев средневековья, утонул в Малой Азии при переправе через маленькую речку. *Саладин* Юсуф (1137—1193) — султан египетский и сирийский, талантливый полководец и политик, воспеваемый в средневековых балладах, в 1187 г. разбил крестоносцев и овладел большею частью Палестины вместе с Иерусалимом, в третьем крестовом походе вынудил Ричарда Львиное Сердце отказаться от завоевания Иерусалима (договор 1192 г.) *Ричáрд ... пал во плен.* Ричáрд I, узнав о предательском захвате власти братом, поспешил в Англию, но попал в плен в руки своего противника — австрийского герцога Леопольда VI. *Годфред* — Годфрид Буйонский (см. стр. 676). *Камбиз* — персидский царь (529 до н. э. — ум. 522), сын и наследник Кира, в последние годы царствования был жестоким тираном. *Альфред* Великий (849—901) — английский король, прославивший свое имя победами над норманнами. *Случилось деду.* Дед — Вильгельм I Завоеватель (1027—1087), герцог Нормандский. *Под Гастингсом победа.* Вильгельм Завоеватель покорил Англию после битвы при Гастингсе в 1066 г., в которой был убит король Гаральд.

Сплетни. Подражание комедии Грессе́ «Le méchant». Впервые — отдельное издание — «Сплетни. Комедия в трех действиях в стихах Павла Катенина. Подражание Грессетовой комедии „Le méchant“». СПб., 1821. Премьера пьесы состоялась на сцене Петербургского Большого театра 31 декабря 1820 г. Роли исполняли: Варягин — Е. П. Бобров, Крашнева — М. И. Валберхова, Настинька — Сосницкая, Лидин — И. И. Сосницкий, Игорев — И. П. Борецкий, Зельский — Я. Г. Брянский, Аннушка — А. Е. Асенкова. «Сплетни» шли неоднократно, исполнялись в течение ряда лет, очевидно пользуясь успехом у публики. В своем переводе Катенин «приноровил» пьесу к русским обычаям и нравам. Обличительные монологи Зельского в значительной мере являются творчеством Катенина; большое явление в начале 2-го действия, в котором участвуют Варягин, Крашнева, Игорев, Зельский, написано Катениным. Далее, как говорит сам писатель: «Ссора и мировая любовников в присутствии Игорева и служанки, вход матери в самую решительную минуту, общий испуг, допрос служанки, на котором основана развязка, — все это принадлежит мне. Правда, что у Грессета советует Лизетта барыне подслушать, но посмотрите, как оно там неискусно, ни с чего взялось и ни к чему не ведет» (ПкБ, стр. 25). С другой стороны, Катенин, стремясь оживить действие и приблизить к русским нравам, выбросил ряд сцен в комедии Грессе, где Лизетта (Аннушка у Катенина) дерзит своей госпоже и брату ее, как например во 2-м явл. 1-го действия в разговоре с Жеронтом (Варягин у Катенина). Сравнивая характеры Грессе с персонажами русского перевода, Катенин говорит: «Варягин имеет резкую физиономию, Жеронт вял и даже сбит; Крашнева вовсе не похожа на дуру Флоризу; Лидин молод и ветрен, но не так пуст, как Валер... Настинька выиграла больше всех: в ней виден и ум, и чувство, и самолюбие, и некоторое кокетство, без которого вряд ли живут хорошенькие девушки, Хлоя же просто кукла...» (ПкБ, стр. 25). Существовало мнение, что якобы Катенин задел в образе Зельского Пушкина. Хотя в 1819 г. в отношениях между поэтами появились незначительные трения, так как Пушкин, пламенный поклонник Е. С. Семеновой, написал злую эпиграмму на соперницу Семеновой А. М. Колосову, оснований для такого заключения нет. Катенин принял на свой счет строку из послания Пушкина к Чаадаеву: «И сплетней разбирать игривую затею», на что Пушкин ответил ему дружеским письмом, в котором доказывал, что этот стих не имел никакого отношения к нему (см. письмо Пушкина к Катенину от 19 июля 1822 г. из Кишинева. — Пушкин, т. 13, стр. 41).

Действие 2. Явление 1. *Он лишнего туза съел.* Катенин отметил, что случай со съеденным тузом произошел во дворце, в присутствии царицы Елизаветы Петровны (см. ПкБ, стр. 26). М. И. Пыляев относит этот анекдот к екатерининскому времени (см.: М. И. Пыляев. Старое житье. Очерки и рассказы. СПб., 1897, стр. 29).

Сид. Перевод трагедии Пьера Корнеля «Le Sid». Впервые отдельным изданием — «Сид. Трагедия в пяти действиях. Сочинение

П. Корнеля. Перевод с французского Павла Катенина». СПб., 1822. «Сид» в переводе Катенина был представлен в первый раз на сцене Петербургского Большого театра 14 декабря 1822 г. в бенефис В. А. Каратыгина. Роли исполняли: дон Диего — И. П. Борецкий, дон Ро́дриг — В. А. Каратыгин, Химена — М. И. Валберхова. Критик И. И—св в своей рецензии отметил, что «представление шло весьма удачно; трагедия разыграна была хорошо. Зрители особенно довольны были игрою г. Каратыгина большого, и рукоплесканиями осыпали его» (Благ., 1823, № 15, стр. 195—196). Катенин сообщал в Париж об успехе Каратыгина А. М. Колосовой. «Роль Сида, — писал он, — как говорят, была сыграна превосходно; Химена сделала, что могла... Но какая же превосходная пиеса, если одной хорошо сыгранной роли было достаточно, чтобы одушевить всю залу! Что же было бы, если б у меня могла быть Химена?..» (РС, 1893, № 3, стр. 640). Катенин был недоволен игрой Валберховой, талантливой комической актрисы, которую А. Шаховской усиленно выдвигал на трагические роли, хотя они часто были ей не под силу; слабо выступила она и в роли Химены. В письмах к Бахтину Катенин с горечью писал по поводу того, что его, как автора, не вызывали в «Сиде». Судя по тому, что он говорит о недостатке «чистосердечия» и «смелости», можно думать, что это произошло из боязни назвать имя политического ссыльного. По его мнению, этот вызов мог бы сыграть известную роль в его судьбе, а так «дуракам дали отчасти повод быть дерзкими тем, что не вызвали меня в „Сиде“» (ПкБ, стр. 33). Катенин писал ранее Бахтину о том, что критическое мнение, высказанное по поводу «Сида» в одной из рецензий, было встречено с похвалой «из уст премудрого Тиграна», то есть Милорадовича (ПкБ, стр. 31).

Действие 1. Явление 1. *Маврами* в Испании назывались вторгшиеся сюда в VIII в. из Мавритании арабы.

Действие 4. Явление 1. *Они при мне тебя их Сидом называли.* См. примеч. к «Романсам о Сиде», № 18, стр. 679.

II

<Из трагедии Тома Корнеля «Ариадна»>. Действие третье. Печ. впервые по списку ГТБ, относящемуся, очевидно, к 1821 г. Другой список ГТБ 1811 г. — суфлерский. В экземпляре 1821 г. много вклеек и вписанных строк, которые, видимо, принадлежат самому Катенину, но в нем есть и значительные купюры, происхождение которых неясно. Третий список пьесы (ГПБ), являющийся в основном копией текста 1821 г., повторяет все крупные купюры в нем. Катенин перевел трагедию Тома Корнеля «Ariadne» полностью, очевидно, в 1810 г., так как 3 февраля 1811 г., в бенефис Е. С. Семеновой уже состоялась премьера пьесы. Роль Тезея исполнял А. С. Яковлев. Текст 1821 г. готовился для А. М. Колосовой, которая дебютировала в роли Ариадны 4 января 1822 г., роль Тезея исполнял В. А. Каратыгин. По свидетельству П. Арапова, «Катенин занимался постановкою трагедии и много способ-

ствовал своими советами главным персонажам к отчетливому её исполнению» (П. Арапов. Летопись русского театра. СПб., 1861, стр. 314). Очевидно, что, репетируя трагедию, Катенин вносил в ее текст изменения. Но в письмах к Н. И. Бахтину и к А. М. Колосовой содержатся указания на то, что он «чистил» слог трагедии и после 1822 г. Катенин писал Колосовой 18 января 1824 г.: «тщательно поправляю и теперь именно с доски до доски чищу «Ариадну», я затем и пишу Вам об этом, что, буде Вы вздумаете как-нибудь ее сыграть, Вы бы наперед сообщили мне, и я бы мог прислать трагедию в новом виде: первого действия и узнать нельзя; слабые стихи в 18 лет простительны, но в 31 должно их поправить» (РС, 1893, № 4, стр. 182). В другом письме, очевидно узнав, что «Ариадна» идет на сцене, Катенин, сожалея, что его поправки остались неизвестны актерам, пишет: «Уговорите хоть к тому, чтобы говорили и печатали: «Ариадна», а не «Ариана» или того еще хуже — «Арианна»: это несносно!» (там же, стр. 184). Эти исправления были внесены кем-то во 2-й экземпляр, сделаны они карандашом. Может быть, какая-то часть новой правки Катенина и отразилась на 2-м экземпляре, но, очевидно, все же в очень незначительной степени. К такому выводу мы приходим на основе анализа художественных достоинств перевода: 1-й акт, о котором Катенин писал в 1824 г., что исправил его радикально, является как раз (в экземплярах ГТБ) по слогу самым слабым. Сравнение 1-го и 2-го экземпляра интересны в плане характеристики актерских индивидуальностей Е. Семеновой и А. Колосовой. В тексте 1821 г. сделаны купюры во многих центральных местах роли, требовавших от актрисы трагических чувств большой силы и высокого накала (действия 4 и 5). Этими качествами Семенова обладала в большей степени, чем Колосова, поэтому трудно отнести эти купюры за счет авторской воли. Катенин уже в этом своем раннем опыте делал некоторые попытки усилить античный колорит трагедии, который слабо выражен в оригинале. Так, например, писатель не довольствуется характеристикой Тезея только как любовника, а вкладывает в уста Энара характеристику Тезея, в которой подчеркивается, что он герой (см. об этом: Г. Битнер. Драматургия Катенина. — УЗ, стр. 83—84). *Тома́ Корнель* (1625—1709) — брат знаменитого французского драматурга Пьера Корнеля; автор трагедий и комедий. В основе сюжета «Ариадны» — древнегреческий миф о том, как дочь критского царя Миноса Ариадна помогла герою Тезею с помощью клубка ниток выбраться из Лабиринта. Из 1-го действия трагедии мы узнаем, что Энар, царь Накский, безнадежно влюблен в Ариадну, которая вместе с Тезеем нашла убежище в его стране. Тезей открывает своему другу Пиритою любовь к сестре Ариадны — Федре; к Ариадне же он испытывает только чувство благодарности за спасение жизни. Ариадна, не подозревая о том, что предметом любви Тезея является ее сестра, просит Федру поговорить с Тезеем и раскрыть всю силу ее любви и страданий. Федра обещает сестре, что будет говорить с Тезеем. Явление 2. *Нерина* — наперсница Ариадны. Явление 4. *В Наксе царь* — Энар.

Хор из «Прозерпины». Перевод хора из оперы «Proserpine» Джиованни-Батиста Люлли (1636—1687), либретто которой написано французским драматургом и поэтом Филиппом Кино (1635—1683). Впервые в другой редакции, под заглавием «Гимн на победу Зевса над Гигантами» — Цв., 1810, № 9, стр. 400, подпись: К — нъ. Печ. по Соч., ч. 2, стр. 85. Приводим целиком журнальную редакцию:

Спокойствие и мир нам снова возвращенны,
Восхвалим счастие, нам данное судьбой!
Гиганты, на богов гордыней воруженны,
Не могут нас страшить и рушить наш покой.
Они под тяжкою громадой погребенны
Возгроможденных гор их буйною толпой,
По коей мнили дерзновенны
До неба досягнуть неистовой стопой.
Мы видели, как пал их силой вождь надменный,
Подавлен огненной горой.
Зевес, сразив его во пропасти подземны,
Принудил изверга изрыгнуть пред собой
Мертвеющей вражды остатки воспаленны;
Зевес победой кончил бой!
Враги его лежат во прахе низложенны,
И всё падет под сей гремящею рукой.
Спокойствие и мир нам снова возвращенны,
Восхвалим счастие, нам данное судьбой!

<Из трагедии Ж. Расина «Эсфирь»>. Действие третье. Впервые отдельное издание — «Эсфирь. Трагедия из священного писания. Сочинение Расина. Перевел с французского Павел Катенин». СПб., 1816. Премьера «Эсфири» состоялась в Петербурге 3 мая 1816 г. В роли Эсфири на сцене Петербургского большого театра выступали Е. С. Семенова, а впоследствии А. М. Колосова (Каратыгина). В 1826 г. Колосова играла роль Эсфири и на московской сцене. Любопытно, что трагедия Расина «Esther» привлекла внимание и Г. Р. Державина, но он, по-видимому, собирался написать оперное либретто на ее сюжет (см. сохранившийся в бумагах Державина отрывок из оперы «Эсфирь», опубликованный Я. К. Гротом в «Сочинениях Державина», т. 4. СПб., 1867, стр. 802—804). Цензор, утвердивший перевод Катенина к постановке, не заметил аллюзионности трагедии, в которой обличается «неправедность» вельмож, действующих зачастую в угоду жестокому царю. Как известно, Расин отступил в своей трагедии от классицистического принципа единства места и осуществил свой давнишний замысел «соединить, как в греческих трагедиях, хор и пение с действием. . .» (Ж. Расин. Предисловие к драме. Сочинения. М. — Л., 1937, стр. 178). В 1819 г. А. А. Бестужев раскритиковал перевод Катенина за излишнюю архаизацию языка (СО, 1819, № 3), но рецензент Синельников выступил в 1821 г. в защиту Катенина, считая, что Бестужев во многих случаях был «слишком решителен

и чрезвычайно строг!» («Невский зритель», 1821, № 2, стр. 165). Критик приводит ряд примеров, которые, по его мнению, дают «неоспоримое право поставить... трагедию «Эсфирь» в переводе Катенина наряду с лучшими произведениями русской словесности» («Невский зритель», 1821, № 2, стр. 171—172). В защиту Катенина выступил и Н. И. Бахтин, который писал: «Я смело могу сказать, что мы не имеем на русском языке трагедии, переведенной стихами, которая бы была ближе к своему оригиналу... В хорах переводчик «Эсфири» позволил себе гораздо больше вольностей, нежели в речах действующих лиц. Расин в хорах подражал большей частью псалмам и другим местам священного писания. Г. Катенин чувствовал, что в славянском переводе Библии мы имеем прекраснейший образец и что богатый русский язык может более приблизиться к сильным и смелым выражениям восточной поэзии, а потому и предпочел иметь больше в виду те места священного писания, которым подражал Расин, нежели французский подлинник». Бахтин прямо указывает на то, что в 3-м явлении 3-го действия, «где Расин делает приноровление к победам Людовика XIV, переводчик осмелился сделать подобное же к войне 1812-го года» (Бахтин, ГПБ). Впоследствии рецензия Бестужева заслужила резкий отзыв Кюхельбекера (ДК, стр. 129). Основой сюжета трагедии Расина послужили легенды, изложенные в Библии, о том, как Эсфирь, жена персидского царя Артаксеркса, своим заступничеством спасла евреев от истребления.

Явление 1. *Аман* — министр Артаксеркса, подготовивший указ об истреблении евреев. *Зосара* — жена Амана. *Еврей... из рук моих приял на славу облаченье* и т. д. Дядя Эсфири *Мардохей* по приказу царя был одет в пурпурные одежды, посажен на лучшего коня и в течение целого дня его возили по Сузам, а Аман должен был идти рядом и прославлять его. Явление 3. *Как некогда Давид сладчайшим песнопеньем* и т. д. Согласно легенде, Давид, будущий царь Израиля, еще юношей был искусным певцом-музыкантом, он был взят ко двору царя Саула и, играя на арфе, смягчил его гнев. *Хотя б толь мног был враг числом* и т. д. Согласно указанию Бахтина, здесь Катенин «осмелился» сделать «приноровление» к войне 1812 г., к победам Александра I над Наполеоном. Явление 4. *Исчадье Фракии* — Аман; Фракия — в древности обширная область, к северу от Македонии, населенная многими мелкими племенами. Явление 7. *Высóко вознесть хощу их рог,* т. е. поднять достоинство евреев, унижаемых в Персии.

<Из трагедии П. Корнеля «Горации».> Действие четвертое. Перевод из трагедии «Horace» (1640). Впервые — Соч., ч. 2, стр. 43. Трагедия исполнялась впервые на сцене Петербургского театра в пользу артиста Я. Г. Брянского 29 октября 1817 г. 1-е действие было переведено Чепеговым, 2-е — А. А. Жандром, 3-е — А. А. Шаховским. Трагедия заканчивалась 4-м актом, наиболее насыщенным гражданским пафосом, в переводе Катенина. 5-й акт не был переведен. По свидетельству современника, исполнение роли Камиллы в «Горациях», как и ролей Федры, Клитемнестры, Медеи,

Семирамиды, было «торжеством таланта Е. С. Семеновой» (П. А. Каратыгин. Записки, т. 1. Л., 1929, стр. 194). *Горации* — три брата-близнеца; по преданию, во время борьбы Рима с городом Альба-Лонгою они вышли на поединок с тремя альбалонгскими братьями Куриациями и победили их, несмотря на то что были связаны с Куриациями родственными узами. Событиям, происходящим в 4-м действии трагедии, предшествует ложное известие о том, что Рим подпал под власть Альба-Лонги, так как в поединке убиты двое братьев Горациев, а третий, оставшийся в живых, побежал, преследуемый ранеными Куриациями. Катенин дает точный перевод Корнеля, но характерным и для его политических взглядов, и для его драматургических принципов является то, что он заканчивает четвертый акт кульминационной 5-й сценой, в которой Гораций выносит приговор своей сестре, как изменнице родины, и закалывает ее, сцены 6-я и 7-я Катениным отброшены. Изъяты им также строки, в которых Валер восхваляет короля (конец 2-й сцены), очевидно потому, что верноподданнические излияния явно снижали гражданский пафос трагедии; кроме того, изысканно льстивые фразы в устах сурового римлянина могли казаться Катенину отступлением от принципов романтического историзма. Следует еще отметить, что у Катенина молодой Гораций закалывает сестру не за кулисами, как у Корнеля, а на самой сцене. Н. И. Греч в обзоре «О произведениях русской словесности» (СО, 1818, № 1, стр. 9) высказался критически о моде «переводить трагедии в несколько рук». По мнению анонимного рецензента «Северного наблюдателя» (1817, № 19, стр. 173—178) лучшим был перевод А. Жандра; критик также отметил, что в 4-м действии очень часто встречаются стихи «истинно превосходные».

Рассказ Цинны. <Из трагедии П. Корнеля «Цинна»>. Перевод монолога Цинны из действия 1, явл. 3 трагедии «Cinna». Впервые — под заглавием «Отрывок из Корнелева „Цинны“» — СО, 1818, № 12, стр. 229. Печ. по СО, с заглавием, принятым в автографе ГПБ, являющемся второй редакцией перевода. В 1827 г. Катенин произвел правку монолога Цинны и, учитывая цензурные препятствия, которые могли возникнуть после 14 декабря 1825 г., смягчил те места, которые могли дать повод к «применениям». По трагедии Корнеля, глава заговорщиков Цинна влюблен в Эмилию, чей отец был погублен императором Августом. Эмилия вдохновляет его на выступление против тирана. О злободневности этой темы в условиях русской жизни конца 1810-х гг. см. вступит. статью, стр. 9. Сам Катенин с достаточной ясностью намекнул на это в письме от 8 октября 1829 г. к Н. И. Бахтину: «Рассказ Цинны... я переписал снова для напечатания... *тогда,* тотчас после несчастного дела о 14-м декабря, я полагал за лучшее не выдавать отрывка, где могут находить намеки, но *теперь* дело прошлое, и верный перевод из всем известной трагедии старика и ультрароялиста Корнеля не должен казаться опасным и неуместным ни почему; это поэтическая etude...» (ПкБ, стр. 155). Мо-

нолог дважды был запрещен цензурой: в 1827 г. и 1832 г. для Соч. Во второй редакции перевода политический смысл произведения приобретал бóльшую абстрактность. Так, например, вместо «храма» появилось «капище» (члены Союза спасения обсуждали вопрос об убийстве Александра I в соборе), «невольничьи оковы» вместо «название раба». Заключительная энергичная строка речи Цинны (ст. 92) принадлежит самому Катенину. У Корнеля вслед за тем есть еще 12 строк, в которых Цинна говорит Эмилии об успехе или о возможном неуспехе восстания, они отброшены Катениным, так как ослабляли политическое звучание монолога. *Август* — имя, означающее «возвеличенный богами», принятое двоюродным племянником Цезаря римским императором Октавианом (27 г. до н. э. — 14 н. э.). *Хитрый муж.* Здесь современники Катенина могли усмотреть намек на Александра I. *Антоний* Марк (83—31 до н. э.) — римский полководец и триумвир, друг Цезаря; после его смерти Антоний вместе с Октавианом Августом и Лепидом образовал Второй триумвират для борьбы с вождями республиканской партии Брутом и Кассием, над которыми в 42 г. до н. э. была одержана победа; Октавиан Август позднее выступил против Антония и разбил его в 31 г. до н. э., после чего Антоний покончил жизнь самоубийством. *Мир — гибель вольности, народов и сената.* После длительных гражданских войн Августом был установлен «Августов мир», который примирил между собой различные группы рабовладельцев и дал ему возможность укрепить в Риме режим единоличной диктатуры. *Сын, кровью каплющий убитого отца.* Могло восприниматься как намек на причастность Александра I к убийству Павла I. *Сгубил двоих.* Один из них Помпей Секст (75—35 до н. э.) — римский полководец и политический деятель, в 36 до н. э. войска Августа разбили войско Помпея, захватившего в 44 до н. э. часть Испании, Сицилии, Сардинию и Корсику; Помпей бежал в Малую Азию, где был убит. Второй — триумвир Лепид Марк Эмилий (ум. 13 г. до н. э.), которого Август в 36 г. до н. э. лишил власти. *Он в Капитолии чтит жертвами богов* и т. д. Это место могло вызвать ассоциации с обсуждавшимся в декабристской среде намерением И. Д. Якушкина убить Александра I во время богослужения в Успенском соборе.

<Из трагедии И.-Б. Лонжпьерра «Медея».> Действие четвертое. Вольный перевод из трагедии французского драматурга Илера-Бернара Лонжпьерра (1659—1721) «Médée». Впервые — Соч., ч. 2, стр. 57. Трагедия Лонжпьерра в первый раз была сыграна на сцене Петербургского Большого театра в бенефис актрисы Е. С. Семеновой 15 мая 1819 г., затем неоднократно повторялась. Первый акт шел в переводе С. Н. Марина и И. А. Озерова, второй был переведен А. А. Дельвигом, третий Н. И. Гнедичем, пятый А. П. Поморским. Сюжет трагедии связан с древнегреческим мифом об аргонавтах. *Язон* (Ясон) при помощи волшебницы Медеи, влюбленной в него, добывает «золотое руно» и бежит обратно на родину. Впоследствии Язон изме-

няет Медее и собирается жениться на дочери коринфского царя Креузе. С этого момента начинается действие трагедии. Лонжпьерр в трактовке характера Медеи следовал не за Еврипидом, а, главным образом, за трагедией римского трагика Сенеки, оказавшего влияние и на Корнеля. Если у Еврипида Медея — в первую очередь оскорбленная в своих чувствах женщина, нежная и заботливая мать, в душе которой постепенно вызревает жажда мести, то у Сенеки она с самого начала обрисована как охваченное гневом демоническое существо. Катенин, переводя Лонжпьерра, явно стремится приблизить образ Медеи к трактовке Еврипида, «очеловечить» ее характер. Переводчик поставил перед собой задачу — в первую очередь показать страдания матери и любовь к ней ее детей. Характерно, что у Лонжпьерра дети Медеи произносят по одной реплике в момент, когда она собирается заколоть их, а Катенин в 5-м и 7-м явлениях вводит диалог детей и Медеи, причем рисует нежность, с которой дети относятся к матери. В то же время Катенин сократил и сжал несколько затянутых монологов четвертого акта. Явление 2. *Мой родитель* — колхидский царь Ээт. *Се брат мой* — Апсирт, убитый Медеей ради Язона. Явление 5. *Царевна* — Креуза. *Риза златая* — платье, пропитанное ядом, надев которое, Креуза сгорела заживо. *Род солнцев* — Медея была внучкой бога солнца Гелиоса.

Вражда и любовь. Отрывок из комедии. Впервые — «Невский альманах на 1830 год». СПб., 1830, стр. 268. Печ. по Соч., ч. 1, стр. 163. Напечатано было в альманахе со следующим примеч. Катенина: «Сия комедия по моему плану должна была делиться на два действия; место и время: при Феррарском дворе в XVI столетии; главные лица: сам герцог, супруга его, их дальняя родственница графиня Розалия Санвитали и любимец герцога маркиз Бентивольо. Я решился напечатать начало, написанное в Петербурге, не надеясь уже ее кончить; в драматической поэзии вообще нельзя упражняться с усердием и успехом иначе как в присутствии театра и публики, всего менее в комическом роде». В своем отзыве о произведениях, помещенных в «Невском альманахе на 1830 год», рецензент СП особенно выделил «Вражду и любовь», отнеся отрывок Катенина к числу «особенно отличных» произведений (СП, 1830, 25 февраля). Высокую оценку «Вражда и любовь» заслужила у Кюхельбекера (ДК, стр. 211). *Пелаг* — см. примеч. к «Романсам о Сиде», стр. 680. *Петрарка* Франческо (1304—1374) — итальянский лирик, творчество которого Катенин не любил (см. ЛГ, 1830, 20 июля, стр. 36). *Лаура* — светская дама, неразделенная любовь к которой стала главным мотивом поэзии Петрарки. Катенин считал эту любовь Петрарки неискренней, фальшивой (ЛГ, 1830, 20 июля, стр. 37).

Рассказ Ферамена. <Из трагедии Ж. Расина Федра».> Перевод монолога из 5-го действия, 6-го явл. трагедии «Phédre» (1677). Впервые — Соч., ч. 2, стр. 69. Два автографа — в ГПБ. Первый, более ранний, под заглавием «Смерть Ипполита» и

с разночтениями, содержит карандашные пометки, может быть принадлежащие Н. И. Бахтину. Второй почти совпадает с текстом Соч. На первом автографе следующее обращение Катенина к Бахтину: «И Чепегов (я думаю, что Вы читали его рукописный перевод Фераменова рассказа), и Лобанов в своей «Федре» оба начали женскою рифмою; я переменил ее на мужскую, нарочно чтоб отнюдь ни в одном стихе с ними не сойтись. Прочих переводов вовсе не помню. Жду от Вас подробных замечаний, обещая быть не упрямым и не ленивым» (ГПБ, фонд Н. Н. Селифонтова). Чепегов — друг Катенина и А. С. Грибоедова, литератор. М. Е. Лобанов (1787—1846) — литератор, переводчик «Федры» (предст. 9 ноября 1823). По поводу своего перевода Катенин писал Бахтину 17 июля 1828 г.: «На днях, перечитывая Расина, вздумалось мне испытать своих сил над всем известным рассказом Ферамена, и злой дух помог мне его откачать довольно скоро; хорошо ли, другой вопрос... Во всяком случае, это дело не дурное: род задачи, урока» (ПкБ, стр. 123). Сюжет трагедии Расина заимствован у Еврипида. *Ферамен* — воспитатель Ипполита, повествующий о его страшной гибели. *Трезенские врата.* Трезена — пелопоннесский город, в котором происходит действие трагедии. *Некий бог* — Нептун. *Арисия* — афинская принцесса, возлюбленная Ипполита.

<Из трагедии Ж. Расина «Гофолия».> Перевод отрывков из трагедии «Athalie» (1691). Катенин начал переводить «Гофолию» в 1815 г., а затем, на протяжении ряда лет, возвращался к этой работе.

1. Первое явление. Впервые — Соч., ч. 2, стр. 72. 22 апреля 1829 г. Катенин сообщал Бахтину, что «недавно» перевел 1-е явление 1-го действия «Гофолии» Расина. В РиР Катенин называл главным достоинством «Гофолии» то, что в ней «все дышит древним Иерусалимом». Эту трагедию, как и «Эсфирь», Катенин относит к «зрелым плодам» «гения» Расина, «чистым от всех придворных и французских заразх» (ЛГ, 1830, 17 декабря, стр. 283; 20 февраля, стр. 87). В основе пьесы Расина — библейская легенда о нечестивой *Гофолии,* дочери *Ахава* и *Иезавели.* Став женой иудейского царя *Иорама,* происходившего из рода Давида, Гофолия заставила его ввести в стране идолопоклонство и построить в Иерусалиме храм языческому богу *Ваалу.* Все сыновья Иорама, кроме *Охозии,* погибли, вслед за ними скончался и сам царь. Его наследником стал Охозия, такой же нечестивый человек, как и его мать. Но и он вскоре погиб от руки самарийского царя *Иуя,* которого наставлял пророк Елисей, жаждавший покарать идолопоклонников и восстановить союз народа с богом. Иуй умертвил также Иезавель, труп которой, как предсказывал пророк *Илия,* пожрали псы. От его руки погибли и остальные представители этого рода. Чтобы проложить себе дорогу к власти, Гофолия в свою очередь решила истребить весь род царя Давида. Дети Охозии, ее внуки, были преданы смерти. Из них только *Иоас* был спасен *Иосавеф* и ее мужем, первосвященником *Иодаем,* у которого он втайне воспитывался в храме — до тех пор, пока не был провозглашен царем. Лишенная же власти Гофолия

была убита. *Авенир* — один из военачальников иудейских царей. *Скрижали Моисею.* Согласно библейской легенде, Моисей на горе *Сион* получил от бога десять заповедей — «скрижали откровения». *В руках неся с полей начатки и плоды* и т. д. Подразумевается древнееврейский праздник Пятидесятницы. *Мафан* — жрец Ваала, бывший левит, лицо, вымышленное Расином. *В ней зрит еще сестру умершего царя* — сестру умершего царя Охозии. *Иноземка злая* — Гофолия, иноземное происхождение которой не допускало ее законного воцарения. *Иль мясо юниц ем? иль пью от козлищ крови?* Эта фраза, взятая из Библии, означает: не столь важны жертвоприношения, сколько стремление творить добро. *Иуда полн грехов, и слаб Вениамин.* Царство Иудейское состояло из двух «колен» — Иуды и Вениамина; десять других «колен» образовали царство Израильское. *В браздах убийствами добытого села.* Ахав захватил виноградник израильтянина Навуфея, после того как царица Иезавель велела убить его владельца. *Лжецы-пророки казнь прияли* и т. д. Илия собрал на гору Кармил языческих пророков и заставил их приготовить жертвоприношение без разведения огня. На их воззвание к Ваалу ответа не было, тогда Илия обратился к богу, который, по легенде, послал огонь; народ схватил лжепророков и умертвил их. *Стихиям Илия со властию изрек* и т. д. Согласно Библии, пророк Илия вызвал росу и дождь, пролившийся на землю после долгой засухи. *На Елисеев глас умершие восстали.* Подразумевается библейская легенда о «воскрешении» пророком Елисеем ребенка.

2. Сон Гофолии. Перевод монолога Гофолии из 4-й сцены 2-го действия трагедии. Впервые — ВЕ, 1815, № 21, стр. 19. Печ. по Соч., ч. 2, стр. 79. *И двух морей брега.* Имеются в виду Красное и Средиземное море, называемое в Библии Филистимлянским. *Царь Сирский* — царь Сирии Азаил.

3. Хор четвертого действия. Впервые — Соч., ч. 2, стр. 82. *Помазанник* — Иоас, который готовится быть помазанным на царство. *О ветвь* и т. д. Иоас — «ветвь» из рода царя Давида. *Свирепая праматерь* — Иезавель.

СЛОВАРЬ

Аарон (библ.) — старший брат Моисея (см.), еврейский первосвященник.

Авессалом (библ.) — сын еврейского царя Давида, восставший на отца.

Авзония — поэтическое название древней Италии.

Авлида — приморский город в Беотии, где Агамемнон (см.) собрал греков для похода против Трои (см.).

Авраам (библ.) — ветхозаветный патриарх и родоначальник евреев и арабов, согласно библейской легенде.

Агамемнон (греч. миф.) — предводитель греков в Троянской войне, царь Аргоса.

Адмет (греч. миф.) — царь города Фер, у которого некоторое время служили пастухами боги Аполлон и Гермес.

Академов сад — парк в северном предместье древних Афин, где находилась гимназия Академиа, в которой учил философ Платон.

Актеон (греч. миф.) — охотник, превращенный в оленя и растерзанный собаками за то, что увидел купающуюся богиню Артемиду.

Алкеста (греч. миф.) — жена царя Адмета, которая согласилась вместо мужа сойти в Аид, откуда была освобождена Гераклом.

Алкид (греч., римск. миф.) — Геракл.

Алкиона (греч. миф.) — супруга царя Кеика, погибшего при кораблекрушении; охваченная горем, она бросилась в море и тотчас по воле богов превратилась в морскую чайку; море Алкионы — Эгейское море.

Алкмена (греч. миф.) — смертная женщина, родившая Геракла от бога Зевса.

Алфей — река в Древней Греции или божество этой реки.

Альбион — древнее название Англии.

Альманзоры — мавры, арабы.

Амвросия (амброзия) (греч. миф.) — пища богов, которая давала им вечную юность и бессмертие.

Амфиктионы — у древних греков союз нескольких племен, учреждаемый для охраны святилища и решения спорных дел; наиболее известна была Дельфийская амфиктиония.

Амфион (греч. миф.) — сын Зевса, обладавший божественным даром игры на лире — при построении города Фивы камни сами укладывались под звуки его волшебной лиры.

Андромаха (греч. миф.) — героиня «Илиады», супруга троянского героя Гектора (см.).

Антигона (греч. миф.) — дочь царя Фив Эдипа, последовавшая за отцом в добровольное изгнание; ее образ в литературе — олицетворение идеальной дочерней любви.

Антилох (греч. миф.) — сын пилосского царя Нестора, сопровождавший отца в поход против Трои (см.), друг Ахилла.

Аониды (греч. миф.) — одно из прозвищ муз, происходящее от Аонии.

Арг (Аргус) (греч. миф.) — многоглазый великан, стороживший возлюбленную Зевса Ио, превращенную в корову; был убит Гермесом.

Аргивцы — аргивяне, жители Аргоса; у Гомера вообще греки.

Ареев холм — «холм Ареса», на котором происходили у древних греков заседания Ареопага (см.).

Ареопаг — древнейшее верховное судилище в Афинах, ведавшее наиболее тяжкими преступлениями против жизни, члены Ареопага — архонты — собирались на холме Ареса, у Акрополя.

Ариадна (греч. миф.) — дочь критского царя Миноса, которая помогла герою Тесею (Тезею), дав ему клубок нитей, выбраться из Лабиринта.

Арион — греческий поэт и музыкант (VII—VI вв. до н. э.); согласно легенде, когда ему грозила опасность быть убитым во время путешествия на корабле, он попросил разрешения спеть в последний раз, и, сделав это, бросился в море; его вынес на берег очарованный его пением дельфин.

Аркадия — центральная область Пелопоннеса, населенная пастухами, воспевалась как страна невинности, простоты нравов и мирного счастья.

Асия — Азия.

Ассасúн (франц.) — убийца.

Асфодели (греч. миф.) — луга в подземном царстве, поросшие асфоделями — цветами типа лилий.

Атлант (греч. миф.) — титан, в наказание за участие в борьбе титанов против богов должен был держать на своих плечах небесный свод.

Атрúды (греч. миф.) — сыновья микенского царя Атрея: Агамемнон (см.) и Менелай.

Ахаия — область Древней Греции, населенная ахейцами, в северо-восточной части Пелопоннеса, или Греция в целом.

Ахерон (греч. миф.) — река в подземном царстве.

Ахилл (греч. миф.) — главный герой «Илиады», сын морской богини Фетиды и царя Пелея, бесстрашный и могучий воин.

Аякс Большой (греч. миф.) — сын царя Теламона, отличился в схватке над телом убитого Ахилла (см.); закололся мечом, оскорбленный тем, что доспехи Ахилла, обещанные богиней Фетидой (см.) храбрейшему из греческих героев, достались не ему, а хитрому Одиссею (см.).

Багряница — царская одежда багряного цвета, порфира.
Бастард — незаконнорожденный.
Безан (англ.) — мелкая монета, грош.
Бель — мягкая льняная пряжа для вязания.
Бельсорад (Белорадо) — испанский город неподалеку от Бургоса (см.), на реке Тирон.
Брашна, брашно́ — кушанье, еда, продукты питания.
Брезг — начало утренней зари, рассвет.
Бунчук — украшения из бисера и раковин, которые надевались на шею лошади; а также жезл — знак сана и достоинства у турецких пашей, на который навешивались хвосты лошади или тибетского быка, по числу хвостов паши получали название — «двухбунчужный» или «трехбунчужный».
Бургос — город в Испании, прежде столица Старой Кастилии.
Быт — существование, бытие.

Ваал — высшее языческое божество финикиян и хананеян, бог солнца; иногда Ваалу приносились и человеческие жертвы; поклонение Ваалу, согласно Библии, имело место и у евреев.
Валонски — валлонские; валлоны — романское племя в северных французских департаментах, в южной и восточной Бельгии.
Веду́н — колдун, волшебник.
Велий — большой, великий.
Венеды — западнославянские племена, населявшие в первые века нашей эры территорию от северных отрогов Карпат до Балтийского моря.
Ве́но — приданое.
Весь — деревня, село; *ве́си* — селения.
Взыскуют — обыскивают.
Внушать — услышать; внушаю речь — понимаю, согласен.
Вооз (библ.) — богатый израильтянин, женившийся на добродетельной Руфи.
Воот — греческое название звезды Арктур.
Воспяти́ть — препятствовать, мешать, возбранять.
Бо́сфор — Босфор.
Вспомнился — очнулся.
Врабии — воробьи.

Ганимед (греч. миф.) — юноша, за необыкновенную красоту похищенный богами и взятый ими на небо, где он стал любимцем и виночерпием Зевса.
Гаргар — одна из вершин горы Иды (см.).
Гедеон (библ.) — еврейский судья, освободивший соотечественников от ига медианитян.
Геката (греч. миф.) — древнее малоазийское божество, владычица земли, моря и небес; культ ее получил распространение и в Древней Греции, где Геката становится богиней призраков, волшебства и заклинаний, повелительницей теней в подземном царстве.
Гектор (греч. миф.) — сын Приама, супруг Андромахи (см.), предводитель троянцев во время Троянской войны, мужественный защитник родного города, убитый Ахиллом (см.).
Гекуба (греч. миф.) — супруга троянского царя Приама.

Гелен (греч. миф.) — сын Приама (см.) и Гекубы (см.), обладавший даром пророчества.

Геликон (греч. миф.) — гора в средней Греции, считавшаяся обиталищем муз и Аполлона; в переносном значении — место поэтического вдохновения.

Геллеспонт — древнее название Дарданелл, произошло от мифической Геллы, которая утонула в этом проливе.

Ге́спер (греч. миф.) — божество вечерней звезды, одно из названий планеты Венеры.

Гесперидский сад (греч. миф.) — сад на крайнем западе земного круга, где росла яблоня с золотыми плодами, хранительницами которых были прекрасные девушки — Геспериды, дочери Атланта (см.).

Гесперия — у древних греков западные земли, соответствующие нынешней Испании и нижней Италии.

Гессемская страна (библ.) — область в Египте, где были поселены отец и братья Иосифа (см.) по прибытии их в Египет.

Гиацинт — драгоценный камень красного цвета.

Гиганты (греч. миф.) — громадные существа с чешуйчатыми змеиными хвостами, которые хотели овладеть небом, вооружившись скалами и стволами деревьев, но олимпийские боги истребили их и погребли под Этной.

Гиперборейские страны (греч. миф.) — легендарная северная страна, где жил вечно юный, не знавший мщения Немезиды народ; в русской литературе под Гиперборейской страной иногда подразумевалась Россия.

Гиперион (греч. миф.) — титан, отец Гелиоса (Солнца), Луны и Зари, а также одно из наименований Солнца.

Гоголь — вид утки.

Гривна — род медальона или же крупная монета, которую прикрепляли к цепи и носили на шее.

Давид — полулегендарный царь древнего Израильско-иудейского государства (ум. ок. 950 до н. э.); библейский герой, победитель великана Голиафа; в юности славился игрой на арфе; богословская традиция приписывала Давиду сочинение псалмов, вошедших в состав Библии.

Даждь — дай.

Да́ки — древний воинственный народ фракийского происхождения, обитавший на территории нынешней Трансильвании и Малой Валахии.

Данаи — древнее греческое племя, или вообще греки.

Данаиды (греч. миф.) — дочери царя Даная, приказавшего им в брачную ночь убить своих мужей; за это они были обречены после смерти вечно наполнять водой бездонную бочку.

Дарданов род (греч. миф.) — дарданцы (троянцы), которые произошли от Дардана, сына Зевса.

Дафна (греч. миф.) — нимфа; преследуемая влюбленным Аполлоном, стала молить о помощи богов и была ими превращена в лавр — священное дерево Аполлона.

Девора (Дебора) (библ.) — древнееврейская пророчица, воодушевляла израильтян в борьбе с хананеянами.

Дедало́ва обитель (греч. миф.) — Лабиринт, построенный на острове Крит Дедалом для чудовища Минотавра.

Дельфы — общегреческий религиозный центр в Фокиде, у подножия горы Парнас, известный своим оракулом (Дельфийский оракул) и храмом Аполлона; согласно мифу, сам Аполлон избрал Дельфы местом своего святилища, после того как убил здесь змея Пифона.

Дий — одно из имен Зевса.

Дил (Делос) — остров в Эгейском море, по верованиям древних греков — родина Аполлона и Артемиды.

Дилия — одно из имен Артемиды.

Димитра (Деметра) (греч. миф.) — богиня плодородия и земледелия, божество созревания хлеба.

Диона (греч. миф.) — титанида, супруга Зевса и мать Афродиты, в позднейших мифах отождествлялась с Герой.

Домина — домино, маскарадный убор.

Дорида (греч. миф.) — дочь Океана (см.), супруга морского бога Нерея.

Дриада (греч. миф.) — лесная нимфа.

Друиды — жрецы и прорицатели у кельтов в древней Галлии и Бретани; они составляли замкнутую касту.

Дюк — герцог.

Евксин (Эвксин) — древнегреческое наименование Черного моря.

Евридика (Эвридика) — см. Орфей.

Елень — олень.

Еней (Эней) — главный герой «Энеиды», троянский герой, родственник царя Приама; согласно легенде, Эней, спасший троянские святыни, поселился в Италии, и его потомки основали Рим.

Епир (Эпир) — западная область Древней Греции.

Ерев (Эреб) (греч. миф.) — сын Хаоса и брат Ночи, одна из наиболее мрачных частей преисподней, олицетворение вечного мрака.

Ерихон (Иерихон) — древний город в Палестине, неподалеку от реки Иордан; по преданию, когда евреи шли на приступ города, его стены разрушились от звука священных труб.

Жада́ющие — сильно желающие, алчущие.

Замора (Самора) — город в Испании на скалистом берегу реки Дуэр, служил резиденцией королям Леона и Кастилии.

За́мшеные — замшевые.

Зе́льная — большая, сильная.

Зрак — лицо, вид, облик, изображение.

Иаковли сыны (Яковли сыны) — евреи, сыновья Иакова, согласно Библии, мифического родоначальника еврейского народа.

Ида — горная цепь близ Трои (см.).

Идумейские страны́ (библ.) — страна Идумея, населенная едимитянами, или идумеями, потомками брата Иакова (см.) Исава, по прозвищу Едом.

Иегова (библ.) — одно из имен бога в Ветхом завете.

Израиль — одно из названий еврейского народа в Библии.

Иксион (греч. миф.) — царь легендарного народа лапифов; когда отец его жены Деи потребовал от Иксиона свадебных даров, то тот вероломно убил тестя; прощенный Зевсом Иксион на Олимпе стал добиваться любви богини Геры, за свои преступления был наказан страшными муками в подземном царстве — привязан к вечно вращающемуся огненному колесу.

Илион — см. Троя.

Ио (греч. миф.) — нимфа, возлюбленная Зевса, превращенная им в корову с целью спасти ее от гнева Геры.

Иосиф (библ.) — сын патриарха Иакова (см.) и Рахили (см.); продан братьями египетским купцам, после тяжелых испытаний попал в милость к фараону и был возвышен им.

Ипполит (греч. миф.) — сын Тезея (см.) и амазонки Ипполиты, ложно обвиненный мачехой Федрой в преступной связи с нею и проклятый отцом; Ипполит был убит своими лошадьми, которых вспугнуло морское чудовище.

Ира — Гера.

Иракл — Геракл.

Искйдок — отброс, порождение.

Истнить — истребить, уничтожить, стереть.

Иуда Маккавей — иудейский герой, в 166 г. освободил евреев от ига сирийцев, овладев Иерусалимом.

Ифака — Итака, остров в Ионическом море, согласно древнегреческой мифологии — родина и владение Одиссея (см.).

Ифест — Гефест.

Ичоглан — название пажа при дворе турецкого султана.

Каба́льник — от слова ка́ббала — мистическое толкование евреями Ветхого завета; здесь: чернокнижник, прорицатель.

Каллиопа (греч. миф.) — девятая и старшая из девяти муз, первоначально богиня песнопений, позже считалась музой эпической поэзии.

Калхас (Калха́нт) (греч. миф.) — легендарный прорицатель, участник похода греков на Трою (см.), предсказавший, что Троянская война продлится десять лет.

Кармил — гора в Палестине.

Касталиды — музы.

Кастальский ключ (греч. миф.) — источник на горе Парнасе, посвященный Аполлону и музам.

Каты́ (коты) — женские полусапожки.

Квириты — у римлян название граждан, в противоположность воинам.

Кенз — карточная игра.

Кефис — название нескольких рек в Древней Греции.

Кивелла (Кибела) — фригийская богиня, мать богов и всего живущего на земле, возрождающая умершую природу и дарующая плодородие.

Кивот — у древних евреев ящик из драгоценного дерева, в котором хранились скрижали Моисея (см.), жезл Аарона (см.); хранилище для ценностей.

Киклады — Цикладские острова в Эгейском море.

Киллена — высокая гора в Пелопоннесе, где, по преданию, родился Гермес.

Киллений (греч. миф.) — одно из имен Гермеса, которое было ему дано потому, что он родился на горе Киллене.

Кимвал — музыкальный ударный инструмент в виде двух металлических тарелок.

Кинфий (греч. миф.) — Аполлон; Кинф — гора на острове Делос, родине Аполлона.

Кинфия (греч. миф.) — Артемида, сестра Аполлона.

Киприда — одно из имен Афродиты.

Киркия (Кирка, Цирцея) (греч. миф.) — волшебница с острова Эя; согласно «Одиссее», Киркия превратила спутников Одиссея в свиней; в нарицательном значении — обольстительная красавица.

Кистень — ручное оружие, ядро или гиря на ремне, увесистый набалдашник на короткой палке.

Класы — колосья.

Клир — церковный хор.

Коимбра — главный город одноименного округа в Португалии; Фердинанд I овладел Коимброй в 1064 г.

Колено — род, поколение, потомки.

Колёт — род короткой одежды у военных; отложной воротник.

Колон — город-община в Древней Греции, а также родина Софокла, место действия его трагедии «Эдип в Колоне».

Корифей — руководитель хора.

Кортесы — название парламента в Испании.

Коснящий — медлящий, мешкающий.

Косящето окно — косящатое окно, то есть с косяками, в отличие от окна волокового — маленького, задвижного оконца.

Котурн — обувь древнегреческих актеров с очень высокими каблуками; одевалась для того, чтобы придать величественный вид артистам.

Кравчий — виночерпий.

Кравы — коровы.

Крины — лилии.

Крифеида — по преданию, женщина, усыновившая Гомера.

Крон (греч. миф.) — одно из древнейших доолимпийских божеств, сын Урана (Неба) и Геи (Земли), низвергший и искалечивший своего отца; в позднейшие времена Крон считался богом времени.

Кронион (греч. миф.) — одно из имен Зевса, сына Крона (см.).

Кросна́, кросны́ — крестьянский домотканый холст.

Купины — группа деревьев или кустов.

Кущи — шалаши.

Лаертов сын (греч. миф.) — Одиссей (см.).

Ла́ия сын — Эдип, герой трагедии Софокла, по незнанию убивший своего отца, фиванского царя.

Лакт — локоть, мера длины у древних.

Лаомедонт (греч. миф.) — царь Трои, отец Приама; обманул Геракла, который спас от чудовища его дочь Тесиону, не отдав ему обещанных волшебных коней.

Ластица — ласточка.

Лаэртид — сын Лаерта, Одиссей (см.).

Левит — низший еврейский церковнослужитель; левиты составляли особую касту.

Лель — славянский языческий бог, сын Лады, изображавшийся в виде мальчика; покровитель брака и любви.

Лéпый — красивый, прекрасный.

Лик — сборище; хор.

Ликей — гора в Аркадии (см.), где находилось святилище Зевса, который здесь почитался как источник света.

Лита (Латона, Лето) (греч. миф.) — титанида, возлюбленная Зевса, мать Аполлона и Артемиды; Лита скиталась, преследуемая ревностью Геры, и только маленький остров Делос (Дил) согласился принять ее.

Майя (греч. миф.) — дочь Атланта (см.), нимфа гор, мать Гермеса; римляне отождествляли с Майей древнеиталийскую богиню земли Майю.

Мамон — Маммон, сирийский бог богатства; вообще богатство.

Мантинея — город в Аркадии (см.), в 362 до н. э. под Мантинеей Эпаминонд одержал победу над спартанцами.

Мараведисы — мараведи, старинная испанская золотая монета, введенная маврами до XV в.

Марсий (греч. миф.) — фригийский божок; по легенде, состязался с самим Аполлоном в игре на флейте; побежденный, был жестоко наказан Аполлоном, содравшим с него кожу.

Масть — душистая мазь, притирание.

Меланоп — древнегреческий государственный деятель, считавшийся одним из предков Гомера.

Меледá — работа без конца; однообразная забава, название от игрушки — надетые на проволочную дужку кольца, которые можно без конца передвигать.

Мелис (Мелес) — река в Древней Греции, у истоков которой Гермес, по преданию, слагал свои песни.

Мельпомена (греч. миф.) — муза трагедии.

Менал — горная цепь в Древней Греции, любимое место прогулок Пана (см.).

Менетий (греч. миф.) — отец Патрокла (см.).

Менетия сын — Патрокл (см.).

Мид (Мидас) (греч. миф.) — фригийский царь, обладатель больших богатств; будучи судьей на музыкальном состязании между Аполлоном и Марсием (см.), признал Аполлона побежденным, за что Аполлон наградил его ослиными ушами.

Мидяне — обитатели Мидии, славившейся в древности плодородием и коневодством; мидяне отличались воинственностью.

Микены — древний греческий город, в котором, согласно мифам, царствовал Агамемнон (см.).

Миной (Минос) (греч. миф.) — критский царь, мифы изображали его мудрым и справедливым, после смерти Минос сделался судьей над мертвыми.

Мирмидоняне — ахейское племя, жители Фессалии (см.), выступившие под Трою под предводительством Ахилла (см.).

Мирт — вечнозеленое дерево или кустарник, в древности из листьев и веток мирта свивали венки, которые надевали в торжественных случаях, символ мира и любви.

Митилина (Митилена) — в Древней Греции город на острове Лесбос, родина поэтессы Сафо.

Михаил Архистратиг — один из архангелов, победитель сатаны, начальник небесного воинства.

Мнемозина (греч. миф.) — богиня памяти; «дщери Мнемозины» — рожденные ею от Зевса девять муз, богини поэзии, искусств и наук.

Моисей (библ.) — пророк, вождь и законодатель еврейского народа, которому приписывается освобождение древних евреев из египетского плена и составление первых пяти книг Библии, так называемого «Пятикнижия» Моисеева.

Монтедока — цепь гор в северной Кастилии.

Морерия — название страны или территории, принадлежавшей маврам, мусульманам.

Мски — мулы.

Мусикийский — музыкальный.

Навин (библ.) — Иисус Навин, сподвижник Моисея (см.), легендарный вождь израильтян, после смерти Моисея осуществил переход через Иордан, завоевал «обетованную землю» — Хананею; во время битвы с воинами царей амморейских под Гаваоном Навин, по Библии, остановил движение солнца, которое пребывало в неподвижности до конца сражения, завершившегося победой Навина.

Нали — даже.

Намет — шатер.

Нарцисс (греч. миф.) — необыкновенно красивый юноша, влюбившийся в свое собственное отражение в реке.

Нахара (Нахера) — город в королевстве Кастилия; в средние века имел большое политическое значение — там неоднократно собирались кортесы (см.).

Некресть — нехристь, некрещеный.

Неоптолем (или Пирр) (греч. миф.) — сын Ахилла (см.) и Деидамии, в доспехах отца участвовал в заключительном штурме Трои (см.), убил Приама (см.); в добычу ему досталась жена Гектора (см.) Андромаха (см.).

Нереиды (греч. миф.) — нимфы моря, дочери морского бога Нерея и Дориды (см.); считалось, что они помогают морякам в опасности.

Нестор (греч. миф.) — персонаж «Илиады» Гомера; старец, переживший три поколения, отличавшийся мудростью и красноречием.

Несть — нет.

Нижé — ни даже, отнюдь не, нисколько.

Ниобéя (Ниоба) (греч. миф.) — супруга царя Фив Амфиона; гордясь большим количеством своих детей, она смеялась над богиней Латоной, родившей только двоих — Аполлона и Артемиду; по воле разгневанной богини Аполлон и Артемида убили всех детей Ниобеи, поразив их стрелами.

Норны (скандин. миф.) — девы судьбы, три нестареющие красавицы — девицы Урдр (прошлое), Верданди (настоящее) и Скульд (будущность).
Нот (греч. миф.) — бог южного ветра.

Обзаконен — женат.
Овен, овны́ — баран, бараны.
Огнище — место, на котором рос лес, срубленный и спаленный для распашки.
Одеон — здание в древних Афинах, в котором происходили представления, диспуты.
Одиссей (греч. миф.) — герой «Илиады» и «Одиссеи», царь острова Итака; возвращаясь на родину после окончания Троянской войны, долго странствовал и претерпел множество испытаний.
Океан (греч. миф.) — древнейший бог водной стихии, прародитель всех богов морей, рек, источников.
Окс — возможно, старинное название реки Аму-Дарьи.
Омир — Гомер.
Опасно — осторожно.
Оравший — пахавший.
Орест (греч. миф.) — сын Агамемнона (см.) и Клитемнестры, отомстивший за смерть отца, предательски убитого Клитемнестрой и ее возлюбленным Эгистом; Орест убил Эгиста и Клитемнестру при помощи своего друга Пилада (см.). Преследуемый за убийство матери эринниями, Орест вынужден был отправиться к «варварам» — в Тавриду, где он вместе с Пиладом был схвачен для принесения в жертву богине Артемиде; друзей спасла Ифигения, сестра Ореста.
Орион (греч. миф.) — великан, охотник, был убит стрелой Артемиды; боги превратили его в созвездие, находящееся рядом с созвездием Плеяд, с этим связан миф о преследовании Орионом Плеяд.
Орк (римск. миф.) — божество смерти, доставлявшее тени людей в подземное царство.
Орфей (греч. миф.) — певец и музыкант, обладавший чарующим голосом; его пение заставляло сдвигаться камни, растения склонять ветви, укрощало диких зверей; богиня Персефона (см.) сжалилась над Орфеем и позволила ему вывести из царства мертвых его супругу Эвридику, но Орфей нарушил поставленное ему условие — не оглядываться на следующую за ним Эвридику до выхода на землю — и навсегда потерял ее; Орфей был растерзан менадами — женщинами из свиты Вакха, за то что отказался принять участие в оргии или же (по другому мифу) за то, что после смерти Эвридики стал избегать женщин.
Осса — группа гор в Фессалии (см.), в греч. миф. считалась местом пребывания центавров и гигантов.
Остожье — луг, покос.

Па́дёра — падаль.
Пактол — река в Греции, которая в древности была золотоносной; золотые пески ее вошли в поговорку; согласно мифу, в ней вы-

купался царь Мидас (см.), превращавший все, к чему он ни прикоснется, в золото.

Паллада (греч. миф.) — Афина.

Пан (греч. миф.) — бог лесов и рощ, покровитель пастухов, охотников, по представлению древних греков — «веселый бог».

Пандора (греч. миф.) — женщина, сотворенная по воле Зевса в наказание людям за проступок Прометея; Пандора открыла из любопытства сосуд, где были заключены все пороки, несчастья и болезни, распространившиеся после этого среди людей.

Па́рки (греч. миф.) — богини человеческой судьбы, их представляли в виде старух, прядущих нить человеческой жизни.

Парфяне — жители Парфянского царства (III в. до н. э. — III в. н. э.), в состав которого входили Иран, Зап. Индия и др. страны Среднего и Ближнего Востока.

Патрокл (греч. миф.) — бесстрашный ратник, друг Ахилла (см.), участвовал вместе с ним в Троянской войне; пал от руки Гектора (см.), который потом был убит Ахиллом, мстившим за смерть Патрокла.

Па́фия — одно из культовых прозвищ Афродиты, происходящее от города Пафо́са (на о. Кипре), где находился посвященный Афродите храм.

Пегас (греч. миф.) — волшебный конь; Пегас — символ поэтического вдохновения.

Пелид — см. Ахилл.

Пелий (греч. миф.) — правитель Иолка в Фессалии (см.), сын Посейдона, отец Алкесты (см.).

Пелион — гора в восточной части Фессалии (см.); по преданию, титаны, воюя с Зевсом, чтобы взобраться на Олимп, взгромоздили Пелион на Оссу (см.), но гром заставил гору опуститься вниз.

Пелла — древний город в Македонии, родина Александра Великого (Македонского).

Пелопс (греч. миф.) — герой Пелопоннеса; его именем стала называться эта часть Греции, куда он переселился из Фригии (см.).

Пеней — река в Древней Греции, протекающая в Темпейской долине (см.).

Пенелопа (греч. миф.) — жена Одиссея (см.), идеал супружеской верности, женской чистоты.

Пергам — название древнего малоазиатского государства и города; здесь под Пергамом имеется в виду Троя.

Перзефона (Персефона) (греч. миф.) — владычица преисподней, богиня земного плодородия.

Пермесский ток (греч. миф.) — река в Древней Греции, берущая начало в горе Геликон — обиталище муз (пермесских дев); символ поэтического вдохновения.

Пе́рсть — прах.

Пе́чная — пекущаяся, заботливая.

Пиериды — одно из названий муз.

Пилад (греч. миф.) — верный друг Ореста (см.), сопровождал его в Микены (см.), куда тот направился, чтобы отомстить за убийство отца.

Пилосский царь — Нестор (см.).

Пинд — горный хребет в Греции, посвященный Аполлону и музам.

Пиритой (греч. миф.) — неразлучный друг и соратник Тезея (см.); Пиритой и Тезей пытались похитить из подземного царства Персефону (см.); были схвачены Аидом и освобождены Гераклом (по другому варианту мифа Пиритой был оставлен в подземном царстве).

Пирр — см. Неоптолем.

Пифия — жрица-прорицательница у древних греков в Дельфийском храме (см. Дельфы).

Пифон (греч. миф.) — чудовищный змей, порождение Геи — богини Земли; Аполлон в поисках места для священных прорицаний оракула пришел в долину, охранявшуюся Пифоном, убил змея и основал на этом месте Дельфийский оракул (см. Дельфы).

Плейона (греч. миф.) — одна из морских богинь-океанид, супруга Атланта (см.), мать плеяд (см.).

Плектр — палочка, при помощи которой древние греки играли на лире.

Плеяды (греч. миф.) — семь сестер, дочери Атланта (см.), превращенные богами в семизвездие.

Плис — бумажный бархат.

Плясеи — танцовщицы.

Повеждь — поведай, расскажи, объясни.

Пожертый — уничтоженный, пожранный.

Поликсена (греч. миф.) — дочь Приама (см.); нареченная в жены Ахиллу (см.), после взятия Трои (см.) была захвачена ахейцами, по требованию явившейся тени Ахилла Поликсена была принесена в жертву ее нареченному супругу.

Полит (греч. миф.) — троянский царевич, сын Приама (см.), славившийся быстротой бега, был убит Неоптолемом (см.) при взятии Трои.

Половинщица — дольщица в хозяйстве.

Половый — соломенного цвета; полова — мякина.

По́льный — полевой.

Пометь — пятнышко.

Поножье — часть лат, защищавшая голень и ступню.

Понт — северо-восточная область Малой Азии до берегов Черного моря; Эвксинский понт — древнее название Черного моря.

Поработ́ают — покорятся, будут повиноваться.

Посидон (Посейдон) (греч. миф.) — бог морей.

Пострет державу — распространит власть.

Препнет — остановит; препнуть — остановить в движении.

Преста́ние — прекращение, окончание; преста́ть — прекратить, перестать.

Преступок — поро́к, вина.

Прещенье — запрет, кара.

Приам (греч. миф.) — последний царь Трои, отец Гектора (см.).

Прилука — приманка.

Пропилеи — преддверие афинского Акрополя, укрепленной части города.

Пру́ги — саранча.

Пря — спор.

Пустошь — вздорная болтовня, пустяк, враки.

Ра́ло — соха.
Ра́мо, рамена — плечо, плечи.
Рахиль (библ.) — младшая дочь Лавана, одна из двух жен Иакова, мать Иосифа (см.) и Вениамина.
Рест — термин карточной игры, большая ставка.
Роди́мец — воспаление мозга с корчами.
Руда́ — кровь.
Рухлядь камчатая — шелковые ткани.

Салданья — город и район Паленсия (в Испании) к северу от Мадрида.
Самари́я — город и область в средней части древней Палестины.
Самсон (библ.) — древнееврейский национальный герой, наделенный огромной силой; когда на него набросился лев, он своими руками задушил и разорвал зверя; преданный врагам Далилой, Самсон, умирая, отомстил филистимлянам, обрушив на них своды храма.
Сан-Доминго — город в старой Кастилии.
Сарпедон — сын Зевса и Лаодамии, помогавший троянцам в Троянской войне (см.), убитый Патроклом (см.).
Сарпедона в бою победитель — Патрокл (см.).
Саул (библ.) — первый царь еврейского народа, помазанный на царство в 1080 до н. э., покончил с собой после неудачной битвы с филистимлянами при Гелвуе; в Ветхом завете Саул фигурирует как царь, отличавшийся многими пороками.
Свейский — шведский.
Се не бе — этого не было.
Секин — цехин, старинная венецианская золотая монета.
Селена (греч. миф.) — богиня Луны.
Семела (греч. миф.) — дочь фиванского царя Кадма, возлюбленная Зевса и мать Вакха; по коварному совету Геры попросила Зевса предстать перед ней во всем величии бога и была испепелена молниями.
Сидонский пурпур — драгоценная в древности краска ярко-красного цвета, добывавшаяся из некоторых пород морских раковин, один из главных предметов торговли финикиян; Сидон — главный город Финикии.
Сизиф — строитель и царь Коринфа; по Гомеру, порочный человек, который за грехи был наказан богами: он принужден был вечно вкатывать на гору огромный камень, который, едва достигая вершины, скатывался вниз; по другим версиям мифа, Сизиф — заступник людей, герой, родственный Прометею, за что его постигла жестокая кара в Аиде.
Силен (греч. миф.) — спутник Вакха и его наставник; силены иногда отождествлялись с сатирами.
Синай — гора, на которой, по библейскому сказанию, Моисей (см.) получил скрижали (см.) завета от бога Иеговы.
Сион — гора в юго-западной части Иерусалима, на ней находилась крепость; этим именем назывался и весь Иерусалим.
Сиринг (сиринга) — древнегреческая пастушеская свирель.
Сита́ (сыта) — медовый взвар, с которым ели кисель и кутью.
Си́це — так, таким образом.

Сказка — «ревизская сказка», перепись жителей.
Скандерон — египетский город Александрия.
Сканф (Скамандр) — река, которая протекала около Трои (см.).
Скирос — остров в Эгейском море; по преданию, богиня Фетида (см.) скрывала здесь своего сына Ахилла (см.) в женском платье, чтобы спасти его от предсказанной ему гибели в Троянской войне.
Скоп — что скоплено, собрано, сбережено.
Скрижаль — доска, плита с письменами; скрижали завета — заповеди, законы, врученные, по Библии, богом патриарху Моисею (см.).
Скудий (скудо) — итальянская серебряная монета.
Сланы пучины — соленые воды.
Смурый — темно-серый.
Советная — разумная, мудрая.
Срацины — название мусульман в средние века.
Стадий — единица измерения расстояний в древних системах мер, введенная сначала в Вавилоне; стадий — расстояние, проходимое человеком спокойным шагом за время восхода солнца; древнегреческая мера была равна 240 шагам или 600 футам.
Стадник — пастух.
Стамедные — из шерстяной ткани; иногда красного цвета.
Стикс (греч. миф.) — река, окружающая подземное царство, а также нимфа этой реки.
Стогны — площади, широкие улицы.
Сушило — чердак.
Сфинкс (греч. миф.) — чудовище с туловищем льва, головой и грудью женщины, обитавшее на скале и требовавшее от путников разрешения загадки; всех, кто не мог отгадать ее, Сфинкс пожирал; только Эдип правильно ответил на вопрос Сфинкса и этим вынудил его броситься со скалы в пропасть.

Таго — самая длинная из рек на Пиренейском полуострове, протекающая по территории Испании и Португалии.
Талия (греч. миф.) — муза комедии и лирической поэзии.
Тан — крупный землевладелец, представитель родовой знати сначала у британских кельтов, затем у англосаксов.
Тантал (греч. миф.) — царь Фригии; за оскорбление, которое он нанес богам, был осужден Зевсом на вечные муки в Тартаре (см.) от голода и жажды.
Та́ртар (греч. миф.) — темная бездна, место заключения низверженных Зевсом титанов (см.); Тартар отождествлялся с Аидом.
Тевкры — троянцы, название происходит от имени царя Трои Тевкра.
Тезей (Тесей) (греч. миф.) — прославленный герой, совершивший множество подвигов; Тезей помогал своему другу Пиритою (см.), влюбившемуся в Персефону (см.), в его попытке похитить ее из преисподней.
Темно-полово́й — темно-соломенного цвета, полова́ — мякина.
Темпейская долина — узкое ущелье в Фессалии (см.), образуемое живописными горами Олимпом и Оссой (см.), по которому протекала река Пеней.

Тефиза (Тефия) (греч. миф.) — сестра и супруга Океана (см.), мать богов, трех тысяч океанид и всех рек.

Тиара — высокая шапка, украшенная драгоценными камнями, в древней Фракии, Иудее и Персии ее носили высшие сановники и жрецы.

Тидей (греч. миф.) — царь Аргоса, отец Диомеда, герой сказания о походе на Фивы.

Тидид (греч. миф.) — Диомед, царь Аргоса, сын Тидея, участник Троянской войны, храбростью и силой уступавший только Ахиллу (см.).

Тидзона — название меча Сида Кампеадора; в буквальном значении — головня.

Тимпан — древний ударный инструмент, имевший вид котла, обтянутого кожей.

Тирезий (греч. миф.) — слепой прорицатель из города Фив; имя его тесно связано со сказанием об Эдипе, он открыл Эдипу тайну его происхождения; по одной из версий сказания, Тирезия ослепила Афина, когда он увидел ее купающейся.

Титаны (греч. миф.) — дети Урана (Неба) и Геи (Земли), шесть сыновей и шесть дочерей, вступившие в борьбу с Зевсом за обладание небом, были побеждены Зевсом при помощи сторуких циклопов и сброшены в Тартар.

Титий (греч. миф.) — гигант, имевший сто огнедышащих пастей, сын Геи (Земли), низверженный в преисподнюю, где два коршуна терзали его печень.

Толедо — область Испании, была завоевана маврами; главный город провинции Толедо.

Торо — главный город испанской провинции Замора.

То́ропно — поспешно.

Триптолем (греч. миф.) — царь Элевсия (город в Аттике), которому покровительствовала богиня плодородия Деметра; на данной ему богиней колеснице он объездил весь мир, распространяя земледелие, ему приписывалось изобретение плуга.

Троада — область на северо-западе Малой Азии, центром Троады была Троя (см.).

Троя — город в Малой Азии, известный по мифам о Троянской войне, описанной в «Илиаде» Гомера; он имел и другое название — Илион, в честь Ила, являвшегося, согласно легенде, сыном Троя — основателя города.

Тул — колчан.

Тьмутаракань — древнерусская область на востоке от Азовского моря; первым князем Тьмутаракани был Мстислав Владимирович, по прозванию Удалой.

Удолье — равнина, долина.

Ухáя — благоухая.

Ушесá — уши.

Фавн (римск. миф.) — бог лесов и полей, покровитель стад и пастухов.

Фаон — юноша, которого, по преданию, любила древнегреческая поэтесса Сафо.

Фемида (греч. миф.) — богиня правосудия, законного порядка и предсказаний.

Феникс — 1) старец, обучавший Ахилла (см.) красноречию и военному делу; во время ссоры Ахилла с Агамемноном (см.) уговаривал Ахилла не прекращать своего участия в войне против троянцев; 2) легендарная птица, которая, согласно древним египетским мифам, достигнув старости, сама сжигала себя и возрождалась из пепла молодой и сильной.

Ферезь — нарядный сарафан.

Фермодон (Фермодонт) — река в северо-восточной области Малой Азии, возле которой, согласно преданию, жили амазонки.

Феры — город в Фессалии, царем Фер был Адмет (см.).

Фессалия — северо-восточная часть Древней Греции, где находится гора Олимп.

Фетида (греч. миф.) — морская богиня, старшая из нереид, жена смертного Пелея, от которого имела сына Ахилла (см.).

Фиады (Гиады) (греч. миф.) — нимфы, кормилицы Вакха, которые так горевали о гибели на охоте брата Гиаса, что Зевс взял их на небо, превратив в звезды (семь звезд в созвездии Тельца); появление их совпадало в Греции с началом периода дождей.

Фив (греч. миф.) — одно из имен Аполлона.

Фива — Артемида.

Филомела (греч. миф.) — девушка, ставшая жертвой насилия со стороны Терея, Зевс превратил ее в соловья (вариант — в ласточку); в поэтическом языке Филомела — синоним соловья.

Филэллины — иностранцы, сражавшиеся за независимость Греции, сторонники ее освобождения от турецкого ига.

Франклин — свободный землевладелец недворянского происхождения.

Фригия — древняя область Малой Азии возле Дарданелл.

Фряжский — заморский; фряжская земля — древнерусское название Генуи.

Хариты (греч. миф.) — богини красоты, радости, олицетворяющие женские прелести.

Харон (греч. миф.) — перевозчик, который переправляет на челноке через реки подземного царства души умерших.

Хирон (греч. миф.) — мудрый наставник многих героев, в частности Ахилла (см.).

Хитон — у древних греков нижняя рубаха без рукавов.

Хламида — древнегреческое одеяние; мантия, плащ.

Хрон — см. Крон.

Хронид (Кронид) — Зевс, сын Крона (см.).

Цевница — свирель, дудка.

Часть — участь, доля, предназначение.

Ширасское вино — производившееся в Ширазе, торговом городе в Персии, славившемся превосходной выделкой вин.

Шу́йца — левая рука.

Щегла — мачта.

Эак, Еак (греч. миф.) — легендарный основатель рода эакидов, отец Теламона и Пелея, от брака которого с Фетидой (см.) родился Ахилл (см.).

Эгида (греч. миф.) — щит Зевса; эгида являлась символом гнева и покровительства верховного бога, ее могли также носить Афина и в некоторых случаях Аполлон; в переносном смысле — покровительство, защита, охрана.

Эгиох (греч. миф.) — одно из имен Зевса как носителя Эгиды (см.).

Эней — главный герой поэмы Вергилия «Энеида».

Эпир (Епир) — западная область северной Греции; все мелкие государства Эпира были соединены в одно государство царем Пирром (см.).

Эпод — заключительная часть гимна, которую древнегреческий хор пел посреди театра, перед жертвенником; впоследствии название эпода получили небольшие лирические стихотворения, написанные дистихом из ямбического триметра и ямбического диметра.

Эринны (Эриннии) (греч. миф.) — богини мщения, живущие в Аиде, хранительницы кровных уз материнского рода.

Эрмий — Гермес.

Ю́ницы — телки.

Ям — ямщицкий стан, станция.

Ясня — прогалина, долина.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* П. А. Катенин. Реставрированный портрет неизвестного художника. Масло. Всесоюзный музей им. А. С. Пушкина.

2. Между стр. *192* и *193*. П. А. Катенин. Фото с реставрированного впоследствии портрета неизвестного художника (см. фронтиспис). Институт русской литературы АН СССР.

3. *Стр. 243.* Страница автографа стихотворения «Сафо». ГПБ.

4. *Стр. 365.* Титульный лист отдельного издания трагедии «Андромаха».

5. *Стр. 457.* Титульный лист отдельного издания комедии «Сплетни».

6. *Стр. 649.* Страница автографа катенинского перевода «Гофолии» Ж. Расина (действие 3, явление 7). ГПБ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Ад. *Из Данте* (1—3) 191
«Ах! жила-была Наташа...» (Наташа) 79
Ахилл и Омир («В море пространном, Евксине, остров пустынный...») 164

«Блажен меж смертными, кто любит друга; вдвое...» (Идиллия. *Из Биона*) 70

«В дни древности на бреге Нила...» (Строфа. *Из Помпиньяна*) 205
«В крепком городе Заморе...» (Романсы о Сиде, 18) 153
«В любви обманутый, с печали...» (Мадригал. *Из Ферранда*) 205
«В море пространном, Евксине, остров пустынный...» (Ахилл и Омир) 164
«В новом селе, что на Унже, у старосты Пимена в доме...» (Дура) 235
«В полночь тихую, когда...» (Романсы о Сиде, 14) 146
«В селе Зажитном двор широкий...» (Убийца) 82
«В стольном Киеве великом...» (Певец. *Из Гете*) 77
«Ветр нам противен, и якорь тяжелый...» (Грусть на корабле) 76
«Вечерняя звезда, подруга тихой нощи!..» (Песни в Сельме. *Из Оссиана*) 61
«Взял от Родрига с Хименой...» (Романсы о Сиде, 15) 147
«Владимир-князь, объят лжеверья тьмою...» (Рондо. *Из французской старины*) 206
«Во цветущий месяц Пасхи...» (Романсы о Сиде, 12) 142
«Вождь Амру́, десница халифа Омара...» (Гнездо голубки) 231
«Войдите мной в страданье неизбежно...» Ад. *Из Данте.* Песнь третья 200
«Вот старая, мой милый, быль...» (Пушкину А. С.) 183
«Вы здесь играли так прекрасно...» 251

Гений и Поэт («Как! твой Гений пред тобою...») 207
Гнездо голубки («Вождь Амру́, десница халифа Омара...») 231

«Графа Гормаса дон Родриг...» (Романсы о Сиде, 3) 132
«Громада тяжкая высоких гор, покрытых...» (Кавказские горы) 228
Грусть на корабле («Ветр нам противен, и якорь тяжелый...») 76

«День исчезал, и мрак вечерний стлался...» Ад. *Из Данте.* Песнь вторая 195
«Дон Диег сидел печальный...» (Романсы о Сиде, 1) 129
«Дон Фернандо на престоле...» (Романсы о Сиде, 9) 138
«Древо весною цвело, и буря его преломила...» (Надгробие) 207
Дура («В новом селе, что на Унже, у старосты Пимена в доме...») 235

«Если б смерть не противна была, кто б жизни не сбросил...» (Эпиграммы свои, 1) 251

«Жил-был недавно в *Поднéбесьи,* сиречь по-русски: в Китае...» (Эпиграммы свои, 2) 251

«Златые времена...» (Мир поэта) 113

Идиллия. *Из Биона* («Блажен меж смертными, кто любит друга; вдвое...») 70
Идиллия («Между Оссы-горы и горы высочайшей — Олимпа...») 216
«Италия! Италия! Зачем...» (Сонет. *Из Филикайя*) 128

Кавказские горы («Громада тяжкая высоких гор, покрытых...») 228
«Как замолк король Фернандо...» (Романсы о Сиде, 13) 144
«Как! твой Гений пред тобою...» (Гений и Поэт) 207
«Какой-то англичанин жил...» (Предложение) 228
«Конский топот, говор шумный...» (Романсы о Сиде, 5) 134
«Короля молчать заставить...» (Романсы о Сиде, 22) 160
«Красавица, как роза молодая...» (Октавы из «Бешеного Роланда» *Из Ариосто)* 128
«Красное солнце зá лесом село...» (Леший) 86
«Кто принял в грудь свою язвительные стрелы...» (Сонет) 234

«Лезвийскую деву еще в пеленах...» (Сафо) 236
Леший («Красное солнце зá лесом село...») 86
Любовь («О чем, о чем в тени ветвей...») 175

Мадригал *Из Ферранда* («В любви обманутый, с печали...») 205
«Матерь земля и матерь утроба! благие мне обе...» (Эпиграммы из Антологии, 1) 250
«Между Оссы-горы и горы высочайшей — Олимпа...» (Идиллия) 216
«Милый мой собеседник, кувшин долгошейный, простая...» (Эпиграммы из Антологии, 2) 250
Мир поэта («Златые времена...») 113
Мстислав Мстиславич («Не белые лебеди...») 107

«На Кастилию напали...» (Романсы о Сиде, 8) 137
Надгробие («Древо весною цвело, и буря его преломила...») 207
Наташа («Ах! жила-была Наташа...») 79
«Наш барельефами прославленный писатель...» (Эпиграмма) 204

«Наш славный Владимир, наш солнышко-князь...» (Старая быль) 175
«Не белые лебеди...» (Мстислав Мстиславич) 107
«Не бывало громче славы...» (Романсы о Сиде, 10) 139
Ночь. *Из Гесснера* («Ночь тихая! меня приятно ты застала...») 70

«О чем, о чем в тени ветвей...» (Любовь) 175
Октавы из «Бешеного Роланда». *Из Ариосто* («Красавица, как роза молодая...») 128
Октавы из «Освобожденного Иерусалима». *Из Тассо* («Святую брань и подвиг воеводы...») 162
Ольга. *Из Бюргера* («Ольгу сон встревожил слезный...») 91
«От венца из церкви божьей...» (Романсы о Сиде, 16) 149
«Отечество наше страдает...» 101
«Охота спорить белый свет...» (Эпиграмма) 227

«Папа Виктор на престоле...» (Романсы о Сиде, 17) 151
Певец. *Из Гете* («В стольном Киеве великом...») 77
«Певец, возлюбленный богами...» (Софокл) 101
Певец Услад («Певец Услад любил Всемилу...») 98
Песни в Сельме. *Из Оссиана* («Вечерняя звезда, подруга тихой нощи...») 61
Песня. *Из французской старины* («Хоть мне белый царь сули...») 227
«Под добрый час наш богатырь Добрыня...» (Рондо. *Из французской старины)* 205
«Подъял уста сей грешник исступленный...» (Уголин. *Из Данте*) 99
Предложение («Какой-то англичанин жил...») 228
«Путник! сядь под сосну для отдыха, слушай, как ветер...» (Эпиграммы из Антологии, 3) 250
«Путь жизненный пройдя до половины...» Ад. *Из Данте.* Песнь первая 191
Пушкину А. С. («Вот старая, мой милый, быль...») 183

«Рвется в горести Химена...» (Романсы о Сиде, 6) 135
«Родриг, благородный рыцарь!..» (Романсы о Сиде, 11) 140
«Родриг шел и думал думу...» (Романсы о Сиде, 2) 131
Романсы о Сиде. *Из Гердера* (1—22) 129
Рондо. *Из французской старины* («Владимир-князь, объят лжеверья тьмою...») 206
Рондо. *Из французской старины* («Под добрый час наш богатырь Добрыня...») 205

«С нетерпеньем ждет Химена...» (Романсы о Сиде, 19) 154
Сафо («Лезвийскую деву еще в пеленах...») 236
«Святую брань и подвиг воеводы...» (Октавы из «Освобожденного Иерусалима». *Из Тассо*) 162
«Слезы тихие катились...» (Романсы о Сиде, 4) 133
Смерть Приама. *Подражание Вергилию* («Уже стесненные ахейскими полками...») 72
Сонет. *Из Филикайя* («Италия! Италия! Зачем...») 128
Сонет («Кто принял в грудь свою язвительные стрелы...») 234

Софокл («Певец, возлюбленный богами...») 101
Старая быль («Наш славный Владимир, наш солнышко-князь...») 175
Строфа. *Из Помпиньяна* («В дни древности на бреге Нила...») 205
«Счастье, слава, власть, богатство...» (Романсы о Сиде, 21) 158

Тень Шекспира. *Из Шиллера* («Там явилася мне и великая сила Иракла...») 226
«Титир! ты, на траве лежа́ под темным буком...» (Эклога. *Из Вергилия)* 73
Топор («Хозяин по́звал батрака...») 230

«У стола сидел Фернандо...» (Романсы о Сиде, 7) 136
Убийца («В селе Зажитном двор широкий...») 82
Уголин. *Из Данте* («Подъял уста сей грешник исступленный...») 99
«Уже стесненные ахейскими полками...» (Смерть Приама. *Подражание Вергилию*) 72
«Утром рано в час десятый...» (Романсы о Сиде, 20) 156

«Фантазия, златое сновиденье...» 236
«Фив и музы! нет вам жестокостью равных...» (Элегия) 185

«Хозяин по́звал батрака...» (Топор) 230
«Хоть мне белый царь сули...» (Песня. *Из французской старины)* 227

Эклога. *Из Вергилия* («Титир! ты, на траве лежа́ под темным буком...») 73
Элегия («Фив и музы! нет вам жестокостью равных...») 185
Эпиграмма («Наш барельефами прославленный писатель...») 204
Эпиграмма («Охота спорить белый свет...») 227
Эпиграммы из Антологии (1—3) 250
Эпиграммы свои (1—2) 251

СОДЕРЖАНИЕ[1]

П. А. Катенин. *Вступительная статья Г. В. Ермаковой-Битнер* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Песни в Сельме. *Из Оссиана* 61 *662*
Идиллия. *Из Биона* («Блажен меж смертными, кто любит друга; вдвое...») 70 *664*
Ночь. *Из Гесснера* 70 *664*
Смерть Приама. *Подражание Вергилию* 72 *665*
Эклога. *Из Вергилия* 73 *665*
Грусть на корабле 76 *665*
Певец. *Из Гете* 77 *665*
Наташа 79 *666*
Убийца 82 *666*
Леший 86 *667*
Ольга. *Из Бюргера* 91 *667*
Певец Услад 98 *669*
Уголин. *Из Данте* 99 *669*
«Отечество наше страдает...» 101 *670*
Софокл 101 *671*
Мстислав Мстиславич 107 *672*
Мир поэта 113 *673*
Сонет. *Из Филикайя* («Италия! Италия! Зачем...») . . 128 *676*
Октавы из «Бешеного Роланда». *Из Ариосто* . . . 128 *677*
Романсы о Сиде. *Из Гердера* 129 *678*
1. «Дон Диег сидел печальный...» 129 *679*
2. «Родриг шел и думал думу...» 131 *680*
3. «Графа Гормаса дон Родриг...» 132
4. «Слезы тихие катились...» 133
5. «Конский топот, говор шумный...» 134 *680*
6. «Рвется в горести Химена...» 135 *680*
7. «У стола сидел Фернандо...» 136 *680*
8. «На Кастилию напали...» 137 *681*

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

9. «Дон Фернандо на престоле...» 138
10. «Не бывало громче славы...» 139
11. «Родриг, благородный рыцарь!..» 140 *681*
12. «Во цветущий месяц Пасхи...» 142 *681*
13. «Как замолк король Фернандо...» 144
14. «В полночь тихую, когда...» 146
15. «Взял от Родрига с Хименой...» 147 *681*
16. «От венца из церкви божьей...» 149 *681*
17. «Папа Виктор на престоле...» 151 *681*
18. «В крепком городе Заморе...» 153 *681*
19. «С нетерпеньем ждет Химена...» 154
20. «Утром рано в час десятый...» 156 *681*
21. «Счастье, слава, власть, богатство...» 158 *681*
22. «Короля молчать заставить...» 160
Октавы из «Освобожденного Иерусалима». *Из Тассо* . . . 162 *682*
Ахилл и Омир 164 *683*
Любовь 175 *684*
Старая быль 175 *684*
А. С. Пушкину 183 *686*
Элегия 185 *686*
А д. *Из Данте*
Песнь первая 191 *688*
Песнь вторая 195 *690*
Песнь третья 200 *691*
Эпиграмма («Наш барельефами прославленный писатель...») 204 *692*
Строфа. *Из Помпиньяна* 205 *692*
Мадригал. *Из Ферранда* 205 *692*
Рондо. *Из французской старины* («Под добрый час наш богатырь Добрыня...») 205 *692*
Рондо. *Из французской старины* («Владимир-князь, объят лжеверья тьмою...») 206 *693*
Надгробие 207 *693*
Гений и Поэт 207 *693*
Идиллия («Между Оссы-горы и горы высочайшей — Олимпа...») 216 *694*
Тень Шекспира. *Из Шиллера* 226 *694*
Песня. *Из французской старины* 227 *695*
Эпиграмма («Охота спорить белый свет...») 227 *695*
Кавказские горы. *Сонет* 228 *695*
Предложение 228 *696*
Топор 230 *696*
Гнездо голубки 231 *696*
Сонет («Кто принял в грудь свою язвительные стрелы...») 234 *697*
Дура. *Идиллия* 235 *697*
«Фантазия, златое сновиденье...» 236 *697*
Сафо. *Кантата* 236 *698*
Эпиграммы из Антологии 250 *698*
1. «Матерь земля и матерь утроба! благие мне обе...» 250 *698*
2. «Милый мой собеседник, кувшин долгошейный, простая...» 250 *698*
3. «Путник! сядь под сосну для отдыха, слушай, как ветер...» 250

Эпиграммы свои 251 *699*
1. «Если б смерть не противна была, кто б жизни не сбросил...» 251
2. «Жил-был недавно в *Поднéбесьи,* сиречь по-русски: в Китае...» 251 *699*
«Вы здесь играли так прекрасно...» 251 *699*

ПОЭМЫ

Княжна Милуша. *Сказка* 255 *699*
Князю Павлу Борисовичу Голицыну 255 *700*
Читателю. *Вместо предисловия* 256 *700*
Песнь первая 256 *701*
Песнь вторая 277 *701*
Песнь третья 297 *702*
Песнь четвертая 318 *702*
Инвалид Горев. *Быль* 339 *702*

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

I

Андромаха. *Трагедия в пяти действиях в стихах* 361 *703*
Пир Иоанна Безземельного 423 *706*
Сплетни. *Комедия в трех действиях в стихах* 454 *708*
Сид. *Трагедия П. Корнеля* 533 *708*

II

<Из трагедии Тома Корнеля «Ариадна»>. *Действие третье* 585 *709*
Хор из «Прозерпины». *Из Кино* 595 *711*
<Из трагедии Ж. Расина «Эсфирь»>.*Действие третье* . . . 596 *711*
<Из трагедии П. Корнеля «Горации»>. *Действие четвертое* 614 *712*
Рассказ Цинны <Из трагедии П. Корнеля «Цинна»> . . . 623 *713*
<Из трагедии И.-Б. Лонжпьерра «Медея»>. *Действие четвертое* 626 *714*
«Вражда и любовь». *Отрывок из комедии* 634 *715*
Рассказ Ферамена <*Из трагедии Ж. Расина «Федра»*> . . 645 *715*
<Из трагедии Ж. Расина «Гофолия»> 647 *716*
1. Первое явление 647 *716*
2. Сон Гофолии 653 *717*
3. Хор четвертого действия 655 *717*

Примечания 657

Словарь 718
К иллюстрациям 735
Алфавитный указатель стихотворений 736

Катенин Павел Александрович

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1965 г., 744 стр.
Тем. план вып. 1965 г. № 38

Редактор *В. С. Киселев*
Художник *И. С. Серов.* Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм.* Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 11/XI 1964 г. Подписано в печать 26/III 1965 г. Бумага 84×108 1/32. Печ. л. 23 1/4 + 2 вкл. (39,28). Уч.-изд. л. 36,67. Тираж 20 000 экз. Зак. № 2076. Цена 1 р. 27 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Красная ул., 1/3